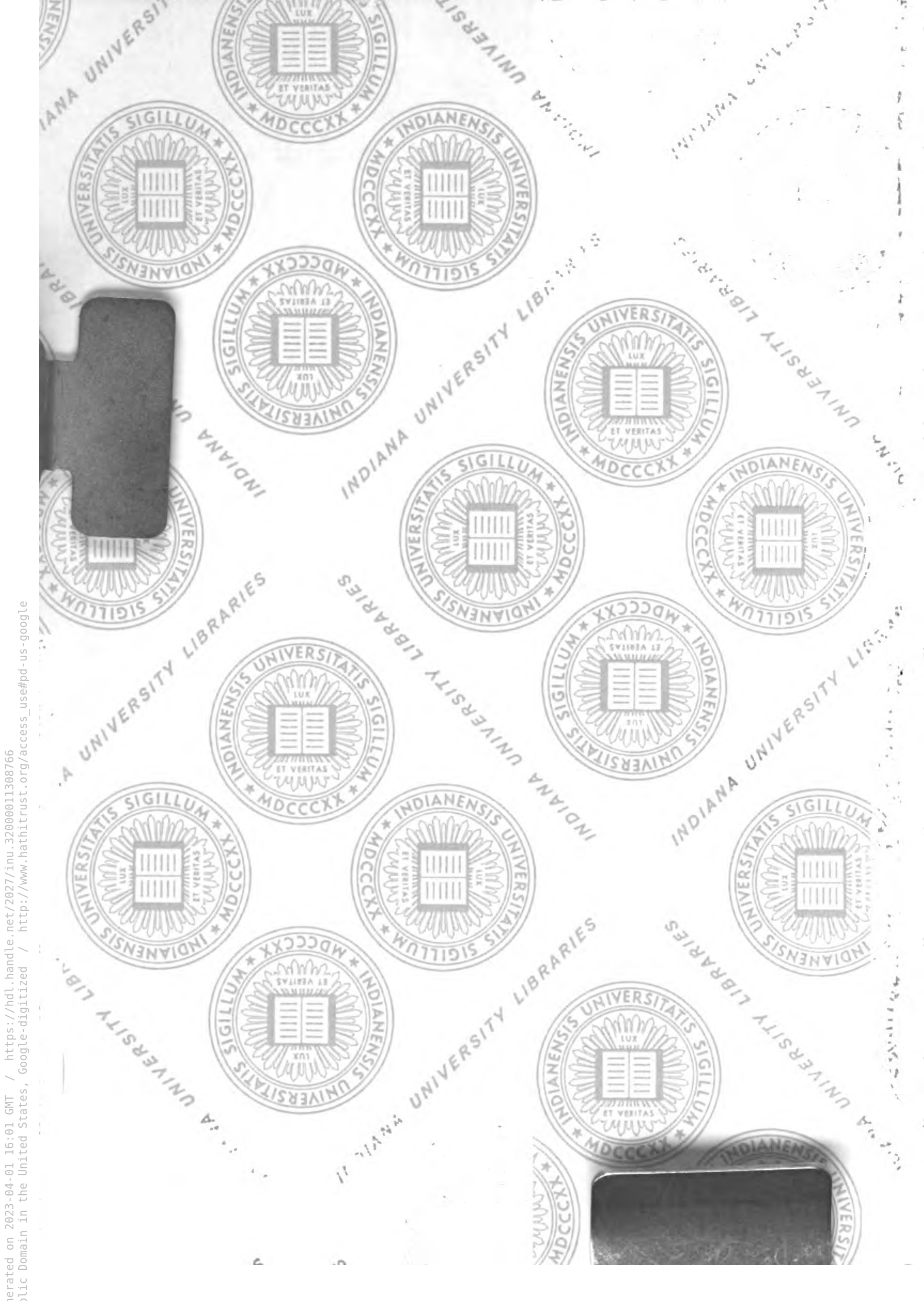

INDIANA UNIVERSITY LIBRARIES
INDIANENSIS UNIVERSITATIS SIGILLUM
LUX ET VERITAS
MDCCCXX

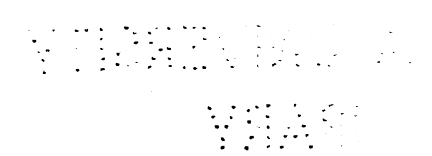
Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ XIII.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

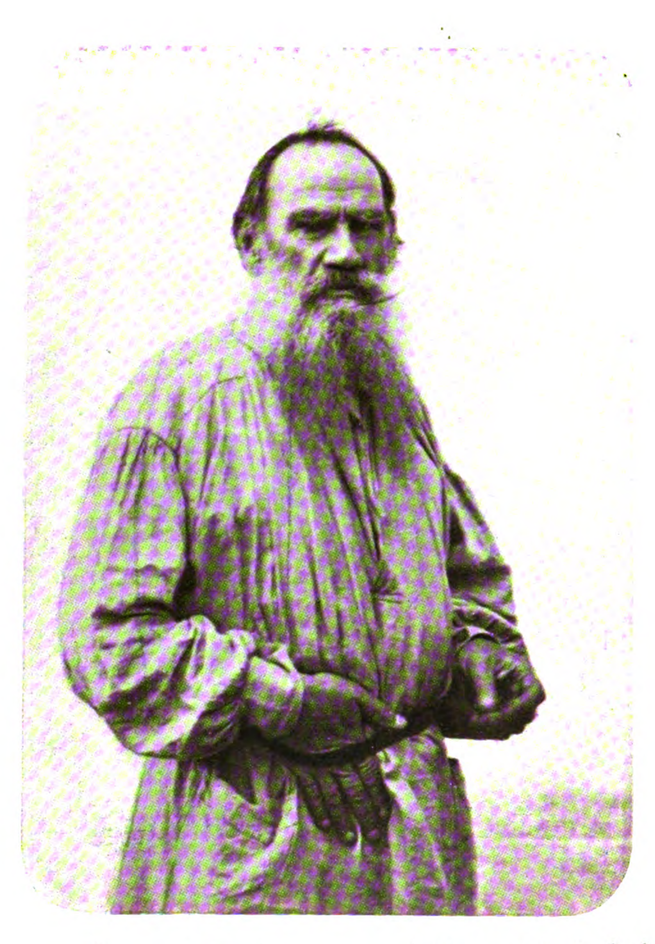
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Изображенie Л. Н. Толстого на переплетѣ скопировано съ медальона работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
Москва. — 1913 г

Левъ Николаевичъ Толстой.
Конецъ 80-хъ годовъ.

СТАТЬИ

80-хъ и 90-хъ годовъ.

О ПЕРЕПИСИ ВЪ МОСКВѢ.

Цѣль переписи научная. Перепись есть соціологическое изслѣдованіе. Цѣль же науки соціологіи — счастіе людей. Наука эта и ея пріемы рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ наукъ.

Особенность въ томъ, что соціологическія изслѣдованія не производятся учеными по своимъ кабинетамъ, обсерваторіямъ и лабораторіямъ, а двумя тысячами людей изъ общества. Другая особенность та, что изслѣдованія другихъ наукъ производятся не надъ живыми людьми, а здѣсь надъ живыми людьми. Третья особенность та, что цѣль всякой другой науки есть только знаніе, а здѣсь благо людей. Туманныя пятна можно изслѣдовать одному, а для изслѣдованія Москвы нужно 2.000 людей. Цѣль изслѣдованія туманныхъ пятенъ только та, чтобы узнать все про туманныя пятна; цѣль изслѣдованія жителей та, чтобы вывести законы соціологіи и на основаніи этихъ законовъ учредить лучше жизнь людей. Туманнымъ пятнамъ все равно, изслѣдуютъ ихъ или нѣтъ, и они ждали и еще долго готовы ждать, но жителямъ Москвы не все равно, особенно тѣмъ несчастнымъ, которые составляютъ самый интересный предметъ науки соціологіи.

Счетчикъ приходитъ въ ночлежный домъ, въ подвалѣ, находитъ умирающаго отъ безкормицы человѣка и учтиво спрашиваетъ: званіе, имя, отчество, родъ занятія; и послѣ небольшого колебанія о томъ. внести ли его въ списокъ какъ живого, записываетъ и проходитъ дальше.

И такъ будутъ ходить 2.000 молодыхъ людей. Это нехорошо.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, и обществу, призванному въ лицѣ 2.000 молодыхъ людей содѣйствовать наукѣ, надо дѣлать свое. Статистикъ, дѣлающій выводъ изъ цифръ, можетъ быть равнодушенъ къ людямъ, но мы, счетчики, видящіе этихъ людей и не имѣющіе никакихъ научныхъ увлеченій, не можемъ относиться къ нимъ не по-человѣчески. Наука дѣлаетъ свое дѣло, и для своихъ цѣлей въ далекомъ будущемъ дѣлаетъ дѣло полезное и нужное для насъ. Для людей науки возможно спокойно сказать,

что въ 1882 году столько-то нищихъ, столько-то проститутокъ, столько-то дѣтей безъ призору. Она можетъ это сказать спокойно и съ гордостью; потому что знаетъ, что утвержденіе этого факта ведетъ къ тому, что уясняются законы соціологіи, а уясненіе законовъ ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше. Но что же, если мы, люди не науки, скажемъ: вы погибаете въ развратѣ, вы умираете съ голоду, вы чахнете и убиваете другъ друга; такъ вы этимъ не огорчайтесь; когда вы всѣ погибнете и еще сотни тысячъ такихъ же, какъ вы, тогда, можетъ быть, наука устроитъ все прекрасно. Для людей науки перепись имѣетъ свой интересъ; для насъ она имѣетъ свое, совсѣмъ другое значеніе. Для общества интересъ и значеніе переписи въ томъ, что она даетъ ему зеркало, въ которое хочешь—не хочешь посмотрится все общество и каждый изъ насъ.

Цифры и выводы будутъ зеркало. Можно не читать ихъ, какъ можно отвернуться отъ зеркала. Можно мелькомъ взглянуть въ цифры и въ зеркало, можно поглядѣться и близко. Походить по переписи, какъ дѣлаютъ теперь тысячи людей, — это близко поглядѣться въ зеркало.

Что такое для насъ, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это двѣ вещи: во-первыхъ, то, что мы навѣрно узнаемъ, что среди насъ, среди десятковъ тысячъ людей, проживающихъ десятки тысячъ, живутъ десятки тысячъ людей безъ хлѣба, одежды и пріюта; во-вторыхъ, то, что наши братья, сыновья будутъ ходить смотрѣть это и спокойно заносить по графамъ, сколько умирающихъ съ голода и холода.

И то и другое очень дурно.

Всѣ кричатъ о шаткости нашего общественнаго строя, объ исключительномъ положеніи, о революціонномъ настроеніи. Гдѣ корень всего? На что указываютъ революціонеры? На нищету, неравномѣрность распредѣленія богатствъ. На что указываютъ консерваторы? На упадокъ нравственныхъ основъ. Если справедливо мнѣніе революціонеровъ, что́ же надо сдѣлать? Уменьшить нищету и неравномѣрность богатствъ. Какъ это сдѣлать? Богатымъ подѣлиться съ бѣдными. Если справедливо мнѣніе консерваторовъ, что все зло отъ упадка нравственныхъ основъ, то что можетъ быть безнравственнѣе и развратительнѣе, какъ сознательно-равнодушное созерцаніе людскихъ несчастій съ одною цѣлью — записывать ихъ? Что жъ надо сдѣлать? Надо къ переписи присоединить дѣло любовнаго общенія богатыхъ досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными.

Наука дѣлаетъ свое дѣло, давайте и мы сдѣлаемъ свое. Сдѣлаемъ вотъ что. Во-первыхъ, мы всѣ, занятые переписью, руко-

водители, счетчики, уяснимъ себѣ хорошенько то, что мы дѣлаемъ, уяснимъ себѣ хорошенько то, надъ чѣмъ и для чего мы дѣлаемъ изслѣдованія. Надъ людьми, и для того, чтобы люди были счастливы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на жизнь, всякій согласенъ, что важнѣе ничего нѣтъ человѣческой жизни, и дѣла нѣтъ болѣе важнаго, какъ устранить препятствія для развитія этой жизни, помочь ей.

Въ Евангеліи съ поразительной грубостью, но зато съ опредѣленностью и ясностью для всѣхъ выражена та мысль, что отношеніе людей къ нищетѣ, страданіямъ людскимъ есть корень, основа всего.

Кто одѣлъ голаго, накормилъ голоднаго, посѣтилъ заключеннаго, тотъ Меня одѣлъ, Меня накормилъ, Меня посѣтилъ, т.-е. сдѣлалъ дѣло для того, что важнѣе всего въ мірѣ.

Какъ ни смотри человѣкъ на вещи, всякій знаетъ, что это важнѣе всего въ мірѣ.

И это надо не забывать и не позволять никакимъ другимъ соображеніямъ заслонять отъ насъ важнѣйшее дѣло нашей жизни. Будемъ записывать, считать, но не будемъ забывать, что если намъ встрѣтится человѣкъ раздѣтый и голодный, то помочь ему важнѣе всѣхъ возможныхъ изслѣдованій, открытій всѣхъ возможныхъ наукъ. Что, если бы былъ вопросъ въ томъ, заняться ли старухой, которая второй день не ѣла, или погубить всю работу переписи? Пропадай вся перепись, только бы накормить старуху. Длиннѣе, труднѣе будетъ перепись, но въ бѣдныхъ кварталахъ мы не можемъ проходить людей, только переписывая ихъ, не заботясь о нихъ и не пытаясь по мѣрѣ силъ и нравственной чуткости нашей помочь имъ. Это—во - первыхъ. Во-вторыхъ, вотъ что надо сдѣлать: мы всѣ, не принимающіе участія въ переписи, давайте не сердиться на то, что насъ тревожатъ; поймемте, что эта перепись очень полезна для насъ; что если это не лѣченіе, то это по крайней мѣрѣ попытка изслѣдованія болѣзни, за которую намъ надо быть благодарными и по случаю которой намъ надо хоть немножко постараться оздоровить себя. Давайте мы всѣ, переписываемые, постараемся воспользоваться тѣмъ единственнымъ случаемъ въ 10 лѣтъ немножко пообчиститься, давайте не противодѣйствовать, а помогать переписи, и помогать ей именно въ томъ смыслѣ, чтобы она не имѣла одинъ жестокій характеръ обслѣдованія безнадежнаго больного, а имѣла характеръ лѣченія и выздоровленія. Вѣдь случай единственный: 80 человѣкъ энергичныхъ, образованныхъ людей, имѣя подъ рукой 2.000 человѣкъ такихъ же молодыхъ людей, обходятъ всю Москву и не оставятъ ни одного

человѣка въ Москвѣ, не войдя съ нимъ въ личныя сношенія. Всѣ язвы общества, язвы нищеты, разврата, невѣжества — всѣ будутъ обнажены. Что жъ, неужели успокоиться на этомъ? Счетчики пройдутъ по Москвѣ, безразлично занесутъ въ списки съ жиру бѣсящихся, довольныхъ и спокойныхъ, погибающихъ и погибшихъ, и завѣса закроется. Счетчики — наши братья, сыновья-юноши — увидятъ все это. Скажутъ: «да, очень безобразна наша жизнь и неизлѣчима», и съ этимъ сознаніемъ будутъ вмѣстѣ съ нами продолжать жить, ожидая исправленія зла отъ той или другой внѣшней силы. А погибшіе будутъ продолжать умирать въ погибели, а погибающіе будутъ продолжать погибать. Нѣтъ, давайте лучше поймемъ, что у науки свое дѣло, а у насъ, по случаю переписи, свое дѣло, и не дадимъ закрыться поднятой завѣсѣ, а воспользуемся случаемъ, чтобы устранить величайшее зло разобщенія между нами и нищими и установить общеніе и дѣло исправленія зла, несчастій, нищеты и невѣжества и еще большаго нашего несчастія — равнодушія и безцѣльности нашей жизни.

Я слышу уже привычное замѣчаніе: «все это очень хорошо, все это громкія фразы; но вы скажите, что и какъ дѣлать?» Прежде чѣмъ сказать, чтò дѣлать, необходимо еще сказать, чего не дѣлать. Прежде всего для того, чтобы изъ этой дѣятельности общества вышло дѣло, необходимо, по-моему, чтобы не составлялось никакого общества, чтобы не было никакой гласности, не было собиранія денегъ балами, базарами и театрами, чтобы не было публикацій: князь А. пожертвовалъ 1.000 р., а почетный гражданинъ Б.—3.000; не было бы никакого собранія, никакой отчетности и никакого писанія, главное — никакого писанія, чтобы не было и тѣни какого-нибудь учрежденія, ни правительственнаго, ни филантропическаго.

Дѣлать же, по-моему, теперь сейчасъ вотъ что. Первое: всѣмъ тѣмъ, которые согласны со мной, пойти къ руководителямъ, спросить у нихъ въ участкѣ бѣднѣйшіе кварталы, бѣднѣйшія помѣщенія и вмѣстѣ съ счетчиками 23, 24 и 25 числа ходить по этимъ кварталамъ, входя въ сношенія съ живущими въ нихъ, и удержать эти сношенія съ людьми, нуждающимися въ помощи, и работать для нихъ.

Второе: руководителямъ и счетчикамъ обращать вниманіе на жителей, требующихъ помощи, и работать для нихъ самимъ, и указывать ихъ тѣмъ, которые захотятъ работать на нихъ. Но у меня спросятъ: что значитъ работать на людей. Отвѣчу: дѣлать добро людямъ. Не давать деньги, но дѣлать добро людямъ. Подъ словомъ дѣлать добро понимается обыкновенно —

давать деньги. Но по моему понятію дѣлать добро и давать деньги есть не только не одно и то же, но двѣ вещи совсѣмъ разныя и большею частью противоположныя. Деньги сами по себѣ—зло. И потому, кто даетъ деньги, тотъ даетъ зло. Заблужденіе это, что давать деньги значитъ дѣлать добро, произошло оттого, что, большею частью, когда человѣкъ дѣлаетъ добро, то онъ освобождается отъ зла и въ томъ числѣ и отъ денегъ. И потому давать деньги есть только признакъ того, что человѣкъ начинаетъ избавляться отъ зла. Дѣлать добро — значитъ дѣлать то, что хорошо для человѣка. А чтобы узнать, что хорошо для человѣка, надо стать съ нимъ въ человѣческія, т.-е. дружескія отношенія. И потому, чтобы дѣлать добро — не деньги нужны, а нужна прежде всего способность хоть на время отречься отъ условности нашей жизни, нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клоповъ и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы; нужно быть въ состояніи сѣсть на койку къ оборванцу и разговориться съ нимъ по душѣ такъ, чтобы онъ чувствовалъ, что говорящій съ нимъ уважаетъ и любитъ его, а не ломается, любуясь на самого себя. А чтобы это было, нужно, чтобы человѣкъ находилъ смыслъ жизни внѣ себя. Вотъ что нужно, чтобы было добро, и вотъ что трудно найти.

Когда мнѣ пришла мысль о помощи при переписи, я поговорилъ кое съ кѣмъ изъ богатыхъ объ этомъ, и я видѣлъ, какъ рады были богатые случаю такъ прилично избавиться отъ своихъ денегъ, этихъ чужихъ грѣховъ, которые они берегутъ у себя на сердцѣ. Возьмите пожалуйста, говорили мнѣ, 300 рублей, 500 р., но я самъ или сама не могу идти въ эти трущобы. Не въ деньгахъ недостатокъ. Вспомните евангельскаго Закхея, начальника мытарей. Вспомните, какъ онъ отъ того, что былъ малъ ростомъ, взлѣзъ на дерево смотрѣть Христа, и когда Христосъ объявилъ, что идетъ къ нему, какъ онъ, понявъ только одно, что учитель не хвалитъ богатство, кубаремъ соскочилъ съ дерева, побѣжалъ домой и устроилъ угощеніе. И какъ только вошелъ Христосъ, такъ первымъ дѣломъ Закхей объявилъ, что половину имѣнія дастъ нищимъ, а кого обидѣлъ, тому вчетверо отдастъ. И вспомните, какъ мы всѣ, читая Евангеліе, низко цѣнимъ этого Закхея, невольно съ презрѣніемъ смотримъ на эту половину имѣнія и четвертное вознагражденіе. И чувство наше право. Закхей, по разсужденію казалось бы, сдѣлалъ огромное дѣло. Но чувство наше право. Онъ еще не начиналъ дѣлать добро. Онъ только началъ немного очищаться отъ зла. Такъ и сказалъ ему Христосъ. Онъ сказалъ ему только: нынѣ пришло спасеніе дому сему.

Что, если бы московскіе Закхеи сдѣлали бы то же, что онъ? Вѣдь собрался бы не одинъ милліардъ. Ну, и что же бы было? Ничего. Еще бы больше грѣха, если бы вздумали раздавать эти деньги бѣднымъ. Денегъ не нужно. Нужна дѣятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотѣли бы дѣлать добро, отдавая не чужіе грѣхи — деньги, а свой трудъ, себя, свою жизнь. Гдѣ же эти люди? А вотъ они, по Москвѣ ходятъ. Это— самые счетчики-студенты. Я видѣлъ, какъ они записываютъ свои карточки. Онъ пишетъ въ ночлежномъ домѣ на нарахъ у больного. «Чѣмъ боленъ?»—«Воспой». И студентъ не морщится и пишетъ. И это онъ дѣлаетъ для какой-то сомнительной науки. Что же бы онъ сдѣлалъ, если бы онъ дѣлалъ это для несомнѣннаго своего личнаго добра и добра всѣхъ людей?

Какъ дѣтямъ въ веселомъ духѣ хочется хохотать, они не умѣютъ придумать, чему бы хохотать, и хохочутъ безъ всякаго предлога, потому что имъ весело, такъ эта милая молодежь жертвуетъ собой. Она еще не успѣла придумать, за что бы ей жертвовать собой, а жертвуетъ своимъ вниманіемъ, трудомъ, жизнью, затѣмъ, чтобы записать карточку, изъ которой еще выйдетъ или не выйдетъ что-нибудь. Что же бы было, если бы было такое дѣло, которое того стоило? Есть и было, и всегда будетъ это дѣло, и одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, какая есть въ человѣкѣ. Дѣло это есть любовное общеніе людей съ людьми и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой, для того, чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стонами безпомощнаго голода, холода и болѣзней.

Перепись выводитъ передъ глазами насъ, достаточныхъ и такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, всю ту нищету и задавленность, которая таится во всѣхъ углахъ Москвы. 2.000 людей изъ нашего брата, стоящихъ на высшей ступени лѣстницы, станутъ лицомъ къ лицу съ тысячами людей, стоящихъ на низшей ступени общества. Не упустимъ случая этого общенія. Чрезъ этихъ 2.000 людей сохранимъ это общеніе и употребимъ его на то, чтобы избавиться самимъ отъ безцѣльности и безобразія нашей жизни и избавить обдѣленныхъ отъ тѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя чуткимъ людямъ изъ насъ не даютъ спокойно радоваться нашимъ радостямъ.

Я предлагаю вотъ что: 1) всѣмъ намъ, руководителямъ и счетчикамъ, къ дѣлу переписи присоединить дѣло помощи—работы для добра тѣхъ людей, по нашему понятію требующихъ помощи, которые встрѣтятся намъ; 2) всѣмъ намъ, руководителямъ и счетчикамъ не по назначенію комитета думы, а по назначенію

своего сердца, остаться на своихъ мѣстахъ, т.-е. въ отношеніяхъ къ жителямъ, нуждающимся въ помощи, и по окончаніи дѣла переписи продолжать дѣло помощи. Если я сумѣлъ высказать хоть немного то, что я чувствую, то я увѣренъ, что только невозможность заставитъ руководителей и счетчиковъ бросить это дѣло и что на мѣсто отставшихъ отъ этого дѣла явятся другіе; 3) всѣмъ тѣмъ жителямъ Москвы, чувствующимъ себя способными работать для нуждающихся, присоединиться къ участкамъ и по указаніямъ счетчиковъ и руководителей начать дѣятельность теперь же и потомъ продолжать ее; 4) всѣмъ тѣмъ, которые по старости, слабости или другимъ причинамъ не могутъ сами работать среди нуждающихся, поручать работу своимъ близкимъ, молодымъ, сильнымъ, охочимъ. (Добро не есть даваніе денегъ, оно есть любовное отношеніе людей. Оно одно нужно.)

Что бы ни вышло изъ этого, все будетъ лучше того, что теперь.

Пусть будетъ самое послѣднее дѣло, что мы, счетчики и руководители, раздадимъ сотню двугривенныхъ тѣмъ, которые не ѣли, и это будетъ не мало не столько потому, что неѣвшіе поѣдятъ, сколько потому, что счетчики и руководители отнесутся по-человѣчески къ сотнѣ бѣдныхъ людей. Какъ счесть, какія послѣдствія произойдутъ въ общенравственномъ балансѣ оттого, что вмѣсто чувства досады, злобы, зависти, которыя мы возбудимъ, пересчитывая голодныхъ, мы возбудимъ сто разъ доброе чувство, которое отразится на другомъ, на третьемъ и безконечной волной пойдетъ разливаться между людьми. И это много. Пусть будетъ только то, что тѣ изъ 2.000 счетчиковъ, которые не понимали этого прежде, поймутъ, что, ходя среди нищеты, нельзя говорить: это очень интересно; что человѣку несчастіе другого человѣка должно отзываться не однимъ интересомъ; и это будетъ хорошо. Пусть будетъ то, что будетъ подана помощь всѣмъ тѣмъ несчастнымъ, которыхъ не такъ много, какъ я думалъ прежде, въ Москвѣ, которымъ можно помочь легко почти одпѣми деньгами. Пусть будетъ то, что тѣ рабочіе, зашедшіе въ Москву и проѣвшіе съ себя одежду и не могущіе вернуться въ деревню, будутъ отправлены домой, что сироты заброшенные будутъ призрѣны, что ослабѣвшіе старики и старухи нищіе, живущіе на милосердіи товарищей-нищихъ, будутъ избавлены отъ полуголодной смерти.(А это очень возможно. Такихъ не очень много). И это будетъ уже очень, очень много. Но почему не думать и не надѣяться, что будетъ сдѣлано и еще и еще больше? Почему не надѣяться, что будетъ отчасти сдѣлано или начато то настоящее дѣло, которое дѣлается уже не

413575

деньгами, а работой, что будутъ спасены ослабѣвшіе пьяницы, непопавшіеся воры проститутки, для которыхъ возможенъ возвратъ? Пусть не исправится все зло, но будетъ сознаніе его, и борьба съ нимъ не полицейскими мѣрами, а внутренними, — братскимъ общеніемъ людей, видящихъ зло, съ людьми, не видящими его потому, что они находятся въ немъ.

Что бы ни сдѣлано было, все будетъ много. Но почему же не надѣяться что будетъ сдѣлано все? Почему не надѣяться, что мы сдѣлаемъ то, что въ Москвѣ не будетъ ни одного раздѣтаго, ни одного голоднаго, ни одного проданнаго за деньги человѣческаго существа, ни одного несчастнаго, задавленнаго судьбой человѣка, который бы не зналъ, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядомъ съ нашимъ излишкомъ досуга и богатствъ и что мы можемъ жить спокойно, зная, что это есть. Забудемте про то, что въ большихъ городахъ и въ Лондонѣ есть пролетаріатъ, и не будемъ говорить, что это такъ надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу, и не можетъ быть, если мы живые люди. Почему не надѣяться, что мы поймемъ, что нѣтъ у насъ ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнѣе этой? Почему же не думать, что мы наконецъ поймемъ это? Развѣ только потому, что дѣлать это было бы слишкомъ большое счастье. Почему не думать, что когда-нибудь люди проснутся и поймутъ, что все остальное есть соблазнъ, а это одно дѣло жизни? И почему же это «когда-то» не будетъ теперь, и не будетъ теперь и въ Москвѣ? Почему не надѣяться, что съ обществомъ, съ человѣчествомъ не будетъ то же, что бываетъ съ больнымъ организмомъ, когда вдругъ наступаетъ моментъ выздоровленія? Организмъ боленъ, это значитъ, что клѣточки перестаютъ производить свою таинственную работу: однѣ умираютъ, другія поражаются, третьи остаются безразличными, работаютъ для себя. Но вдругъ наступаетъ моментъ, когда каждая живая клѣточка начинаетъ самостоятельную жизненную работу: она вытѣсняетъ мертвыя, запираетъ живой преградой зараженныя, сообщаетъ жизнь отживавшимъ, и тѣло воскресаетъ и живетъ полной жизнью.

Отчего же не думать и не надѣяться, что клѣточки нашего общества оживутъ и оживятъ организмы? Мы не знаемъ, въ чьей власти жизнь клѣточки, но мы знаемъ, что наша жизнь въ нашей власти. Мы можемъ проявить свѣтъ, который есть въ насъ, или загасить его.

Приди одинъ человѣкъ въ сумерки къ Ляпинскому ночлежному дому, когда 1.000 человѣкъ раздѣтыхъ и голодныхъ ждутъ на морозѣ впуска въ домъ, и постарайся этотъ одинъ человѣкъ помочь имъ, и у него сердце обольется кровью, и онъ съ отчаяніемъ и злобой на людей убѣжитъ оттуда, а придите на эту тысячу человѣкъ еще тысяча человѣкъ съ желаніемъ помочь, и дѣло окажется легкимъ и радостнымъ. Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ — это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христіански налегнемъ народомъ — не поднимемъ ли. Дружнѣй, братцы, разомъ!

1882 г.

ТАКЪ ЧТО ЖЕ НАМЪ ДѢЛАТЬ?

> И спрашивалъ Его народъ: что же намъ дѣлать? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же (Лук. III, 10, 11).
>
> Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ.
>
> Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ.
>
> Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.
>
> Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло.
>
> Если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?
>
> Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ не радѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.
>
> Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды? (Мѳ. VI, 19—25).
>
> Итакъ, не заботьтесь и не говорите, что намъ ѣсть, или что пить, или во что одѣться! Потому что всего этого ищутъ язычники и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.
>
> Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ (Мат. VI, 31—33).
>
> Ибо удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе (Мат. XIX, 24; Лук. XVIII, 25; Марк. X, 25).

I.

Я всю жизнь прожилъ не въ городѣ. Когда я въ 1881 году переѣхалъ на житье въ Москву, меня удивила городская бѣдность; я знаю деревенскую бѣдность, но городская была для меня нова и непонятна. Въ Москвѣ нельзя пройти улицы, чтобы не встрѣтить нищихъ, и особенныхъ нищихъ, не похожихъ на деревенскихъ. Нищіе эти — не нищіе съ сумой и Христовымъ именемъ, какъ опредѣляютъ себя деревенскіе нищіе, а это нищіе безъ сумы и Христова имени. Московскіе нищіе не носятъ сумы и не просятъ милостыни. Большею частью они, встрѣчая или пропуская васъ мимо себя, только стараются встрѣтиться съ вами глазами. И, смотря по вашему взгляду, они просятъ или нѣтъ. Я знаю одного такого нищаго изъ дворянъ. Старикъ ходитъ медленно, наклоняясь на каждую

ногу. Когда онъ встрѣчается съ вами, онъ наклоняется на одну ногу и дѣлаетъ будто вамъ поклонъ. Если вы останавливаетесь, онъ берется за фуражку съ кокардой, кланяется и проситъ; если вы не останавливаетесь, онъ дѣлаетъ видъ, что у него такая походка, и онъ проходитъ дальше, тоже кланяясь на другую ногу. Это настоящій московскій нищій, ученый. Сначала я не зналъ, почему московскіе нищіе не просятъ прямо, но потомъ понялъ, почему они не просятъ, но все-таки не понялъ ихъ положенія.

Одинъ разъ, идя по Аѳанасьевскому переулку, я увидѣлъ, что городовой сажаетъ на извозчика опухшаго отъ водянки и оборваннаго мужика. Я спросилъ: «за что?» Городовой отвѣтилъ мнѣ: «за прошеніе милостыни». — «Развѣ это запрещено?» — «Стало быть, запрещено», отвѣтилъ городовой.

Больного водянкой повезли на извозчикѣ. Я взялъ другого извозчика и поѣхалъ за ними. Мнѣ хотѣлось узнать, правда ли, что запрещено просить милостыню и какъ это запрещается. Я никакъ не могъ понять, какъ можно запретить просить одному человѣку о чемъ-нибудь другого, и, кромѣ того, не вѣрилось, чтобы было запрещено просить милостыню, тогда какъ Москва полна нищими. Я вошелъ въ участокъ, куда свезли нищаго. Въ участкѣ сидѣлъ за столомъ человѣкъ съ саблей и пистолетомъ. Я спросилъ: «за что взяли этого мужика?» Человѣкъ съ саблей и пистолетомъ строго посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «вамъ какое дѣло?» Однако, чувствуя необходимость разъяснить мнѣ что-то, онъ прибавилъ: «начальство велитъ забирать такихъ, стало быть, надо». Я ушелъ. Городовой, тотъ, который привезъ нищаго, сидя въ сѣняхъ на подоконникѣ, глядѣлъ уныло въ какую-то записную книжку. Я спросилъ его: «правда ли, что нищимъ запрещаютъ просить Христовымъ именемъ?» Городовой очнулся, посмотрѣлъ на меня, потомъ не то что нахмурился, но какъ бы опять заснулъ, и, садясь на подоконникъ, сказалъ: «начальство велитъ, значитъ такъ надо», и вновь занялся своей книжкой. Я сошелъ на крыльцо къ извозчику.

— Ну, что? Взяли?—спросилъ извозчикъ. Извозчика, видно, тоже заняло это дѣло.

— Взяли, — отвѣчалъ я. Извозчикъ покачалъ головой.

— Какъ же это у васъ въ Москвѣ запрещено, что ли, просить Христовымъ именемъ? — спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ,—сказалъ извозчикъ.

— Какъ же кто,—сказалъ я,—нищій Христовъ, а его въ участокъ ведутъ.

— Нынче ужъ это оставили, не велятъ,—сказалъ извозчикъ.

Послѣ этого я видѣлъ и еще нѣсколько разъ, какъ городовые водили нищихъ въ участокъ, и потомъ въ Юсуповъ рабочій домъ. Разъ я встрѣтилъ на Мясницкой толпу такихъ нищихъ, человѣкъ въ тридцать. Спереди и сзади шли городовые. Я спросилъ: «за что?» — За прошеніе милостыни.

Выходило, что по закону въ Москвѣ запрещено просить милостыню всѣмъ тѣмъ нищимъ, которыхъ встрѣчаешь въ Москвѣ по нѣскольку на каждой улицѣ и шеренги которыхъ во время службы, а особенно похоронъ, стоятъ въ каждой церкви.

Но почему же нѣкоторыхъ ловятъ и запираютъ куда-то, а другихъ оставляютъ? Этого я такъ и не могъ понять. Или есть между ними законные и беззаконные нищіе, или ихъ такъ много, что всѣхъ нельзя переловить, или однихъ забираютъ, а другіе вновь набираются?

Нищихъ въ Москвѣ много всѣхъ сортовъ: есть такіе, что этимъ живутъ; есть и настоящіе нищіе, такіе, что почему-нибудь попали въ Москву и точно въ нуждѣ.

Изъ этихъ нищихъ бываютъ часто простые мужики и бабы въ крестьянской одеждѣ. Я часто встрѣчалъ такихъ. Нѣкоторые заболѣли здѣсь и вышли изъ больницы и не могутъ ни кормиться, ни выбраться изъ Москвы. Нѣкоторые изъ нихъ, и загуливали (таковъ былъ, вѣроятно, и тотъ больной водянкой); нѣкоторые были и не больные, но погорѣвшіе, или старые, или бабы съ дѣтьми; нѣкоторые были и совсѣмъ здоровые, способные работать. Эти здоровые мужики, просившіе милостыню, особенно занимали меня еще и потому, что со времени моего пріѣзда въ Москву я сдѣлалъ себѣ привычку для моціона ходить работать на Воробьевы горы съ двумя мужиками, пилившими тамъ дрова. Два эти мужика были совершенно такіе же нищіе, какъ и тѣ, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ. Одинъ былъ Петръ, солдатъ калужскій, другой — Семенъ, владимірскій. У нихъ ничего не было, кромѣ платья на тѣлѣ и рукъ. И руками этими они зарабатывали, при очень тяжелой работѣ, отъ 40 до 45 коп. въ день, изъ которыхъ они оба откладывали, — калужскій откладывалъ на шубу, а владимірскій на то, чтобы собрать денегъ на отъѣздъ въ деревню. Встрѣчая потомъ такихъ же людей на улицахъ, я особенно интересовался ими. Почему тѣ работаютъ, а эти просятъ?

Встрѣчая такого мужика, я обыкновенно спрашивалъ, какъ онъ дошелъ до такого положенія? Встрѣчаю разъ мужика съ просѣдью въ бородѣ, здороваго. Онъ проситъ; спрашиваю

его, кто онъ, откуда. Онъ говоритъ, что пришелъ на заработки изъ Калуги. Сначала нашли работу—рѣзать старье въ дрова. Перерѣзали все съ товарищемъ у одного хозяина; искали другой работы, не нашли, товарищъ отбился, и вотъ онъ бьется такъ вторую недѣлю, проѣлъ все, что было, ни пилы, ни колуна не на что купить. Я даю денегъ на пилу и указываю ему мѣсто, куда приходить работать. Я впередъ уже сговорился съ Петромъ и Семеномъ, чтобы они приняли товарища и подыскали ему пару.

— Смотри же, приходи. Тамъ работы много

— Приду, какъ не придти? Развѣ охота, — говоритъ, — побираться? Я работать могу.

Мужикъ клянется, что придетъ, и мнѣ кажется, что онъ не обманываетъ, и имѣетъ намѣреніе придти.

На другой день прихожу къ знакомымъ мнѣ мужикамъ, спрашиваю, приходилъ ли мужикъ. — Не приходилъ. И такъ нѣсколько человѣкъ обманули меня. Обманывали и такіе, которые говорили, что нужно имъ только денегъ на билетъ, чтобы ѣхать домой, и черезъ недѣлю попадались мнѣ опять на улицѣ. Многихъ изъ нихъ я призналъ уже, и они признали меня, и иногда, забывъ меня, повторяли мнѣ тотъ же обманъ, а иногда уходили, завидѣвъ меня. Такъ я увидѣлъ, что въ числѣ и этого разряда есть много обманщиковъ; но и обманщики эти были очень жалки: все это были полураздѣтые, бѣдные, худые, болѣзненные люди; это были тѣ самые, которые дѣйствительно замерзаютъ или вѣшаются, какъ мы знаемъ по газетамъ.

II.

Когда я говорилъ про эту городскую нищету съ городскими жителями, мнѣ всегда говорили: «О! это еще ничего — все то, что вы видѣли. А вы пройдите на Хитровъ рынокъ и въ тамошніе ночлежные дома. Тамъ вы увидите настоящую «золотую роту». Одинъ шутникъ говорилъ мнѣ, что это теперь ужъ не рота, а золотой полкъ; такъ ихъ много стало. Шутникъ былъ правъ, но онъ былъ бы еще справедливѣе, если бы сказалъ, что этихъ людей теперь въ Москвѣ не рота и не полкъ, а ихъ цѣлая армія, около 50 тысячъ. Городскіе старожилы, когда говорили мнѣ про городскую нищету, всегда говорили это съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ бы гордясь передо мной тѣмъ, что они знаютъ это. Я помню, когда я былъ въ Лондонѣ, тамъ старожилы тоже какъ будто хвастались, говоря про лондонскую нищету. Вотъ, молъ, какъ у насъ.

И мнѣ хотѣлось видѣть всю эту нищету, про которую мнѣ говорили. Нѣсколько разъ я направлялся въ сторону Хитрова рынка, но всякій разъ мнѣ становилось жутко и совѣстно. «Зачѣмъ я пойду смотрѣть на страданія людей, которымъ я не могу помочь?» говорилъ одинъ голосъ. «Нѣтъ, если ты живешь здѣсь и видишь всѣ прелести городской жизни, поди посмотри и на это», говорилъ другой голосъ. И вотъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ третьяго года, въ морозный и вѣтреный день, я пошелъ къ этому центру городской нищеты, къ Хитрову рынку. Это было въ будни, часу въ четвертомъ. Уже идя по Солянкѣ, я сталъ замѣчать больше и больше людей въ странныхъ не своихъ одеждахъ и въ еще болѣе странной обуви,— людей съ особеннымъ общимъ имъ всѣмъ пренебреженіемъ ко всему окружающему и съ особеннымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица. Въ самой странной, ни на что не похожей одеждѣ человѣкъ шелъ совершенно свободно, очевидно безъ всякой мысли о томъ, какимъ онъ можетъ представляться другимъ людямъ. Всѣ эти люди направлялись въ одну сторону. Не спрашивая дороги, которую я не зналъ, я шелъ за ними и вышелъ на Хитровъ рынокъ. На рынкѣ такія же женщины въ оборванныхъ капотахъ, салопахъ, кофтахъ, сапогахъ и калошахъ и столь же свободныя, несмотря на уродство своихъ одеждъ, старыя и молодыя, сидѣли, торговали чѣмъ-то, ходили и ругались. Народу на рынкѣ было мало. Очевидно, рынокъ отошелъ, и большинство людей шло въ гору мимо рынка и черезъ рынокъ, все въ одну сторону. Я пошелъ за ними. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше сходилось все такихъ же людей по одной дорогѣ. Пройдя рынокъ и идя вверхъ по улицѣ, я догналъ двухъ женщинъ: одна старая, другая молодая. Обѣ въ чемъ-то оборванномъ и сѣромъ. Онѣ шли и говорили о какомъ-то дѣлѣ.

Послѣ каждаго нужнаго слова произносилось одно или два ненужныхъ, самыхъ неприличныхъ словъ. Онѣ были не пьяны, чѣмъ-то были озабочены, и шедшіе навстрѣчу, и сзади, и спереди мужчины не обращали на эту ихъ странную для меня рѣчь никакого вниманія. Въ этихъ мѣстахъ, видно, всегда такъ говорили. Налѣво были частные ночлежные дома, и нѣкоторые завернули туда, другіе шли дальше. Взойдя на гору, мы подошли къ угловому большому дому. Большинство людей, шедшихъ со мной, остановилось у этого дома. По всему тротуару этого дома стояли и сидѣли на тротуарѣ и на снѣгу улицы все такіе же люди. Съ правой стороны входной двери — женщины, съ лѣвой — мужчины. Я прошелъ мимо

женщинъ (всѣхъ было нѣсколько сотъ) и остановился тамъ, гдѣ кончалась ихъ вереница. Домъ, у котораго дожидались эти люди, былъ Ляпинскій безплатный ночлежный домъ. Толпа людей были ночлежники, ожидающіе впуска. Въ 5 часовъ вечера отворяютъ и впускаютъ. Сюда-то шли почти всѣ тѣ люди, которыхъ я обгонялъ.

Я остановился тамъ, гдѣ кончалась вереница мужчинъ. Ближайшіе ко мнѣ люди стали смотрѣть на меня и притягивали меня своими взглядами. Остатки одеждъ, покрывавшихъ эти тѣла, были очень разнообразны. Но выраженіе всѣхъ взглядовъ этихъ людей, направленныхъ на меня, было совершенно одинаково. Во всѣхъ взглядахъ было выраженіе вопроса: зачѣмъ ты — человѣкъ изъ другого міра — остановился тутъ подлѣ насъ? Кто ты? Самодовольный ли богачъ, который хочетъ порадоваться на нашу нужду, развлечься отъ своей скуки и еще помучить насъ, или ты тотъ—что не бываетъ и не можетъ быть — человѣкъ, который жалѣетъ насъ? На всѣхъ лицахъ былъ этотъ вопросъ. Взглянетъ, встрѣтится глазами и отвернется. Мнѣ хотѣлось заговорить съ кѣмъ-нибудь, и я долго не рѣшался. Но пока мы молчали, уже взгляды наши сблизили насъ. Какъ ни раздѣлила насъ жизнь, послѣ двухъ, трехъ взглядовъ мы почувствовали, что мы оба люди, и перестали бояться другъ друга. Ближе всѣхъ ко мнѣ стоялъ мужикъ съ опухшимъ лицомъ и рыжей бородой, въ прорванномъ кафтанѣ и въ стоптанныхъ калошахъ на босу ногу. А было 8 градусовъ мороза. Въ третій или четвертый разъ я встрѣтился съ нимъ глазами и почувствовалъ такую близость съ нимъ, что ужъ не то что совѣстно было заговорить съ нимъ, но совѣстно было не сказать чего-нибудь. Я спросилъ, откуда онъ. Онъ охотно отвѣтилъ и заговорилъ; другіе приблизились. Онъ смоленскій, пришелъ искать работы на хлѣбъ и подати. «Работы, говоритъ, нѣтъ, солдаты нынче всю работу отбили. Вотъ и мотаюсь теперь; вѣрьте Богу, не ѣлъ два дня», сказалъ онъ робко съ попыткой улыбки. Сбитеньщикъ, старый солдатъ, стоялъ тутъ. Я подозвалъ. Онъ налилъ сбитня. Мужикъ взялъ горячій стаканъ въ руки и, прежде чѣмъ пить, стараясь не упустить даромъ тепло, грѣлъ объ него руки. Грѣя руки, онъ разсказывалъ мнѣ свои похожденія. Похожденія или разсказы про похожденія все одни и тѣ же: была работишка. потомъ перевелась, а тутъ въ ночлежномъ домѣ украли кошель съ деньгами и съ билетомъ. Теперь нельзя выйти изъ Москвы. Онъ разсказывалъ, что днемъ онъ грѣется по кабакамъ, кормится тѣмъ, что съѣдаетъ закуску (куски хлѣба

въ кабакахъ), иногда выгонятъ, иногда дадутъ; ночуетъ даромъ здѣсь въ Ляпинскомъ домѣ. Ждетъ только полицейскаго обхода, который, какъ безпаспортнаго, заберетъ его въ острогъ и отправитъ по этапу на мѣсто жительства. «Говорятъ, въ четвергъ будетъ обходъ», сказалъ онъ, «тогда заберутъ, только бы до четверга добиться». (Острогъ и этапъ представляются для него обѣтованной землей.)

Пока онъ разсказывалъ, человѣка три изъ толпы подтвердили его слова и сказали, что они точно въ такомъ же положеніи. Худой юноша, блѣдный, длинноносый, въ одной рубахѣ на верхней части тѣла, прорванной на плечахъ, и въ фуражкѣ безъ козырька, бочкомъ протерся ко мнѣ черезъ толпу. Онъ, не переставая, дрожалъ крупной дрожью, но старался улыбаться презрительно на рѣчи мужиковъ, полагая этимъ попасть въ мой тонъ, и глядѣлъ на меня. Я предложилъ ему сбитня; онъ такъ же, взявъ стаканъ, грѣлъ объ него руки и только что началъ что-то говорить, какъ его оттѣснилъ большой, черный, горбоносый мужикъ, въ рубахѣ ситцевой и жилетѣ, безъ шапки. Горбоносый попросилъ тоже сбитня, потомъ маленькій съ опухшимъ лицомъ и съ слезящимися глазами въ коричневомъ нанковомъ пиджакѣ и съ голыми колѣнками, торчавшими въ дыры лѣтнихъ панталонъ, стучавшими другъ о друга отъ дрожи. Онъ не могъ держать стаканъ отъ дрожи и пролилъ его на себя. Его стали ругать. Онъ только жалостно улыбался и дрожалъ. Потомъ кривой уродъ въ лохмотьяхъ и опоркахъ на босу ногу, потомъ что-то офицерское, потомъ что-то духовнаго званія, потомъ что-то странное, безносое,— все это голодное и холодное, умоляющее и покорное тѣснилось вокругъ меня и жалось къ сбитню. Сбитень выпили. Одинъ попросилъ денегъ, я далъ. Попросилъ другой, третій, и толпа осадила меня. Сдѣлалось замѣшательство, давка. Дворникъ сосѣдняго дома крикнулъ на толпу, чтобъ очистили тротуаръ противъ его дома, и толпа покорно исполнила его приказаніе. Явились распорядители изъ толпы и взяли меня подъ свое покровительство—хотѣли вывести изъ давки, но толпа, прежде растянутая по тротуару, теперь вся разстроилась и прижалась ко мнѣ. Всѣ смотрѣли на меня и просили; и одно лицо было жалче, измученнѣе и униженнѣе другого. Я роздалъ все, что у меня было. Денегъ у меня было немного: что-то около 20 руб., и я съ толпою вмѣстѣ вошелъ въ ночлежный домъ. Ночлежный домъ огромный. Онъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ верхнихъ этажахъ — мужскія, въ нижнихъ — женскія. Сначала я вошелъ въ жен-

ское; большая комната вся занята койками, похожими на койки третьяго класса желѣзныхъ дорогъ. Койки расположены въ два этажа—наверху и внизу. Женщины, странныя, оборванныя, въ однихъ платьяхъ, старыя и молодыя, входили и занимали мѣста, — которыя внизу, которыя вверху. Нѣкоторыя старыя крестились и поминали того, кто устроилъ этотъ пріютъ, нѣкоторыя смѣялись и ругались. Я прошелъ наверхъ. Тамъ такъ же размѣщались мужчины; между ними я увидѣлъ одного изъ тѣхъ, которымъ я давалъ деньги. Увидѣвъ его, мнѣ вдругъ стало ужасно стыдно, и я поспѣшилъ уйти. И съ чувствомъ совершоннаго преступленія я вышелъ изъ этого дома и пошелъ домой. Дома я вошелъ по коврамъ лѣстницы въ переднюю, полъ которой обитъ сукномъ, и, снявъ шубу, сѣлъ за обѣдъ изъ 5 блюдъ, за которымъ служили два лакея во фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ Парижѣ, какъ въ присутствіи тысячи зрителей отрубили человѣку голову гильотиной. Я зналъ, что этотъ человѣкъ былъ ужасный злодѣй; я зналъ всѣ тѣ разсужденія, которыя столько вѣковъ пишутъ люди, чтобы оправдать такого рода поступки; я зналъ, что это сдѣлали нарочно, сознательно; но въ тотъ моментъ, когда голова и тѣло раздѣлились и упали въ ящикъ, я ахнулъ и понялъ не умомъ, не сердцемъ, а всѣмъ существомъ моимъ, что всѣ разсужденія, которыя я слышалъ о смертной казни, есть злая чепуха, что сколько бы людей ни собралось вмѣстѣ, чтобы совершить убійство, какъ бы они себя ни называли, убійство—убійство, худшій грѣхъ въ мірѣ, и что вотъ на моихъ глазахъ совершонъ этотъ грѣхъ. Я своимъ присутствіемъ и невмѣшательствомъ одобрялъ этотъ грѣхъ и принялъ участіе въ немъ. Такъ и теперь, при видѣ этого голода, холода и униженія тысячи людей, я не умомъ, не сердцемъ, а всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что существованіе десятковъ тысячъ такихъ людей въ Москвѣ, тогда, когда я съ другими учеными тысячами объѣдаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами, — что бы ни говорили мнѣ всѣ ученые міра о томъ, какъ это необходимо, — есть преступленіе, не одинъ разъ совершонное, но постоянно совершающееся, и что я, съ своей роскошью, не только попуститель, но прямой участникъ его. Для меня разница этихъ двухъ впечатлѣній была только въ томъ, что тамъ все, что я могъ сдѣлать, это было то, чтобы закричать убійцамъ, стоявшимъ около гильотины и распоряжавшимся убійствомъ, что они дѣлаютъ зло, и всѣми средствами стараться помѣшать. Но и

дѣлая это, я могъ впередъ знать, что этотъ мой поступокъ не помѣшаетъ убійству. Здѣсь же я могъ дать не только сбитень и тѣ ничтожныя деньги, которыя были со мной, но я могъ отдать и пальто съ себя, и все, что у меня есть дома. А я не сдѣлалъ этого, и потому чувствовалъ, и чувствую, и не перестану чувствовать себя участникомъ постоянно совершающагося преступленія до тѣхъ поръ, пока у меня будетъ излишняя пища, а у другого совсѣмъ не будетъ, у меня будутъ двѣ одежды, а у кого-нибудь ни одной.

III.

Въ тотъ же вечеръ, когда я вернулся изъ Ляпинскаго дома, я разсказывалъ свое впечатлѣніе одному пріятелю. Пріятель — городской житель — началъ говорить мнѣ не безъ удовольствія, что это самое естественное городское явленіе, что я только по провинціализму своему вижу въ этомъ что-то особенное, что всегда это такъ было и будетъ, что это должно такъ быть и есть неизбѣжное условіе цивилизаціи. Въ Лондонѣ еще хуже... стало быть, дурного нѣтъ тутъ ничего и недовольнымъ этимъ быть нельзя. Я сталъ возражать своему пріятелю, но съ такимъ жаромъ и съ такой злобой, что жена прибѣжала изъ другой комнаты, спрашивая: что случилось? Оказалось, что я, самъ не замѣчая того, со слезами въ голосѣ кричалъ и махалъ руками на своего пріятеля. Я кричалъ: «Такъ нельзя жить, нельзя такъ жить, нельзя!» Меня устыдили за мою ненужную горячность, сказали мнѣ, что я ни о чемъ не могу говорить спокойно, что я непріятно раздражаюсь, и, главное, доказали мнѣ то, что существованіе такихъ несчастныхъ никакъ не можетъ быть причиной того, чтобы отравлять жизнь своихъ близкихъ.

Я почувствовалъ, что это было совершенно справедливо, и замолчалъ; но въ глубинѣ души я чувствовалъ, что и я правъ, и не могъ успокоиться.

И прежде уже чуждая мнѣ и странная городская жизнь теперь опротивѣла мнѣ такъ, что всѣ тѣ радости роскошной жизни, которыя прежде мнѣ казались радостями, стали для меня мученіемъ. И какъ я ни старался найти въ своей душѣ хоть какія-нибудь оправданія нашей жизни, я не могъ безъ раздраженія видѣть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто барски накрытаго стола, ни экипажа, сытаго кучера и лошадей, ни магазиновъ, театровъ, собраній. Я не могъ не видѣть рядомъ съ этимъ голодныхъ, холодныхъ и униженныхъ жителей

Ляпинскаго дома. И не могъ отдѣлаться отъ мысли, что эти двѣ вещи связаны, что одно происходитъ отъ другого. Помню, что какъ мнѣ сказалось въ первую минуту это чувство моей виновности, такъ оно и осталось во мнѣ, но къ этому чувству очень скоро подмѣшалось другое и заслонило его.

Когда я говорилъ про свое впечатлѣніе Ляпинскаго дома моимъ близкимъ друзьямъ и знакомымъ, всѣ мнѣ отвѣчали то же, что и мой первый пріятель, съ которымъ я сталъ кричать, но, кромѣ того, выражали еще одобреніе моей добротѣ и чувствительности и давали мнѣ понимать, что зрѣлище это такъ особенно подѣйствовало на меня только потому, что я, Левъ Николаевичъ, очень добръ и хорошъ. И я охотно повѣрилъ имъ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ вмѣсто чувства упрека и раскаянія, которое я испыталъ сначала, во мнѣ уже было чувство довольства предъ своей добродѣтелью и желаніе высказать ее людямъ.

Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ я себѣ, виноватъ тутъ не я собственно своей жизнью роскошной, а виноваты необходимыя условія жизни. Вѣдь измѣненіе моей жизни не можетъ поправить то зло, которое я видѣлъ. Измѣняя свою жизнь, я сдѣлаю несчастнымъ только себя и своихъ близкихъ, а тѣ несчастія останутся такія же.

И потому задача моя не въ томъ, чтобы измѣнить свою жизнь, какъ это мнѣ показалось сначала, а въ томъ, чтобы содѣйствовать, насколько это въ моей власти, улучшенію положенія тѣхъ несчастныхъ, которые вызвали мое состраданіе. Все дѣло въ томъ, что я очень добрый, хорошій человѣкъ и желаю дѣлать добро ближнимъ. И я сталъ обдумывать планъ благотворительной дѣятельности, въ которой я могъ выражать всю мою добродѣтель. Долженъ сказать, однако, что, и обдумывая эту благотворительную дѣятельность, въ глубинѣ души я все время чувствовалъ, что это не то, но, какъ это часто бываетъ, дѣятельность разсудка и воображенія заглушала во мнѣ этотъ голосъ совѣсти. Въ это время случилась перепись. Это показалось мнѣ средствомъ для учрежденія той благотворительности, за которой я хотѣлъ выказать мою добродѣтель. Я зналъ про многія благотворительныя учрежденія и общества, существующія въ Москвѣ, но вся дѣятельность ихъ казалась мнѣ ложно направленной и ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ, что я хотѣлъ сдѣлать. И я придумалъ слѣдующее: вызвать въ богатыхъ людяхъ сочувствіе къ городской нищетѣ, собрать деньги, набрать людей, желающихъ содѣйствовать этому дѣлу, и вмѣстѣ съ переписью обойти всѣ притоны бѣдности и, кромѣ работы переписи, войти

въ общеніе съ несчастными, узнать подробности ихъ нужды и помочь имъ деньгами и работой, высылкой изъ Москвы, помѣщеніемъ дѣтей въ школы, стариковъ и старухъ въ пріюты и богадѣльни. Мало того, что я думалъ, что изъ тѣхъ людей, которые займутся этимъ, составится постоянное общество, которое, раздѣливъ между собой участки Москвы, будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы бѣдность и нищета эта не зарождалась; будетъ постоянно, въ началѣ еще зарожденія ея, уничтожать ее; будетъ исполнять обязанность не столько лѣченія, сколько гигіены городской бѣдности. Я воображалъ уже себѣ, что, не говоря объ нищихъ, просто нуждающихся не будетъ въ городѣ, и что все это сдѣлаю я, и что мы всѣ, богатые, будемъ послѣ этого спокойно сидѣть въ своихъ гостиныхъ и кушать обѣдъ изъ 5 блюдъ и ѣздить въ каретахъ въ театры и собранія, не смущаясь болѣе такими зрѣлищами, какое я видѣлъ у Ляпинскаго дома.

Составивъ себѣ этотъ планъ, я написалъ объ этомъ статью и прежде еще, чѣмъ отдавать ее въ печать, пошелъ по знакомымъ, отъ которыхъ надѣялся получить содѣйствіе. Всѣмъ, кого я видѣлъ въ этотъ день (я обращался особенно къ богатымъ), я говорилъ одно и то же, почти то же, что я написалъ въ статьѣ: я предлагалъ воспользоваться переписью для того, чтобы узнать нищету въ Москвѣ и помочь ей дѣломъ и деньгами и сдѣлать такъ, чтобы бѣдныхъ не было въ Москвѣ и мы, богатые, съ спокойной совѣстью могли бы пользоваться привычными намъ благами жизни. Всѣ слушали меня внимательно и серьезно, но при этомъ со всѣми безъ исключенія происходило одно и то же. Какъ только слушатели понимали, въ чемъ дѣло, имъ становилось неловко и немножко совѣстно. Имъ было какъ будто совѣстно и преимущественно за меня, за то, что я говорю глупости, но такія глупости, про которыя никакъ нельзя прямо сказать, что это глупости. Какъ будто какая-то внѣшняя причина обязывала слушателей потакнуть этой моей глупости.

— Ахъ, да! Разумѣется. Это было бы очень хорошо, — говорили мнѣ. — Само собою разумѣется, что этому нельзя не сочувствовать. Да, мысль ваша прекрасная. Я самъ или сама думала это, но... у насъ такъ вообще равнодушны, что едва ли можно разсчитывать на большой успѣхъ... Впрочемъ, я съ своей стороны, разумѣется, готовъ, или готова, содѣйствовать.

Подобное этому говорили мнѣ всѣ. Всѣ соглашались, но соглашались, какъ мнѣ казалось, не вслѣдствіе своего убѣжденія и не вслѣдствіе своего желанія, а вслѣдствіе какой-то внѣшней причины, не позволявшей не согласиться. Я замѣтилъ это уже

потому, что ни одинъ изъ обѣщавшихъ мнѣ свое содѣйствіе деньгами, ни одинъ не опредѣлилъ самъ сумму, которую онъ намѣренъ дать, такъ что я самъ долженъ былъ опредѣлять ее и спрашивать: «такъ могу я разсчитывать на васъ до 300, или 200, или 100, или 25 руб.?» и ни одинъ не далъ денегъ. Я отмѣчаю это потому, что когда люди даютъ деньги на то, чего сами желаютъ, то, обыкновенно, торопятся дать деньги. На ложу Сарры Бернаръ сейчасъ даютъ деньги въ руки, чтобы закрѣпить дѣло. Здѣсь же изъ всѣхъ тѣхъ, которые соглашались дать деньги и выражали свое сочувствіе, ни одинъ не предложилъ сейчасъ же дать денегъ, но только молчаливо соглашались на ту сумму, которую я опредѣлялъ. Въ послѣднемъ домѣ, въ которомъ я былъ въ этотъ день вечеромъ, я случайно засталъ большое общество. Хозяйка этого дома уже нѣсколько лѣтъ занимается благотворительностью. У подъѣзда стояло нѣсколько каретъ, въ передней сидѣло нѣсколько лакеевъ въ дорогихъ ливреяхъ. Въ большой гостиной за двумя столами сидѣли одѣтыя въ дорогіе наряды и съ дорогими украшеніями дамы и дѣвицы и одѣвали маленькихъ куколъ; нѣсколько молодыхъ людей было тутъ же, около дамъ. Куклы, сработанныя этими дамами, должны были быть разыграны въ лотерею для бѣдныхъ.

Видъ этой гостиной и людей, собравшихся въ ней, очень непріятно поразилъ меня. Не говоря о томъ, что состояніе людей, собравшихся здѣсь, равнялось нѣсколькимъ милліонамъ, не говоря о томъ, что проценты съ одного капитала, который былъ затраченъ здѣсь на платья, кружева, бронзы, броши, кареты, лошадей, ливреи, лакеевъ, были во сто разъ больше того, что вырабатываютъ всѣ эти дамы, не говоря объ этомъ, расходы и поѣздки сюда всѣхъ этихъ дамъ и господъ, перчатки, переѣздъ, свѣчи, чай, сахаръ, печенье—хозяйкѣ стоили во 100 разъ больше того, что здѣсь сработаютъ. Я видѣлъ все это и потому могъ бы понять, что здѣсь-то я ужъ не найду сочувствія своему дѣлу, но я пріѣхалъ, чтобы сдѣлать свое предложеніе, и, какъ ни тяжело мнѣ это было, я сказалъ то, что хотѣлъ (я говорилъ почти все то же, что написалъ въ своей статьѣ).

Изъ бывшихъ тутъ людей одна особа предложила мнѣ денегъ, сказавъ, что сама по бѣднымъ идти не чувствуетъ себя въ силахъ по своей чувствительности, но денегъ дастъ; сколько денегъ и когда она доставитъ ихъ, она не сказала. Другая особа и одинъ молодой человѣкъ предложили свои услуги хожденія по бѣднымъ; но я не воспользовался ихъ предложеніемъ. Главное же лицо, къ которому я обращался, сказало мнѣ, что нельзя будетъ сдѣлать многаго, потому что средствъ мало. Средствъ же

мало потому, что богатые люди Москвы всѣ уже на счету и у всѣхъ выпрошено все, что только можно, что уже всѣмъ этимъ благотворителямъ даны чины, медали и другія почести, что для успѣха денежнаго нужно выпросить какія-нибудь новыя почести отъ властей, и что это одно дѣйствительное средство, но что это очень трудно.

Вернувшись домой въ этотъ день, я легъ спать не только съ предчувствіемъ, что изъ моей мысли ничего не выйдетъ, но со стыдомъ и сознаніемъ того, что цѣлый этотъ день я дѣлалъ что-то очень гадкое и стыдное. Но я не оставилъ этого дѣла. Во-первыхъ, дѣло было начато, и ложный стыдъ помѣшалъ бы мнѣ отказаться отъ него; во-вторыхъ, не только успѣхъ этого дѣла, но и самое занятіе имъ давало мнѣ возможность продолжать жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я жилъ; неуспѣхъ же подвергалъ меня необходимости отреченія отъ своей жизни и исканія новыхъ путей жизни. А этого я безсознательно боялся. И я не повѣрилъ внутреннему голосу и продолжалъ начатое.

Отдавъ въ печать свою статью [1]), я прочелъ ее по корректурѣ въ думѣ. Я прочелъ ее, краснѣя до слезъ и запинаясь: такъ мнѣ было неловко. Такъ же неловко было, я видѣлъ, и слушателямъ. На вопросъ мой, по окончаніи чтенія, о томъ, признаютъ ли руководители переписи предложеніе мое оставаться на своихъ мѣстахъ для того, чтобы быть посредниками между обществомъ и нуждающимися, произошло неловкое молчаніе. Потомъ два оратора сказали рѣчи. Рѣчи эти какъ бы поправили неловкость моего предложенія; выражено было мнѣ сочувствіе, но указано было на неприложимость моей одобряемой всѣми мысли. Всѣмъ стало легче. Но когда я потомъ, все-таки желая добиться своего, спрашивалъ руководителей порознь: согласны ли они при переписи изслѣдовать нужды бѣдныхъ и оставаться на своихъ мѣстахъ, чтобы служить посредниками между бѣдными и богатыми, имъ всѣмъ опять стало неловко. Какъ будто они взглядами мнѣ говорили: вѣдь вотъ смазали изъ уваженія къ тебѣ твою глупость, а ты опять съ ней лѣзешь. Такое было выраженіе ихъ лицъ, но на словахъ они сказали мнѣ, что согласны; и двое изъ нихъ, каждый порознь, какъ будто сговорились, одними и тѣми же словами сказали: «Мы считаемъ себя *нравственно обязанными* это сдѣлать». То же самое впечатлѣніе произвело мое сообщеніе и на студентовъ-счетчиковъ, когда я имъ говорилъ о томъ, что мы во время переписи, кромѣ цѣлей переписи,

1) «О переписи въ Москвѣ». 1882 г.

будемъ преслѣдовать и цѣль благотворительности. Когда мы говорили про это, я замѣчалъ, что имъ совѣстно смотрѣть мнѣ въ глаза, какъ совѣстно смотрѣть въ глаза доброму человѣку, говорящему глупости. Такое же впечатлѣніе произвела моя статья на редактора газеты, когда я отдалъ ему статью, на моего сына, на мою жену, на самыхъ разнообразныхъ лицъ. Всѣмъ почему-то становилось неловко, но всѣ считали необходимымъ одобрить самую мысль, и всѣ тотчасъ послѣ этого одобренія начинали высказывать свои сомнѣнія въ успѣхѣ и начинали почему-то (но всѣ безъ исключенія) осуждать равнодушіе и холодность нашего общества и всѣхъ людей, очевидно, кромѣ себя.

Въ глубинѣ души я продолжалъ чувствовать, что все это не то, что изъ этого ничего не выйдетъ; но статья была напечатана, и я взялся участвовать въ переписи; я затѣялъ дѣло, и дѣло само затянуло меня.

IV.

Мнѣ назначили для переписи по моей просьбѣ участокъ Хамовнической части, у Смоленскаго рынка, по Проточному переулку, между Береговымъ проѣздомъ и Никольскимъ переулкомъ. Въ этомъ участкѣ находятся дома, называемые вообще Ржановъ домъ, или Ржановская крѣпость. Дома эти когда-то принадлежали купцу Ржанову, теперь же принадлежатъ Зиминымъ. Я давно уже слышалъ про это мѣсто, какъ про притонъ самой страшной нищеты и разврата, и потому просилъ учредителей этой переписи назначить меня въ этотъ участокъ. Желаніе мое было исполнено.

Получивъ распоряженіе думы, я за нѣсколько дней до переписи одинъ пошелъ обходить свой участокъ. По плану, который мнѣ дали, я тотчасъ же нашелъ Ржанову крѣпость.

Я зашелъ съ Никольскаго переулка. Никольскій переулокъ кончается съ лѣвой стороны мрачнымъ домомъ безъ выходящихъ на эту сторону воротъ; по виду этого дома я догадался, что это и есть Ржановская крѣпость.

Спускаясь подъ гору по Никольскому переулку, я поравнялся съ мальчиками отъ 10 до 14 лѣтъ въ кофточкахъ и пальтецахъ, катавшихся кто на ногахъ, кто на одномъ конькѣ подъ гору по обледянѣвшему стоку тротуара подлѣ этого дома. Мальчики были оборванные и, какъ всѣ городскіе мальчики, бойкіе и смѣлые. Я остановился и посмотрѣлъ на нихъ. Изъ-за угла вышла съ желтыми обвисшими щеками оборванная старуха. Она шла

въ гору къ Смоленскому и страшно, какъ запаленная лошадь, хрипѣла при каждомъ шагѣ. Поравнявшись со мной, она остановилась, переведя хрипящее дыханіе. Во всякомъ другомъ мѣстѣ эта старуха попросила бы у меня денегъ, но здѣсь она только заговорила со мной. «Вишь, — сказала она, указывая на катавшихся мальчиковъ,—только баловаться! Такіе же ржановцы, какъ отцы будутъ». Одинъ изъ мальчиковъ въ пальто и картузѣ безъ козырька, услыхавъ ея слова, остановился. «Что ругаешься? — закричалъ онъ на старуху. — Сама ржановская козюлиха!» Я спросилъ у мальчика: «А вы тутъ живете?»—«Да, и она тутъ. Она голенищи украла!» крикнулъ мальчикъ и, поднявъ впередъ ногу, покатился дальше. Старуха разразилась матернымъ ругательствомъ, прерываемымъ кашлемъ. Съ горы въ это время, размахивая руками (въ одной была связка съ однимъ маленькимъ колачомъ и баранками), шелъ посрединѣ улицы бѣлый, какъ лунь, старикъ, весь въ лохмотьяхъ. Старикъ этотъ имѣлъ видъ человѣка, только что подкрѣпившагося шкаликомъ. Онъ слышалъ, видно, брань старухи и взялъ ея сторону. «Я васъ, чертенята, у-у!» крикнулъ онъ на ребятъ, направляясь какъ будто на нихъ, и, обогнувъ меня, вышелъ на тротуаръ. Старикъ этотъ на Арбатѣ поражаетъ своей старостью, слабостью и нищетой. Здѣсь это былъ веселый работникъ, возвращавшійся съ дневного труда.

Я пошелъ за старикомъ. Онъ загнулъ за уголъ налѣво въ Проточный переулокъ и, пройдя весь домъ и ворота, скрылся въ двери трактира.

На Проточный переулокъ выходятъ двое воротъ и нѣсколько дверей: трактира, кабака и нѣсколькихъ съѣстныхъ и другихъ лавочекъ. Это — Ржанова крѣпость. Все здѣсь сыро, грязно, вонюче — и строенія, и помѣщенія, и дворы, и люди. Большинство людей, встрѣтившихся мнѣ здѣсь, были оборванные и полураздѣтые. Одни проходили, другіе перебѣгали изъ дверей въ двери. Двое торговались о какомъ-то тряпьѣ. Я обошелъ все строеніе съ Проточнаго переулка и Берегового проѣзда и, вернувшись, остановился у воротъ одного изъ домовъ. Мнѣ хотѣлось зайти посмотрѣть, что дѣлается тамъ, въ серединѣ, но жутко было, что я скажу, когда меня спросятъ, что мнѣ нужно. Поколебавшись, я вошелъ - таки. Какъ только я вошелъ во дворъ, я почувствовалъ отвратительную вонь. Дворъ былъ ужасно грязный. Я повернулъ за уголъ и въ ту же минуту услыхалъ налѣво отъ меня, наверху, на деревянной галлереѣ топотъ шаговъ бѣгущихъ людей, сначала по доскамъ галлереи, а потомъ по ступенямъ лѣстницы. Прежде выбѣжала худая жен-

щина съ засученными рукавами, въ слинявшемъ розовомъ платьѣ и ботинкахъ на босу ногу. Вслѣдъ за ней выбѣжалъ лохматый мужчина въ красной рубахѣ и очень широкихъ, какъ юбка, порткахъ, въ калошахъ. Мужчина подъ лѣстницей схватилъ женщину: «не уйдешь!» проговорилъ онъ, смѣясь. «Вишь, косоглазый чортъ», начала женщина, очевидно польщенная этимъ преслѣдованіемъ, но увидала меня и злобно крикнула: «Кого надо?» Такъ какъ мнѣ никого не надо было, я смутился и ушелъ. Удивительнаго тутъ ничего не было; но случай этотъ, послѣ того, что я видѣлъ съ той стороны двора—ругающуюся старуху, веселаго старика и катающихся мальчиковъ—совершенно съ новой стороны показалъ мнѣ то дѣло, которое я затѣвалъ. Я понялъ тутъ въ первый разъ, что у всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ я хотѣлъ благодѣтельствовать, кромѣ того времени, когда они, страдая отъ голода и холода, ждутъ впуска въ домъ, есть еще время, которое они на что-нибудь да употребляютъ, есть еще 24 часа каждыя сутки, есть еще цѣлая жизнь, о которой я прежде не думалъ. Я понялъ здѣсь въ первый разъ, что всѣ эти люди, кромѣ желанія укрыться отъ холода и насытиться, должны еще жить какъ-нибудь тѣ 24 часа каждыя сутки, которые имъ приходится прожить такъ же, какъ и всякимъ другимъ. Я понялъ, что люди эти должны и сердиться, и скучать, и храбриться, и тосковать, и веселиться. Я, какъ ни странно это сказать, въ первый разъ ясно понялъ, что дѣло, которое я затѣвалъ, не можетъ состоять въ томъ только, чтобы накормить и одѣть тысячу людей, какъ бы накормить и загнать тысячу барановъ, а должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать доброе людямъ. И когда я понялъ, что каждый изъ этой тысячи людей такой же точно человѣкъ, съ такимъ же прошедшимъ, съ такими же страстями, соблазнами, заблужденіями, съ такими же мыслями, такими же вопросами, — такой же человѣкъ, какъ и я, то затѣянное мною дѣло вдругъ представилось мнѣ такъ трудно, что я почувствовалъ свое безсиліе. Но дѣло было начато, и я продолжалъ его.

V.

Въ первый назначенный день студенты - счетчики пошли съ утра, а я, благотворитель, пришелъ къ нимъ часовъ въ 12. Я не могъ придти раньше, потому что всталъ въ 10, потомъ пилъ кофе и курилъ, ожидалъ пищеваренія. Я пришелъ въ 12 часовъ къ воротамъ Ржановскаго дома. Городовой указалъ мнѣ трактиръ съ Берегового проѣзда, въ который счетчики велѣли

приходить всѣмъ, кто будетъ ихъ спрашивать. Я вошелъ въ трактиръ. Трактиръ очень темный, вонючій и грязный. Прямо стойки, налѣво комнатка со столами, покрытыми грязными салфетками, направо большая комната съ колоннами и такіе же столики у оконъ и по стѣнамъ. Кое-гдѣ у столовъ за чаемъ мужчины, оборванные и прилично одѣтые, какъ рабочіе или мелкіе торговцы, и нѣсколько женщинъ. Трактиръ очень грязный, но сейчасъ видно, что трактиръ торгуетъ хорошо. Дѣловитое выраженіе лица приказчика за стойкой и расторопная готовность молодцовъ—не успѣлъ я войти, какъ уже одинъ половой готовился снять пальто и подать, что прикажутъ. Видно, что заведена привычка спѣшной и отчетливой работы. Я спросилъ про счетчиковъ. «Ваня!» крикнулъ маленькій, по-нѣмецки одѣтый человѣкъ, что-то устанавливающій въ шкафу за стойкой; это былъ хозяинъ трактира, калужскій мужикъ Иванъ Ѳедотычъ, снимающій и половину квартиръ Зиминскихъ домовъ и сдающій ихъ жильцамъ. Подбѣжалъ половой мальчикъ лѣтъ 18-ти, худой, горбоносый, съ желтымъ цвѣтомъ лица. «Проводи барина къ счетчикамъ; они въ большой корпусъ, надъ колодцемъ, прошли». Мальчикъ бросилъ салфетку и надѣлъ пальто сверхъ бѣлой рубашки и бѣлыхъ штановъ и большой картузъ съ козырькомъ и, быстро сѣменя бѣлыми ногами, повелъ меня черезъ заднія двери съ блоками. Въ сальной, вонючей кухнѣ и сѣняхъ мы встрѣтили старуху, которая бережно несла куда-то вонючую требуху въ тряпкѣ. Изъ сѣней мы спустились на покатый дворъ, весь застроенный деревянными на каменныхъ нижнихъ этажахъ постройками. Вонь на всемъ дворѣ была очень сильная. Центромъ этой вони былъ нужникъ, около котораго всегда, сколько разъ я ни проходилъ мимо него, толпились люди. Нужникъ не былъ самъ мѣстомъ испражненія, но онъ служилъ указаніемъ того мѣста, около котораго принято было обычаемъ испражняться. Проходя по двору, нельзя было не замѣтить этого мѣста; всегда тяжело становилось, когда входилъ въ ѣдкую атмосферу отдѣляющагося отъ него зловонія.

Мальчикъ, оберегая свои бѣлые панталоны, осторожно провелъ меня мимо этого мѣста по замерзшимъ и не замерзшимъ нечистотамъ и направился къ одной изъ построекъ. Проходившіе по двору и по галлереямъ люди всѣ останавливались смотрѣть на меня. Очевидно, чисто одѣтый человѣкъ былъ въ этихъ мѣстахъ въ диковинку.

Мальчикъ спросилъ одну женщину: «не видала ли она, гдѣ счетчики?» — и человѣка три сразу отвѣчали на его вопросъ;

одни говорили: надъ колодцемъ, другіе говорили, что были, но вышли и пошли къ Никитѣ Ивановичу. Старикъ въ одной рубахѣ, оправляющійся около нужника, сказалъ, что въ 30-мъ номерѣ. Мальчикъ рѣшилъ, что это свѣдѣніе самое вѣроятное, и повелъ меня въ 30-й номеръ, подъ навѣсъ подвальнаго этажа, въ мракъ и вонь, другую, чѣмъ та, которая была на дворѣ. Мы сошли внизъ и пошли по земляному полу темнаго коридора. Когда мы проходили по коридору, одна дверь порывисто отворилась, и изъ нея высунулся пьяный старикъ въ рубахѣ, вѣроятно, не изъ мужиковъ. Человѣка этого съ пронзительнымъ визгомъ гнала и толкала прачка засученными мыльными руками. Ваня, мой провожатый, отстранилъ пьянаго и сдѣлалъ ему выговоръ: «Не годится скандальничать такъ, — сказалъ онъ, — еще офицеръ!»

И мы пришли къ двери 30-го номера. Ваня потянулъ ее. Дверь, чмокнувъ, отлипла, отворилась, и на насъ пахнуло мыльными парами, ѣдкимъ запахомъ дурной ѣды и табаку, и мы вошли въ совершенный мракъ. Окна были на противоположной сторонѣ, а тутъ шли дощатые коридоры направо и налѣво и дверки подъ разными углами въ комнаты, неровно забранныя крашенымъ водяной бѣлой краской тесомъ. Въ темной комнатѣ налѣво виднѣлась стирающая въ корытѣ женщина. Изъ одной дверки направо выглядывала старушка. Въ другую отворенную дверь виденъ былъ обросшій краснорожій мужикъ въ лаптяхъ, сидѣвшій на нарахъ; онъ держалъ руки на колѣняхъ, помахивалъ ногами, обутыми въ лапти, и мрачно смотрѣлъ на нихъ.

Въ концѣ коридора была дверка, ведшая въ ту комнату, гдѣ были счетчики. Это была комната хозяйки всего 30-го номера; она снимала весь номеръ отъ Ивана Ѳедотыча и сдавала его уже жильцамъ и ночлежникамъ. Въ этой крошечной ея комнаткѣ подъ фольговымъ образомъ сидѣлъ студентъ-счетчикъ съ карточками и, точно слѣдователь, допрашивалъ мужчину въ рубахѣ и жилетѣ. Это былъ пріятель хозяйки, за нее отвѣчавшій на вопросы. Тутъ же была хозяйка, старая женщина, и двое любопытныхъ изъ жильцовъ. Когда я вошелъ, то комната стала уже совершенно полна. Я протискался къ столу. Мы поздоровались со студентомъ, и онъ продолжалъ свой опросъ. А я сталъ оглядывать и опрашивать жителей этой квартиры для моей цѣли.

Оказалось, что въ этой первой квартирѣ я не нашелъ ни одного человѣка, на котораго могла бы излиться моя благотворительность. Хозяйка, несмотря на поразившую меня послѣ тѣхъ палатъ, въ которыхъ я живу, бѣдность, малость и грязь

квартиры, жила достаточно сравнительно даже съ городскими бѣдными жителями; въ сравненіи же съ деревенской бѣдностью, которую я зналъ твердо, она жила роскошно. У нея была пуховая постель, стеганое одѣяло, самоваръ, шуба, шкафъ съ посудой. Такой же достаточный видъ имѣлъ и другъ хозяйки. У него были часы съ цѣпочкой. Жильцы были бѣднѣе, но не было ни одного такого, который бы требовалъ немедленной помощи. Просили помощи: стиравшая бѣлье въ корытѣ, брошенная мужемъ женщина съ дѣтьми, старушка-вдова безъ средствъ къ жизни, какъ она сказала, и тотъ мужикъ въ лаптяхъ, который сказалъ мнѣ, что не ѣлъ нынче. Но по разспросамъ оказалось, что всѣ эти люди не особенно нуждаются и что для того, чтобы помочь имъ, надо съ ними хорошенько познакомиться.

Когда я предложилъ женщинѣ, брошенной мужемъ, помѣстить дѣтей въ пріютъ, она смѣшалась, очень благодарила, но, очевидно, не желала этого: она желала бы лучше денежное пособіе. Старшая дѣвочка помогаетъ ей въ стиркѣ, а средняя нянчитъ мальчика. Старушка очень просилась въ богадѣльню, но, оглядѣвъ ея уголъ, я увидалъ, что старушка не бѣдствуетъ. У нея былъ сундучокъ съ имуществомъ, былъ чайникъ съ жестянымъ носкомъ, двѣ чашки и коробочка отъ монпансье съ чаемъ и сахаромъ. Она вязала чулки и перчатки и получала мѣсячное пособіе отъ благотворительницы. Мужикъ же, очевидно, нуждался не столько въ ѣдѣ, сколько въ похмельѣ, и все, что ему бы ни дали, пошло бы въ кабакъ. Такъ что въ этой квартирѣ не было такихъ, какими, я полагалъ, переполненъ весь домъ, которыхъ я могъ осчастливить, давъ имъ денегъ. А были бѣдные, какъ мнѣ показалось, сомнительные. Я записалъ старушку, женщину съ дѣтьми и мужика и рѣшилъ, что надо будетъ заняться и ими, но послѣ того, какъ займусь тѣми особенно несчастными, которыхъ я ожидалъ встрѣтить въ этомъ домѣ. Я рѣшилъ, что въ помощи, которую мы будемъ подавать, нужна очередь: сначала самымъ несчастнымъ, а потомъ уже этимъ. Но въ слѣдующей и слѣдующей квартирѣ было то же самое, все такіе, которыхъ надо было подробнѣе изслѣдовать, прежде чѣмъ помогать имъ. Несчастныхъ же такихъ, которымъ выдавать деньги, и они изъ несчастныхъ сдѣлались бы счастливыми, такихъ не было. Какъ ни совѣстно мнѣ это сказать, я началъ испытывать разочарованіе въ томъ, что я не находилъ въ этихъ домахъ ничего похожаго на то, чего я ожидалъ. Я ожидалъ найти здѣсь особенныхъ людей, но, когда я обошелъ всѣ квартиры, я убѣдился, что жители

этихъ домовъ совсѣмъ не особенные люди, а точь въ точь такіе же люди, какъ и тѣ, среди которыхъ я жилъ. Точно такъ же, какъ и среди насъ, точно такъ же и между ними были болѣе или менѣе хорошіе, были болѣе или менѣе дурные, были болѣе или менѣе счастливые, были болѣе или менѣе несчастные. Несчастные были такіе же несчастные, какъ и среди насъ, т.-е. такіе несчастные, несчастіе которыхъ не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ нихъ самихъ, несчастіе такое, которое нельзя поправить какой бы то ни было бумажкой.

VI.

Жители этихъ домовъ составляютъ низшее городское населеніе, такое, котораго въ Москвѣ, вѣроятно, больше 100 тысячъ. Тутъ, въ этомъ домѣ, есть представители этого населенія всякаго рода; тутъ маленькіе хозяева и мастера, сапожники, щеточники, столяры, токари, башмачники, портные, кузнецы, тутъ извозчики, сами по себѣ живущіе барышники и торговки, прачки, старьевщики, ростовщики, поденные, люди безъ опредѣленныхъ занятій и тутъ же нищіе и распутныя женщины.

Здѣсь много тѣхъ самыхъ людей, которыхъ я видѣлъ у входа въ Ляпинскій домъ, но эти люди разбросаны здѣсь между рабочимъ народомъ. Да и, кромѣ того, тѣхъ я видѣлъ въ самое ихъ несчастное время, когда проѣдено и пропито все и они, холодные, голодные, гонимые изъ трактировъ, ждутъ какъ манны небесной впуска въ безплатный ночлежный домъ и оттуда въ обѣтованный острогъ для отправленія на мѣсто жительства; здѣсь же я видѣлъ этихъ среди большинства рабочихъ и въ то время, когда этимъ или другимъ средствомъ пріобрѣтены 3 или 5 коп. на ночлегъ, а иногда рубли для пищи и питья.

И, какъ ни странно это сказать, я не испыталъ здѣсь не только ничего похожаго на то чувство, которое я испытывалъ въ Ляпинскомъ домѣ, но, напротивъ, во время перваго обхода и я и студенты—мы испытывали чувство почти пріятное, да и зачѣмъ я говорю «почти пріятное»? Это неправда; чувство, вызванное общеніемъ съ этими людьми, какъ ни странно это сказать, было прямо очень пріятное чувство.

Первое впечатлѣніе было то, что большинство живущихъ здѣсь все рабочіе люди и очень добрые люди.

Большую часть жителей мы заставали за работой: прачекъ за корытами, столяровъ за верстаками, сапожниковъ на

своихъ стульяхъ. Тѣсныя квартиры были полны народомъ, и шла энергическая, веселая работа. Пахло рабочимъ потомъ, у сапожника кожей, у столяра стружками, слышалась часто пѣсня, и виднѣлись засученныя мускулистыя руки, быстро и ловко дѣлавшія привычныя движенія. Встрѣчали насъ вездѣ весело и ласково: почти вездѣ наше вторженіе въ обыденную жизнь этихъ людей не только не вызывало тѣхъ амбицій, желанія и показать свою важность и отбрить, которое появленіе счетчиковъ производило въ большинствѣ квартиръ зажиточныхъ людей, не только не вызывало этого, но, напротивъ, на всѣ вопросы наши отвѣчали какъ слѣдовало, не приписывая имъ никакого особеннаго значенія. Вопросы наши только служили для нихъ поводомъ повеселиться и подшутить о томъ, какъ кого въ счетъ класть, кого за двоихъ и гдѣ двоихъ за одного, и т. п.

Многихъ мы заставали за обѣдомъ или чаемъ, и всякій разъ на привѣтъ нашъ: «хлѣбъ да соль» или «чай да сахаръ», они отвѣчали: «просимъ милости», и даже сторонились, давая намъ мѣсто. Вмѣсто того притона постоянно перемѣняющагося населенія, которое мы думали найти здѣсь, оказалось, что въ этомъ домѣ было много квартиръ, въ которыхъ живутъ подолгу. Одинъ столяръ съ рабочими и сапожникъ съ мастерами живутъ по 10-ти лѣтъ. У сапожника было очень грязно и тѣсно, но народъ за работой очень веселый. Я пытался поговорить съ однимъ изъ рабочихъ, желая выпытать отъ него бѣдственность его положенія, задолженія хозяину, но рабочій не понялъ меня и съ самой хорошей стороны отозвался о хозяинѣ и о своей жизни.

На одной квартирѣ жилъ старичокъ со старушкой. Они торгуютъ яблоками. Комнатка ихъ тепла, чиста и полна добромъ. На полу поставлены соломенные щиты (плетенки), они берутъ ихъ въ яблочномъ складѣ. Сундуки, шкафъ, самоваръ и посуда. Въ углу образовъ много, теплятся двѣ лампады; на стѣнѣ завѣшены простыней крытыя шубы. Старуха съ звѣздообразными морщинками, ласковая, говорливая, очевидно, сама радуется на свое тихое, благообразное житье.

Иванъ Ѳедотычъ, хозяинъ трактира и квартиръ, пришелъ изъ трактира и ходилъ съ нами. Онъ ласково шутилъ со многими хозяевами квартиръ, называя всѣхъ по имени и отчеству, и дѣлалъ намъ ихъ краткія характеристики. Всѣ были люди, какъ люди, Мартыны Семеновичи, Петры Петровичи, Марьи Ивановны, — люди, не считавшіе себя несчастными, а считавшіе себя и дѣйствительно бывшіе людьми, какъ всѣ люди.

Мы готовились увидать только одно ужасное. И вдругъ вмѣсто этого ужаснаго намъ представилось не только не ужасное, но хорошее, такое, которое невольно вызывало наше уваженіе. Этихъ хорошихъ людей было такъ много, что оборванные, погибшіе, праздные люди, которые изрѣдка попадались среди нихъ, не нарушали главнаго впечатлѣнія.

Студентамъ это было не такъ поразительно, какъ мнѣ. Они просто шли исполнять дѣло полезное, какъ они думали, для науки и между тѣмъ дѣлали свои случайныя наблюденія; но я былъ благотворитель, я шелъ съ тѣмъ, чтобы помочь несчастнымъ, развращеннымъ людямъ, которыхъ я предполагалъ встрѣтить въ этомъ домѣ. И вдругъ вмѣсто несчастныхъ, погибшихъ, развращенныхъ я видѣлъ большинство трудящихся, спокойныхъ, довольныхъ, веселыхъ, ласковыхъ и очень хорошихъ людей.

Особенно живо почувствовалось это мною, когда я встрѣчалъ въ этихъ квартирахъ ту самую вопіющую нужду, которой я собирался помогать.

Когда я встрѣчалъ эту нужду, я всегда находилъ, что она уже была покрыта, уже была подана та помощь, которую я хотѣлъ подать. Помощь эта была подана прежде меня, и подана кѣмъ же? Тѣми же самыми несчастными, развращенными созданіями, которыхъ я собирался спасать, и подана такъ, какъ я бы не могъ подать.

Въ одномъ подвалѣ лежалъ одинокій старикъ, больной тифомъ. У старика никого не было. Женщина-вдова съ дѣвочкой, чужая ему, но сосѣдка по углу, ходила за нимъ, и поила его чаемъ, и покупала на свои деньги лѣкарства. Въ другой квартирѣ лежала женщина въ родильной горячкѣ. Женщина, жившая распутствомъ, качала ребенка, дѣлала ему соску и два дня не выходила на свою должность. Дѣвочка, оставшаяся сиротой, была взята въ семью портного, у котораго было своихъ трое. Такъ что оставались тѣ несчастные, праздные люди, чиновники, писаря, лакеи безъ мѣстъ, нищіе, пьяницы, распутныя женщины, дѣти, которымъ нельзя было помочь сразу деньгами, но которыхъ надо было узнать хорошенько, обдумать и пристроить. Я искалъ просто несчастныхъ, несчастныхъ отъ бѣдности, такихъ, которымъ можно помочь, подѣлившись съ ними нашимъ избыткомъ, и, какъ мнѣ казалось, по какой-то особенной неудачѣ, такихъ не попадалось, а все попадались такіе несчастные, которымъ надо посвятить много времени и заботы.

VII.

Несчастные, которыхъ я записывалъ, сами собой раздѣлились въ моемъ представленіи на три отдѣла; люди, потерявшіе свое прежнее выгодное положеніе и ожидающіе возвращенія къ нему (такіе люди были изъ высшаго и изъ низшаго сословія); потомъ распутныя женщины, которыхъ очень много въ этихъ домахъ; и третій отдѣлъ — дѣти. Больше всѣхъ я нашелъ и записалъ людей перваго разряда, людей, потерявшихъ прежнее выгодное положеніе и желающихъ возвратиться къ нему. Людей такихъ, особенно изъ господскаго и чиновничьяго міра, очень много въ этихъ домахъ. Почти во всѣхъ квартирахъ, куда мы входили съ хозяиномъ Иваномъ Ѳедотычемъ, онъ говорилъ намъ: тутъ можно не записывать квартирной карты; тутъ есть человѣкъ, который все это можетъ, если только не выпимши.

И Иванъ Ѳедотычъ вызывалъ по имени и по отчеству этого человѣка, который и былъ всегда одинъ изъ этихъ падшихъ людей высшаго состоянія. На вызовъ Ивана Ѳедотыча гдѣнибудь изъ темнаго угла вылѣзалъ бывшій богатый дворянинъ или чиновникъ, большею частью пьяный и всегда раздѣтый. Если онъ не пьянъ, онъ всегда охотно брался за предлагаемое ему дѣло, значительно кивалъ головой, хмурилъ брови, вставлялъ свои замѣчанія съ учеными терминами и съ осторожной нѣжностью держалъ въ трясущихся грязныхъ рукахъ чистенькую печатную карту на красной бумагѣ и съ гордостью, презрѣніемъ оглядывался на своихъ сожителей, какъ бы торжествуя передъ ними, столько разъ унижавшими его, доказывая свое превосходство образованія. Онъ, видимо, радовался общенію съ тѣмъ міромъ, въ которомъ печатаются карты на красной бумагѣ, съ тѣмъ міромъ, въ которомъ, онъ самъ былъ когда-то. Почти всегда на мои разспросы о его жизни человѣкъ этотъ не только охотно, но съ увлеченіемъ начиналъ разсказывать затверженную, какъ молитву, исторію про тѣ несчастія, которымъ онъ подвергся, и, главное, про то прежнее свое положеніе, въ которомъ онъ по своему воспитанію долженъ былъ находиться.

Такихъ людей очень много разбросано во всѣхъ углахъ Ржановскаго дома. Одна же изъ квартиръ сплошь занята одними ими — мужчинами и женщинами. Когда мы еще подходили къ нимъ, Иванъ Ѳедотычъ сказалъ намъ: «Ну, вотъ теперь дворянская». Квартира была вся полна: почти всѣ, человѣкъ сорокъ, были дома. Болѣе падшихъ, несчастныхъ и старыхъ,

обрюзгшихъ, и молодыхъ блѣдныхъ, растерянныхъ лицъ не было по всемъ домѣ. Почти все одна и та же исторія, только въ разныхъ степеняхъ развитія. Каждый изъ нихъ былъ богатъ, или отецъ, или братъ, или дядя его были и теперь еще богаты, или отецъ его, или самъ онъ имѣлъ прекрасное мѣсто. Потомъ случилось несчастіе, въ которомъ виноваты или завистники, или собственная доброта, или особенный случай, и вотъ онъ потерялъ все и долженъ погибать въ этой несвойственной, ненавистной ему обстановкѣ — во вшахъ, оборванный, съ пьяницами и развратниками, питаясь печенкой и хлѣбомъ, и протягивая руку. Всѣ мысль, желанія, воспоминанія этихъ людей обращены только къ прошедшему. Настоящее представляется имъ чѣмъ-то неестественнымъ, отвратительнымъ и незаслуживающимъ вниманія. У каждаго изъ нихъ нѣтъ настоящаго. Есть только воспоминаніе прошедшаго и ожиданія будущаго, которыя могутъ всякую минуту осуществиться и для осуществленія которыхъ нужно очень мало, но этого-то малаго нѣтъ, негдѣ взять, и вотъ погибаетъ напрасно жизнь—у одного первый годъ, у другого пятый годъ, у третьяго тридцатый. Одному нужно вотъ только одѣться прилично, чтобы явиться къ извѣстному лицу, расположенному къ нему; другому только одѣться, расплатиться и доѣхать до Орла; третьему нужно только выкупить заложенное и хоть маленькія средства для продолженія процесса, который долженъ рѣшиться въ его пользу, и тогда все будетъ опять хорошо. Они всѣ говорятъ, что имъ нужно только что-то внѣшнее для того, чтобы снова стать въ то положеніе, которое они считаютъ для себя естественнымъ и счастливымъ.

Если бы я не былъ отуманенъ своей гордостью добродѣтели, мнѣ стоило бы только немножко вглядѣться въ ихъ молодыя и старыя, большею частью слабыя, чувственныя, но добрыя лица, чтобы понять, что несчастье ихъ непоправимо внѣшними средствами, что они ни въ какомъ положеніи не могутъ быть счастливы, если взглядъ ихъ на жизнь останется тотъ же, что они не какіе-нибудь особенные люди, въ особенно несчастныхъ условіяхъ, а они — тѣ самые люди, которыми мы окружены со всѣхъ сторонъ, какіе мы сами. Я помню, что мнѣ особенно тяжело было общеніе съ этого рода несчастными. Теперь я понимаю, отчего это было: я въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ самого себя. Если бы я вдумался въ свою жизнь и въ жизнь людей нашего круга, я бы увидѣлъ, что между тѣми и другими нѣтъ существенной разницы.

Если тѣ, которые вокругъ меня, живутъ теперь въ большихъ квартирахъ и въ своихъ домахъ на Сивцевомъ Вражкѣ

и по Дмитровкѣ, а не въ Ржановскомъ домѣ, ѣдятъ и пьютъ еще сладко, а не одну печенку и селедку съ хлѣбомъ, то это не мѣшаетъ имъ быть точно такими же несчастными. Точно такъ же они недовольны своимъ положеніемъ, жалѣютъ о прошедшемъ и желаютъ лучшаго, и то лучшее положеніе, котораго они желаютъ, точно такое же, какъ и то, котораго желаютъ жители Ржановскаго дома, т.-е. такое, при которомъ можно меньше трудиться и больше пользоваться трудами другихъ. Разница только въ степени и времени. Если бы я вдумался тогда, я бы понялъ это; но я не вдумывался, а спрашивалъ этихъ людей и записывалъ ихъ, предполагая, узнавъ подробности ихъ разныхъ условій нуждъ, помочь имъ послѣ. Я не понималъ того, что помочь такому человѣку можно только тѣмъ, чтобы перемѣнить его міросозерцаніе. А чтобъ перемѣнить міросозерцаніе другого человѣка, надо самому имѣть свое лучшее міросозерцаніе и жить сообразно съ нимъ, а у меня было точно такое же, какъ у нихъ, и я жилъ сообразно съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое должно быть измѣнено для того, чтобы люди эти перестали быть несчастными.

Я не видѣлъ того, что люди эти несчастны, не потому, что у нихъ нѣтъ, такъ сказать, питательной пищи, а потому, что ихъ желудокъ испортился и что они ужъ требуютъ не питательной, а раздражающей аппетитъ пищи; я не видѣлъ того, что для того, чтобы помочь имъ, надо имъ дать не пищу, а надо вылѣчить ихъ испорченные желудки. Хоть этимъ я забѣгаю впередъ, но скажу здѣсь, что изъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ я записалъ, я дѣйствительно не помогъ никому, несмотря на то, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ было сдѣлано то, что они желали, и то, что, казалось, могло бы поднять ихъ. Изъ нихъ мнѣ особенно извѣстны три человѣка. Всѣ три послѣ многократныхъ подъемовъ и паденій теперь точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были три года тому назадъ.

VIII.

Второй разрядъ несчастныхъ, которымъ я тоже надѣялся помочь послѣ, были распутныя женщины; такихъ женщинъ въ Ржановскомъ домѣ очень много всякихъ сортовъ—отъ молодыхъ и похожихъ на женщинъ до старыхъ, страшныхъ и ужасныхъ, потерявшихъ образъ человѣческій. Надежда эта на помощь этимъ несчастнымъ женщинамъ, которой я сначала и не имѣлъ въ виду, возникла во мнѣ послѣ слѣдующаго случая.

Это было въ срединѣ нашего обхода. У насъ уже выработалась нѣкоторая механическая сноровка обращенія.

Входя въ новое помѣщеніе, мы тотчасъ же спрашивали хозяина квартиры; одинъ изъ насъ садился, очищая себѣ какое-нибудь мѣсто для записыванія, а другой ходилъ по угламъ и отдѣльно спрашивалъ каждаго человѣка по угламъ квартиры и передавалъ эти свѣдѣнія записывающему.

Войдя въ одну изъ квартиръ подвальнаго этажа, студентъ пошелъ отыскивать хозяина, а я сталъ спрашивать всѣхъ, бывшихъ въ квартирѣ. Квартира расположена такъ: въ срединѣ квадратной въ 6 аршинъ комнаты — печка. Отъ печки идутъ звѣздой 4 перегородки, образующія 4 каморки. Въ первой проходной каморкѣ съ четырьмя койками были два человѣка — старикъ и женщина. Прямо послѣ этой каморки — другая въ ней хозяинъ молодой, въ сѣрую суконную поддевку одѣтый, благообразный, очень блѣдный мѣщанинъ. Налѣво отъ перваго угла—третья каморка; тамъ одинъ спящій, вѣроятно пьяный, мужчина и женщина въ розовой блузѣ, распущенной спереди и стянутой сзади. Четвертая каморка за перегородкой: въ нее ходъ изъ каморки хозяина.

Студентъ прошелъ въ каморку хозяина, а я остановился во входной каморкѣ и разспросилъ старика и женщину. Старикъ былъ мастеровой, печатникъ, теперь не имѣетъ средствъ къ жизни. Женщина — жена повара. Я прошелъ въ третью каморку и спросилъ у женщины въ блузѣ про спящаго человѣка. Она сказала, что это гость. Я спросилъ женщину, кто она. Она сказала, что московская крестьянка. «Чѣмъ занимаетесь?» Она засмѣялась, не отвѣчая мнѣ. «Чѣмъ вы кормитесь?» повторилъ я, думая, что она не поняла вопроса. «Въ трактирѣ сижу», сказала она. Я не понялъ и вновь спросилъ: «Чѣмъ вы живете?» Она не отвѣчала и смѣялась. Изъ четвертой каморки, въ которой мы еще не были, послышался смѣхъ женщинъ. Мѣщанинъ-хозяинъ вышелъ изъ своей каморки и подошелъ къ намъ. Онъ, очевидно, слышалъ мои вопросы и отвѣты женщины. Онъ строго посмотрѣлъ на женщину и обратился ко мнѣ: «проститутка», сказалъ онъ, очевидно, довольный тѣмъ, что знаетъ это слово, употребляемое въ правительственномъ языкѣ, и правильно произноситъ его. И, сказавъ это, съ чуть замѣтной почтительной улыбкой удовольствія, обращенной ко мнѣ, онъ обратился къ женщинѣ. И какъ только онъ обратился къ ней, все лицо его измѣнилось. Особенной презрительной скороговоркой, какъ говорятъ съ собакой, не глядя на нее, онъ сказалъ ей:

— Что болтать зря: «въ трактирѣ сижу!» Въ трактирѣ сидишь, значитъ и говори дѣло. Проститутка, — еще разъ повторилъ онъ это слово.—Себѣ имени не знаетъ тоже...

Тонъ этотъ оскорбилъ меня. «Намъ ее срамить не приходится, — сказалъ я. — Кабы мы всѣ по-Божьи жили, и ихъ бы не было».

— Да ужъ это такое дѣло, — сказалъ хозяинъ, неестественно улыбаясь.

— Такъ намъ ихъ не укорять, а жалѣть надо. Развѣ онѣ виноваты?

Не помню, какъ я именно сказалъ, но помню, что меня возмутилъ презрительный тонъ этого молодого хозяина квартиры, полной женщинами, которыхъ онъ называлъ проститутками, и мнѣ жалко стало этой женщины, и я выразилъ и то и другое. Только что я сказалъ это, какъ въ той каморкѣ, изъ которой слышался смѣхъ, заскрипѣли доски кроватей и надъ перегородкой, не доходившей до потолка, поднялась одна спутанная женская курчавая голова съ маленькими запухшими глазами и глянцевито-краснымъ лицомъ, а вслѣдъ за ней другая и еще третья. Онѣ, видно, встали на свои кровати и всѣ три вытянули шеи и, сдерживая дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ, молча смотрѣли на насъ.

Произошло смущенное молчаніе. Студентъ, улыбавшійся передъ этимъ, сталъ серьезенъ; хозяинъ смутился и опустилъ глаза. Женщины все не переводили дыханія, смотрѣли на меня и ждали. Я былъ смущенъ болѣе всѣхъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы случайно брошенное слово произвело такое дѣйствіе. Точно поле смерти Іезекіиля, усыпанное мертвыми костями, дрогнуло отъ прикосновенія духа, и мертвыя кости зашевелились. Я сказалъ необдуманно слово любви и сожалѣнія, и слово это подѣйствовало на всѣхъ такъ, какъ будто всѣ только и ждали этого слова, чтобы перестать быть трупами и ожить. Онѣ всѣ смотрѣли на меня и ждали, что будетъ дальше. Онѣ ждали, чтобы я сказалъ тѣ слова и сдѣлалъ тѣ дѣла, отъ которыхъ бы кости эти стали сближаться, обрастать плотью и оживляться. Но я чувствовалъ, что у меня нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ дѣлъ, которыми бы я могъ продолжать начатое; я чувствовалъ въ глубинѣ души, что я солгалъ, что я самъ такой же, какъ онѣ, что мнѣ дальше говорить нечего, и я сталъ записывать въ карточки имена и званія лицъ на этой квартирѣ. Этотъ случай ввелъ меня въ новое заблужденіе — въ мысль о томъ, что можно помочь и этимъ несчастнымъ. Мнѣ тогда въ моемъ самообольщеніи казалось, что это очень легко. Я говорилъ себѣ: вотъ мы запишемъ и этихъ женщинъ и «послѣ» мы (кто такіе эти мы, я не отдавалъ себѣ отчета), когда все запишемъ, займемся этимъ. Я воображалъ, что мы, тѣ самые, которые приводили и приво-

димъ женщинъ въ это состояніе въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, въ одинъ прекрасный день вздумаемъ и сейчасъ же поправимъ все это. А между тѣмъ, хоть вспомнивъ мой разговоръ съ той распутной женщиной, которая качала ребенка больной родильницы, я могъ бы понять все безуміе такого предположенія.

Когда мы увидали эту женщину съ ребенкомъ, мы думали, что это ея ребенокъ. Она на вопросъ: кто она? прямо сказала, что она дѣвка. Она не сказала проститутка. Только мѣщанинъ, хозяинъ квартиры, употребилъ это страшное слово. Предположеніе о томъ, что у нея есть ребенокъ, дало мнѣ мысль вывести ее изъ ея положенія. Я спросилъ:

— Этотъ ребенокъ вашъ?

— Нѣтъ, это вонъ той женщины.

— Отчего вы его качаете?

— Да просила; она умираетъ.

Хотя предположеніе мое оказалось несправедливымъ, я продолжалъ говорить съ нею въ томъ же духѣ. Я сталъ разспрашивать, кто она и какъ попала въ такое положеніе. Она охотно и очень просто разсказала мнѣ свою исторію. Она московская мѣщанка, дочь фабричнаго. Она осталась сиротой, ее взяла тетка. Отъ тетки и пошла ходить по трактирамъ. Тетка теперь умерла. Когда же я спросилъ, не хочетъ ли она перемѣнить жизнь, вопросъ мой, очевидно, даже нисколько не заинтересовалъ ее. Какъ же можетъ интересовать человѣка предположеніе чего-нибудь совершенно невозможнаго! Она усмѣхнулась и сказала: «да кто же меня возьметъ съ желтымъ билетомъ?»

— Ну да если бы найти мѣсто кухарки или куда? — сказалъ я.

Мнѣ пришла эта мысль потому, что она женщина сильная, русая, съ добрымъ и глуповатымъ круглымъ лицомъ. Такія бываютъ кухарки. Мои слова, очевидно, ей не понравились, и она повторила:

— Кухарка? Да я не умѣю и хлѣбы-то печь,—и засмѣялась. Она сказала, что не умѣетъ, но я по выраженію ея лица видѣлъ, что она и не хочетъ быть кухаркой, что она считаетъ положеніе и званіе кухарки низкимъ.

Женщина эта, самымъ простымъ образомъ пожертвовавшая, какъ евангельская вдова, всѣмъ, что у нея было, для больной вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ же какъ и другія ея товарки, считаетъ положеніе рабочаго человѣка низкимъ и достойнымъ презрѣнія. Она воспиталась такъ, чтобы жить не работая, а той жизнью, которая считается для нея естественной ея окружающими. Въ

этомъ ея несчастіе. И этимъ несчастіемъ она попала и удерживается въ своемъ положеніи. Это привело ее сидѣть въ трактирѣ. Кто же изъ насъ — мужчинъ или женщинъ — будетъ исправлять ее отъ этого ложнаго взгляда на жизнь? Гдѣ среди насъ тѣ люди, которые убѣждены въ томъ, что всякая трудовая жизнь уважительнѣе праздной, — убѣждены въ этомъ и живутъ сообразно этому убѣжденію и сообразно этому убѣжденію цѣнятъ и уважаютъ людей? Если бы я подумалъ объ этомъ, я бы могъ понять, что ни я, и никто изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ, не можетъ лѣчить отъ этой болѣзни.

Я бы могъ понять, что эти высунувшіяся изъ-за перегородки изумленныя и умиленныя головы выражали только изумленіе отъ высказаннаго имъ сочувствія, но никакъ не надежду на исправленіе ихъ отъ безнравственности своей жизни. Онѣ видятъ, что ихъ презираютъ и ругаютъ, но за что ихъ такъ презираютъ, имъ невозможно понять. Ихъ жизнь такъ шла съ дѣтства среди точно такихъ же женщинъ, которыя — онѣ знаютъ очень хорошо — всегда были и есть и которыя необходимы въ обществѣ, такъ необходимы, что существуютъ правительственные чиновники, заботящіеся объ ихъ правильномъ существованіи. Кромѣ того, онѣ знаютъ, что онѣ имѣютъ власть надъ людьми и покоряютъ и владѣютъ часто ими больше, чѣмъ другія женщины. Онѣ видятъ, что положеніе ихъ въ обществѣ, несмотря на то, что ихъ всегда ругаютъ, признается и женщинами, и мужчинами, и начальствомъ, и потому не могутъ даже понять, въ чемъ имъ раскаиваться и въ чемъ имъ исправляться. Въ одинъ изъ обходовъ студентъ разсказалъ мнѣ, что въ одной изъ кваритръ есть женщина, торгующая своей 13-лѣтней дѣвочкой. Желая спасти эту дѣвочку, я нарочно пошелъ въ эту квартиру. Мать и дочь живутъ въ большой бѣдности. Мать, маленькая, черненькая, лѣтъ сорока проститутка, не только безобразная, но непріятно безобразная. Дочь такая же непріятная. На всѣ мои окольные вопросы объ ихъ жизни мать недовѣрчиво и враждебно, коротко отвѣчала мнѣ, очевидно чувствуя во мнѣ врага, имѣющаго злыя намѣренія; дочь ничего не отвѣчала, не взглянувъ на мать, и, очевидно, вполнѣ довѣряла матери. Жалости сердечной онѣ не возбудили во мнѣ, скорѣе отвращеніе. Но я рѣшилъ, что надо спасти дочь, заинтересовать дамъ, сочувствующихъ жалкому положенію этихъ женщинъ, и прислать сюда. Но если бы я подумалъ о всемъ томъ длинномъ прошломъ матери, о томъ, какъ она родила, выкормила и воспитала эту дочь въ своемъ положеніи, навѣрное, уже безъ малѣйшей помощи отъ людей и съ тяжелыми жертвами, если бы я подумалъ о томъ взглядѣ на жизнь, который

образовался у этой женщины, я бы понялъ, что въ поступкѣ матери нѣтъ рѣшительно ничего дурного и безнравственнаго: она дѣлала и дѣлаетъ для дочери все, что можетъ, т.-е. то, что она считаетъ лучшимъ для себя. Отнять насильно эту дочь отъ матери можно; но убѣдить мать, что она дѣлаетъ дурное, продавая свою дочь, нельзя. Если ужъ спасать, то спасать надо было эту женщину-мать гораздо прежде, спасать отъ того взгляда на жизнь, одобряемаго всѣми, при которомъ женщина можетъ жить безъ брака, т.-е. безъ рожденія дѣтей и безъ работы, служа только удовлетворенію чувственности. Если бы я подумалъ объ этомъ, то я бы понялъ, что большинство тѣхъ дамъ, которыхъ я хотѣлъ прислать сюда для спасенія этой дѣвочки, не только сами живутъ безъ рожденія дѣтей и безъ работы, служа только удовлетворенію чувственности, но и сознательно воспитываютъ своихъ дочерей для этой самой жизни: одна мать ведетъ дочь въ трактиръ, другая—на балы. Но у той и другой матери міросозерцаніе одно и то же, именно, что женщина должна удовлетворять похотямъ мужчины, и за это ее должны кормить, одѣвать и жалѣть. Такъ какъ же наши дамы будутъ исправлять эту женщину и ея дочь?

IX.

Еще чуднѣе было мое отношеніе къ дѣтямъ. Я въ роли благодѣтеля обращалъ вниманіе и на дѣтей, желая спасать погибающія въ этомъ вертепѣ разврата невинныя существа, и записывалъ ихъ, чтобы заняться ими «послѣ».

Изъ числа дѣтей особенно поразилъ меня 12-лѣтній мальчикъ Сережа. Этого умнаго, бойкаго мальчика, жившаго у сапожника и оставшагося безъ пріюта, потому что хозяинъ его попалъ въ острогъ, я пожалѣлъ отъ души и хотѣлъ сдѣлать ему доброе.

Разскажу теперь, чѣмъ кончилось мое благотвореніе ему, потому что исторія съ мальчикомъ лучше всего показываетъ мое ложное положеніе въ роли благодѣтеля. Я взялъ мальчика къ себѣ и помѣстилъ его на кухнѣ. Нельзя же было вшиваго мальчика изъ вертепа разврата взять къ своимъ дѣтямъ! Я и за то, что онъ стѣснялъ не меня, а нашу прислугу на кухнѣ, и за то, что кормилъ его тоже не я, а наша кухарка, и за то, что отдалъ ему какіе-то обноски надѣть, считалъ себя очень добрымъ и хорошимъ. Мальчикъ пробылъ съ недѣлю. Въ эту недѣлю я раза два, проходя мимо него, сказалъ ему нѣсколько словъ и во время прогулки зашелъ къ знакомому сапожнику, предлагая ему мальчика въ ученики. Одинъ мужикъ, гостившій

у меня, звалъ его въ деревню, въ работники, въ семью; мальчикъ отказался и черезъ недѣлю исчезъ. Я пошелъ въ Ржановъ домъ справиться о немъ. Онъ вернулся туда, и въ то время, какъ я приходилъ, его дома не было. Онъ второй день уже ходилъ на Прѣсненскіе пруды, гдѣ нанимался по 30 коп. въ день въ процессію какихъ-то дикарей въ костюмахъ, водившихъ слона. Тамъ представлялось что-то для публики. Я заходилъ и другой разъ, но онъ былъ такъ неблагодаренъ, что, очевидно, избѣгалъ меня. Если бы я вдумался тогда въ жизнь этого мальчика и въ свою, я бы понялъ, что мальчикъ испорченъ тѣмъ, что онъ узналъ возможность веселой жизни безъ труда. И я, чтобы благодѣтельствовать и исправить его, взялъ его къ себѣ, гдѣ онъ видѣлъ — что̀ же? Моихъ дѣтей — моложе его и ровесниковъ,—которыя не только ничего не работали для себя, портили все вокругъ себя, объѣдались жирнымъ вкуснымъ и сладкимъ, били посуду, проливали и бросали собакамъ такую пищу, которая для этого мальчика представлялась лакомствомъ. Если я изъ *вертепа* взялъ его и привелъ въ хорошее мѣсто, то онъ и долженъ былъ усвоить тѣ взгляды, которые существуютъ на жизнь въ хорошемъ мѣстѣ; и по этимъ взглядамъ онъ понялъ, что въ хорошемъ мѣстѣ надо такъ жить, чтобы ничего не работать, а ѣсть и пить сладко и жить весело. Правда, онъ не зналъ того, что дѣти мои несутъ тяжелые труды для изученія исключеній латинской и греческой грамматики, и не могъ бы понять цѣли этихъ трудовъ. Но нельзя же не видѣть, что если бы онъ понялъ это, то воздѣйствіе на него примѣра моихъ дѣтей было бы еще сильнѣе. Онъ понялъ бы тогда, что мои дѣти воспитываются такъ, чтобы, ничего не работая теперь, быть въ состояніи и впредь, пользуясь своимъ дипломомъ, работать какъ можно меньше и пользоваться благами жизни какъ можно больше. Онъ и понялъ это, и не пошелъ къ мужику убирать скотину и ѣсть съ нимъ картошки съ квасомъ, а пошелъ въ зоологическій садъ въ костюмѣ дикаго водить слона за 30 коп. въ день.

Я могъ бы понять, какъ нелѣпо было мнѣ, воспитывающему своихъ дѣтей въ полнѣйшей праздности и роскоши, исправлять другихъ людей и ихъ дѣтей, погибающихъ отъ праздности въ называемомъ мною вертепомъ Ржановомъ домѣ, гдѣ однако три четверти людей работаютъ для себя и для другихъ. Но я ничего не понималъ этого.

Дѣтей въ самомъ жалкомъ положеніи было очень много въ Ржановомъ домѣ; были дѣти проститутокъ, были сироты, были дѣти, носимыя нищими по улицамъ. Всѣ были очень жалки. Но опытъ мой съ Сережей показалъ мнѣ, что я, живя своей

жизнью, не въ состояніи помочь ему. Въ то время какъ Сережа былъ у насъ, я замѣтилъ за собой стараніе скрыть отъ него нашу жизнь, въ особенности жизнь нашихъ дѣтей. Я чувствовалъ, что всѣ мои старанія направить его на хорошую, трудовую жизнь уничтожались примѣрами жизни нашей и нашихъ дѣтей. Взять ребенка отъ проститутки, отъ нищей очень легко. Очень легко, имѣя деньги, вымыть, вычистить его и одѣть въ чистое платье, откормить его и даже научить разнымъ паукамъ, но научить его зарабатывать свой хлѣбъ намъ, не зарабатывающимъ свой хлѣбъ, а дѣлающимъ обратное, не только трудно, но невозможно, потому что мы примѣромъ своимъ, и даже тѣми матеріальными, ничего нестоящими намъ улучшеніями его жизни учимъ его противному. Щенка можно взять, выхолить, накормить и научить носить поноску и радоваться на него; но человѣка недостаточно выхолить, выкормить и научить по-гречески,— надо научить человѣка жить, т.-е. меньше брать отъ другихъ, а больше давать; мы не можемъ не научить его дѣлать обратное, если возьмемъ его въ свой домъ или въ учрежденные для него пріюты.

X.

Того чувства состраданія къ людямъ и отвращенія къ себѣ, которое испытывалъ въ Ляпинскомъ домѣ, я уже не испытывалъ; я весь былъ переполненъ желаніемъ исполнить затѣянное мною дѣло. Казалось бы, дѣлать добро — давать деньги нуждающимся — очень хорошее дѣло и должно располагать къ любви къ людямъ, выходило же наоборотъ: это дѣло вызывало во мнѣ недоброжелательность и осужденіе людей. Въ первый же обходъ вечеромъ произошла сцена, совершенно такая же, какъ и въ Ляпинскомъ домѣ; но сцена эта не произвела на меня такого же впечатлѣнія, какъ въ Ляпинскомъ домѣ, а вызвала совсѣмъ другое чувство.

Началось это съ того, что въ одной изъ квартиръ я нашелъ именно такого несчастнаго, которому нужна была немедленная помощь. Я нашелъ голодную, не ѣвшую два дня женщину.

Это было такъ: въ одной очень большой, почти пустой ночлежной квартирѣ я спросилъ у старушки, есть ли здѣсь такіе бѣдные, которымъ ѣсть нечего? Старушка подумала и назвала мнѣ двоихъ, а потомъ какъ будто вспомнила. «Да вотъ никакъ здѣсь лежитъ, — сказала она, вглядываясь въ одну изъ занятыхъ коекъ, — такъ эта, я чай, и точно не ѣла». — «Неужели! Да кто она?» — «Была распутная, теперь никто не бе-

реть, такъ и неоткуда взять. Хозяйка жалѣла все, а теперь согнать хочетъ... Агаѳья, а Агаѳья!» окликнула старушка.

Мы подошли, и на койкѣ поднялось что-то. Это была полусѣдая, растрепанная, худая какъ скелетъ женщина, въ одной грязной разорванной рубахѣ, съ особенно блестящими и останавливающимися глазами. Она смотрѣла мимо насъ, ловила худой рукой за собою кофту, чтобы прикрыть открывшуюся изъ-за разорванной грязной рубахи костлявую грудь, и какъ бы взлаивала: «чего? чего?» Я спросилъ ее, какъ она живетъ. Она долго не понимала и сказала: «Я сама не знаю, гонятъ». Я спросилъ ее, — совѣстно, рука не пишетъ, — правда ли, что она не ѣла? Она той же лихорадочной скороговоркой сказала, все не глядя на меня: «Вчерась не ѣла и нынче не ѣла».

Видъ этой женщины тронулъ меня, но совсѣмъ не такъ, какъ это было въ Ляпинскомъ домѣ: тамъ мнѣ отъ жалости къ этимъ людямъ тотчасъ же стало стыдно за себя, здѣсь же я обрадовался тому, что нашелъ наконецъ то, чего искалъ, — голоднаго человѣка.

Я далъ ей рубль, и помню, что очень былъ радъ, что другіе видѣли это. Старушка, увидѣвъ это, тоже попросила у меня денегъ. Мнѣ такъ было пріятно давать, что я, уже не разбирая, нужно или не нужно давать, далъ и старушкѣ. Старушка проводила меня за дверь, и стоявшіе въ коридорѣ люди слышали, какъ она благодарила меня. Вѣроятно, вопросы, которые я задавалъ о бѣдности, возбудили ожиданія, и за нами ходили нѣкоторые. Въ коридорѣ еще у меня стали просить денегъ. Были изъ просящихъ очевидные пьяницы, которые возбуждали во мнѣ непріятное чувство; но я, разъ давъ старушкѣ, не имѣлъ права отказать и этимъ, и я сталъ давать. Пока я давалъ, подошли еще и еще. И во всѣхъ квартирахъ произошло волненіе. На лѣстницахъ и на галлереяхъ появились люди, слѣдившіе за мной. Когда я вышелъ на дворъ, съ одной изъ лѣстницъ быстро сбѣгалъ мальчикъ, проталкивая народъ. Онъ не видалъ меня и быстро проговорилъ: «Агашѣ рублевку далъ». Сбѣжавъ внизъ, мальчикъ присоединился къ толпѣ, шедшей за мной. Я вышелъ на улицу; разнаго рода люди шли за мною и просили денегъ. Я роздалъ, что было мелочью, и зашелъ въ открытую лавочку, прося торговца размѣнять мнѣ 10 рублей. И тутъ сдѣлалось то же, что въ Ляпинскомъ домѣ. Тутъ произошла страшная путаница. Старухи, дворяне, дѣти, мужики жались у лавочки, протягивая руки; я давалъ и нѣкоторыхъ разспрашивалъ объ ихъ жизни и записывалъ въ свою записную книжку. Торговецъ, за-

воротивъ внутрь углы воротника своей шубы, сидѣлъ какъ истуканъ, изрѣдка взглядывая на толпу и опять устремлялъ глаза мимо. Онъ, очевидно, какъ и всѣ, чувствовалъ, что это глупо, но сказать не могъ.

Въ Ляпинскомъ домѣ меня ужаснула нищета и униженіе людей, и я почувствовалъ себя въ этомъ виноватымъ, чувствовалъ желаніе и возможность быть лучше. Теперь же точно такая же сцена произвела совсѣмъ другое: я испыталъ, во-первыхъ, недоброжелательное чувство ко многимъ изъ тѣхъ, которые осаждали меня, и, во-вторыхъ, безпокойство о томъ, что думаютъ обо мнѣ лавочники и дворники.

Вернувшись домой въ этотъ день, у меня было нехорошо на душѣ. Я чувствовалъ, что то, что я дѣлалъ, было глупо и безнравственно. Но, какъ всегда бываетъ вслѣдствіе путаницы, я много говорилъ про затѣянное дѣло, какъ будто нисколько не сомнѣвался въ его успѣхѣ.

На другой день я пошелъ одинъ къ тѣмъ изъ записанныхъ мною лицъ, которыя мнѣ показались жалче всѣхъ и которымъ легче, мнѣ казалось, помочь. Какъ я говорилъ уже, никому изъ этихъ лицъ я не помогъ. Помогать имъ оказалось труднѣе, чѣмъ я думалъ. И потому ли, что я не умѣлъ или нельзя было, я только подразнилъ этихъ людей и никому не помогъ. Я нѣсколько разъ до окончательнаго обхода былъ въ Ржановомъ домѣ, и всякій разъ происходило одно и то же: меня осаждала толпа просящихъ людей, въ массѣ которыхъ я совершенно терялся. Я чувствовалъ невозможность что-нибудь сдѣлать потому, что ихъ было слишкомъ много, и потому чувствовалъ недоброжелательность къ нимъ за то, что ихъ много; но, кромѣ этого, и каждый порознь не располагалъ къ себѣ. Я чувствовалъ, что каждый изъ нихъ говоритъ мнѣ неправду или не всю правду и видитъ во мнѣ только кошель, изъ котораго можно вытянуть деньги. И очень часто мнѣ казалось, что тѣ самыя деньги, которыя онъ вымогаетъ отъ меня, не улучшатъ, а ухудшатъ его положеніе. Чѣмъ чаще я ходилъ въ эти дома, чѣмъ въ большее общеніе входилъ съ тамошними людьми, тѣмъ очевиднѣе мнѣ становилась невозможность что-нибудь сдѣлать, но я все-таки не отставалъ отъ своей затѣи до послѣдняго ночного обхода переписи.

Мнѣ особенно совѣстно вспомнить этотъ послѣдній обходъ. То я ходилъ одинъ, а тутъ мы пошли 20 человѣкъ вмѣстѣ. Въ 7 часовъ стали ко мнѣ собираться всѣ тѣ, которые хотѣли участвовать въ этомъ послѣднемъ ночномъ обходѣ. Это были почти всѣ незнакомые: студенты, одинъ офицеръ и два моихъ свѣт-

скихъ знакомыхъ, которые сказали обычное: «это очень интересно», просили меня принять ихъ въ число счетчиковъ.

Свѣтскіе знакомые мои одѣлись особенно въ какія-то охотничьи куртки и высокіе дорожные сапоги—въ костюмъ, въ которомъ они ѣздили въ дорогу и на охоту и который, по ихъ мнѣнію, подходилъ къ поѣздкѣ въ ночлежный домъ. Они взяли съ собой особенныя записныя книжки и необыкновенные карандаши. Они находились въ томъ особенномъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ собираются на охоту, на дуэль, на войну. На нихъ яснѣе была видна глупость и фальшь нашего положенія, но и всѣ мы остальные были въ такомъ же фальшивомъ положеніи. Передъ отъѣздомъ произошло между нами совѣщаніе, въ родѣ военнаго совѣта, о томъ, какъ, съ чего начать, какъ раздѣлиться и т. п. Совѣщаніе было совершенно такое же, какъ въ совѣтахъ, собраніяхъ и комитетахъ, т.-е. каждый говорилъ не потому, что ему нужно было что-нибудь сказать или узнать, а потому, что каждый выдумывалъ, что бы и ему сказать, чтобы не отстать отъ другихъ. Но въ числѣ этихъ разговоровъ никто не упоминалъ о благотворительности, о которой я всѣмъ столько разъ говорилъ. Какъ мнѣ ни совѣстно было, я почувствовалъ, что необходимо опять напомнить о благотворительности, т.-е. о томъ, чтобы во время обхода замѣчать и записывать всѣхъ тѣхъ, находящихся въ бѣдственномъ положеніи, которыхъ мы найдемъ во время этого обхода. И всегда мнѣ было совѣстно говорить про это, но тутъ, среди нашего возбужденнаго приготовленія къ обходу, я насилу могъ это выговорить. Всѣ выслушали меня, какъ мнѣ показалось, съ грустью и при этомъ всѣ согласились на словахъ; но видно было, что всѣ знали, что это глупость и что изъ этого ничего не выйдетъ, и всѣ опять тотчасъ же начали говорить о другомъ. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока пришло время ѣхать, и мы поѣхали.

Мы пріѣхали въ темный трактиръ, подняли половыхъ и стали разбирать свои папки. Когда намъ объявили, что народъ узналъ объ обходѣ и уходилъ изъ квартиръ, мы попросили хозяина запереть ворота, а сами ходили на дворъ уговаривать уходившихъ людей, увѣряя ихъ, что никто не спроситъ ихъ билетовъ. Помню страшное и тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня этими встревоженными ночлежниками: оборванные, полураздѣтые, они всѣ мнѣ показались высокими и при свѣтѣ фонаря въ темнотѣ двора; испуганные и страшные въ своемъ испугѣ, они стояли кучкой около вонючаго нужника, слушали наши увѣренія и не вѣрили намъ и, очевидно, готовы были на все, какъ травленый звѣрь, чтобъ только спастись отъ насъ. Господа въ

разныхъ видахъ: и какъ полицейскіе, городскіе и деревенскіе, и какъ слѣдователи, и какъ судьи, всю жизнь травятъ ихъ и по городамъ и по деревнямъ, и по дорогамъ, и по улицамъ, и по трактирамъ, и по ночлежнымъ домамъ, и теперь вдругъ эти господа пріѣхали и заперли ворота только затѣмъ, чтобы считать ихъ; имъ этому такъ же трудно было повѣрить, какъ зайцамъ тому, что собаки пришли не ловить, а считать ихъ. Но ворота были заперты, и встревоженные ночлежники вернулись, мы же, раздѣлившись на группы, пошли въ обходъ. Со мною были два свѣтскихъ человѣка и два студента. Впереди насъ, во мракѣ, шелъ Ваня въ пальто и бѣлыхъ штанахъ съ фонаремъ, а за нимъ и мы. Шли мы въ знакомыя мнѣ квартиры. Помѣщенія были мнѣ знакомы, нѣкоторые люди тоже, но большинство людей были новые, и зрѣлище было новое и ужасное, еще ужаснѣе того, которое я видѣлъ у Ляпинскаго дома. Всѣ квартиры были полны, всѣ койки были заняты и не однимъ, а часто двумя. Ужасно было зрѣлище по тѣснотѣ, въ которой жался этотъ народъ, и по смѣшенію женщинъ и мужчинъ. Всѣ женщины не мертвецки пьяныя спали съ мужчинами. Многія женщины на узкихъ койкахъ спали съ чужими мужчинами. Ужасно было зрѣлище по нищетѣ, грязи, оборванности и испуганности этого народа. И главное—ужасно по тому огромному количеству людей, которое было въ этомъ положеніи. Одна квартира и потомъ другая такая же, и третья, и десятая, и двадцатая—и нѣтъ имъ конца. И вездѣ тотъ же смрадъ, та же духота, тѣснота, то же смѣшеніе половъ, тѣ же пьяные до одурѣнія мужчины и женщины и тотъ же испугъ, покорность и виновность на всѣхъ лицахъ, и мнѣ стало опять совѣстно и больно, какъ въ Ляпинскомъ домѣ, и я понялъ, что то, что я затѣвалъ, было гадко, глупо и потому невозможно. И я, уже никого не записывалъ, зная, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Мнѣ было очень больно. Въ Ляпинскомъ домѣ я былъ какъ человѣкъ, который случайно увидалъ страшную язву на тѣлѣ другого человѣка. Ему жалко другого, ему совѣстно за то, что онъ прежде не пожалѣлъ его, и онъ еще можетъ надѣяться помочь больному. Но теперь я былъ какъ врачъ, который пришелъ съ своимъ лѣкарствомъ къ больному, обнажилъ его язву, разбередилъ ее и долженъ сознаться передъ собой, что все это онъ сдѣлалъ напрасно, что лѣкарство его не годится.

XI.

Это посѣщеніе нанесло послѣдній ударъ моему самообольщенію. Мнѣ стало несомнѣнно, что затѣянное мной не только глупо, но и гадко. Но, несмотря на то, что я зналъ это, мнѣ ка-

валось, что я не могъ тотчасъ же бросить все дѣло, и мнѣ казалось, что я обязанъ продолжать еще это занятіе, во-первыхъ, потому, что я своей статьей, своими посѣщеніями и обѣщаніями вызвалъ ожиданія бѣдныхъ, во-вторыхъ, потому, что я тоже своей статьей и разговорами вызвалъ сочувствіе благотворителей, изъ которыхъ многіе обѣщали мнѣ содѣйствіе и личными трудами и деньгами. И я ожидалъ обращенія къ себѣ и тѣхъ и другихъ, съ тѣмъ чтобы, какъ я могъ и умѣю, отвѣтить на это.

Со стороны обращенія ко мнѣ нуждающихся произошло слѣдующее: писемъ и обращеній ко мнѣ я получилъ болѣе сотни; обращенія эти были все отъ богатыхъ-бѣдныхъ, если можно такъ выразиться. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ я ходилъ, нѣкоторыхъ оставилъ безъ отвѣта. Нигдѣ я ничего не успѣлъ сдѣлать. Всѣ обращенія ко мнѣ были отъ лицъ, находившихся когда-то въ положеніи привилегированномъ (я называю такъ то положеніе, при которомъ люди получаютъ больше отъ другихъ, чѣмъ даютъ), потерявшихъ его и вновь желающихъ занять его. Одному необходимо было 200 руб., чтобы поддержать падающую торговлю и окончить начатое воспитаніе дѣтей, другому—фотографическое заведеніе, третьему—чтобы заплатить долги, выкупить приличное платье, четвертому нужно было фортепіано, чтобы усовершенствоваться и уроками кормить семью. Большинство же, не опредѣляя нужнаго количества денегъ, просило просто помочь, но когда приходилось вникать въ то, что требовалось, то оказывалось, что потребности равномѣрно возрастали по мѣрѣ помощи, а не было и не могло быть удовлетворенія. Я повторяю, что очень можетъ быть, что это произошло отъ того, что я не умѣлъ, но я никому не помогъ, несмотря на то, что иногда старался сдѣлать это.

Со стороны же содѣйствія мнѣ благотворителей произошло очень для меня странное и неожиданное. Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обѣщали мнѣ денежное содѣйствіе и даже опредѣляли число рублей, ни одинъ не передалъ мнѣ для раздачи бѣднымъ ни одного рубля. По тѣмъ обѣщаніямъ, которыя мнѣ были даны, я могъ разсчитывать тысячами рублей, и изъ всѣхъ этихъ людей ни одинъ не вспомнилъ прежнихъ разговоровъ и не далъ мнѣ ни одной копейки. Дали только студенты тѣ деньги, которыя имъ причитались за работу по переписи, кажется, 12 рублей. Такъ что вся моя затѣя, долженствовавшая выразиться въ десяткахъ тысячъ рублей, пожертвованныхъ богатыми людьми, въ сотняхъ и тысячахъ людей, которые должны были быть спасены отъ нищеты и разврата, свелась на то, что я

наобумъ роздалъ нѣсколько десятковъ рублей тѣмъ людямъ, которые выпросили ихъ у меня, и что у меня осталось на рукахъ 12 рублей, пожертвованные студентами, и 25 рублей, присланные мнѣ думой за работу распорядителя, которые я не зналъ рѣшительно, кому отдать.

Все дѣло кончилось. И вотъ, передъ отъѣздомъ въ деревню, въ воскресенье подъ масленицу, я пошелъ въ Ржановъ домъ утромъ, чтобы передъ отъѣздомъ изъ Москвы освободиться отъ этихъ 37 рублей и раздать ихъ бѣднымъ. Я обошелъ знакомыхъ въ квартирахъ и тамъ нашелъ только одного больного человѣка, которому далъ, кажется, 5 рублей. Больше же тамъ давать было некому. Разумѣется, многіе стали просить меня. Но я, какъ не зналъ ихъ сначала, такъ не зналъ ихъ и теперь, и рѣшилъ, что я посовѣтуюсь съ Иваномъ Оедотычемъ, хозяиномъ трактира, кому дать оставшіеся 32 р. Былъ первый день масленицы. Всѣ были нарядны, всѣ сыты и многіе уже пьяны. На дворѣ, у угла дома, стоялъ въ оборванномъ зипунѣ и лаптяхъ старикъ-ветошникъ, бодрый еще, и, перебирая въ корзинѣ свою добычу, выкидывалъ по кучамъ кожу, желѣзо и другое и заливался прекраснымъ, сильнымъ голосомъ веселою пѣснью. Я разговорился съ нимъ. Ему 70 лѣтъ, онъ одинокій, кормится своимъ ремесломъ ветошника и не только не жалуется, но говоритъ, что и сытъ и пьянъ. Я спросилъ у него объ особенно нуждающихся. Онъ разсердился и прямо сказалъ, что никого нѣтъ нуждающихся, кромѣ пьяницъ и лежебоковъ; но, узнавъ мою цѣль, онъ попросилъ у меня пятачокъ на выпивку и побѣжалъ въ трактиръ. Я тоже пошелъ въ трактиръ къ Ивану Ѳедотычу, чтобы ему поручить раздать оставшіяся у меня деньги. Трактиръ былъ полонъ; нарядныя пьяныя дѣвки сновали изъ двери въ дверь; всѣ столы были заняты; пьяныхъ уже было много, и въ маленькой комнаткѣ играла гармоника и плясали двое. Иванъ Ѳедотычъ велѣлъ изъ уваженія ко мнѣ прекратить пляску и подсѣлъ ко мнѣ къ свободному столику. Я сказалъ ему, что такъ какъ онъ знаетъ своихъ жильцовъ, не укажетъ ли онъ мнѣ самыхъ нуждающихся, что вотъ мнѣ поручили раздать немного денегъ, такъ не укажетъ ли онъ. Добродушный Иванъ Оедотычъ (покойникъ, онъ умеръ черезъ годъ послѣ этого), хотя и былъ занятъ торговлей, отвлекся отъ нея на время, чтобы услужить мнѣ. Онъ задумался и, очевидно, пришелъ въ недоумѣніе. Одинъ пожилой половой слышалъ насъ и вступилъ въ совѣщаніе.

Они стали перебирать лицъ, изъ которыхъ и я зналъ нѣкоторыхъ, и все не могли согласиться. «Парамоновна», предла-

галъ половой. «Да, такъ. Бываютъ и не ѣмши. Да вѣдь загуливаютъ».—«Ну, что жъ? Все-таки».—«Ну, Спиридону Ивановичу—у него дѣти. Это такъ». Но Иванъ Ѳедотычъ и къ Спиридону Ивановичу прибавилъ сомнѣніе.—«Акулина?! Да она получаетъ. Ну, вотъ, нешто слѣпому!» На это я возразилъ. Я видѣлъ его сейчасъ. Это былъ слѣпой 80 лѣтъ, безъ роду и племени. Казалось бы, какое положеніе можетъ быть тяжелѣе, а я сейчасъ видѣлъ его: онъ лежалъ на пуховикахъ высокой кровати, пьяный, и, не видя меня, страшнымъ басомъ ругалъ самыми скверными словами свою относительно молодую сожительницу. Еще они назвали безрукаго мальчика съ матерью. Я видѣлъ, что Иванъ Ѳедотычъ очень затрудняется, именно по добросовѣстности, потому что знаетъ, что теперь, что ни дадутъ, все пойдетъ къ нему же въ трактиръ. Но мнѣ надо было отдѣлаться отъ моихъ 32 рублей, я настаивалъ, и кое-какъ, именно съ грѣхомъ пополамъ, мы распредѣлили ихъ и отдали. Тѣ, которые получали ихъ, были одѣты большею частью хорошо, и ходить за ними не далеко было,—они были тутъ же, въ трактирѣ. Безрукій мальчикъ пришелъ въ сапогахъ со складками, въ красной рубахѣ и жилетѣ.

Этимъ закончилась вся моя благотворительная дѣятельность, и я уѣхалъ въ деревню, раздраженный на другихъ, какъ это всегда бываетъ, за то, что самъ дѣлалъ глупое и дурное дѣло. Благотворительность моя сошла на-нѣтъ и совсѣмъ прекратилась, но ходъ мыслей и чувствъ, который она вызывала во мнѣ, не только не прекратился, но внутренняя работа пошла съ удвоенной силой.

XII.

Что жъ такое было?

Я жилъ въ деревнѣ и тамъ имѣлъ сношенія съ деревенскими бѣдными. Не изъ смиренія, которое паче гордости, но для того, чтобы сказать правду, которая необходима для пониманія хода моихъ мыслей и чувствъ, говорю, что въ деревнѣ я сдѣлалъ очень мало для бѣдныхъ, но требованія, предъявляемыя мнѣ, были такъ скромны, что и это малое приносило пользу людямъ и образовывало вокругъ меня атмосферу любви и единенія съ людьми, среди которой можно было успокаивать грызущее чувство сознанія незаконности своей жизни. Переѣхавъ въ городъ, я надѣялся жить точно такъ же. Но здѣсь я встрѣтился съ нуждою совсѣмъ другого свойства. Нужда городская была и менѣе правдива, и болѣе требовательна, и болѣе жестока, чѣмъ нужда деревенская. Глав-

ное же, ея было въ одномъ мѣстѣ такъ много, что она произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Испытанное мною въ Ляпинскомъ домѣ впечатлѣніе въ первую минуту заставило меня почувствовать безобразіе моей жизни. Чувство это было искренно и очень сильно. Но, несмотря на искренность и силу его, я въ первое время былъ настолько слабъ, что испугался того переворота своей жизни, къ которому призывало это чувство, и пошелъ на сдѣлки. Я повѣрилъ тому, что̀ мнѣ говорили всѣ, и тому, что̀ говорятъ всѣ, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, о томъ, что въ богатствѣ и роскоши нѣтъ ничего дурного, что оно отъ Бога дано, что можно, продолжая жить богато, помогать нуждающимся. Я повѣрилъ этому и захотѣлъ это дѣлать. Я написалъ статью, въ которой призывалъ всѣхъ богатыхъ людей къ помощи. Богатые люди всѣ признали себя нравственно обязанными согласиться со мною, но, очевидно, или не желали, или не могли ничего ни дѣлать, ни давать для бѣдныхъ. Я сталъ ходить по бѣднымъ и увидалъ то, чего я никакъ не ожидалъ. Съ одной стороны, я увидалъ въ этихъ вертепахъ, какъ я называлъ ихъ, людей такихъ, какимъ немыслимо мнѣ было помогать, потому что они были рабочіе люди, привыкшіе къ труду и лишеніямъ и потому стоящіе гораздо тверже меня въ жизни; съ другой стороны, я увидалъ несчастныхъ, которымъ я не могъ помогать, потому что они были точно такіе же, какъ я. Большинство несчастныхъ, которыхъ я увидалъ, были несчастны только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлѣбъ, т.-е. ихъ несчастіе было въ томъ, что они были такіе же, какъ я.

Такихъ же несчастныхъ, которымъ можно было сейчасъ же помочь, больныхъ, холодныхъ, голодныхъ, я никого не нашелъ, кромѣ голодной Агаѳьи. И я убѣдился, что при своемъ отдаленіи отъ жизни тѣхъ людей, которымъ я хотѣлъ помогать, найти такихъ несчастныхъ было почти невозможно, потому что всякая истинная нужда была уже покрыта тѣми же самыми людьми, среди которыхъ живутъ эти несчастные, и главное—я убѣдился въ томъ,—что деньгами я не могъ измѣнить той несчастной жизни, которую ведутъ эти люди. Я убѣдился во всемъ этомъ, но изъ-за ложнаго стыда бросить начатое, изъ-за самообольщенія своей добродѣтелью, я довольно долго продолжалъ это дѣло, продолжалъ его до тѣхъ поръ, пока оно само сошло на-нѣтъ, такъ что я насилу-насилу кое-какъ отдѣлался съ помощью Ивана Ѳедотыча въ трактирѣ Ржанова дома отъ тѣхъ 37 рублей, которые я считалъ не своими.

Конечно, я бы могъ продолжать это дѣло и сдѣлать изъ него подобіе благотворительности; я бы могъ, приставая къ тѣмъ, которые обѣщали мнѣ деньги, заставить ихъ отдать мнѣ ихъ; могъ бы собрать еще, могъ бы раздавать эти деньги и утѣшаться своей добродѣтелью, но я видѣлъ, съ одной стороны, что мы, богатые люди, и не хотимъ, да и не можемъ удѣлять бѣднымъ часть своего избытка (такъ много у насъ своихъ нуждъ) и что давать деньги некому, если точно желать добра, а не желать только раздавать деньги кому попало, какъ я сдѣлалъ это въ Ржановомъ трактирѣ. И я бросилъ свое дѣло и съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣхалъ въ деревню.

Въ деревнѣ я хотѣлъ написать статью обо всемъ томъ, что я испыталъ, и разсказать, почему не удалось мое предпріятіе. Мнѣ хотѣлось и оправдаться въ тѣхъ упрекахъ, которые мнѣ дѣлали за мою статью о переписи, хотѣлось обличить и общество въ его равнодушіи, хотѣлось высказать тѣ причины, по которымъ зарождается эта городская бѣдность, и ту необходимость противодѣйствія ей, и тѣ средства, которыя для этого вижу.

Я тогда же началъ статью, и мнѣ казалось, что я скажу въ ней очень много важнаго. Но сколько я ни бился надъ ней, несмотря и на обиліе матеріала, несмотря на излишекъ его, отъ раздраженія, подъ вліяніемъ котораго я писалъ, и оттого, что я не выжилъ всего того, что нужно было, чтобы правдиво отнестись къ этому дѣлу, и, главное, оттого, что я ясно и просто не сознавалъ причину всего этого, причину очень простую, коренившуюся во мнѣ, — я не могъ справиться со статьей и такъ не кончилъ ея до нынѣшняго года.

Въ области нравственной происходитъ одно удивительное, слишкомъ мало замѣтное явленіе.

Если я разскажу человѣку, не знающему то, что мнѣ извѣстно изъ геологіи, астрономіи, исторіи, физики, математики, человѣкъ оттого получитъ совершенно новыя свѣдѣнія и никогда не скажетъ мнѣ: «Да что жъ тутъ новаго? Это всякій знаетъ, и я давно знаю»; но сообщите человѣку самую высокую самымъ яснымъ сжатымъ образомъ, какъ она никогда не выражалась, выраженную нравственную истину, всякій обыкновенный человѣкъ, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тѣмъ болѣе такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти, непремѣнно скажетъ: «Да кто жъ этого не знаетъ? Это давно и извѣстно и сказано». Ему дѣйствительно кажется, что это давно и именно такъ сказано. Только тѣ, для которыхъ важны и до-

роги нравственныя истины, знають, какъ важно, драгоцѣнно и какимъ долгимъ трудомъ достигается уясненіе и упрощеніе нравственной истины—переходъ ея изъ спутаннаго, неопредѣленно сознаваемаго предположенія, желанія, изъ неопредѣленныхъ, несвязныхъ выраженій въ твердое и опредѣленное выраженіе, неизбѣжно требующее соотвѣтствующихъ ему поступковъ.

Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не можетъ быть ничего новаго и интереснаго, а между тѣмъ вся жизнь человѣческая со всѣми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми отъ нравственности, дѣятельностями: и государственная, и научная, и торговая, и художественная не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины.

Помню, шелъ я разъ въ Москвѣ по улицѣ и впереди себя вижу — вышелъ человѣкъ, внимательно посмотрѣлъ на камни тротуара, потомъ, выбравъ одинъ камень, присѣлъ надъ нимъ и сталъ его (какъ мнѣ показалось) скоблить или тереть съ величайшимъ напряженіемъ и усиліемъ. «Что такое онъ дѣлаетъ съ этимъ тротуаромъ?» подумалъ я. Подойдя вплоть, я увидалъ, что̀ дѣлалъ этотъ человѣкъ — это былъ молодецъ изъ мясной лавки: онъ точилъ свой ножъ о камень тротуара. Онъ вовсе не думалъ о камняхъ, разсматривая ихъ, и еще менѣе думалъ о нихъ, дѣлая свое дѣло, — онъ точилъ свой ножъ. Ему нужно было выточить свой ножъ для того, чтобъ рѣзать мясо; мнѣ показалось, что онъ дѣлаетъ это дѣло надъ камнями тротуара. Точно такъ же только кажется, что человѣчество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дѣло для него важно и одно только дѣло оно дѣлаетъ: оно уясняетъ себѣ тѣ нравственные законы, которыми оно живетъ. Нравственные законы уже есть, человѣчество только уясняетъ ихъ себѣ, и уясненіе это кажется неважнымъ и незамѣтнымъ для того, кому не нуженъ нравственный законъ, кто не хочетъ имъ жить. Но это уясненіе нравственнаго закона есть не только главное, но единственное дѣло всего человѣчества. Это уясненіе незамѣтно точно такъ же, какъ незамѣтно различіе тупого ножа отъ остраго. Ножъ — все ножъ, и для того, кому не нужно ничего рѣзать ножомъ, незамѣтно различіе тупого отъ остраго. Для того же, кто понялъ, что вся жизнь его зависитъ отъ болѣе или менѣе тупого или остраго ножа, для того важно всякое увостреніе его, и тотъ знаетъ, что конца нѣтъ этому увостренію и что ножъ только тогда ножъ, когда онъ острый, когда онъ рѣжетъ то, что̀ нужно рѣзать.

Это случилось со мной, когда я началъ писать статью. Мнѣ казалось, что я все знаю, все понимаю относительно тѣхъ вопросовъ, которые вызвали во мнѣ впечатлѣнія Ляпинскаго дома и переписи; но когда я попробовалъ сознать и изложить ихъ, оказалось, что ножъ не рѣжетъ, что нужно точить его. И только теперь, черезъ три года, я почувствовалъ, что ножъ мой отточенъ настолько, что я могу рѣзать то, что хочу. Узналъ я новаго очень мало. Всѣ мысли мои тѣ же, но онѣ были тупѣе, всѣ разлетались и не сходились къ одному; не было въ нихъ жала; все не свелось къ одному, самому простому, ясному рѣшенію, какъ оно свелось теперь.

XIII.

Я помню, что во все время моего неудачнаго опыта помощи несчастнымъ городскимъ жителямъ я самъ представлялся себѣ человѣкомъ, который бы желалъ вытащить другого изъ болота, а самъ бы стоялъ на такой же трясинѣ. Всякое мое усиліе заставляло меня чувствовать непрочность той почвы, на которой я стоялъ. Я чувствовалъ, что я самъ въ болотѣ; но это сознаніе не заставило меня тогда посмотрѣть ближе подъ себя, чтобы узнать, на чемъ я стою; я все искалъ внѣшняго средства, внѣ меня находящагося.

Я чувствовалъ тогда, что жизнь моя дурна и что такъ нельзя жить. Но изъ того, что моя жизнь дурна и такъ нельзя жить, я не вывелъ того самаго простого и яснаго вывода, что надо улучшить свою жизнь и жить лучше, а сдѣлалъ тотъ странный выводъ, что для того, чтобы мнѣ было жить хорошо, надо исправить жизнь другихъ; и я сталъ исправлять жизнь другихъ. Я жилъ въ городѣ и хотѣлъ исправлять жизнь людей, живущихъ въ городѣ, но скоро убѣдился, что я этого никакъ не могу сдѣлать; и я сталъ вдумываться въ свойства городской жизни и городской бѣдности.

«Что же такое городская жизнь и городская бѣдность? Отчего, живя въ городѣ, я не могъ помочь городскимъ бѣднымъ?» спрашивалъ я себя. И я отвѣчалъ себѣ, что я не могъ сдѣлать для нихъ ничего, во-первыхъ, оттого, что здѣсь ихъ было слишкомъ много въ одномъ мѣстѣ, а во-вторыхъ, потому что всѣ эти бѣдные были совсѣмъ не такіе, какъ деревенскіе. Отчего же ихъ здѣсь много и въ чемъ состоитъ ихъ особенность отъ деревенскихъ бѣдныхъ? Отвѣтъ былъ одинъ на оба эти вопроса. Много ихъ тутъ потому, что здѣсь собираются около богатыхъ всѣ тѣ люди, которымъ нечѣмъ кормиться въ деревнѣ,

и особенность ихъ въ томъ, что это все люди, пришедшіе изъ деревни кормиться въ городъ (если есть городскіе бѣдные такіе, которые родились здѣсь, то такіе, которыхъ отцы и дѣды пришли сюда также, чтобы кормиться).

Что же такое: кормиться въ городѣ? Въ словахъ «кормиться въ городѣ» есть что-то странное, похожее на шутку, когда вдумаешься въ смыслъ ихъ. Какъ, изъ деревни, т.-е. изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и лѣса, и луга, и хлѣбъ, и скотъ, гдѣ все это богатство земли, — изъ этихъ мѣстъ люди приходятъ кормиться въ то мѣсто, гдѣ нѣтъ ни деревъ, ни травы, и даже земли, а только одинъ камень и пыль? Что же значатъ эти слова «кормиться въ городѣ», которыя постоянно употребляются и тѣми, которые кормятся, и тѣми, которые кормятъ, какъ что-то вполнѣ ясное и понятное?

Вспоминаю всѣ сотни и тысячи людей городскихъ, — и хорошо живущихъ и бѣдствующихъ, — съ которыми я говорилъ о томъ, зачѣмъ они пришли сюда, и всѣ безъ исключенія говорятъ, что они пришли сюда изъ деревни кормиться, что Москва не сѣетъ, не жнетъ, а богато живетъ, что въ Москвѣ можно добыть тѣ деньги, которыя имъ нужны въ деревнѣ на хлѣбъ, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости. Но вѣдь въ деревнѣ источникъ всякаго богатства, тамъ только есть настоящее богатство: и хлѣбъ, и лѣсъ, и лошадь, и все. Зачѣмъ же идти въ городъ, чтобы добыть то, что есть въ деревнѣ? И зачѣмъ, главное, увозить изъ деревни въ городъ то, что нужно деревенскимъ жителямъ: муку, овесъ, лошадей, скотину?

Сотни разъ я разговаривалъ про это съ крестьянами, живущими въ городѣ, и изъ разговоровъ моихъ съ ними и изъ наблюденій мнѣ уяснилось то, что скопленіе деревенскихъ жителей по городамъ отчасти необходимо, потому что они не могутъ иначе прокормиться, отчасти произвольно, и въ города привлекаютъ городскіе соблазны. Справедливо то, что положеніе крестьянина таково, что для удовлетворенія требованій, предъявленныхъ къ нему въ деревнѣ, ему нельзя иначе справиться, какъ продавъ тотъ хлѣбъ, ту скотину, которые, онъ знаетъ, ему будутъ необходимы, и онъ волей-неволей принужденъ идти въ городъ, чтобы выручить тамъ назадъ свой хлѣбъ. Но справедливо и то, что сравнительно легче добываемыя деньги и роскошь жизни въ городѣ привлекаютъ его туда, и, подъ видомъ кормиться въ городѣ, онъ идетъ туда для того, чтобы работать легче и ѣсть лучше, пить чай три раза, щеголять и даже пьянствовать и распутничать. Причина того и другого одна: переходъ богатствъ производителей въ руки

непроизводителей и скопленіе ихъ въ городахъ. И дѣйствительно: пришла осень, всѣ богатства собраны въ деревнѣ. И тотчасъ же заявляются требованія податей, солдатчины, оброковъ; тотчасъ же выставляются соблазны водки, свадебъ, праздниковъ, мелкихъ торговцевъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ, и всякіе другіе; не тѣмъ, такъ другимъ путемъ богатства эти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: овецъ, телятъ, коровъ, лошадей, свиней, куръ, яицъ, масла, льна, ржи, овса, гречи, гороха, сѣмени конопляного и льняного, переходятъ въ руки чужихъ людей и перевозятся въ города, а изъ городовъ къ столицамъ. Деревенскій житель вынужденъ отдать все это для удовлетворенія заявленныхъ къ нему требованій и соблазновъ и, отдавъ свои богатства, остается съ нехваткой, и ему надо идти туда, куда свезены его богатства, а тамъ онъ отчасти старается выручить деньги, необходимыя ему на его первыя потребности въ деревнѣ, отчасти самъ, увлекаясь соблазнами города, пользуется вмѣстѣ съ другими собранными богатствами.

Вездѣ по Россіи, да, я думаю, и не въ одной Россіи, а во всемъ мірѣ происходитъ одно и то же. Богатства сельскихъ производителей переходятъ въ руки торговцевъ, землевладѣльцевъ, чиновниковъ, фабрикантовъ, и люди, получившіе эти богатства, хотятъ пользоваться ими. Пользоваться же вполнѣ этими богатствами они могутъ только въ городѣ. Въ деревнѣ, во-первыхъ, трудно найти, по раскинутости жителей, удовлетвореніе всѣхъ потребностей богатыхъ людей, нѣтъ всякаго рода мастерскихъ, лавокъ, банковъ, трактировъ, театровъ и всякаго рода общественныхъ увеселеній. Во-вторыхъ, одно изъ главныхъ удовольствій, доставляемыхъ богатствомъ, — тщеславіе, желаніе удивить и перещеголять другихъ, — опять по раскинутости населенія, съ трудомъ можетъ быть удовлетворяемо въ деревнѣ. Въ деревнѣ нѣтъ цѣнителя роскоши, некого удивить. Какія бы деревенскій житель ни завелъ себѣ украшенія жилища, картины, бронзы, какіе бы ни завелъ экипажи, туалеты, некому смотрѣть и завидовать, мужики не знаютъ во всемъ этомъ толку. И, въ-третьихъ, роскошь даже непріятна и опасна въ деревнѣ для человѣка, имѣющаго совѣсть и страхъ. Неловко и жутко дѣлать въ деревнѣ ванны изъ молока или выкармливать имъ щенятъ, тогда какъ рядомъ у дѣтей молока нѣтъ; неловко и жутко строить павильоны и сады среди людей, живущихъ въ обваленныхъ навозомъ избахъ, которыя топить нечѣмъ. Въ деревнѣ некому держать въ порядкѣ глупыхъ мужиковъ, которые по своему необразованію могутъ разстроить все это.

И поэтому богатые люди скопляются вмѣстѣ и пристраиваются къ такимъ же богатымъ людямъ съ одинаковыми потребностями въ городѣ, гдѣ удовлетвореніе всякихъ роскошныхъ вкусовъ заботливо охраняется многолюдной полиціей. Коренные такіе жители въ городахъ—это государственные чиновники; около нихъ уже пристроились всякаго рода мастера и промышленники, къ нимъ присоединяются и богачи. Тамъ богатому человѣку стоитъ только вздумать, и все у него будетъ. Тамъ богатому человѣку пріятнѣе жить еще и потому, что онъ можетъ удовлетворить тщеславію, есть съ кѣмъ поравняться роскошью, есть кого удивить и кого затмить. Главное же—богатому человѣку уже потому лучше въ городѣ жить, что прежде ему неловко было и жутко за его роскошь въ деревнѣ, теперь же, напротивъ, ему неловко становится не жить роскошно, не жить такъ, какъ всѣ сверстные ему люди вокругъ него. То, что казалось страшнымъ и неловкимъ въ деревнѣ, здѣсь ему кажется, что такъ и должно быть. Богатые люди собираются въ городъ и тамъ, подъ охраной власти, спокойно потребляютъ все то, что привезено сюда изъ деревни. Деревенскому же жителю отчасти необходимо идти туда, гдѣ происходитъ этотъ непрестающій праздникъ богачей и потребляется то, что взято у него, съ тѣмъ чтобы кормиться отъ тѣхъ крохъ, которыя спадутъ со стола богатыхъ, отчасти же, глядя на безпечную, роскошную и всѣми одобряемую и охраняемую жизнь богачей, и самому желательно устроить свою жизнь такъ, чтобы меньше работать и больше пользоваться трудами другихъ.

И вотъ и онъ тянется въ городъ и пристраивается около богачей, всякими средствами стараясь выманить у нихъ назадъ то, что ему необходимо, и подчиняясь всѣмъ тѣмъ условіямъ, въ которыя поставятъ его богачи. Онъ содѣйствуетъ удовлетворенію всѣхъ ихъ прихотей; онъ служитъ богачу и въ банѣ, и въ трактирѣ, и извозчикомъ, и проституткой, и дѣлаетъ ему экипажи, и игрушки, и моды, и понемногу научается у богатаго жить такъ же, какъ и онъ, не трудомъ, а разными уловками, выманивая у другихъ собранныя ими богатства,—развращается и погибаетъ. И вотъ это-то развращенное городскимъ богатствомъ населеніе и есть та городская бѣдность, которой я хотѣлъ и не могъ помочь.

И въ самомъ дѣлѣ, надо только вдуматься въ положеніе этихъ деревенскихъ жителей, приходящихъ въ городъ для того, чтобы заработать на хлѣбъ или на подати, когда они видятъ повсюду вокругъ себя безумно швыряемыя тысячи и самымъ легкимъ способомъ добываемыя сотни, тогда какъ они сами тяжелымъ

трудомъ должны вырабатывать копейки, чтобы удивляться, какъ остаются еще изъ этихъ людей рабочіе люди, а не всѣ они берутся за болѣе легкую добычу денегъ: торговлю, прасольничество, нищенство, развратъ, мошенничество, даже грабежъ. Вѣдь это мы, участники той непрестающей оргіи, происходящей въ городахъ, можемъ такъ привыкнуть къ своей жизни, что намъ кажется очень натуральнымъ жить одному въ пяти огромныхъ комнатахъ, отапливаемыхъ количествомъ березовыхъ дровъ, достаточнымъ для варенія пищи и согрѣванія 20 семей, ѣздить за полверсты на двухъ рысакахъ съ двумя людьми, обивать паркетный полъ коврами и тратить, не говорю уже на балъ, 5, 10 тысячъ, но на елку 25 и т. п. Но человѣкъ, которому необходимы 10 рублей на хлѣбъ для семьи или у котораго отбираютъ послѣднюю овцу за 7 рублей податей и который не можетъ сбить этихъ 7 рублей тяжелымъ трудомъ, человѣкъ этотъ не можетъ привыкнуть къ этому. Мы думаемъ, что все это кажется естественнымъ бѣднымъ людямъ; есть даже такіе наивные люди, которые серьезно говорятъ, что бѣдные очень благодарны намъ за то, что мы кормимъ ихъ этою роскошью. Но бѣдные люди не лишаются человѣческаго разсудка оттого, что они бѣдные, и разсуждаютъ точь въ точь такъ же, какъ и мы. Какъ намъ при извѣстіи о томъ, что вотъ такой-то человѣкъ проигралъ, промоталъ 10, 20 тысячъ, приходитъ первая мысль о томъ, какой глупый и дрянной человѣкъ тотъ, который промоталъ безъ пользы такія деньги, и какъ я могъ бы хорошо употребить эти деньги на постройку, которая мнѣ давно нужна, на улучшеніе хозяйства и т. п., точно такъ же разсуждаютъ и бѣдные, видя передъ собой безумно швыряемыя богатства, и тѣмъ настоятельнѣе разсуждаютъ такъ, что деньги эти нужны имъ не на фантазіи, а на удовлетвореніе насущныхъ потребностей, которыхъ часто они лишены. Мы очень заблуждаемся, думая, что бѣдные могутъ разсуждать такъ и равнодушно смотрѣть на окружающую ихъ роскошь.

Никогда они не признавали, не признаютъ того, чтобы было справедливо однимъ людямъ постоянно праздничать, а другимъ постничать и работать, а они сначала удивляются и оскорбляются этимъ, потомъ приглядываются къ этому и, видя, что эти порядки признаются законными, стараются сами освободиться отъ работы и принять участіе въ праздникѣ. Однимъ удается, и они становятся такими же вѣчно пирующими, другіе понемногу подбираются къ этому положенію, третьи обрываются, не достигнувъ цѣли, и, потерявъ привычку работать, пополняютъ непотребные и ночлежные дома.

Третьяго года мы взяли изъ деревни крестьянскаго малаго въ буфетные мужики. Онъ что-то не поладилъ съ лакеемъ, его разочли; онъ поступилъ къ купцу, угодилъ хозяевамъ и теперь ходитъ въ жилетѣ съ цѣпочкой и щегольскихъ сапогахъ. На его мѣсто взяли другого мужика, женатаго; онъ спился и потерялъ деньги; взяли третьяго — онъ запилъ и, пропивъ съ себя все, долго бѣдствовалъ въ ночлежномъ домѣ. Старикъ-поваръ спился въ городѣ и заболѣлъ. Въ прошломъ году лакей, пившій прежде запоемъ и въ деревнѣ державшійся безъ вина 5 лѣтъ, въ Москвѣ, живя безъ жены, поддерживавшей его, запилъ и испортилъ всю свою жизнь. Молодой мальчикъ изъ нашей деревни живетъ въ буфетныхъ мужикахъ у моего брата. Дѣдъ его, старикъ слѣпой, пришелъ ко мнѣ въ мою бытность въ деревнѣ и просилъ меня усовѣстить внука, чтобы онъ выслалъ 10 рублей денегъ на подати, безъ которыхъ придется продать корову. «Все говоритъ: одѣться надо прилично, — сказалъ старикъ.—Ну, сшилъ сапоги и буде; а то что жъ онъ, часы, что ли, завести хочетъ?» сказалъ дѣдъ, словами этими выразивъ самое безумное предположеніе, которое только можно было сдѣлать. Предположеніе дѣйствительно безумное, если знать, что старикъ весь постъ ѣлъ безъ масла и что у старика пропадаютъ нарѣзанныя дрова, потому что нечѣмъ доплатить 1 руб. 20 коп.; но оказалось безумная шутка старика была дѣйствительность. Малый пришелъ ко мнѣ въ черномъ тонкомъ пальто, въ сапогахъ, за которые онъ заплатилъ 8 рублей. На-дняхъ онъ взялъ у брата 10 рублей и извелъ на сапоги. И дѣти мои, которыя знаютъ мальчика съ дѣтства, сообщили мнѣ, что дѣйствительно онъ считаетъ необходимымъ завести часы. Онъ очень добрый мальчикъ; но онъ считаетъ, что ему будутъ смѣяться, пока у него не будетъ часовъ. И часы нужны. Нынѣшній годъ горничная, дѣвушка 18 лѣтъ, вступила у насъ въ домѣ въ связь съ кучеромъ. Ее разочли. Старушка-няня, съ которой я говорилъ объ этой несчастной, напомнила мнѣ о дѣвушкѣ, которую я забылъ. Она также 10 лѣтъ тому назадъ, во время короткаго пребыванія нашего въ Москвѣ, вошла въ связь съ лакеемъ. Ее тоже разочли, и она кончила въ распутномъ домѣ и умерла, не доживъ до 20 лѣтъ, въ больницѣ отъ сифилиса. Стоитъ только оглянуться вокругъ себя, чтобы ужаснуться передъ той заразой, которую, не говоря уже о фабрикахъ и заводахъ, служащихъ нашей же роскоши, мы прямо непосредственно своею роскошною жизнью въ городѣ разносимъ между тѣми самыми людьми, которымъ мы потомъ хотимъ помогать.

И вотъ, вникнувъ въ свойство городской бѣдности, которой я не могъ помочь, я увидалъ, что причина первая ея та, что я отбираю необходимое у деревенскихъ жителей и привожу все это въ городъ. Вторая же причина та, что здѣсь, въ городахъ, пользуясь тѣмъ, что я собралъ въ деревнѣ, я своею безумною роскошью соблазняю и развращаю тѣхъ деревенскихъ жителей, которые приходятъ сюда за мной, чтобъ какъ-нибудь вернуть то, что у нихъ отобрано въ деревнѣ.

XIV.

Совершенно съ другой стороны я пришелъ къ тому же заключенію. Вспоминая всѣ мои сношенія съ городскими бѣдными за это время, я увидалъ, что одна изъ причинъ, по которой я не могъ помогать бѣднымъ, была и та, что бѣдные были неискренни, неправдивы со мной. Они всѣ смотрѣли на меня не какъ на человѣка, а какъ на средство. Сблизиться съ ними я не могъ, можетъ быть, думалъ я, не умѣлъ; но безъ правдивости невозможна была помощь. Какъ помочь человѣку, который не говоритъ всего своего положенія? Я сначала упрекалъ въ этомъ ихъ (это такъ естественно — упрекать другого), но одно слово замѣчательнаго человѣка, именно Сютаева, гостившаго у меня въ то время, разъяснило мнѣ дѣло и показало мнѣ, въ чемъ была причина моей неудачи. Я помню, что и тогда слово, сказанное Сютаевымъ, сильно поразило меня; но все значеніе его я понялъ только впослѣдствіи. Это было въ самый разгаръ моего самообольщенія. Я сидѣлъ у моей сестры, и у нея же былъ Сютаевъ, и сестра разспрашивала меня про мое дѣло. Я разсказывалъ ей и, какъ это всегда бываетъ, когда не вѣришь въ свое дѣло, я съ большимъ увлеченіемъ, жаромъ и многословіемъ разсказывалъ ей и то, что можетъ выйти изъ этого; я говорилъ все: какъ мы будемъ слѣдить за всей нуждой въ Москвѣ, какъ мы будемъ призрѣвать сиротъ, старыхъ, высылать изъ Москвы обѣднѣвшихъ здѣсь деревенскихъ, какъ будемъ облегчать путь исправленія развратнымъ, какъ, если только это дѣло пойдетъ, въ Москвѣ не будетъ человѣка, который бы не нашелъ помощи. Сестра сочувствовала мнѣ, и мы говорили. Среди разговора я взглядывалъ на Сютаева. Зная его христіанскую жизнь и значеніе, которое онъ приписываетъ милосердію, я ожидалъ отъ него сочувствія и говорилъ такъ, чтобы онъ понялъ; я говорилъ сестрѣ, а обращалъ больше свою рѣчь къ нему. Онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ черной дубки тулупчикѣ, кото-

рый онъ, какъ и всѣ мужики, носилъ и на дворѣ и въ горницѣ, и какъ будто не слушалъ насъ, а думалъ о своемъ. Маленькіе его глазки не блестѣли, а какъ будто обращены были въ себя. Наговорившись, я обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ думаетъ про это.

— Да все пустое дѣло, — сказалъ онъ.

— Отчего?

— Да вся эта ваша община пустая, и ничего изъ этого добра не выйдетъ, — съ убѣжденіемъ повторилъ онъ.

— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы помогаемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастнымъ? Развѣ дурно поевангельски голаго одѣть, голоднаго накормить?

— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Развѣ такъ помогать можно? Ты идешь, у тебя попроситъ человѣкъ 20 коп. Ты ему дашь. Развѣ это милостыня? Ты дай духовную милостыню, научи его; а это что же ты далъ? Только, значитъ, отвяжись.

— Нѣтъ, да вѣдь мы не про то. Мы хотимъ узнать нужду и тогда помогать и деньгами и дѣломъ. И работу найти.

— Да ничего этому народу такъ не сдѣлаете.

— Такъ какъ же, имъ и умирать съ голода и холода?

— Зачѣмъ же умирать? Да много ли ихъ тутъ?

— Какъ, много ли ихъ? — сказалъ я, думая, что онъ такъ легко смотритъ на это потому, что не знаетъ, какое огромное количество этихъ людей.—Да ты знаешь ли?—сказалъ я:—ихъ въ Москвѣ, этихъ голодныхъ, холодныхъ, я думаю, тысячъ 20. А въ Петербургѣ и по другимъ городамъ?

Онъ улыбнулся.

— Двадцать тысячъ! А дворовъ у насъ въ Россіи въ одной сколько? Милліонъ будетъ?

— Ну такъ что же?

— Что жъ? — И глаза его заблестѣли, и онъ оживился. — Ну, разберемъ ихъ по себѣ. Я не богатъ, а сейчасъ двоихъ возьму. Вонъ малаго-то ты взялъ на кухню; я его звалъ къ себѣ, онъ не пошелъ. Еще десять разъ столько будь, всѣхъ по себѣ разберемъ. Ты возьмешь, да я возьму. Мы и работать пойдемъ вмѣстѣ; онъ будетъ видѣть, какъ я работаю, будетъ учиться, какъ жить, и за чашку вмѣстѣ за однимъ столомъ сядемъ, и слово онъ отъ меня услышитъ и отъ тебя. Вотъ это милостыня, а то эта ваша община совсѣмъ пустая.

Простое слово это поразило меня, я не могъ не сознать его правоту; но мнѣ казалось тогда, что, несмотря на справедливость этого, все-таки, можетъ быть, полезно и то, что я началъ. Но чѣмъ дальше я велъ это дѣло, чѣмъ больше я сходился съ

бѣдными, тѣмъ чаще мнѣ вспоминалось это слово и тѣмъ большее оно получало для меня значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, я приду въ дорогой шубѣ или пріѣду на своей лошади, или увидитъ мою 2000-ную квартиру тотъ, которому нужны сапоги; увидитъ хотя только то, что я сейчасъ, не жалѣя ихъ, далъ 5 рублей только потому, что мнѣ такъ вздумалось; вѣдь онъ знаетъ, что если даю такъ рубли, то это только потому, что набралъ ихъ много лишнихъ, которые я не только никому не давалъ, но легко отбиралъ отъ другихъ. Что же онъ во мнѣ можетъ видѣть иного, какъ не одного изъ тѣхъ людей, которые завладѣли тѣмъ, что должно бы принадлежать ему? И какое другое чувство онъ можетъ имѣть ко мнѣ, какъ не желаніе выворотить у меня какъ можно больше этихъ отобранныхъ у него и у другихъ рублей? Я хочу сблизиться съ нимъ и жалуюсь, что онъ не откровененъ; да вѣдь я боюсь сѣсть къ нему на кровать, чтобы не набраться вшей, не заразиться, и боюсь пустить его къ себѣ въ комнату, а онъ голый, приходя ко мнѣ, ждетъ, еще хорошо, что въ передней, а то и въ сѣняхъ. И я говорю, что онъ виноватъ въ томъ, что я не могу сблизиться съ нимъ, что онъ не откровененъ.

Пусть попытается самый жестокій человѣкъ объѣдаться обѣдомъ изъ 5 блюдъ среди людей, которые мало ѣли или ѣдятъ одинъ черный хлѣбъ. Ни у одного нестанетъ духу ѣсть и видѣть, какъ около него облизываются голодные. Стало быть, для того, чтобы ѣсть сладко среди недоѣдающихъ, первая необходимость спрятаться отъ нихъ и ѣсть это такъ, чтобы они не видали. Это самое и это первое, что мы дѣлаемъ.

И я проще взглянулъ на нашу жизнь и увидалъ, что сближеніе съ бѣдными не случайно трудно намъ, но что умышленно мы устраиваемъ свою жизнь такъ, чтобы это сближеніе было трудно.

Мало того, со стороны посмотрѣвъ на нашу жизнь, на жизнь богатыхъ, я увидѣлъ, что все то, что считается благомъ въ этой жизни, состоитъ въ томъ или, по крайней мѣрѣ, неразрывно связано съ тѣмъ, чтобы какъ можно дальше отдѣлить отъ себя бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ стремленія нашей богатой жизни, начиная съ пищи, одежды, жилья, нашей чистоты и до нашего образованія, — все имѣетъ главною цѣлью отличеніе себя отъ бѣдныхъ. И на это-то отличеніе, отдѣленіе себя непроходимыми стѣнами отъ бѣдныхъ тратится, мало сказать, 0,9 нашего богатства. Первое, что дѣлаетъ разбогатѣвшій человѣкъ, — онъ перестаетъ ѣсть изъ одной чашки, онъ устраиваетъ приборы и отдѣляетъ себя отъ кухни и отъ прислуги.

Онъ сыто кормитъ и прислугу, чтобы у нея не текли слюни на его сладкую ѣду, и ѣстъ одинъ; а такъ какъ одному ѣсть скучно, онъ придумываетъ, что можетъ, чтобы улучшить пищу, украсить столъ; и самый способъ принятія пищи (обѣды) дѣлается ужъ у него дѣломъ тщеславія и гордости; и принятіе пищи дѣлается у него средствомъ отдѣленія себя отъ другихъ людей. Богатому уже немыслимо пригласить за столъ бѣднаго человѣка. Надо умѣть вести даму къ столу, кланяться, сидѣть, ѣсть, полоскать ротъ, и только богатые умѣютъ все это. То же происходитъ и съ одеждой. Если бы богатый человѣкъ носилъ обыкновенное платье, только прикрывающее тѣло отъ холода: полушубки, шубы, валеные и кожаные сапоги, поддевки, штаны, рубахи, ему бы очень мало было нужно, и онъ не могъ бы, заведя двѣ шубы, не отдать одну тому, у кого нѣтъ ни одной; но богатый человѣкъ начинаетъ съ того, что шьетъ себѣ такую одежду, которая вся состоитъ изъ отдѣльныхъ частей и годится только для отдѣльныхъ случаевъ, и потому не годится для бѣднаго. У него фраки, жилеты, пиджаки, лаковые сапоги, ротонды башмаки съ французскими каблуками, платья, ради моды изрѣзанныя на мелкіе куски, охотничьи и дорожныя сумки и т. п., которые могутъ имѣть употребленіе только въ отдаленномъ отъ бѣдности быту. И одежда становится тоже средствомъ отдѣленія себя отъ бѣдныхъ. Является мода, именно то, что отдѣляетъ богатыхъ отъ бѣдныхъ. То же, и еще яснѣе, въ жильѣ. Чтобы жить одному въ 10 комнатахъ, надо, чтобъ это не видали тѣ, которые живутъ десятеро въ одной. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ труднѣе добраться до него, тѣмъ больше швейцаровъ между нимъ и небогатыми людьми, тѣмъ невозможнѣе провести по коврамъ и посадить на атласныя кресла бѣднаго человѣка. То же со способомъ передвиженія. Мужику, ѣдущему въ телѣгѣ или на розвальняхъ, надо быть очень жестокимъ, чтобы не подвезти пѣшехода, — и мѣсто и возможность на это есть. Но чѣмъ богаче экипажъ, тѣмъ дальше онъ отъ возможности посадить кого бы то ни было. Даже прямо говорятъ, что самые щеголеватые экипажи — эгоистки.

То же со всѣмъ образомъ жизни, который выражается словомъ чистота.

Чистота! Кто не знаетъ людей, въ особенности женщинъ, которыя ставятъ себѣ эту черту въ высокую добродѣтель, и кто не знаетъ выдумокъ этой добродѣтели, когда она добывается чужимъ трудомъ? Кто изъ разбогатѣвшихъ людей не испыталъ на себѣ, съ какимъ трудомъ онъ старательно пріучалъ себя къ

этой чистотѣ, подтверждающей только пословицу: бѣлыя ручки чужіе труды любятъ?

Нынче чистота въ томъ, чтобы мѣнять рубашку каждый день. Нынче мыть каждый день шею и руки, завтра — ноги, еще завтра каждый день все тѣло да еще особенными притираніями. Нынче скатерть на два дня, завтра каждый день и двѣ въ день. Нынче чтобы руки у лакея были чисты, завтра чтобы онъ былъ въ перчаткахъ; подавалъ письмо на чистомъ подносѣ. И нѣтъ предѣловъ этой никому и ни для чего ненужной чистоты, какъ только для того, чтобы отдѣлить себя отъ другихъ и сдѣлать невозможнымъ общеніе съ ними, когда чистота эта добывается чужими трудами.

Мало того, когда я вникалъ въ это, я убѣдился, что и то, что называется вообще образованіемъ, есть то же самое.

Языкъ не обманетъ; онъ называетъ тѣмъ настоящимъ именемъ то, что люди подъ этимъ именемъ разумѣютъ. Образованіемъ называетъ народъ: модное платье, политичный разговоръ, чистыя руки, извѣстнаго рода чистота. Про такого человѣка говорятъ въ отличіе отъ другихъ, что онъ человѣкъ образованный. Въ кругу немного повыше образованіемъ называютъ то же, что и народъ, но къ условіямъ образованія прибавляютъ еще игру на фортепіано, знаніе по-французски, письмо по-русски безъ ореографическихъ ошибокъ и еще бо̀льшую внѣшнюю чистоту. Въ кругу еще повыше образованіемъ называютъ все это съ прибавкой еще англійскаго языка и диплома изъ высшаго учебнаго заведенія и еще бо̀льшую чистоту. Но образованіе и то, и другое, и третье по существу своему одно и то же. Образованіе — это тѣ формы и знанія, которыя должны отличать человѣка отъ другихъ. И цѣль его та же, какъ и чистоты: отдѣлить себя отъ толпы бѣдныхъ для того, чтобы они, голодные и холодные, не видали, какъ мы празднуемъ. Но спрятаться нельзя, и они видятъ.

И вотъ я убѣдился, что причина невозможности намъ, богатымъ, помочь бѣднымъ городскимъ была еще и въ невозможности сблизиться съ ними, что невозможность сближенія съ ними мы дѣлаемъ сами всей своей жизнью, всѣмъ употребленіемъ своихъ богатствъ. Я убѣдился, что между нами, богатыми, и бѣдными стоитъ воздвигнутая нами же стѣна чистоты и образованія, сложившаяся изъ нашего же богатства, и чтобы быть въ состояніи помогать бѣднымъ, намъ надо прежде всего разрушить эту стѣну, сдѣлать то, чтобы было возможно примѣненіе способа Сютаева — по себѣ разобрать бѣдныхъ. И съ другой стороны я пришелъ къ тому же самому, къ чему привелъ меня ходъ разсужденій о̂ причинахъ городской бѣдности: причина же была наше богатство.

XV.

Я сталъ разбирать дѣло еще съ третьей, съ чисто личной стороны. Въ числѣ явленій, особенно поразившихъ меня во время этой моей благотворительной дѣятельности, было еще одно, очень странное, которому я долго не могъ найти объясненія. Это было вотъ что: всякій разъ, какъ мнѣ случалось на улицѣ или дома давать бѣдному, не разговаривая съ нимъ, мелкую монету, я видѣлъ или мнѣ казалось, что я видѣлъ удовольствіе и благодарность па лицѣ бѣднаго, и самъ я испытывалъ при этой формѣ благотворительности пріятное чувство. Я видѣлъ, что я сдѣлалъ то, что желалъ и ожидалъ отъ меня человѣкъ. Но если я останавливался съ бѣднымъ и съ участіемъ разспрашивалъ его о его прежней и теперешней жизни, болѣе или менѣе входилъ въ подробности его жизни, я чувствовалъ, что нельзя уже дать 3 или 20 копеекъ, и я начиналъ перебирать въ кошелькѣ деньги, сомнѣваясь, сколько дать, давалъ всегда больше и всегда видѣлъ, что бѣдный уходитъ отъ меня недовольный. Если же я входилъ въ еще большее общеніе съ бѣднымъ, то еще больше увеличивалось мое сомнѣніе о томъ, сколько дать, и, сколько бы я ни давалъ, бѣдный еще становился мрачнѣе и недовольнѣе. Какъ общее правило, выходило всегда такъ, что если я давалъ послѣ сближенія съ бѣднымъ три рубля и больше, то почти всегда я видѣлъ мрачность, недовольство, злобу даже па лицѣ бѣднаго и случалось, что, взявъ 10 рублей, онъ уходилъ, не сказавъ даже спасибо, такъ, какъ будто я обидѣлъ его. И при этомъ мнѣ всегда было неловко, совѣстно, и я всегда чувствовалъ себя виноватымъ. Если же я недѣлями, мѣсяцами, годами слѣдилъ за бѣднымъ, и помогалъ ему, и высказывалъ ему свои взгляды, и сближался съ нимъ, то отношенія съ нимъ становились мукой, и я видѣлъ, что бѣдный презираетъ меня. И я чувствовалъ, что онъ правъ.

Если я иду по улицѣ, а онъ, стоя на этой улицѣ, проситъ у меня въ числѣ другихъ прохожихъ и проѣзжающихъ три копейки, и я даю ихъ ему, то я для него прохожій, и добрый, хорошій прохожій, такой, который даетъ ему ту нитку, изъ которой составляется рубашка голому; онъ больше нитки ничего не ждетъ, и если я даю ее, онъ искренно благословляетъ меня. Но если я остановился съ нимъ, поговорилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, показалъ ему, что я хочу быть больше, чѣмъ прохожій, если, какъ это часто случалось, онъ поплакалъ, разсказывая мнѣ свое горе, то онъ видитъ во мнѣ уже не прохожаго, а то, что я хочу, чтобы онъ видѣлъ: добраго человѣка. Если же

я добрый человѣкъ, то доброта моя не можетъ остановиться ни на двугривенномъ, ни на 10 рубляхъ, ни на 10 тысячахъ. Нельзя быть немножко добрымъ человѣкомъ. Положимъ, я далъ ему много, я оправилъ его, одѣлъ, поставилъ на ноги, такъ что онъ могъ жить безъ чужой помощи; но почему бы то ни было, по несчастію или по его слабости, порочности, у него опять нѣтъ и того пальто, и того бѣлья, и тѣхъ денегъ, которыя я далъ ему, онъ опять голоденъ и холоденъ, и онъ опять пришелъ ко мнѣ, — почему я откажу ему? Вѣдь если бы причина моей дѣятельности состояла въ томъ, чтобы достигнуть опредѣленной матеріальной цѣли, дать ему столько-то рублей, или такое-то пальто, я бы могъ, разъ давъ ихъ, успокоиться; но причина моей дѣятельности не эта; причина та, что я хочу быть добрымъ человѣкомъ, т.-е. хочу видѣть себя въ каждомъ другомъ человѣкѣ. Всякій человѣкъ такъ, а не иначе, понимаетъ доброту. И потому, если онъ 20 разъ пропилъ все, что вы ему дали, и онъ опять холоденъ и голоденъ, если вы добрый человѣкъ, вы не можете не дать ему еще, не можете никогда перестать давать ему, если у васъ больше, чѣмъ у него. А если вы попятились, то вы этимъ самымъ показали, что все, что вы дѣлали, вы дѣлали не потому, что вы добрый человѣкъ, а потому, что передъ людьми, передъ нимъ хотѣли показаться добрымъ человѣкомъ.

И вотъ тутъ-то, съ такими людьми, съ которыми мнѣ приходилось пятиться, переставать давать и этимъ отрекаться отъ добра, я испытывалъ мучительный стыдъ.

Что такое былъ этотъ стыдъ? Стыдъ этотъ испытывалъ я въ Ляпинскомъ домѣ, и прежде и послѣ въ деревнѣ, когда мнѣ приходилось давать деньги или другое что бѣднымъ, и въ моихъ похожденіяхъ по городскимъ бѣднымъ.

Одинъ недавно бывшій со мною случай стыда живо напомнилъ мнѣ и привелъ меня къ разъясненію причины моего стыда, который я испытывалъ при даваніи денегъ бѣднымъ.

Это было въ деревнѣ. Мнѣ нужно было 20 копеекъ, чтобы подать страннику; я послалъ сына, чтобы занять у кого-нибудь, онъ принесъ страннику двугривенный и сказалъ мнѣ, что онъ занялъ у повара. Черезъ нѣсколько дней опять пришли странники, и мнѣ опять понадобился двугривенный; у меня былъ рубль; я вспомнилъ, что долженъ былъ повару, пошелъ въ кухню, надѣясь, что у повара найдется еще мелочь. Я сказалъ: «Я у васъ бралъ двугривенный, такъ вотъ рубль». Я еще не договорилъ, какъ поваръ вызвалъ изъ другой комнаты жену. «Параша, возьми», сказалъ онъ. Я, полагая, что она поняла, чтò мнѣ нужно, отдалъ ей рубль. Надо сказать, что поваръ

живетъ у насъ недѣлю, и жену его я видалъ, но никогда не говорилъ съ ней. Только что я хотѣлъ сказать ей, чтобы она дала мнѣ мелочи, какъ она быстро нагнулась къ моей рукѣ и хотѣла поцѣловать ее, очевидно полагая, что я даю ей рубль. Я что-то пробормоталъ и вышелъ изъ кухни. Мнѣ стало стыдно, мучительно стыдно, какъ давно не было. Меня корчило, я чувствовалъ, что дѣлалъ гримасы, и я стоналъ отъ стыда, выбѣгая изъ кухни. Этотъ ничѣмъ не заслуженный, какъ мнѣ казалось, и неожиданный стыдъ поразилъ меня особенно потому, что я давно уже такъ не стыдился, и потому, что я, какъ старый человѣкъ, какъ мнѣ казалось, жилъ такъ, что не заслуживалъ этого стыда. Меня это очень поразило. Я разсказалъ домашнимъ, разсказалъ знакомымъ, и всѣ согласились, что и они испытали бы то же. И я сталъ думать: отчего же это мнѣ было стыдно? Отвѣтъ на это мнѣ далъ случай, бывшій со мною прежде въ Москвѣ.

Я вдумался въ этотъ случай, и мнѣ объяснился этотъ стыдъ, испытанный мною съ поваровой женой, и всѣ тѣ ощущенія стыда, которыя я испытывалъ во время моей московской благотворительности, и который испытываю теперь постоянно, когда мнѣ приходится давать людямъ что-нибудь, кромѣ той маленькой милостыни нищимъ и странникамъ, которую я привыкъ давать и считаю дѣломъ не благотворительности, а благопристойности — учтивости. Если человѣкъ проситъ у васъ огня, надо зажечь ему спичку, если есть. Если человѣкъ проситъ 3 или 20 коп., или даже нѣсколько рублей, надо дать ихъ, если есть. Это дѣло учтивости, а не благотворительности.

Случай былъ такой; я говорилъ уже о двухъ мужикахъ, съ которыми я третьяго года пилилъ дрова. Одинъ разъ вечеромъ въ субботу, сумерками, я пошелъ съ ними вмѣстѣ въ городъ. Они шли къ хозяину получать плату. Подходя къ Дорогомиловскому мосту, мы встрѣтили старика. Онъ попросилъ милостыню, и я далъ ему 20 коп. Я далъ и подумалъ о томъ, какъ моя милостыня должна хорошо подѣйствовать на Семена, съ которымъ мы говорили о божественномъ. Семенъ, тотъ владимірскій мужикъ, у котораго была въ Москвѣ жена и двое дѣтей, остановился тоже, заворотилъ полу кафтана и досталъ кошель, а изъ кошелька, поискавъ въ немъ, досталъ три копейки, далъ ихъ старику и спросилъ двѣ копейки сдачи.

Старикъ показалъ на рукѣ двѣ трехкопеечныя и одну копейку. Семенъ посмотрѣлъ, хотѣлъ взять копейку, но потомъ раздумалъ, снялъ шапку, перекрестился и пошелъ, оставивъ старику три копейки. Я зналъ все имущественное положеніе Се-

мена. У него дома не было и не было никакой собственности. Денегъ онъ сбилъ по тотъ день, въ который онъ подалъ 3 копейки, 6 руб. 50 коп. Стало быть, 6 руб. 50 коп. было его сбереженіе. Мое сбереженіе равнялось приблизительно 600-мъ тысячамъ. У меня была жена и у Семена была жена и дѣти. Онъ былъ моложе меня, и дѣтей у него было меньше; но дѣти у него были малыя, у меня же были двое въ возрастѣ работниковъ, такъ что наше положеніе, кромѣ сбереженія, было равное; пожалуй, даже мое было нѣсколько выгоднѣе. Онъ далъ 3 коп., а я далъ 20. Что же далъ онъ и что я? Что бы я долженъ былъ дать, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ Семенъ? У него было 600 копеекъ; онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтобы дать то, что далъ Семенъ, мнѣ надо было дать 3000 рублей и попросить 2000 сдачи, и если не было бы сдачи, оставить и эти 2 тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ и почемъ печенка на Смоленскомъ. Я тогда уже подумалъ объ этомъ; но только долго послѣ я былъ въ состояніи сдѣлать изъ этого случая тотъ выводъ, который неизбѣжно изъ него вытекаетъ. Выводъ этотъ такъ необыкновененъ и страненъ кажется, что несмотря на его математическую несомнѣнность, нужно время, чтобы привыкнуть къ нему. Все кажется, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, но ошибки нѣтъ. Есть только страшная тьма заблужденій, въ которой мы живемъ.

Этотъ-то выводъ, когда я пришелъ къ нему и призналъ его несомнѣнность, объяснилъ мнѣ мой стыдъ передъ женой повара и передъ всѣми бѣдными, которымъ я давалъ и даю деньги.

Въ самомъ дѣлѣ, что же такое тѣ деньги, которыя я даю бѣднымъ и которыя поварова жена думала, что я даю ей? Въ большей части случаевъ это такая доля моихъ денегъ, которую невозможно даже выразить цифрой для Семена и для поваровой жены, — это большею частью одна милліонная или около того. Я даю такъ мало, что даваніе мною денегъ не есть и не можетъ быть для меня лишеніемъ; оно есть только потѣха, которой я забавляюсь, какъ и когда мнѣ вздумается. И такъ и поняла меня поварова жена. Если я даю приходящему съ улицы рубль или 20 коп., то отчего же мнѣ не дать и ей рубль? Для поваровой жены такое раздаваніе денегъ есть то же, что швыряніе господами пряниковъ въ народъ; это забава людей, имѣющихъ много дурашныхъ денегъ. Мнѣ стыдно было оттого, что ошибка поваровой жены прямо показала мнѣ тотъ взглядъ, который она и

всѣ небогатые люди должны имѣть на меня: «швыряетъ дурашныя, т.-е. не трудовыя, деньги».

Въ самомъ дѣлѣ какія мои деньги и откуда онѣ завелись у меня? Часть ихъ я собралъ за землю, полученную мною отъ отца. Мужикъ продалъ послѣднюю овцу, корову, чтобы отдать мнѣ ихъ. Другая часть моихъ денегъ — это деньги, которыя я получилъ за мои сочиненія, за книги. Если книги мои вредны, то я только соблазномъ сдѣлалъ то, что ихъ покупаютъ, а деньги которыя за нихъ я получаю,—дурно добытыя деньги; но если книги мои полезны людямъ, то выходитъ еще хуже. Я не даю ихъ людямъ, а говорю: дайте мнѣ 17 рублей, и тогда я дамъ вамъ ихъ. И какъ тамъ мужикъ продаетъ послѣднюю овцу, здѣсь бѣдный студентъ, учитель, всякій бѣдный человѣкъ лишаетъ себя нужнаго, чтобы дать мнѣ эти деньги. И вотъ я набралъ много такихъ денегъ, и что же я дѣлаю съ ними? Я привожу эти деньги въ городъ и отдаю ихъ бѣднымъ только тогда, когда они будутъ исполнять мои прихоти и придутъ сюда въ городъ чистить для меня тротуары, лампы, сапоги, работать для меня на фабрикахъ. И за эти деньги я выторговываю у нихъ все, что могу, т.-е. стараюсь какъ можно меньше дать имъ и какъ можно больше получить отъ нихъ. И вдругъ я совершенно неожиданно начинаю такъ, просто задаромъ, давать эти самыя деньги этимъ же бѣднымъ — не всѣмъ, но тѣмъ, кому мнѣ вздумается. Какъ же не ожидать каждому бѣдному, что, можетъ, и на него нынче выпадетъ счастье быть однимъ изъ тѣхъ, съ которыми я забавляюсь, раздавая мои дурашныя деньги? Такъ и смотрятъ на меня всѣ, такъ посмотрѣла и поварова жена.

И я до такой степени заблудился, что это отбираніе у бѣдныхъ одной рукой тысячей, а другой швыряніе копеекъ тѣмъ, кому вздумается, я называлъ добромъ. Не мудрено, что мнѣ было стыдно.

Да, прежде чѣмъ дѣлать добро, мнѣ надо самому стать внѣ зла, въ такія условія, въ которыхъ можно перестать дѣлать зло. А то вся жизнь моя — зло. Я дамъ 100 тысячъ и все не стану еще въ то положеніе, въ которомъ можно дѣлать добро, потому что у меня останутся еще 500 тысячъ. Только когда у меня ничего не будетъ, я буду въ состояніи дѣлать хоть маленькое добро, хоть то, что сдѣлала проститутка, ухаживая три дня за больною и ея ребенкомъ. А мнѣ казалось это такъ мало! И я смѣлъ думать о добрѣ! То, что съ перваго раза сказалось мнѣ при видѣ голодныхъ и холодныхъ у Ляпинскаго дома, именно то, что я виноватъ въ этомъ и что такъ жить, какъ я живу, нельзя и нельзя, — это одна правда.

XVI.

Трудно мнѣ было дойти до этого сознанія, но когда я дошелъ до него, я ужаснулся тому заблужденію, въ которомъ я жилъ. Я стоялъ по уши въ грязи, а другихъ хотѣлъ вытаскивать изъ этой грязи.

Въ самомъ дѣлѣ, чего я хочу? Я хочу сдѣлать добро другимъ, хочу сдѣлать такъ, чтобы люди не были холодны и голодны, чтобы люди могли жить такъ, какъ это свойственно людямъ.

Я хочу этого и вижу, что вслѣдствіе насилій, вымогательствъ и уловокъ, въ которыхъ я принимаю участіе, отбирается у трудящихся необходимое, а нетрудящіеся люди, къ которымъ принадлежу и я, пользуются съ излишкомъ трудомъ другихъ людей.

Я вижу, что пользованіе это чужимъ трудомъ распредѣляется такъ, что чѣмъ хитрѣе и сложнѣе уловка, которую употребляетъ самъ человѣкъ или употреблялъ тотъ, отъ кого онъ получилъ наслѣдство, тѣмъ большими онъ пользуется трудами другихъ людей и тѣмъ менѣе самъ прилагаетъ труда.

Сначала идутъ Штиглицы, Дервизы, Морозовы, Демидовы, Юсуповы, потомъ крупные банкиры, купцы, землевладѣльцы, чиновники. Потомъ средніе банкиры, купцы, чиновники, землевладѣльцы, къ которымъ принадлежу и я. Потомъ идутъ —вовсе мелкіе торговцы, кабатчики, ростовщики, становые, урядники, учителя, дьячки, приказчики; потомъ дворники, кучера, лакеи, водовозы, извозчики, разносчики, и подъ конецъ рабочій народъ— фабричные и крестьяне, число которыхъ относится къ первымъ, какъ 10:1. Я вижу, что жизнь девяти десятыхъ рабочаго народа по своему существу требуетъ напряженія и труда, какъ и всякая естественная жизнь, но что вслѣдствіе уловокъ, отбирающихъ у этихъ людей необходимое и ставящихъ ихъ въ тяжелыя условія, жизнь эта съ каждымъ годомъ становится труднѣе и полнѣе лишеній; жизнь же наша, не рабочихъ людей, благодаря содѣйствію наукъ и искусствъ, направленныхъ на эту цѣль, становится съ каждымъ годомъ избыточнѣе и обезпеченнѣе. Я вижу, что въ наше время жизнь рабочаго человѣка, въ особенности жизнь стариковъ, женщинъ и дѣтей рабочаго населенія, прямо гибнетъ отъ усиленной и неестественной работы, и что жизнь эта не обезпечена даже въ своихъ первыхъ потребностяхъ, и что рядомъ съ этимъ жизнь нерабочаго сословія, къ которому я принадлежу, съ каждымъ годомъ переполняется избыт-

комъ и роскошью, и дѣлается все болѣе и болѣе обезпеченною, и дошла, наконецъ, въ своихъ счастливцахъ, къ которымъ припадлежу и я, до такой степени обезпеченности, о которой въ старину только мечтали въ волшебныхъ сказкахъ, — до состоянія владѣльца кошелька съ неразмѣннымъ рублемъ, т.-е. такого положенія, при которомъ человѣкъ не только освобождается совершенно отъ закона труда для поддержанія жизни, но и получаетъ возможность пользоваться безъ труда всѣми благами жизни и передавать своимъ дѣтямъ или кому вздумается этотъ неразмѣнный рубль. Я вижу, что произведенія труда людей все болѣе и болѣе переходятъ отъ массы людей трудового народа къ нетрудовому, что пирамида общественнаго зданія какъ бы перестраивается такъ, что камни основанія переходятъ въ вершину и переходъ этотъ совершается въ какой-то геометрической прогрессіи. Я вижу, что происходитъ подобное тому, что произошло бы въ муравейной кучѣ, если бы общество муравьевъ потеряло чувство общаго закона, если бы одни муравьи изъ основанія кучи стали бы перетаскивать произведенія труда на верхъ кучи и все суживали бы основаніе и расширяли вершину и тѣмъ заставили бы и остальныхъ муравьевъ перебираться изъ основанія на вершину. Я вижу, что передъ людьми, вмѣсто идеала трудовой жизни, возникъ идеалъ кошелька съ неразмѣннымъ рублемъ, которымъ можно только пользоваться въ городѣ. Богатый, и я въ томъ числѣ, разными уловками устраиваетъ себѣ этотъ неразмѣнный рубль и для пользованія имъ переѣзжаетъ въ городъ, въ то мѣсто, гдѣ ничего не производится, а все поглощается. Бѣдный человѣкъ, обобранный для того, чтобы у богатаго былъ этотъ неразмѣнный рубль, стремится за нимъ въ городъ и тамъ тоже берется за уловки, отказывается отъ прежняго взгляда на трудовую жизнь или устраиваетъ себѣ положеніе, при которомъ онъ можетъ, мало работая, многимъ пользоваться, еще болѣе отягчая положеніе трудового народа, или же, не достигнувъ этого положенія, погибаетъ, попадая въ то съ необычайной быстротой увеличивающееся число холодныхъ и голодныхъ золоротцевъ.

Я принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые разными уловками отбираютъ отъ трудящагося народа необходимое и которые устроили себѣ этими уловками волшебный неразмѣнный рубль, соблазняющій этихъ же несчастныхъ. Я хочу помогать этимъ людямъ, и потому ясно, что прежде всего я долженъ не обирать ихъ, какъ это дѣлаю, а съ другой стороны—не соблазнять ихъ. А то я самыми гадкими и злыми, вѣками накопившимися улов-

ками устроилъ себѣ положеніе владѣльца неразмѣннаго рубля, т.-е. такое, при которомъ я могу, постоянно, соблазняя ихъ, заставлять работать на себя сотни и тысячи людей, что я и дѣлаю; и я воображаю себѣ, что я жалѣю людей и хочу помогать имъ, т.-е. сижу на шеѣ у человѣка, задавилъ его и требую, чтобы онъ везъ меня, и, не слѣзая съ него, увѣряю себя и другихъ, что я очень жалѣю и желаю облегчить его положеніе всѣми возможными средствами, но только не тѣмъ, чтобы слѣзть съ него.

Вѣдь это просто. Если я хочу помогать бѣднымъ, т.-е. сдѣлать бѣдныхъ не бѣдными, я не долженъ производить этихъ самыхъ бѣдныхъ. А то я даю по своему выбору бѣднымъ, сбившимся съ пути жизни, рубли, десятки, сотни; а на эти самые рубли я отбираю тысячи у людей, не сбившихся еще съ пути, и этимъ ихъ дѣлаю бѣдными и еще развращаю.

Это очень просто; но мнѣ было ужасно трудно понять это вполнѣ безъ всякихъ сдѣлокъ и оговорокъ, которыя оправдали бы мое положеніе; но разъ, понявъ все, что прежде казалось страннымъ, ложнымъ, неяснымъ, неразрѣшимымъ, все стало совершенно понятно и просто. Главное же — путь моей жизни, вытекавшій изъ этого объясненія, вмѣсто прежняго запутаннаго и неразрѣшимаго и мучительнаго, сталъ простъ, ясенъ и пріятенъ.

Кто такой я, тотъ, который хочетъ помогать людямъ? Я хочу помогать людямъ и я, вставши въ 12 часовъ послѣ винта съ 4-мя свѣчами, разслабленный, изнѣженный, требующій помощи и услугъ сотенъ людей, прихожу помогать — кому же? Людямъ, которые встаютъ въ пять, спятъ на доскахъ, питаются капустой и хлѣбомъ, умѣютъ пахать, косить, насадить топоръ, тесать, запрягать, шить,—людямъ, которые и силой, и выдержкой, и искусствомъ, и воздержностью во сто разъ сильнѣе меня, и я имъ прихожу помогать! Что же, кромѣ стыда, я и могъ испытывать, входя въ общеніе съ этими людьми? Самый слабый изъ нихъ—пьяница, тотъ, котораго они называютъ лѣнтяемъ— во сто разъ трудолюбивѣе меня; его балансъ, такъ сказать, т.-е. отношеніе того, что онъ беретъ отъ людей, и того, что даетъ имъ, стоитъ въ тысячу разъ выгоднѣе, чѣмъ мой балансъ, если я сочту, что̀ я беру отъ людей и что̀ имъ даю.

Этимъ-то людямъ я и иду помогать. Я иду помогать бѣднымъ. Да кто же бѣдный-то? Бѣднѣе меня нѣтъ ни одного? Я весь разслабленный, ни на что негодный паразитъ, который можетъ только существовать при самыхъ исключительныхъ условіяхъ, можетъ существовать только тогда, когда тысячи людей будутъ

трудиться на поддержаніе этой никому ненужной жизни. И я та вошь, пожирающая листъ дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и я хочу лѣчить его.

Я всю свою жизнь провожу такъ: ѣмъ, говорю и слушаю; ѣмъ, пишу или читаю, т.-е. опять говорю и слушаю; ѣмъ, играю; ѣмъ, опять говорю и слушаю; ѣмъ и опять ложусь спать; и такъ каждый день, а другого ничего не могу и не умѣю дѣлать. И для того, чтобы я могъ это дѣлать, нужно, чтобы съ утра до вечера работали дворникъ, мужикъ, кухарка, поваръ, лакей, кучеръ, прачка; не говорю уже о тѣхъ работахъ людей, которыя нужны для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и прочіе имѣли тѣ орудія и предметы, которыми и надъ которыми они для меня работаютъ: топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, стекло, воскъ, ваксу, керосинъ, сѣно, дрова, говядину. И всѣ эти люди тяжело работаютъ каждый день для того, чтобы я могъ говорить, ѣсть и спать. И я-то, этотъ убогій человѣкъ, вообразилъ себѣ, что я могу помогать другимъ, тѣмъ самымъ людямъ, которые кормятъ меня.

Удивительно не то, что не помогъ никому и почувствовалъ стыдъ, но удивительно то, что могла мнѣ придти такая нелѣпая мысль. Эта женщина, которая служила больному старику, та помогла ему; та хозяйка, которая отрѣзала ломоть отъ своего выработаннаго отъ земли хлѣба, та помогла нищему; Семенъ, давшій три выработанныя имъ копейки, помогъ нищему, потому что эти три копейки представляли дѣйствительно его трудъ; но я никому не служилъ, ни для кого не работалъ и хорошо знаю, что деньги мои не представляютъ мой трудъ.

И я почувствовалъ, что въ деньгахъ, въ самыхъ деньгахъ, въ обладаніи ими есть что-то гадкое, безнравственное, что самыя деньги и то, что я имѣю ихъ, есть одна изъ главныхъ причинъ тѣхъ золъ, которыя я видѣлъ передъ собой, и я спросилъ себя: что такое деньги?

XVII.

Деньги! Что̀ же такое деньги?

Деньги представляютъ трудъ. Я встрѣчалъ образованныхъ людей, которые утверждали, что деньги представляютъ даже трудъ того, кто ими владѣетъ. Каюсь, что я прежде какъ-то неясно раздѣлялъ такое мнѣніе. Но мнѣ надо было узнать основательно, что такое деньги. И, чтобы узнать это, я обратился къ наукѣ.

Наука говоритъ, что деньги не имѣютъ въ себѣ ничего несправедливаго и вреднаго, что деньги есть естественное усло-

віе общественной жизни, необходимое: 1) для удобства обмѣна, 2) для установленія мѣръ цѣнности, 3) для сбереженія и 4) для платежей. То очевидно явленіе, что если у меня есть три лишнихъ, ненужныхъ для меня рубля въ карманѣ, то я, свистнувъ, могу набрать въ каждомъ городѣ цивилизованномъ сотню людей, готовыхъ за три рубля сдѣлать по моей волѣ самыя тяжелыя, отвратительныя и унизительныя дѣла, происходитъ не отъ денегъ, а отъ очень сложныхъ условій экономической жизни народовъ. Властвованіе однихъ людей надъ другими происходитъ не отъ денегъ, а отъ того, что рабочій получаетъ неполную стоимость своего труда. Неполную же стоимость своего труда онъ получаетъ отъ свойствъ капитала, ренты и заработной платы и сложныхъ отношеній между ними и между самымъ производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатствъ. По-русски выходитъ, что люди, у которыхъ есть деньги, могутъ вить веревки изъ тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ. Но наука говоритъ, что это иллюзія. Дѣло не въ томъ. Наука говоритъ: во всякаго рода произведеніяхъ участвуютъ три фактора: земля, запасъ труда (капиталъ) и трудъ. И вотъ, отъ различныхъ отношеній между собою этихъ факторовъ производства, оттого, что два первые фактора — земля и капиталъ — находятся не въ рукахъ рабочихъ, а другихъ лицъ, отъ этого и вытекающихъ изъ этого весьма сложныхъ комбинацій происходитъ порабощеніе однихъ людей другими. Отчего происходитъ то денежное царство, которое поражаетъ всѣхъ насъ своею несправедливостью и жестокостью? Отчего одни люди посредствомъ денегъ властвуютъ надъ другими? Наука говоритъ: отъ дѣленія факторовъ производства и происходящихъ отъ того сложныхъ комбинацій, угнетающихъ рабочихъ. Отвѣтъ этотъ мнѣ всегда казался страннымъ не только тѣмъ, что оставляетъ въ сторонѣ одну часть вопроса,—а именно, о значеніи при этомъ денегъ,—но и тѣмъ дѣленіемъ факторовъ производства, которое свѣжему человѣку всегда представляется искусственнымъ и неотвѣчающимъ дѣйствительности. Утверждается, что въ каждомъ производствѣ участвуютъ три фактора: земля, капиталъ и трудъ, и при этомъ дѣленіи подразумѣвается, что богатства (или цѣнность ихъ — деньги), естественно подраздѣляются между тѣми, кто владѣетъ тѣмъ или другимъ факторомъ: рента — цѣнность земли — принадлежитъ землевладѣльцу, процентъ — капиталисту, а трудъ — рабочему. Такъ ли это? Во-первыхъ, справедливо ли то, что въ каждомъ производствѣ участвуютъ три фактора? Вотъ вокругъ меня, въ то время какъ пишу это, совершается производство сѣна. Изъ чего слагается это производство? Мнѣ

говорятъ: изъ земли, которая выростила сѣно, изъ капитала — косъ, грабель, вилъ, телѣгъ, нужныхъ для уборки сѣна, и изъ труда. Но я вижу, что это неправда. Кромѣ труда, принимаютъ участіе въ производствѣ сѣна: солнце, вода, общественное устройство, оберегавшее эти луга отъ потравы, знаніе рабочихъ, ихъ умѣніе говорить и понимать слова и еще много другихъ факторовъ производства, которые почему-то не принимаются политической экономіей. Сила солнца — такой же факторъ всякаго производства, еще болѣе необходимый, чѣмъ земля. Я могу себѣ представить положеніе людей, при которомъ (въ городѣ, напримѣръ) одни люди признаютъ за собой право заслонять стѣнами или деревьями отъ другихъ солнце; почему же оно не включено въ факторъ производства? Вода — другой, столь же необходимый, какъ и земля, факторъ. Воздухъ. И я тоже могу представить себѣ людей, лишенныхъ воды и чистаго воздуха, потому что другіе люди признаютъ за собою право владѣть исключительно водою и воздухомъ, необходимыми для другихъ. Общественная безопасность — такой же необходимый факторъ; пища, одежда для рабочихъ — также факторы производства, какъ и признается это нѣкоторыми экономистами. Образованіе, умѣнье говорить, дающее возможность прилагать разумную работу, — такой же факторъ. Я бы могъ наполнить цѣлый томъ такими пропущенными факторами производства. Почему же выбраны именно эти три фактора производства и положены въ основаніе науки? Почему же лучи солнца, вода, пища, знанія не признаются отдѣльными факторами производства, а таковыми признаются только земля, орудія труда и трудъ? Развѣ только потому, что на право однихъ людей пользоваться лучами солнца, водою, воздухомъ, пищею, на право говорить и слушать въ рѣдкихъ только случаяхъ заявляются притязанія людей; на право же пользованія землею и орудіями труда эти притязанія постоянно заявляются въ нашемъ обществѣ. Другого основанія нѣтъ, и потому, во-первыхъ, я вижу, что дѣленіе факторовъ производства на три только фактора совершенно произвольно и не лежитъ въ самой сущности вещей. Но, можетъ быть, дѣленіе это такъ свойственно людямъ, что тамъ, гдѣ слагаются экономическія отношенія, тотчасъ же выдѣляются именно эти, и только эти, факторы производства. Посмотримъ, такъ ли это. Смотрю ближе всего вокругъ себя на русскихъ поселенцевъ, которыхъ милліонъ было и есть. Поселенцы приходятъ на землю, садятся на нее и начинаютъ работать, и никому въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ, не пользующійся землею, могъ имѣть какія-нибудь права на

нее, и земля не заявляетъ никакихъ отдѣльныхъ правъ; напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ землю общимъ достояніемъ и считаютъ справедливымъ, чтобы каждый косилъ и пахалъ, гдѣ кто хочетъ и сколько захватитъ. Поселенцы для обработки земли, для садовъ, для постройки домовъ заводятъ орудія труда, и тоже никому въ голову не приходитъ, чтобы орудія труда могли сами по себѣ приносить доходъ, и капиталъ тоже не заявляетъ никакихъ правъ, а, напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ, что всякій ростъ за орудія труда, за ссужаемый хлѣбъ, за капиталъ есть несправедливость. Поселенцы на вольной землѣ работаютъ своими или ссуженными имъ безъ роста орудіями, каждый на себя или всѣ вмѣстѣ на общее дѣло, и въ такой общинѣ невозможно найти ни ренты, ни процента съ капитала, ни заработной платы. Говоря о такой общинѣ людей, я не фантазирую, а описываю то, что происходило всегда и происходитъ и теперь не у однихъ русскихъ первобытныхъ поселенцевъ, но и у такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей, которыхъ не мало садилось и садится на землѣ и въ Россіи и въ Америкѣ. Я описываю то, что представляется каждому естественнымъ и разумнымъ. Люди поселяются на землѣ и берутся каждый за свойственное ему дѣло, и каждый, выработавъ, что ему нужно для работы, работаетъ свою работу. Если же людямъ удобнѣе работать вмѣстѣ, они сходятся артелью; но ни въ отдѣльномъ хозяйствѣ, ни въ артеляхъ факторовъ производства не будетъ раздѣльныхъ, покуда люди произвольно и насильно не раздѣляютъ ихъ, а будетъ трудъ и необходимыя условія труда: солнце, которое всѣхъ грѣетъ, воздухъ, которымъ дышатъ люди, вода, которую пьютъ, земля, на которой работаютъ, одежа на тѣлѣ, пища въ брюхѣ, колъ, лопата, соха, плугъ, машина, которой работаютъ люди, и очевидно, что ни лучи солнца, ни воздухъ, ни вода, ни земля, ни одежа на тѣлѣ, ни колъ, которымъ работаетъ работникъ, ни заступъ, ни плугъ, ни машина, которой работаютъ въ артели, не могутъ никому принадлежать, кромѣ тѣхъ, которые пользуются лучами солнца, дышатъ воздухомъ, пьютъ воду, ѣдятъ хлѣбъ, закрываютъ свое тѣло и работаютъ заступомъ или машиной, потому что все это нужно только тѣмъ, которые все это употребляютъ. И когда люди поступаютъ такъ, мы всѣ видимъ, что они поступаютъ такъ, какъ свойственно поступать людямъ, т.-е. разумно. Итакъ, наблюдая, слагающіяся экономическія отношенія людей, я не вижу того, чтобы раздѣленіе на три фактора производства было свойственно людямъ. Я вижу, напротивъ, что оно несвойственно людямъ и неразумно. Но, можетъ быть, раздѣленіе этихъ трехъ факторовъ

не происходитъ только въ первобытныхъ обществахъ людей, при увеличеніи же населенія и развитіи культуры оно неизбѣжно, и что раздѣленіе это совершилось въ европейскомъ обществѣ, и мы не можемъ не признавать этотъ совершившійся фактъ. Посмотримъ, такъ ли это. Намъ говорятъ, что въ европейскомъ обществѣ дѣленіе факторовъ производства совершилось, т.-е. что одни люди владѣютъ землею, другіе орудіями труда, а третьи лишены и земли и орудій труда. Рабочій лишенъ земли и орудій труда. Мы такъ привыкли къ этому утвержденію, что насъ уже не поражаетъ странность его. Если же мы вдумаемся въ это выраженіе, то увидимъ несправедливость и даже безсмысленность его. Понятіе рабочаго включаетъ въ себя понятіе земли, на которой онъ живетъ, и орудій, которыми онъ работаетъ. Если бы онъ не жилъ на землѣ и не имѣлъ орудій работы, онъ не былъ бы работникъ. Такого рабочаго, который былъ бы лишенъ земли и орудій труда, никогда не было и не можетъ быть. Не можетъ быть земледѣльца безъ земли, на которой онъ работаетъ, и безъ косы, телѣги, лошади; не можетъ быть и сапожника безъ дома на землѣ, безъ воды, воздуха и орудій труда, которыми онъ работаетъ. Если у мужика нѣтъ земли, лошади и косы, у сапожника — дома, воды и шила, то это значитъ, что кто-нибудь согналъ его съ земли и отнялъ или выманилъ у него косу, телѣгу, лошадь, шило, но никакъ не значитъ то, что могутъ быть земледѣльцы безъ сохи и сапожники безъ инструмента. Какъ немыслимъ рыбакъ на сушѣ и — безъ снастей иначе, какъ если кто-нибудь согналъ его съ воды и отнялъ у него снасть, такъ точно немыслимъ мужикъ, сапожникъ безъ земли, на которой онъ живетъ, и безъ орудій труда, какъ только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь согналъ его съ земли и отнялъ у него его орудія. Могутъ быть такіе люди, которыхъ гонятъ съ одного мѣста земли на другое, и такіе, у которыхъ отнимаютъ и отняли ихъ орудія труда и которыхъ заставляютъ насильно работать чужими орудіями труда ненужные имъ предметы, но это не значитъ, что таково свойство производства; и поэтому земля и орудія труда не могутъ быть разсматриваемы, какъ отдѣльные факторы производства. Если же принимать факторами производства все то, на что заявляются притязанія другихъ людей, чего можетъ быть лишенъ рабочій насиліемъ другого, то почему не считать притязанія на личность раба факторомъ производства? Почему не считать притязаній на лучи солнца, на воздухъ, на воду такими же факторами? Можетъ появиться человѣкъ, который, выстроивъ стѣну, заслонитъ сосѣда отъ солнца; можетъ появиться человѣкъ, кото-

рый отведетъ воду рѣки въ прудъ и заразитъ этимъ воду; можетъ появиться человѣкъ, который признаетъ всего человѣка своею вещью, но ни то, ни другое, ни третье притязаніе, если бы даже оно приводилось въ исполненіе насиліемъ, не можетъ быть признаваемо основой дѣленія факторовъ производства, и потому такъ же невѣрно разсматривать право на землю и орудія труда какъ отдѣльные факторы производства, какъ разсматривать право на пользованіе лучами солнца, воздухомъ, водою и личностью другого человѣка какъ отдѣльные факторы производства. Могутъ быть люди, заявляющіе притязаніе на землю и орудія труда рабочаго, какъ были люди, заявлявшіе притязаніе на личность другого, и какъ могутъ быть люди, заявляющіе притязанія на исключительное пользованіе лучами солнца, водою, воздухомъ; могутъ быть люди, сгоняющіе рабочаго съ мѣста на мѣсто и силою отнимающіе у него произведенія его труда, по мѣрѣ ихъ изготовленія, и самыя орудія этого труда и заставляющіе его работать не на себя, а на хозяина, какъ это происходитъ на фабрикахъ, — все это можетъ быть; но работника безъ земли и орудій труда все-таки не можетъ быть, точно такъ же, какъ не можетъ быть человѣкъ вещью другого, несмотря на то, что люди очень долго утверждали это. И какъ утвержденіе права собственности на личность другого человѣка не могло лишить раба его прирожденнаго свойства искать блага своего, а не хозяина, такъ и теперь утвержденіе права собственности на землю и на орудія труда другихъ не можетъ лишить работника прирожденнаго свойства каждаго человѣка жить на землѣ и работать своими личными или общими орудіями то, что онъ для себя считаетъ полезнымъ. Все, что можетъ сказать наука, разсматривая настоящее экономическое положеніе, это — то, что въ Европѣ существуютъ притязанія однихъ людей на землю и орудія труда рабочихъ, вслѣдствіе которыхъ для нѣкоторой части этихъ рабочихъ (никакъ не всѣхъ) нарушаются свойственныя людямъ условія производства, такъ что рабочихъ лишаютъ земли и орудій труда и пригоняютъ къ чужимъ орудіямъ труда, но никакъ не то, что это случайное нарушеніе законовъ производства и есть самый законъ производства. Утверждая то, что дѣленіе факторовъ производства и есть основной законъ производства, экономистъ дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы зоологъ, который видалъ бы очень много чижиковъ въ домикахъ, съ обстриженными крылышками, и заключилъ бы изъ этого, что домикъ и ведрышко съ водой, поднимающееся по рельсамъ, есть самое существенное условіе жизни птицъ и что жизнь птицъ слагается изъ этихъ трехъ

факторовъ. Какъ бы много ни было чижиковъ въ карточныхъ домикахъ, съ обстриженными крылышками, зоологъ не можетъ признать карточные домики естественнымъ свойствомъ птицъ. Какъ бы много ни было рабочихъ, сгоняемыхъ съ мѣста на мѣсто и лишаемыхъ и произведеній и орудій своего труда, естественное свойство человѣка жить на землѣ и работать своими орудіями то, что ему нужно, будетъ все то же. Есть притязанія однихъ людей на землю и орудія труда рабочаго, точно такъ же какъ были въ древнемъ мірѣ притязанія однихъ людей на личность другихъ; но никакъ не можетъ быть раздѣленія людей на господъ и рабовъ, какъ это хотѣли установить въ древнемъ мірѣ, и никакъ не можетъ быть раздѣленія факторовъ производства на землю и капиталъ, какъ это хотятъ установить экономисты въ современномъ обществѣ. И эти-то незаконныя притязанія однихъ людей на свободу другихъ людей наука называетъ естественными свойствами производства. Вмѣсто того, чтобы взять основы свои въ естественныхъ свойствахъ человѣческихъ обществъ, наука взяла ихъ въ частномъ случаѣ и, желая оправдать этотъ частный случай, признала право одного человѣка на землю, которою кормится другой, и на орудія труда, которыми работаетъ другой, т.-е. признала такое право, котораго никогда не было и не можетъ быть и которое въ самомъ выраженіи своемъ носитъ противорѣчіе, потому что право на землю собственника, не работающаго, въ сущности есть не что иное, какъ право пользоваться землею, которою онъ не пользуется; право же на орудія труда есть не что иное, какъ право человѣка работать орудіями, которыми онъ не работаетъ. Наука своимъ дѣленіемъ факторовъ производства утверждаетъ то, что естественное состояніе рабочаго, т.-е. человѣка въ его настоящемъ значеніи, есть то неестественное состояніе, въ которомъ онъ находится; точно такъ же какъ и въ древнемъ мірѣ дѣленіемъ людей на гражданъ и рабовъ утверждали, что неестественное положеніе рабства есть естественное свойство человѣка. Это-то дѣленіе, принятое наукой только для того, чтобы оправдать существующую несправедливость нѣкоторыхъ людей и поставленное въ основу всѣхъ своихъ изслѣдованій, и сдѣлало то, что наука тщетно пытается дать какія-нибудь объясненія существующихъ явленій и отрицая самые ясные и простые отвѣты на представляющіеся вопросы, даетъ отвѣты, не имѣющіе никакого содержанія.

Вопросъ экономической науки въ слѣдующемъ: какая причина того, что одни люди, посредствомъ денегъ пріобрѣтающіе воображаемое право на землю и орудія труда, могутъ порабо-

щать тѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ денегъ? Отвѣтъ, представляющійся здравому смыслу, тотъ, что это происходитъ отъ денегъ, имѣющихъ свойство порабощать людей. Но наука отрицаетъ это и говоритъ: это происходитъ не отъ свойства денегъ, а оттого, что одни люди имѣютъ землю и капиталъ, а другіе не имѣютъ. Мы спрашиваемъ: отчего люди, имѣющіе землю и капиталъ, порабощаютъ неимѣющихъ, намъ отвѣчаютъ: оттого, что они имѣютъ землю и капиталъ. Да вѣдь мы про это самое и спрашиваемъ. Лишеніе земли и орудій труда есть порабощеніе. Вѣдь это отвѣтъ: facit dormire quia habet virtus dormitiva. Но жизнь не перестаетъ ставить свой существенный вопросъ, и даже самая наука видитъ его и старается отвѣтить на него, но никакъ не можетъ этого сдѣлать, выходя изъ своихъ основъ, и вертится въ своемъ заколдованномъ кругу. Для того, чтобы сдѣлать это, наука должна прежде всего отказаться отъ этого ложнаго дѣленія факторовъ производства, т.-е. отъ признанія послѣдствій явленій за причину ихъ, и должна искать сначала ближайшую, а потомъ и болѣе отдаленную причину тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ ея изслѣдованій. Наука должна отвѣчать на вопросъ: какая причина того, что одни люди лишены земли и орудій труда, а другіе владѣютъ ими? или: какая причина производитъ отчужденіе земли и орудій труда у тѣхъ, которые обрабатываютъ землю и работаютъ орудіями? И какъ только наука поставитъ себѣ этотъ вопросъ, такъ явятся совершенно новыя соображенія, перевертывающія всѣ положенія прежней quasi-науки, вертящейся въ безвыходномъ кругу утвержденій, что бѣдственное положеніе рабочихъ происходитъ оттого, что оно бѣдственно. Простымъ людямъ кажется несомнѣннымъ, что ближайшая причина порабощенія однихъ людей другими — это деньги. Но наука, отрицая это, говоритъ, что деньги есть только орудіе обмѣна, не имѣющее ничего общаго съ порабощеніемъ людей. Посмотримъ, такъ ли это.

XVIII.

Откуда берутся деньги? При какихъ условіяхъ у народа всегда бываютъ деньги и при какихъ условіяхъ мы знаемъ народы, не употребляющіе деньги? Живетъ народецъ въ Африкѣ, въ Австраліи, какъ жили въ старину скиѳы, древляне. Живетъ этотъ народецъ, пашетъ, водитъ скотину, сады. Мы узнаемъ про нихъ тогда, когда начинается исторія. Исторія же начинается съ того, что наѣзжаютъ завоеватели. Завоеватели же дѣлаютъ всегда одно и то же: отбираютъ отъ народа все, что

только могутъ взять у нихъ; отбираютъ скотину, хлѣбъ, ткани, даже плѣнниковъ и плѣнницъ, и увозятъ съ собой. Черезъ нѣсколько лѣтъ завоеватели пріѣзжаютъ опять, но народецъ еще не справился отъ разоренія и взять у него почти нечего, и завоеватели придумываютъ другой, лучшій способъ пользованія силами этого народца. Способы эти очень просты и естественно приходятъ въ голову всѣмъ людямъ. Первый способъ—это рабство личное. Способъ этотъ имѣетъ неудобство распоряженія всѣми рабочими силами и прокормленія всѣхъ, и представляется естественно второй способъ: оставленія народца на его землѣ и признаніе этой земли своею и раздача этой земли дружинѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ посредство дружины пользоваться трудомъ народа. Но и этотъ способъ имѣетъ свои неудобства. Дружинѣ неудобно распоряжаться всѣми произведеніями народца, и вводится третій способъ, столь же первобытный, какъ и первые два — способъ обязательнаго требованія съ подвластныхъ извѣстной срочной дани. Цѣль завоевателя состоитъ въ томъ, чтобы взять съ завоеванныхъ какъ можно больше произведеній ихъ труда. Очевидно, что для того, чтобы можно было взять какъ можно болѣе завоевателю, нужно взять тѣ предметы, которые имѣютъ высшую цѣнность между людьми этого народца и вмѣстѣ съ тѣмъ не громоздки и удобны для храненія,—шкуры, золото. И завоеватели накладываютъ обыкновенно срочную дань шкурами или золотомъ на семью или племя и посредствомъ этой дани самымъ удобнымъ для себя способомъ пользуются трудами народа. Шкуры и золото почти всѣ отобрали отъ народца, и потому покоренные должны продавать другъ другу и завоевателю и дружинѣ все то, что они имѣютъ: и имущество и трудъ. Это самое происходило и въ древности, и въ средніе вѣка, и происходитъ и теперь. Въ древнемъ мірѣ, при частыхъ завоеваніяхъ однихъ народовъ другими и при отсутствіи сознанія человѣческаго равенства людей, личное рабство было самымъ распространеннымъ средствомъ порабощенія однихъ людей другими, и на личномъ рабствѣ лежалъ центръ тяжести этого порабощенія. Въ средніе вѣка феодальная система, т.-е. поземельная собственность и связанное съ нею и крѣпостное право замѣняютъ отчасти личное рабство, и центръ тяжести порабощенія перенесенъ былъ съ личности на землю; въ новое же время, съ открытіемъ Америки и развитіемъ торговли и наплывомъ золота, принятымъ общимъ денежнымъ знакомъ, денежная подать, съ усиленіемъ государственной власти, становится главнымъ орудіемъ порабощенія людей и на ней зиждутся теперь всѣ экономическія отношенія лю-

дей. Въ литературномъ сборникѣ есть статья профессора Янжула, описывающая недавнюю исторію острововъ Фиджи. Если бы я старался придумать самую рѣзкую иллюстрацію того, какимъ образомъ въ наше время обязательное требованіе денегъ стало главнымъ орудіемъ порабощенія однихъ людей другими, я бы не могъ выдумать ничего болѣе яркаго и убѣдительнаго, чѣмъ эта правдивая исторія, основанная на документахъ и происходившая на-дняхъ.

Живетъ на островахъ Южнаго океана, въ Полинезіи, народецъ Фиджи. Вся группа острововъ, говоритъ профессоръ Янжулъ, состоитъ изъ мелкихъ острововъ, занимающихъ приблизительно 40.000 англ. квадр. миль. Лишь половина острововъ обитаема населеніемъ въ 150.000 туземцевъ и 1.500 бѣлыхъ. Туземные жители уже довольно давно вышли изъ дикаго состоянія и выдаются своими умственными способностями между другими туземцами Полинезіи и представляютъ собой народъ, способный къ труду и развитію, что и доказали, сдѣлавшись въ короткое время хорошими земледѣльцами и скотоводами. Жители благоденствовали, но въ 1859 году новое королевство очутилось въ отчаянномъ положеніи: народу Фиджи и его представителю Какабо понадобились деньги. Деньги 45.000 долларовъ понадобились королевству Фиджи для уплаты контрибуціи, или вознагражденія, требуемыхъ Соединенными Американскими Штатами за насилія, будто нанесенныя фиджіанцами нѣкоторымъ гражданамъ Американской республики. Съ этою цѣлью американцы прислали эскадру, которая захватила внезапно нѣсколько лучшихъ острововъ, какъ залогъ, и угрожала даже бомбардированіемъ и разрушеніемъ колоній, если контрибуція не будетъ въ извѣстный срокъ вручена представителямъ Америки. Американцы были одни изъ первыхъ колонистовъ, которые вмѣстѣ съ миссіонерами появились на Фиджи. Выбирая и захватывая подъ тѣми или иными предлогами лучшіе куски земли на островахъ и устраивая тамъ хлопчато-бумажныя и кофейныя плантаціи, американцы нанимали цѣлыя толпы туземцевъ, связывая ихъ незнакомыми для полудикарей контрактами или дѣйствуя черезъ особыхъ подрядчиковъ или поставщиковъ живого товара. Столкновенія между такими хозяевами-плантаторами и туземцами, на которыхъ они смотрѣли почти какъ на рабовъ, были неминуемы, и вотъ нѣкоторыя-то изъ нихъ и послужили поводомъ къ американской контрибуціи. Несмотря на свое благосостояніе, на Фиджи почти до настоящаго времени уцѣлѣли формы такъ называемаго натуральнаго хозяйства, имѣвшаго мѣсто въ Европѣ лишь въ средніе вѣка: деньги между туземцами почти не обращались, и

вся торговля имѣла исключительно мѣновой характеръ; товаръ мѣнялся на товаръ, а немногіе общественные и государственные сборы взимались прямо сельскими продуктами. Что было дѣлать фиджіанцамъ съ ихъ королемъ Какабо, когда американцы категорически потребовали 45.000 долларовъ подъ угрозой самыхъ тяжелыхъ послѣдствій въ случаѣ ихъ невзноса? Для фиджіанцевъ самая эта цифра представляла нѣчто непостижимое, не говоря уже о деньгахъ, которыхъ они никогда не видѣли въ такихъ размѣрахъ. Какабо, посовѣтовавшійся съ другими вождями, рѣшился обратиться къ англійской королевѣ и сначала сталъ просить ее принять острова подъ свое покровительство, а позднѣе прямо подъ свое подданство. Но англичане отнеслись осторожно къ этой просьбѣ и не спѣшили выручить полудикаго монарха изъ его затрудненія. Вмѣсто прямого отвѣта они послали въ 1860 году спеціальную экспедицію съ цѣлью изслѣдованія островов Фиджи, чтобы рѣшить, стоитъ ли ихъ присоединять къ Британскимъ владѣніямъ и тратить деньги на удовлетвореніе американскихъ кредиторовъ.

Между тѣмъ американское правительство продолжало настаивать на уплатѣ и удерживало въ качествѣ залога въ своемъ фактическомъ владѣніи нѣсколько лучшихъ пунктовъ, а, присмотрѣвшись къ народнымъ богатствамъ, прежнія 45.000 повысило до 90.000 и угрожало еще повысить, если Какабо не уплатитъ ихъ скоро. Тогда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, бѣдный Какабо, незнакомый съ европейскими способами кредитныхъ сдѣлокъ, по совѣту европейскихъ колонистовъ, началъ искать денегъ въ Мельбурнѣ, у купцовъ, во что бы то ни стало и на какихъ угодно условіяхъ, хотя бы пришлось уступить частнымъ лицамъ все королевство. И вотъ въ Мельбурнѣ, на вызовъ Какабо, составляется торговая компанія. Эта акціонерная компанія, принявшая названіе Полинезійскаго общества, заключила съ владѣтелями Фиджи договоръ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Принявши на себя долгъ американскому правительству и обязавшись уплатить его взносомъ въ извѣстные сроки, компанія получила за это по первому уговору 100, а затѣмъ 200 тысячъ акровъ лучшей земли по своему выбору, свободу на вѣчныя времена отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ для всѣхъ своихъ факторій, операцій и колоній и исключительное право на продолжительное время заводить въ Фиджи эмиссіонные банки съ привилегіей неограниченнаго выпуска билетовъ. Со времени этого договора, заключеннаго окончательно въ 1868 году, у фиджіанъ, рядомъ съ ихъ мѣстнымъ правительствомъ съ Какабо во главѣ, очутилась другая

власть—могущественная торговая факторія съ обширными земельными владѣніями по всѣмъ островамъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ управленіи. До сихъ поръ правительство Какабо довольствовалось для своихъ потребностей тѣми матеріальными средствами, которыя заключались въ различныхъ натуральныхъ сборахъ и небольшой таможенной пошлинѣ съ привозныхъ товаровъ. Съ заключеніемъ договора и основаніемъ могущественной Полинезійской компаніи его финансовыя обстоятельства измѣнились. Значительная часть лучшихъ земель во владѣніяхъ отошла къ компаніи, слѣдовательно сборы уменьшились; съ другой стороны, компанія, какъ мы знаемъ, выговорила себѣ безпошлинный, свободный привозъ и вывозъ всякихъ товаровъ, а черезъ это и доходъ отъ пошлинъ также упалъ. Туземцы, т.-е. 0,99 всего населенія, всегда были плохими плательщиками таможенныхъ налоговъ, такъ какъ ничего почти не потребляютъ изъ европейскихъ товаровъ, кромѣ немногихъ тканей и металлическихъ издѣлій, теперь же, черезъ освобожденіе вмѣстѣ съ Полинезійской компаніей наиболѣе состоятельныхъ европейцевъ отъ таможеннаго налога, доходъ короля Какабо дѣлался окончательно ничтожнымъ, и онъ долженъ былъ позаботиться о его дополненіи. И вотъ Какабо начинаетъ совѣщаться со своими бѣлыми друзьями о томъ, какимъ образомъ отвратить бѣду, и получаетъ отъ нихъ совѣтъ ввести первый прямой налогъ въ странѣ, и чтобы менѣе утруждать себя, вѣроятно, въ формѣ денежнаго сбора. Налогъ былъ установленъ въ формѣ всеобщей или подушной подати въ размѣрѣ 1 фунта стерлинговъ на всякаго мужчину и 4 шиллинговъ на всякую женщину по всѣмъ островамъ.

Какъ мы уже говорили, даже до сихъ поръ на островахъ Фиджи существуетъ еще натуральное хозяйство и мѣновая торговля. Очень немногіе туземцы владѣютъ деньгами. Ихъ богатство состоитъ исключительно изъ различныхъ сырыхъ продуктовъ и стадъ, а не въ деньгахъ. Между тѣмъ новый налогъ требовалъ въ извѣстные періоды времени во что бы то ни стало денегъ, для семейнаго туземца весьма значительныхъ въ общей сложности. До сихъ поръ туземецъ не привыкъ ни къ какимъ индивидуальнымъ тягостямъ въ пользу правительства, кромѣ личныхъ повинностей; всѣ сборы, какіе случались, уплачивались общиной или деревней, къ которой онъ принадлежалъ, и съ общихъ полей, съ которыхъ получаетъ онъ свой главный доходъ. Ему оставался одинъ исходъ: искать денегъ у бѣлыхъ—колонистовъ, т.-е. обратиться или къ торговцу, или къ плантатору. Первому онъ долженъ былъ продать свой продуктъ по какой угодно

цѣнѣ, такъ какъ сборщикъ податей требовалъ деньги къ извѣстному опредѣленному сроку, или даже занять денегъ подъ будущій продуктъ, чѣмъ, конечно, торговецъ пользовался, чтобы брать безбожные проценты; или же онъ долженъ былъ обратиться къ плантатору и продать ему свой трудъ, т.-е. поступить въ рабочіе. Но заработная плата на островахъ Фиджи, оказалась вслѣдствіе, вѣроятно, единовременнаго большого предложенія, очень низкою, не болѣе, согласно показанію настоящей администраціи, одного шиллинга въ недѣлю для взрослаго мужчины, или 2 фунтовъ 12 шил. въ годъ, и, слѣдовательно, лишь для того, чтобы получить деньги, необходимыя для уплаты только за самого себя, не говоря о семействѣ, фиджіанецъ долженъ бросить свой домъ, семью, собственныя земли и хозяйство и, переселившись часто далеко, на другой островъ, закабалить себя плантатору по крайней мѣрѣ на полгода, чтобы выручить 1 фунтъ ст., необходимый для уплаты новаго налога; для уплаты же налога за все семейство онъ долженъ былъ искать другихъ средствъ. Понятенъ результатъ такого порядка: съ полутораста тысячъ подданныхъ Какабо собиралъ всего 6 т. фунт. стерл. И вотъ начинается усиленное вымогательство податей, дотолѣ незнакомое, и рядъ принудительныхъ мѣръ. Мѣстная администрація, прежде неподкупная, весьма скоро стакнулась съ бѣлыми плантаторами, которые начали вертѣть страною. За неплатежъ фиджіанцы притягиваются къ суду и приговариваются, кромѣ судебныхъ издержекъ, къ заключенію въ тюрьму на сроки не менѣе какъ на полгода. Роль этой тюрьмы играютъ плантаціи перваго бѣлаго, который пожелаетъ внести налогъ и судебныя издержки за приговореннаго. Такимъ образомъ бѣлые получаютъ въ изобиліи дешевый трудъ въ какомъ угодно количествѣ. Первоначально дозволялась эта принудительная отдача на работы срокомъ на полгода, но затѣмъ подкупленные судьи находили возможность назначать на работы даже на восемнадцать мѣсяцевъ и потомъ свой приговоръ возобновить вновь. Весьма быстро, въ нѣсколько лѣтъ, картина экономическаго положенія жителей Фиджи совершенно измѣнилась. Цѣлые цвѣтущіе зажиточные округа наполовину обезлюдѣли и крайне обѣднѣли. Все мужское населеніе, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, работало на сторонѣ, у бѣлыхъ плантаторовъ, чтобы добыть деньги, нужныя для уплаты налога или по приговору суда. Женщины въ Фиджи почти не несутъ никакихъ земледѣльческихъ работъ, и потому въ отсутствіе мужчинъ хозяйства были запущены или совсѣмъ брошены. Въ нѣсколько лѣтъ половина населенія Фиджи превратилась въ рабовъ бѣлыхъ коло-

нистовъ. Чтобы облегчить свое положеніе, фиджіанцы опять обратились къ Англіи. Появилось новое прошеніе, покрытое множествомъ подписей именитѣйшихъ лицъ и вождей, о принятіи ихъ въ англійское подданство и было вручено британскому консулу. Къ этому времени Англія, благодаря своимъ ученымъ экспедиціямъ, успѣла не только изучить, но даже измѣрить острова и должнымъ образомъ оцѣнить природныя богатства этого прекраснаго уголка земного шара. По всѣмъ этимъ причинамъ переговоры на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ 1874 году, къ большому неудовольствію американскихъ плантаторовъ, Англія офиціально вступила во владѣніе островами Фиджи, присоединивши ихъ къ своимъ колоніямъ. Какабо умеръ, и его наслѣдникамъ назначена маленькая пенсія. Управленіе острововъ было поручено сэру Робинзону, губернатору Южнаго Валлиса. Въ первый годъ своего присоединенія къ Англіи Фиджи не имѣли своего управленія, а находились подъ вліяніемъ сэра Робинзона, который назначилъ сюда администратора. Принимая въ свои руки острова, англійское правительство должно было разрѣшить трудную задачу — удовлетворить разнообразнымъ ожиданіямъ, на него возлагаемымъ. Туземцы, конечно, разсчитывали прежде всего на уничтоженіе ненавистнаго для нихъ подушнаго налога, бѣлые же колонисты (частью американцы) относились къ британскому владычеству съ недовѣріемъ, частью же (англійскаго происхожденія) разсчитывали на всякія блага — признаніе, напр., своего владычества надъ туземцами, освященіе своихъ правъ на земельные захваты и т. д. Англійское управленіе оказалось, однако, вполнѣ на высотѣ своей задачи и первымъ его дѣйствіемъ было уничтоженіе навсегда подушнаго налога, создававшаго рабство туземцевъ для выгодъ немногихъ колонистовъ. Но тутъ сэру Робинзону представилась тотчасъ же трудная дилемма. Необходимо было уничтожить подушный налогъ, спасаясь отъ котораго, фиджіанцы обратились къ правительству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по правилу англійской колоніальной политики, колоніи должны содержать себя сами, т.-е. находить свои собственныя средства на удовлетвореніе расходовъ по управленію. Между тѣмъ, съ уничтоженіемъ подушнаго налога, всѣ доходы на Фиджи (съ таможенныхъ пошлинъ) не превышали 6 т. фунт., тогда какъ расходы по управленію требовали по меньшей мѣрѣ 70.000 ф. въ годъ. И вотъ Робинзонъ, уничтоживъ денежный налогъ, придумываетъ labour tax, т.-е. барщину, на которую должны были ходить фиджіанцы; но барщина не выручила 70.000 фунт., нужныхъ для корма Робинзона и его по-

мощниковъ. И дѣло не пошло до назначенія новаго губернатора Гордона, который, для того чтобы достать съ жителей деньги, нужныя на содержаніе его и его чиновниковъ, догадался не требовать денегъ до тѣхъ поръ, пока деньги въ нужномъ количествѣ не распространятся на островахъ, а отбирать у туземцевъ ихъ произведенія и самому продавать ихъ. Трагическій эпизодъ этотъ изъ жизни фиджіанцевъ есть самое ясное и лучшее указаніе того, что̀ есть деньги и въ чемъ ихъ значеніе. Тутъ выразилось все: и первое основное условіе порабощенія — пушка, угрозы, убійство и захваты земли, и главное средство— деньги, которыя замѣнили всѣ другія. То, что въ историческомъ очеркѣ экономическаго развитія народовъ надо прослѣживать въ продолженіе вѣковъ, тутъ, когда уже всѣ формы денежнаго насилія выработались вполнѣ, сконцентрировано въ одномъ десятилѣтіи. Драма начинается съ того, что американское правительство посылаетъ корабли съ заряженными пушками къ берегамъ острововъ, жителей которыхъ оно хочетъ поработить. Предлогъ этой угрозы — денежный, но начало драмы съ пушекъ, направленныхъ на всѣхъ жителей: женъ, дѣтей, стариковъ, да и мужчинъ ни въ чемъ даже невиноватыхъ, — явленіе, теперь же повторяющееся въ Америкѣ, въ Китаѣ, въ Средней Азіи. Это начало драмы: кошелекъ или жизнь, повторенное въ исторіи всѣхъ завоеваній всѣхъ народовъ; 45.000 долларовъ, а потомъ 90.000 долларовъ или побоище. Но 90 тысячъ нѣтъ. Они у американцевъ. И вотъ начинается второй актъ драмы: надо отсрочить побоище, размѣнять кровавое побоище, страшное, сосредоточенное въ короткій промежутокъ времени, на страданія менѣе замѣтныя, разложенныя на всѣхъ, хотя и болѣе продолжительныя. И народецъ съ своимъ представителемъ ищетъ средствъ замѣнить побоище рабствомъ денегъ. Онъ занимаетъ деньги, и выработанныя формы закрѣпощенія людей деньгами тотчасъ же начинаютъ дѣйствовать, какъ дисциплинированная армія, и въ пять лѣтъ дѣло готово: люди не только лишились права пользоваться своею землею, лишились своего имущества, но и свободы; люди — рабы.

Начинается третій актъ: положеніе слишкомъ тяжело, и до несчастныхъ доходятъ слухи, что можно перемѣнить хозяина и отдаться въ рабство другому. (Объ освобожденіи отъ рабства, наложеннаго деньгами, ужъ нѣтъ и мысли.) И народецъ зоветъ къ себѣ другого хозяина, которому онъ отдается съ просьбою улучшить свое положеніе. Англичане приходятъ, видятъ, что владѣніе этими островами дастъ имъ возможность кормить разведшихся слишкомъ много дармоѣдовъ, и англійское правитель-

ство беретъ себѣ эти острова съ жителями, но не беретъ ихъ въ формѣ рабовъ личныхъ, не беретъ даже земли и не раздаетъ ея своимъ помощникамъ. Эти старые пріемы теперь не нужны. Нужно одно: чтобы они платили дань, которая, съ одной стороны, была бы достаточно велика, чтобы рабочіе не могли выйти изъ рабства, и, съ другой стороны, которая бы хорошо кормила множество дармоѣдовъ.

Жители должны платить 70.000 ф. стер. Это есть коренное условіе, при которомъ Англія соглашается выручить фиджіанцевъ отъ американскаго рабства, и это есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, нужное для полнаго порабощенія жителей. Но оказывается, что фиджіанцы ни въ какомъ случаѣ не могутъ въ теперешнемъ своемъ положеніи выплатить 70.000 ф. стер. Это требованіе слишкомъ велико. Англичане на время измѣняютъ это требованіе и берутъ часть натурой, съ тѣмъ чтобы въ свое время, при распространеніи денегъ, довести взиманіе до положенной нормы. Англія дѣйствуетъ уже не какъ прежняя компанія, поступки которой можно сравнить съ первымъ приходомъ дикихъ завоевателей къ дикимъ жителямъ, когда они хотятъ только одного—сорвать, что можно, и уйти, а Англія поступаетъ какъ болѣе дальновидный поработитель, не убиваетъ сразу курицу съ золотыми яйцами, а можетъ и покормить, зная, что курица — несушка. Она сначала отпускаетъ поводья для своей выгоды, чтобы послѣ уже навѣки затянуть ихъ, чтобы привести фиджіанцевъ въ то положеніе денежнаго рабства, въ которомъ находятся европейскіе и цивилизованные народы и отъ котораго не предвидится освобожденія.

Деньги — безобидное средство обмѣна, но только не тогда, когда онѣ насильно взимаются, когда у береговъ стоятъ заряженныя пушки, направленныя на жителей. Какъ только деньги взимаются насильно, изъ-подъ пушекъ, такъ неизбѣжно повторится то, что было на островахъ Фиджи, и повторялось, и повторяется и всегда, и вездѣ: у князей съ древлянами и у всѣхъ правительствъ съ ихъ народами. Люди, считающіе законнымъ свое право пользованія чужимъ трудомъ и имѣющіе власть это сдѣлать, будутъ это дѣлать посредствомъ насильственнаго требованія такого количества денегъ, которое заставитъ людей насилуемыхъ сдѣлаться рабами насильниковъ. И, кромѣ, того всегда произойдетъ то, что произошло и у англичанъ съ фиджіанцами, а именно то, что насильники въ своемъ требованіи денегъ всегда скорѣе перейдутъ тотъ предѣлъ, до котораго должно быть доведено количество требуемыхъ денегъ, чтобы порабощеніе совершилось раньше, чѣмъ

не дойдутъ до него. Дойдутъ они до самаго этого предѣла и не перейдутъ его только въ случаѣ нравственнаго чувства, и своей собственной независимости отъ денежныхъ требованій, перейдутъ же его всегда, когда у нихъ не будетъ нравственнаго чувства, и всегда, когда и будетъ это чувство, но они сами будутъ въ нуждѣ. Правительства же всѣ всегда перейдутъ этотъ предѣлъ, во-первыхъ, потому, что для правительства не существуетъ нравственнаго чувства, а во-вторыхъ, потому что, какъ мы знаемъ, правительства сами находятся въ крайней нуждѣ, производимой войнами, необходимостью подачекъ своимъ пособникамъ. Всѣ правительства всегда въ неоплатномъ долгу, и они, если бы и хотѣли, не могутъ не исполнить того правила, которое выразилъ одинъ русскій государственный человѣкъ XVIII вѣка, что надо стричь мужика, не давать ему обрастать. Всѣ правительства въ неоплатномъ долгу, и долгъ этотъ въ общей сложности (не считая случайнаго уменьшенія его въ Англіи, Америкѣ) растетъ съ каждымъ годомъ въ ужасающей прогрессіи. Точно такъ же растутъ бюджеты, т.-е. необходимость бороться съ другими насильниками и давать подачки своимъ помощникамъ насилія. Не растетъ же заработная плата не по закону ренты, а потому, что существуетъ съ насиліемъ взимаемая дань, имѣющая цѣлью отбирать отъ людей всѣ ихъ излишки, такъ чтобы они для удовлетворенія этого требованія должны были продавать свой трудъ, потому что пользованіе этимъ трудомъ и есть цѣль наложенія дани. Пользованіе же этимъ трудомъ возможно только тогда, когда въ общей массѣ требуется больше денегъ, чѣмъ могутъ отдать рабочіе, не лишивъ себя пропитанія. Возвышеніе заработной платы уничтожило бы возможность рабства, и потому, пока есть насиліе, она никогда не можетъ возвыситься. И это простое и понятное дѣйствіе однихъ людей надъ другими экономисты называютъ желѣзный законъ; орудіе же, которымъ производится это дѣйствіе, они называютъ средствомъ обмѣна.

Деньги же—это безобидное средство обмѣна—нужное людямъ въ ихъ отношеніяхъ между собой. Почему же тамъ, гдѣ нѣтъ насильственнаго требованія денежныхъ податей, никогда не было и не могло быть денегъ въ ихъ настоящемъ значеніи, а было и будетъ, какъ это было у фиджіанцевъ, у финикіанцевъ, у киргизовъ, у африканцевъ и вообще у всѣхъ людей, не платящихъ подати, то прямой обмѣнъ предметовъ на предметы, то случайные знаки цѣнностей: бараны, мѣха, шкуры, раковины. Извѣстныя, какія бы то ни было, деньги становятся не сред-

ствомъ обмѣна, а средствомъ откупа отъ насилія и получаютъ ходъ между людьми только тогда, когда извѣстные знаки насильно требуютъ со всѣхъ. Только тогда каждому они одинаково нужны и только тогда они получаютъ цѣнность. И получаетъ цѣнность тогда не то, что удобнѣе для обмѣна, а то, что требуется правительствомъ. Будетъ требоваться золото — золото будетъ имѣть цѣнность, будутъ требоваться бабки — бабки будутъ—цѣнность. Если бы это было не такъ, то отчего же выпускать эти средства обмѣна всегда составляло и составляетъ прерогативъ власти? Люди—фиджіанцы, положимъ—установили свое средство обмѣна, ну и оставьте ихъ обмѣниваться, какъ и чѣмъ они хотятъ, и вы, люди, имѣющіе власть, т.-е. средства насилія, не вмѣшивайтесь въ этотъ обмѣнъ. А то вы начеканите эти монетки, никому не позволяя чеканить такія же, а то, какъ у насъ, только напечатаете бумажки, изобразите на нихъ лики царей, подпишете особенной подписью, и обставите поддѣлку этихъ денегъ казнями, раздадите эти деньги своимъ помощникамъ и требуете себѣ такихъ монетокъ или бумажекъ, съ такими точно подписями, столько, что рабочій долженъ отдать весь свой трудъ, чтобы пріобрѣсть эти самыя бумажки или эти самыя монетки, и увѣряете насъ, что эти деньги намъ необходимы какъ средство обмѣна. Люди всѣ свободны, и одни люди не угнетаютъ другихъ, не держатъ ихъ въ рабствѣ, а только есть деньги въ обществѣ и желѣзный законъ, по которому рента увеличивается, а рабочая плата уменьшается до минимума! То, что половина (больше половины) русскихъ мужиковъ закабаляется за подати и прямыя, и косвенныя, и поземельныя въ работы землевладѣльцамъ и фабрикантамъ, это совсѣмъ не значитъ то, что̀ очевидно, что насиліе взиманія податей подушныхъ и косвенныхъ, и поземельныхъ, уплачиваемыхъ правительству и его помощникамъ, землевладѣльцамъ, деньгами, заставляютъ рабочаго быть въ рабствѣ у тѣхъ, кто взимаетъ деньги, а это значитъ, что есть деньги—средство обмѣна—и желѣзный законъ.

Когда крѣпостные люди не были свободны, я могъ заставить работать Ваньку всякую работу, и если Ванька отказывался, я посылалъ его къ становому, и становой сѣкъ ему ж... до тѣхъ поръ, пока Ванька не покорялся. Притомъ же, если я заставлялъ Ваньку работать сверхъ силы, не давая ему земли и не давая пищи, дѣло доходило до начальства, и я долженъ былъ отвѣчать. Теперь же люди свободны, но я могу заставить Ваньку и Петрушку, и Сидорку работать всякую работу, и если онъ откажется, то я не дамъ ему денегъ за подати, и ему будутъ

сѣчь ж... до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится; кромѣ того, я могу заставить работать на себя и нѣмца, и француза, и китайца, и индійца тѣмъ, что за непокорность его я не дамъ ему денегъ, чтобы нанять земли или купить хлѣба, потому что у него нѣтъ ни земли, ни хлѣба. И если я заставляю работать его безъ пищи, сверхъ силъ, задушу его работой, никто мнѣ слова не скажетъ; но если я сверхъ того почиталъ еще политико-экономическихъ книгъ, то я могу быть твердо увѣренъ, что всѣ люди свободны и деньги не производятъ рабства. Мужики знаютъ давно, что рублемъ можно бить больнѣе, чѣмъ дубьемъ. Но только политико-экономы не хотятъ видѣть этого. Говорить о томъ, что деньги не производятъ порабощенія — это все равно, что было бы говорить полстолѣтія тому назадъ, что крѣпостное право не производитъ порабощенія. Политико-экономы говорятъ, что, несмотря на то, что вслѣдствіе обладанія деньгами одинъ человѣкъ можетъ поработить другого, деньги есть безобидное средство обмѣна. Почему же было не говорить полстолѣтія тому назадъ, что, несмотря на то, что крѣпостнымъ правомъ можно поработить человѣка, крѣпостное право не есть средство порабощенія, а безобидное средство взаимныхъ услугъ? Одни даютъ свой грубый трудъ, другіе — заботу о физическомъ и умственномъ благосостояніи рабовъ и объ учрежденіи работы. Даже такъ, кажется, и говорили.

XIX.

Если бы эта воображаемая наука — политическая экономія — не занималась тѣмъ же, чѣмъ занимаются всѣ юридическія науки, — апологіей насилія, она не могла бы не видѣть того страннаго явленія, что распредѣленіе богатствъ и лишеніе однихъ людей земли и капитала и порабощеніе однихъ людей другими, — все это въ зависимости отъ денегъ, и что только посредствомъ денегъ теперь одни люди пользуются трудомъ другихъ, т.-е. порабощаютъ ихъ.

Повторяю, человѣкъ, у котораго есть деньги, можетъ скупивъ весь хлѣбъ, заморить другого голодомъ и за хлѣбъ поработить его совершенно. Такъ и дѣлается на нашихъ глазахъ въ огромныхъ размѣрахъ. Казалось бы, надо поискать связи этихъ явленій порабощенія съ деньгами, но наука съ совершенной увѣренностью утверждаетъ, что деньги не имѣютъ съ порабощеніемъ людей никакой связи.

Наука говоритъ: деньги есть такой же товаръ, какъ и всякій другой, имѣющій стоимость своего производства, только съ той разницей, что этотъ товаръ избранъ какъ самое удобное для

установленія цѣнъ, для сбереженія и для платежей средство обмѣна: одинъ надѣлалъ сапогъ, другой напахалъ хлѣба, третій выкормилъ овецъ, и вотъ, чтобы имъ удобнѣе мѣняться, они заводятъ деньги, представляющія соотвѣтствующую долю труда, и посредствомъ ихъ промѣниваютъ подметки на баранью грудинку и десять фунтовъ муки.

Люди этой воображаемой науки очень любятъ представлять себѣ такое положеніе дѣлъ; но такого положенія дѣлъ никогда въ мірѣ не было. Такое представленіе объ обществѣ все равно что представленіе о первобытномъ, неиспорченномъ, совершенномъ человѣческомъ обществѣ, которое любили дѣлать прежніе философы. Но такого положенія никогда не было. Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ были деньги, какъ деньги, всегда было насиліе сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ; а тамъ, гдѣ было насиліе, знаки цѣнностей — деньги, какія бы то ни было: скотина, мѣха, шкуры, металлы—всегда неизбѣжно должны были терять это значеніе средства обмѣна и получать значеніе откупа отъ насилія. Деньги несомнѣнно имѣютъ тѣ безобидныя свойства, которыя перечисляетъ наука, но свойства эти онѣ дѣйствительно имѣли бы только тогда и въ томъ обществѣ, въ которомъ не появилось бы насилія одного человѣка надъ другимъ, — въ идеальномъ обществѣ; но въ такомъ обществѣ и денегъ, какъ денегъ, общей мѣры цѣнности, и вовсе бы не было, какъ не было и не могло ихъ быть во всѣхъ обществахъ, не подвергшихся общему государственному насилію. Во всѣхъ же извѣстныхъ намъ обществахъ, гдѣ есть деньги, онѣ получаютъ значеніе обмѣна только потому, что служатъ средствомъ насилія. И главное значеніе ихъ не въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна, а въ томъ, чтобы служить насилію. Тамъ, гдѣ есть насиліе, деньги не могутъ служить правильнымъ средствомъ обмѣна, потому что не могутъ быть мѣрою цѣнностей. Мѣрою же цѣнностей онѣ не могутъ быть потому, что какъ только въ обществѣ одинъ человѣкъ можетъ отнять у другого произведенія его труда, такъ тотчасъ же нарушена эта мѣра. Если на конную вмѣстѣ выведутъ лошадей и коровъ, выкормленныхъ хозяевами и отнятыхъ силою у другихъ хозяевъ, то, очевидно, на этомъ базарѣ лошадей и коровъ уже не будетъ соотвѣтствія труду выкармливанія этихъ животныхъ, и цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ измѣнятся сообразно этому измѣненію, и деньги не будутъ опредѣлять цѣнность предметовъ. Кромѣ того, если можно насиліемъ пріобрѣсти корову, лошадь и домъ, то можно тѣмъ же насиліемъ пріобрѣсти и самыя деньги и за эти деньги пріобрѣсти и всякія произ-

веденія. Если же и самыя деньги пріобрѣтаются насиліемъ и употребляются на покупки предметовъ, то деньги теряютъ уже совершенно всякое подобіе средствъ обмѣна. Насильникъ, отобравшій деньги и отдающій ихъ за произведенія труда, не обмѣниваетъ, а только беретъ посредствомъ денегъ все то, что ему нужно.

Но положимъ даже, что и существуетъ такое воображаемое, невозможное общество, въ которомъ безъ общаго государственнаго насилія надъ людьми деньги — серебро или золото — служатъ мѣрою цѣнностей и средствомъ обмѣна. Всѣ сбереженія этого общества выражались бы деньгами. Является въ это общество насильникъ въ видѣ завоевателя. Насильникъ этотъ захватитъ, положимъ, и коровъ, и лошадей, и одежды, и дома жителей, но ему неудобно владѣть этимъ и потому естественно онъ догадается захватить у этихъ людей и то, что среди ихъ составляетъ всякаго рода цѣнности и обмѣнивается на всевозможные предметы: именно, деньги. И тотчасъ же деньги въ этомъ обществѣ, очевидно, получатъ уже другое для насильника и его помощниковъ значеніе — денегъ какъ средства насилія; значеніе денегъ, какъ мѣры цѣнностей, перестанетъ имѣть мѣсто въ такомъ обществѣ. Мѣра цѣнностей всякихъ предметовъ будетъ всегда зависѣть отъ произвола насильника. Тотъ предметъ, который будетъ болѣе нуженъ насильнику и за который онъ будетъ давать больше денегъ, получитъ бо̀льшую цѣнность и наоборотъ. Такъ что въ обществѣ, подвергшемся насилію, деньги тотчасъ получатъ одно преобладающее значеніе средства насилія и откупа отъ него и удержатъ значеніе обмѣна для насилуемыхъ только настолько и въ такомъ отношеніи, которое выгодно для насильника.

Представимъ себѣ дѣло въ маломъ кругу. Крѣпостные поставляютъ помѣщику полотна, куръ, барановъ и поденную работу. Помѣщикъ замѣняетъ натуральныя повинности деньгами и постановляетъ цѣну на различные предметы повинностей. Тотъ, у кого нѣтъ полотна, хлѣба, скотины, рабочихъ рукъ, можетъ предоставить извѣстное количество денегъ. Очевидно, что въ обществѣ крестьянъ этого помѣщика цѣнность предметовъ будетъ всегда зависѣть отъ произвола помѣщика. Помѣщикъ употребляетъ собираемые предметы, и одни ему болѣе, а другіе менѣе нужны, и, смотря по этому, онъ назначаетъ болѣе или менѣе высокія цѣны за предметы. Очевидно, что только произволъ или потребность помѣщика опредѣляетъ цѣны этихъ предметовъ между плательщиками. Если помѣщику нуженъ хлѣбъ, онъ назначаетъ дорогую цѣну за право не внести опре-

дѣленное количество хлѣба, а дешевую цѣну за право не внести полотна, скотину и не выставить работу; и потому тѣ, у которыхъ нѣтъ хлѣба, будутъ продавать другимъ свою работу, полотна и скотину, чтобы купить хлѣбъ для отдачи его помѣщику. Если же помѣщикъ захочетъ перевести всѣ повинности на деньги, то тогда цѣна предметовъ опять не будетъ зависѣть отъ ихъ стоимости труда, а, во-первыхъ, отъ количества денегъ, которое будетъ требовать помѣщикъ, и, во-вторыхъ, оттого, какіе предметы, произведенные крестьянами, болѣе нужны помѣщику, и потому, за какіе изъ этихъ предметовъ онъ платитъ болѣе и за какіе менѣе денегъ. Взысканіе съ крестьянъ денегъ помѣщикомъ не имѣло бы вліянія на цѣнности предметовъ между крестьянами только тогда, когда бы, во-первыхъ, крестьяне этого помѣщика жили отдѣльно отъ другихъ людей и не имѣли бы другихъ отношеній, кромѣ какъ между собой и своимъ помѣщикомъ, и, во-вторыхъ, тогда, когда помѣщикъ употреблялъ бы деньги не на покупку предметовъ въ своей деревнѣ, а внѣ ея. Только при этихъ двухъ условіяхъ цѣнность предметовъ, хотя и измѣнившись номинально, относительно оставалась бы правильною, и деньги имѣли бы значеніе мѣры цѣнностей и обмѣна; но если крестьяне имѣютъ экономическія отношенія съ окружающими ихъ жителями, то, во-первыхъ, отъ большаго или меньшаго требованія помѣщикомъ денегъ будетъ зависѣть бо̀льшая или меньшая цѣнность ихъ предметовъ производства въ отношеніи съ сосѣдями (если съ сосѣдей требованіе денегъ меньше, чѣмъ съ нихъ, то ихъ произведенія будутъ продаваться дешевле, чѣмъ произведенія ихъ сосѣдей, и наоборотъ). И, во-вторыхъ, взысканіе денегъ помѣщикомъ съ крестьянъ не имѣло бы вліянія на цѣнность предметовъ только тогда, когда собранныя деньги помѣщикъ не употреблялъ бы на покупку произведеній своихъ крестьянъ. Если же употреблялъ деньги на покупку произведеній своихъ крестьянъ, то очевидно, что самое отношеніе цѣнъ различныхъ предметовъ между самими крестьянами будетъ постоянно измѣняться по мѣрѣ покупки помѣщикомъ того или другого предмета. Положимъ, что одинъ помѣщикъ назначилъ очень высокій оброкъ, а сосѣдъ — низкій; очевидно, что въ области перваго помѣщика всѣ предметы будутъ дешевле, чѣмъ въ области второго, и что цѣны въ той и другой области будутъ зависѣть только отъ повышенія и пониженія оброковъ. Таково одно вліяніе насилія на цѣны. Другое вліяніе, вытекающее изъ перваго, будетъ состоять въ относительной цѣнности всѣхъ предметовъ. Положимъ, что одинъ помѣщикъ любитъ лошадей и платитъ дорого

за нихъ; другой же любитъ полотенца и за нихъ платитъ дорого. Очевидно, что во владѣніи обоихъ помѣщиковъ будутъ дороги лошади и полотенца, и цѣна этихъ предметовъ будетъ несоотвѣтственна цѣнѣ коровъ и хлѣба. Завтра же умретъ любитель полотенецъ, и его наслѣдникъ будетъ любить куръ; очевидно, что и цѣна полотенецъ падетъ и возвысится цѣна куръ. Тамъ, гдѣ въ обществѣ существуетъ насиліе одного человѣка надъ другимъ, значеніе денегъ, какъ мѣрила цѣнностей, тотчасъ же подчиняется произволу насильника, и значеніе ихъ, какъ средства обмѣна произведеній труда, замѣняется другимъ значеніемъ самаго удобнаго средства пользованія чужимъ трудомъ. Деньги нужны насильнику не для обмѣна—онъ возьметъ что̀ ему нужно и безъ обмѣна — и не для установленія мѣръ цѣнностей — онъ самъ устанавливаетъ ихъ, — а только для удобства насилія, состоящаго въ томъ, что деньги сберегаются и деньгами легче всего держать въ порабощеніи наибольшее число людей. Отобрать всю скотину для того, чтобы были всегда и лошади, и коровы, и овцы, сколько когда понадобится, неудобно потому, что ихъ надо кормить; то же самое и съ хлѣбомъ: онъ можетъ испортиться; то же и съ работой, барщиной: иногда нужно тысячи работниковъ, а иногда ни одного. Деньги, требуемыя съ тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ, даютъ возможность избавиться отъ всѣхъ этихъ неудобствъ и имѣть всегда все, что нужно, и только для этого нужны насильнику. Кромѣ того, деньги нужны насильнику еще и для того, чтобы его право пользованія чужимъ трудомъ не ограничивалось извѣстными людьми, а распространялось бы на всѣхъ людей, нуждающихся въ деньгахъ. Когда не было денегъ, каждый помѣщикъ могъ пользоваться трудомъ только своихъ крѣпостныхъ; когда же они оба уговорились брать со своихъ крѣпостныхъ деньги, которыхъ у тѣхъ нѣтъ, они оба стали пользоваться безразлично всѣми тѣми силами, которыя есть въ обоихъ имѣніяхъ.

И потому насильникъ находитъ болѣе удобнымъ всѣ свои требованія чужого труда заявлять деньгами, и деньги для этого только и нужны насильнику. Для насилуемаго же, для того, у кого отбирается его трудъ, деньги не могутъ быть нужны ни для обмѣна — онъ обмѣняется и безъ денегъ, какъ обмѣнивались всѣ народы безъ правительствъ; ни для опредѣленія мѣръ цѣнностей, потому что это опредѣленіе дѣлается помимо его; ни для сбереженія, потому что тотъ, у кого отбираютъ произведенія его труда, не можетъ сберегать; ни для платежей, потому что для насилуемаго всегда придется больше платить, чѣмъ получать, а когда и придется получать, то и тогда платежи ему бу-

дутъ производиться не деньгами, а товаромъ,—если работникъ прямо беретъ за свою работу въ лавкѣ своего хозяина,—и, точно такъ же, если онъ на весь свой заработокъ покупаетъ въ вольныхъ лавкахъ предметы первой необходимости. Съ него требуютъ деньги и говорятъ ему, что если онъ не заплатитъ ихъ, то ему не дадутъ земли, хлѣба, или отнимутъ у него его корову, его домъ и отдадутъ въ заработки или засадятъ въ тюрьму. Избавиться отъ этого онъ можетъ только тѣмъ, что продастъ произведенія своего труда, свою работу или работу своихъ дѣтей. Продаетъ же онъ произведенія своего труда и самый трудъ свой по тѣмъ цѣнамъ, которыя устанавливаются не правильнымъ обмѣномъ, а тою властью, которая требуетъ съ него деньги.

И при этихъ-то условіяхъ вліянія даней или податей на цѣнности, повторяющихся всегда и вездѣ, у помѣщиковъ въ маломъ кругу, а въ государствахъ въ большомъ кругу, при этихъ условіяхъ, при которыхъ причины измѣненія цѣнностей такъ же очевидны, какъ очевидно тому, кто смотритъ за кулисы, какъ и почему куклы поднимаютъ и опускаютъ ноги, — при этихъ условіяхъ говорить о томъ, что деньги представляютъ средство обмѣна и мѣрило цѣнностей, по меньшей мѣрѣ удивительно.

XX.

Всякое порабощеніе одного человѣка другимъ основано только на томъ, что одинъ человѣкъ можетъ лишить другого жизни и, не оставляя этого угрожающаго положенія, заставить другого исполнять свою волю.

Безошибочно можно сказать, если есть порабощеніе человѣка, т.-е. исполненіе однимъ противъ своей воли, по волѣ другого, извѣстныхъ нежелательныхъ для него поступковъ, то причина этого есть только насиліе, имѣющее въ основѣ своей угрозу лишенія жизни. Если человѣкъ отдаетъ весь свой трудъ другимъ, питается недостаточно, отдаетъ малыхъ дѣтей въ тяжелую работу, уходитъ отъ семьи и посвящаетъ всю свою жизнь ненавистному и ненужному для себя труду, какъ это происходитъ на нашихъ глазахъ, въ нашемъ мірѣ (называемомъ нами образованнымъ, потому что мы въ немъ живемъ), то навѣрно можно сказать, что онъ дѣлаетъ это только вслѣдствіе того, что за неисполненіе всего этого ему угрожаютъ лишеніемъ жизни. И потому въ нашемъ образованномъ мірѣ, гдѣ большинство людей при страшныхъ лишеніяхъ исполняютъ ненавистныя и ненужныя имъ работы, большинство людей находится

въ порабощеніи, основанномъ на угрозѣ лишенія жизни. Въ чемъ это порабощеніе? И въ чемъ эта угроза лишенія жизни.

Въ древнія времена способъ порабощенія и угроза лишенія жизни были очевидны: употреблялся первобытный способъ порабощенія людей, состоящій въ прямой угрозѣ убійства мечомъ. Вооруженный говорилъ безоружному: я могу убить тебя, какъ ты видѣлъ, я сейчасъ сдѣлалъ съ твоимъ братомъ, но я не хочу дѣлать этого, я милую тебя — во-первыхъ, потому, что мнѣ непріятно убивать тебя, во-вторыхъ, потому, что мнѣ и тебѣ будетъ выгоднѣе работать на меня, чѣмъ быть убиту. Итакъ, дѣлай все, что я велю, а если откажешься, то я убью тебя; и безоружный подчинялся вооруженному и дѣлалъ все то, что приказывалъ вооруженный. Безоружный работалъ, вооруженный угрожалъ. Это было то личное рабство, которое первое появляется у всѣхъ народовъ и теперь еще встрѣчается у первобытныхъ народовъ. Этотъ способъ порабощенія людей входитъ всегда первый, но съ усложненіемъ жизни способъ этотъ видоизмѣняется. Способъ этотъ при усложненіи жизни представляетъ большія неудобства для насильника. Насильнику, чтобы пользоваться трудомъ слабыхъ, необходимо ихъ кормить и одѣвать, т.-е. содержать ихъ такъ, чтобы они были способны къ работѣ, и этимъ самымъ ограничивается число порабощенныхъ; кромѣ того, этотъ способъ принуждаетъ насильника безпрестанно съ угрозой убійства стоять надъ порабощеннымъ. И вотъ вырабатывается другой способъ порабощенія.

Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, какъ это записано въ Библіи, былъ изобрѣтенъ Іосифомъ Прекраснымъ этотъ новый, болѣе удобный и широкій способъ порабощенія людей. Способъ этотъ — тотъ же самый, который употребляютъ въ новое время для укрощенія непокорныхъ лошадей и дикихъ звѣрей въ звѣринцахъ. Способъ этотъ — голодъ.

Вотъ какъ описывается это изобрѣтеніе въ Библіи:

Бытія: гл. 41, ст. 48.—И собралъ онъ всякій хлѣбъ въ теченіе семи лѣтъ, которыя были (плодородны) въ землѣ Египетской, и положилъ хлѣбъ въ городахъ; въ каждомъ городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его.

49. — И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морского, такъ что пересталъ и считать, ибо не стало счета.

53. — И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской.

54. — И наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ, а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

55. — Но когда и земля Египетская начала терпѣть голодъ, то народъ началъ вопить къ фараону о хлѣбѣ. И сказалъ фараонъ всѣмъ египтянамъ: подите къ Іосифу, дѣлайте что онъ вамъ скажетъ.

56. — И былъ голодъ по всей землѣ, и отворилъ Іосифъ всѣ житницы и сталъ продавать хлѣбъ египтянамъ. Голодъ же усиливался въ землѣ Египетской.

57. — И изъ всѣхъ странъ приходили въ Египетъ покупать хлѣбъ у Іосифа, ибо голодъ усилился по всей землѣ.

Іосифъ, пользуясь правомъ первобытнаго способа порабощенія людей угрозою меча, собралъ хлѣбъ въ хорошіе года, ожидая дурныхъ, которые обыкновенно слѣдуютъ за хорошими, что знаютъ всѣ люди и безъ сновидѣній фараона, и этимъ средствомъ— голодомъ — сильнѣе и удобнѣе для фараона поработилъ и египтянъ и всѣхъ другихъ жителей окрестныхъ странъ. Когда же народъ началъ чувствовать голодъ, онъ поставилъ дѣло такъ, чтобы навсегда держать народъ въ своей власти — голодомъ. Въ главѣ 47-й это описывается такъ:

13. — И не стало хлѣба по всей землѣ, потому что голодъ весьма усилился, и изнурены были отъ голода земля Египетская и земля Ханаанская.

14. — Іосифъ собралъ все серебро, какое было въ землѣ Египетской и въ землѣ Ханаанской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ серебро въ домъ фараоновъ.

15. — И серебро истощилось въ землѣ Египетской и въ землѣ Ханаанской. Всѣ египтяне пришли къ Іосифу и говорили: дай намъ хлѣба; зачѣмъ намъ умирать передъ тобой, потому что серебро у насъ вышло?

16. — И Іосифъ сказалъ: пригоняйте скотъ вашъ, и я буду давать вамъ (хлѣба) за скотъ вашъ, если серебро у васъ вышло.

17. — И приводили они къ Іосифу скотъ свой; и давалъ имъ Іосифъ хлѣба за лошадей, и за стада мелкаго скота, и за стада крупнаго скота, и за ословъ; и снабжалъ ихъ хлѣбомъ въ тотъ годъ за весь скотъ ихъ.

18. — И прошелъ этотъ годъ, и пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: не скроемъ отъ господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего; ничего не осталось у насъ передъ господиномъ нашимъ, кромѣ тѣлъ нашихъ и земель нашихъ.

19. — Для чего намъ погибать въ глазахъ твоихъ, и намъ и землямъ нашимъ? купи насъ и земли наши за хлѣбъ, и мы съ землями нашими будемъ рабами фараону, а ты дай намъ сѣмянъ, чтобы намъ жить и не умереть и чтобы не опустѣла земля.

20. — И купилъ Іосифъ всю землю Египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый свое поле, ибо голодъ одолѣвалъ ихъ. И досталась земля фараону.

21. — А народъ переводилъ онъ въ города отъ одного конца области Египта до другого конца.

22. — Только земли жрецовъ не купилъ онъ, потому что жрецамъ отъ фараона положенъ былъ участокъ, и они питались своимъ участкомъ земли, который далъ имъ фараонъ, потому и не продали земли своей.

23. — И сказалъ Іосифъ народу: вотъ я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена и засѣвайте землю.

24. — Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону; а четыре части останутся вамъ на засѣяніе полей, на пропитаніе вамъ и тѣмъ, кто въ домахъ вашихъ, и на пропитаніе дѣтей вашихъ.

25. — И сказали они: ты спасъ намъ жизнь, да обрѣтемъ милость въ глазахъ господина нашего и да будемъ рабами фараону.

26. — И поставилъ Іосифъ законъ о землѣ Египетской, даже до сегодня: пятую часть фараону. Одна только земля жрецовъ не принадлежала фараону.

Прежде фараону, чтобы пользоваться трудами людей, надо было силою заставить на себя работать; теперь же, когда запасы и земля у фараона, ему нужно только силою беречь эти запасы, и онъ голодомъ можетъ заставить ихъ работать на себя.

Земля вся у фараона, и запасы (отбираемая часть) всегда у него, и потому вмѣсто того, чтобы подгонять на работу каждаго отдѣльно мечомъ, стоитъ только силою беречь запасы, и люди порабощены уже не мечомъ, а голодомъ.

Въ голодный годъ всѣ могутъ быть по волѣ фараона заморены голодомъ, а въ неголодный годъ могутъ быть заморены всѣ тѣ, у которыхъ отъ случайныхъ невзгодъ нѣтъ запаса хлѣба.

И устанавливается второй способъ порабощенія не прямо мечомъ, т.-е. не тѣмъ, что сильный съ угрозой убійства гоняетъ слабаго на работу, но тѣмъ, что сильный, отобравъ запасы и охраняя ихъ мечомъ, заставляетъ слабаго отдаваться въ работу за кормъ.

Іосифъ говоритъ голоднымъ: я могу заморить васъ голодомъ, потому что хлѣбъ у меня, но я милую васъ только съ тѣмъ, чтобы вы за хлѣбъ, который я буду вамъ давать, дѣлали бы то, что я велю.

Для перваго способа порабощенія сильному необходимо имѣть только воиновъ, которые бы постоянно разъѣзжали по жителямъ и подъ угрозой смерти приводили бы въ исполненіе требованіе сильнаго. Для перваго способа насильнику нужно было дѣлиться только съ воинами. При второмъ же способѣ, кромѣ воиновъ, насильнику для оберeганія отъ голодныхъ земли и запасовъ хлѣба необходимы и другого рода помощники — большіе и малые Іосифы — собиратели, управители и раздатчики хлѣба. И насильнику приходится дѣлиться съ ними и дать Іосифу парчевую одежду, золотое кольцо, и прислугу, и хлѣбъ, и серебро его братьямъ и роднымъ. Кромѣ того, по самой сущности дѣла участниками насилія при второмъ способѣ становятся не только распорядители и ихъ родные, но и всѣ тѣ, которые имѣютъ запасы хлѣба. Такъ, какъ при первомъ способѣ, основанномъ на грубой силѣ, становился участникомъ насилія всякій, имѣющій оружіе, такъ при этомъ способѣ, основанномъ на голодѣ, участвуетъ въ насиліи и властвуетъ всякій, имѣющій запасы, надъ неимѣющими ихъ.

Выгода этого способа передъ первымъ состоитъ для насильника: 1) и главное въ томъ, что онъ уже болѣе не обязанъ усиліями принуждать рабочихъ исполнять его волю, и рабочіе сами приходятъ и продаются ему; 2) въ томъ, что меньшее количество людей ускользаетъ отъ его насилія; невыгоды же для насильника только въ томъ, что онъ дѣлится при этомъ способѣ съ бòльшимъ числомъ людей. Выгоды же для насилуемыхъ при этомъ способѣ въ томъ, что насилуемые не подвергаются болѣе грубому насилію, а предоставляются самимъ себѣ и всегда могутъ надѣяться, и иногда дѣйствительно могутъ при счастливыхъ условіяхъ перейти изъ насилуемыхъ въ насилующихъ; невыгоды же ихъ тѣ, что они никогда уже не могутъ ускользнуть отъ извѣстной доли насилія. Новый этотъ способъ порабощенія входитъ обыкновенно въ употребленіе вмѣстѣ съ старымъ, и сильный по мѣрѣ надобности сокращаетъ одинъ и распространяетъ другой. Но и этотъ способъ порабощенія не удовлетворяетъ вполнѣ желаніямъ сильнаго — какъ можно меньше имѣть труда и заботы и какъ можно больше отобрать произведеній труда отъ наибольшаго числа работниковъ и поработить какъ можно большее число людей, и вырабатывается еще новый способъ порабощенія. Новый и третій этотъ способъ есть способъ дани. Способъ этотъ основывается такъ же, какъ и второй способъ, на голодѣ, но къ средству порабощенія людей лишеніемъ хлѣба присоединяется еще лишеніе ихъ и другихъ необходимыхъ потребностей. Сильный назначаетъ съ рабовъ такое коли-

чество денежныхъ знаковъ, находящихся у него же, за которые, чтобы пріобрѣсти ихъ, рабы принуждены продать не только запасы хлѣба въ большей мѣрѣ, чѣмъ та пятая часть, которую назначилъ Іосифъ, но и предметы первыхъ потребностей: мясо, кожу, шерсть, одежды, топливо, постройки даже, и потому насильникъ всегда держитъ въ своей зависимости рабовъ не только голодомъ—и жаждой, и холодомъ, и всякими другими лишеніями.

И устанавливается третья форма рабства денежнаго, податного, состоящаго въ томъ, что сильный говоритъ слабому: я съ каждымъ изъ васъ отдѣльно могу сдѣлать все, что хочу: могу прямо ружьемъ убить каждаго, могу убить тѣмъ, что отниму землю, которою вы кормитесь, могу за денежные знаки, которые вы должны мнѣ доставить, купить весь тотъ хлѣбъ, которымъ вы кормитесь, и продать его чужимъ людямъ, и всякую минуту уморить всѣхъ васъ голодомъ; могу отобрать все, что у васъ есть: и скотъ, и жилище, и одежды, но мнѣ неудобно это и непріятно, и потому я вамъ всѣмъ предоставляю распоряжаться вашей работой и вашими произведеніями труда, какъ вы хотите; только подавайте мнѣ столько-то денежныхъ знаковъ, требованіе которыхъ я распредѣляю или по головамъ или по количеству пищи и питья вашего, или вашихъ одеждъ, или построекъ. Подавайте мнѣ эти знаки, а между собой распоряжайтесь, какъ хотите, но знайте, что я не буду защищать и отстаивать ни вдовъ, ни сиротъ, ни больныхъ, ни старыхъ, ни погорѣлыхъ; я буду защищать только правильность обращенія этихъ денежныхъ знаковъ. Право это будетъ передо мной, и будетъ отстаиваемъ мною только тотъ, кто правильно подаетъ мнѣ, сообразно требованію, установленное количество денежныхъ знаковъ. А какъ они пріобрѣтены—мнѣ все равно.

И сильный только выдаетъ эти знаки, какъ квитанціи въ томъ, что требованія его исполнены.

Второй способъ порабощенія состоитъ въ томъ, что, отбирая пятую часть урожая и составляя себѣ запасы хлѣба, фараонъ, кромѣ личнаго порабощенія мечомъ, получаетъ вмѣстѣ со своими помощниками возможность властвованія надъ рабочими людьми во время голода и надъ нѣкоторыми изъ нихъ во время постигающихъ ихъ невзгодъ. Третій способъ—въ томъ, что фараонъ требуетъ съ рабочихъ денегъ больше, чѣмъ стоитъ та пятая часть хлѣба, которую онъ бралъ у нихъ, получаетъ съ своими помощниками новое средство властвованія надъ рабочими не только во время голода и случайныхъ невзгодъ, но всегда. При второмъ способѣ у людей остаются запасы хлѣба, помогающіе имъ, не отдаваясь въ рабство, переносить небольшіе недороды и случай-

но выпадающія невзгоды; при третьемъ способѣ, когда требованій предъявлено больше, то отбираются и запасы хлѣба и всякіе другіе запасы предметовъ первой необходимости, и при малѣйшей невзгодѣ работникъ, не имѣя ни запасовъ хлѣба, ни другихъ запасовъ, которые бы онъ могъ промѣнять на хлѣбъ, подвергается рабству тѣмъ, у кого есть деньги. Для перваго способа насильнику нужно имѣть только воиновъ и дѣлиться только съ ними; для второго ему нужно имѣть, кромѣ охранителей земли и запасовъ хлѣба, еще собирателей и приказчиковъ для раздачи этого хлѣба; для третьяго способа ему нужно имѣть, кромѣ воиновъ для сбереженія земли и своихъ богатствъ, собирателей дани, распредѣлителей ея по головамъ или по предметамъ потребленія, наблюдателей, таможенныхъ служителей, распорядителей деньгами и дѣлателей ихъ. Организація третьяго способа гораздо сложнѣе второго; при второмъ способѣ собиранія хлѣба собираніе это можно отдать и наоткупъ, какъ это дѣлалось въ старину и теперь дѣлается въ Турціи; при обложеніи же рабовъ податями необходима сложная администрація людей, слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы люди или ихъ поступки, обложенные податью, не ускользали отъ дани. И потому при третьемъ способѣ насильнику приходится дѣлиться еще съ бо̀льшимъ количествомъ людей, чѣмъ при второмъ способѣ; кромѣ того, по самой сущности дѣла участниками третьяго способа становятся всѣ тѣ люди, той же или чужой стороны, которые имѣютъ деньги. Выгоды этого способа для насильника передъ первымъ и вторымъ въ слѣдующемъ:

Первая и главная выгода въ томъ, что при этомъ способѣ не нужно дожидаться голоднаго года, какъ при Іосифѣ, а голодный годъ устроенъ навсегда, тогда какъ при второмъ способѣ доля отбираемаго труда зависитъ всегда отъ урожая и не можетъ быть произвольно увеличиваема, такъ какъ если нѣтъ хлѣба, то и нечего брать; при новомъ же денежномъ способѣ можетъ быть доведена до какого угодно предѣла, такъ какъ денежное взысканіе всегда можетъ быть удовлетворено тѣмъ, что плательщикъ для удовлетворенія его продаетъ скотину, одежду или жилище. Главная выгода этого способа для насильника въ томъ, что посредствомъ этого способа можетъ быть отобрано большее количество труда и болѣе удобнымъ способомъ, такъ какъ денежная подать подобна винту: можетъ быть легко и удобно завинчиваема до того послѣдняго предѣла, при которомъ только не убивается золотая курица.

Другая выгода для насильника та, что при этомъ способѣ насиліе распространяется на всѣхъ ускользавшихъ прежде беззе-

мельныхъ людей, отдававшихъ прежде только часть своего труда за хлѣбъ, теперь же обязанныхъ, кромѣ той части, которую они отдали за хлѣбъ, отдавать еще часть этого труда за подати насильнику. Невыгода же для насильника въ томъ, что онъ при этомъ способѣ дѣлится съ большимъ количествомъ людей, не только своихъ непосредственныхъ помощниковъ, но и всѣхъ тѣхъ людей своего и даже чужого народа, имѣющихъ денежные знаки, которые требуются съ рабовъ. Выгода для насилуемаго сравнительно со вторымъ способомъ одна—въ томъ, что онъ получаетъ еще большую личную независимость отъ насильника: онъ можетъ жить, гдѣ хочетъ, сѣять и не сѣять хлѣбъ, не обязанъ отдавать отчета въ своей работѣ и, имѣя деньги, можетъ считать себя совершенно свободнымъ и постоянно надѣяться и достигать, хотя на время, когда у него есть лишнія деньги, положенія не только независимаго, но и насилующаго. Невыгода же его та, что въ общей сложности при этомъ третьемъ способѣ положеніе насилуемыхъ становится гораздо тяжелѣе, и они лишаются большей части произведеній своего труда, такъ какъ при этомъ третьемъ способѣ количество людей, пользующихся трудами другихъ людей, становится еще больше, и потому тяжесть содержанія ихъ ложится на меньшее число. Этотъ третій способъ порабощенія людей тоже очень старый и входитъ въ употребленіе вмѣстѣ съ двумя прежними, не исключая ихъ совершенно. Всѣ три способа порабощенія людей никогда не переставали существовать. Всѣ эти три способа можно сравнить съ винтами, прижимающими ту доску, которая наложена на рабочихъ и давитъ ихъ. Коренной, основной, средній винтъ, безъ котораго не могутъ держаться и другіе винты, тотъ, который завинчивается первый и никогда не отпускается, — это винтъ личнаго рабства, порабощенія однихъ людей другими посредствомъ угрозы убійства мечомъ; второй винтъ, завинчивающійся уже послѣ перваго, — это порабощеніе людей отнятіемъ земли и запасовъ пищи,—отнятіе, поддерживаемое личной угрозой убійства; и третій винтъ — это порабощеніе людей посредствомъ требованія съ нихъ денежныхъ знаковъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, поддерживаемое тоже угрозой убійства. Всѣ три винта завинчены, и когда туже натянуть одинъ, тогда только слабѣютъ другіе. Для полнаго порабощенія рабочаго необходимы всѣ три винта, всѣ три способа порабощенія, и въ нашемъ обществѣ всегда употребляются всѣ три способа порабощенія однихъ людей другими, т.-е. завинчены всѣ три винта.

Первый способъ порабощенія людей личнымъ насиліемъ съ угрозой убійства мечомъ никогда не уничтожался и не уничто-

жится до тѣхъ поръ, пока будетъ какое бы то ни было порабощеніе однихъ людей другими, потому что на немъ зиждется всякое порабощеніе. Мы всѣ очень наивно увѣрены, что рабство личное уничтожено въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ, что послѣдніе остатки его уничтожены въ Америкѣ и Россіи, и что теперь только у варваровъ есть рабство, а у насъ его нѣтъ. Мы забываемъ только про] маленькое обстоятельство, про тѣ сотни милліоновъ постояннаго войска, безъ котораго нѣтъ ни одного государства и при уничтоженіи котораго неизбѣжно рушится весь экономическій строй каждаго государства. А что же эти милліоны солдатъ, какъ не личные рабы тѣхъ, кто ими управляетъ? Развѣ эти люди не принуждены къ исполненію всей воли своихъ владѣльцевъ подъ угрозой истязаній и смерти, — угрозой, такъ часто приводимой въ исполненіе? Разница только въ томъ, что подчиненіе этихъ рабовъ называютъ не рабствомъ, а дисциплиной, и что тѣ были рабами отъ рожденія до смерти, а эти болѣе или менѣе короткое время такъ называемой ихъ службы. Рабство личное не только не уничтожено въ нашихъ цивилизованныхъ государствахъ, но съ общей воинской повинностью оно усилилось въ послѣднее время, и какъ было всегда, такъ и теперь остается, только нѣсколько измѣнилось. И оно не можетъ не быть, потому что покуда будетъ порабощеніе одного человѣка другимъ, будетъ и это личное рабство, то, которое угрозой мечомъ поддерживаетъ земельное и податное порабощеніе людей. Можетъ быть, что это рабство, т.-е. войско, очень нужно, какъ говорятъ, для защиты и славы отечества, но эта польза его болѣе чѣмъ сомнительна, потому что мы видимъ, какъ оно часто при неудачныхъ войнахъ служитъ для порабощенія и посрамленія отечества; но цѣлесообразность этого рабства для поддержанія земельнаго и податного порабощенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Завладѣй ирландцы или русскіе мужики землями владѣльцевъ — и придутъ войска и возьмутъ назадъ. Построй винный или пивоваренный заводъ и не плати акциза — придутъ солдаты и прекратятъ заводъ. Откажись платить подати — будетъ то же.

Второй винтъ — это способъ порабощенія людей отнятіемъ у нихъ земли и потому ихъ запасовъ пищи. Способъ порабощенія этотъ тоже существовалъ и существуетъ всегда, гдѣ люди порабощены, и какъ бы онъ ни видоизмѣнялся, онъ существуетъ вездѣ. Иногда вся земля принадлежитъ государю, какъ въ Турціи, и отбирается 0,1 урожая въ казну; иногда часть ея, и собирается съ нея подать; иногда вся земля принадлежитъ малому числу лицъ, и за нее взимается доля труда, какъ въ Ан-

гліи; иногда бо́льшая или меньшая часть принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, какъ въ Германіи, Россіи и Франціи. Но тамъ, гдѣ есть порабощеніе, есть и присвоеніе земли порабощеніемъ. Винтъ этого порабощенія людей ослабляется или притягивается туда по мѣрѣ того, какъ туго подтянуты другіе винты; такъ, въ Россіи, когда порабощеніе личное было распространено на большинство рабочихъ, поземельное порабощеніе было излишне, но винтъ личнаго рабства въ Россіи былъ ослабленъ только тогда, когда подтянуты были винты поземельнаго и податного порабощенія. Въ Англіи, напримѣръ, дѣйствуетъ преимущественно порабощеніе поземельное, и вопросъ національзаціи земли состоитъ только въ томъ, чтобы подтянуть винтъ податной такъ, чтобы ослабъ винтъ поземельнаго порабощенія.

Третій способъ порабощенія — дани, точно такъ же всегда существовалъ и въ наше время, съ распространеніемъ однообразныхъ денежныхъ знаковъ и усиленіемъ государственной власти, получилъ только особенную силу. Этотъ способъ въ наше время такъ выработался, что онъ стремится уже замѣнить второй способъ порабощенія — поземельнаго. Это тотъ винтъ, при завинчиваніи котораго ослабляется винтъ поземельный, какъ это очевидно на экономическомъ положеніи всей Европы. Мы на нашей памяти пережили въ Россіи два перехода рабства изъ одной формы въ другую: когда освободили крѣпостныхъ и помѣщикамъ оставляли права на большую часть земли, помѣщики боялись, что власть ихъ надъ ихъ рабами ускользаетъ отъ нихъ; но опытъ показалъ, что имъ нужно было только выпустить изъ рукъ старую цѣпь личнаго рабства и перехватить другую — поземельную. У мужика не хватало хлѣба, чтобы кормиться, а у помѣщика была земля и запасы хлѣба, и потому мужикъ остался тѣмъ же рабомъ. Слѣдующій переходъ былъ тотъ, когда правительство подвинтило очень туго своими податями другой винтъ—податной, и большинство рабочихъ, не имѣя запасовъ, принуждено было продаваться въ рабство къ помѣщикамъ и на фабрики. И новая форма рабства захватила еще туже народъ, такъ что 0,9 русскаго рабочаго народа работаютъ у помѣщиковъ и фабрикантовъ въ силу податей государственныхъ, поземельныхъ. Это до такой степени очевидно, что попробуй правительство годъ не взыскивать податей государственныхъ и поземельныхъ, и станутъ всѣ работы на чужихъ поляхъ и на фабрикахъ. Девять десятыхъ русскаго народа нанимаются во время сбора податей и подъ подати.

Всѣ три способа порабощенія людей не переставали существовать и существуютъ и теперь; но люди склонны не замѣчать ихъ, какъ скоро этимъ способамъ даютъ новыя оправданія. И странно, что именно этотъ самый способъ, на которомъ въ данное время все зиждется, — тотъ винтъ, который затянутъ туже другихъ, держитъ все, — онъ-то въ то время, когда онъ держитъ, онъ-то и не замѣчается.

Когда въ древнемъ мірѣ весь экономическій строй держался на личномъ рабствѣ, величайшіе умы не могли видѣть его. И Платону, и Ксенофонту, и Аристотелю, и римлянамъ казалось, что это не можетъ быть иначе и что рабство есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе войнъ, безъ которыхъ немыслимо человѣчество. Точно такъ же въ средніе вѣка и даже до послѣдняго времени люди не видали значенія земельной собственности, на которой держался весь экономическій строй среднихъ вѣковъ. И точно такъ же теперь никто не видитъ и даже не хочетъ видѣть того, что въ наше время порабощеніе большинства людей держится на податяхъ, собираемыхъ правительствомъ съ своихъ подданныхъ и земельными собственниками съ своихъ рабовъ, — податяхъ, собираемыхъ посредствомъ войска того самаго войска, которое содержится податями.

XXI.

Не удивительно то, что сами рабы, съ древнѣйшихъ временъ подвергаемые рабству, не сознаютъ своего положенія и считаютъ то свое положеніе рабства, въ которомъ они жили всегда, естественнымъ условіемъ человѣческой жизни и видятъ облегченіе въ перемѣнѣ формы рабства. Не удивительно и то, что рабовладѣльцы иногда искренно думаютъ освобождать рабовъ, отпуская одинъ винтъ, когда другой уже затянутъ туго. И тѣ, и другіе привыкли къ своему положенію, и одни — рабы—не зная свободы, ищутъ только облегченія или хоть только перемѣны формы рабства; другіе — рабовладѣльцы — желая скрыть свою неправду, стараются приписывать особенное значеніе тѣмъ новымъ формамъ рабства, которыя они взамѣнъ старыхъ налагаютъ на людей. Но удивительно то, какимъ образомъ наука, такъ называемая свободная наука, можетъ, изслѣдуя экономическія условія жизни народа, не видѣть того, что составляетъ основу всѣхъ экономическихъ условій? Казалось бы, дѣло науки — отыскать связь явленій и общую причину ряда явленій. Политическая же экономія какъ разъ дѣлаетъ обратное: она старательно скрываетъ связь явленій и значеніе ихъ, ста-

рательно избѣгаетъ отвѣтовъ на самые простые и существенные вопросы; она, какъ лѣнивая, заминающаяся лошадь, идетъ хорошо только подъ горку, когда везти нечего; но какъ только надо везти, такъ сейчасъ же закидывается въ сторону, притворяясь, что ей нужно идти куда-то въ сторону, по своему дѣлу. Какъ только наукѣ представляется серьезный, существенный вопросъ, такъ тотчасъ же начинаются научныя разсужденія о предметахъ, не идущихъ къ вопросу и имѣющихъ одну цѣль — отвлечь вниманіе отъ вопроса.

Вы спрашиваете: отчего происходитъ то неестественное, уродливое, неразумное и не только безполезное, но вредное для людей явленіе, что одни люди не могутъ ни ѣсть, ни работать иначе, какъ по волѣ другихъ людей? И наука съ серьезнѣйшимъ видомъ отвѣчаетъ: потому что одни люди распоряжаются работой и питаніемъ другихъ—таковъ законъ производства.

Вы спрашиваете: что такое право собственности, на основаніи котораго одни люди присваиваютъ себѣ землю, пищу и орудія труда другихъ? Наука съ серьезнѣйшимъ видомъ отвѣчаетъ: это право основано на огражденіи своего труда, т.-е. что огражденіе труда однихъ людей выражается захватываніемъ труда другихъ людей.

Вы спрашиваете: что такое тѣ деньги, которыя всегда и вездѣ чеканятся и печатаются правительствомъ, т.-е. властью, и которыя въ такихъ огромныхъ количествахъ взыскиваются насильно съ рабочихъ и въ видѣ долговъ государственныхъ накладываются на будущія поколѣнія рабочихъ? Вы спрашиваете: не имѣютъ ли эти деньги, въ размѣрахъ доведенныхъ до послѣдняго предѣла возможности взысканія, какъ подати, не имѣютъ ли эти деньги вліянія на экономическія отношенія людей, платящихъ получателямъ? И наука съ серьезнѣйшимъ видомъ отвѣчаетъ: деньги — это товаръ, такой же, какъ сахаръ и ситцы, отличающійся отъ другихъ только тѣмъ, что онъ удобнѣе для обмѣна. Вліяній же податей на экономическія условія народа нѣтъ никакихъ: законы производства, обмѣна, распредѣленія богатствъ — сами по себѣ, а подати—сами по себѣ

Вы спршиваете: не имѣетъ ли вліянія на экономическія условія то, что правительство по своей волѣ можетъ возвышать и ронять цѣны и можетъ, возвысивъ подати, закабалить всѣхъ, не имѣющихъ земли, людей въ рабство? Наука съ серьезнѣйшимъ видомъ отвѣчаетъ: нисколько! Законы производства, обмѣна, распредѣленія, это—одна наука политическая экономія, а подати и вообще хозяйство государственное, это — другая наука, финансовое право.

Вы спрашиваете, наконецъ, что весь народъ находится въ рабствѣ у правительства, что правительство можетъ по своей волѣ разорить всѣхъ людей, отобрать всѣ произведенія труда людей и даже оторвать самихъ людей отъ труда, забравъ ихъ въ солдатское рабство; вы спрашиваете: не имѣетъ ли это обстоятельство какого-нибудь вліянія на экономическія условія? На это наука даже не трудится отвѣчать: это дѣло совсѣмъ особенное, это—государственное право. Наука пресерьезно разбираетъ законы экономической жизни народа, всѣ отправленія и вся дѣятельность которой зависитъ отъ воли поработителя, признавая это вліяніе поработителя естественнымъ условіемъ жизни народа; наука дѣлаетъ то же, что дѣлалъ бы изслѣдователь экономическихъ условій жизни личныхъ рабовъ разныхъ хозяевъ, не принимая во вниманіе вліянія на жизнь этихъ рабовъ воли хозяина, того, который по своему произволу заставляетъ ихъ работать ту или другую работу, по своему произволу перегоняетъ ихъ съ мѣста на мѣсто, по своему произволу кормитъ или не кормитъ ихъ, убиваетъ или оставляетъ жить.

Хочется думать, что это такъ, по глупости, дѣлаетъ наука; но стоитъ только вникнуть и разобрать положенія науки, для того чтобы убѣдиться, что это происходитъ не отъ глупости, а отъ большого ума.

Наука эта имѣетъ очень опредѣленную цѣль и достигаетъ ея. Цѣль эта — поддерживать суевѣріе и обманъ въ людяхъ и тѣмъ препятствовать человѣчеству въ его движеніи къ истинѣ и благу. Давно уже существовало и теперь еще существуетъ страшное суевѣріе, сдѣлавшее людямъ едва ли не больше вреда, чѣмъ самыя ужасныя религіозныя суевѣрія. И это-то суевѣріе всѣми своими силами и всѣмъ своимъ усердіемъ поддерживаетъ такъ называемая наука. Суевѣріе это совершенно подобно суевѣріямъ религіознымъ: оно состоитъ въ утвержденіи того, что, кромѣ обязанностей человѣка къ человѣку, есть еще болѣе важныя обязанности къ воображаемому существу. Для богословія воображаемое существо это—Богъ, а для политическихъ наукъ воображаемое существо это есть государство. Религіозное суевѣріе состоитъ въ томъ, что жертвы, иногда человѣческихъ жизней, приносимыя воображаемому существу, необходимы, и люди могутъ и должны быть приводимы къ нимъ всѣми средствами, не исключая и насилія. Суевѣріе политическое состоитъ въ томъ, что, кромѣ обязанностей человѣка къ человѣку, существуютъ болѣе важныя обязанности къ воображаемому существу, и жертвы, весьма часто человѣческихъ жизней, приносимыя воображаемому существу — государству, тоже необходимы, и люди могутъ и

должны быть приводимы къ нимъ всевозможными средствами, не исключая и насилія. Это-то суевѣріе, поддерживаемое прежде жрецами разныхъ религій, теперь поддерживается такъ называемой наукой. Люди повергнуты въ рабство самое ужасное, худшее, чѣмъ когда-либо; но наука старается увѣрить людей, что это необходимо и не можетъ быть иначе.

Государство должно существовать для блага народа и исполнять свое дѣло: управлять народомъ, защищать его отъ враговъ. Для этого государству нужны деньги и войско. Деньги должны доставлять всѣ граждане государства. И потому всѣ отношенія людей должны быть разсматриваемы при необходимыхъ условіяхъ государственности.

Я хочу помогать отцу въ крестьянской работѣ, говоритъ простой, неученый человѣкъ, хочу жениться, а меня берутъ и отсылаютъ въ Казань на 6 лѣтъ солдатомъ. Я выхожу изъ солдатъ, желаю пахать землю и кормить семью, но вокругъ на 100 верстъ меня не пускаютъ пахать безъ того, чтобы я не заплатилъ денегъ, которыхъ у меня нѣтъ, тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ пахать и требуютъ за нее столько денегъ, что я долженъ отдавать имъ свой трудъ; но я все-таки наживаю кое-что и желаю весь свой излишекъ отдать дѣтямъ; но ко мнѣ приходитъ становой и отбираетъ этотъ излишекъ въ видѣ податей; я зарабатываю опять, и у меня опять отбираютъ все. Вся моя экономическая дѣятельность, вся безъ остатка, находится въ зависимости отъ государственныхъ требованій и мнѣ представляется, что улучшенія положенія моего и моихъ братьевъ должно произойти отъ освобожденія нашего отъ государственныхъ требованій. Но наука говоритъ: ваши сужденія происходятъ отъ вашего невѣжества. Изучите законы производства, обмѣна и распредѣленія богатствъ и не смѣшивайте вопросовъ экономическихъ съ вопросами государственными. Явленія, на которыя вы указываете, не суть стѣсненія вашей свободы, а суть тѣ необходимыя жертвы, которыя вы вмѣстѣ съ другими несете для своей свободы и для своего блага. Но у меня вѣдь взяли сына и обѣщаются отобрать всѣхъ моихъ сыновей, какъ только я дождусь ихъ, — говоритъ опять простой человѣкъ, — насильно отняли и угнали подъ пули въ какую-то землю, про которую мы никогда не слыхали, и для такихъ цѣлей, которыхъ мы понять не можемъ. Но вѣдь землею, которую намъ не даютъ пахать и отъ недостатка которой мы мремъ съ голоду, владѣетъ силою человѣкъ, котораго мы никогда не видали и пользу котораго мы понять не можемъ. Но подати, для удовлетворенія которыхъ становой насильно отнялъ корову отъ мо-

ихъ ребятъ, сколько я знаю, пойдутъ этому же становому, отобравшему у меня корову, и разнымъ членамъ комиссій и министерствъ, которыхъ я и не знаю и въ пользу которыхъ не вѣрю. Какимъ же образомъ всѣ эти насилія могутъ обезпечивать мою свободу и все это зло можетъ доставлять мнѣ благо?

Можно заставить человѣка быть рабомъ и дѣлать то, что онъ считаетъ для себя зломъ, но нельзя заставить его думать, что, терпя насиліе, онъ свободенъ и что то очевидное зло, которое онъ терпитъ, составляетъ его благо. Это кажется невозможнымъ. А это-то и сдѣлали въ наше время съ помощью науки.

Правительство, т.-е. люди вооруженные и насилующіе, рѣшаютъ, что̀ имъ нужно отъ тѣхъ, которыхъ они насилуютъ; какъ англичане по отношенію къ фиджіанцамъ, они рѣшаютъ, сколько имъ нужно работы со своихъ рабовъ, рѣшаютъ, сколько имъ нужно помощниковъ для собиранія этой работы, организуютъ своихъ помощниковъ въ видѣ солдатъ, въ видѣ поземельныхъ собственниковъ и въ видѣ сборщиковъ податей. И рабы отдаютъ свой трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрятъ, что они отдаютъ его не потому, что этого хотятъ хозяева, а потому, что для ихъ свободы и для ихъ блага необходимо служеніе и кровавыя жертвы божеству, называемому «государство», а что, кромѣ этого служенія божеству, они свободны. Они вѣрятъ въ это потому, что такъ говорили прежде религія, жрецы, а теперь говоритъ наука — люди ученые. Но стоитъ только перестать слѣпо вѣрить тому, что говорятъ другіе люди, называя себя жрецами или людьми учеными, для того чтобы нелѣпость такого утвержденія стала очевидна. Люди, насилующіе другихъ, увѣряютъ ихъ, что насиліе это необходимо для государства; государство же необходимо для свободы и блага людей, — выходитъ, что насилующіе насилуютъ людей для ихъ свободы и дѣлаютъ имъ зло для ихъ блага. Но люди на то и разумныя существа, чтобы понимать, въ чемъ ихъ благо, и свободно дѣлать его.

Дѣла же, благость которыхъ непонятна людямъ и къ которымъ они бываютъ принуждаемы насиліемъ, не могутъ быть для нихъ благомъ, ибо благомъ разумное существо можетъ считать только то, что представляется такимъ его разуму. Если же люди по страсти или по неразумію своему влекутся ко злу, то все, что могутъ сдѣлать люди, не дѣлающіе этого, такъ это то, чтобы убѣждать людей дѣлать то, что составляетъ ихъ настоящее благо. Можно убѣждать людей, что благо ихъ будетъ больше, если они всѣ будутъ поступать въ солдаты, будутъ лишены земли, будутъ отдавать весь свой трудъ за подати; но до тѣхъ поръ, пока всѣ люди не будутъ считать этого своимъ благомъ

и потому дѣлать это охотно, нельзя называть это дѣло общимъ благомъ людей. Единственный признакъ благости дѣла есть то, что люди свободно исполняютъ его. И такими дѣлами полна жизнь людей.

Десять работниковъ заводятъ бондарную снасть, чтобы вмѣстѣ работать, и, дѣлая это дѣло, они дѣлаютъ несомнѣнно общее для себя благое дѣло; но никакъ нельзя даже представить себѣ того, чтобы эти работники, заставивъ одиннадцатаго человѣка насильно участвовать въ ихъ артели, могли утверждать, что общее ихъ благо будетъ такимъ же и для этого одиннадцатаго.

То же и съ господами, которые будутъ давать обѣдъ какому-нибудь своему другу; и такъ же нельзя утверждать, что для того, съ кого насильно возьмутъ десять рублей на этотъ обѣдъ, обѣдъ этотъ былъ благое дѣло. То же и съ крестьянами, которые рѣшатъ выкопать для своего удобства прудъ. Для тѣхъ, которые будутъ считать существованіе этого пруда бо̀льшимъ благомъ, чѣмъ трудъ, затраченный на него, для тѣхъ копаніе его будетъ общимъ благомъ; но для того, кто считаетъ существованіе этого пруда меньшимъ благомъ, чѣмъ уборка поля, въ которой онъ опоздалъ, копаніе этого пруда не можетъ быть благомъ. То же и съ дорогами, которыя построятъ люди, и съ церковью, и съ музеемъ, и со всѣми самыми разнообразными общественными и государственными дѣлами. Всѣ эти дѣла могутъ быть благомъ только для тѣхъ, которые считаютъ ихъ благомъ и потому свободно и охотно исполняютъ ихъ, какъ покупка снасти для артели, обѣдъ, который даютъ господа, прудъ, который копаютъ мужики. Дѣла же, къ которымъ люди должны быть пригоняемы силою, именно вслѣдствіе этого насилія и перестаютъ быть общими и благими.

Все это такъ ясно и просто, что если бы люди не были такъ давно обманываемы, не нужно бы было разъяснять ничего. Положимъ, что живемъ въ деревнѣ, и мы, всѣ жители, рѣшили построить мостъ черезъ болото, въ которомъ всѣ мы топнемъ. Мы согласились или обѣщались дать съ каждаго двора столько-то денегъ, или лѣса, или дней. Мы согласились сдѣлать такъ потому, что постройка этого моста для насъ выгоднѣе, чѣмъ траты на него; посреди насъ есть люди, для которыхъ выгоднѣе не имѣть моста, чѣмъ тратить на него деньги, или которые, по крайней мѣрѣ, думаютъ, что для нихъ это выгоднѣе. Можетъ ли принужденіе этихъ людей къ постройкѣ моста сдѣлать то, чтобы мостъ этотъ былъ для нихъ благомъ? Очевидно, нѣтъ, потому что люди эти, считавшіе свое свободное участіе въ по-

стройкѣ этого моста невыгоднымъ, когда оно станетъ принудительнымъ. Положимъ даже, что мы, всѣ безъ исключенія, согласились строить этотъ мостъ и обѣщались столько-то со двора денегъ или работы; но случилось, что нѣкоторые изъ обѣщавшихъ не выставили уговореннаго, потому что ихъ обстоятельства въ это время измѣнились и сдѣлали то, что теперь имъ выгоднѣе быть безъ моста, чѣмъ тратить на него деньги, или просто они раздумали строить мостъ, или даже они прямо разсчитываютъ па то, что другіе и безъ ихъ жертвъ построятъ мостъ, а они тоже будутъ по немъ ѣздить: можетъ ли принужденіе этихъ людей къ участію въ постройкѣ моста сдѣлать то, чтобы эти принудительныя для нихъ жертвы стали для нихъ благомъ? Очевидно, нѣтъ, потому что если эти люди не исполнили обѣщаннаго по измѣнившимся обстоятельствамъ, такъ какъ жертвы на мостъ стали для нихъ тяжеле, чѣмъ отсутствіе моста, то и принудительныя жертвы ихъ будутъ только большимъ зломъ. Если же отказавшіеся имѣли въ виду воспользоваться трудами другихъ, то и принужденіе ихъ къ жертвамъ будетъ только наказаніемъ за ихъ умыселъ, и умыселъ ихъ, совершенно бездоказательный, будетъ наказанъ прежде приведенія его въ исполненіе; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ принужденіе къ участію въ нежелательномъ дѣлѣ не можетъ быть для нихъ благомъ.

Такъ это будетъ, когда жертвы приняты для дѣла всѣмъ понятнаго, очевиднаго и несомнѣнно полезнаго, какъ мостъ на болотѣ, чрезъ который всѣ ѣздятъ. Насколько же несправедливѣе и безсмысленнѣе будетъ такое принужденіе милліоновъ людей къ жертвамъ, цѣль которыхъ непонятна, неосязаема и часто несомнѣнно вредна, какъ это бываетъ при солдатчинѣ и податяхъ. По наукѣ же оказывается, что то, что всѣмъ представляется зломъ, есть общее благо; оказывается, что есть люди, крошечное меньшинство людей, которые одни только знаютъ, въ чемъ общее благо, и несмотря па то, что всѣ остальные люди считаютъ зломъ это общее свое благо, меньшинство это, принуждая къ злу всѣхъ остальныхъ людей, можетъ считать это зло общимъ благомъ.

Въ этомъ состоитъ главное суевѣріе и главный обманъ, препятствующій движенію человѣчества къ истинѣ и благу. Поддержаніе этого суевѣрія и этого обмана составляетъ цѣль политическихъ наукъ вообще и въ частности такъ называемой политической экономіи. Цѣль ея — скрыть отъ людей то положеніе угнетенія и рабства, въ которомъ они находятся. Средство, употребляемое ею для этой цѣли, въ томъ, чтобы разсматриваніемъ насилія, обусловливающаго всю экономическую жизнь по-

рабощенныхъ, умышленно признавъ это насиліе естественнымъ и неизбѣжнымъ, обмануть людей и отвести ихъ глаза отъ настоящей причины ихъ бѣдствія.

Рабство давно уже уничтожается. Оно уничтожилось и въ Римѣ, и въ Америкѣ, и у насъ, но уничтожились только слова, а не дѣло.

Рабство есть освобожденіе себя одними отъ труда, нужнаго для удовлетворенія своихъ потребностей насилія, которое переноситъ этотъ трудъ на другихъ; и тамъ, гдѣ есть человѣкъ, не работающій не потому, что на него любовно работаютъ другіе, а гдѣ онъ имѣетъ возможность не работать самъ, а заставить другихъ на себя работать, — тамъ есть рабство. Тамъ же, гдѣ есть, какъ и во всѣхъ европейскихъ обществахъ, люди, посредствомъ насилія пользующіеся трудами тысячъ людей и считающіе это своимъ правомъ, и другіе люди, подчиняющіеся насилію и признающіе это своею обязанностью, — тамъ есть рабство въ страшныхъ размѣрахъ.

Рабство есть. Въ чемъ же оно? Въ томъ же, въ чемъ оно всегда было и безъ чего оно не можетъ быть: въ насиліи сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ.

Рабство съ своими основными тремя пріемами личнаго насилія: солдатства, дани за землю, поддерживаемой солдатствомъ, и дани, облагающей всѣхъ жителей прямыми и косвенными податями, поддерживаемой точно такъ же солдатствомъ, существуетъ точно такое же, какъ и прежде. Мы только не видимъ его потому, что каждая изъ трехъ формъ рабства получила новое оправданіе, заслоняющее отъ насъ его значеніе. Личное насиліе вооруженныхъ противъ безоружныхъ получило оправданіе защиты отечества отъ воображаемыхъ враговъ его; въ сущности же оно имѣетъ одно старое значеніе: подчиненіе покоренныхъ насилующимъ. Насиліе отобранія земли у трудящихся надъ нею получило оправданіе награды за услуги для мнимаго общаго блага и утверждается правомъ наслѣдства; въ сущности же оно тоже обезземеленіе и порабощеніе людей, которое произведено было войскомъ (властью). Послѣднее же, денежное — податное — насиліе, самое сильное и главное въ настоящее время, получило самое удивительное оправданіе,—лишеніе людей ихъ имущества, свободы, всего ихъ блага во имя свободы, общаго блага. Въ сущности же оно не что иное, какъ то же рабство, только безличное.

Гдѣ будетъ насиліе, возведенное въ законъ, тамъ будетъ и рабство. Будетъ ли насиліе выражаться тѣмъ, что будутъ наѣзжать князья съ дружинами, побивать женъ и дѣтей и спускать

8*

на дымъ селенія, или въ томъ, что рабовладѣльцы будутъ взимать работу или деньги за землю съ рабовъ и въ случаѣ неуплаты будутъ призывать вооруженныхъ, или что одни люди будутъ обкладывать другихъ данями и будутъ разъѣзжать съ оружіемъ по селамъ, или министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ собирать деньги черезъ губернаторовъ и становыхъ и въ случаѣ отказа отъ платежа высылать военныя команды, — словомъ, покуда будетъ насиліе, поддерживаемое штыками, не будетъ распредѣленія богатства между людьми, а все богатство будетъ уходить къ насильникамъ.

Поразительной иллюстраціей истинности этого положенія служитъ проектъ Джорджа о національзаціи земли. Джорджъ предлагаетъ всю землю признать государственной собственностью и поэтому всѣ налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, замѣнить земельной рентой. То-есть, чтобы всякій пользующійся землею платилъ государству стоимость ея ренты.

Что же было бы? Рабство земельное было бы все уничтожено въ предѣлахъ государства, т.-е. земля принадлежала бы государству: Англіи — своя, Америкѣ — своя и т. д., т.-е. было бы рабство, опредѣляемое количествомъ пользованія землею.

Можетъ быть, и улучшилось бы положеніе нѣкоторыхъ рабочихъ (земельныхъ); но какъ скоро осталось бы насильственное взиманіе податей за ренту, — осталось бы и рабство. Земледѣлецъ, послѣ неурожая не будучи въ силахъ заплатить ренту, которую взыскиваютъ съ него силой, чтобы не лишиться всего, долженъ будетъ для удержанія за собой земли закабалиться къ тому человѣку, у котораго будутъ деньги.

Если течетъ ведро, то навѣрно есть въ немъ дыра. Глядя на дно ведра, намъ можетъ казаться, что вода течетъ изъ разныхъ дыръ; но сколько бы мы ни затыкали этихъ воображаемыхъ дыръ снаружи, вода все будетъ течь. Чтобы остановить течь, надо найти то мѣсто, въ которое уходитъ вода изъ ведра, и заткнуть его изнутри. То же самое и съ предполагаемыми мѣрами для прекращенія неправильнаго распредѣленія богатствъ, для затыканія тѣхъ дыръ, черезъ которыя уходитъ богатство отъ народа. Говорятъ: устройте корпораціи рабочихъ, сдѣлайте капиталъ общественной собственностью, сдѣлайте землю національной собственностью! Все это — только затыканіе снаружи тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ намъ кажется, что течетъ вода. Чтобы остановить утеканіе богатствъ изъ рукъ рабочихъ въ руки нерабочихъ, нужно найти изнутри ту дыру, черезъ которую происходитъ это утеканіе. Дыра эта есть насиліе вооруженнаго надъ безоружнымъ, насиліе войска, посредствомъ котораго от-

бираются и самые люди отъ труда, и земли отъ людей, и произведенія труда людей. Покуда будетъ одинъ вооруженный человѣкъ съ признаніемъ за нимъ права убить какого бы то ни было другого человѣка, до тѣхъ поръ будетъ неправильное распредѣленіе богатства, т.-е. рабство.

XXII.

Меня всегда удивляютъ часто повторяемыя слова: да, это такъ по теоріи, но на практикѣ-то какъ?.. Точно будто теорія— это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика, т.-е. вся дѣятельность, неизбѣжно основывалась на ней. Должно быть, было на свѣтѣ ужасно много глупыхъ теорій, если вошло въ употребленіе такое удивительное разсужденіе. Теорія — вѣдь это то, что̀ человѣкъ думаетъ о предметѣ, а практика — это то, что̀ онъ дѣлаетъ. Какъ же можетъ быть, чтобъ человѣкъ думалъ, что надо дѣлать такъ, а дѣлалъ бы навыворотъ? Если теорія печенія хлѣбовъ та, что ихъ надо прежде замѣсить, а потомъ поставить, то, кромѣ сумасшедшихъ никто, зная теорію, не можетъ сдѣлать обратнаго. Но у насъ вошло въ моду говорить, что это теорія, но какъ на практикѣ?

Въ предметѣ, который меня занимаетъ, подтвердилось то, что̀ я всегда думалъ, — что практика неизбѣжно вытекаетъ изъ теоріи и не то что оправдываетъ ее, но не можетъ быть никакая иная, что если я понялъ то дѣло, о которомъ думалъ, то я и не могу дѣлать это дѣло иначе, какъ я его понялъ.

Я захотѣлъ помогать несчастнымъ только потому, что у меня были лишнія деньги и я раздѣлялъ общее суевѣріе о томъ, что деньги—представители труда или вообще что-то законное и хорошее. Но, начавъ давать эти деньги, я увидалъ, что я даю собранные мною векселя на бѣдныхъ людей, дѣлаю то, что дѣлали многіе помѣщики, заставляя однихъ крѣпостныхъ служить другимъ. Я увидалъ, что всякое употребленіе денегъ: покупка ли чего, передача ли ихъ задаромъ другому, есть подача ко взысканію векселя на бѣдныхъ или передача его другому для подачи ко взысканію на бѣдныхъ же. И потому мнѣ стала ясна вся нелѣпость, которую я хотѣлъ дѣлать, — помогать бѣднымъ посредствомъ взысканія съ бѣдныхъ. Я увидалъ, что деньги сами по себѣ не только не добро, но очевидно зло, лишающее людей главнаго блага — труда и пользованія этимъ своимъ трудомъ, и что этого-то блага я не могу никому передать, потому что самъ лишенъ его: у меня нѣтъ труда и нѣтъ счастья пользоваться своимъ трудомъ.

Казалось бы, что̀ особеннаго въ этомъ отвлеченномъ разсужденіи о томъ, что̀ есть деньги? Но разсужденіе это, сдѣланное мною не какъ разсужденіе для разсужденія, а для того, чтобы разрѣшить вопросъ моей жизни, моего страданія, было для меня отвѣтомъ на вопросъ: что дѣлать?

Какъ только я понялъ, что̀ такое богатство, что̀ такое деньги, такъ мнѣ не только ясно и несомнѣнно стало, что̀ мнѣ дѣлать, но и ясно и несомнѣнно стало, что̀ всѣ другіе должны дѣлать, и что̀ потому они неизбѣжно будутъ это дѣлать. Я понялъ, въ сущности, только то, что я зналъ давнымъ-давно: ту истину, которая передавалась людямъ съ самыхъ древнихъ временъ и Буддой, и Исаіей, и Лао-Тсе, и Сократомъ, и особенно ясно и несомнѣнно передана намъ Іисусомъ Христомъ и предшественникомъ его, Іоанномъ Крестителемъ. Іоаннъ Креститель на вопросъ людей: что намъ дѣлать? отвѣчалъ просто, коротко и ясно: «у кого двѣ одежды, тотъ дай тому, у кого нѣтъ, и у кого есть пища, дѣлай то же (Луки III, 10, 11). То же и еще съ большею ясностью и много разъ говорилъ Христосъ. Онъ говорилъ: блаженны нищіе и горе богатымъ. Онъ говорилъ, что нельзя служить Богу и Маммону. Онъ запретилъ ученикамъ брать не только деньги, но двѣ одежды. Онъ сказалъ богатому юношѣ, что онъ не можетъ войти въ царствіе Божіе потому, что онъ богатъ, и что легче верблюду войти въ ушко иглы, чѣмъ богатому въ царство Божіе. Онъ сказалъ, что тотъ, кто не оставитъ всего: и дома, и дѣтей, и полей, для того чтобы идти за Нимъ, тотъ не Его ученикъ. Онъ сказалъ притчу о богатомъ, ничего не дѣлавшемъ дурного, какъ и наши богатые, не только хорошо одѣвавшемся и сладко ѣвшемъ и пившемъ, и погубившемъ этимъ только свою душу, притчу о нищемъ Лазарѣ, ничего не сдѣлавшемъ хорошаго, но спасшемся только оттого, что онъ былъ нищій.

Истина эта была мнѣ довольно извѣстна, но ложныя ученія міра такъ хитро скрыли ее, что она сдѣлалась для меня именно теоріей въ томъ смыслѣ, какой любятъ придавать этому слову, т.-е. пустыми словами. Но какъ скоро мнѣ удалось разрушить въ своемъ сознаніи софизмы мірского ученія, такъ теорія слилась съ практикой, и дѣйствительность моей жизни и жизни всѣхъ людей стала ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Я понялъ, что человѣкъ, кромѣ жизни для своего личнаго блага, неизбѣжно долженъ служить и благу другихъ людей; что если брать сравненіе изъ міра животныхъ, какъ это любятъ дѣлать нѣкоторые люди, защищая насиліе и борьбу борьбой за существованіе, то сравненіе надо брать изъ животныхъ общественныхъ, какъ пчелы, и что потому человѣкъ, не говоря уже о вложенной въ него любви къ ближнему, и раз-

умомъ, и всей природой своей призванъ къ служенію другимъ людямъ и общей человѣческой цѣли. Я понялъ, что это естественный законъ человѣка, — тотъ, при которомъ только онъ можетъ исполнить свое назначеніе и потому быть счастливъ. Я понялъ, что законъ этотъ нарушался и нарушается тѣмъ, что люди насиліемъ, какъ грабительницы пчелы, освобождаютъ себя отъ труда, пользуются трудомъ другихъ, направляя этотъ трудъ не къ общей цѣли, а къ личному удовлетворенію разрастающихся похотей, и такъ же, какъ грабительницы пчелы, погибаютъ отъ этого. Я понялъ, что несчастія людей происходятъ отъ рабства, въ которомъ одни люди держатъ другихъ людей. Я понялъ, что рабство нашего времени производится насиліемъ солдатства, присвоеніемъ земли и взысканіемъ денегъ. И, понявъ значеніе всѣхъ трехъ орудій новаго рабства, я не могъ не желать избавленія себя отъ участія въ немъ.

Когда я былъ рабовладѣльцемъ, имѣя крѣпостныхъ, понялъ безнравственность этого положенія, я вмѣстѣ съ другими людьми, понявшими то же, въ то время старался избавиться отъ этого положенія. Избавленіе же мое состояло въ томъ, что я, считая его безнравственнымъ, старался самъ до тѣхъ поръ, пока я не могъ вполнѣ избавиться отъ этого положенія—какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми средствами внушить другимъ рабовладѣльцамъ незаконность и безчеловѣчность ихъ воображаемыхъ правъ. То же самое я не могу не дѣлать относительно теперешняго рабства: какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ, пока я не могу совсѣмъ отказаться отъ этихъ правъ, даваемыхъ мнѣ земельной собственностью и деньгами, поддерживаемыми насиліемъ солдатства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми средствами внушать другимъ людямъ незаконность и безчеловѣчность этихъ воображаемыхъ правъ. Участіе въ рабствѣ со стороны рабовладѣльца состоитъ въ пользованіи чужимъ трудомъ, все равно, зиждется ли рабство на моемъ правѣ, на рабѣ или на моемъ владѣніи землею или деньгами.

И потому, если человѣкъ точно не любитъ рабства и не хочетъ быть участникомъ въ немъ, то первое, что̀ онъ сдѣлаетъ, будетъ то, что онъ не будетъ пользоваться чужимъ трудомъ ни посредствомъ службы правительству, ни посредствомъ владѣнія землею, ни посредствомъ денегъ.

Отказъ же отъ всѣхъ употребительныхъ средствъ пользоваться чужимъ трудомъ неизбѣжно приведетъ такого человѣка къ необходимости, съ одной стороны, умѣрить свои потребности,

съ другой стороны, дѣлать для себя самому то, что прежде дѣлали для него другіе люди.

И этотъ такой простой выводъ сразу уничтожаетъ всѣ тѣ три причины невозможности помощи бѣднымъ, къ которымъ я пришелъ, отыскивая причины своей неудачи.

Первая причина была скопленіе людей въ городахъ и поглощеніе въ нихъ богатствъ деревни. Стоитъ только человѣку не желать пользованія чужимъ трудомъ посредствомъ службы правительству, владѣнія землею и деньгами, и потому по силамъ и возможности самому удовлетворять своимъ потребностямъ, чтобы ему никогда и въ голову не пришло уѣхать изъ деревни (въ которой легче можно удовлетворять своимъ потребностямъ) въ городъ, гдѣ все есть произведеніе чужого труда, гдѣ все надо купить; и тогда, въ деревнѣ, человѣкъ будетъ въ состояніи помогать нуждающимся и не испытаетъ того чувства безпомощности, которое я испыталъ въ городѣ, желая помогать людямъ не своимъ, а чужимъ трудомъ.

Вторая причина была разъединеніе богатыхъ съ бѣдными. Стоитъ только человѣку не желать пользоваться чужимъ трудомъ посредствомъ службы, владѣнія землею и деньгами — и человѣкъ будетъ поставленъ въ необходимость самъ удовлетворять своимъ потребностямъ, и тотчасъ же невольно разрушится та стѣна, которая отдѣляетъ его отъ рабочаго народа, и онъ сольется и станетъ плечо въ плечо съ нимъ и получитъ возможность помогать ему.

Третья причина была стыдъ, основанный на сознаніи безнравственности моего обладанія тѣми деньгами, которыми я хотѣлъ помогать людямъ. Стоитъ человѣку не желать пользоваться чужимъ трудомъ посредствомъ службы, владѣнія землею и деньгами — и у насъ никогда не будетъ тѣхъ лишнихъ, дурашныхъ денегъ, присутствіе которыхъ у меня вызывало въ людяхъ, не имѣющихъ денегъ, требованія, которымъ я не могъ удовлетворить, а во мнѣ — чувство сознанія своей неправоты.

XXIII.

Я увидалъ, что причина страданій и разврата людей — та, что одни люди находятся въ рабствѣ у другихъ, и потому я сдѣлалъ тотъ простой выводъ, что если я хочу помогать людямъ, то мнѣ прежде всего не нужно дѣлать несчастій людямъ, которымъ я хочу помогать, т.-е. не участвовать въ порабощеніи людей. Влекло же меня къ порабощенію людей то, что я съ дѣтства привыкъ не работать, а пользоваться трудами другихъ людей,

и жилъ и живу въ обществѣ, которое не только привыкло къ этому порабощенію другихъ людей, но и оправдываетъ это порабощеніе всякими искусными и неискусными софизмами. Я сдѣлалъ слѣдующій простой выводъ: что для того, чтобы не производить разврата и страданій людей, я долженъ какъ можно меньше пользоваться работой другихъ и какъ можно больше самому работать. Я пришелъ длиннымъ путемъ къ тому неизбѣжному выводу, который сдѣланъ тысячелѣтіе тому назадъ китайцами въ изреченіи: если есть одинъ праздный человѣкъ, то есть другой, умирающій съ голоду. Я пришелъ къ тому простому и естественному выводу: если я жалѣю ту замученную лошадь, на которой я ѣду, то первое, что я долженъ сдѣлать, если я точно жалѣю ее, это — слѣзть съ нея и идти своими ногами.

Отвѣтъ этотъ, дающій такое полное удовлетвореніе нравственному чувству, дралъ мнѣ глаза и деретъ глаза всѣмъ намъ, и мы всѣ не видимъ его и глядимъ по сторонамъ.

Мы въ нашемъ исканіи исцѣленія отъ нашихъ общественныхъ болѣзней ищемъ со всѣхъ сторонъ: и въ правительственныхъ, и въ антиправительственныхъ, и въ научныхъ, и въ филантропическихъ суевѣріяхъ, и не видимъ того, что рѣжетъ глаза всякому.

Мы ходимъ на часъ въ комнатахъ, хотимъ, чтобы другіе выносили за нами, и притворяемся, что мы очень страдаемъ за нихъ, и хотимъ облегчить ихъ дѣло, и придумываемъ всевозможныя хитрости, только не одну, самую простую — самому выносить, если хочешь ходить въ горницѣ, а то ходить подъ сарай.

Для того, кто точно искренно страдаетъ страданіями окружающихъ насъ людей, есть самое ясное, простое и легкое средство, единственно возможное для исцѣленія окружающихъ насъ золъ и для сознанія законности своей жизни, — то самое, которое далъ Іоаннъ Креститель на вопросъ: что намъ дѣлать? и которое подтвердилъ Христосъ: не имѣть больше одной одежды и не имѣть денегъ, т.-е. не пользоваться трудами другихъ людей. А чтобы не пользоваться трудами другихъ—дѣлать своими руками все, что можемъ дѣлать.

Это такъ просто и ясно. Но это просто и ясно только тогда, когда и потребности просты и когда самъ еще свѣжъ и не испорченъ до мозга костей лѣнью и праздностью. Я живу въ деревнѣ, лежу на печкѣ и велю моему должнику, сосѣду, рубить дрова и топить печку. Очень ясно, что я лѣнюсь и отрываю сосѣда отъ дѣла, и мнѣ станетъ совѣстно, да и скучно все лежать, и если мускулы мои сильны и я привыкъ работать, и я пойду самъ нарублю.

Но соблазнъ рабства всѣхъ видовъ живетъ такъ давно, такъ много выросло на немъ искусственныхъ потребностей, такъ много людей на разныхъ степеняхъ привычекъ къ этимъ потребностямъ переплетены другъ съ другомъ, такъ поколѣніями испорчены, изнѣжены люди, такіе сложные соблазны и оправданія въ ихъ роскоши и праздности придуманы людьми, что человѣку, находящемуся на верху лѣстницы праздныхъ людей, далеко не такъ легко понять свой грѣхъ, какъ тому мужику, который заставляетъ сосѣда топить печку.

Людямъ, находящимся на верхней ступени этой лѣстницы, ужасно трудно понять то, что отъ нихъ требуется. У нихъ голова кружится отъ вышины той лѣстницы лжи, на которой они находятся, когда имъ представляется то мѣсто на землѣ, до котораго они должны спуститься, чтобы начать жить на добро, но только не вполнѣ безчеловѣчно; и отъ этого-то простая и ясная истина кажется этимъ людямъ странной.

Для человѣка съ десятью людьми прислуги, ливреями, кучерами, поваромъ, картинами, фортепіанами покажется несомнѣнно страннымъ и даже смѣшнымъ то, что есть самое простое, первое дѣйствіе всякаго — не говорю хорошаго, а только человѣка, а не животнаго: нарубить самому дрова, которыми варится его пища и которыми онъ грѣется; вычистить самому тѣ калоши или сапоги, которыми онъ неосторожно ступалъ въ грязь; принести самому ту воду, которой онъ соблюдаетъ свою чистоту, и вынести ту грязную, въ которой онъ вымылся.

Но, кромѣ самой отдаленности людей отъ истины, есть еще другая причина, мѣшающая людямъ видѣть обязательность для нихъ самой простой и естественной для самихъ себя личной физической работы: это сложность, переплетенность условій, выгодъ всѣхъ связанныхъ между собою людей, въ которой живетъ богатый человѣкъ.

Нынче утромъ я вышелъ въ коридоръ, гдѣ топятся печи. Мужикъ топилъ печь, грѣющую комнату сына. Я зашелъ къ нему; онъ спалъ. Было 11 часовъ утра. Нынче праздникъ, отговорки: уроковъ нѣтъ.

Гладкій 18-лѣтній малый, съ бородой, наѣвшись съ вечера, спитъ до 11 часовъ. А мужикъ его лѣтъ всталъ съ утра, передѣлалъ уже кучу дѣлъ и топитъ десятую его печку, а онъ спитъ. «Хоть бы не топилъ мужикъ его печку, чтобъ грѣть это гладкое, лѣнивое тѣло!» подумалъ я. Но тотчасъ же вспомнилъ, что печка эта грѣетъ и комнату экономки, 40-лѣтней женщины, которая вчера до трехъ часовъ ночи готовила все къ ужину, который ѣлъ и мой сынъ, и убирала посуду, и встала

все-таки въ семь. Ей нельзя самой топить; она не успѣетъ. Мужикъ топитъ и для нея. А подъ ея фирмой грѣется лѣнивый.

Правда, что выгоды всѣхъ переплетены, но и безъ продолжительнаго расчета совѣсть каждаго говоритъ, на чьей сторонѣ трудъ и на чьей сторонѣ праздность. Но мало того, что это говоритъ совѣсть, это говоритъ яснѣе всего счетная, денежная книга. Чѣмъ больше кто тратитъ денегъ, тѣмъ болѣе онъ заставляетъ другихъ за себя работать; чѣмъ менѣе онъ тратитъ, тѣмъ болѣе онъ работаетъ. Моя роскошная жизнь кормитъ людей. Куда пойдетъ мой старикъ-камердинеръ, если я отпущу его? Что же, всѣмъ самимъ себѣ дѣлать все нужное: и платье и рубить дрова? А раздѣленіе труда? А промышленность, а общественныя предпріятія и подъ конецъ самыя страшныя слова: цивилизація, наука, искусство?

XXIV.

Прошлаго года, въ мартѣ, я поздно вечеромъ возвращался домой. Заворачивая изъ Зубова въ Хамовническій переулокъ, я увидалъ на снѣгу Дѣвичьяго поля черныя пятна. Что-то ворочалось на мѣстѣ. Я бы не обратилъ вниманія, если бы не городовой, стоявшій въ началѣ переулка, который крикнулъ по направленію черныхъ пятенъ.

— Василій! что жъ не ведешь?

— Да не идетъ! — сказалъ оттуда голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ пятна двинулись къ городовому.

Я остановился и спросилъ у городового: «что это такое?» Онъ сказалъ:

— Дѣвчонокъ забрали изъ Ржанова дома, свели въ участокъ, а одна отстала, вотъ не идетъ.

Дворникъ въ тулупѣ велъ ее. Она шла впереди, а онъ подталкивалъ ее сзади. Всѣ — и я, и городовой, и дворникъ — одѣты были по-зимнему, одна она была въ платьѣ. Въ темнотѣ я могъ разобрать только коричневое платье, платокъ на головѣ и на шеѣ. Она была мала ростомъ, какъ бываютъ малы заморыши, короткія ноги и относительно широкая, нескладная фигура.

— Изъ-за тебя, стерва, стоимъ. Иди, что ли! Вотъ я тебя! — крикнулъ городовой. Очевидно, онъ усталъ, и она уже надоѣла ему. Она прошла нѣсколько шаговъ и опять остановилась.

Старичокъ-дворникъ, добродушный человѣкъ (я его знаю), дернулъ ее за руку.

— Вотъ я те остановлюсь! Иди! — притворялся онъ, что сердится. Она пошатнулась и заговорила скрипящимъ голосомъ. Во всякомъ звукѣ была фальшивая нота, хрипъ и визгъ.

— Ну тобя, еще пихается! Дойду!

— Замерзнешь, — сказалъ дворникъ.

— Наша сестра не замерзнетъ. Я горячая.

Она хотѣла шутить, но слова ея звучали какъ брань. У фонаря, который стоялъ недалеко отъ воротъ нашего дома, она опять остановилась и прислонилась, повалилась почти на заборъ и что-то стала копать въ своихъ юбкахъ неловкими застывшими руками. Опять они закричали на нее, но она что-то бурчала и что-то дѣлала. Она держала въ одной рукѣ согнувшуюся папиросу, въ другой — сѣрнички. Я остановился сзади: мнѣ совѣстно было пройти мимо нея и совѣстно стоять и смотрѣть. Однако я рѣшился и подошелъ. Она плечомъ лежала на заборѣ и о заборъ же безполезно чиркала сѣрничками и бросала ихъ. Я разсмотрѣлъ ея лицо. Она была именно заморышъ, но какъ мнѣ показалось, уже старая женщина: я ей далъ лѣтъ 30. Грязный цвѣтъ лица, маленькіе мутные пьяные глаза, носъ пуговицей, кривыя, слюнявыя, опущенныя въ углахъ губы и выбившаяся изъ-подъ платка короткая прядь сухихъ волосъ. Талія длинная и плоская, и короткія руки и ноги. Я остановился противъ нея. Она посмотрѣла на меня и усмѣхнулась, какъ будто зная все, что я думалъ.

Я почувствовалъ, что надо сказать ей что-нибудь. Мнѣ хотѣлось показать ей, что я жалѣю ее.

— Родители есть у васъ? — спросилъ я.

Она засмѣялась хрипло, потомъ вдругъ оборвала и, поднявъ брови, уставилась на меня.

— Есть у васъ родители? — повторилъ я.

Она усмѣхнулась съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорила: вѣдь выдумаетъ же, что спрашивать!

— Мать есть, — сказала она. — А тебѣ что?

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцатый, — сказала она, тотчасъ же отвѣчая, очевидно, на привычный вопросъ.

— Ну, маршъ, замерзнешь съ тобой, пропади ты совсѣмъ! — крикнулъ городовой, и она откачнулась отъ забора и, перекачиваясь, пошла внизъ по Хамовническому переулку въ участокъ, а я завернулъ въ калитку и вошелъ въ домъ, и спросилъ, вернулись ли мои дочери. Мнѣ сказали, что онѣ были на вечерѣ, очень веселились, вернулись и уже спятъ.

На другой день утромъ я хотѣлъ пойти въ участокъ узнать, что сдѣлали съ этой несчастной, и довольно рано собрался уже выходить, когда ко мнѣ пришелъ одинъ изъ тѣхъ дворянъ несчастныхъ, которые, по слабости, сбились съ привыч-

ной имъ господской жизни и то поднимаются, то опять падаютъ. Мы съ этимъ были знакомы три года. Въ эти три года этотъ человѣкъ уже нѣсколько разъ спускалъ все, что у него было, и все платье съ себя; и съ нимъ только что случилось такое событіе, и онъ временно ночи проводилъ въ Ржановомъ домѣ, на ночлежной квартирѣ, а на день приходилъ ко мнѣ. Онъ встрѣтилъ меня на выходѣ и, не слушая меня, тотчасъ же началъ разсказывать мнѣ то, что у нихъ въ Ржановомъ домѣ случилось въ эту ночь. Онъ началъ разсказывать и не досказалъ до половины; и вдругъ онъ — старый, видавшій всякіе виды человѣкъ — зарыдалъ, захлюпалъ и, замолчавъ, отвернулся къ стѣнѣ. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ. Все то, что онъ разсказалъ мнѣ, была совершенная правда. Я провѣрилъ его разсказъ на мѣстѣ и узналъ еще новыя подробности, которыя я разскажу заодно.

Въ той ночлежной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ 32-мъ номерѣ, въ которомъ ночевалъ мой пріятель, въ числѣ разныхъ перемѣняющихся ночлежниковъ, мужчинъ и женщинъ, за 5 коп. сходящихся другъ съ другомъ, почевала и прачка, женщина лѣтъ 30-ти, бѣлокурая, тихая, благообразная, но болѣзненная. Хозяйка квартиры — любовница лодочника. Лѣтомъ сожитель ея держитъ лодку, а зимой они живутъ сдачей квартиры ночлежникамъ: 3 коп. безъ подушки, 5 коп. съ подушкой. Прачка нѣсколько мѣсяцевъ жила здѣсь и была тихая женщина, но въ послѣднее время ее не взлюбили за то, что она кашляла и мѣшала жильцамъ спать. Особенно 80-лѣтняя старуха, полусумасшедшая, тоже постоянная жиличка этой квартиры, возненавидѣла прачку и поѣдомъ ѣла ее за то, что она спать не даетъ и всю ночь перхаетъ, какъ овца. Прачка молчала: она задолжала за квартиру и чувствовала себя виноватой, и потому ей надо было быть тихой. Она все рѣже могла ходить на работу — силъ не хватало, и потому не могла выплачивать хозяйкѣ; послѣднюю недѣлю она вовсе не ходила на работу и только отравляла всѣмъ, особенно старухѣ, тоже не выходившей, жизнь своей перхотой. Четыре дня тому назадъ хозяйка отказала прачкѣ отъ квартиры: за ней уже набралось шесть гривенъ, и она не платила ихъ, и не предвидѣлось надежды ихъ получить, а койки были всѣ заняты, и жильцы жаловались на перхоту прачки.

Когда хозяйка отказала прачкѣ и сказала, чтобы она выходила изъ квартиры, коли не отдастъ денегъ, старуха обрадовалась и вытолкала прачку на дворъ. Прачка ушла, но черезъ часъ вернулась, и у хозяйки не хватило духу выгнать

ее опять. И второй и третій день хозяйка не выгоняла ее. «Куда же я пойду?» говорила прачка. Но на третій день любовникъ хозяйки, человѣкъ московскій и знающій порядки и обхожденія, пошелъ за городовымъ. Городовой съ саблей и пистолетомъ на красномъ шнуркѣ пришелъ въ квартиру и, учтиво приговаривая приличныя слова, вывелъ прачку на улицу.

Былъ ясный, солнечный, но морозный мартовскій день. Ручьи текли, дворники кололи ледъ. Сани извозчиковъ подпрыгивали по обледянѣвшему снѣгу и визжали по камнямъ. Прачка пошла въ гору по солнечной сторонѣ, дошла до церкви и сѣла, тоже на солнечной сторонѣ, на паперти церкви. Но когда солнце стало заходить за дома, лужи стали затягиваться стеклышкомъ мороза, прачкѣ стало холодно и жутко. Она поднялась и потащилась... Куда? Домой, въ тотъ единственный домъ, въ которомъ она жила послѣднее время. Пока она дошла, отдыхая, стало смеркаться. Она подошла къ воротамъ, завернула въ нихъ, поскользнулась, охнула и упала.

Прошелъ одинъ, прошелъ другой человѣкъ. «Должно, пьяна». Прошелъ еще человѣкъ, споткнулся на прачку и сказалъ дворнику: «Какая-то у васъ пьяная въ воротахъ валяется, чуть голову себѣ не проломилъ черезъ нее; уберите вы ее, что ли!»

Дворникъ пошелъ. Прачка умерла. Вотъ что разсказалъ мнѣ мой пріятель. Можно подумать, что я подобралъ факты—встрѣчу съ пятнадцатилѣтней проституткой и исторію съ этой прачкой; но пусть не думаютъ этого; это такъ точно было въ одну ночь—не помню только какого марта 1884 года.

И вотъ, отслушавъ разсказъ моего пріятеля, я пошелъ въ участокъ съ тѣмъ, чтобы оттуда пойти въ Ржановъ домъ узнать подробнѣе объ этой исторіи прачки. Погода была прекрасная, солнечная, опять сквозь звѣзды ночного мороза въ тѣни виднѣлась бѣгущая вода, а на припекѣ солнца, на Хамовнической площади, все таяло, и вода бѣжала. Отъ рѣки что-то шумѣло. Деревья Нескучнаго сада синѣли черезъ рѣку; порыжѣвшіе воробьи, незамѣтные зимой, такъ и бросались въ глаза своимъ весельемъ; люди какъ будто тоже хотѣли быть веселы, но у нихъ у всѣхъ было слишкомъ много заботы. Слышались звоны колоколовъ, и на фонѣ этихъ сливающихся звуковъ слышались изъ казармъ звуки пальбы, свистъ нарѣзныхъ пуль и чмоканье ихъ о мишень.

Я пришелъ въ участокъ. Въ участкѣ нѣсколько вооруженныхъ людей—городовыхъ—проводили меня къ своему начальнику. Онъ былъ также вооруженъ саблей и пистолетомъ и былъ занятъ какимъ-то распоряженіемъ объ ободранномъ, трясу-

щемся старикѣ, который стоялъ передъ нимъ и отъ слабости не могъ ясно выговорить того, что у него спрашивали. Окончивъ дѣло съ старикомъ, онъ обратился ко мнѣ. Я спросилъ о вчерашней дѣвкѣ. Онъ сначала внимательно слушалъ меня, но потомъ улыбнулся и тому, что я не знаю порядковъ, для чего ихъ водятъ въ участокъ, и особенно тому, что я былъ удивленъ ея молодостью.

— Помилуйте, да есть 12-ти лѣтъ, а 13 и 14-ти сплошь да рядомъ,—сказалъ онъ весело.

На вопросъ же мой о вчерашней онъ объяснилъ мнѣ, что ихъ, должно быть, отправили въ комитетъ (кажется, такъ). На вопросъ же мой, гдѣ онѣ ночевали, онъ отвѣчалъ опредѣленно. Той же, о которой я говорилъ, онъ не помнитъ: ихъ такъ много каждый день.

Въ Ржановомъ домѣ я въ 32-мъ номерѣ засталъ уже чтеніе дьячка надъ покойницей. Ее внесли на бывшую ея же койку, и жильцы, все голыши, собрали деньги на поминки, на гробъ и на саванъ, а старухи убрали ее и положили. Дьячокъ что-то читалъ въ темнотѣ, женщина въ салопѣ стояла съ восковой свѣчкой и съ такой же свѣчкой стоялъ человѣкъ (господинъ, надо бы сказать) въ чистомъ пальто съ барашковымъ воротникомъ, блестящихъ калошахъ и крахмальной сорочкѣ. Это былъ ея братъ. Его разыскали.

Я прошелъ мимо покойницы въ уголъ хозяйки и разспросилъ ее обо всемъ.

Она испугалась моихъ вопросовъ: она, очевидно, боялась, какъ бы ее не обвинили въ чемъ-нибудь; но потомъ она разговорилась и разсказала мнѣ все. Проходя назадъ я взглянулъ на покойницу. Всѣ покойники хороши, но эта была особенно хороша и трогательна въ своемъ гробу: чистое блѣдное лицо съ закрытыми выпуклыми глазами, съ ввалившимися щеками и русыми мягкими волосами надъ высокимъ лбомъ; лицо усталое, доброе и не грустное, но удивленное. И въ самомъ дѣлѣ, если живые не видятъ, то мертвые удивляются.

Въ тотъ день, какъ я записывалъ это, въ Москвѣ былъ большой балъ.

Въ эту ночь я вышелъ изъ дому въ 9-мъ часу. Живу я въ мѣстности, окруженной фабриками, и я вышелъ изъ дома послѣ свистковъ фабрикъ, которыя послѣ недѣли непрестанной работы выпустили народъ на свободный день.

Меня обгоняли, и я обгонялъ фабричныхъ, направлявшихся къ кабакамъ и трактирамъ. Многіе уже были пьяны, многіе были съ женщинами.

Я живу среди фабрикъ. Каждое утро въ 5 часовъ слышенъ одинъ свистокъ, другой, третій, десятый, дальше и дальше. Это значитъ, что началась работа женщинъ, дѣтей, стариковъ. Въ 8 часовъ другой свистокъ—это полчаса передышки; въ 12-ть третій—это часъ на обѣдъ, и въ 8 четвертый—это шабашъ.

По странной случайности всѣ три фабрики, находящіяся около меня, производятъ только предметы, нужные для баловъ.

На одной ближайшей фабрикѣ дѣлаютъ только чулки, на другой—шелковыя матеріи, на третьей—духи и помаду.

Можно слышать эти свистки и не соединять съ ними другого представленія, какъ опредѣленіе времени ихъ: «А вотъ уже свистокъ, значитъ пора идти гулять»; но можно соединять съ этими свистками то, что есть въ дѣйствительности: то, что первый свистокъ въ 5 часовъ утра значитъ то, что люди, часто вповалку мужчины съ женщинами, спавшіе въ сыромъ подвалѣ, поднимаются въ темнотѣ и спѣшатъ идти въ гудящій корпусъ и размѣщаются за работой, которой конца и пользы они для себя не видятъ, и работаютъ такъ, часто въ жару, въ духотѣ, въ грязи, съ самыми короткими перерывами, часъ, два, три... 12 и больше часовъ подъ рядъ. Засыпаютъ и опять поднимаются, и опять и опять продолжаютъ ту же безсмысленную для нихъ работу, къ которой они принуждены только нуждой.

И такъ проходитъ одна недѣля за другою съ перерывомъ праздниковъ. И вотъ я вижу этихъ рабочихъ, выпущенныхъ на одинъ изъ тѣхъ праздниковъ. Они выходятъ на улицу: вездѣ трактиры, царскіе кабаки, дѣвки. И они, пьяные, тащатъ другъ друга за руки и дѣвокъ, такихъ, какъ та, которую вели въ участокъ, тащатъ съ собой и нанимаютъ извозчиковъ, и ѣздятъ, и ходятъ изъ одного трактира въ другой, и ругаются, и шатаются, и говорятъ, сами не знаютъ что. Я прежде видалъ такія шатанія фабричныхъ и гадливо сторонился отъ нихъ, и чуть не упрекалъ ихъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я слышу каждый день эти свистки и знаю ихъ значеніе, я удивляюсь только тому, что не всѣ они, мужчины, приходятъ въ то состояніе золоторотцевъ, которыми полна Москва, а женщины—въ то положеніе дѣвки, которую я встрѣтилъ у моего дома.

Такъ я ходилъ, смотрѣлъ на этихъ фабричныхъ, пока они возились по улицамъ, часовъ до 11-ти. Потомъ движеніе ихъ стало затихать. Оставались кое - гдѣ пьяные, и кое - гдѣ попадались мужчины и женщины, проводимые въ участокъ. И вотъ показались со всѣхъ сторонъ кареты, всѣ направленныя въ одну сторону.

На козлахъ кучеръ, иногда въ тулупѣ; лакей - щеголь съ кокардой. Сытые рысаки въ попонахъ летятъ по морозу съ быстротой 20 верстъ въ часъ; въ каретѣ дамы, закутанныя въ ротонды и оберегающія цвѣты и прически. Все, начиная отъ сбруи на лошадяхъ, кареты, гуттаперчевыхъ колесъ, сукна на кафтанѣ кучера до чулокъ, башмаковъ, цвѣтовъ, бархата, перчатокъ, духовъ,—все это сдѣлано тѣми людьми, которые частью пьяные завалились на своихъ нарахъ въ спальняхъ, частью въ ночлежныхъ домахъ съ проститутками, частью разведены по сибиркамъ. Вотъ мимо нихъ во всемъ ихнемъ и на всемъ ихнемъ ѣдутъ посѣтители бала, и имъ и въ голову не приходитъ, что есть какая-нибудь связь между тѣмъ баломъ, на который они собираются, и этими пьяными, на которыхъ строго кричатъ ихъ кучера.

Люди эти съ самымъ спокойнымъ духомъ и увѣренностью, что они ничего дурного не дѣлаютъ, но что - то очень хорошее, веселятся на балѣ. Веселятся! Веселятся отъ 11-ти до 6-ти часовъ утра, въ самую глухую ночь, въ то время, какъ съ пустыми желудками валяются люди по ночлежнымъ домамъ и нѣкоторые умираютъ, какъ прачка.

Веселье въ томъ, что женщины и дѣвушки, оголивъ груди и наложивъ накладные зады, приводятъ себя въ такое неприличное состояніе, въ которомъ неиспорченная дѣвушка или женщина ни за что въ мірѣ не захочетъ показаться мужчинѣ; и въ этомъ полуобнаженномъ состояніи, съ выставленными голыми грудями, оголенными до плечъ руками, съ накладными задами и обтянутыми ляжками, при самомъ яркомъ свѣтѣ, женщины и дѣвушки, первая добродѣтель которыхъ всегда была стыдливость, являются среди чужихъ мужчинъ, тоже въ неприлично обтянутыхъ одеждахъ, и съ ними подъ звуки одурманивающей музыки обнимаются и кружатся. Старыя женщины, часто такъ же оголенныя, какъ и молодыя, сидятъ, глядятъ и ѣдятъ, и пьютъ то, что вкусно; мужчины старые дѣлаютъ то же. Не мудрено, что это дѣлается ночью, тогда, когда весь народъ спитъ, чтобы никто не видалъ этого. Но это дѣлается не для того, чтобы скрыть; имъ кажется, что тутъ и скрывать нечего, что это очень хорошо, что они этимъ весельемъ, въ которомъ губится трудъ мучительный тысячъ людей, не только никого не обижаютъ, но что этимъ самымъ они кормятъ бѣдныхъ людей.

Можетъ быть, очень весело на балахъ. Но какъ это сдѣлалось такъ? Вѣдь когда мы видимъ въ обществѣ и среди насъ, что есть одинъ человѣкъ, который не ѣлъ или озябъ, то намъ совѣстно быть веселыми и мы не можемъ быть веселы до тѣхъ

поръ, пока онъ не насытится, не говоря уже о томъ, что нельзя себѣ представить такихъ людей, могущихъ веселиться такимъ весельемъ, которое причиняетъ страданія другимъ. Намъ противно и непонятно веселье злыхъ мальчишекъ, которые зажмутъ собакѣ хвостъ въ лещетку и веселятся этимъ.

Такъ какъ же здѣсь въ нашихъ этихъ весельяхъ на насъ напала слѣпота и мы не видимъ той лещетки, которой мы зажали хвостъ всѣхъ тѣхъ людей, которые страдаютъ для нашего веселья?

Вѣдь каждая изъ женщинъ, которая поѣхала на этотъ балъ въ 150-ти рублевомъ платьѣ, не родилась на балѣ или у М-me Minanguoy, а она жила и въ деревнѣ, видѣла мужиковъ, знаетъ свою няню и горничную, у которой отцы и братья бѣдные, для которыхъ выработать 150 рублей на избу есть цѣль длинной трудовой жизни,—она знаетъ это, какъ же она могла веселиться, когда она знала, что на этомъ балѣ на своемъ оголенномъ тѣлѣ носила ту избу, которая есть мечта брата ея доброй горничной? Но, положимъ, она могла не сдѣлать этого соображенія; но того, что бархатъ и шелкъ, и конфеты, и цвѣты, и кружева, и платья не растутъ сами собой, а ихъ дѣлаютъ люди,—вѣдь этого, казалось бы, она не могла не знать; казалось бы, она не могла не знать того, какіе люди дѣлаютъ все это, при какихъ условіяхъ и зачѣмъ они дѣлаютъ это. Вѣдь она не можетъ не знать того, что швея, съ которой она еще бранилась, совсѣмъ не изъ любви къ ней дѣлала ей это платье; поэтому не можетъ не знать, что все это дѣлалось для нея изъ нужды, что такъ же, какъ ея платье, дѣлались и кружева, и цвѣты, и бархатъ. Но, можетъ быть, онѣ такъ отуманены, что и этого онѣ не соображаютъ? Но ужъ того, что пять или шесть человѣкъ старыхъ, почтенныхъ, часто хворыхъ лакеевъ, горничныхъ не спали и хлопотали изъ-за нея, этого она ужъ не могла не знать. Не могла она не знать тоже того, что въ эту ночь морозъ доходилъ до 28 градусовъ и что кучеръ-старикъ сидѣлъ въ этотъ морозъ всю ночь на козлахъ. Но я знаю, что онѣ точно не видятъ этого. И если онѣ, тѣ молодыя женщины и дѣвушки, которыя изъ-за гипнотизаціи, производимой надъ ними баломъ, не видятъ всего этого,—ихъ нельзя судить; онѣ, бѣдняжки, дѣлаютъ то, что считаютъ старшіе хорошимъ; но старшіе-то какъ объяснятъ эту свою жестокость къ людямъ?

Старшіе дадутъ всегда одно объясненіе: «я никого не принуждаю: вещи я покупаю, людей, горничныхъ, кучеровъ я нанимаю. Покупать и нанимать — въ этомъ нѣтъ ничего дур-

ного. Я не принуждаю никого, я нанимаю, что жъ тутъ дурного?»

На-дняхъ я зашелъ къ одному знакомому. Проходя первую комнату, я удивился, увидавъ двухъ женщинъ за столомъ, зная, что знакомый мой холостякъ. Худая, желтая, старообразная женщина, лѣтъ 30-ти, въ накинутомъ платкѣ, быстро что-то дѣлала руками и пальцами надъ столомъ, нервно вздрагивая, точно въ какомъ-то припадкѣ. Наискось сидѣла дѣвочка и точно такъ же что-то дѣлала, точно такъ же вздрагивала. Обѣ женщины, казалось, были одержимы пляской св. Витта. Я подошелъ ближе и вглядѣлся въ то, что онѣ дѣлали. Онѣ вскинули на меня глазами и такъ же сосредоточенно продолжали свое дѣло. Передъ ними лежалъ разсыпанный табакъ и патроны. Онѣ дѣлали папиросы. Женщина растирала табакъ въ ладоняхъ, захватывала въ машинку, надѣвала патроны и кидала дѣвочкѣ. Дѣвочка свертывала бумажки и, всовывая, кидала и бралась за другую. Все это дѣлалось съ такой быстротой, съ такимъ напряженіемъ, что нельзя описать этого Я выразилъ удивленіе ихъ быстротѣ.

— Четырнадцать лѣтъ только одно дѣлаю, — сказала женщина.

— Что же, трудно?

— Да, въ груди болитъ, да и духъ тяжелый.

Впрочемъ, ей не нужно было и говорить этого. Довольно было взглянуть на нее, довольно было взглянуть на дѣвочку. Она занимается этимъ третій годъ, но всякій, увидавъ ее не за этимъ занятіемъ, скажетъ, что это сильный организмъ, который уже началъ разрушаться. Знакомый мой, добрый и либеральный человѣкъ, нанялъ этихъ женщинъ набивать себѣ папироски за 2 руб. 50 коп. за тысячу. У него есть деньги, и онъ даетъ ихъ за работу,—что̀ жъ тутъ дурного? Знакомый мой встаетъ часовъ въ 12. Вечеръ, отъ 6 до 2, проводитъ за картами или за фортепіано, питается вкуснымъ и сладкимъ; всѣ работы на него дѣлаютъ другіе. Онъ выдумываетъ себѣ новое удовольствіе — курить. Онъ на моей памяти сталъ курить.

Есть женщина и дѣвочка, которыя еле-еле могутъ питаться тѣмъ, что превращаютъ себя въ машину и всю жизнь проводятъ, вдыхая табакъ и губя этимъ свою жизнь. У него есть деньги, которыя онъ не заработалъ, и онъ предпочитаетъ играть въ винтъ, чѣмъ дѣлать себѣ папиросы. Онъ даетъ этимъ женщинамъ деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ продолжали жить такъ же несчастно, какъ онѣ живутъ, т.-е. дѣлая для него папироски.

Я люблю чистоту и даю деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы прачка вымыла ту рубашку, которую я смѣняю два раза въ день, и эта рубашка надорвала послѣднія силы прачки, и она умерла.

Что жъ тутъ дурного? Люди, покупающіе и нанимающіе, и безъ меня будутъ заставлять другихъ дѣлать бархатъ и конфеты и покупать ихъ, и безъ меня будутъ нанимать дѣлать папироски и мыть рубашки. Такъ отчего же мнѣ лишать себя бархата и конфетъ, и папиросъ, и чистыхъ рубашекъ, если это ужъ разъ заведено? Я часто, почти всегда, слышу это разсужденіе. Разсужденіе это — то самое, которое сдѣлаетъ обезумѣвшая толпа, разрушая что-нибудь. Это то самое разсужденіе, которымъ руководятся собаки, когда одна изъ нихъ бросилась и повалила другую, а остальныя набрасываются и разрываютъ ее въ куски. Ужъ начали, попортили, такъ отчего же и мнѣ не попользоваться? Ну, что же будетъ, если я буду носить грязную рубашку и дѣлать самъ себѣ папироски? Развѣ кому-нибудь будетъ легче? — спрашиваютъ люди, которымъ хочется оправдать себя. Если бы мы не были такъ далеки отъ истины, то на такой вопросъ совѣстно бы было отвѣчать; но мы такъ запутались, что вопросъ этотъ кажется намъ очень естественнымъ, и потому хоть и совѣстно, но надо отвѣчать на него.

Какая разница будетъ, если я стану носить рубашку недѣлю, а не день, и дѣлать себѣ самъ папироски или вовсе не курить?

Та разница, что какая-то прачка и какая-то дѣлательница папиросъ будутъ меньше напрягать свои силы, и то, что я давалъ за мытье и дѣланіе папиросъ, я могу отдать той прачкѣ или даже совсѣмъ другимъ прачкамъ и работникамъ, которые устали отъ своей работы и которые вмѣсто того, чтобы черезъ силу работать, будутъ въ состояніи отдохнуть и напиться чаю. Но я и на это слышалъ возраженія. (Такъ совѣстно богатымъ и роскошнымъ людямъ понять свое положеніе!) На это говорятъ: «Если я буду ходить въ грязномъ бѣльѣ и не курить, а отдавать эти деньги бѣднымъ, то у бѣдныхъ все-таки отберутъ все, и та ваша капля въ морѣ не поможетъ».

На такое возраженіе еще совѣстнѣе отвѣчать, но надо отвѣчать. Это такое обычное возраженіе. Отвѣтъ на это простой.

Если я заѣхалъ къ дикимъ и они угостили меня котлетами, которыя мнѣ показались вкусными, и я на другой день узналъ (можетъ быть, и самъ видѣлъ), что вкусныя котлеты эти сдѣланы изъ человѣка плѣннаго, котораго убили, чтобъ сдѣлать вкусныя котлеты. Если я не признаю хорошимъ ѣсть людей, то какъ

бы вкусны ни были котлеты, какъ бы ни былъ общъ обычай поѣданія людей между моими сожителями, какъ бы ни ничтожна была польза для плѣнныхъ, приготовленныхъ для съѣденія, отъ моего отказа отъ котлетъ, я не буду и не могу больше ѣсть ихъ. Можетъ быть, я съѣмъ и человѣческое мясо, когда голодъ заставитъ меня сдѣлать это, но не буду дѣлать угощеній и не буду участвовать въ угощеніи человѣческимъ мясомъ, и не буду искать такихъ угощеній и гордиться моимъ участіемъ въ нихъ.

XXV.

Но что́ же дѣлать? Вѣдь не мы сдѣлали это? Не мы, такъ кто же? Мы говоримъ: не мы это сдѣлали, это сдѣлалось само, какъ дѣти говорятъ, когда они разобьютъ что-нибудь, что это само разбилось. Мы говоримъ, что разъ уже есть города, живя въ нихъ, мы кормимъ людей, покупая трудъ за услугу ихъ.

Но это неправда. И вотъ почему стоитъ только посмотрѣть на насъ, какъ мы живемъ въ деревнѣ и какъ мы тамъ кормимъ людей.

Проходитъ зима въ городѣ, проходитъ Святая. Въ городѣ продолжается все та же оргія богачей. На бульварахъ, въ садахъ, въ паркахъ, на рѣкѣ музыка, театры, катанья, гулянья, всякія освѣщенія, фейерверки; но въ деревнѣ еще лучше,— воздухъ чище, деревья, луга, цвѣты свѣжѣе. Надо ѣхать туда, гдѣ все это распустилось и цвѣтетъ. И вотъ большинство богатыхъ, пользующихся трудомъ другихъ людей, уѣзжаетъ по деревнямъ дышать этимъ еще лучшимъ воздухомъ, смотрѣть на эти еще лучшіе луга и лѣса.

И вотъ въ деревнѣ, среди сѣрыхъ, питающихся хлѣбомъ да лукомъ, работающихъ по 18-ти часовъ въ день, недосыпающихъ ночи и одѣтыхъ въ рубище мужиковъ, поселяются богатые люди. Здѣсь уже никто не соблазнялъ этихъ людей, не было никакихъ фабрикъ и заводовъ и нѣтъ тѣхъ гулящихъ рукъ, которыхъ такъ много въ городѣ и которыя мы будто бы кормимъ, давая имъ работу. Здѣсь вѣдь народъ никогда все лѣто не поспѣваетъ сдѣлать своихъ дѣлъ во-время и не только нѣтъ гулящихъ рукъ, а пропасть добра гибнетъ отъ недостатка рукъ, и пропасть людей — дѣтей, стариковъ, женщинъ съ дѣтьми, гибнутъ, надрываясь надъ непосильной работой. Какъ же тутъ устраиваютъ свою жизнь богатые люди?

А вотъ какъ. Если былъ старинный домъ, построенный при крѣпостномъ правѣ, то домъ этотъ возобновляется и украшается; если не было, то строится новый, — въ два, три этажа.

Комнаты, которыхъ отъ 12 ти до 20-ти и больше, всѣ аршинъ по 6-ти вышины.

Настилаются паркеты, цѣльныя стекла въ рамахъ, дорогіе ковры, дорогая мебель,—рублей отъ 200 до 600, шкафъ буфетный.

Около дома набивается камень, выравнивается, разбиваютъ цвѣтники, устраиваютъ крокетъ-граунды, ставятъ гигантскіе шаги, отражающіе шары, часто оранжереи, парники, всегда съ вырѣзушками на конькахъ, высокія конюшни. Все красится масляной краской, на томъ маслѣ, котораго нѣтъ у стариковъ и дѣтей въ кашѣ. Если хватаетъ возможности у богатаго человѣка, то онъ поселяется въ такомъ домѣ, если не хватаетъ, то нанимаетъ такой домъ; но какъ бы ни бѣденъ и не либераленъ былъ человѣкъ нашего круга, поселяющійся въ деревнѣ, онъ поселяется въ такомъ домѣ, для постройки и поддержанія чистоты, въ которомъ нужно отнять отъ рабочаго народа десятки людей, не успѣвающихъ обрабатывать свой хлѣбъ для пропитанія.

Тутъ ужъ нельзя говорить, что фабрики есть и все равно будутъ, буду ли я или не буду пользоваться ими; тутъ ужъ нельзя говорить, что я кормлю гулящія руки; тутъ прямо мы заводимъ фабрики нужныхъ намъ вещей и прямо, пользуясь нуждою окружающихъ насъ, отрываемъ людей отъ необходимой для нихъ и для насъ, и для всѣхъ работы и тѣмъ развращаемъ однихъ и губимъ жизнь и здоровье другихъ людей.

Вотъ живетъ въ деревнѣ образованное дворянское или чиновничье семейство.

Всѣ члены семейства и гости собрались въ половинѣ іюня вслѣдствіе того, что до іюня они учились и сдавали экзамены, т.-е. къ началу покоса, и прожили до сентября, т.-е. до уборки и посѣва. Члены этого семейства (какъ почти всѣ люди этого круга) прожили въ деревнѣ отъ начала спѣшной работы, страды не до конца ея (потому что въ сентябрѣ идетъ еще посѣвъ, копка картофеля), но до ослабленія напряженія этой работы.

Все время ихъ житья въ деревнѣ вокругъ нихъ, рядомъ съ ними шла та лѣтняя крестьянская работа, о напряженіи которой, сколько бы ни слышали, ни читали про нее, ни смотрѣли на нее, мы не можемъ себѣ составить никакого понятія, не испытавъ ея.

И члены семейства, около 10-ти человѣкъ, жили точно такъ же, какъ и въ городѣ, еще хуже, если это возможно, чѣмъ въ городѣ, потому что тутъ, въ деревнѣ, считалось, что члены семейства отдыхали (отъ ничегонедѣланья) и уже не имѣли

всѣ никакого подобія труда, никакой отговорки въ своей праздности.

Петровками — голоднымъ постомъ, когда пища народа — квасъ, хлѣбъ и лукъ, — начинается покосъ. Господа, живущіе въ деревнѣ, видятъ эту работу, отчасти распоряжаются ею, отчасти любуются ею, утѣшаются запахомъ вянущаго сѣна, звукомъ бабьихъ пѣсенъ, лязганьемъ косъ и видомъ рядовъ косцовъ и гребущихъ бабъ.

Они видятъ это и около дома, и когда ѣдутъ молодые и дѣти, ничего не дѣлая цѣлый день, непремѣнно ѣдутъ на сытыхъ лошадяхъ за полверсты купаться.

Дѣло, которое дѣлается на покосѣ,—одно изъ самыхъ важныхъ въ мірѣ. Почти всякій годъ отъ недостатка рукъ и времени остаются покосы не докошены и отъ недостатка времени и рукъ могутъ попасть подъ дожди, и болѣе или менѣе напряженная работа рѣшаетъ вопросъ о томъ, прибавится ли къ богатству людей 20 или болѣе процентовъ сѣна, или они сгніютъ, или выболѣютъ на корню. А прибавится сѣна — прибавится и мясо для стариковъ, молоко для дѣтей. Такъ — вообще, въ частности же для каждаго изъ косцовъ тутъ рѣшается вопросъ о хлѣбѣ, молокѣ себѣ и дѣтямъ на зиму. Каждый изъ работниковъ и работницъ знаетъ это, даже дѣти, и тѣ знаютъ, что это дѣло важное и надо трудиться изъ послѣднихъ силъ, нести кувшинчикъ съ квасомъ къ отцу на покосъ и, перехватывая изъ руки въ руку тяжелый кувшинъ, пробѣжать босикомъ, какъ можно скорѣе, двѣ версты отъ деревни, чтобы поспѣть къ обѣду и батька не забранился. Каждый знаетъ, что съ покоса и до уборки уже перерыва работы не будетъ и отдыхать некогда.

Не одинъ покосъ; у каждаго, кромѣ покоса, еще дѣла: и землю поднять, и заскородить; у бабъ холсты, и хлѣбы, и стирка, а у мужиковъ на мельницу съѣздить надо, и на судъ судьѣ и десятскому, и подводы, и лошадей кормить по ночамъ,—и всѣ, старый и малый, и больной, тянутъ изъ послѣднихъ силъ. Работаютъ мужики такъ, что всякій разъ косцы передъ концомъ упряжки — слабые, подростки и старые еле-еле, пошатываясь, проходятъ послѣдніе ряды и насилу поднимаются послѣ отдыха, такъ же работаютъ и бабы, часто брюхатыя и кормящія.

Работа напряженная и неустанная. Всѣ работаютъ изъ послѣднихъ силъ и выдаютъ въ эту работу не только весь запасъ своей скудной пищи, но и прежніе запасы; они всѣ, не толстые, худѣютъ послѣ страды.

Вотъ работаетъ покосъ маленькая артель: три мужика — одинъ старикъ, другой—его племянникъ, малый-женатый, и са-

пожникъ—дворовый, худенькій, жилистый человѣкъ; для всѣхъ ихъ покосъ этотъ рѣшаетъ участь зимы: надо ли держать корову, отдать ли подати? Работаютъ вторую недѣлю. Дождь задержалъ ихъ работу. Послѣ дождя, когда обдуло, они рѣшили копнить и, чтобы было успѣшнѣй, рѣшили выйти по двѣ бабы на косу. Со стороны старика вышла его жена, 50-лѣтняя, изведшаяся отъ работы, 11-ти родовъ женщина, глухая, но работающая еще очень сильно, да 13-лѣтняя дочь, не высокая, но ухватливая и сильная дѣвочка. Со стороны племянника вышла его жена, женщина сильная и рослая, какъ добрый мужикъ, и его невѣстка — брюхатая солдатка. Со стороны сапожника — его жена, сильная работница, и ея мать—старуха, доживающая восьмой десятокъ и обыкновенно побирающаяся. Всѣ они равняются и работаютъ съ утра до вечера на самомъ припорѣ іюньскаго солнца. Жалко оторваться отъ работы, чтобы принесть воды или квасу.

Крошечный мальчишка, внукъ старухи, таскаетъ воду. Старуха, видимо озабоченная только тѣмъ, чтобы ее не согнали съ работы, не выпуская изъ рукъ грабли, очевидно съ трудомъ, насилу движется. Мальчишка, весь изогнувшись, коротко переступая босыми ножонками, таскаетъ, перехватывая изъ руки въ руку, кувшинъ съ водой, который тяжелѣе его. Дѣвочка взваливаетъ на плечо беремя сѣна, тоже тяжелѣе себя, переходитъ нѣсколько и останавливается, и сваливаетъ, не въ силахъ донести его. Старуха 50-ти лѣтъ загребаетъ безъ-устали и съ сбитымъ на сторону платкомъ таскаетъ сѣно, тяжело дыша и пошатываясь; 80-лѣтняя старуха только гребетъ, но и это ей черезъ силу; она медленно волочитъ свои обутыя въ лапти ноги и, насупившись, мрачно смотритъ передъ собой, какъ тяжко больной или умирающій человѣкъ. Старикъ нарочно отсылаетъ ее дальше отъ другихъ погрести около копенъ, чтобы она не равнялась съ другими, но она не покладаетъ рукъ и съ тѣмъ же мертвымъ мрачнымъ лицомъ работаетъ, пока другіе работаютъ.

Солнце уже заходитъ за лѣсъ, а копны еще не всѣ прибраны, остается еще много.

Всѣ чувствуютъ, что пора шабашить, но никто не говоритъ, ожидая того, чтобы сказали это другіе. Наконецъ сапожникъ, чувствуя, что силъ уже нѣтъ, предлагаетъ старику оставить копны до завтра, и старикъ соглашается, и тотчасъ бабы бѣгутъ за одежей, за кувшинами, за вилами, и сейчасъ же старуха садится, гдѣ стояла, и потомъ ложится, все тѣмъ же мертвымъ взглядомъ глядя передъ собой. Но бабы уходятъ, она кряхтя поднимается и тащится за ними.

А вотъ барскій домъ. Въ тотъ же вечеръ, когда со стороны деревни слышатся побрякиванія брусницъ измученныхъ косцовъ, возвращающихся съ покоса, звуки молотка по отбою, крики бабъ и дѣвокъ, только что успѣвшихъ поставить грабли и уже бѣгущихъ загонять скотъ, — съ барскаго двора слышатся другіе звуки: дринь, дринь, дринь! слышится фортепіано, разливается какая-то венгерская пѣсня и изъ-за этихъ пѣсенъ изрѣдка звукъ ударовъ молотковъ крокета по шарамъ. У конюшни стоитъ коляска, запряженная сытой четверней. Это коляска щегольского ямщика.

Пріѣхали гости и заплатили 10 рублей за проѣздъ 15 верстъ. Лошади, стоя у коляски, побрякиваютъ бубенчиками. Въ колясккѣ у нихъ сѣно, которое они копаютъ подъ ноги, то самое сѣно, которое крестьяне съ такимъ трудомъ сбираютъ. На барскомъ дворѣ движеніе; здоровый отъѣвшійся малый въ розовой, подаренной ему за его службу дворникомъ, рубашкѣ зоветъ кучеровъ запрягать и сѣдлать лошадей. Два мужика, жившіе тутъ въ кучерахъ, выходятъ изъ кучерской и идутъ вольготно, размахивая руками, сѣдлать лошадей господамъ.

Еще ближе къ барскому дому слышатся звуки другого фортепіано. Это Шумана практикуетъ консерваторка, живущая у господъ для обученія дѣтей. Звуки одного фортепіано перебиваютъ звуки другого. Около самаго дома идутъ двѣ няни: одна молодая, другая старая, ведутъ и несутъ спать дѣтей такого возраста, какого тѣ, которыя прибѣгали изъ деревни съ кувшинами. Одна няня — англичанка, не умѣющая говорить по-русски. Она выписана изъ Англіи не съ тѣмъ, что за нею извѣстны какія-нибудь качества, а только потому, что она не умѣетъ говорить по-русски. Дальше еще особа — француженка, которая тоже приглашена затѣмъ, что не знаетъ по-русски. Дальше одинъ мужикъ съ двумя бабами поливаетъ цвѣты около дома, другой чиститъ ружье для барчука.

А вотъ двѣ бабы несутъ корзину съ чистымъ бѣльемъ — это онѣ обмывали всѣхъ господъ, англичанокъ и француженокъ. Въ домѣ двѣ бабы едва поспѣваютъ мыть посуду за господами, которые только что откушали, и два мужика во фракахъ бѣгаютъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, подавая кофе, чай, вино, воду сельтерскую. Наверху столъ уставленъ: только что кончили ѣсть, и тотчасъ опять будутъ ѣсть до пѣтуховъ, до 12-ти и 3-хъ, до зари часто.

Одни сидятъ и курятъ за картами, другіе сидятъ и курятъ за либеральными разговорами, третьи ходятъ изъ мѣста въ мѣсто, ѣдятъ, курятъ и, не зная, что̀ имъ дѣлать, выдумали ѣхать ка-

таться. Ихъ человѣкъ пятнадцать здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, и человѣкъ 30 здоровенныхъ работниковъ и работницъ работаютъ на нихъ.

И это происходитъ тамъ, гдѣ каждый часъ, каждый мальчикъ дорогъ. И это будетъ происходить и въ іюлѣ, когда мужики, не высыпаясь, будутъ по ночамъ косить овесъ, чтобы онъ не сыпался, и бабы—темно вставать, обмолачивать старновки для свяселъ, когда эта старуха, уже совсѣмъ затянутая работой на жнитвѣ, и беременныя женщины, и молодые ребята надорвутся и обопьются, и когда не будетъ хватать ни рукъ, ни лошадей, ни телѣгъ, чтобы свезти въ скирды тотъ хлѣбъ, которымъ кормятся всѣ люди, котораго милліоны пудовъ нужно на день въ Россіи, чтобы не померли люди; и въ это время такая жизнь господъ будетъ продолжаться, будутъ театры, пикники, охота, питье, ѣда, фортепіано, пѣніе, пляска, неперестающая оргія.

Вѣдь тутъ уже нельзя отговариваться тѣмъ, что это заведено: ничего этого не было заведено. Мы сами старательно заводимъ эту жизнь, отнимая хлѣбъ и трудъ отъ замученныхъ работой людей. Мы живемъ такъ, какъ будто нѣтъ никакой связи между умирающей прачкой, 14-лѣтней проституткой, измученными дѣланіемъ папиросъ женщинами, напряженной, непосильной, безъ достаточной пищи работой старухъ и дѣтей вокругъ насъ; мы живемъ, — наслаждаемся, роскошествуемъ, какъ будто нѣтъ связи между этимъ и нашей жизнью; мы не хотимъ видѣть того, что, не будь нашей праздной, и роскошной, и развратной жизни, не будетъ и этого непосильнаго труда, а не будь непосильнаго труда, не будетъ нашей жизни.

Намъ кажется, что страданія сами по себѣ, а наша жизнь сама по себѣ, и что мы, живя, какъ мы живемъ, невинны и чисты, какъ голуби.

Мы читаемъ описанія жизни римлянъ и удивляемся безчеловѣчности этихъ бездушныхъ Лукулловъ, упитывавшихся яствами и питьями, когда народъ умираетъ съ голода; мы покачиваемъ головами и удивляемся дикости нашихъ дѣдовъ - крѣпостниковъ, заводившихъ оркестры и театры и цѣлыя деревни назначавшихъ на содержаніе садовъ, и удивляемся съ высоты нашего величія на ихъ негуманность.

Мы читаемъ слова Исаіи, V:

8.—«Горе вамъ, пріобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, пока не будетъ мѣста, чтобы вамъ однимъ только жить на землѣ.

11. Горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры, остаются до поздняго вечера, чтобы разгорячаться виномъ.

12. И арфа, и гусли, и тимпанъ, и свирѣль, и вино ихъ пиршество; но не взираютъ они на дѣло Господа и не видятъ дѣйствія рукъ Его.

18. Горе тѣмъ, которые привлекаютъ къ себѣ беззаконіе грѣховными узами и грѣхъ какъ бы колесничными ремнями.

20. Горе тѣмъ, которые называютъ зло добромъ и добро — зломъ, которые выдаютъ тьму за свѣтъ и свѣтъ за тьму, которые выдаютъ горькое за сладкое и сладкое за горькое.

21. Горе мудрымъ въ глазахъ своихъ и разумнымъ передъ самими собою.

22. Горе тѣмъ, которыхъ храбрость пить вино и доблесть растворять сикеру.

23. Которые оправдываютъ беззаконнаго изъ-за подарковъ и отнимаютъ у праваго законное».

Мы читаемъ эти слова, и намъ кажется, что это къ намъ не относится.

Мы читаемъ въ Евангеліи Мѳ. III, 10.

«Уже и сѣкира при корнѣ дерева лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь».

И мы вполнѣ увѣрены, что хорошее дерево, приносящее плодъ, есть мы самые и что слова эти не намъ сказаны, а какимъ-то другимъ, дурнымъ людямъ.

Мы читаемъ слова Исаіи, VI:

10. «Ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ я исцѣлилъ ихъ.

11. И сказалъ я: на долго ли, Господи? Онъ сказалъ: доколѣ не опустѣютъ города и останутся безъ жителей, и домы безъ людей и доколѣ земля эта не совсѣмъ опустѣетъ».

Мы читаемъ и вполнѣ увѣрены, что это удивительное дѣло сдѣлано не надъ нами, а надъ какимъ-то другимъ народомъ. А оттого-то мы и не видимъ ничего, что это удивительное дѣло совершилось и совершается надъ нами: мы не слышимъ, мы не видимъ и не разумѣемъ сердцемъ. Отчего это случилось?

XXVI.

Какимъ образомъ можетъ человѣкъ, считающій себя — не говорю уже, христіаниномъ, не говорю, образованнымъ человѣкомъ, попросту человѣкъ, не лишенный совершенно разсудка

и совѣсти, жить такъ, чтобы, не принимая участія въ борьбѣ за жизнь всего человѣчества, только поглощать труды борющихся за жизнь людей и своими требованіями увеличивать трудъ борющихся и число гибнущихъ въ этой борьбѣ? А такими людьми полонъ нашъ такъ называемый христіанскій и образованный міръ. Мало того, что такими людьми полонъ нашъ міръ, — идеалъ людей нашего христіанскаго образованнаго міра есть пріобрѣтеніе наибольшаго состоянія, т.-е. возможности богатства, дающаго удобства и праздность жизни, т.-е. освобожденіе себя отъ борьбы за жизнь и наибольшаго пользованія трудомъ гибнущихъ въ этой борьбѣ братьевъ. Число такихъ людей, строящихъ свою жизнь по этому идеалу съ каждымъ днемъ и годомъ постоянно увеличивается. Какъ могли люди впасть въ такое удивительное заблужденіе? Какимъ образомъ могли они дойти до того, чтобы не видѣть, не слышать и не разумѣть сердцемъ того, что такъ ясно, несомнѣнно и очевидно?

Вѣдь стоитъ только на минуту одуматься, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ удивительнымъ противорѣчіемъ нашей жизни съ тѣмъ, что мы исповѣдуемъ, мы, такъ называемые — не говорю уже христіане, но мы, гуманные, образованные люди.

Хорошо ли, дурно ли сдѣлалъ тотъ Богъ или тотъ законъ природы, по которому существуетъ міръ и люди; но положеніе людей въ мірѣ, съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его, таково, что люди голые, безъ шерсти на тѣлѣ, безъ норъ, въ которыхъ бы они могли укрыться, безъ пищи, которую бы они могли находить въ полѣ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, — всѣ поставлены въ необходимость постоянно и неустанно бороться съ природою для того, чтобы прикрыть тѣло, сдѣлать себѣ одежду, огородиться, сдѣлать крышу надъ головой и сработать пищу, чтобы два или три раза въ день утолить свой голодъ и голодъ своихъ немогущихъ работать дѣтей и стариковъ.

Гдѣ бы, въ какое время и въ какомъ числѣ мы бы ни наблюдали жизнь людей, въ Европѣ ли, въ Америкѣ ли, въ Китаѣ, въ Россіи, все ли будемъ разсматривать человѣчество или какую-нибудь малую часть его, въ древнія ли времена, въ кочевомъ состояніи или въ наше, съ паровыми двигателями, швейными машинами, электрическимъ свѣтомъ, съ орудіями и съ усовершенствованнымъ земледѣліемъ, мы увидимъ одно и то же: что люди, непрестанно и напряженно работая, не въ силахъ пріобрѣсти для себя и для своихъ малыхъ и старыхъ одежды, крова и пищи и что значительная часть людей какъ прежде, такъ и теперь гибнетъ отъ недостатка средствъ жизни и непосильнаго труда для пріобрѣтенія ихъ.

Гдѣ бы мы ни жили, если мы проведемъ вокругъ себя кругъ въ сто тысячъ, въ тысячу, въ десять верстъ, въ одну версту и посмотримъ на жизнь тѣхъ людей, которыхъ захватитъ нашъ кругъ, мы увидимъ въ этомъ кругу: заморышей дѣтей, стариковъ, старухъ, родильницъ, больныхъ и слабыхъ, работающихъ сверхъ силъ и не имѣющихъ достаточно для жизни пищи и отдыха и оттого преждевременно умирающихъ; увидимъ людей, въ силѣ возраста прямо убиваемыхъ опасной и вредной работой.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, мы видимъ, что люди съ страшнымъ напряженіемъ, лишеніями и страданіями борются съ своей общей нуждой и не могутъ одолѣть ее. Мы знаемъ, кромѣ того, что каждый изъ насъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и какъ бы онъ ни жилъ, волей-неволей каждый день, каждый часъ поглощаетъ для себя часть трудовъ, выработанныхъ человѣчествомъ. Гдѣ бы и какъ бы онъ ни жилъ, — домъ, крыша надъ нимъ не выросли сами собой. Дрова въ его печи не пришли сами, такъ же не пришла вода и не свалился съ неба печеный хлѣбъ, обѣдъ, одежда и обувь, а все это сдѣлали для него не одни люди прошедшаго. уже умершіе, но это сдѣлали и дѣлаютъ для него теперь тѣ люди, изъ которыхъ сотни и тысячи чахнутъ и мрутъ въ тщетныхъ усиліяхъ добыванія самимъ себѣ и своимъ дѣтямъ достаточныхъ крова, пищи и одежды — средствъ спасенія себя и ихъ отъ страданій и преждевременной смерти. Всѣ люди борются съ нуждою. Борются такъ напряженно, что всякую секунду вокругъ нихъ гибнутъ ихъ братья, — отцы, матери, дѣти.

Люди въ этомъ мірѣ, какъ на заливаемомъ кораблѣ съ небольшимъ запасомъ пищи, всѣ поставлены Богомъ или природою въ такое положеніе, что должны, сберегая эту пищу, не переставая отливаться отъ нужды. Всякая остановка въ этомъ трудѣ каждаго изъ насъ, всякое безполезное для общаго дѣла поглощеніе труда другихъ гибельно и для насъ самихъ и для нашихъ братьевъ.

Какимъ же образомъ случилось то, что большинство образованныхъ людей нашего времени, не работая, спокойно поглощаетъ труды другихъ людей, необходимые для жизни, и считаетъ такую жизнь самою естественною и разумною?

Для того, чтобы освободить себя отъ свойственнаго и естественнаго всѣмъ труда, перенести его на другихъ и не считать себя при этомъ измѣнниками и ворами, возможно только два предположенія: 1-е, что мы, люди, не принимающіе участія въ общемъ трудѣ, мы — особенныя существа отъ рабочихъ людей и имѣемъ особенное назначеніе въ обществѣ такъ же, какъ трут-

ни или пчелиныя матки, имѣющіе другое назначеніе отъ рабочихъ пчелъ; и 2-е, что то дѣло, которое мы, люди, освобожденные отъ борьбы за жизнь, дѣлаемъ за остальныхъ людей, такъ полезно для всѣхъ людей, что навѣрное выкупаетъ тотъ вредъ, который мы дѣлаемъ другимъ людямъ, отягчая ихъ положеніе.

Въ прежнія времена люди, пользовавшіеся трудами другихъ, утверждали, во-первыхъ, что они—люди особенной породы и, во-вторыхъ, имѣютъ особенное назначеніе отъ Бога заботиться о благѣ остальныхъ людей, т.-е. управлять ими или учить ихъ, и потому они увѣряли другихъ и часто вѣрили сами, что то дѣло, которое они исполняютъ, нужнѣе и важнѣе для народа, чѣмъ тѣ труды, которыми они пользовались. И это оправданіе до тѣхъ поръ, пока не было сомнѣнія въ непосредственномъ вмѣшательствѣ Божества въ людскія дѣла и въ различіе породъ, было достаточно. Но съ христіанствомъ и вытекающимъ изъ него сознаніемъ равенства и единства всѣхъ людей оправданіе это уже не могло быть выставляемо въ прежней формѣ. Нельзя ужне было утверждать, что люди родятся разныхъ породъ и достоинствъ и съ различнымъ назначеніемъ, и старое оправданіе, хотя поддерживаемое еще нѣкоторыми людьми, понемногу уничтожалось и почти уничтожилось.

Оправданіе особенности породъ людскихъ уничтожилось; но самый фактъ освобожденія себя отъ труда и пользованія трудомъ другихъ — для тѣхъ, которые имѣютъ власть это дѣлать— остался тотъ же, и для существующаго факта постоянно были придумываемы новыя оправданія, такія, при которыхъ и безъ признанія особенности породъ людей освобожденіе себя отъ труда тѣхъ людей, которые могутъ дѣлать это, казалось бы справедливымъ. Такихъ оправданій было придумываемо очень много. Какъ ни странно это можетъ показаться, главная дѣятельность всего того, что называлось въ извѣстное время наукой, того, что составляло царствующее направленіе науки, было и теперь продолжаетъ состоять въ отысканіи такихъ оправданій. Это было цѣлью дѣятельности богословскихъ, это было цѣлью и юридическихъ наукъ, это было цѣлью такъ называемой философіи и это стало въ послѣднее время (какъ это ни кажется страннымъ для насъ, современниковъ, пользующихся этимъ оправданіемъ) цѣлью дѣятельности современной опытной науки.

Всѣ богословскія тонкости, стремящіяся доказать, что данная церковь есть единая истинная преемница Христа, и потому она одна имѣетъ полную и безконечную власть надъ душами, да и надъ тѣлами людей, главнымъ мотивомъ своей дѣятельности имѣютъ эту цѣль.

Всѣ науки юридическія: государственное, уголовное, гражданское, международное право, имѣютъ одно это назначеніе; большинство философскихъ теорій, въ особенности столь долго царствовавшая теорія Гегеля съ его положеніемъ разумности существующаго и того, что государство есть необходимая форма совершенствованія личности, имѣютъ одну эту цѣль.

Позитивная философія Конта и вытекающее изъ нея ученіе о томъ, что человѣчество есть организмъ, ученіе Дарвина о законѣ борьбы за существованіе, руководящемъ будто бы жизнью, и вытекающее изъ него различіе породъ людскихъ, столь любимыя теперь антропологія, біологія и соціологія имѣютъ одну эту цѣль. Всѣ эти науки стали любимыми науками, потому что онѣ всѣ служатъ оправданію существующаго освобожденія себя одними людьми отъ человѣческой обязанности труда и поглощенія ими труда другихъ.

Всѣ эти теоріи, какъ и всегда это бываетъ, вырабатываются въ таинственныхъ капищахъ жрецовъ и въ неопредѣленныхъ, неясныхъ выраженіяхъ распространяются въ массахъ и усваиваются ими. Какъ въ старину всѣ тонкости богословскія, оправдывавшія насиліе церковной и государственной власти оставались спеціальнымъ достояніемъ жрецовъ, а въ толпѣ ходили принимаемые на вѣру готовые выводы о томъ, что власть царей, духовенства и дворянъ священна, такъ потомъ философскія и юридическія тонкости, такъ называемыя науки, были достояніемъ жрецовъ этой науки, а въ толпѣ ходили только принимаемые на вѣру выводы о томъ, что устройство общества должно быть такое, какое есть, и иного быть не можетъ.

И такъ же и теперь только въ капищахъ жрецовъ разбираются законы жизни и развитія организмовъ; въ толпѣ же ходятъ принимаемые на вѣру выводы о томъ, что раздѣленіе труда есть законъ, утвержденный наукой, и что такъ и надо: однимъ умирать съ голода и работать, а другимъ вѣчно праздновать, и что эта-то самая гибель однихъ и праздннованіе другихъ и есть несомнѣнный законъ жизни человѣка, которому должно подчиняться.

Ходячее оправданіе въ ихъ праздности въ массѣ всѣхъ такъ называемыхъ образованныхъ людей съ ихъ разнообразными дѣятельностями, отъ желѣзнодорожника до писателя и художника, теперь такое:

Мы, люди, освободившіе себя отъ общечеловѣческой обязанности участія въ борьбѣ за существованіе, служимъ прогрессу и тѣмъ самымъ приносимъ пользу всему обществу людей. —

пользу, выкупающую весь тотъ вредъ, который дѣлается тому же народу потребленіемъ его трудовъ.

Разсужденіе это кажется людямъ нашего времени совершенно непохожимъ на тѣ разсужденія, которыми оправдывали себя прежніе нетрудящіеся люди, точно такъ же, какъ разсужденіе римскихъ императоровъ и гражданъ о томъ, что безъ нихъ погибнетъ образованный міръ, казалось имъ совершенно особеннымъ отъ разсужденія египтянъ и персовъ, и точно такъ же, какъ такое же разсужденіе казалось совершенно особеннымъ отъ разсужденія римлянъ средневѣковымъ рыцарямъ и духовенству.

Но это только такъ кажется; стоитъ только вникнуть въ сущность оправданія нашего времени, для того чтобы убѣдиться, что въ немъ нѣтъ ничего новаго.

Оно только нѣсколько переодѣто, но оно то же самое, потому что основано на томъ же. Всякое оправданіе человѣка въ томъ, что онъ, не работая, поглощаетъ трудъ другихъ, — оправданіе фараона и жрецовъ, римскихъ и средневѣковыхъ императоровъ съ ихъ гражданами — рыцарями, жрецами и духовенствомъ, — всегда слагается изъ двухъ положеній: 1) мы беремъ трудъ черни потому, что мы — особенные люди, предназначенные Богомъ для того, чтобы управлять чернью и поучать ее божескимъ истинамъ; 2) судьями же той мѣры трудовъ, которые мы беремъ отъ черни за приносимое нами ей благо, не могутъ быть люди черни, потому что, какъ сказали еще фарисеи: Ін. VII, 49: *Народъ невѣжда въ законѣ—проклятые они»*. Народъ не понимаетъ того, въ чемъ состоитъ его благо, и потому не можетъ быть судьею приносимой ему пользы.

Оправданіе нашего времени, несмотря на свою кажущуюся особенность, слагается по существу изъ тѣхъ же двухъ основныхъ положеній: 1) мы, люди особенные, мы, люди образованные, служимъ прогрессу и цивилизаціи и тѣмъ дѣлаемъ для черни великую пользу; 2) чернь необразованная не понимаетъ той пользы, которую мы приносимъ ей, а потому не можетъ быть въ ней судьею. Основныя положенія оправданія тѣ же самыя.

Мы увольняемъ себя отъ труда, пользуемся трудомъ другихъ и тѣмъ отягчаемъ положеніе нашихъ братій, и утверждаемъ, что взамѣнъ этого мы приносимъ имъ большую пользу, въ которой они по невѣжеству своему не могутъ быть судьями.

Развѣ это не то же самое? Разница только въ томъ, что прежде право на чужой трудъ имѣли граждане римскіе, жрецы, рыцари, дворяне; теперь — одна каста людей, называющаяся образованными. Ложь та же потому что то же ложное положеніе лю-

дей, оправдывающихъ себя. Ложь въ томъ, что прежде, чѣмъ дѣлать разсужденіе о пользѣ, которая приносится народу людьми, освобожденными отъ труда, извѣстные люди: фараоны, жрецы или мы, образованные люди, становимся въ это положеніе, поддерживаемъ его и потомъ уже придумываемъ ему оправданіе.

Это-то положеніе однихъ людей, насилующихъ другихъ, какъ прежде, такъ и теперь служитъ основой всего.

Разница нашего оправданія отъ самаго стариннаго только въ томъ, что оно болѣе ложно и менѣе основательно, чѣмъ прежнее.

Старинные императоры и папы, если они сами вѣрили и народъ вѣрилъ въ ихъ божественное назначеніе, могли просто объяснять, почему именно они—тѣ люди, которые должны пользоваться трудами другихъ: они говорили, что они опредѣлены на это Самимъ Богомъ и Богомъ же предписано имъ передавать народу божественныя, открытыя имъ истины и управлять народомъ.

Неработающіе же руками образованные люди нашего времени, признавая равенство людей, не могутъ уже объяснить, почему именно они и ихъ дѣти (потому что и образованіе получается только деньгами—властью)—тѣ избранные счастливцы, которые призваны приносить извѣстную легкую пользу, а не другіе люди изъ тѣхъ милліоновъ, которые сотнями и тысячами гибнутъ, поддерживая ихъ возможность образованія.

Единственное оправданіе ихъ то, что они—тѣ люди, какіе теперь есть,—взамѣнъ зла, которое они дѣлаютъ народу, освобождая себя отъ труда и поглощая его труды, приносятъ народу непонятную для него пользу, такую, которая выкупаетъ весь производимый ими вредъ.

XXVII.

Положеніе, которымъ люди, уволившіе себя отъ труда, оправдываютъ свое увольненіе, въ самомъ простомъ и точномъ выраженіи будетъ такое: мы, люди, имѣющіе возможность, уволивъ себя отъ труда, пользоваться посредствомъ насилія трудомъ другихъ людей, вслѣдствіе этого своего положенія приносимъ этимъ другимъ людямъ, пользу; или, другими словами: извѣстные люди за приносимый народу осязаемый и понятный вредъ, силою пользуясь его трудами и тѣмъ увеличивая трудность его борьбы съ природой, приносятъ ему неосязаемую и непонятную для него пользу. Положеніе это очень странно; но люди прежняго и нашего времени, живущіе на шеѣ рабо-

чаго народа, вѣрятъ въ него и тѣмъ успокаиваютъ свою совѣсть.

Разсмотримъ, какимъ образомъ въ различныхъ классахъ людей, уволившихъ себя отъ труда, оправдывается это положеніе въ наше время.

Я служу людямъ своей государственной или церковной дѣятельностью: королемъ, министромъ, архіереемъ; я служу людямъ своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣломъ; я служу людямъ своей научной или художественной дѣятельностью. Мы всѣ своею дѣятельностью такъ же необходимы народу, какъ онъ необходимъ для насъ.

Такъ говорятъ разнородные, уволившіе себя отъ труда люди нашего времени.

Разсмотримъ по порядку тѣ основанія, на которыхъ они утверждаютъ полезность своей дѣятельности.

Признаковъ полезности дѣятельности одного человѣка для другого можетъ быть только два: *внѣшній* — признаніе полезности дѣятельности тѣмъ, кому приносится польза, и *внутренній* — желаніе пользы другому, лежащее въ основѣ дѣятельности того, кто приноситъ пользу.

Люди государственные (я включаю устанавливаемыхъ правительствомъ церковныхъ людей въ число государственныхъ) приносятъ пользу тѣмъ людямъ, которыми они управляютъ.

Императоръ, король, президентъ республики, первый министръ, министръ юстиціи, министръ военный, просвѣщенія, архіерей и всѣ ихъ подчиненные, служащіе государству, — всѣ они живутъ, уволивъ себя отъ борьбы человѣчества за жизнь и наложивъ всю тяжесть борьбы на остальныхъ людей на томъ основаніи, что дѣятельность ихъ выкупаетъ это.

Приложимъ первый признакъ. Признается ли тѣми рабочими людьми, на которыхъ непосредственно направлена дѣятельность государственныхъ людей, польза, получаемая отъ этой дѣятельности?

Да, признается: большинство людей признаетъ полезность этой дѣятельности въ принципѣ; но во всѣхъ извѣстныхъ намъ проявленіяхъ ея, во всѣхъ извѣстныхъ намъ частныхъ случаяхъ каждое изъ учрежденій и изъ дѣйствій этой дѣятельности встрѣчаетъ въ средѣ тѣхъ людей, для пользы которыхъ она совершается, не только отрицаніе приносимой пользы, но утвержденіе того, что дѣятельность эта вредна и пагубна.

Нѣтъ дѣятельности государственной и общественной, которая не считалась бы очень многими людьми вредомъ; нѣтъ учрежденія, которое не считалось бы вреднымъ: суды, банки, зем-

ства, волостныя правленія, полиція, духовенство, всякая дѣятельность государственная — отъ высшей власти до урядника и городового, отъ архіерея и до дьячка — признается одною частью людей полезною, другою частью — вредною. И это происходитъ не въ Россіи только, но во всемъ мірѣ, и во Франціи, и въ Америкѣ.

Вся дѣятельность республиканской партіи считается вредною радикальною партіей, и обратно: вся дѣятельность радикальной партіи, если власть въ ея рукахъ, считается вредною республиканскою партіей и другими.

Но мало того, что всякая дѣятельность государственныхъ людей никогда не признается полезною всѣми людьми, — дѣятельность эта имѣетъ еще то свойство, что всегда должна быть производима насильственно и что для достиженія этой пользы необходимы: убійства, казни, остроги, насильственныя подати и др.

Оказывается, стало быть, что, кромѣ того, что польза государственной дѣятельности не признается всѣми людьми и отрицается всегда одною частью людей, польза эта имѣетъ свойство всегда выражаться насиліемъ. И потому полезность государственной дѣятельности не можетъ быть подтверждаема тѣмъ, что она признается тѣми людьми, для которыхъ она производится.

Приложимъ второй признакъ. Спросимъ самихъ людей государственныхъ, отъ царя до городового, отъ президента до секретаря и отъ патріарха до дьячка, прося ихъ искренняго отвѣта.

Всѣ они, занимая свои должности, имѣютъ ли въ виду ту пользу, которую они желаютъ приносить людямъ, или другую цѣль?

Къ желанію ихъ занять мѣсто царя, президента, министра или станового, дьячка, учителя побуждаются ли они стремленіемъ къ пользѣ людей или къ своей личной выгодѣ?

И отвѣтъ добросовѣстныхъ людей будетъ тотъ, что главное побужденіе ихъ — личная выгода.

И вотъ выходитъ, что одинъ разрядъ людей, пользующійся трудами другихъ, гибнущихъ въ этомъ трудѣ, людей, выкупаетъ несомнѣнный вредъ этотъ такою дѣятельностью, которая всегда считается не пользою, а вредомъ очень многими людьми, которая не можетъ быть принимаема людьми свободно, а къ которой всегда нужно принуждать и цѣль которой не есть польза другихъ, а личная выгода тѣхъ людей, которые ее производятъ.

Что же подтверждаетъ то предположеніе, что государственная дѣятельность полезна людямъ?

Только то, что тѣ люди, которые ее производятъ, твердо вѣрятъ, что она полезна, и то, что дѣятельность эта всегда существовала; но существовали всегда не только безполезныя, но и вредныя учрежденія, какъ рабство, проституція и войны. Люди промышленные, — разумѣя подъ этимъ и торговцевъ, и фабрикантовъ, и желѣзнодорожниковъ, и банкировъ, и землевладѣльцевъ,— вѣрятъ въ то, что они приносятъ пользу, выкупающую несомнѣнно приносимый ими вредъ.

На какихъ основаніяхъ они вѣрятъ въ это?

На вопросъ о томъ, кѣмъ, какими людьми признается польза ихъ дѣятельности, государственные, со включеніемъ церковныхъ, люди могли указать на тысячи и милліоны рабочихъ людей, признающихъ въ принципѣ пользу государственной и церковной дѣятельности; но на кого укажутъ намъ банкиры, фабриканты водки, бархата, бронзъ, зеркалъ, не говоря уже пушекъ, на кого укажутъ торговцы, землевладѣльцы, когда мы спросимъ ихъ, признается ли приносимая ими польза общественнымъ мнѣніемъ?

Если найдутся люди, которые признаютъ производство ситцевъ, рельсовъ, пива и т. п. вещей полезнымъ, то найдутся люди еще въ большемъ количествѣ, которые признаютъ производство этихъ предметовъ вреднымъ. Дѣятельность же торговцевъ, возвышающихъ цѣны на предметы, и землевладѣльцевъ никто и защищать не станетъ. Кромѣ того, дѣятельность эта всегда соединена съ вредомъ для рабочихъ и съ насиліемъ, хотя и менѣе прямымъ, чѣмъ насиліе государственное, но столь же жестокимъ по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ промышленная и торговая дѣятельность вся основана на пользованіи нуждою рабочихъ людей во всякихъ видахъ: пользованіи ею для принужденія рабочихъ къ тяжелой и нежелательной работѣ; пользованіи тою же нуждою для закупки товаровъ по дешевымъ цѣнамъ и продажи нужныхъ народу предметовъ по самой высокой цѣнѣ; пользованіи ею же для взысканія роста за деньги. Съ какой бы стороны мы ни разсматривали ихъ дѣятельность, мы увидимъ, что польза, приносимая промышленными людьми, не признается тѣми людьми, для которыхъ она производится, ни въ принципѣ, ни въ частныхъ случаяхъ и большею частью прямо признается вредомъ.

Если же мы приложимъ второй признакъ и спросимъ: какая побудительная причина дѣятельности промышленныхъ людей, то мы получимъ еще болѣе опредѣленный отвѣтъ, чѣмъ отвѣтъ о дѣятельности государственныхъ людей.

Если государственный человѣкъ скажетъ, что, кромѣ личной выгоды, онъ имѣетъ въ виду и общую пользу, нельзя не по-

вѣрить ему, и всякій изъ насъ знаетъ такихъ людей; но промышленный человѣкъ по самой сущности своего дѣла не можетъ имѣть въ виду общую пользу и будетъ смѣшонъ въ глазахъ своихъ собратьевъ, если въ своемъ дѣлѣ будетъ преслѣдовать какую-либо другую цѣль, кромѣ увеличенья своего богатства или поддержанія его.

Итакъ, рабочіе люди не считаютъ дѣятельность промышленныхъ людей для себя полезною.

Дѣятельность эта сопряжена съ насиліемъ противъ рабочихъ, и цѣль этой дѣятельности не есть польза рабочихъ людей, а всегда только собственная личная выгода, и вдругъ— удивительное дѣло, — эти промышленные люди такъ увѣрены въ приносимой ими своею дѣятельностью пользѣ людямъ, что смѣло, во имя этой воображаемой пользы, дѣлаютъ рабочимъ несомнѣнный, очевидный вредъ, освобождая себя отъ труда и поглощая трудъ рабочихъ людей.

Люди науки и искусства освободили себя отъ труда и наложили этотъ трудъ на другихъ и живутъ съ спокойной совѣстью, твердо увѣренные въ томъ, что они приносятъ другимъ все это выкупающую пользу.

На чемъ основана ихъ увѣренность?

Спросимъ ихъ, какъ мы спрашивали государственныхъ и промышленныхъ людей; признается ли рабочими людьми, всѣми или хоть большинствомъ ихъ, та польза, которая приносится имъ наукой и искусствами?

Отвѣтъ будетъ самый плачевный.

Дѣятельность государственныхъ и церковыхъ людей признается полезною въ принципѣ почти всѣми и въ приложеніяхъ большею половиною тѣхъ рабочихъ людей, на которыхъ она направлена; дѣятельность промышленныхъ людей признается полезною небольшимъ числомъ рабочихъ людей; дѣятельность же людей науки и искусства не признается полезною никѣмъ изъ рабочихъ людей. Польза этой дѣятельности признается только тѣми, которые ее производятъ или желаютъ производить. Рабочій народъ — тотъ самый народъ, который несетъ на своихъ плечахъ весь трудъ жизни и кормитъ и одѣваетъ людей наукъ и искусствъ — не можетъ признавать дѣятельность этихъ людей полезною для себя, потому что не можетъ имѣть даже никакого представленія объ этой столь полезной для него дѣятельности. Дѣятельность эта представляется всегда рабочему народу безполезной и даже развращающей.

Такъ, безъ исключенія, относится рабочій народъ къ университетамъ, библіотекамъ, консерваторіямъ, картиннымъ, скуль-

птурнымъ галлереямъ и театрамъ, строеннымъ на его счетъ. Рабочій человѣкъ такъ опредѣленно смотритъ на эту дѣятельность, какъ на вредъ, что не отдаетъ своихъ дѣтей учиться, и что для принужденія народа къ принятію этой дѣятельности нужно было ввести вездѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ. Рабочій человѣкъ смотритъ всегда на эту дѣятельность враждебно и перестаетъ относиться къ ней такъ только тогда, когда онъ перестанетъ самъ быть рабочимъ человѣкомъ и посредствомъ наживы и потомъ такъ называемаго образованія изъ среды рабочихъ людей переходитъ въ классъ людей, живущихъ на шеѣ другихъ. И, несмотря на то, что польза дѣятельности людей наукъ и искусствъ не признается и даже не можетъ быть признаваема никѣмъ изъ рабочихъ людей, рабочіе люди все-таки принуждаются къ жертвамъ въ пользу этой дѣятельности.

Государственный человѣкъ прямо посылаетъ другого на гильотину или въ тюрьму; промышленный человѣкъ, пользуясь трудами другого, отбираетъ у него послѣднее, предоставляя ему выборъ между голодною смертью или губительнымъ трудомъ; человѣкъ же науки или искусства какъ будто ни къ чему не принуждаетъ, онъ только предлагаетъ свой товаръ тѣмъ, которые хотятъ взять его; но, чтобы производить свой нежелательный для рабочаго народа товаръ, онъ отбираетъ отъ народа насильно, черезъ государственныхъ людей, большую долю его труда на постройки, содержаніе академій, университетовъ, гимназій, школъ, музеевъ, библіотекъ, консерваторій и на жалованье людямъ наукъ и искусствъ.

Если же мы спросимъ людей наукъ и искусствъ о цѣли, которую они преслѣдуютъ въ своей дѣятельности, то тутъ получаются самые удивительные отвѣты. Государственный человѣкъ могъ отвѣчать, что цѣль его есть общая польза, и въ отвѣтѣ его была доля правды, подтверждаемая общественнымъ мнѣніемъ. Въ отвѣтѣ промышленнаго человѣка о томъ, что цѣль его — общественное благо, было менѣе вѣроятности, но все-таки можно было допустить и это.

Отвѣтъ же людей науки и искусства сразу поражаетъ своею бездоказательностью и дерзостью.

Люди наукъ и искусствъ говорятъ, не приводя на то никакихъ доказательствъ, совершенно подобно тому, какъ говорили это жрецы въ старину, что ихъ дѣятельность самая важная и нужная для всѣхъ людей и что безъ этой дѣятельности погибнетъ все человѣчество. Они утверждаютъ, что это такъ,— несмотря на то, что никто, кромѣ ихъ самихъ, не понимаетъ

и не признаетъ ихъ дѣятельности, и несмотря на то, что истинная наука и истинное искусство, по ихъ же опредѣленію, должны не имѣть цѣли полезности. Они, люди наукъ и искусствъ предаются любимому ими занятію, не заботясь о томъ, какая польза для людей произойдетъ отъ него, и всегда увѣрены, что они дѣлаютъ самое важное и нужное дѣло для человѣчества. Такъ что, въ то время какъ государственный искренній человѣкъ, признавая то, что главный мотивъ его дѣятельности есть личныя побужденія, старается сколь возможно болѣе быть полезнымъ рабочимъ людямъ; промышленный человѣкъ, признавая эгоистичность своей дѣятельности, старается придать ей характеръ общаго дѣла, — люди наукъ и искусствъ и не считаютъ нужнымъ прикрываться стремленіемъ къ пользѣ: они даже отрицаютъ цѣль полезности—такъ они увѣрены не то что въ полезности, но даже въ святости своего занятія.

И вотъ оказывается, что третій отдѣлъ людей, уволившихъ себя отъ труда и наложившихъ его на другихъ людей, занимается предметами, совершенно непонятными рабочему народу и которые этотъ народъ считаетъ пустяками и часто вредными пустяками; и занимается онъ этими предметами безъ всякаго соображенія о пользѣ людей, а только для своего удовольствія, вполнѣ почему-то увѣренный, что его дѣятельность всегда будетъ такая, безъ которой нельзя жить рабочимъ людямъ.

Люди уволили себя отъ труда за жизнь и свалили съ себя этотъ трудъ на гибнущихъ въ этомъ трудѣ людей, пользуются этимъ трудомъ и утверждаютъ, что ихъ занятія, непонятныя всѣмъ остальнымъ людямъ и не направленныя къ пользѣ людей, выкупаютъ весь тотъ вредъ, который они приносятъ людямъ, уволивъ себя отъ труда за жизнь и поглощая трудъ другихъ.

Государственные люди, чтобы выкупить этотъ несомнѣнный и очевидный вредъ, который они приносятъ людямъ своимъ увольненіемъ отъ борьбы съ природою и пользованіемъ трудомъ другихъ, дѣлаютъ людямъ еще другой, очевидный и несомнѣнный вредъ — всякаго рода насилій.

Промышленные люди, чтобы выкупить этотъ несомнѣнный и очевидный вредъ, который они приносятъ людямъ, пользуясь ихъ трудомъ, стараются пріобрѣсти для себя — слѣдовательно, отнять отъ другихъ — какъ можно болѣе богатствъ, т.-е. какъ можно болѣе чужого труда.

Люди наукъ и искусствъ взамѣнъ того же несомнѣннаго и очевиднаго вреда, который они дѣлаютъ рабочимъ людямъ, зани-

маются дѣлами, которыя непонятны рабочимъ людямъ и которыя, по ихъ же утвержденію, чтобы быть настоящими, должны не имѣть въ виду пользы, но къ которымъ они чувствуютъ влеченіе. И потому всѣ эти люди совершенно увѣрены въ томъ, что право ихъ на пользованіе чужимъ трудомъ непоколебимо.

Казалось бы очевидно, что всѣ тѣ люди, которые уволили себя отъ труда за жизнь, не имѣютъ на это основаній. Но удивительное дѣло: люди эти твердо вѣрятъ въ свою правоту и живутъ такъ, какъ они живутъ, съ спокойной совѣстью.

Должно быть какое-нибудь основаніе, должно быть какое-нибудь ложное вѣрованіе въ основаніи такого страннаго заблужденія.

XXVIII.

И дѣйствительно, въ основаніи того положенія, въ которомъ находятся люди, живущіе чужимъ трудомъ, лежитъ не только вѣрованіе, но цѣлое вѣроученіе, и не одно, а три вѣроученія, вѣками нароставшія другъ на друга и сплотившіяся въ одинъ чудовищный обманъ — въ humbug, какъ говорятъ англичане, скрывающій отъ людей ихъ неправду.

Самое древнее вѣроученіе въ нашемъ мірѣ, оправдывавшее измѣну людей ихъ основной обязанности труда за жизнь, было вѣроученіе церковно-христіанское, по которому люди различествуютъ, по волѣ Бога, другъ отъ друга, какъ солнце отъ луны и звѣздъ, а звѣзды между собою; однимъ людямъ повелѣно отъ Бога имѣть власть надъ всѣми, другимъ надъ многими, третьимъ надъ нѣкоторыми, четвертымъ повелѣно отъ Бога повиноваться.

Вѣроученіе это, хотя уже расшатанное въ своихъ основахъ, все еще по инерціи продолжаетъ дѣйствовать на людей такъ, что многіе, не признавая самаго ученія, часто и не зная его, все-таки руководятся имъ.

Второе оправдательное вѣроученіе нашего міра есть то, которое я не умѣю иначе назвать, какъ вѣроученіе государственно-философское. По вѣроученію этому, выразившемуся вполнѣ въ Гегелѣ, все существующее — разумно, и учрежденный и поддерживаемый людьми порядокъ жизни учрежденъ и поддерживается не людьми, а есть единственно возможная форма проявленія духа или вообще жизни человѣчества. И это вѣроученіе уже не раздѣляется въ наше время людьми, руководящими общественнымъ мнѣніемъ, и держится только по инерціи.

Послѣднее и теперь царствующее вѣроученіе — то, на которомъ основывается теперь оправданіе и государственныхъ, и промышленныхъ, и научныхъ, и художническихъ передовыхъ

людей нашего времени, есть вѣроученіе научное не въ простомъ смыслѣ этого слова, означающаго знаніе вообще, но въ смыслѣ одного особеннаго, по формѣ и по содержанію, рода знаній, называемаго наукой.

На этомъ-то новомъ вѣроученіи, преимущественно и держится въ наше время оправданіе, скрывающее отъ праздныхъ людей ихъ измѣну своему призванію.

Новое вѣроученіе это появилось въ Европѣ одновременно съ появленіемъ въ Европѣ же большого класса богатыхъ и праздныхъ людей, не служащихъ ни церкви, ни государству, которому понадобилось соотвѣтствующее его положенію оправданіе.

Очень недавно, до французской революціи, въ Европѣ было то, что всѣ нерабочіе люди для того, чтобы имѣть право пользоваться трудами другихъ, должны были имѣть очень опредѣленныя занятія: служить церкви, правительству и войску. Люди, служившіе правительству, управляли народомъ; служившіе церкви научали его божескимъ истинамъ; служившіе войску защищали народъ.

Только три сословія—духовенство, правители и военные—считали себя въ правѣ пользоваться трудами рабочихъ и могли всегда выставить свою службу народу; остальные богатые люди, не имѣвшіе этого оправданія, были презираемы и, чувствуя свою неправоту, стыдились своего богатства и праздности.

Но пришло время, и классъ этотъ богатыхъ людей, непричастныхъ ни духовенству, ни правительству, ни войску, благодаря порокамъ трехъ сословій, размножился и сдѣлался силою, и этимъ людямъ понадобилось оправданіе. И оправданіе явилось.

Не прошло и столѣтія, какъ всѣ тѣ люди, не служащіе государству и церкви и не принимающіе никакого участія въ этихъ дѣлахъ, не только получили такія же права на пользованіе чужими трудами, какъ и прежнія сословія, и не только перестали стыдиться своего богатства и праздности, но и стали считать свое положеніе вполнѣ оправданнымъ. И такихъ людей развелось въ наше время огромное количество, и число ихъ постоянно увеличивается. И что удивительно, такъ это — то, что эти новые люди, тѣ самые, законность освобожденія отъ труда которыхъ такъ недавно еще не признавалась, теперь одни считаютъ себя вполнѣ оправданными и нападаютъ на прежнія три сословія: слугъ церкви, государства и войска, признавая ихъ освобожденіе отъ труда несправедливымъ и даже иногда дѣятельность ихъ прямо вредною.

И что еще удивительнѣе, это—то, что прежніе служители государства, церкви и войска уже не опираются теперь на божеское избраніе и даже на философское значеніе государства, необходимаго будто бы для проявленія личности, а бросають эти опоры, такъ долго поддерживавшія ихъ, и ищуть тѣхъ самыхъ опоръ, на которыхъ стоить теперь царствующее, нашедшее это новое оправданіе, новое сословіе, во главѣ котораго стоять ученые и художники. Если теперь государственный человѣкъ иногда по старой памяти защищаеть еще свое положеніе тѣмъ, что онъ назначенъ на это Богомъ, или тѣмъ, что государство есть форма развитія личности, то онъ дѣлаетъ это по отсталости отъ вѣка, а самъ чувствуеть, что никто не вѣрить ему. Чтобы ему твердо защищать себя, онъ долженъ найти теперь уже не богословскія и не философскія, а другія, новыя, научныя опоры. Нужно выставить принципъ національностей или органическаго развитія, нужно задобрить царствующее сословіе, какъ въ средніе вѣка нужно было задобрить духовныхъ, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія надо было задобрить философовъ (Фридрихъ, Екатерина).

Если богатый человѣкъ теперь, иногда по старой привычкѣ, говорить о божескомъ произволеніи, избравшемъ его въ богачи, или о значеніи аристократіи для блага государства, то онъ говорить это по отсталости отъ вѣка. Чтобы твердо оправдать себя, онъ долженъ выставить свое содѣйствіе прогрессу цивилизаціи усовершенствованіемъ способовъ производства, удешевленіемъ предметовъ потребленія, установленіемъ международнаго общенія. Богатый человѣкъ и думать и говорить долженъ языкомъ научнымъ, и ему, какъ прежде духовенству, теперь нужно приносить жертвы царствующему сословію; онъ долженъ издавать журналы, книги, завести галлерею, музыкальныя общества, или дѣтскій садъ, или техническія школы.

Царствующее же сословіе есть сословіе ученыхъ и художниковъ извѣстнаго направленія: они имѣють полное оправданіе своего освобожденія отъ труда, и на ихъ оправданіи, какъ прежде на богословскомъ, потомъ на философскомъ, теперь зиждется всякое оправданіе, и они-то раздають теперь другимъ сословіямъ дипломы на оправданіе.

Сословіе, теперь имѣющее полное оправданіе въ своемъ освобожденіи отъ труда, есть сословіе людей науки и преимущественно науки опытной, позитивной, критической, эволюціонной, и сословіе художниковъ, дѣйствующихъ въ этомъ направленіи.

Если ученый или художникъ по старой памяти говоритъ теперь о пророчествѣ, откровеніи или проявленіи духа, то онъ дѣлаетъ это по отсталости и онъ не оправдаетъ себя: чтобы ему стоять твердо, ему нужно пристроить какъ-нибудь свою дѣятельность къ опытной, позитивной, критической наукѣ и эту науку поставить въ основаніе своей дѣятельности.

Тогда только наука или искусство, которыми онъ занимается, будутъ настоящія, и онъ будетъ въ наше время стоять на непоколебимыхъ основахъ, и не будетъ уже сомнѣнія въ той пользѣ, которую онъ приноситъ человѣчеству.

На опытной, критической, позитивной наукѣ теперь зиждется оправданіе всѣхъ людей, освободившихъ себя отъ труда.

Оправданія богословскія и философскія уже отжили и робко и стыдливо заявляютъ себя, и стараются подмѣниться научными оправданіями; научное же оправданіе смѣло опрокидываетъ, разрушаетъ остатки прежнихъ оправданій, заступаетъ вездѣ ихъ мѣсто и съ увѣренностью въ свою непоколебимость высоко поднимаетъ голову.

Церковное оправданіе говорило, что люди по своему назначенію призваны — одни повелѣвать, другіе повиноваться, одни жить въ изобиліи, другіе въ нуждѣ, и потому кто вѣритъ въ откровеніе Бога, тотъ не можетъ сомнѣваться въ законности положенія тѣхъ людей, которые по волѣ Бога призваны повелѣвать и быть богатыми.

Философско-государственное оправданіе говорило: государство со всѣми учрежденіями своими и различіями сословій по правамъ и имуществу есть та историческая форма, которая необходима для правильнаго проявленія духа въ человѣчествѣ, и потому то положеніе по правамъ и имуществу, которое кто занимаетъ въ государствѣ и обществѣ, должно быть таковымъ для правильной жизни человѣчества.

Научная теорія говоритъ: все это вздоръ и суевѣріе; одно — плодъ мысли теологическаго періода жизни человѣчества, другое — метафизическаго періода. Для изученія законовъ жизни человѣческихъ обществъ есть только одинъ несомнѣнный методъ: методъ позитивной, опытной, критической науки. Только соціологія, основанная на біологіи, основанной на всѣхъ другихъ позитивныхъ наукахъ, можетъ дать намъ новые законы жизни человѣчества. Человѣчество или общества человѣческія суть организмы, готовые или еще образующіеся и подчиняющіеся всѣмъ законамъ эволюціи организмовъ. Одинъ изъ главныхъ законовъ этихъ есть раздѣленіе отправленій труда между частицами органовъ. Если одни люди повелѣваютъ, а другіе по-

винуются, если одни живутъ въ изобиліи, а другіе въ нуждѣ, то это происходитъ не по волѣ Бога, не потому, что государство есть форма проявленія личности, а потому, что въ обществахъ, какъ организмахъ, происходитъ необходимое для жизни цѣлаго раздѣленіе труда: одни люди исполняютъ въ обществахъ мускульную работу, другіе — мозговую.

На этомъ вѣроученіи строится царствующее оправданіе нашего времени.

XXIX.

Проповѣдуется новое ученіе Христомъ и записывается въ Евангеліяхъ. Ученіе это гонится и не принимается, и вотъ выдумывается исторія паденія перваго человѣка и перваго ангела, и эта выдумка принимается за ученіе Христа. Выдумка эта нелѣпа, не имѣетъ никакого основанія, но изъ нея естественно вытекаетъ выводъ, что человѣкъ можетъ жить дурно и все-таки считать себя оправданнымъ Христомъ, и выводъ этотъ такъ на руку толпѣ слабыхъ и нелюбящихъ нравственнаго труда людей, что выдумка эта сразу признается истиной и даже божеской — откровенной—истиной, и несмотря на то, что нигдѣ въ томъ, что̀ называется откровеніемъ, нѣтъ и намека на это, и выдумка становится въ основаніи тысячелѣтней работы ученыхъ богослововъ, строящихъ на ней свои теоріи.

Ученые богословы распадаются на толки и начинаютъ отрицать построенія другъ друга, начинаютъ чувствовать сами, что они запутались, не понимаютъ ужъ того, что говорятъ; но толпа требуетъ отъ нихъ подтвержденія своего любимаго ученія, и они притворяются, что они понимаютъ и вѣрятъ въ то, что говорятъ, и продолжаютъ проповѣдывать. Но приходитъ время, выводы оказываются ненужными, толпа заглядываетъ въ капища жрецовъ и къ удивленію своему видитъ мѣсто торжественныхъ и несомнѣнныхъ истинъ, какими ей казались таинства богословія, что тамъ никогда ничего не было, кромѣ самаго грубаго обмана, и удивляется своему ослѣпленію.

То же самое происходило съ философіей, не въ смыслѣ мудрости Конфуціевъ, Сократовъ, Эпиктетовъ, а съ профессорской философіей, когда она потакала инстинктамъ толпы праздныхъ, богатыхъ людей.

Недавно царствовала въ ученомъ образованномъ мірѣ философія духа, по которой выходило, что все, что существуетъ, то разумно, что нѣтъ ни зла, ни добра, что бороться со зломъ человѣку не нужно, а нужно проявлять только духъ: кому на военной службѣ, кому въ судѣ, кому на скрипкѣ.

Вѣдь много было различныхъ выраженій мудрости человѣческой, и проявленія эти были извѣстны людямъ XIX столѣтія. Извѣстенъ былъ и Руссо, и Паскаль, и Лессингъ, и Спиноза, и вся мудрость древности, но ничья мудрость не овладѣла толпой. Нельзя сказать того, чтобы успѣхъ Гегеля зависѣлъ отъ стройности его теоріи. Были такія же стройныя теоріи: Декарта, Лейбница, Фихте, Шопенгауэра. Только одна была причина того, что ученіе это сдѣлалось на короткое время вѣрованіемъ всего міра; причина была та же, какъ и причина успѣха теоріи паденія и искупленія человѣка, что выводы этой философской теоріи потакали слабостямъ людей. Они говорили: все разумно, все хорошо, никто ни въ чемъ не виноватъ. И точно такъ же, какъ въ богословіи на теоріи искупленія, въ философіи строили свою вавилонскую башню на Гегелевскихъ основахъ (и теперь еще нѣкоторые отсталые сидятъ на ней), и такъ же смѣшались языками, и такъ же почувствовали, что они сами не знаютъ, что говорятъ, и такъ же старательно, не вынося сора изъ избы, старались поддерживать свой авторитетъ передъ толпою.

Когда я началъ жить, гегельянство было главой всего: оно носилось въ воздухѣ, выражалось въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, въ историческихъ и юридическихъ лекціяхъ, въ повѣстяхъ, въ трактатахъ, въ искусствѣ, въ проповѣдяхъ, въ разговорахъ. Человѣкъ, не знавшій Гегеля, не имѣлъ права говорить; кто хотѣлъ познать истину, изучалъ Гегеля. Все опиралось на немъ, и вдругъ, прошло 40 лѣтъ, и отъ него ничего не осталось, объ немъ нѣтъ и помину, какъ будто его никогда не было. И что удивительнѣе всего, что какъ христіанство, такъ и гегельянство пало не оттого, что его кто-нибудь опровергъ, разрушилъ, — нѣтъ, оно какъ было, такъ и есть, но вдругъ оказалось, что ни то, ни другое не нужно ученому, образованному міру.

Если мы теперь скажемъ новому образованному человѣку о паденіи ангела и Адама, и объ искупленіи, онъ не то, что станетъ спорить и доказывать несправедливость этого, а онъ съ недоумѣніемъ спроситъ: Какой ангелъ? Зачѣмъ Адамъ? Какое искупленіе? И зачѣмъ мнѣ это нужно? То же и съ гегельянствомъ. Новый человѣкъ не станетъ оспаривать, а только удивится. Какой духъ? Откуда онъ? Зачѣмъ это? Зачѣмъ онъ проявляется? Зачѣмъ онъ мнѣ нуженъ?

Недавно было время, когда мудрецы-гегельянцы торжественно поучали толпу, и толпа, ничего не понимая, слѣпо вѣрила всему, находя подтвержденіе того, что ей на руку и вѣ-

рила, что то, что ей казалось неяснымъ и противорѣчивымъ, тамъ, на высотахъ философіи, все ясно, какъ день; но прошло время— теорія эта износилась, явилась новая теорія на ея мѣсто и старая стала не нужна, и толпа затянула туда въ таинственныя капища жрецовъ и увидѣла, что тамъ ничего нѣтъ, да и не было, кромѣ словъ очень темныхъ и безсмысленныхъ. Это случилось на моей памяти.

Да, это происходитъ оттого, скажутъ люди теперешней науки, что все это были бредни теологическаго и метафизическаго періода; теперь же есть критическая позитивная наука, кото рая ужъ не обманетъ, потому что она вся основана на индукціи и опытѣ. Теперь знанія наши не шатки, какъ прежде, и только на нашемъ пути рѣшеніе всѣхъ вопросовъ человѣчества.

Но вѣдь точь въ точь то же самое говорили старинные учители, и не дураки же они были, а мы знаемъ, что были между ними люди огромнаго ума, и точь въ точь то же на моей памяти— и съ не меньшей увѣренностью, съ не меньшимъ признаніемъ со стороны толпы такъ называемыхъ образованныхъ людей— говорили гегельянцы. И тоже не дураки были хотя бы наши Герцены, Станкевичи, Бѣлинскіе. Но отчего же произошло то удивительное явленіе, что умные люди проповѣдывали съ величайшей увѣренностью и толпа съ благоговѣніемъ принимала такія неосновательныя и безсодержательныя ученія? Причина одна—та, что проповѣдуемыя ученія оправдывали людей въ ихъ дурной жизни.

Весьма плохой англійскій публицистъ, сочиненія котораго всѣ забыты и признаны ничтожными изъ ничтожныхъ, пишетъ трактатъ о народонаселеніи, въ которомъ онъ придумываетъ мнимый законъ несоразмѣрнаго со средствами питанія увеличенія населенія. Мнимый законъ этотъ писатель этотъ обставляетъ математическими ни на чемъ не основанными формулами и выпускаетъ въ свѣтъ. По легкомысленности и бездарности этого сочиненія надо бы предполагать, что сочиненіе это не заслужитъ ничьего вниманія и забудется, какъ всѣ послѣдующія сочиненія того же писателя; но выходитъ совсѣмъ другое. Публицистъ, написавшій это сочиненіе, становится сразу научнымъ авторитетомъ и держится на этой высотѣ чуть не полстолѣтія. Мальтусъ! Теорія Мальтуса — законъ увеличенія населенія въ геометрической и средствъ пропитанія въ ариѳметической прогрессіи и естественныя и благоразумныя средства ограниченія населенія, — все это стало научными, несомнѣнными истинами, которыя не провѣрялись и которыя употреблялись, какъ аксіомы, для дальнѣйшихъ выводовъ. Такъ поступали люди ученые, образо-

ванные; въ толпѣ же праздныхъ людей было благоговѣйное довѣріе къ открытымъ великимъ законамъ Мальтуса.

Почему это случилось? Казалось бы, это были научные выводы, не имѣющіе ничего общаго съ инстинктами толпы.

Но это такъ только можетъ казаться для того, кто вѣритъ въ то, что наука есть что-то такое самобытное, какъ церковь, не подлежащее ошибкамъ, а не просто измышленія слабыхъ и заблуждающихся людей, которые только для важности подставляютъ внушительное слово «наука» вмѣсто мыслей и словъ людей.

Стоило сдѣлать практическіе выводы изъ теоріи Мальтуса, чтобы увидать, что эта теорія была самая человѣческая, съ самыми опредѣленными цѣлями.

Выводы, прямо вытекающіе изъ этой теоріи, были слѣдующіе: бѣдственное положеніе рабочихъ людей не происходитъ отъ жестокости, эгоизма и неразумія людей богатыхъ и властныхъ, а оно таково по неизмѣнному, независящему отъ людей закону, и если кто виноватъ въ этомъ, такъ это сами голодные рабочіе: зачѣмъ они, дураки, родятся, когда знаютъ, что имъ будетъ ѣсть нечего, и потому богатые и властные классы нисколько не виноваты и могутъ спокойно продолжать жить, какъ жили.

И вотъ этотъ драгоцѣнный для толпы праздныхъ людей выводъ сдѣлалъ то, что всѣ ученые проглядѣли бездоказательность, неправильность и совершенную произвольность выводовъ, а толпа образованныхъ, т.-е. праздныхъ, людей, чутьемъ зная, къ чему ведутъ эти выводы, привѣтствовала теорію съ восторгомъ, наложила на нее печать истинности, т.-е. научности, и носилась съ ней полстолѣтія.

Причина одна—та, что проповѣдуемыя ученія оправдывали людей въ ихъ дурной жизни

Не та ли же причина самоувѣренности людей позитивной, критической, опытной науки и благоговѣйнаго отношенія толпы къ тому, что̀ они проповѣдуютъ? Сначала кажется страннымъ, какимъ образомъ теорія эволюціи (она, какъ искупленіе въ богословіи, для большинства служитъ популярнымъ выраженіемъ всего новаго вѣроученія) можетъ оправдывать людей въ ихъ неправдѣ, и кажется, что научная теорія имѣетъ дѣло только съ фактами и больше ничего не дѣлаетъ, какъ только наблюдаетъ факты.

Но это только кажется. Точно такъ же это казалось съ богословскимъ ученіемъ: богословіе, казалось, занято только догматами и не имѣетъ никакого отношенія къ жизни людей; точно такъ же это казалось съ философіей: она казалась занятою только своими трансцендентными умозаключеніями.

Но это только такъ кажется. Точно такъ же это казалось съ Гегелевскимъ ученіемъ въ большихъ размѣрахъ и въ частномъ случаѣ съ Мальтусовымъ ученіемъ.

Гегельянство, казалось, занято было только своими логическими построеніями и не имѣло никакого отношенія къ жизни людей; точно такъ же это казалось съ Мальтусовой теоріей: она казалась занятою только фактами статистическихъ данныхъ. Но это только такъ казалось.

Современная наука тоже занята только фактами; она изслѣдуетъ факты.

Но какіе факты? Почему именно такіе, а не другіе?

Люди современной науки очень любятъ съ торжественностью и увѣренностью говорить: мы изслѣдуемъ только факты, воображая, что эти слова имѣютъ какой-нибудь смыслъ.

Изслѣдовать только факты никакъ нельзя, потому что фактовъ, подлежащихъ нашему наблюденію, *безчисленное* (въ точномъ значеніи этого слова) количество Прежде чѣмъ изслѣдовать факты надо имѣть теорію, на основаніи которой изслѣдуются факты, т.-е. избираются изъ безчисленнаго количества тѣ или другіе факты. И теорія эта существуетъ, и даже очень опредѣленно выраженная, хотя многіе изъ дѣятелей современной науки или игнорируютъ, т.-е. хотятъ не знать, или точно иногда не знаютъ, а иногда притворяются, что не знаютъ ея. Точно такъ же всегда было со всѣми царствующими, руководящими вѣроученіями — и съ богословіемъ, и съ философіей.

Основы всякаго вѣроученія всегда даны въ теоріи, и такъ называемые ученые придумываютъ только дальнѣйшіе выводы изъ разъ данныхъ основъ, иногда не зная ихъ. Но основная теорія всегда есть. Такъ и теперь современная наука избираетъ свои факты на основаніи очень опредѣленной теоріи, которую иногда она знаетъ, иногда не хочетъ знать, иногда дѣйствительно не знаетъ; но теорія эта есть.

Теорія эта такая: все человѣчество есть неумирающій организмъ, люди—частицы органовъ, имѣющія каждый свое спеціальное призваніе для служенія цѣлому.

Точно такъ же, какъ клѣточки, слагаясь въ организмъ, раздѣляютъ между собою трудъ для борьбы за существованіе цѣлаго организма, усиливаютъ одну способность и ослабляютъ другую, и слагаются въ одинъ организмъ, чтобы лучше удовлетворять потребности цѣлаго организма, и точно такъ же, какъ въ общественныхъ животныхъ—муравьяхъ, пчелахъ—отдѣльныя

особи раздѣляютъ между собою трудъ: матка кладетъ яйца, трутень оплодотворяетъ, пчела работаетъ для жизни цѣлаго, — точно такъ же и въ человѣчествѣ и человѣческихъ обществахъ происходитъ та же диференціація и интеграція частей.

И потому, чтобы найти законъ жизни человѣка, нужно изучать законы жизни и развитія организмовъ; въ жизни и развитіи организмовъ мы находимъ слѣдующіе законы: законъ того, что всякое явленіе сопровождается не однимъ только непосредственнымъ послѣдствіемъ; другой законъ — о неустойчивости однороднаго; третій законъ — объ однообразіи и разнообразіи. Все это кажется очень невинно, но стоитъ сдѣлать только выводы изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій законовъ, чтобы тотчасъ же увидать, куда клонятъ эти законы. Законы эти клонятъ къ одному, а именно къ тому, чтобы признать человѣчество или человѣческое общество организмомъ, а потому и то раздѣленіе дѣятельности, которое существуетъ въ человѣческихъ обществахъ, признать органическимъ, т.-е. необходимымъ. И потому разсматривать то несправедливое положеніе, въ которомъ находимся мы, уволившіе себя отъ труда люди, не съ точки зрѣнія разумности и справедливости, а только какъ несомнѣнный фактъ, подтверждающій общій законъ.

Философія духа оправдывала также всякую жестокость и мерзость; но тамъ это выходило философски и потому неправильно; по наукѣ же все это выходитъ научно и потому несомнѣнно.

Какъ же не принять такую прекрасную теорію! Стоитъ только разсматривать человѣческое общество, какъ предметъ наблюденія, и можно покойно пожирать труды другихъ гибнущихъ людей, утѣшая себя мыслью, что моя дѣятельность танцора, адвоката, доктора, философа, актера, изслѣдователя медіумизма и формы атомовъ и т. п. есть функціональная дѣятельность организма человѣчества, и потому и рѣчи даже не можетъ быть о томъ, справедливо ли то, что я пользуюсь трудами другихъ — дѣлаю только то, что мнѣ пріятно, какъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, справедливо ли раздѣленіе труда между мозговой клѣточкой и мускульной.

Какъ же не допускать такую прекрасную теорію, чтобы послѣ можно было уже навсегда спрятать совѣсть въ карманъ и жить вполнѣ разнузданной животной жизнью, чувствуя подъ собой непоколебимую, по нашему времени, опору научную, т. е. истинную. И вотъ на этомъ-то новомъ вѣроученіи строится оправданіе праздности и жестокости людей.

XXX.

Началось это вѣроученіе недавно — лѣтъ 50. Главнымъ основателемъ его былъ французскій ученый — Контъ. Конту—систематику и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозному человѣку — пришла въ голову подъ вліяніемъ новыхъ тогда физіологическихъ изслѣдованій Биша старая мысль, высказанная еще Мененіемъ Агриппой, — мысль, что человѣческія общества, даже все человѣчество можно разсматривать какъ одно цѣлое — организмъ, а людей — какъ живыя частицы отдѣльныхъ органовъ, имѣющихъ каждая свое опредѣленное назначеніе служить всему организму. Мысль эта такъ понравилась Конту, что онъ на ней началъ строить философскую теорію, и теорія эта такъ увлекла его, что онъ совершенно забылъ о томъ, что исходная точка его теоріи была не больше, какъ хорошенькое сравненіе, умѣстное въ баснѣ, но никакъ не могущее служить основой науки. Онъ, какъ это часто бываетъ, принялъ любимое имъ предположеніе за аксіому и вообразилъ себѣ, что вся теорія его построена на самыхъ твердыхъ и опытныхъ основахъ. По теоріи его выходило, что такъ какъ человѣчество есть организмъ, то знаніе того, что есть человѣкъ и каково должно быть его отношеніе къ міру, возможно только черезъ познаніе свойствъ этого организма. Для познанія этихъ свойствъ человѣкъ имѣетъ возможность дѣлать наблюденія надъ другими низшими организмами и изъ жизни ихъ дѣлать наведенія.

Поэтому, во-первыхъ, истинный и единственный методъ науки, по Конту, есть только индуктивный, и вся наука есть только такая, которая имѣетъ своимъ основаніемъ опытъ; во-вторыхъ, цѣлью и вершиною наукъ становится новая наука о воображаемомъ организмѣ человѣчества, или о надорганическомъ существѣ — человѣчествѣ; новая воображаемая наука эта — соціологія. Изъ этого же взгляда на науку вообще оказывается, что всѣ прежнія знанія были ложныя, и вся исторія человѣчества въ смыслѣ его самосознанія раздѣлялась на три, собственно на два, періода: 1) періодъ теологическій и метафизическій, продолжавшійся отъ начала міра до Конта, и 2) настоящій періодъ единной истиной науки—позитивной, начавшейся съ Конта.

Все это было очень хорошо; одна только была ошибка, а именно та, что все это зданіе было построено на пескѣ, на произвольномъ и неправильномъ утвержденіи о томъ, что человѣчество есть организмъ.

Утвержденіе это было *произвольно* потому, что для того, чтобы признать существованіе неподлежащаго наблюденію ор-

ганизма человѣчества, мы имѣемъ ровно столько же права, какъ признать существованіе троичнаго Бога и тому подобныхъ теологическихъ положеній.

Неправильно же было это утвержденіе потому, что къ понятію человѣчества, т.-е. людей, неправильно было присоединено опредѣленіе организма, тогда какъ въ человѣчествѣ отсутствуетъ существенный признакъ организма — центръ ощущенія или сознанія. Мы называемъ и слона и бактерію организмомъ только потому, что предполагаемъ по аналогіи въ этихъ существахъ такія же объединенія ощущенія или сознанія, какія мы знаемъ въ себѣ; въ человѣческихъ же обществахъ и въ человѣчествѣ отсутствуетъ этотъ существенный признакъ, и потому, сколько бы другихъ общихъ признаковъ мы ни нашли въ человѣчествѣ и организмѣ, безъ этого существеннаго признака признаніе человѣчества организмомъ — неправильно.

Но, несмотря на произвольность и неправильность основного положенія позитивной философіи, она, по тому важному для толпы значенію оправданія существующаго порядка вещей признаніемъ законности существующаго насилія въ человѣчествѣ, была принята такъ называемымъ образованнымъ міромъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то, что изъ сочиненій Конта, состоящихъ изъ двухъ частей: позитивной философіи и позитивной политики, была принята ученымъ міромъ только первая — та, которая оправдывала на новыхъ опытныхъ началахъ существующее зло людскихъ обществъ; вторая же часть, трактующая о вытекающихъ изъ признанія человѣчества организмомъ нравственныхъ обязанностяхъ альтруизма, была признана не только неважной, но ничтожной и ненаучной.

Повторилось то же, что съ двумя частями ученія Канта. Критика чистаго разума принята наукой; не принята только критика практическаго разума, та часть, которая содержитъ сущность нравственнаго ученія, эта-то часть была отвергнута. Въ ученіи Конта признано было научнымъ то, что потакало царствующему злу. Но и принятая толпою позитивная философія, основанная на произвольномъ и неправильномъ положеніи, была сама по себѣ слишкомъ неосновательна и потому слишкомъ шатка и не могла бы одна держаться. И вотъ въ числѣ всѣхъ тѣхъ праздныхъ играній мысли людей такъ называемой науки является тоже не новое и столь же произвольное и неправильное утвержденіе о томъ, что живыя существа, т.-е. организмы, происходили одни изъ другихъ, — не только одинъ организмъ изъ другого, но одинъ организмъ изъ многихъ, т.-е. что въ очень

долгій промежутокъ времени, въ милліонъ лѣтъ, напримѣръ, не только рыба и утка могли произойти отъ одного и того же предка, но и одинъ организмъ могъ произойти изъ многихъ отдѣльныхъ организмовъ, такъ что, напримѣръ, изъ роя пчелъ можетъ сдѣлаться одно животное. И произвольное и неправильное утвержденіе это было принято ученымъ міромъ съ еще бо̀льшимъ общимъ удовольствіемъ. Утвержденіе это было *произвольно* потому, что никто никогда не видалъ, какъ дѣлаются одни организмы изъ другихъ, и потому предположеніе о происхожденіи видовъ останется всегда предположеніемъ, а не опытнымъ фактомъ. *Неправильно* же было это утвержденіе потому, что рѣшеніе вопроса о происхожденіи видовъ тѣмъ, что они произошли вслѣдствіе закона наслѣдственности и приспособленія въ безконечно долгое время, вовсе не было рѣшеніемъ, а только повтореніемъ вопроса въ новой формѣ.

По рѣшенію вопроса Моисеемъ (въ полемикѣ съ которымъ и состоитъ все значеніе этой теоріи) выходитъ, что разнообразіе видовъ живыхъ существъ произошло по волѣ Бога и безконечному могуществу Его; по теоріи же эволюціи выходитъ, что разнообразіе видовъ живыхъ существъ произошло само собой вслѣдствіе безконечно разнообразныхъ условій наслѣдственности и среды въ безконечно долгое время. Теорія эволюціи, говоря простымъ языкомъ, утверждаетъ только то, что по случайности въ безконечно долгое время изъ чего хотите можетъ выйти все, что хотите.

Отвѣта на вопросъ нѣтъ. А тотъ же вопросъ поставленъ иначе: вмѣсто воли поставлена случайность, а коэффиціентъ безконечнаго переставленъ отъ могущества ко времени. Но это новое утвержденіе, усиленное послѣдователями Дарвина въ смыслѣ произвольности и неправильности, подкрѣпляло прежнее утвержденіе Конта, и потому оно сдѣлалось откровеніемъ нашего времени и стало основой всѣхъ наукъ, даже исторіи философіи и религіи и, кромѣ того, по наивному признанію самого основателя теоріи, Дарвина, его мысль была вызвана закономъ Мальтуса и потому выставляла теорію борьбы живыхъ существъ и людей за существованіе, какъ основной законъ всего живого. А это только и нужно было толпѣ праздныхъ людей для ихъ оправданія.

Двѣ шаткія, не стоящія на своихъ ногахъ теоріи подперли другъ друга и получили подобіе устойчивости. Обѣ теоріи несли въ себѣ тотъ драгоцѣнный для толпы смыслъ, что въ существующемъ злѣ человѣческихъ обществъ не виноваты люди и что существующій порядокъ есть тотъ самый, который и долженъ

быть; а новая теорія была принята толпою въ томъ смыслѣ, въ какомъ она нужна была, съ полною вѣрою и неслыханнымъ восторгомъ. И вотъ на этихъ двухъ произвольныхъ и неправильныхъ положеніяхъ, принятыхъ какъ догматы вѣры, утвердилось новое научное вѣроученіе.

И по предмету и по формѣ это новое вѣроученіе необыкновенно похоже на церковно-христіанское.

По предмету вѣроученія сходство состоитъ въ томъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣйствительности придано недѣйствительное, фантастическое значеніе, и это-то недѣйствительное значеніе поставлено предметомъ изслѣдованія.

Въ церковно-христіанскомъ вѣроученіи дѣйствительному бывшему Христу придано фантастическое значеніе самого Бога; въ позитивномъ вѣроученіи дѣйствительному существу — живымъ людямъ — придано фантастическое значеніе организма.

По формѣ сходство обоихъ вѣроученій поразительно тѣмъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ извѣстное пониманіе однихъ людей признано за единственно непогрѣшимо истинное.

Въ церковномъ христіанствѣ пониманіе божескаго откровенія людьми, назвавшими себя церковью, признано святымъ и единымъ истиннымъ; по позитивному вѣроученію пониманіе науки людьми, назвавшими себя научными, признано несомнѣннымъ и истиннымъ. Какъ церковные христіане только съ учрежденія своей церкви признавали начало истиннаго знанія Бога и только, какъ бы изъ учтивости, говорили, что и прежніе вѣрующіе были тоже церковь, точно такъ же и позитивная наука, по ея утвержденію, началась только со времени Конта, и научные люди тоже только изъ учтивости допускаютъ существованіе науки и прежде, и то только въ нѣкоторыхъ представителяхъ ея, какъ Аристотель; точно такъ же какъ церковь, такъ и позитивная наука совершенно исключаетъ знанія всего остального человѣчества, признавая всѣ знанія, внѣ своего, *заблужденіемъ*.

Сходство продолжается и далѣе: точно такъ же, какъ въ помощь основному догмату богословія, божественности Христа и троичности, приходитъ старый, но получающій новое значеніе догматъ паденія человѣка и искупленія его смертью Христа, и изъ двухъ этихъ догматовъ складывается популярное церковное ученіе, такъ въ наше время на помощь контовскому основному догмату объ организмѣ человѣчества выступаетъ старый, но получающій новое значеніе догматъ, и изъ обоихъ складывается популярное научное вѣроученіе эволюціи.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ вѣроученіи новый догматъ необходимъ для поддержанія стараго и понятенъ только въ связи

съ основнымъ догматомъ. Если вѣрующему въ божество Христа неясно и непонятно, для чего Богъ сошелъ на землю, то догматъ искупленія даетъ это объясненіе.

Если вѣрующему въ организмъ человѣчества неясно, почему собраніе особей можно считать организмомъ, то догматъ эволюціи объясняетъ это.

Догматъ искупленія нуженъ для того, чтобы примирить противорѣчіе съ дѣйствительностью перваго догмата.

Богъ сошелъ на землю, чтобы спасти людей, а люди не спасены; то какъ же примирить это противорѣчіе? Догматъ искупленія говоритъ: Онъ спасъ вѣрующихъ въ искупленіе; «если вы вѣруете въ искупленіе, то вы спасены».

Такъ же и догматъ эволюціи нуженъ для того, чтобы разрѣшить противорѣчіе съ дѣйствительностью *перваго* догмата: человѣчество есть организмъ, между тѣмъ мы видимъ, что оно не отвѣчаетъ главному признаку организма; какъ же помирить это? И вотъ догматъ эволюціи говоритъ: человѣчество есть образующійся организмъ. Если вы вѣрите въ это, то вы можете разсматривать и человѣчество, какъ организмъ.

И какъ человѣку, свободному отъ суевѣрія троичности и божества Христа, невозможно даже понять, въ чемъ состоитъ интересъ и смыслъ ученія объ искупленіи, — и смыслъ этотъ объясняется только признаніемъ основного догмата, то, что Христосъ — самъ Богъ, — точно такъ же для человѣка, свободнаго отъ позитивнаго суевѣрія, невозможно понять даже, въ чемъ интересъ ученія о происхожденіи видовъ эволюціи, и интересъ этотъ объясняется только тогда, когда знаешь основной догматъ, что человѣчество — организмъ.

И точно такъ же, какъ всѣ тонкости богословія понятны только тѣмъ, кто вѣритъ въ основные догматы, такъ и всѣ тонкости соціологіи, занимающія теперь всѣ умы людей самой послѣдней и глубокомысленной науки, понятны только для вѣрующихъ.

Сходство обоихъ вѣроученій еще и въ томъ, что разъ на вѣру принятыя положенія, не подвергаясь болѣе изслѣдованію, служатъ основаніемъ самыхъ странныхъ теорій, и проповѣдники этихъ теорій, усвоивъ себѣ пріемъ утвержденія за собою права признанія самихъ себя въ богословіи святыми и въ знаніяхъ научными, т.-е. непогрѣшимыми, доходятъ до самыхъ произвольныхъ, невѣроятныхъ и ни на чемъ не основанныхъ утвержденій, которыя они высказываютъ съ величайшей торжественностью и серьезностью и которыя съ такою же серьезностью и торжественностью оспариваются въ своихъ подробностяхъ несо-

гласными въ частностяхъ, но одинаково признающими основные догматы.

Василій Великій этого вѣроученія — Спенсеръ въ одномъ изъ первыхъ сочиненій своихъ выражаетъ это вѣроученіе такъ: общества и организмы, говоритъ онъ, подобны въ слѣдующемъ:

1) въ томъ, что, зачинаясь, какъ малые аггрегаты, они незамѣтно возрастаютъ въ массѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ до величины въ десять тысячъ разъ болѣе первоначальной;

2) въ томъ, что между тѣмъ, какъ въ началѣ они такой простой структуры, что могутъ быть разсматриваемы, какъ лишенные всякой структуры, они пріобрѣтаютъ во время своего роста постоянно увеличивающуюся сложность структуры;

3) въ томъ, что, хотя въ ихъ раннемъ, неразвитомъ періодѣ не существуетъ между ними почти никакой зависимости частей другъ отъ друга, ихъ части постепенно пріобрѣтаютъ взаимную зависимость, которая подъ конецъ дѣлается столь сильною, что дѣятельность и жизнь каждой части становится возможной только для дѣятельности и жизни остальныхъ;

4) въ томъ, что жизнь и развитіе общества независимы и болѣе продолжительны, чѣмъ жизнь и развитіе какой-либо изъ составляющихъ его единицъ, которыя отдѣльно рождаются, растутъ, дѣйствуютъ, воспроизводятся и умираютъ, между тѣмъ какъ политическое тѣло, составленное изъ нихъ, продолжаетъ жить поколѣніе за поколѣніемъ, развиваясь въ массѣ, по совершенству строенія и функціональной дѣятельности.

Далѣе идутъ пункты различія организмовъ и обществъ, и доказывается, что различія эти только кажущіяся, и что организмы и общества совершенно подобны.

Для человѣка свѣжаго прямо представляется вопросъ: да о чемъ вы говорите? Почему человѣчество — организмъ? или почему оно подобно ему?

Вы говорите, что общества подобны организмамъ по этимъ четыремъ признакамъ, но ничего этого вѣдь нѣтъ. Вы только берете нѣкоторые признаки организма и подъ нихъ подводите человѣческія общества.

Вы приводите четыре признака подобія, потомъ берете признаки различія, но только кажущіеся (по-вашему) и заключаете, что человѣческія общества можно разсматривать, какъ организмы. Но вѣдь это—праздная игра діалектики и больше ничего. На такомъ же основаніи подъ признаки организма можно подвести, что хотите.

Беру первое, пришедшее мнѣ въ голову, положимъ — лѣсъ: какъ онъ засѣвается въ полѣ и разрастается.

1) Зачинаясь, какъ малый аггрегатъ, онъ незамѣтно возрастаетъ въ массѣ и т. д.; точь въ точь то же дѣлается на поляхъ, когда они понемногу обсѣменяются и зарастаютъ лѣсомъ.

2) Въ началѣ структура проста, потомъ увеличивается сложность и т. д.; точь въ точь то же съ лѣсомъ: сначала однѣ березки, потомъ лозина, орѣшникъ, сначала всѣ растутъ прямо, потомъ переплетаются вѣтвями.

3) Зависимость частей усиливается такъ, что жизнь каждой части зависитъ отъ жизни и дѣятельности остальныхъ; точь въ точь то же съ лѣсомъ: орѣшникъ грѣетъ стволы (выруби его — замерзнутъ другія деревья), опушка охраняетъ отъ вѣтра, сѣменныя деревья продолжаютъ породы, высокія и курчавыя даютъ тѣнь, и жизнь одного дерева зависитъ отъ другого.

4) Отдѣльныя части могутъ умирать, но все живетъ; точь въ точь то же съ лѣсомъ: лѣсъ по дереву не плачетъ.

Точь въ точь то же и съ тѣмъ приводимымъ обыкновенно защитниками теоріи примѣромъ, что отрубить руку — рука умретъ; высадить дерево внѣ тѣни и лѣсной почвы — оно умретъ.

Замѣчательно также сходство этого вѣроученія съ церковно-христіанскимъ и всякимъ другимъ, основаннымъ на принятыхъ на вѣру догматахъ, по своей непроницаемости противъ логики.

Показавъ, что лѣсъ вы можете съ такимъ же правомъ, по этой теоріи разсматривать, какъ организмъ, вы думаете, что доказали послѣдователямъ органическаго ученія несправедливость ихъ опредѣленія,—нисколько.

То опредѣленіе, которое они даютъ организму, такъ неточно и растяжимо, что они подъ это опредѣленіе могутъ подвести что̀ хотятъ.

Да, скажутъ они, и лѣсъ можно разсматривать, какъ организмъ. Лѣсъ есть взаимодѣйствіе особей, не истребляющихъ другъ друга,—аггрегатъ, части его тоже могутъ перейти въ болѣе тѣсную связь, и онъ, диференцируясь и интегрируясь можетъ сдѣлаться организмомъ.

Тогда вы скажете: если такъ, то птицъ, и насѣкомыхъ, и травы этого лѣса, взаимодѣйствующихъ и не истребляющихъ другъ друга, можно также разсматривать вмѣстѣ съ деревьями, какъ одинъ организмъ.

Они и на это согласятся. Всякое собраніе живыхъ существъ, взаимодѣйствующихъ и не истребляющихъ другъ друга, можно также разсматривать, какъ организмъ по ихъ теоріи. Вы можете утверждать связь и кооперацію между чѣмъ хотите, и по эво-

люціи вы можете утверждать, что изъ чего хотите можетъ выйти въ очень долгое время все, что хотите.

Вѣрующимъ въ троичность Бога нельзя доказать того, что этого нѣтъ, но можно показать имъ, что утвержденіе ихъ есть утвержденіе не знанія, а вѣры, что если они утверждаютъ, что боговъ три, то я съ такимъ же правомъ могу утверждать, что ихъ $17^1/_2$; то же самое и еще несомнѣннѣе можно доказать послѣдователямъ позитивной и эволюціонной науки. На основаніи этой науки я берусь доказать все, что хотите. И что удивительнѣе всего, — это то, что эта самая позитивная наука признакомъ истиннаго знанія признаетъ научный методъ и сама опредѣлила то, что она называетъ научнымъ методомъ. Научнымъ методомъ она называетъ здравый смыслъ. И этотъ-то здравый смыслъ на каждомъ шагу и уличаетъ ее.

Какъ только тѣ, которые занимали мѣсто святыхъ, почувствовали, что въ нихъ ничего не осталась святого, что они всѣ проклятые, какъ папа и нашъ синодъ, такъ они сейчасъ же назвали себя не святыми только, а святѣйшими. Какъ только наука почувствовала, что въ ней не осталось ничего здравомыслящаго, такъ она назвала себя здравомыслящей, т.-е. научной наукой.

XXXI.

Раздѣленіе труда есть законъ всего существующаго и потому оно должно быть въ человѣческихъ обществахъ. Очень можетъ быть, что это такъ, но остается все-таки вопросъ о томъ, что то раздѣленіе труда, которое теперь есть въ человѣческихъ обществахъ, есть ли то самое раздѣленіе труда, которое должно быть. И если люди считаютъ извѣстное раздѣленіе труда неразумнымъ и несправедливымъ, то никакая наука не можетъ доказать людямъ, что должно быть то, что они считаютъ неразумнымъ и несправедливымъ.

Богословская теорія доказывала, что власть отъ Бога, и очень можетъ быть, что она отъ Бога, но оставался вопросъ: чья власть Екатерины или Пугачева? И никакія тонкости богословскія не могли разрѣшить этого сомнѣнія.

Философія духа доказывала, что государство есть форма развитія личностей; но остается вопросъ: можно ли государство Нерона или Чингисъ-хана считать формой для развитія личностей? И никакія трансцендентныя слова не могли разрѣшить этого.

То же и съ научной наукой.

Раздѣленіе труда есть условіе жизни организмовъ и человѣческихъ обществъ; но что въ этихъ человѣческихъ обществахъ

считать органическимъ раздѣленіемъ труда? И сколько бы наука ни изучала раздѣленіе труда въ клѣточкахъ глистовъ, всѣ эти наблюденія не заставятъ человѣка признать правильнымъ раздѣленіе труда такое, которое не признаютъ таковымъ его разумъ и совѣсть.

Какъ бы убѣдительны ни были доказательства раздѣленія труда клѣточекъ въ наблюдаемыхъ организмахъ, человѣкъ, если онъ еще не лишился разсудка, все-таки скажетъ, что ткать всю жизнь одни только ситцы человѣку не должно и что это не есть раздѣленіе труда, а есть угнетеніе людей.

Спенсеръ и прочіе говорятъ, что есть цѣлыя населенія ткачей, и потому ткацкая дѣятельность есть раздѣленіе труда; но, говоря это, вѣдь они говорятъ точь въ точь то же, что говоритъ богословъ.

Есть власть и потому она отъ Бога, какая бы она ни была. Есть ткачи — значитъ таково раздѣленіе труда. Вѣдь хорошо было бы говорить такъ, если бы власть и населенія ткачей дѣлались сами собою, а мы знаемъ, что они дѣлаются не сами собой, а мы ихъ дѣлаемъ. Такъ вотъ надо узнать, что дѣлали-то мы эту власть отъ Бога или отъ себя, и дѣлали мы этихъ ткачей по органическому закону или по чему другому?

Живутъ люди, кормятся земледѣліемъ, какъ свойственно всѣмъ людямъ. Одинъ человѣкъ устроилъ кузнечное горно и починилъ свой плугъ, приходитъ къ нему сосѣдъ и проситъ тоже починить и обѣщаетъ ему за это работу или деньги. Приходитъ третій, четвертый, и въ обществѣ этихъ людей происходитъ слѣдующее раздѣленіе труда: дѣлается кузнецъ. Другой человѣкъ хорошо выучилъ своихъ дѣтей, къ нему приводитъ дѣтей сосѣдъ и проситъ учить ихъ,—и дѣлается учитель; но и кузнецъ и учитель сдѣлались и продолжаютъ быть такими только потому, что ихъ просили, и остаются таковыми до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ быть кузнецомъ и учителемъ. Чтò бы случилось, что заведется много кузнецовъ и учителей, если ихъ работа не нужна, они тотчасъ, какъ этого требуетъ здравый смыслъ и какъ это бываетъ всегда тамъ, гдѣ нѣтъ причинъ нарушенія правильности раздѣленія труда,—они тотчасъ бросаютъ свое мастерство и опять берутся за земледѣліе.

Люди, поступающіе такъ, руководятся своимъ разумомъ, своею совѣстью, и потому мы, люди, одаренные разумомъ и совѣстью, всѣ утверждаемъ, что такое раздѣленіе труда — правильно. Но если бы случилось, что кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на нихъ и продолжали бы дѣлать подковы, когда ихъ не нужно, а учителя учили бы,

когда некого учить, то всякому свѣжему человѣку, какъ человѣку, т.-е существу, одаренному разумомъ и совѣстью, очевидно, что это не было бы раздѣленіемъ, а захватомъ чужого труда, потому что такая дѣятельность отступала бы отъ того единственнаго мѣрила, по которому можно узнать правильность раздѣленія труда: требованіе этого труда другими людьми и свободно предлагаемое за него вознагражденіе. А между тѣмъ такая-то именно дѣятельность и есть то, что называется по научной наукѣ раздѣленіемъ труда.

Люди дѣлаютъ то, на что̀ другіе и не думаютъ заявлять требованія, и требуютъ, чтобы ихъ кормили за это, и говорятъ, что это справедливо потому, что это есть раздѣленіе труда.

То, что составляетъ главное общественное бѣдствіе народа не у насъ однихъ, — это управленіе, безчисленное количество чиновниковъ; то, что составляетъ причину экономическаго бѣдствія нашего времени, — это то, что англичане называютъ overproduction, перепроизводство (то, что надѣлано пропасть вещей, которыхъ некуда дѣвать и которыя никому не нужны); все это происходитъ только изъ того страннаго пониманія раздѣленія труда.

Странно было бы видѣть сапожника, который считалъ бы, что люди обязаны кормить его за то, что онъ шьетъ не переставая сапоги, которые давно ужъ никому не нужны; но что же сказать про тѣхъ людей правительства, церкви, науки и искусства, которые ужъ ничего не шьютъ, ничего не только видимаго, но полезнаго для народа не производятъ, на товаръ которыхъ нѣтъ охотниковъ и которые также смѣло, на основаніи раздѣленія труда требуютъ, чтобы ихъ и кормили, и поили сладко, и одѣвали хорошо?

Могутъ быть и есть колдуны, къ дѣятельности которыхъ заявляются требованія, и имъ носятъ за это лепешки и полуштофы; но того, чтобы были такіе колдуны, колдовство которыхъ никому не нужно, и которые бы смѣло требовали, чтобы ихъ сладко кормили за то, что они будутъ колдовать,—это трудно себѣ представить.

А это самое и есть въ нашемъ мірѣ съ людьми правительства, церкви, науки и искусства.

И все это происходитъ на основаніи того ложнаго понятія раздѣленія труда, опредѣляемаго не своею совѣстью, а наблюденіемъ, которое съ такимъ единодушіемъ исповѣдуютъ люди науки.

Раздѣленіе труда дѣйствительно всегда было и есть, но оно правильно только тогда, когда человѣкъ рѣшитъ своею совѣ-

стью и разумомъ, что оно должно быть, а не тогда, когда онъ будетъ наблюдать его. И совѣсть и разумъ всѣхъ людей очень просто, несомнѣнно и единогласно рѣшаютъ этотъ вопросъ.

Они рѣшаютъ его всегда такъ, что раздѣленіе труда правильно только тогда, когда особенная дѣятельность человѣка такъ нужна людямъ, что они, прося его послужить имъ, сами охотно предлагаютъ ему кормить его за то, что̀ онъ будетъ для нихъ дѣлать. Когда же человѣкъ можетъ съ дѣтства до 30 лѣтъ прожить на шеѣ другихъ, обѣщая сдѣлать, когда онъ выучится, что-то очень полезное, о которомъ никто его не проситъ, и когда потомъ отъ 30 лѣтъ до смерти онъ можетъ жить такъ же, все только съ обѣщаніями сдѣлать что-то, о чемъ его никто не проситъ, то это не будетъ (какъ и нѣтъ его на самомъ дѣлѣ въ нашемъ обществѣ) раздѣленіе труда, а будетъ, какъ оно и есть, одинъ только захватъ чужого труда сильнымъ, который прежде богословы называли божескимъ назначеніемъ, потомъ философы—необходимыми формами жизни, а теперь научная наука называетъ органическимъ раздѣленіемъ труда.

Все значеніе царствующей науки только въ этомъ.

Она теперь стала раздавательницей дипломовъ на праздность, потому что она одна въ своихъ капищахъ разбираетъ и опредѣляетъ, какая паразитическая, какая органическая дѣятельность человѣка въ общественномъ организмѣ. Какъ будто каждый человѣкъ не можетъ этого самаго узнать гораздо вѣрнѣе и короче, справившись съ разумомъ и совѣстью.

И какъ прежде для духовенства, потомъ для государственныхъ людей не могло быть сомнѣнія въ томъ, кто самые нужные для другихъ люди, такъ теперь людямъ научной науки кажется что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ихъ-то дѣятельность и есть несомнѣнно органическая: они, научные и художественные дѣятели, суть мозговыя, самыя драгоцѣнныя клѣточки организма. Но Богъ съ ними; пускай бы они царствовали: сладко пили, ѣли и праздновали, какъ пускай бы праздновали и царствовали бы жрецы и софисты; только бы они, какъ жрецы и софисты, не развращали людей.

Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, разумныя существа,—они различали добро отъ зла и пользовались тѣмъ, что до нихъ въ этомъ различеніи сдѣлали люди: боролись со зломъ, искали истинный, наилучшій путь и медленно, но неотступно подвигались на этомъ пути. И всегда, заграждая этотъ путь, становились передъ людьми различные обманы, имѣющіе цѣлью показать имъ, что этого не нужно дѣлать, а нужно жить, какъ

живется. Стояли страшные, старые обманы церковныхъ людей; съ страшными борьбою и трудомъ люди понемногу высвободились изъ нихъ, но не успѣли они высвободиться, какъ на мѣсто старыхъ сталъ новый обманъ — государственно-философскій. Люди выбились и изъ него.

И вотъ новый и еще злѣйшій обманъ выросъ на пути людей: обманъ научный.

Новый этотъ обманъ точно такой же, какъ и старые: сущность его въ томъ, чтобы подмѣнить дѣятельность разума и совѣсти своей и жившихъ прежде насъ людей чѣмъ-нибудь внѣшнимъ: въ научномъ внѣшнее — наблюденіе, въ церковномъ ученіи внѣшнее были откровенія.

Ловушка этой науки состоитъ въ томъ, чтобы, указавъ людямъ на самыя грубыя извращенія дѣятельности разума и совѣсти людей, разрушить въ нихъ вѣру въ самый разумъ и совѣсть и, скрывъ свой обманъ, одѣтый въ научную теорію, увѣрить ихъ, что они, изучая внѣшнія явленія, изучаютъ несомнѣнные факты, которые откроютъ имъ законъ жизни человѣка. Умственный же развратъ состоитъ въ томъ, что, усвоивъ себѣ вѣрованіе о томъ, что предметы, подлежащіе совѣсти и разуму, подлежатъ наблюденію, люди эти теряютъ сознаніе добра и зла и становятся неспособными понимать тѣ выраженія и опредѣленія добра и зла, которыя выработаны всей предшествующей жизнью человѣчества. Все, что имъ самимъ говоритъ разумъ и совѣсть, все что онъ говорилъ высшимъ представителямъ людей, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, все это на ихъ жаргонѣ условно и субъективно. Все это надо оставить, говорятъ они; разумомъ нельзя понять истину, потому что можно ошибиться, а есть другой путь—безошибочный и почти механическій: надо изучать факты. Изучать же факты надо на основаніи научной науки, т.-е. двухъ ни на чемъ не основанныхъ предположеній: позитивизма и эволюціи, которыя выдаются за несомнѣннѣйшія истины.

И царствующая наука съ обманной торжественностью заявляетъ, что разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни возможно только изученіемъ фактовъ природы и въ особенности организмовъ.

Легковѣрная толпа молодежи, подавленная новостью этого, не только, не разрушеннаго, но еще не затронутаго критикою авторитета, бросается на изученіе этихъ фактовъ въ естественныхъ наукахъ, на тотъ единственный путь, который, по утвержденію царствующаго ученія, можетъ привести къ уясненію вопросовъ жизни.

Но чѣмъ дальше подвигаются ученики въ этомъ изученіи, тѣмъ дальше и дальше становится отъ нихъ не только возможность, но даже самая мысль о разрѣшеніи вопроса жизни, и тѣмъ больше и больше привыкаютъ они не столько наблюдать, сколько вѣрить на слово чужимъ наблюденіямъ (вѣрить въ клѣточки, въ протоплазму, въ 4-е состояніе тѣлъ и т. п.); тѣмъ больше и больше форма заслоняетъ отъ нихъ содержаніе; тѣмъ больше и больше теряютъ они сознаніе добра и зла и способность понимать тѣ выраженія и опредѣленія добра и зла, которыя выработаны всей предшествующей жизнью человѣчества; тѣмъ болѣе и болѣе усваиваютъ они себѣ спеціальный научный жаргонъ условныхъ выраженій, не имѣющій общечеловѣческаго значенія; тѣмъ дальше и дальше заходятъ они въ дебри ничѣмъ не освѣщенныхъ наблюденій; тѣмъ больше и больше лишаются они способности не только самостоятельно мыслить, но понимать даже чужую, свѣжую, находящуюся внѣ ихъ талмуда человѣческую мысль; главное же, все больше проводятъ лучшіе годы въ отвыканіи отъ жизни, т.-е. отъ труда, привыкаютъ считать свое положеніе оправданнымъ и дѣлаются и физически ни на что не годными паразитами, и умственно вывихиваютъ себѣ мозги, и становятся скопцами мысли. И точно такъ же, по мѣрѣ оглупѣнія, пріобрѣтаютъ самоувѣренность, лишающую ихъ уже навсегда возможности возврата къ простой, трудовой жизни, простому, ясному и человѣческому мышленію.

XXXII.

Раздѣленіе труда въ человѣческомъ обществѣ всегда было и, вѣроятно, будетъ; но вопросъ для насъ не въ томъ, что оно есть и будетъ, а въ томъ, чѣмъ мы должны руководиться, чтобы раздѣленіе это было правильно. Если же мы наблюденіе возьмемъ за мѣрило, то мы этимъ самымъ откажемся отъ всякаго мѣрила; тогда всякое раздѣленіе труда, какое мы будемъ видѣть между людьми и какое намъ покажется правильнымъ, мы и будемъ считать правильнымъ, къ чему и ведетъ царствующая научная наука.

Раздѣленіе труда! Одни заняты умственной, духовной, другіе мускульной, физической работой. Съ какою увѣренностью говорятъ эти люди! Имъ хочется это думать и имъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно правильный обмѣнъ услугъ тамъ, гдѣ происходитъ самое простое, старинное насиліе.

Ты или скорѣе вы (потому что всегда многимъ надо кормить одного), вы меня кормите, одѣваете, дѣлаете для меня всю

ту грубую работу, которую я потребую и къ которой вы привыкли съ дѣтства, а я буду дѣлать для васъ ту умственную работу, которую я умѣю и къ которой уже привыкъ. Вы давайте мнѣ тѣлесную, а я буду давать духовную пищу. (Расчетъ кажется совершенно вѣренъ, и онъ былъ бы совершенно вѣренъ, если бы обмѣнъ этихъ услугъ былъ свободный; если бы тѣ, которые доставляютъ тѣлесную пищу, не обязаны были доставлять ее прежде, чѣмъ они получатъ духовную пищу.)

Производитель духовной пищи говоритъ: для того, чтобы я могъ вамъ дать духовную пищу, вы кормите, одѣвайте меня, выносите за мной мои нечистоты.

Производитель же тѣлесной пищи долженъ все это дѣлать, не заявляетъ никакихъ требованій, и даетъ тѣлесную пищу, хотя бы онъ и не получалъ духовной пищи. Если бы обмѣнъ былъ свободенъ, то условія тѣхъ и другихъ были бы одинаковы.

Мы согласны, что духовная пища такъ же необходима для человѣка, какъ и тѣлесная. Ученый, художникъ говоритъ: прежде чѣмъ мы можемъ начать служить людямъ духовной пищей, намъ нужно, чтобы люди продовольствовали насъ тѣлесной. Но отчего же производителю тѣлесной пищи не сказать, что прежде, чѣмъ мнѣ служить вамъ тѣлесной пищей, мнѣ нужна духовная пища, и, не получивъ ее, я не могу работать?

Вы говорите: мнѣ нужна работа пахаря и кузнеца, сапожника, и плотника, и каменщиковъ, золотарей и др. для того, чтобы приготовлять мою духовную пищу. Каждый работникъ тоже долженъ сказать: прежде чѣмъ мнѣ идти работать, приготовляя для васъ тѣлесную пищу, мнѣ нужно имѣть уже плоды духовной пищи. Для того, чтобы мнѣ имѣть силы для работы, мнѣ необходимы: религіозное ученіе, порядокъ въ общей жизни, приложеніе знаній къ труду, радости и утѣшенія, которыя даютъ искусства. Я не имѣю времени выработать свое ученіе о смыслѣ жизни, — дайте мнѣ его. Я не имѣю времени придумать уставовъ жизни, общей, такой, при которой бы не нарушилась справедливость,—дайте мнѣ это. Я не имѣю времени заниматься механикой, физикой, химіей, технологіей,—дайте мнѣ книги съ указаніемъ о томъ, какъ мнѣ улучшить свои орудія, свои пріемы работы, свои жилища, свое отопленіе, освѣщеніе. Я не имѣю времени самъ заниматься поэзіей, пластическимъ искусствомъ, музыкой,—дайте мнѣ необходимыя для жизни возбужденія и утѣшенія; дайте мнѣ эти произведенія искусствъ. Вы говорите, что вамъ невозможно заниматься вашими важными и нужными дѣлами, если вы будете лишены того труда, который несутъ за васъ рабочіе люди. Я говорю, скажетъ рабочій,

что мнѣ невозможно заниматься моими не менѣе важными и нужными дѣлами: пахать, возить навозъ и очищать ваши нечистоты, если я буду лишенъ религіознаго и соотвѣтственнаго требованіямъ моего ума и совѣсти руководства, разумнаго управленія, обезпечивающаго мой трудъ, указанія знанія для облегченія моей работы, радостей искусствъ для облагороженія моего труда. Все, что вы до сихъ поръ предлагаете мнѣ въ видѣ духовной пищи, не только не годится мнѣ, но я даже не могу понять, на что это кому-нибудь можетъ быть нужно. А пока я не получу этой пищи, свойственной мнѣ, какъ и каждому человѣку, я не могу питать васъ тѣлесной пищей, которую я произвожу. Что если рабочій скажетъ это?

И если онъ скажетъ это, вѣдь это будетъ не шутка, а только самая простая справедливость.

Вѣдь если рабочій только скажетъ это, то правоты гораздо болѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ человѣка умственнаго труда. Правоты на его сторонѣ больше потому, что трудъ, доставляемый рабочимъ человѣкомъ, первѣе и необходимѣе, чѣмъ трудъ производителя умственнаго труда, и потому, что человѣку умственнаго труда ничто не мѣшаетъ давать рабочему ту духовную пищу, которую онъ обѣщалъ ему; рабочему же мѣшаетъ давать тѣлесную пищу то, что ему самому недостаетъ этой тѣлесной пищи.

Что же отвѣтимъ мы, люди умственнаго труда, если намъ предъявятъ такія простыя и законныя требованія? Чѣмъ удовлетворимъ мы ихъ? Катехизисомъ Филарета, священными исторіями Соколовыхъ и листками разныхъ лавръ (Невская, Троицкая лавра) и Исакіевскаго собора — для удовлетворенія его религіозныхъ требованій; сводомъ законовъ, кассаціонными рѣшеніями разныхъ департаментовъ и разными уставами комитетовъ и комиссій—для удовлетворенія требованій порядка; спектральнымъ анализомъ, измѣреніями млечныхъ путей, воображаемой геометріей, микроскопическими изслѣдованіями, спорами спиритизма и медіумизма, дѣятельностью академій наукъ — для удовлетворенія требованій знанія. Чѣмъ удовлетворимъ его художественнымъ требованіямъ? Пушкинымъ, Достоевскимъ, Тургеневымъ, Л. Толстымъ, картинами французскаго салона и нашихъ художниковъ, изображающихъ голыхъ бабъ, атласъ, бархатъ, и пейзажи и жанры, музыкой Вагнера и нашими музыкантами; ничто это не годится и не можетъ годиться, потому что съ своимъ правомъ на пользованіе трудомъ народа и отсутствіемъ всякихъ обязанностей въ нашемъ приготовленіи духовной пищи, мы потеряли совсѣмъ изъ виду то единственное назначеніе, которое должна имѣть наша

дѣятельность. Мы даже не знаемъ, что нужно рабочему народу, мы даже забыли его образъ жизни, его взглядъ на вещи, языкъ; даже самый народъ рабочій забыли и изучаемъ его, какъ какую-то этнографическую рѣдкость или новооткрытую Америку.

Такъ вотъ, мы, требуя себѣ тѣлесной пищи, взялись поставлять духовную пищу; но, вслѣдствіе того воображаемаго раздѣленія труда, по которому мы можемъ не только прежде пообѣдать, а потомъ сработать, но можемъ цѣлыми поколѣніями сладко обѣдать, ничего не работая, мы заготовили въ видѣ оплаты народу за нашъ кормъ что-то годное только, какъ намъ кажется, для насъ и для науки и для искусства, но негодное, совершенно непонятное и противное, какъ лимбургскій сыръ, для тѣхъ самыхъ людей, труды которыхъ мы поѣдаемъ подъ предлогомъ доставленія имъ духовной пищи.

Мы въ нашемъ ослѣпленіи до такой степени упустили изъ виду взятую на себя обязанность, что даже забыли про то, во имя чего производится наша работа, и тотъ самый народъ, которому мы взялись служить, сдѣлали предметомъ нашей научной и художественной дѣятельности.

Мы изучаемъ и изображаемъ его для своей забавы и развлеченія, мы совершенно забыли то, что намъ надо не изучать и изображать его, а служить ему.

Мы до такой степени упустили изъ виду эту взятую на себя обязанность, что не замѣтили даже, какъ то, что мы взялись дѣлать въ области наукъ и искусствъ, сдѣлали не мы, а другіе, и мѣсто наше оказалось занятымъ. Оказалось, что покуда мы спорили,—подобно тому, какъ богословы о безсѣменномъ зачатіи, — то о самородномъ зарожденіи организмовъ, то о спиритизмѣ, то о формѣ атомовъ, то о пангенезисѣ (о происхожденіи организмовъ) и о томъ, что есть въ протоплазмѣ, и т. п., народу все-таки понадобилась духовная пища, и неудачники и отверженцы наукъ и искусствъ, по заказу аферистовъ, имѣющихъ въ виду одну цѣль наживы, начали поставлять народу эту духовную пищу и поставляютъ ее. Вотъ уже лѣтъ 40 въ Европѣ и лѣтъ 10 у насъ въ Россіи расходятся милліонами книги и картины, и пѣсенники, и открываются балаганы, и народъ и смотритъ, и поетъ, и получаетъ духовную пищу не отъ насъ, взявшихся поставлять ее, а мы, оправдывающіе свою праздность той духовной пищей, которую мы будто бы оставляемъ, мы сидимъ и хлопаемъ глазами. А нельзя намъ хлопать глазами, вѣдь выскальзываетъ изъ-подъ ногъ послѣднее оправданіе.

Мы спеціализировались. У насъ есть наша особенная функціональная дѣятельность. Мы—мозгъ народа. Онъ кормитъ насъ.

а мы взялись его учить. Только во имя этого мы освободили себя отъ труда. Чему же мы научили и чему учимъ его? Онъ ждалъ года, десятки, сотни лѣтъ. И все мы разговариваемъ и другъ друга учимъ и потѣшаемъ, а его мы даже совсѣмъ забыли. Такъ забыли, что другіе взялись учить и потѣшать его, и мы даже не замѣтили этого, такъ несерьезно мы говорили о раздѣленіи труда, такъ очевидно, что то, что мы говорили о пользѣ, приносимой нами народу, была одна безстыдная отговорка.

XXXIII.

Было время, что церковь руководила духовной жизнью людей нашего міра; церковь обѣщала людямъ благо и за это выгородила себя изъ участія въ борьбѣ человѣчества за жизнь. И какъ только она сдѣлала это, она отступила отъ своего призванія, и люди отвернулись отъ нея. Не заблужденія церкви погубили ее, а отступленіе служителей ея отъ закона труда, выговоренное съ помощью власти при Константинѣ; ихъ право праздности и роскоши породили ея заблужденія. Съ этого права начались заботы церкви о церкви, а не о людяхъ, которымъ они взялись служить. И служители церкви предались праздности и разврату.

Государство взялось руководить жизнью человѣчества. Государство обѣщало людямъ справедливость, спокойствіе, обезпеченность, порядокъ, удовлетвореніе общихъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ, и за это люди, служившіе государству, выгородили себя изъ участія въ борьбѣ человѣчества за жизнь. И слуги государства, какъ только они получили возможность пользоваться трудомъ другихъ, сдѣлали то же, что̀ и служители церкви. Цѣлью ихъ сталъ не народъ, а государство, и служители государства — отъ королей до низшихъ чиновниковъ, должностныхъ лицъ — и въ Римѣ, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Россіи, и въ Америкѣ предались праздности и разврату.

И люди извѣрились въ государство, анархія уже сознательно выставляется идеаломъ.

Государство потеряло свое обаяніе на людей только потому, что служители его признали за собой право пользоваться трудами народа.

То же сдѣлала наука и искусство съ помощью государственной власти, которую онѣ взялись поддерживать. И онѣ выговорили себѣ право праздности и пользованія чужими трудами и также измѣнили своему призванію.

И такъ же заблужденія ихъ произошли только потому, что служители ея, выставивъ ложно понятый принципъ раздѣленія труда, признали за собой право пользоваться трудами другихъ и потеряли смыслъ своего призванія, сдѣлавъ себѣ цѣлью не пользу народа, а таинственную пользу науки и искусствъ, и такъ же, какъ ихъ предшественники, предались праздности и разврату, не столько чувственному, сколько умственному.

Говорятъ: наука и искусство многое дали человѣчеству. Это совершенно справедливо.

Церковь и государство много дали человѣчеству, но не потому, что они злоупотребляли своей властью и ихъ служители отступили отъ общей всѣмъ людямъ и вѣчной обязанности труда за жизнь, но несмотря на это.

Точно такъ же и наука и искусства много дали человѣчеству не потому, что люди науки и искусства, подъ видомъ раздѣленія труда, живутъ на шеѣ рабочаго народа, а несмотря на это. Римская республика была могущественна не потому, что граждане ея имѣли возможность развратничать, а потому, что въ числѣ ихъ были доблестные граждане. То же самое и съ наукой и съ искусствомъ.

Наука и искусство дали много человѣчеству, но не потому, что служители ихъ имѣли изрѣдка прежде и теперь имѣютъ всегда возможность освободить себя отъ труда, а потому, что были геніальные люди, которые, не пользуясь этимъ правомъ, двигали впередъ человѣчество.

Сословіе ученыхъ и художниковъ, заявляющее, на основаніи ложнаго раздѣленія труда, требованія на право пользованія трудомъ другихъ, не можетъ содѣйствовать успѣху истинной науки и истиннаго искусства, потому что ложь не можетъ произвести истины.

Мы такъ привыкли къ тѣмъ выхоленнымъ, жирнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда, что намъ представляется дикимъ то, чтобы ученый или художникъ пахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ и встрясется на телѣгѣ вся его мудрость, и опачкаются въ навозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди; но мы такъ привыкли къ этому, что намъ не кажется страннымъ то, что нашъ служитель науки, т.-е. служитель и учитель истины, заставляя другихъ людей дѣлать для себя то, что онъ самъ можетъ сдѣлать, половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ; намъ не странно видѣть нашего философа въ трактирѣ, въ теа-

трѣ, на балѣ, не странно узнавать, что тѣ художники, которые услаждаютъ и облагораживаютъ наши души, проводили свою жизнь въ пьянствѣ, картахъ и у дѣвокъ, если еще не хуже.

Наука и искусство — прекрасныя вещи, но именно потому, что онѣ прекрасныя, ихъ не надо портить присоединеніемъ къ нимъ разврата, т.-е. освобожденія себя отъ обязанности человѣка служить трудомъ жизни своей и другихъ людей.

Наука и искусство подвинули впередъ человѣчество — да! но не тѣмъ, что люди науки и искусства, подъ видомъ раздѣленія труда, и словомъ и, главное, дѣломъ учатъ другихъ пользоваться насиліемъ, нищетою и страданіями людей для того, чтобы освободить себя отъ самой первой и несомнѣнной человѣческой обязанности трудиться руками въ общей борьбѣ человѣчества съ природою.

XXXIV.

«Но только раздѣленіе труда, освобожденіе людей науки и искусства отъ необходимости вырабатывать свою пищу и дало возможность того необычайнаго успѣха наукъ, который мы видимъ въ наше время», говорятъ на это.

«Если бы всѣ должны были пахать, не были бы достигнуты тѣ громадные результаты, которые достигнуты въ наше время; не было бы тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые такъ увеличили власть человѣка надъ природою; не было бы тѣхъ астрономическихъ, такъ поражающихъ человѣческій умъ открытій, упрочившихъ мореплаваніе; не было бы пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, удивительныхъ мостовъ, тоннелей, паровыхъ двигателей, телеграфовъ, фотографій, телефоновъ, швейныхъ машинъ, фонографовъ, электричества, телескоповъ, спектроскоповъ, микроскоповъ, хлороформа, Листеровой повязки, карболовой кислоты».

Я не перечисляю всего, чѣмъ такъ гордится нашъ вѣкъ.

Перечисленіе это и восторги передъ самимъ собою и своими подвигами можно найти почти въ каждой газетѣ и популярной книжкѣ. Восторги эти передъ самимъ собой до такой степени часто повторяются, мы всѣ до такой степени не можемъ достаточно нарадоваться на самихъ себя, что мы серьезно съ Жюлемъ Верномъ увѣрены, что наука и искусства никогда не дѣлали такихъ успѣховъ, какъ въ наше время.

Всѣмъ же этимъ удивительнымъ успѣхамъ мы обязаны раздѣленію труда, такъ какъ же не признавать его?

Допустимъ, что дѣйствительно, успѣхи, сдѣланные въ нашъ вѣкъ, поразительны, удивительны, необычайны; допустимъ, что

мы тоже особенные счастливцы, что живемъ въ такое необыкновенное время. Но попытаемся оцѣнить эти успѣхи не нашимъ самодовольствомъ, а тѣмъ самымъ принципомъ, который защищается этими успѣхами раздѣленія труда, т.-е. тѣмъ умственнымъ трудомъ людей науки на пользу народа, который долженъ выкупить освобожденіе отъ труда людей науки и искусства. Всѣ эти успѣхи очень удивительны, но по какой-то несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, до сихъ поръ успѣхи эти не улучшили, а скорѣй ухудшили положеніе рабочаго.

Если рабочій можетъ, вмѣсто ходьбы, проѣхаться по желѣзной дорогѣ, то зато желѣзная дорога сожгла его лѣсъ, увезла у него изъ-подъ носа хлѣбъ и привела его въ состояніе, близкое къ рабству, — къ желѣзнодорожнику.

Если благодаря паровымъ двигателямъ и машинамъ рабочій можетъ купить сквернаго ситцу, то зато эти двигатели и машины лишили его заработка дома и привели въ состояніе совершеннаго рабства — къ фабриканту.

Если есть телеграфы, которыми ему не запрещается пользоваться, но которыми онъ, по своимъ средствамъ, не можетъ пользоваться, то зато всякое произведеніе его, которое входитъ въ цѣну, скупается у него подъ носомъ капиталистами по дешевой цѣнѣ, благодаря телеграфу, прежде чѣмъ рабочій узнаетъ о требованіи на этотъ предметъ.

Если есть телефоны и телескопы, стихи, романы, театры, балеты, симфоніи, оперы, картинныя галлереи т. п., то жизнь рабочаго отъ этого всего не улучшилась, потому что все это, по той же несчастной случайности, недоступно ему.

Такъ что въ общемъ, въ чемъ согласны и люди науки, до сихъ поръ всѣ эти необычайныя изобрѣтенія и произведенія искусства если не ухудшили, то никакъ не улучшили жизнь рабочаго.

Такъ что если къ вопросу о дѣйствительности успѣховъ, достигнутыхъ науками и искусствами, мы приложимъ не наше восхищеніе передъ самими собой, а то самое мѣрило, на основаніи котораго защищается раздѣленіе труда, — пользу рабочему народу, то увидимъ, что у насъ еще нѣтъ твердыхъ основаній для того самодовольства, которому мы такъ охотно предаемся.

Мужикъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, баба купитъ ситцу, въ избѣ будетъ не лучина, а лампа, и мужикъ закуритъ трубку спичкой—это удобно; но по какому же праву я могу сказать, что желѣзныя дороги и фабрики принесли пользу народу?

Если мужикъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ и покупаетъ лампу, ситецъ и спички, то только потому, что нельзя этого запре-

тить мужику; вѣдь мы всѣ знаемъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ никогда не дѣлалась для пользы народа, такъ зачѣмъ же случайныя удобства, которыми нечаянно пользуется рабочій человѣкъ, приводить въ доказательство полезности этихъ учрежденій для народа.

Вѣдь мы всѣ знаемъ, что о рабочемъ человѣкѣ, если и думали тѣ техники и капиталисты, которые строили дорогу и фабрику, то только въ томъ смыслѣ, какъ бы вытянуть изъ него послѣднія жилы. И какъ мы видимъ, и у насъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ вполнѣ достигли этого.

Во всемъ вредномъ есть полезное. Послѣ пожара можно погрѣться и закурить головешкой трубку; но зачѣмъ же говорить, что пожаръ полезенъ?

Не будемъ, по крайней мѣрѣ, самихъ себя обманывать. Вѣдь всѣ мы знаемъ мотивы, по которымъ строятся дороги и фабрики и добываются керосинъ и спички.

Техникъ строитъ дорогу для правительства, для военныхъ цѣлей, для капиталистовъ, для финансовыхъ цѣлей. Онъ дѣлаетъ машины и для фабриканта, для наживы своей и капиталиста. Все, что онъ дѣлаетъ и выдумываетъ, онъ дѣлаетъ и выдумываетъ для цѣлей правительства, для цѣлей капиталиста и богатыхъ людей. Самыя хитрыя его изобрѣтенія техники направлены прямо или на вредъ народа, какъ пушки, торпеды, одиночныя тюрьмы, приборы для акциза, телеграфы и т. п.; или на предметы, которые не могутъ быть не только полезны, но и приложимы: электрическій свѣтъ, телефоны и всѣ безчисленныя усовершенствованія комфорта; или, наконецъ, на тѣ предметы, которыми можно развращать народъ и выманивать у него послѣднія деньги, т.-е. послѣдній трудъ: таковы прежде всего — водка, пиво, вино, опіумъ, табакъ, потомъ ситцы, платки и всякія бездѣлушки.

Если же случается, что выдумки людей науки и работы техниковъ иногда пригодятся и народу, какъ желѣзная дорога, ситецъ, чугуны, косы, то это доказываетъ только то, что на свѣтѣ все связано и изъ каждой вредной дѣятельности можетъ выходить и случайная польза для тѣхъ, кому дѣятельность эта была вредна.

Люди науки и искусства могли бы сказать, что дѣятельность ихъ полезна для народа только тогда, когда люди науки и искусства поставили бы себѣ цѣлью служить народу такъ, какъ они теперь ставятъ себѣ цѣлью служить правительствамъ и капиталистамъ.

Мы бы могли это сказать тогда, когда бы люди науки и искусства поставили бы себѣ цѣлью нужды народа, но такихъ вѣдь нѣтъ.

Всѣ ученые заняты своими жреческими занятіями, изъ которыхъ выходятъ изслѣдованія о протоплазмахъ, спектральные анализы звѣздъ и т. п. А какимъ топоромъ, какимъ топорищемъ выгоднѣе что рубить; какая пила самая спорая; какъ мѣсить лучше хлѣбы, изъ какой муки, какъ ставить ихъ, какъ топить, какъ строить печи, какая пища, какое питье, какая посуда, какіе грибы можно ѣсть и какъ ихъ удобнѣе приготовить, — про это наука никогда и не думала. А вѣдь это все дѣло науки.

Я знаю, что, по своему опредѣленію, наука должна быть безполезна, но вѣдь это очевидная отговорка и слишкомъ наглая. Дѣло науки — служить народу. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы, а въ жизни, въ трудѣ народномъ, что̀ мы подвинули? Пересчитали два милліона букашекъ! А приручили ли хоть одно животное со временъ библейскихъ, когда уже наши животныя давно были приручены? А лось, олень, куропатка, тетеревъ, рябчикъ все остаются дикими. Ботаники нашли и клѣточку, и въ клѣточкахъ — протоплазму, и въ протоплазмѣ еще что-то, и въ этой штучкѣ еще что-то. Занятія эти, очевидно, долго не кончатся, потому что имъ, очевидно, и конца быть не можетъ, и потому имъ некогда заняться тѣмъ, что̀ нужно людямъ. И потому опять со временъ египетской древности и еврейской, когда уже были выведены пшеница и чечевица, до нашего времени не прибавилось для пищи народа ни одного растенія, кромѣ картофеля, и то пріобрѣтеннаго не наукой.

Выдумали торпеды, приборы для акциза, для нужниковъ, а прялка, ткацкій бабій станокъ, соха, топорище, цѣпъ, грабли, журавель, ушатъ все такіе же, какъ были при Рюрикѣ. И если что перемѣнилось, то перемѣнилось не научными людьми.

То же и съ искусствомъ. Мы произвели пропасть людей въ великихъ писателей, разобрали этихъ писателей по косточкамъ и написали горы критикъ, и критикъ на критикѣ, и картинныя галлереи собрали, и школы искусствъ разныя изучили до тонкости, и симфоніи, и оперы у насъ такія, что уже намъ самимъ трудно становится ихъ слушать. А что̀ мы прибавили къ народнымъ былинамъ, легендамъ, сказкамъ, пѣснямъ, какія картины передали народу, какую музыку? На Никольской дѣлаютъ книги и картины для народа, въ Тулѣ — гармоники, и ни въ томъ, ни въ другомъ мы не принимали никакого участія.

Поразительнѣе и очевиднѣе всего ложность направленія нашей науки и искусствъ именно въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ, которыя, казалось бы, по самымъ задачамъ своимъ должны бы быть полезными народу и которыя, вслѣдствіе ложнаго направленія, представляются скорѣе пагубными, чѣмъ полезными.

Техникъ, врачъ, учитель, художникъ, сочинитель по самому назначенію своему должны бы, кажется, служить народу,—и что же? При теперешнемъ направленіи они ничего, кромѣ вреда, не могутъ приносить народу.

Технику, механику надо работать съ капиталомъ. Безъ капиталовъ онъ никуда не годится. Всѣ его знанія таковы, что для проявленія ихъ ему нужны капиталы и въ большихъ размѣрахъ эксплуатація рабочаго, и, не говоря уже о томъ, что онъ самъ пріученъ къ тому, чтобы проживать по меньшей мѣрѣ 2 тысячи, 1500 р. въ годъ и потому не можетъ идти въ деревню, гдѣ никто не можетъ дать ему такого вознагражденія, онъ по самымъ занятіямъ своимъ не годится для служенія народу. Онъ умѣетъ вычислить высшей математикой дугу моста, вычислить силу и передачу двигателя и т. п., но передъ простыми запросами народнаго труда онъ становится втупикъ. Какъ улучшить соху, телѣгу, какъ сдѣлать проѣзднымъ ручей — все это въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ находится рабочій, — онъ ничего этого не знаетъ и понимаетъ меньше, чѣмъ самый послѣдній мужикъ. Дайте ему мастерскія, народу всякаго вволю, выпишите машины изъ-за границы, тогда онъ распорядится. А при данныхъ условіяхъ труда милліоновъ людей найти средства облегчить этотъ трудъ,—этого онъ ничего не знаетъ и не можетъ и по своимъ знаніямъ, привычкамъ и требованіямъ отъ жизни не годится для этого дѣла.

Въ еще худшемъ положеніи находится врачъ. Его воображаемая наука вся такъ поставлена, что онъ умѣетъ лѣчить только тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ и могутъ пользоваться трудами другихъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, инструментовъ, лъкарствъ, гигіеническихъ приспособленій квартиры, пищи, нужника, чтобы ему научно дѣйствовать; ему, кромѣ своего жалованья, нужны такіе расходы, что для того, чтобы вылѣчить одного больного, ему нужно заморить голодомъ сотню тѣхъ, которые понесутъ эти расходы. Онъ учился у знаменитостей въ столицахъ, которые держатся паціентовъ только такихъ, которыхъ можно лѣчить въ клиникахъ или которые, лѣчась, могутъ купить необходимыя для лѣкарства машины и даже переѣхать сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія или другія воды.

Наука ихъ такова, что всякій земскій врачъ плачется на то, что нѣтъ средствъ лѣчить рабочій народъ, что онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ средствъ поставить больного въ гигіеническія условія, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же врачъ жалуется на то, что нѣтъ больницъ, что онъ не поспѣваетъ и что ему нужно еще помощниковъ, докторовъ и фельдшеровъ. Что же выходитъ? Выходитъ то, что главное бѣдствіе народа, отъ котораго происходятъ и распространяются и не излѣчиваются болѣзни, — это недостаточность средствъ для жизни.

И вотъ наука подъ знаменемъ раздѣленія труда призываетъ своихъ борцовъ на помощь народу. Наука вся пристроилась къ богатымъ классамъ и своей задачей ставитъ, какъ лѣчить тѣхъ людей, которые все могутъ достать себѣ, и посылаетъ лѣчиться тѣхъ, у которыхъ ничего нѣтъ лишняго, тѣми же средствами. Но средствъ нѣтъ и потому надо ихъ брать съ народа, который болѣетъ и заражается, а не вылѣчивается отъ недостатка средствъ.

Вотъ и говорятъ защитники медицины для народа, что теперь еще это дѣло мало развилось.

Очевидно, что мало развилось, потому что, если бы, избави Богъ, оно развилось и на шею народа вмѣсто двухъ докторовъ, акушерокъ и фельдшеровъ въ уѣздѣ посадили бы 20, какъ они хотятъ этого, скоро бы и лѣчить некого было. Научное содѣйствіе народу, про которое говорятъ защитники науки, должно быть совсѣмъ другое. И то содѣйствіе, которое должно быть, еще не началось. Оно начнется тогда, когда человѣкъ науки, техникъ или врачъ, не будетъ считать законнымъ то раздѣленіе, т.-е. захватъ чужого труда, который существуетъ, не будетъ считать себя въ правѣ брать отъ людей — не говорю уже сотни тысячъ, а даже скромные 1.000 или 500 рублей за свое содѣйствіе имъ, а будетъ жить среди трудящихся людей въ тѣхъ же условіяхъ и такъ же, какъ они, и тогда будетъ прикладывать свои знанія къ вопросамъ механики, техники, гигіены и лѣченія рабочаго народа. Теперь же наука, кормящаяся на счетъ рабочаго народа, совершенно забыла объ условіяхъ жизни этого народа, игнорируетъ (какъ она выражается) эти условія и пресерьезно обижается, что ея воображаемыя знанія не находятъ приложенія къ народу.

Область медицины, какъ и область техники, лежитъ еще непочатая. Всѣ вопросы о томъ, какъ лучше раздѣлять время труда, какъ лучше питаться, чѣмъ, въ какомъ видѣ, когда, какъ лучше одѣваться, обуваться, противодѣйствовать сырости, холоду, какъ лучше мыться, кормить дѣтей, пеленать и т. п., имен-

но въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится рабочій народъ,— всѣ эти вопросы еще не поставлены. То же и съ дѣятельностью учителей научныхъ — педагогическихъ. Точно такъ же наука поставила это дѣло такъ, что учить по наукѣ можно только богатыхъ людей, и учителя, какъ техники и врачи, невольно льнутъ къ деньгамъ, у насъ особенно къ правительству.

И это не можетъ быть иначе, потому что образцово устроенная школа (какъ общее правило: чѣмъ научнѣе устроена школа, тѣмъ она дороже), со скамейками на винтахъ, глобусами и картами, и библіотеками, и методиками для учителей и учениковъ,— такая, на которую надо удвоить подати съ каждой деревни. Такъ требуетъ наука.

Народу нужны дѣти для работы и тѣмъ болѣе нужны, чѣмъ онъ бѣднѣе. Научные защитники говорятъ: педагогія и теперь приноситъ пользу народу, а дайте, она разовьется, тогда будетъ еще лучше. Да если она разовьется, и вмѣсто 20 школъ въ уѣздѣ будетъ 100, и всѣ научныя, и народъ будетъ содержать эти школы, — онъ обѣднѣетъ еще больше, и ему еще нужнѣе будетъ работа своихъ дѣтей.

«Что же дѣлать?» говорятъ на это.

Правительство устроитъ школы и сдѣлаетъ обязательнымъ обученіе, какъ въ Европѣ; но деньги-то возьмутся вѣдь опять-таки съ народа, и онъ еще тяжелѣе будетъ работать, и у него будетъ еще меньше досуга отъ труда, и образованія насильственнаго не будетъ. Опять одно спасеніе — то, чтобы учитель жилъ въ условіяхъ рабочаго человѣка и училъ за то вознагражденіе, которое свободно и охотно дадутъ ему.

Таково ложное направленіе науки, лишающее ее возможности исполнять свою обязанность — служить народу. Но еще виднѣе это ложное направленіе нашей интеллигенціи на дѣятельности искусства, которая по самому значенію своему должна бы была быть доступна народу.

Наука еще можетъ ссылаться на свою глупую отговорку, что наука дѣйствуетъ для науки и что когда она разработается учеными, она станетъ доступною и народу; но искусство — если оно искусство — должно быть доступно всѣмъ, а въ особенности тѣмъ, во имя которыхъ оно дѣлается. И наше положеніе искусства поразительно обличаетъ дѣятелей искусства въ томъ, что они и не хотятъ и не умѣютъ, и не могутъ быть полезными народу.

Живописецъ для изготовленія своихъ великихъ произведеній долженъ имѣть студію, по крайней мѣрѣ такую, въ которой могла бы работать артель человѣкъ 40 столяровъ или сапожниковъ, мерзнущихъ или задыхающихся въ трущобахъ; но это-

го мало: ему нужна натура, костюмы, путешествія. Академія художествъ истратила милліоны, собранные съ народа, на поощреніе искусствъ, и произведенія этого искусства висятъ въ дворцахъ и не понятны и не нужны народу.

Музыканты, чтобы выразить свои великія идеи, должны собрать человѣкъ 200 въ бѣлыхъ галстукахъ или въ костюмахъ и израсходовать сотни тысячъ для постановки оперы. И произведенія этого искусства не могутъ вызвать въ народѣ, если бы онъ когда-нибудь и могъ пользоваться ими, ничего, кромѣ недоумѣнія и скуки.

Писатели, сочинители, казалось бы, не нуждаются въ обстановкѣ, въ студіяхъ, натурѣ, оркестрахъ и актерахъ; но и тутъ оказывается, что писателю, сочинителю, не говоря уже объ удобствахъ помѣщенія, всѣхъ сладостей жизни, для заготовленія своихъ великихъ произведеній нужны путешествія, дворцы, кабинеты, наслажденія искусствами, посѣщенія театровъ, концертовъ, водъ и т. п. Если самъ онъ не наживетъ, ему даютъ пенсію, чтобы онъ сочинялъ лучше. И опять сочиненія эти, столь цѣнимыя нами, остаются трухою для народа и совершенно не нужны ему.

Что если разведется еще больше, какъ желаютъ этого люди наукъ и искусствъ, такихъ поставщиковъ духовной пищи и придется въ каждой деревнѣ строить студію, заводить оркестры и содержать сочинителя въ тѣхъ условіяхъ, которыя считаютъ для себя необходимыми люди искусствъ?

Я полагаю, что рабочіе люди зарекутся скорѣе никогда не видѣть картины, не слыхать симфоніи, не читать стиховъ или повѣстей, только бы не кормить всѣхъ этихъ дармоѣдовъ.

А отчего бы, казалось, людямъ искусства не служить народу? Вѣдь въ каждой избѣ есть образа, картины; каждый мужикъ, каждая баба поютъ; у многихъ есть музыкальные инструменты, и всѣ разсказываютъ исторіи, стихи; а читаютъ многіе. Какъ же такъ разошлись тѣ двѣ вещи, сдѣланныя одна для другой, какъ ключъ и замокъ, — разошлись такъ, что не представляется даже возможности соединенія?

Скажите живописцу, чтобы онъ писалъ безъ студіи, натуры, костюмовъ и рисовалъ бы пятикопеечныя картины, — онъ скажетъ, что это значитъ отказаться отъ искусства, какъ онъ понимаетъ его. Скажите музыканту, чтобы онъ игралъ на гармоникѣ и училъ бы бабъ пѣть пѣсни; скажите поэту, сочинителю, чтобы онъ бросилъ свои поэмы и романы, и сатиры и сочинялъ пѣсенники, исторіи, сказки, понятные безграмотнымъ людямъ, — они скажутъ, что вы сумасшедшій. А

развѣ не худшее сумасшествіе, что люди только во имя того, что они будутъ служить духовной пищей тѣмъ людямъ, которые взрастили ихъ и кормятъ, и одѣваютъ ихъ, освободили себя отъ труда и потомъ такъ забыли свое обязательство, что разучились дѣлать эту годную для народа пищу и это-то самое отступленіе отъ обязательства считаютъ своимъ достоинствомъ.

— Но такъ вездѣ, — говорятъ на это.

Вездѣ очень неразумно и будетъ неразумно до тѣхъ поръ, пока люди, подъ предлогомъ раздѣленія труда и обѣщанія служить народу духовной пищей, будутъ только поглощать труды этого народа. Служеніе народу науками и искусствами будетъ только тогда, когда люди, живущіе среди народа и какъ народъ, не заявляя никакихъ правъ, будутъ предлагать ему свои научныя и художественныя услуги, принять или не принять которыя будетъ зависѣть отъ воли народа.

XXXV.

Говорить, что дѣятельность наукъ и искусствъ содѣйствовала движенію впередъ человѣчества, подразумѣвая подъ этой дѣятельностью то, что теперь называется этимъ именемъ, все равно, что говорить, что неумѣлое, мѣшающее ходу судна болтаніе веслами на суднѣ, идущемъ по теченію, содѣйствуетъ движенію судна. Оно только мѣшаетъ ему.

Такъ называемое раздѣленіе труда, т.-е. захватъ чужого труда, ставшій въ наше время условіемъ дѣятельности людей науки и искусства, былъ и остался главной причиной медленнаго движенія впередъ человѣчества. Доказательство этого въ томъ признаніи всѣми людьми науки, что пріобрѣтенія науки и искусствъ недоступны рабочимъ массамъ вслѣдствіе дурного распредѣленія богатствъ.

Но неправильность этого распредѣленія по мѣрѣ успѣха наукъ и искусствъ не уменьшается, а только увеличивается. И неудивительно, что это такъ, потому что возникаетъ это неправильное распредѣленіе богатствъ только изъ теоріи раздѣленія труда, проповѣдуемаго людьми науки и искусства для личныхъ корыстныхъ цѣлей. Наука отстаиваетъ раздѣленіе труда, какъ законъ неизмѣнный, видитъ, что распредѣленіе богатствъ, основывающееся на раздѣленіи труда, неправильно и гибельно, и утверждаетъ, что ея дѣятельность, признающая раздѣленіе труда, приведетъ людей къ благу. Выходитъ, что одни люди пользуются трудами другихъ; но если они очень долго и въ еще бо̀льшихъ размѣрахъ будутъ пользоваться трудами другихъ,

тогда это неправильное распредѣленіе богатствъ, т.-е. пользованіе трудомъ другихъ, прекратится.

Люди стоятъ у постоянно увеличивающагося источника воды и заняты тѣмъ, чтобы отводить его въ сторону отъ жаждущихъ людей, и утверждаютъ, что они-то и производятъ эту воду и что вотъ-вотъ скоро наберется ея столько, что всѣмъ достанетъ. А вѣдь вода эта, которая текла и течетъ, не переставая, и питаетъ все человѣчество, не только не есть послѣдствіе дѣятельности тѣхъ людей, которые, стоя у источника, отводятъ его, а вода эта течетъ и разливается, несмотря на усилія этихъ людей остановить ея разлитіе.

Всегда была истинная церковь въ смыслѣ людей, соединенныхъ въ наивысшей доступной въ извѣстный періодъ человѣчества истинѣ, и всегда это была не та церковь, которая называла себя таковою, и всегда была наука и искусство, но только не то, что называло себя этимъ именемъ.

Признающимъ себя представителями науки и искусства извѣстнаго времени всегда кажется, что они сдѣлали и дѣлаютъ— и, главное, вотъ-вотъ сейчасъ сдѣлаютъ—удивительныя чудеса и что помимо ихъ не было и нѣтъ никакой науки и никакого искусства. Такъ это казалось софистамъ, схоластикамъ, алхимикамъ, каббалистамъ, талмудистамъ и нашей научной наукѣ и нашему искусству для искусства.

XXXVI.

«Но наука, искусство! Вы отрицаете науку, искусство, т.-е. отрицаете то, чѣмъ живетъ человѣчество». Мнѣ постоянно дѣлаютъ это не возраженіе, а употребляютъ этотъ пріемъ, чтобы, не разбирая ихъ, отбрасывать мои доводы.

«Онъ отрицаетъ науку и искусство, онъ хочетъ вернуть людей къ дикому состоянію, что же слушать его и говорить съ нимъ».

Но это несправедливо. Я не только не отрицаю науку, т.-е. разумную дѣятельность человѣческую, и искусство — выраженіе этой разумной дѣятельности, но я только во имя этой разумной дѣятельности и выраженій ея говорю то, что я говорю; только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго состоянія, въ которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что̀ я говорю.

Наука и искусство такъ же необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе; но онѣ дѣлаются

таковыми не потому, что мы рѣшимъ, что то, что мы называемъ наукой и искусствомъ, необходимо, а только потому, что они дѣйствительно необходимы людямъ.

Вѣдь если для тѣлесной пищи людей будутъ готовить сѣно, то мое убѣжденіе въ томъ, что сѣно есть пища людей, не сдѣлаетъ того, что сѣно станетъ пищей людей. Я вѣдь не могу сказать: что же ты не ѣшь сѣна, когда оно — необходимая пища? Пища необходима, но можетъ случиться то, что то, что я предлагаю — не пища.

Вотъ это-то самое и случилось съ нашей наукой и искусствомъ. А намъ кажется, что если мы приложимъ къ греческому слову слово *логія* и назовемъ это наукой, то это будетъ наука; и если какое-нибудь гадкое дѣло, какъ писаніе обнаженныхъ женщинъ, назовемъ греческимъ словомъ и скажемъ, что это искусство, то оно и будетъ искусство. Но сколько бы мы ни говорили этого, дѣло, которымъ мы занимаемся, считая козявокъ и изслѣдуя химически составъ млечнаго пути, рисуя русалокъ и историческія картины, сочиняя повѣсти и симфоніи, наше дѣло не станетъ ни наукой, ни искусствомъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ охотно приниматься тѣми людьми, для которыхъ оно дѣлается. А до сихъ поръ оно не принимается.

Если бы только однимъ людямъ разрѣшено было производить пищу, а всѣмъ остальнымъ было бы запрещено это дѣлать или бы они были поставлены въ невозможность производить пищу, я полагаю, что качество пищи понизилось бы. Если бы люди, имѣющіе монополію производить пищу, были русскіе крестьяне, не было бы другой пищи, кромѣ чернаго хлѣба, квасу, картофеля и луку, — кромѣ того, что̀ они любятъ и что̀ имъ пріятно. То же самое случилось бы съ той высшей человѣческой дѣятельностью науки и искусства, если бы монополію ея присвоила себѣ одна каста, но только съ тою разницею, что̀ въ тѣлесной пищѣ не можетъ быть очень большихъ отклоненій отъ естественности: и хлѣбъ, и лукъ хотя и не очень вкусная пища, но все-таки удобоѣдома; въ духовной же пищѣ могутъ быть самыя большія отклоненія, и нѣкоторые люди могутъ долгое время питаться прямо имъ ненужной или вредной, отравляющей духовной пищей, могутъ сами медленно убивать себя опіумомъ или спиртомъ и эту самую пищу предлагать массамъ.

Это самое и случилось съ нами. И случилось потому, что положеніе людей науки и искусства привилегированное, потому что наука и искусство въ нашемъ мірѣ не есть вся та разумная дѣятельность всего безъ исключенія человѣчества, выдѣляющаго свои лучшія силы на служеніе наукѣ и искусству, а дѣятель-

ность маленькаго кружка людей, имѣющихъ монополію этихъ занятій и называющихъ себя людьми науки и искусства, и потому извратившихъ самыя понятія науки и искусства и потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей скуки свой маленькій кружокъ дармоѣдовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, у нихъ всегда была наука въ самомъ ея простомъ и широкомъ смыслѣ. Наука, въ смыслѣ всѣхъ знаній человѣчества, всегда была и есть, и безъ нея немыслима жизнь, и ни нападать на нее, ни защищать ее нѣтъ никакой надобности. Но дѣло въ томъ, что область этихъ знаній такъ разнообразна, такъ много входитъ въ нее знаній всякаго рода, — отъ знаній, какъ добывать желѣзо, до знаній движенія свѣтилъ, — что человѣкъ теряется въ этихъ разныхъ знаніяхъ, если у него нѣтъ руководящей нити, по которой бы онъ могъ рѣшить, какое изъ всѣхъ знаній важнѣе для него и какое менѣе важно.

И потому высшая мудрость людей всегда состояла въ томъ, чтобы найти ту руководящую нить, по которой должны быть расположены знанія людей; какія изъ нихъ первой, какія меньшей важности.

И это-то, — руководящее всѣми другими, — знаніе люди всегда называли наукой въ тѣсномъ смыслѣ. И такая наука всегда, и до нашего времени, была въ людскихъ обществахъ, выходившихъ изъ первоначальнаго, дикаго состоянія.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку въ этомъ тѣсномъ смыслѣ, науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служила руководящею нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній и выраженіи ихъ — искусствъ.

Тѣ знанія и искусства, которыя содѣйствовали и ближе подходили къ основной наукѣ о назначеніи и благѣ всѣхъ людей, становились выше въ общемъ мнѣніи и наоборотъ.

Такова была наука Конфуція, Будды, Моисея, Сократа, Христа, Магомета, наука такая, какою ее разумѣли и разумѣютъ всѣ люди, за исключеніемъ нашего кружка, такъ называемыхъ образованныхъ людей.

Наука такая всегда занимала не только первенствующее мѣсто, но была одной наукой, изъ которой опредѣлялось значеніе другихъ.

И это происходило совсѣмъ не потому, какъ это думаютъ такъ называемые ученые люди нашего времени, что обманщики-жрецы, учители этой науки, придали ей такое значенiе, а потому, что дѣйствительно, какъ каждый можетъ это узнать внутреннимъ опытомъ, безъ науки о томъ, въ чемъ назначенiе и благо человѣка, не можетъ быть оцѣнки и выбора наукъ и искусствъ.

И потому не можетъ быть и изученiя наукъ, ибо предметовъ наукъ бечисленное количество; я подчеркиваю слово «безчисленное», такъ какъ понимаю его въ точномъ значенiи.

Безъ знанiя того, въ чемъ состоитъ назначенiе и благо всѣхъ людей, всѣ остальныя знанiя и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой. Человѣчество жило, жило и никогда не жило безъ науки о томъ, въ чемъ назначенiе и благо людей; правда, что наука о благѣ людей для поверхностнаго наблюденiя кажется различной у буддистовъ, браминовъ, евреевъ, христiанъ, конфуцiанцевъ, таосистовъ (китайская религiя, основатель Лаодзе)—хотя стоитъ только вникнуть въ эти ученiя, чтобы увидать одинаковую сущность,—но все-таки, гдѣ мы знаемъ людей, вышедшихъ изъ дикаго состоянiя, мы находимъ эту науку; и вдругъ оказывается, что люди нашего времени рѣшили, что эта-то самая наука, до сихъ поръ бывшая руководительницей всѣхъ человѣческихъ знанiй, что она-то и мѣшаетъ всему.

Люди строятъ зданiя, и одинъ строитель составилъ одну смѣту, другой — другую, третiй — третью. Смѣты нѣсколько различны, но смѣты вѣрны, такъ что всякiй видитъ, что если все будетъ исполнено по смѣтѣ, то зданiе построится.

Таковы строители Конфуцiй, Будда, Моисей, Христосъ.

Вдругъ приходятъ люди и увѣряютъ, что главное дѣло въ томъ, чтобы не было никакой смѣты, а чтобы строить такъ, на глазомѣръ. И это-то «такъ» люди эти называютъ самой точной наукой, какъ папа называется святѣйшимъ. Люди отрицаютъ всякую науку, самую сущность науки — опредѣленiе того, въ чемъ назначенiе и благо людей, и это отрицанiе науки называютъ наукой. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, въ средѣ ихъ зарождались великiе умы, которые въ борьбѣ съ требованiями разума и совѣсти задавали себѣ вопросы о томъ, въ чемъ состоитъ назначенiе и благо не одного меня, а всякаго человѣка? Чего хочетъ отъ меня и отъ всякаго человѣка та сила, которая произвела и ведетъ меня? И что мнѣ нужно дѣлать, чтобы удовлетворить вложеннымъ въ меня требованiямъ личнаго и общаго блага?

Они спрашивали себя: я — цѣлое и частица чего-то необъятнаго, безконечнаго; какiя мои отношенiя къ такимъ же подобнымъ мнѣ частицамъ — людямъ — и къ этому цѣлому?

И изъ голоса совѣсти, и изъ разума, и изъ соображеній того, что говорили имъ прежде жившіе и современные имъ люди, задававшіе себѣ тѣ же вопросы, эти великіе учители выводили свои ученія, простыя, ясныя, понятныя всѣмъ людямъ и всегда такія, которыя могли быть исполняемы.

Такіе люди были первой, второй, третьей и самой послѣдней величины. Такими людьми полонъ міръ.

Всѣ живые люди задаютъ себѣ вопросъ: какъ помирить свои требованія блага личной жизни съ совѣстью и разумомъ, требующимъ общаго блага людей? И изъ этого общаго труда вырабатываются медленно, но безостановочно новыя, болѣе близкія къ требованіямъ разума и совѣсти, новыя формы жизни.

Вдругъ является новая каста людей, которые говорятъ: все это пустяки, все это надо оставить. Это дедуктивный способъ мышленія (въ чемъ разница дедуктивнаго отъ индуктивнаго никто никогда понять не могъ), это пріемы теологическаго и метафизическаго періода. Все то, что понимаютъ и открываютъ внутреннимъ опытомъ и сообщаютъ другъ другу люди о сознаніи закона своей жизни (функціональной дѣятельности, на ихъ жаргонѣ), все, что съ начала міра сдѣлали на этомъ пути величайшіе умы человѣчества, все это пустяки и не имѣетъ никакого вѣса.

По этому новому ученію выходитъ такъ: вы — клѣточка организма, и задача вашей разумной дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить свою функціональную дѣятельность; и для того, чтобы опредѣлить эту свою функціональную дѣятельность, вы должны только наблюдать внѣ себя. То, что вы страдающая клѣточка, мыслящая, говорящая, понимающая, и что вы поэтому можете у другой такой же говорящей клѣточки спросить, такъ ли она, какъ и вы, страдаетъ, радуется, и этимъ еще провѣрить свой опытъ; то, что вы можете воспользоваться тѣмъ, что прежде жившія, страдающія, клѣточки записали объ этомъ же предметѣ; и то, что у васъ есть милліоны клѣточекъ, своимъ согласіемъ съ тѣми записавшими свои мысли клѣточками подтверждающихъ ваши наблюденія; то, главное, что вы сами живая клѣточка, всегда непосредственнымъ внутреннимъ опытомъ познающая правильность или неправильность своей функціональной дѣятельности, — все это ничего не значитъ, все это дурной, ложный методъ. Вѣрный, научный методъ такой: если вы хотите знать, въ чемъ ваша функціональная дѣятельность, въ чемъ ваше назначеніе и благо и назначеніе и благо всего человѣчества и всего міра, то вы прежде всего должны перестать слышать голосъ и требованія своей совѣсти и своего

разума, заявляющіе себя въ васъ самихъ, и въ подобныхъ вамъ; вы должны перестать вѣрить всему тому, что говорили великіе учители человѣчества о своемъ разумѣ и совѣсти, считать все это пустяками и начать все сначала. И чтобы понять все съ начала, вамъ надо смотрѣть въ микроскопъ на движенія амёбъ и клѣточекъ въ глистахъ или, еще покойнѣе, вѣрить во все то, что вамъ будутъ говорить объ этомъ люди съ дипломомъ непогрѣшимости. И, глядя на движенія этихъ амёбъ и клѣточекъ или читая про то, что видѣли другіе, приписывать этимъ клѣточкамъ свои человѣческіе чувства и расчеты о томъ, чего онѣ желаютъ, куда стремятся, что соображаютъ и разсчитываютъ, къ чему привыкли, и изъ этихъ наблюденій (въ которыхъ что ни слово, то ошибка мысли или выраженій) по аналогіи заключать о томъ, что̀ вы такое, какое ваше назначеніе и въ чемъ благо ваше и другихъ подобныхъ вамъ клѣточекъ. Вы должны, чтобы понять себя, изучать не только глисту, которую вы видите, но и микроскопическія существа, которыхъ вы почти что не видите, и трансформаціи изъ однихъ существъ въ другія, которыхъ никто никогда не видѣлъ и вы навѣрно никогда не увидите.

То же самое и съ искусствомъ. Искусство тамъ, гдѣ была истинная наука, было всегда выраженіемъ ея. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, они изъ всей дѣятельности выраженій разнообразныхъ знаній выдѣляли главное выраженіе науки—знанія о назначеніи и благѣ, и выраженіе его и было искусство въ тѣсномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, были тѣ особенно чуткіе и отзывчивые на ученіе о благѣ и назначеніи человѣка, которые на гусляхъ и тимпанахъ, въ изображеніяхъ и словами выражали свою и людскую борьбу съ обманами, отвлекавшими ихъ отъ ихъ назначенія, свои страданія въ этой борьбѣ, свои надежды на торжество добра, свои отчаянія о торжествѣ зла и свои восторги въ сознаніи этого наступающаго блага.

Съ тѣхъ поръ, какъ были люди, истинное искусство, то, которое высоко цѣнилось людьми, не имѣло другого значенія, какъ выраженіе науки о назначеніи и благѣ человѣка.

Всегда и до послѣдняго времени искусство служило ученію о жизни — тому, что̀ потомъ назвали религіей, и только тогда оно было тѣмъ, что такъ высоко цѣнили люди. Но одновременно съ тѣмъ, какъ на мѣсто науки о назначеніи и благѣ, стала наука обо всемъ, о чемъ вздумается, съ тѣхъ поръ, какъ наука потеряла свой смыслъ и значеніе, а настоящую науку презрительно стали называть религіей, — съ тѣхъ самыхъ поръ исчезло искусство, какъ важная дѣятельность человѣческая.

Пока была церковь, какъ ученіе о назначеніи и благѣ, искусство служило церкви и было истинное искусство; но съ тѣхъ поръ, какъ искусство вышло изъ церкви и стало служить наукѣ, наука же служила чему попало, искусство потеряло свое значеніе и, несмотря на заявляемыя по старой памяти права и на нелѣпое, доказывающее только потерю призванія, утвержденіе, что искусство служитъ искусству, — оно сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ пріятное, и неизбѣжно сливается съ хореографическимъ, кулинарнымъ, парикмахерскимъ и косметическимъ искусствомъ, производители которыхъ съ такимъ же правомъ называютъ себя артистами, какъ и поэты, живописцы и музыканты нашего времени.

Оглянешься назадъ и видишь: въ продолженіе тысячелѣтій изъ милліардовъ жившихъ людей выдѣляются десятки Конфуціевъ, Буддъ, Соломоновъ, Сократовъ, Солоновъ, Гомеровъ, Исаій, Давидовъ. Видно, рѣдко между людьми они встрѣчаются, несмотря на то, что тогда не изъ одной касты только, а изъ всѣхъ людей выбирались эти люди; видно, рѣдки эти истинные ученые, художники, производители духовной пищи. И не даромъ человѣчество такъ высоко цѣнило и цѣнитъ ихъ. Теперь же оказывается, что эти всѣ прошедшіе великіе дѣятели науки и искусства уже не нужны намъ. Теперь научныхъ, художественныхъ дѣятелей можно по закону раздѣленія труда дѣлать фабричнымъ способомъ, и мы въ одно десятилѣтіе надѣлаемъ больше великихъ людей науки и искусства, чѣмъ ихъ родилось среди всѣхъ людей отъ начала міра.

Теперь есть цехъ ученыхъ и художниковъ, и они заготовляютъ усовершенствованнымъ способомъ всю ту духовную пищу, которая нужна человѣчеству.

И заготовили они ее такъ много, что старыхъ, прежнихъ не только древнихъ, но и болѣе близкихъ, уже не нужно и поминать, — это все была дѣятельность теологическаго и метафизическаго періода; то все надо затереть; а настоящая разумная дѣятельность началась такъ — лѣтъ 50 тому назадъ. И въ эти 50 лѣтъ мы надѣлали столько великихъ людей, что ихъ въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ больше, чѣмъ было во всемъ мірѣ; а наукъ надѣлали столько, — благо ихъ легко дѣлать (стоитъ приложить къ греческому названію слово «логія» и расположить по готовымъ рубрикамъ, и готова наука), — надѣлали наукъ столько, что не только одинъ человѣкъ не можетъ знать ихъ, но ни одинъ не запомнитъ всѣхъ названій существующихъ наукъ, — названія одни составятъ толстый лексиконъ, и каждый день все дѣлаютъ еще новыя науки.

Надѣлали очень много, въ родѣ того учителя чухонца, который выучилъ дѣтей помѣщика чухонскому вмѣсто французскаго языка. Выучилъ все прекрасно; одно только горе: что никто, кромѣ насъ, ничего не понимаетъ и считаетъ все это ни на что ненужной чепухой.

Но, впрочемъ, и на это есть объясненіе: люди не понимаютъ всей пользы научной науки, потому что еще находятся подъ вліяніемъ теологическаго періода знаній, того глупаго періода, когда весь народъ и у евреевъ, и у китайцевъ, и у индѣйцевъ, и у грековъ понималъ все, что говорили имъ ихъ великіе учители.

Но отчего бы это ни случилось, дѣло въ томъ, что науки и искусства всегда были въ человѣчествѣ и, когда онѣ дѣйствительно были, онѣ были нужны, понятны всѣмъ людямъ.

Мы дѣлаемъ что-то такое, что мы называемъ науками и искусствами, и оказывается, что то, что мы дѣлаемъ, не нужно и не понятно людямъ, и потому какія бы прекрасныя вещи ни были тѣ, какія мы дѣлаемъ, мы не имѣемъ права называть ихъ науками и искусствами.

XXXVII.

«Но вы только даете другое, несогласное съ наукой, болѣе тѣсное опредѣленіе науки и искусства», говорятъ мнѣ на это. «но это не исключаетъ ихъ, а остается все-таки та научная и художественная дѣятельность Галилеевъ, Бруновъ, Гомеровъ, Микель-Анжеловъ, Бетховеновъ, Вагнеровъ и всѣхъ меньшей величины ученыхъ и художниковъ, которые всю жизнь свою посвящали служенію наукѣ и искусству». Обыкновенно говорятъ это, стараясь установить преемственность, отъ которой въ другихъ случаяхъ они отрекаются, между дѣятельностью прежнихъ ученыхъ и художниковъ съ настоящими и, кромѣ того, стараясь забыть тотъ особенный, новый принципъ раздѣленія труда, на основаніи котораго наука и искусства занимаютъ теперь свое привилегированное положеніе.

Во-первыхъ, нельзя устанавливать преемственность между прежними дѣятелями и теперешними; какъ святая жизнь первыхъ христіанъ не имѣетъ ничего общаго съ жизнью папъ, такъ и дѣятельность Галилеевъ, Шекспировъ, Бетховеновъ не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью Тиндалей, Гюго и Вагнеровъ. Какъ святые отцы отреклись бы отъ родства папъ, такъ и старинные дѣятели науки отреклись бы отъ родства съ теперешними.

А во-вторыхъ, то, что мы благодаря тому значенію, которое теперь приписываютъ себѣ науки и искусства, имѣемъ очень ясное, наукою же данное, мѣрило, которымъ мы можемъ опредѣлить соотвѣтствіе ихъ или нѣтъ своему назначенію; и потому не голословно, а по данному мѣрилу можемъ рѣшить, имѣетъ или не имѣетъ основаніе та дѣятельность, которая называетъ себя наукой и искусствомъ, такъ величать себя.

Когда египетскіе или греческіе жрецы производили свои никому неизвѣстныя таинства и говорили объ этихъ таинствахъ, что въ нихъ заключается вся наука и искусство, — я не могъ на основаніи пользы, приносимой ими народу, провѣрить дѣйствительность ихъ науки, потому что наука, по ихъ утвержденію, была сверхъестественною, но теперь у всѣхъ насъ есть очень ясное, простое мѣрило, исключающее все сверхъестественное: наука и искусство обѣщаются исполнять мозговую дѣятельность человѣчества для блага обществъ или всего человѣчества. И потому мы имѣемъ право называть наукой и искусствомъ только такую дѣятельность, которая будетъ имѣть эту цѣль и будетъ достигать ея.

И потому, какъ бы ни называли себя ученые и художники, придумывающіе теоріи уголовныхъ, государственныхъ и международныхъ правъ, придумывающіе новыя пушки и взрывчатыя вещества, сочиняющіе похабныя оперы и оперетки или такіе же похабные романы, мы не имѣемъ права называть всю эту дѣятельность дѣятельностью науки и искусства, потому что дѣятельность эта не имѣетъ цѣлью блага обществъ или человѣчества, а, наоборотъ, направлена ко вреду людей. Все это, стало быть, не наука и не искусство. Точно такъ же, какъ бы ни называли себя тѣ ученые, которые въ простодушіи своемъ всю свою жизнь заняты изслѣдованіемъ микроскопическихъ животныхъ и телескопическихъ и спектральныхъ явленій, или художники, которые послѣ старательнаго изслѣдованія памятниковъ старины заняты писаніемъ историческихъ романовъ, картинъ, симфоній и прекрасныхъ стиховъ, — всѣ эти люди, несмотря на все свое усердіе, не могутъ, по научному же опредѣленію, быть названы людьми науки и искусства, во-первыхъ, потому, что ихъ дѣятельность науки для науки и искусства для искусства не имѣетъ цѣлью блага; во-вторыхъ, потому, что мы не видимъ послѣдствій этой дѣятельности для блага общества или человѣчества. То же, что изъ ихъ дѣятельности выходитъ иногда полезное и пріятное для нѣкоторыхъ людей, какъ и изъ всего можетъ выйти пріятное и полезное для нѣкоторыхъ людей, никакъ

не даетъ намъ права, по ихъ же научному опредѣленію, считать ихъ людьми науки и искусства.

Точно такъ же, какъ бы ни называли себя люди, выдумывающіе приложеніе электричества къ освѣщенію, отопленію и движенію или новыя химическія соединенія, дающія динамитъ или прекрасныя краски, люди, играющіе правильно симфоніи Бетховена, играющіе на театрѣ или пишущіе хорошіе портреты, жанры, пейзажи и картины, пишущіе интересные романы, цѣль которыхъ только въ развлеченіи отъ скуки богача, — дѣятельность этихъ людей не можетъ быть названа наукой и искусствомъ, потому что дѣятельность эта не направлена, такъ же какъ мозговая дѣятельность въ организмѣ, на благо цѣлаго, а руководится только личной выгодой, привилегіями, деньгами, получаемыми за изобрѣтеніе и произведеніе такъ называемаго искусства, и потому никакъ не можетъ быть отдѣлена отъ всякой другой корыстной личной дѣятельности, прибавляющей пріятности жизни, какъ дѣятельность трактирщиковъ, и наѣздниковъ, и модистокъ, и проститутокъ и т. п., потому что дѣятельность какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и третьихъ не подходитъ подъ опредѣленіе науки и искусства, на основаніи раздѣленія труда обѣщающихъ служить благу всего человѣчества или общества.

Опредѣленіе наукою науки и искусства совершенно правильно, но, къ несчастію, дѣятельность теперешнихъ наукъ и искусствъ не подходитъ подъ него. Одни прямо дѣлаютъ вредное, другіе — безполезное, третьи — ничтожное, годное только для богачей.

Всѣ они, можетъ быть, очень хорошіе люди, но они, не исполняютъ того, что они, по своему же опредѣленію, взялись исполнить, и потому такъ же мало имѣютъ права считать себя людьми науки и искусства, какъ теперешнее духовенство, не исполняющее взятыхъ на себя обязанностей, имѣетъ право признавать себя носителями и учителями божеской истины.

И понятно, почему дѣятели нынѣшней науки и искусствъ не исполнили и не могутъ исполнить своего призванія. Они не исполняютъ его потому, что они изъ обязанностей своихъ сдѣлали права.

Дѣятельность научная и художественная, въ ея настоящемъ смыслѣ, только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, — что ея свойство быть самоотверженною, — и цѣнитъ человѣчество такъ высоко эту дѣятельность.

Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, то они всегда будутъ страдать, исполняя это служеніе, потому что только страданіями, какъ муками, рождается духовный плодъ.

Самоотверженіе и страданіе будутъ удѣломъ мыслителя и художника потому, что цѣль его есть благо людей. Люди несчастны: страдаютъ, гибнутъ. Ждать и прохлаждаться некогда.

Мыслитель и художникъ никогда не будетъ сидѣть на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать; онъ будетъ всегда, вѣчно въ тревогѣ и волненіи; онъ могъ рѣшить и сказать то, что дало бы благо людямъ, избавило бы ихъ отъ страданія, а онъ не рѣшилъ, и не сказалъ, а завтра, можетъ, будетъ поздно — онъ умретъ.

Не тотъ будетъ мыслителемъ и художникомъ, кто воспитается въ заведеніи, гдѣ будто бы дѣлаютъ ученаго и художника (собственно же дѣлаютъ губителя науки и искусства), и получитъ дипломъ и обезпеченіе, а тотъ, кто и радъ бы не мыслить и не выражать того, что заложено ему въ душу, но не можетъ не дѣлать того, къ чему влекутъ его двѣ непреодолимыя силы: внутренняя потребность и требованіе людей.

Гладкихъ, жуирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ.

Духовная дѣятельность и выраженіе ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе человѣка — крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы.

Учить тому, сколько козявокъ на свѣтѣ и разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу можно, не страдая; но учить людей ихъ благу, которое все только въ отверженіи отъ себя и служеніи другимъ, и выражать сильно это ученіе нельзя безъ отреченія.

До тѣхъ поръ была церковь, пока учители терпѣли и страдали, а какъ только они стали жирны,—кончилась ихъ учительская дѣятельность.

Были попы золотые—и чаши деревянныя; стали чаши золотыя—попы деревянные, говоритъ народъ.

Не даромъ умеръ Христосъ на крестѣ, не даромъ жертва страданія побѣждаетъ все.

Наши же и наука и искусство обезпечены, дипломированы, и только и заботы у всѣхъ, какъ бы еще лучше ихъ обезпечить, т.-е. сдѣлать для нихъ невозможнымъ служеніе людямъ.

У истинной науки и истиннаго икусства есть два несомнѣнные признака: первый—внутренній, тотъ, что служитель науки и искусства, не для выгоды, а съ самоотверженіемъ будетъ исполнять свое призваніе, и второй—внѣшній, тотъ, что произведенія его понятны всѣмъ людямъ, благо которыхъ онъ имѣетъ въ виду.

Въ чемъ бы ни полагали люди свое назначеніе и благо, наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ, а искусство—выраженіемъ этого ученія. Законы Солона, Конфуція—наука; ученіе Моисея, Христа—наука; постройки въ Аѳинахъ, псалмы Давида, обѣдни — искусство; но изученіе тѣлъ въ четвертыхъ измѣреніяхъ и таблицъ химическихъ соединеній и т. п. никогда не было и не будетъ наукой. Мѣсто настоящей науки занимаютъ въ наше время богословіе и юридическія науки; мѣсто настоящаго искусства занимаютъ церковные и правительственные обряды, въ которые одинаково никто не вѣритъ и на которые одинаково никто не смотритъ серьезно; то же, что называется у насъ наукой и искусствомъ, есть произведеніе празднаго ума и чувства, имѣющее цѣлью щекотать такіе же праздные умы и чувства, непонятное и ничего не говорящее народу, потому что не имѣетъ въ виду его блага.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ жизнь людей, мы находимъ всегда и вездѣ царствующее ученіе, ложно называющее себя наукой, не раскрывающее для людей, а затемняющее для нихъ смыслъ жизни. Такъ это было у египтянъ, у индусовъ, у китайцевъ, отчасти у грековъ (софистовъ), потомъ у мистиковъ, гностиковъ, кабалистовъ; въ среднихъ вѣкахъ: богословіе, схоластика, алхимія, и такъ вездѣ до нашего времени.

Что за особенное счастье наше жить въ такое особенное время, когда та дѣятельность умственная, которая называетъ себя наукой, не только не заблуждается, но находится, какъ насъ увѣряютъ, въ какомъ-то необычайномъ преуспѣяніи! Не происходитъ ли это особенное счастье отъ того, что человѣкъ не можетъ и не хочетъ видѣть своего безобразія? Отчего же отъ тѣхъ наукъ: богослововъ и кабалистовъ, ничего не осталось, кромѣ словъ, а мы такъ особенно счастливы?

Вѣдь признаки совершенно тѣ же: то же самодовольство, слѣпая увѣренность, что мы, именно мы и только мы, на настоящемъ пути, и съ насъ только начинается настоящее. Тѣ же ожиданія, что вотъ-вотъ мы откроемъ что-то необыкновенное, и тотъ же главный, обличающій наше заблужденіе, признакъ: вся мудрость наша остается при насъ, а массы народа не понимаютъ, и не принимаютъ, и не нуждаются въ ней.

Положеніе наше очень тяжелое, но почему же не посмотрѣть на него прямо?

Пора опомниться и оглянуться на себя.

Вѣдь мы не что иное, какъ книжники и фарисеи, сѣвшіе на сѣдалище Моисея и взявшіе ключи отъ царства небеснаго, и сами не входящіе и другихъ не впускающіе. Вѣдь мы, жрецы науки и искусства, — самые дрянные обманщики, имѣющіе на наше положеніе гораздо меньше правъ, чѣмъ самые хитрые и развратные жрецы. Вѣдь для привилегированнаго положенія нашего у насъ нѣтъ никакого оправданія: мы мошенничествомъ захватили это мѣсто и обманомъ поддерживаемъ его.

Жрецы, духовенство, наше или католическое, какъ оно ни было развратно, имѣло право на свое положеніе, — они говорили, что учатъ людей жизни и спасенію. Мы же подкопались подъ нихъ, доказали людямъ, что они обманываютъ, и стали на его мѣсто; и не учимъ людей жизни, даже признаемъ, что учиться этому не надо, а сосемъ соки народа и за это учимъ своихъ дѣтей греческой и латинской грамматикѣ, для того, чтобы и они могли продолжать ту же жизнь паразита, какую мы ведемъ.

Мы говоримъ: касты были, у насъ теперь нѣтъ. А что же значитъ то, что одни люди и ихъ дѣти работаютъ, а другіе люди и ихъ дѣти не работаютъ? Приведите индѣйца, не знающаго нашего языка, и покажите ему европейскую и нашу жизнь нѣсколькихъ поколѣній, и онъ признаетъ такія же двѣ главныя опредѣленныя касты рабочихъ и нерабочихъ, какія есть у него. Какъ у него, такъ и у насъ право не работать даетъ особенное посвященіе, которое мы называемъ наукой и искусствомъ, вообще образованіемъ.

Вотъ это образованіе и все извращеніе разума, соединенное съ нимъ, и привело насъ къ тому удивительному безумію, вслѣдствіе котораго мы не видимъ того, что такъ ясно и несомнѣнно.

Мы поѣдаемъ людскія жизни нашихъ братій и считаемъ себя христіанами гуманными, образованными и совершенно правыми людьми.

XXXVIII.

Такъ что же дѣлать? Что жъ намъ дѣлать?

Этотъ вопросъ, включающій въ себя и признаніе того, что жизнь наша дурна и неправильна, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отговорку о томъ, что все-таки перемѣнить этого нельзя, —

этотъ вопросъ я слышалъ и слышу со всѣхъ сторонъ, и потому я только и выбралъ этотъ вопросъ заглавіемъ всего этого писанія.

Я описывалъ свои страданія, свои исканія и свои разрѣшенія этого вопроса. Я такой же человѣкъ, какъ всѣ, и если отличаюсь чѣмъ - нибудь отъ средняго человѣка нашего круга, то главное тѣмъ, что я больше средняго человѣка служилъ и потворствовалъ ложному ученію нашего міра, больше получалъ одобреній отъ людей царствующаго ученія и потому больше другихъ развратился и сбился съ пути.

И потому думаю, что рѣшеніе вопроса, который я нашелъ для себя, будетъ годиться и для всѣхъ искреннихъ людей, которые поставятъ себѣ тотъ же вопросъ. Прежде всего на вопросъ «что дѣлать?» я отвѣтилъ себѣ: не лгать ни предъ людьми, ни предъ собою, не бояться истины, куда бы она ни привела меня. Мы всѣ знаемъ, что значитъ лгать передъ людьми, и, несмотря на то, не переставая лжемъ съ утра до вечера: дома нѣтъ, когда я дома; очень радъ, когда я вовсе не радъ; уважаемый, когда я не уважаю; у меня нѣтъ денегъ, когда есть, и т. п. Мы считаемъ ложь передъ людьми, особенно нѣкотораго рода ложь передъ людьми, дурнымъ дѣломъ, но лжи передъ самими собой мы не боимся; а между тѣмъ самая худшая, прямая, обманная ложь передъ людьми ничто по своимъ послѣдствіямъ въ сравненіи съ тою ложью передъ самимъ собой, на которой мы строимъ свою жизнь.

Вотъ этой - то ложью нужно не лгать, чтобы быть въ состояніи отвѣтить на вопросъ: *что дѣлать?*

И въ самомъ дѣлѣ, какъ же отвѣтить на вопросъ «что дѣлать?», когда все, что я дѣлаю, вся моя жизнь основана на лжи, и я эту ложь старательно выдаю за правду передъ другими и передъ самимъ собой? Не лгать въ этомъ смыслѣ значитъ не бояться правды, не придумывать и не принимать придуманныхъ людьми изворотовъ для того, чтобы скрыть отъ себя выводъ разума и совѣсти; не бояться разойтись со всѣми окружающими и остаться одному съ разумомъ и совѣстью; не бояться того положенія, къ которому приведетъ правда и совѣсть, твердо вѣруя, что то положеніе, къ которому ведетъ правда, какъ бы страшно оно ни было, не можетъ быть хуже того, которое построено на лжи. Не лгать въ нашемъ положеніи людей привилегированныхъ, умственнаго труда, значитъ не бояться учесться. Можетъ быть, уже такъ много долженъ, что и не разсчитаешься; но какъ бы ни много было, все лучше, чѣмъ не считаться; какъ бы ни далеко зашелъ

по ложной дорогѣ, все лучше, чѣмъ продолжать идти по ней. Ложь передъ другими только невыгодна.

Всякое дѣло рѣшается всегда прямѣе и короче правдой, чѣмъ ложью. Ложь передъ другими только запутываетъ дѣло и отдаляетъ рѣшеніе; но ложь передъ самимъ собою, выставляемая за правду, губитъ всю жизнь человѣка.

Если человѣкъ, выбравшись на ложную дорогу, признаетъ ее настоящей, то всякій шагъ его по этой дорогѣ отдаляетъ его отъ цѣли; если человѣкъ, долго идущій по этой ложной дорогѣ, самъ догадается или ему скажутъ, что эта дорога ложная, но онъ испугается мысли о томъ, какъ далеко онъ заѣхалъ въ сторону, и постарается увѣрить себя, что онъ, можетъ быть, и тутъ выѣдетъ на путь, то онъ никогда не выѣдетъ. Если человѣкъ сробѣетъ передъ истиной и, увидавъ ее, не признаетъ ея, а приметъ ложь за истину, то человѣкъ никогда не узнаетъ, что̀ ему дѣлать.

Мы, люди не только богатые, но люди привилегированные, такъ называсмые образованные, такъ далеко зашли по ложной дорогѣ, что намъ надо или большую рѣшительность, или очень большія страданія на ложной дорогѣ для того, чтобы опомниться и признать ту ложь, которой мы живемъ.

Я увидалъ ложь нашей жизни благодаря тѣмъ страданіямъ, къ которымъ меня привела ложная дорога; и я, признавъ ложность того пути, на которомъ стоялъ, имѣлъ смѣлость идти прежде только одною мыслью туда, куда меня вели разумъ и совѣсть, безъ соображенія о томъ, къ чему они меня приведутъ. И я былъ вознагражденъ за эту смѣлость. Всѣ сложныя, разрозненныя, запутанныя и безсмысленныя явленія жизни, окружавшія меня, вдругъ стали ясны, и мое, прежде странное и тяжелое, положеніе среди этихъ явленій вдругъ стало естественно и легко. И въ новомъ положеніи этомъ опредѣлилась совершенно точно моя дѣятельность, — совсѣмъ не та, какая представлялась мнѣ прежде, но дѣятельность новая, гораздо болѣе спокойная, любовная и радостная. То самое, что прежде пугало меня, стало привлекать меня.

И потому я думаю, что тотъ, кто искренно задастъ себѣ вопросъ: *что дѣлать?* и, отвѣчая на этотъ вопросъ, не будетъ лгать передъ собой, а пойдетъ туда, куда поведетъ его разумъ, тотъ уже рѣшилъ вопросъ. Если онъ только не будетъ лгать передъ собой, онъ найдетъ, что, гдѣ и какъ дѣлать. Одно только, что можетъ помѣшать ему въ отысканіи исхода, — это ложно высокое о себѣ и о своемъ положеніи мнѣніе. Такъ это было со мной, и потому другой, вытекающій изъ перваго, отвѣтъ на

вопросъ «что дѣлать?» для меня состоялъ въ томъ, чтобы покаяться во всемъ значеніи этого слова, т.-е. измѣнить совершенно оцѣнку своего положенія и своей дѣятельности: вмѣсто полезности и серьезности своей дѣятельности признать ея вредъ и пустячность, вмѣсто своего образованія признать свое невѣжество, вмѣсто своей доброты и нравственности признать свою безнравственность и жестокость, вмѣсто своей высоты признать свою низость.

Я говорю, что, кромѣ того, чтобы не лгать передъ самимъ собой, мнѣ нужно еще было отдѣльно покаяться, потому что, хотя одно и вытекаетъ изъ другого, ложное представленіе о моемъ высокомъ значеніи такъ срослось со мною, что до тѣхъ поръ, пока я искренно не покаялся, не отрѣшился отъ той ложной оцѣнкч, которую я сдѣлалъ самъ себѣ, я не видалъ большей части той лжи, которою я лгалъ передъ собою. Только когда я покаялся, т.-е. пересталъ смотрѣть на себя, какъ на особеннаго человѣка, а сталъ смотрѣть, какъ на человѣка такого же, какъ всѣ люди, только тогда путь мой сталъ ясенъ для меня.

Прежде же я не могъ отвѣчать на вопросъ «что дѣлать?» потому, что самый вопросъ я ставилъ неправильно. Пока я не покаялся, я ставилъ вопросъ такъ: какую избрать дѣятельность мнѣ, человѣку, пріобрѣтшему то образованіе и тѣ таланты, которые я пріобрѣлъ?

Какъ отплатить этими талантами и этимъ образованіемъ за то, что̀ я бралъ и беру у народа? Вопросъ этотъ былъ неправиленъ потому, что онъ включалъ въ себя ложное представленіе о томъ, что я не такой же человѣкъ, а особенный, призванный служить людямъ тѣми талантами и образованіемъ, которое я пріобрѣлъ 40-лѣтнимъ упражненіемъ. Я задавалъ себѣ вопросъ, но въ сущности уже отвѣчалъ на него впередъ тѣмъ, что впередъ уже опредѣлялъ тотъ родъ мнѣ пріятной дѣятельности, которою я призванъ былъ служить людямъ. Я, собственно, спрашивалъ себя: какъ мнѣ, такому прекрасному писателю, пріобрѣтшему столько знаній и талантовъ, употребить ихъ на пользу людямъ? Вопросъ же надо было поставить такъ, какъ бы онъ стоялъ для ученаго раввина, прошедшаго курсъ талмуда и выучившаго число буквъ всѣхъ священныхъ книгъ и всѣ тонкости своей науки. Вопросъ какъ для раввина, такъ и для меня долженъ былъ стоять такъ: что мнѣ, проведшему, по несчастью моихъ условій, лучшіе учебные годы, вмѣсто пріученія къ труду, въ изученіи французскаго языка, фортепіанной игры, грамматики, географіи, юридическихъ наукъ, стиховъ, повѣстей и романовъ, философскихъ теорій и военныхъ упражненій, — что мнѣ, проведшему лучшіе

годы моей жизни въ праздныхъ и развращающихъ душу занятіяхъ, — что мнѣ дѣлать, несмотря на эти несчастныя условія прошедшаго, чтобы отплатить тѣмъ людямъ, которые во все это время кормили и одѣвали меня, да и теперь продолжаютъ кормить и одѣвать меня? Если бы вопросъ стоялъ такъ, какъ онъ стоитъ передо мною теперь, послѣ того, какъ я покаялся, — что̀ дѣлать мнѣ, такому испорченному человѣку?—то отвѣтъ былъ бы легокъ: стараться прежде всего честно кормиться, т.-е. выучиться не жить на шеѣ другихъ, и, учась этому и выучившись, при всякомъ случаѣ приносить пользу людямъ и руками, и ногами, и мозгами, и сердцемъ, и всѣмъ тѣмъ, на что заявляются требованія людей.

И потому - то я говорю, что для человѣка нашего круга, кромѣ того, чтобы не лгать передъ другими и собой, нужно еще покаяться, соскрести съ себя вросшую въ насъ гордость своимъ образованіемъ, утонченностью, талантами и сознать себя не благодѣтелемъ народа, передовымъ человѣкомъ, который не отказывается подѣлиться съ народомъ своими полезными пріобрѣтеніями, а признать себя кругомъ виноватымъ, испорченнымъ, никуда негоднымъ человѣкомъ, который желаетъ исправиться и не то что благодѣтельствовать народу, но перестать только оскорблять и обижать его.

Я слышу часто вопросы хорошихъ молодыхъ людей, сочувствующихъ отрицательной части моего писанія и спрашивающихъ: ну, такъ что же мнѣ дѣлать? что дѣлать мнѣ, кончившему курсъ въ университетѣ или въ другомъ заведеніи, для того, чтобы быть полезнымъ?

Молодые люди эти спрашиваютъ, а въ глубинѣ души у нихъ уже рѣшено, что то образованіе, которое они получили, есть ихъ великое преимущество, и что служить народу они желаютъ именно этимъ своимъ преимуществомъ. И потому одно, чего они никакъ не сдѣлаютъ, это—то, чтобы искренно, честно отнестись критически къ тому, что они называютъ своимъ образованіемъ: спросить себя хорошія или дурныя свойства суть то, что они называютъ своимъ образованіемъ. Если же они сдѣлаютъ это, то они неизбѣжно будутъ приведены къ необходимости отречься отъ своего образованія и къ необходимости начать учиться снова, а это одно и нужно.

Они никакъ не могутъ рѣшить вопроса «что дѣлать?» потому, что вопросъ этотъ стоитъ для нихъ не такъ, какъ онъ долженъ стоять.

Вопросъ долженъ бы стоять такъ: какъ мнѣ, безпомощному, безполезному человѣку, по несчастію моихъ условій по-

губившему лучшіе учебные годы на развращающее душу и тѣло изученіе научнаго талмуда, поправить эту ошибку и выучиться служить людямъ? — а онъ у нихъ стоитъ такъ: какъ мнѣ, пріобрѣтшему столько прекрасныхъ знаній человѣку, быть этими прекрасными знаніями полезнымъ людямъ? И потому - то такой человѣкъ никогда не отвѣтитъ на вопросъ «что дѣлать?» до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ лгать передъ собой и не покается. И покаяніе не страшно, такъ же какъ не страшна истина, и такъ же радостно и плодотворно. Стоитъ принять истину совсѣмъ и покаяться совсѣмъ, чтобы понять, что правъ, преимуществъ, особенностей въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ и не можетъ имѣть, а обязанностямъ нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ, и что первая и несомнѣнная обязанность человѣка есть участіе въ борьбѣ съ природою за свою жизнь и жизнь другихъ людей.

И это - то сознаніе обязанности человѣка и составляетъ сущность третьяго отвѣта на вопросъ: *что дѣлать?*

Я старался не лгать передъ собой, я старался выварить изъ себя остатки ложнаго мнѣнія о значеніи моего образованія и талантовъ и покаяться; но на дорогѣ рѣшенія вопроса «что дѣлать?» становилось новое затрудненіе: дѣлъ такъ много разныхъ, что надо было указаніе на то, что именно дѣлать. И отвѣтъ на этотъ вопросъ дало мнѣ искреннее покаяніе въ томъ злѣ, въ которомъ я жилъ. Что дѣлать? Что именно дѣлать? — спрашиваютъ всѣ, и спрашивалъ я до тѣхъ поръ, пока подъ вліяніемъ высокаго мнѣнія о своемъ призваніи не видалъ того, что первое и несомнѣнное дѣло мое было то, чтобы кормиться, одѣваться, отопляться, обстраиваться и въ этомъ же самомъ служить другимъ, потому что, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, въ этомъ самомъ состояла и состоитъ первая и несомнѣнная обязанность всякаго человѣка.

Обязанность эта всегда будетъ первой уже потому, что людямъ нужнѣе всего ихъ жизнь, и потому для того, чтобы защищать и поучать людей и дѣлать ихъ жизнь болѣе пріятной, надо сохранять самую жизнь, а между тѣмъ мое неучастіе въ борьбѣ, и поглощеніе чужихъ трудовъ есть уничтоженіе чужихъ жизней.

И потому безумно служить жизни людей, уничтожая жизни людей, и нельзя говорить, что я служу людямъ, когда я своей жизнью очевидно врежу имъ.

Обязанность человѣка—борьба съ природою для пріобрѣтенія средствъ жизни всегда будетъ самой первой и несомнѣнной изъ всѣхъ другихъ обязанностей, потому что обязанность эта есть за-

конъ жизни, отступленіе отъ котораго влечетъ за собой неизбѣжное наказаніе — уничтоженіе или тѣлесной, или разумной жизни человѣка. Если человѣкъ, живя одинъ, уволитъ себя отъ обязанности борьбы съ природой, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ. Если же человѣкъ уволитъ себя отъ этой обязанности, заставляя другихъ людей, губя ихъ жизнь, исполнять ее, то онъ тотчасъ же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т.-е. жизни, имѣющей разумный смыслъ.

Въ этомъ одномъ дѣлѣ получаетъ человѣкъ, если уже раздѣлять его, полное удовлетвореніе тѣлесныхъ и духовныхъ требованій своей природы: кормить, одѣвать, беречь себя и своихъ близкихъ есть удовлетвореніе тѣлесной потребности, дѣлать то же для другихъ людей — удовлетвореніе духовной потребности.

Всякая другая дѣятельность человѣка только тогда законна, когда она направлена на удовлетвореніе этой первѣйшей потребности потому что въ удовлетвореніи этой потребности состоитъ и вся жизнь человѣка.

Въ чемъ бы человѣкъ ни полагалъ своего призванія: въ томъ ли, чтобы управлять людьми, въ томъ ли, чтобы защищать своихъ соотечественниковъ, совершать ли богослуженія, поучать ли другихъ, придумывать ли средства для увеличенія пріятностей жизни, открывать ли законы міра, воплощать ли вѣчныя истины въ художественныхъ образахъ,—обязанность разумнаго человѣка участвовать въ борьбѣ съ природою для поддержанія жизни и своей и другихъ людей всегда будетъ самая первая и самая несомнѣнная.

Я такъ былъ извращенъ своей прошедшей жизнью, такъ скрытъ въ нашемъ мірѣ этотъ первый и несомнѣнный законъ Бога, или природы, что мнѣ казалось страннымъ, страшнымъ, стыднымъ даже исполненіе этого закона, какъ будто можетъ быть странно, страшно, и стыдно исполненіе вѣчнаго и несомнѣннаго закона, а не отступленіе отъ него. Сначала мнѣ представлялось, что для исполненія этого дѣла нужно какое-то приспособленіе, устройство, сообщество единомышленныхъ людей, согласіе семьи, жизнь въ деревнѣ; потомъ представлялось совѣстнымъ какъ будто выказываться передъ людьми, дѣлать такое непривычное въ нашемъ быту дѣло, какъ тѣлесный трудъ, и я не зналъ, какъ взяться за него.

Но стоило мнѣ понять, что это не есть какая-нибудь исключительная дѣятельность, которую нужно выдумать и устроить, а что эта дѣятельность есть только возвращеніе изъ ложнаго положенія, въ которомъ я находился, къ естественному, есть

только исправленіе той лжи, въ которой я живу, — стоило мнѣ сознать это, чтобы устранились всѣ эти затрудненія.

Устраивать и приспособлять и ожидать согласія другихъ никогда не нужно было, потому что всегда, въ какомъ бы я ни былъ положеніи, были люди, которые кормили, одѣвали, отопляли кромѣ себя и меня, и вездѣ при всѣхъ условіяхъ я могъ дѣлать это самъ для себя и для нихъ, если у меня доставало времени и силъ.

А испытывать ложный стыдъ въ занятіи непривычнымъ и какъ бы удивительнымъ для людей дѣломъ я тоже не могъ, потому что, не дѣлая этого, я испытывалъ уже не ложный, а настоящій стыдъ. И тутъ - то, придя къ этому сознанію и практическому изъ него выводу, я былъ вознагражденъ вполнѣ за то, что не заробѣлъ передъ выводами разума и пошелъ туда, куда они вели меня.

Придя къ этому практическому выводу, я былъ пораженъ легкостью и простотою разрѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые мнѣ прежде казались столь трудными и сложными.

На вопросъ: что нужно дѣлать? — явился самый несомнѣнный отвѣтъ: прежде всего, что̀ мнѣ самому нужно: мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда — все, что я могу самъ сдѣлать.

На вопросъ: не странно ли это будетъ передъ людьми, дѣлавшими это? — оказалось, что странность эта продолжается только недѣлю, а послѣ недѣли сдѣлалось бы страннымъ, если бы я возвратился къ прежнимъ условіямъ.

На вопросъ: нужно ли организовать этотъ физическій трудъ, устроивъ сообщество въ деревнѣ, на землѣ? — оказалось, что все это не нужно, что трудъ, если онъ имѣетъ своею цѣлью не пріобрѣтеніе возможности праздности и пользованія чужимъ трудомъ, каковъ трудъ наживающихъ деньги людей, а имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностей, самъ собою влечетъ изъ города въ деревню, къ землѣ, туда, гдѣ трудъ этотъ самый плодотворный и радостный.

Сообщества же не нужно было никакого составлять потому, что человѣкъ трудящійся самъ по себѣ, естественно примыкаетъ къ существующему сообществу людей трудящихся.

На вопросъ о томъ: не поглотитъ ли этотъ трудъ всего моего времени и не лишитъ ли меня возможности той умственной дѣятельности, которую я люблю, къ которой привыкъ и которую въ минуту сомомнѣнія считаю не безполезною другимъ? — отвѣтъ получился самый неожиданный. Энергія умственной дѣятельности усилилась и равномѣрно усиливалась, освобождаясь отъ всего излишняго, по мѣрѣ напряженія тѣлеснаго.

Оказалось, что, отдавъ на физическій трудъ 8 часовъ,—ту половину дня, которую я прежде проводилъ въ тяжелыхъ усиліяхъ борьбы со скукою, — у меня оставалось еще 8 часовъ, изъ которыхъ мнѣ нужно было по моимъ условіямъ только 5 для умственнаго труда; оказалось, что если бы я, весьма плодовитый писатель, 40 почти лѣтъ ничего не дѣлавшій, кромѣ писанія, и написавшій 300 листовъ печатныхъ, — если бы я работалъ всѣ эти 40 лѣтъ рядовую работу съ рабочимъ народомъ, то, не считая зимнихъ вечеровъ и гулевыхъ дней, если бы я читалъ и учился въ продолженіе 5-ти часовъ каждый день, а писалъ бы по однимъ праздникамъ, по двѣ страницы въ день (а я писывалъ по листу печатному въ день),—то я написалъ бы тѣ же 300 листовъ въ 14 лѣтъ.

Оказалось удивительное дѣло: самый простой ариѳметическій расчетъ, который можетъ сдѣлать семилѣтній мальчикъ и котораго я до сихъ поръ не могъ сдѣлать. Въ суткахъ 24 часа; спимъ мы 8 часовъ, остается 16. Если какой бы то ни было человѣкъ умственной дѣятельности посвятитъ на свою дѣятельность 5 часовъ каждый день, то онъ сдѣлаетъ страшно много. Куда же дѣваются остальные 11 часовъ?

Оказалось, что физическій трудъ не только не исключаетъ возможности умственной дѣятельности, не только улучшаетъ ея достоинство, но поощряетъ ее.

На вопросъ о томъ: не лишитъ ли этотъ физическій трудъ меня многихъ безвредныхъ радостей, свойственныхъ человѣку, какъ наслажденія искусствами, пріобрѣтенія знанія, общенія съ людьми и вообще счастія жизни? — оказалось совершенно обратное: чѣмъ напряженнѣе былъ трудъ, чѣмъ больше онъ приближался къ считающемуся самымъ грубымъ земледѣльческому труду, тѣмъ больше я пріобрѣталъ наслажденій, знаній и приходилъ тѣмъ болѣе въ тѣсное и любовное общеніе съ людьми, и тѣмъ болѣе получалъ счастья жизни.

На вопросъ о томъ (такъ часто слышанный мною отъ людей не совсѣмъ искреннихъ): какой результатъ можетъ произойти отъ такой ничтожной капли въ морѣ участія моего личнаго физическаго труда въ морѣ поглощаемаго мною труда? — получился тоже самый удовлетворительный и неожиданный отвѣтъ.

Оказалось, что стоило мнѣ сдѣлать физическій трудъ привычнымъ условіемъ своей жизни, чтобы тотчасъ же большинство моихъ ложныхъ, дорогихъ привычекъ и требованій при физической праздности сами собой, безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, отпали отъ меня. Не говоря уже о привычкахъ обращать день въ ночь и обратно, о постели, одеждѣ, услов-

ной чистотѣ, прямо невозможныхъ и стѣсняющихъ при физическомъ трудѣ, пища, потребность, качества пищи совершенно измѣнились.

Вмѣсто сладкаго, жирнаго, утонченнаго, сложнаго, пряннаго, на что тянуло прежде, стала нужна и болѣе всего пріятна самая простая пища: щи, каша, черный хлѣбъ, чай въ прикуску.

Такъ что, не говоря уже о вліяніи на меня примѣра простыхъ рабочихъ людей, довольствующихся малымъ, съ которыми я при физической работѣ приходилъ въ общеніе, самыя потребности незамѣтно измѣнились вслѣдствіе рабочей жизни, такъ что моя капля физическаго труда въ морѣ общаго труда, по мѣрѣ моей привычки и усвоенія пріемовъ работы, становилась все больше и больше; по мѣрѣ же плодотворности моего труда и требованія мои труда отъ другихъ становились все меньше и меньше, и жизнь естественно, безъ усилій и лишеній приближалась къ такой простой, о которой я не могъ и мечтать безъ исполненія закона труда. Оказалось то, что самыя дорогія требованія мои отъ жизни — именно требованія тщеславія и разсѣянія отъ скуки—происходили прямо отъ праздной жизни.

При физической работѣ не было мѣста тщеславію и не было нужды въ разсѣяніи, такъ какъ время было пріятно занято, и послѣ усталости простой отдыхъ за чаемъ, за книгой, за разговоромъ съ близкими былъ несравненно пріятнѣе театра, картъ, концерта, большого общества,—всѣхъ тѣхъ вещей, которыя нужны при физической праздности и стоятъ дорого.

На вопросъ о томъ: не разстроилъ ли бы этотъ непривычный трудъ здоровья, необходимаго для возможности служенія людямъ?—оказалось, что, несмотря на положительныя утвержденія знаменитыхъ врачей, что физическій напряженный трудъ, особенно въ мои года, можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія (а что лучше шведская гимнастика, массажъ и т. п. приспособленія, долженствующія замѣнить естественныя условія жизни человѣка), — оказалось, что чѣмъ напряженнѣе былъ трудъ, тѣмъ я сильнѣе, бодрѣе, веселѣе и добрѣе себя чувствовалъ. Такъ что оказалось несомнѣнно то, что точно такъ же, какъ всѣ тѣ ухищренія человѣческаго ума: газеты, театры, концерты, визиты, балы, карты, журналы, романы, суть не что иное, какъ средство поддерживать духовную жизнь человѣка внѣ его естественныхъ условій труда для другихъ, что точно таковы же гигіеническія и медицинскія ухищренія человѣческаго ума для приспособленія пищи, питья, помѣщенія, вентиляціи, отопленія, одежды, лѣкарствъ, водъ, массажей, гимнастики, электрическихъ и всякихъ другихъ лѣченій, — что всѣ эти

хитрости - мудрости суть только средства поддержать тѣлесную жизнь человѣка, изъятую изъ естественныхъ ея условій труда, оказалось, что всѣ тѣ ухищренія человѣческаго ума для пріятнаго устройства жизни физически праздныхъ людей совершенно подобны тѣмъ хитростямъ, которыя бы придумывали люди для устройства въ герметически закрытомъ помѣщеніи, посредствомъ механическихъ приборовъ, испаренія воды и доставленія растеніямъ наилучшаго для дыханія воздуха, когда стоитъ только открыть окошко.

Всѣ выдумки медицины и гигіены для людей нашего круга подобны тому, что придумывалъ бы механикъ для того, чтобы, растопивъ неработающій паровикъ и заткнувъ всѣ клапаны, сдѣлать такъ, чтобы паровикъ не разорвало.

Вмѣсто всѣхъ сложнѣйшихъ и поглощающихъ столько трудовъ устройствъ увеселеній, комфорта и медицинскихъ и гигіеническихъ приспособленій, долженствующихъ спасать людей отъ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, нужно только одно: исполнять законъ жизни—дѣлать то, что свойственно не только человѣку, но и животному, выпускать зарядъ энергіи, принимаемой въ видѣ пищи мускульнымъ трудомъ; говоря простымъ языкомъ — зарабатывать хлѣбъ — не работавши не ѣсть, или сколько поѣлъ, столько и сработалъ.

И когда я ясно понялъ все это, мнѣ стало смѣшно. Я цѣлымъ рядомъ сомнѣній, исканій, длиннымъ ходомъ мысли пришелъ къ той необыкновенной истинѣ, что если у человѣка есть глаза, то затѣмъ, чтобы смотрѣть ими, и уши, чтобы слушать, и ноги, чтобы ходить, и руки, и спина, чтобы работать. И что если человѣкъ не будетъ употреблять этихъ членовъ на то, на что они предназначены, то ему будетъ хуже.

Я пришелъ къ тому заключенію, что съ нами, привилегированными людьми, случилось то же, что случилось съ жеребцами моего знакомаго.

Приказчикъ, не охотникъ до лошадей и не знатокъ, получивъ приказаніе хозяина поставить на стойло лучшихъ жеребцовъ, отобралъ ихъ изъ табуна, поставилъ въ стойла, кормилъ овсомъ и поилъ; но, боясь за дорогихъ лошадей, не рѣшался ни кому поручить ихъ, не ѣздилъ, не гонялъ и даже не выводилъ ихъ. Лошади всѣ сѣли на ноги и стали никуда негодными.

То же случилось и съ нами, но только съ тою разницей, что лошадей нельзя обмануть ничѣмъ, и ихъ, чтобы не выпускать, держали на привязи, насъ же держатъ въ такомъ же неестественномъ и гибельномъ для насъ положеніи соблазнами, которые спутали насъ и держатъ, какъ цѣпи. Мы устроили

себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ человѣка, и всѣ силы свои своего ума напрягаемъ на то, чтобы увѣрить человѣка, что это-то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называемъ культурой: наши науки и искусства, усовершенствованія пріятностей жизни,—это попытки обмануть нравственныя, требованія человѣка; все, что называемъ гигіеной и медициной,—это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы. Но обманы эти имѣютъ свои предѣлы, и мы доходимъ до нихъ.

Если такая настоящая жизнь человѣческая, то лучше вовсе не жить, говоритъ царствующая, самая модная философія Шопенгауэра и Гартмана. Если такова жизнь, то лучше не жить, говоритъ увеличивающееся число самоубійствъ привилегированнаго класса. Если такова жизнь, то и будущимъ поколѣніямъ лучше не жить, говорятъ потворствуемыя наукой медицины и изобрѣтенныя ею уловки для уничтоженія женскаго плодородія.

Въ Библіи сказано, какъ законъ человѣка: въ потѣ лица снѣси хлѣбъ и въ мукахъ родиши чада.

Мужикъ Бондаревъ, написавшій объ этомъ статью, освѣтилъ для меня мудрость этого изреченія. (За всю мою жизнь два русскихъ мыслящихъ человѣка имѣли на меня большое нравственное вліяніе и обогатили мою мысль и уяснили мнѣ мое міросозерцаніе. Люди эти были не русскіе поэты, ученые, проповѣдники,—это были два живущіе теперь замѣчательные человѣка, оба всю свою жизнь работавшіе мужицкую работу крестьяне: Сютаевъ и Бондаревъ [1]).

Nous avons changé tout ça, — какъ говоритъ мольеровское лицо, завравшись о медицинѣ, и сказавшее, что печень на лѣвой сторонѣ. Мы все это перемѣнили: людямъ не нужно работать, чтобы кормиться, это все будутъ дѣлать машины, а женщинамъ не нужно рожать. Наука медицина научитъ различнымъ средствамъ, а народу и такъ слишкомъ много.

По Крапивенскому уѣзду ходитъ оборванный мужикъ, сошелъ съ ума на томъ, что и онъ такъ же, какъ господа, можетъ не работать, а получать слѣдующее ему содержаніе отъ государя императора. Мужикъ этотъ называетъ себя теперь свѣтлѣйшимъ военнымъ княземъ Блохинымъ, поставщикомъ военнаго провіанта всѣхъ сословій. Онъ говоритъ про себя, что онъ окончилъ всѣхъ чиновъ и, по выслугѣ военнаго сословія, долженъ получить отъ государя императора открытый банкъ, одежды, мундиры, лошадей, экипажи, чай, горохъ

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ это было написано, они оба уже умерли. *Ред.*

и прислугу и всякое продовольствіе. Человѣкъ этотъ смѣшонъ для многихъ, но для меня значеніе сумасшествія его ужасно.

На вопросы: не хочетъ ли онъ поработать?—онъ всегда гордо отвѣчаетъ: «очень благодаренъ, это все управится крестьянами».

Когда скажешь ему, что крестьяне тоже не захотятъ работать, онъ отвѣчаетъ: «крестьянамъ это не затруднительно въ управкѣ» (вообще онъ говоритъ высокимъ слогомъ и любитъ отглагольныя существительныя).

«Теперь выдумка машинъ для облегчительности крестьянъ,—говоритъ онъ. — Для нихъ нѣтъ затруднительности». Когда у него спросишь: для чего онъ живетъ?—онъ отвѣчаетъ: «для разгулки времени».

Я всегда смотрю на этого человѣка, какъ въ зеркало. Я вижу въ немъ себя и все наше сословіе.

Окончить чиновъ, чтобы жить для разгулки времени и получать открытый банкъ, между тѣмъ какъ крестьяне, для которыхъ это не затруднительно по выдумкѣ машинъ, управляютъ всѣ дѣла,—это полная формулировка безумной вѣры людей нашего круга.

Когда мы спрашиваемъ: что же именно намъ дѣлать? вѣдь мы не спрашиваемъ ничего, а только утверждаемъ, только не съ такою добросовѣстностью, какъ свѣтлѣйшій военный князь Блохинъ, окончившій всѣхъ чиновъ и лишась разума, что мы не хотимъ ничего дѣлать.

Тотъ, кто опомнится, не можетъ этого спрашивать, потому что, съ одной стороны, все, чѣмъ онъ пользуется, сдѣлано и дѣлается руками людей, а съ другой стороны, какъ только проснулся и поѣлъ здоровый человѣкъ, такъ у него является потребность работать и ногами, и руками, и мозгами. Для того, чтобы найти работу и работать, ему нужно только не удерживаться; только тотъ, кто считаетъ стыднымъ работу, какъ дама, которая проситъ гостью не трудиться отворять дверь, а подождать, пока она позоветъ для этого человѣка, только тотъ можетъ задавать себѣ вопросъ: что именно дѣлать?

Дѣло не въ томъ, чтобы выдумать работу,—работы для себя и для другихъ не передѣлаешь,—а дѣло въ томъ, чтобы отвыкнуть отъ того преступнаго взгляда на жизнь, что я ѣмъ и сплю для своего удовольствія, и усвоить себѣ тотъ простой и правдивый взглядъ, съ которымъ выростаетъ и живетъ рабочій человѣкъ, что человѣкъ прежде всего есть машина, которая заряжается ѣдой, для того, чтобы кормиться, и что потому стыдно, тяжело, нельзя ѣсть и не работать; что ѣсть и не работать—это самое безбожное, противоестественное и потому опасное по-

ложеніе въ родѣ содомскаго грѣха. Только бы было это сознаніе, и работа будетъ, и работа будетъ всегда радостная и удовлетворяющая душевныя и тѣлесныя требованія. Мнѣ представилось дѣло такъ: день всякаго человѣка самой пищей раздѣляется на 4 части, или 4 упряжки, какъ называютъ это мужики: 1) до завтрака, 2) отъ завтрака до обѣда, 3) отъ обѣда до полдника и 4) отъ полдника до вечера. Дѣятельность человѣка, въ которой онъ по самому существу своему чувствуетъ потребность, тоже раздѣляется на 4 рода: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ и спины,—тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ, дѣятельность ловкости и мастерства; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) дѣятельность общенія съ другими людьми. Блага, которыми пользуется человѣкъ, также раздѣляются на 4 рода. Всякій человѣкъ пользуется, во-первыхъ, произведеніями тяжелаго труда: хлѣбомъ, скотиной, постройками, колодцами; во-вторыхъ, дѣятельностью ремесленнаго труда: одежою, сапогами, утварью и т. п.; въ-третьихъ, произведеніями умственной дѣятельности: наукъ и искусствъ, и, въ-четвертыхъ, установленнымъ общеніемъ между людьми. И мнѣ представилось, что лучше всего бы было чередовать занятія дня такъ, чтобы упражнять всѣ 4 способности человѣка, самому производить всѣ тѣ 4 рода блага, которыми пользуются люди, такъ, что одна часть дня—первая упряжка—была посвящена: первая—тяжелому труду, другая — умственному, третья—ремесленному и четвертая—общенію съ людьми. Хорошо, если можно устроить такъ свою работу, но если и нельзя, одно важно: чтобы было сознаніе обязанности на трудъ, обязанность употреблять на дѣло каждую упряжку.

Мнѣ представилось, что тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастья человѣка.

Я, напримѣръ, занимался всю свою жизнь умственнымъ трудомъ. Я говорилъ себѣ, что я такъ раздѣлилъ трудъ, что писаніе, т.-е. умственный трудъ, есть спеціальное мое занятіе, а другія нужныя мнѣ дѣла предоставилъ (или заставилъ) дѣлать другихъ. Но это, казалось бы, самое выгодное устройство для умственнаго труда, не говоря уже о своей несправедливости, было невыгодно именно для умственнаго труда.

Я всю свою жизнь — пищу, сонъ, развлеченія — устраивалъ въ виду этихъ часовъ спеціальной работы и, кромѣ этой работы, ничего не дѣлалъ.

Изъ этого выходило, во-первыхъ, то, что я суживалъ свой кругъ наблюденія и знаній, часто не имѣлъ предмета для изученія и часто, задавшись задачей описывать жизнь людей (а жизнь людей есть всегдашняя задача всякой умственной дѣятельности), я чувствовалъ свое незнаніе и долженъ былъ учиться, спрашивалъ о такихъ вещахъ, которыя зналъ всякій человѣкъ, не занятый спеціальной работой; во-вторыхъ, выходило то, что я садился писать, но у меня не было никакого внутренняго влеченія писать, и никто не требовалъ отъ меня писанія, какъ писанія, т.-е. моихъ мыслей, а требовалось мое имя для журнальныхъ соображеній. Я старался выжимать изъ себя, что могъ: иногда ничего не выжималъ, иногда что-нибудь очень плохое, и чувствовалъ неудовлетворенность и тоску. Теперь же, когда я созналъ необходимость физической работы, и грубой и ремесленной, выходило совершенно другое: время мое было занято, какъ ни скромно, но несомнѣнно полезно, и радостно, и поучительно для меня. И потому я отрывался для своей спеціальности отъ этого несомнѣнно полезнаго и радостнаго занятія только тогда, когда чувствовалъ и внутреннюю потребность и видѣлъ прямо заявляемыя ко мнѣ въ моемъ писательскомъ трудѣ требованія. А эти-то требованія и обусловливали только доброкачественность и потому полезность и радостность моей спеціальной работы.

Такъ что оказалось, что занятія тѣми физическими работами, которыя мнѣ необходимы, какъ и всякому человѣку, не только не мѣшали моей спеціальной дѣятельности, но были необходимымъ условіемъ полезности, доброкачественности и радостности этой дѣятельности.

Птица такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива, тогда она птица. Точно такъ же и человѣкъ: когда онъ ходитъ, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только онъ человѣкъ.

Человѣкъ, сознавшій свое призваніе труда, будетъ естественно стремиться къ той перемѣнѣ труда, которая свойственна ему для удовлетворенія его внѣшнихъ и внутреннихъ потребностей, и измѣнитъ этотъ порядокъ не иначе, какъ только если почувствуетъ въ себѣ непреодолимое призваніе къ какому-либо исключительному труду и къ этому же труду будутъ предъявляться требованія другихъ людей.

Свойство труда таково, что удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка требуетъ того самаго чередованія разныхъ

родовъ труда, которое дѣлаетъ трудъ не тягостью, а радостью. Только ложная вѣра въ то, что трудъ есть проклятіе, могла привести людей къ тому освобожденію себя отъ извѣстныхъ родовъ труда, т.-е. захвату чужого труда, требующаго насильственнаго занятія спеціальнымъ трудомъ другихъ людей, которое они называютъ раздѣленіемъ труда.

Вѣдь мы только такъ привыкли къ нашему ложному пониманію устройства труда, что намъ кажется, что сапожнику, машинисту, писателю или музыканту будетъ лучше, если онъ уволитъ себя отъ свойственнаго человѣку труда.

Тамъ, гдѣ не будетъ насилія надъ чужимъ трудомъ и ложной вѣры въ радостность праздности, ни одинъ человѣкъ для занятія спеціальнымъ трудомъ не уволитъ себя отъ физическаго труда, нужнаго для удовлетворенія его потребностей, потому что спеціальное занятіе не есть преимущество, а есть жертва, которую приноситъ человѣкъ своему влеченію и своимъ братьямъ.

Сапожникъ въ деревнѣ, оторвавшись отъ привычнаго, радостнаго въ полѣ труда и взявшись за свою работу, чтобы починить или сшить сапоги сосѣдямъ, лишаетъ себя всегда радостнаго и полезнаго труда въ полѣ для другихъ только потому, что онъ любитъ шить, знаетъ, что никто не можетъ такъ хорошо сдѣлать этого, какъ онъ, и что люди будутъ благодарны ему. Но ему не можетъ придти желаніе на всю жизнь лишить себя радостнаго чередованія труда. Также староста, машинистъ, писатель, ученый. Вѣдь это намъ съ нашимъ извращеннымъ понятіемъ кажется такъ, что если конторщика баринъ разжаловалъ въ мужики или министра сослали на поселеніе, то его наказали, сдѣлали ему дурное. Въ сущности же его облагодѣтельствовали, т.-е. замѣнили его тяжелый, спеціальный трудъ радостнымъ чередованіемъ труда.

Въ естественномъ обществѣ это совсѣмъ иначе. Я знаю одну общину, гдѣ люди сами кормились. Одинъ изъ членовъ этого общества былъ образованнѣе другихъ и отъ него потребовали чтенія, къ которому онъ долженъ былъ готовиться днемъ, чтобы читать вечеромъ. Онъ дѣлалъ это съ радостью, чувствуя, что онъ полезенъ другимъ и дѣлаетъ дѣло хорошее. Но онъ усталъ отъ исключительно умственной работы, и здоровье его стало хуже. Члены общины пожалѣли его и попросили идти работать въ полѣ.

Для людей, смотрящихъ на трудъ, какъ на сущность и радость жизни, фонъ, основа жизни будетъ всегда борьба съ природой — трудъ и земледѣльческій, и ремесленный, и умственный, и установленіе общенія между людьми.

Отступленіе отъ одного или многихъ изъ этихъ родовъ труда и специальная работа будетъ только тогда, когда человѣкъ специальной работы, любя эту работу и зная, что онъ лучше другихъ дѣлаетъ ее, жертвуетъ своей выгодой для удовлетворенія непосредственно заявляемыхъ къ нему требованій. Только при такомъ взглядѣ на трудъ и вытекающемъ изъ него естественномъ раздѣленій труда уничтожается то проклятіе, наложенное въ нашемъ воображеніи на трудъ, и всякій трудъ становится всегда радостью, потому что либо человѣкъ будетъ дѣлать несомнѣнно полезный и радостный, неотяготительный трудъ, либо будетъ имѣть сознаніе жертвы въ исполненіи труда болѣе тяжелаго, исключительнаго, но такого, который онъ дѣлаетъ для блага другихъ.

Но раздѣленіе труда выгоднѣе. Для кого выгоднѣе?

Выгоднѣе поскорѣе надѣлать какъ можно больше сапогъ и ситцевъ. Но кто будетъ дѣлать эти сапоги и ситцы?

Люди, поколѣніями дѣлающіе только булавочныя головки. Такъ какъ же это можетъ быть выгоднѣе для людей?

Если дѣло въ томъ, чтобы надѣлать какъ можно больше ситцевъ и булавокъ, то это такъ; но дѣло вѣдь въ людяхъ, въ благѣ ихъ. А благо людей—въ жизни. А жизнь—въ работѣ. Такъ какъ же можетъ необходимость мучительной, угнетающей работы быть выгоднѣе для людей?

Если дѣло только въ выгодѣ однихъ людей безъ соображенія о благѣ всѣхъ людей, то выгоднѣе всего однимъ людямъ ѣсть другихъ. Говорятъ, что и вкусно. Выгодно для всѣхъ людей — одно, то самое, что я для себя желаю, — наибольшаго блага и удовлетворенія всѣхъ тѣхъ потребностей, и тѣлесныхъ, и душевныхъ, и совѣсти, и разума, которыя въ меня вложены. И вотъ для себя я нашелъ, что для моего блага и удовлетворенія моихъ этихъ потребностей мнѣ нужно только излѣчиться отъ того безумія, въ которомъ я жилъ вмѣстѣ съ крапивенскимъ сумасшедшимъ, сумасшествія, состоящаго въ томъ, что нѣкоторымъ людямъ не полагается работать и что все это должны управлять другіе люди, и, потому дѣлать только то, что свойственно человѣку, т. е. работать удовлетворяя своимъ потребностямъ. И, найдя это, я убѣдился, что трудъ для удовлетворенія своихъ потребностей самъ собою раздѣляется на разные роды труда, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою прелесть и не только не составляетъ отягощенія, а служитъ отдыхомъ одинъ отъ другого.

Я въ грубой формѣ (нисколько не настаивая на справедливости такого дѣленія) раздѣлилъ этотъ трудъ по тѣмъ требо-

ваніямъ, которыя я имѣю въ жизни, на 4 отдѣла соотвѣтственно четыремъ упряжкамъ работы, изъ которыхъ слагается день, и стараюсь удовлетворять этимъ требованіямъ.

Такъ вотъ какіе отвѣты я нашелъ для себя на вопросъ: что намъ дѣлать?

Первое: не лгать передъ самимъ собой, какъ бы ни далекъ былъ мой путь жизни отъ того истиннаго пути, который открываетъ мнѣ разумъ, — не бояться истины.

Второе: отречься отъ сознанія своей правоты, своихъ преимуществъ, особенностей передъ другими людьми и признать себя виноватымъ.

Третье: исполнять тотъ вѣчный, несомнѣнный законъ человѣка — трудомъ всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться съ природою для поддержанія жизни своей и другихъ людей.

28 октября 1885 г.
Ясная Поляна.

XXXIX.

Я кончилъ, сказавъ все то, что касалось меня, но не могу удержаться отъ желанія сказать еще то, что касается всѣхъ: общими соображеніями повѣрить тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ.

Мнѣ хочется сказать о томъ, почему мнѣ кажется, что очень многіе изъ нашего круга должны придти къ тому же, къ чему я пришелъ, и еще о томъ, что выйдетъ изъ того, если хоть нѣкоторые люди придутъ къ этому.

Я думаю, что многіе придутъ къ тому же, къ чему я пришелъ, потому что если только люди нашего круга, нашей касты серьезно оглянутся на себя, то люди молодые, ищущіе личнаго счастья, ужаснутся передъ все увеличивающейся, явно влекущей ихъ въ погибель бѣдственностью своей жизни, люди совѣстливые, если они оглянутся на себя, ужаснутся передъ жестокостью и незаконностью своей жизни, и люди робкіе ужаснутся передъ опасностью своей жизни.

Несчастіе нашей жизни: какъ мы, богатые люди, ни поправляемъ, ни подпираемъ съ помощью науки и искусства эту нашу ложную жизнь, жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и слабѣе, и болѣзненнѣе, и мучительнѣе; съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубійствъ и отреченій отъ рожденія дѣтей; съ каждымъ годомъ слабѣютъ новыя поколѣнія людей этого сословія; съ каждымъ годомъ мы чувствуемъ увеличивающуюся тоску нашей жизни.

Очевидно, что на этомъ пути увеличенія удобствъ и пріятностей жизни, на пути всякаго рода лѣченій и искусственныхъ приспособленій для улучшенія зрѣнія, слуха, аппетита, искусственныхъ зубовъ, волосъ, дыханія, массажей и т. п. не можетъ быть спасенія. То, что люди, не пользующіеся этими усовершенствованіями, сильнѣе и здоровѣе, эта истина стала такимъ труизмомъ, что въ газетахъ печатаются рекламы о желудочныхъ порошкахъ для богатыхъ подъ заглавіемъ: Blessings for the poor (блаженство для бѣдныхъ), гдѣ говорится, что бѣдные только имѣютъ правильное пищевареніе, а богатымъ нужна помощь, а въ томъ числѣ эти порошки.

Поправить это дѣло нельзя никакими увеселеніями, удобствами и порошками, — поправить можетъ только перемѣна жизни.

Несогласія нашей жизни съ нашей совѣстью: какъ ни стараемся мы оправдать передъ самими собой свою измѣну человѣчеству, всѣ наши оправданія распадаются прахомъ передъ очевидностью: вокругъ насъ мрутъ люди отъ непосильной работы и недостатка; мы губимъ трудъ другихъ людей, пищу и одежды, необходимыя для нихъ только для того, чтобы найти развлеченіе и разнообразіе въ своей скучной жизни. И потому совѣсть человѣка нашего круга, если есть хоть малый остатокъ ея въ немъ, не можетъ заснуть и отравляетъ всѣ тѣ удобства и пріятности жизни, которыя доставляютъ намъ страдающіе и гибнущіе въ трудѣ братья.

Но мало того, что каждый совѣстливый человѣкъ самъ чувствуетъ это, — онъ бы и радъ забыть это, но не можетъ этого сдѣлать въ наше время, — вся лучшая часть науки и искусства, та, въ которой остался смыслъ ея призванія, постоянно напоминаетъ намъ о нашей жестокости и нашемъ незаконномъ положеніи. Старыя, твердыя оправданія всѣ разрушены; новыя, эфемерныя оправданія науки для науки, искусства для искусства не выдерживаютъ свѣта простого, здраваго разсудка.

Совѣсть людей не можетъ быть успокоена новыми придумками, а можетъ быть успокоена только перемѣной жизни, при которой не нужно будетъ и не въ чемъ оправдываться.

Опасность нашей жизни: какъ ни стараемся мы скрыть отъ себя простую, самую очевидную опасность истощенія терпѣнія тѣхъ людей, которыхъ мы душимъ, какъ ни стараемся мы противодѣйствовать этой опасности всякими обманами, насиліями, задобриваніями, — опасность эта растетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и давно уже угрожаетъ намъ, а те-

перь назрѣла такъ, что мы чуть держимся въ своей лодочкѣ надъ бушующимъ уже и заливающимъ насъ моремъ, которое вотъ-вотъ гнѣвно поглотитъ и пожретъ насъ. Рабочая революція съ ужасами разрушеній и убійствъ не только грозитъ намъ, но мы на ней живемъ уже лѣтъ 30 и только пока, кое-какъ разными хитростями, на время отсрочиваемъ взрывъ ея. Таково положеніе въ Европѣ; таково положеніе у насъ и еще хуже у насъ, потому что оно не имѣетъ спасительныхъ клапановъ. Давящіе народъ классы, кромѣ царя, не имѣютъ теперь въ глазахъ нашего народа никакого оправданія; они держатся всѣ въ своемъ положеніи только насиліемъ, хитростью и оппортунизмомъ, т.-е. ловкостью, но ненависть въ худшихъ представителяхъ народа и презрѣніе къ намъ въ лучшихъ растутъ съ каждымъ годомъ.

Въ нашемъ народѣ въ послѣдніе три-четыре года вошло въ общее употребленіе новое, многозначительное слово; словомъ этимъ, котораго я никогда не слыхалъ прежде, ругаются, теперь на улицѣ и опредѣляютъ насъ — дармоѣды.

Ненависть и презрѣніе задавленнаго народа растетъ, а силы физическія и нравственныя богатыхъ классовъ слабѣютъ; обманъ же, которымъ держится все, изнашивается, и утѣшать себя въ этой смертной опасности богатые классы не могутъ уже ничѣмъ.

Возвратиться къ старому нельзя; возобновить разрушенный престижъ нельзя; остается одно для тѣхъ, которые не хотятъ перемѣнить свою жизнь, — надѣяться на то, что на мою жизнь хватитъ, а послѣ какъ хотятъ.

Такъ и дѣлаетъ слѣпая толпа богатыхъ классовъ; но опасность все растетъ, и ужасная развязка приближается. Устранить угрожающую опасность богатые классы могутъ только перемѣной жизни.

Три причины указываютъ людямъ богатыхъ классовъ необходимость перемѣны ихъ жизни: 1) потребность личнаго блага своего и своихъ близкихъ, неудовлетворимая на томъ пути, на которомъ стоятъ они, богатые люди; 2) потребность удовлетворенія голоса совѣсти, невозможность которой очевидна на настоящемъ пути, и 3) угрожающая и все растущая опасность жизни, неустранимая никакими внѣшними средствами; всѣ три причины вмѣстѣ должны влечь людей богатыхъ классовъ къ перемѣнѣ ихъ жизни, къ такой перемѣнѣ, которая бы удовлетворяла и благу и совѣсти и устраняла бы опасность.

И такая перемѣна есть только одна: перестать обманывать, покаяться и признать трудъ не проклятіемъ, а радостнымъ дѣломъ жизни.

Но что же будетъ изъ того, что я буду 10, 8, 5 часовъ работать физическую работу, которую охотно сдѣлаютъ тысячи мужиковъ за тѣ деньги, которыя у меня есть? — говорятъ на это.

Будетъ первое, самое простое и несомнѣнное, то, что ты будешь веселѣе, здоровѣе, бодрѣе, добрѣе и узнаешь настоящую жизнь, отъ которой ты прятался самъ или которая была спрятана отъ тебя.

Будетъ второе то, что если у тебя есть совѣсть, то не только она не будетъ страдать, какъ она страдаетъ теперь, глядя на трудъ людей (значеніе котораго мы всегда, по незнанію его, преувеличиваемъ или уменьшаемъ), но ты будешь постоянно испытывать радостное сознаніе того, что съ каждымъ днемъ ты все больше и больше удовлетворяешь требованіямъ твоей совѣсти и выходишь изъ того ужаснаго положенія такого нагроможденія зла въ нашей жизни, что нѣтъ возможности дѣлать добро людямъ; ты почувствуешь радость жить свободно съ возможностью добра; ты пробьешь окно, просвѣтъ въ область нравственнаго міра, который былъ закрытъ отъ тебя. Будетъ, въ-третьихъ, то, что вмѣсто вѣчнаго страха возмездія за твое зло ты будешь чувствовать, что ты спасаешь и другихъ отъ этого возмездія, и главное спасаешь угнетенныхъ отъ жестокаго чувства злобы и мести.

Но вѣдь смѣшно, — говорятъ обыкновенно, — намъ, людямъ нашего міра, съ стоящими передъ нами глубокомысленными вопросами — философскими, научными, политическими, художественными, церковными, общественными, намъ: министрамъ, сенаторамъ, академикамъ, профессорамъ, артистамъ, пѣвцамъ, четверть часа времени которыхъ такъ дорого цѣнится людьми, намъ тратить наше время — на что же? на чищеніе своихъ сапогъ, мытье своихъ рубашекъ, копаніе, сажаніе картофеля или кормленіе своихъ куръ и своей коровы и тому подобными дѣлами, тѣми дѣлами, которыя дѣлаютъ для насъ и за насъ съ радостью не только нашъ дворникъ, наша кухарка, но тысячи людей, которые дорожатъ нашимъ временемъ. Но почему же мы сами одѣваемся, моемся, чешемся, (извините за подробности) держимъ себѣ горшокъ, почему мы сами подаемъ стулья дамамъ, гостямъ, отворяемъ, запираемъ двери, подсаживаемъ въ экипажи, дѣлаемъ тому подобныхъ сотни дѣлъ, которыя прежде дѣлали за насъ рабы

Потому что мы считаемъ, что это такъ надобно, что въ этомъ человѣческое достоинство, т.-е. долгъ, обязанность человѣка.

То же самое и съ физической работой.

Достоинство человѣка, его священный долгъ и обязанность употреблять данныя ему руки и ноги на то, для чего онѣ даны, и поглощаемую пищу употреблять на трудъ, производящій эту пищу, а не на то, чтобы онѣ атрофировались, не на то, чтобы ихъ мыть, и чистить, и употреблять только на то, чтобы посредствомъ ихъ совать себѣ въ ротъ пищу, питье и папиросы.

Такое значеніе имѣетъ занятіе физическимъ трудомъ для всякаго человѣка во всякомъ обществѣ; но въ нашемъ обществѣ, гдѣ уклоненіе отъ этого закона природы сдѣлалось несчастіемъ цѣлаго круга людей, занятіе физическимъ трудомъ получаетъ еще другое значеніе — значеніе проповѣди и дѣятельности, устраняющей страшныя бѣдствія, угрожающія человѣчеству. Вѣдь говорить, что для образованнаго человѣка занятіе физическимъ трудомъ есть ничтожное занятіе, это все равно, что говорить при постройкѣ храма: что же важнаго въ томъ, чтобы положить одинъ камень ровно на свое мѣсто?

Вѣдь всякое величайшее дѣло дѣлается именно въ условіяхъ незамѣтности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни мыслить даже нельзя при освѣщеніи, громѣ пушекъ и въ мундирахъ. Освѣщеніе, громъ пушекъ, музыка, мундиры, чистота, блескъ, съ которыми мы привыкли соединять понятіе о важности занятія, напротивъ, всегда служатъ признаками отсутствія важности дѣла.

Великія, истинныя дѣла всегда просты и скромны.

И таково величайшее дѣло, предстоящее намъ: разрѣшеніе тѣхъ страшныхъ противорѣчій, въ которыхъ мы живемъ.

И дѣла, разрѣшающія эти противорѣчія, суть тѣ скромныя, незамѣтныя, кажущіяся смѣшными дѣла: служеніе себѣ и физическая работа для себя и, если можно, для другихъ людей, которыя предстоятъ намъ, богатымъ людямъ, если мы понимаемъ несчастіе, безсовѣстность и опасность того положенія, въ которое мы попали.

Что выйдетъ изъ того, что я и другой, третій десятокъ людей будетъ не брезгать работой физической и будетъ считать ее необходимой для нашего счастья, спокойствія совѣсти и безопасности? Выйдетъ то, что будетъ одинъ, другой, третій десятокъ людей, которые, не входя въ столкновеніе ни съ кѣмъ, безъ насилія правительственнаго или революціоннаго для себя разрѣшатъ страшный вопросъ, стоящій передъ всѣмъ міромъ и раздѣляющій людей,—разрѣшатъ его такъ, что имъ станетъ лучше жить, что ихъ совѣсть станетъ спокойнѣе и что имъ нечего бояться. Выйдетъ то, что и другіе люди увидятъ, что благо, котораго они ищутъ вездѣ,—тутъ около нихъ самихъ, что ка-

вавшіяся неразрѣшимыя противорѣчія совѣсти и устройства міра разрѣшаются самымъ легкимъ и радостнымъ способомъ и что вмѣсто того, чтобы бояться людей, окружающихъ насъ, намъ надо сближаться съ ними и любить ихъ.

Вѣдь кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ экономическій, и соціальный есть вопросъ крыловскаго ларчика. Ларчикъ просто открывается.

И до тѣхъ поръ не откроется, пока люди просто не сдѣлаютъ самое первое, простое: не откроютъ его.

Кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ есть старый вопросъ о томъ, какимъ образомъ однимъ людямъ пользоваться трудомъ другихъ.

Прежде пользовались трудомъ другихъ прямо насиліемъ, рабствомъ; въ наше время и въ нашемъ мірѣ это дѣлается посредствомъ собственности.

Собственность въ наше время есть источникъ страданій людей, имѣющихъ или лишенныхъ ея, и укоровъ совѣсти людей, злоупотребляющихъ ею, и опасности за столкновеніе между имѣющими избытокъ ея и лишенными ея. И собственность есть въ наше время то самое, на что направлена почти вся дѣятельность нашего современнаго общества, то, что руководитъ почти всей дѣятельностью нашего міра.

Государства—правительства—интригуютъ и воюютъ изъ-за собственности: береговъ Рейна, земли въ Африкѣ, въ Китаѣ, земли на Балканскомъ полуостровѣ. Банкиры, торговцы, фабриканты, землевладѣльцы трудятся, хитрятъ, мучаются и мучаютъ изъ-за собственности; чиновники, ремесленники, землевладѣльцы бьются, обманываютъ, угнетаютъ, страдаютъ изъ-за собственности; суды, полиція охраняютъ собственность; все изъ-за собственности.

Собственность есть корень зла; распредѣленіемъ, обезпеченіемъ собственности занятъ почти весь міръ.

Что же такое собственность?

Люди привыкли думать, что собственность есть что-то дѣйствительно принадлежащее человѣку. Оттого и назвали они это собственностью. Мы говоримъ про домъ и про свою руку одинаково: моя собственная рука и мой собственный домъ.

Но вѣдь это, очевидно, заблужденіе и суевѣріе.

Мы знаемъ, а если мы и не знаемъ, то легко увидать, что собственность есть только средство пользованія трудомъ другихъ. А труды другихъ никакъ не могутъ быть моими собственными. Они даже не имѣютъ ничего общаго съ понятіемъ собственности — понятіемъ очень точнымъ и опредѣленнымъ. Собствен-

нымъ, своимъ человѣкъ всегда называлъ и будетъ называть *себя*, то, что всегда подчинено его волѣ, то, что составляетъ орудіе его дѣятельности или средство удовлетворенія его потребностей. Такимъ орудіемъ и средствомъ человѣкъ признаетъ прежде всего свое тѣло, свои руки, ноги, уши, глаза, языкъ. Какъ только человѣкъ называлъ своею собственностью то, что не есть его тѣло, но что онъ желалъ бы, чтобы подчинялось его волѣ, какъ и его тѣло, такъ онъ дѣлаетъ ошибку и наживаетъ себѣ разочарованія, страданія и входитъ въ необходимость заставлять страдать другихъ.

Человѣкъ называетъ своей собственностью свою жену, своихъ дѣтей, своихъ рабовъ, свои вещи, но дѣйствительность всегда показываетъ ему его ошибку, и онъ долженъ отказываться отъ этого суевѣрія или страдать и заставлять страдать другихъ.

Теперь мы, номинально отказываясь отъ собственности людей, благодаря деньгамъ, взысканію ихъ правительствомъ, заявляемъ право собственности на землю, предметы, на деньги, т.-е. трудъ другихъ

Но какъ право собственности на жену, сына, раба, лошадь есть фикція, которая уничтожается дѣйствительностью и только заставляетъ страдать того, кто вѣритъ въ нее, потому что жена, сынъ никогда не будутъ подчиняться волѣ моей, какъ мое тѣло, и собственность моя истинная останется все-таки одно мое тѣло, точно такъ же и собственность денегъ и всякихъ внѣшнихъ предметовъ никогда не будетъ собственностью, а только обманомъ самого себя и источникомъ страданій, а собственностью останется только мое тѣло, то, что всегда подчиняется мнѣ и связано съ моимъ сознаніемъ.

Только намъ, такъ привыкшимъ къ тому, чтобы называть не свое тѣло своею собственностью, можетъ казаться, что такое дикое суевѣріе можетъ быть полезнымъ намъ и оставаться безъ вредныхъ для насъ послѣдствій; но стоитъ вдуматься въ сущность дѣла, чтобы увидать, какъ это суевѣріе, какъ и всякое другое, несетъ за собою страшныя послѣдствія.

Возьмемъ хоть самый простой примѣръ.

Человѣкъ считаетъ себя своей собственностью и другого человѣка такою же своей собственностью.

Ему нужно готовить обѣдъ. Если бы онъ не имѣлъ суевѣрія о собственности другого человѣка, онъ бы выучилъ этому искусству, какъ и всякому другому, нужному ему, свою истинную собственность, т.-е. свое тѣло, теперь же онъ учитъ воображаемую собственность, и результатъ тотъ, что поваръ его не слушается его, не желаетъ угодить ему и даже убѣгаетъ отъ

него или умираетъ, а онъ остается съ неудовлетворенной вызванной потребностью и съ отвычкой учиться, и съ сознаніемъ того, что онъ потратилъ на заботы объ этомъ поварѣ столько же времени, сколько бы ему стоило самому выучиться. То же самое съ собственностью построекъ, одежды, утвари, съ собственностью земли, съ собственностью денегъ. Всякая воображаемая собственность вызываетъ въ человѣкѣ несоотвѣтствующія, не всегда удовлетворенныя потребности и лишаетъ его возможности пріобрѣсти для своей истинной и несомнѣнной собственности—своего тѣла—тѣ знанія, умѣнія, привычки, тѣ усовершенствованія, которыя онъ могъ пріобрѣсти.

Результатъ всегда тотъ, что онъ праздно для себя, для своей истинной собственности, потратилъ силы, иногда всю жизнь безъ остатка, на то, что не было и не могло быть его собственностью.

Человѣкъ устраиваетъ воображаемую собственную библіотеку, собственную картинную галлерею, собственную квартиру, одежду, пріобрѣтаетъ собственныя деньги, чтобы покупать на нихъ все, что ему нужно, и кончается тѣмъ, что, занимаясь этой воображаемой собственностью, какъ дѣйствительной, онъ совершенно теряетъ сознаніе того, что̀ есть настоящая его собственность, надъ которой онъ дѣйствительно могъ работать, которая можетъ служить ему и которая всегда останется въ его власти, и того, что̀ не есть и не можетъ быть его собственностью какъ бы онъ ни называлъ ее, и которая не можетъ быть предметомъ его дѣятельности.

Слова имѣютъ всегда ясное значеніе до тѣхъ поръ, пока мы умышленно не дадимъ имъ ложный смыслъ.

Что значитъ собственность? Собственность значитъ то, что дано, принадлежитъ мнѣ одному исключительно, то, съ чѣмъ я могу сдѣлать всегда все, что хочу, то, чего никто не можетъ отнять у меня, что остается моимъ до конца моей жизни, и то, что я именно долженъ употреблять, увеличивать, улучшать.

Такая собственность для каждаго человѣка вѣдь есть только онъ самъ.

А между тѣмъ въ этомъ самомъ смыслѣ и разумѣется обыкновенно воображаемая собственность людей, та самая, во имя которой (для того, чтобы сдѣлать невозможное: эту воображаемую собственность сдѣлать дѣйствительною) и происходитъ все страшное зло міра: и войны, и казни, и суды, и остроги, и роскошь, и развратъ, и убійство, и погибель людей.

Такъ что же выйдетъ изъ того, что десятокъ людей будутъ пахать, колоть дрова, шить сапоги не по нуждѣ, а по сознанію

того, что человѣку нужно работать и что чѣмъ онъ больше будетъ работать, тѣмъ ему будетъ лучше? Выйдетъ то, что десятокъ или хоть одинъ человѣкъ и въ сознаніи и на дѣлѣ покажутъ людямъ, что то страшное зло, отъ котораго они страдаютъ, не есть законъ судьбы, воля Бога или какая-нибудь историческая необходимость, а есть суевѣріе, нисколько не сильное и не страшное, а слабое и ничтожное, въ которое только надо перестать вѣрить, какъ въ идоловъ, для того, чтобы освободиться отъ него и, какъ слабую паутину, разрушить его.

Люди, которые станутъ трудиться для того, чтобы исполнять радостный законъ ихъ жизни, т.-е. работающіе для исполненія закона труда, освободятся отъ столь ужаснаго суевѣрія собственности для себя; и всѣ тѣ учрежденія міра, существующія для поддержанія этой мнимой собственности внѣ своего тѣла, окажутся для нихъ не только ненужными, но и стѣснительными; а для всѣхъ станетъ ясно, что всѣ эти учрежденія не суть необходимыя, а вредныя, выдуманныя и ложныя условія жизни.

Для человѣка, считающаго трудъ не проклятіемъ, а радостью, собственность внѣ своего тѣла, т.-е. право или возможность пользоваться трудомъ другихъ, будетъ не только безполезна, но стѣснительна.

Если я люблю и привыкъ готовить свой обѣдъ, то то, что другой человѣкъ станетъ это дѣлать для меня, лишитъ меня моего привычнаго занятія и не удовлетворитъ меня такъ, какъ я самъ удовлетворялъ себя; кромѣ того, пріобрѣтеніе воображаемой собственности будетъ не нужно такому человѣку: человѣкъ, считающій трудъ самою жизнью, наполняетъ имъ свою жизнь и потому все меньше и меньше нуждается въ трудѣ другихъ, т.-е. въ собственности, для занятій своего празднаго времени, для пріятностей, красоты своей жизни.

Если жизнь человѣка наполнена трудомъ и онъ познаетъ наслажденія труда и отдыха, ему не нужно комнатъ, мебели, разнообразныхъ красивыхъ одеждъ, ему нужно меньше дорогой пищи, не нужно средствъ передвиженія, разсѣянія.

Главное же, человѣкъ, считающій трудъ дѣломъ и радостью своей жизни, не будетъ искать облегченія своего труда, которое ему могутъ дать труды другихъ.

Человѣкъ, считающій жизнь трудомъ, будетъ ставить себѣ цѣлью, по мѣрѣ пріобрѣтенія умѣнія, ловкости и выносливости все большій и большій трудъ, все болѣе и болѣе наполняющій его жизнь.

Для такого человѣка, полагающаго смыслъ своей жизни въ трудѣ, а не въ результатахъ его, для пріобрѣтенія собствен-

ности, т.-е. труда другихъ, не можетъ быть и вопроса объ орудіяхъ труда.

Хотя такой человѣкъ и изберетъ всегда орудія наиболѣе производительныя, человѣкъ этотъ получитъ то же самое удовлетвореніе работы и отдыха, работая и самымъ непроизводительнымъ орудіемъ.

Если будетъ паровой плугъ, онъ будетъ пахать имъ, если не будетъ его, онъ будетъ пахать коннымъ, не будетъ его,— сохой, не будетъ сохи, онъ будетъ копать скребкой, и во всѣхъ условіяхъ одинаково будетъ достигать своей цѣли—проводить свою жизнь въ полезномъ людямъ трудѣ—и потому будетъ получать полное удовлетвореніе.

И положеніе такого человѣка и по внѣшнимъ условіямъ и по внутреннимъ будетъ болѣе счастливо, чѣмъ того, который кладетъ свою жизнь въ пріобрѣтеніи собственности.

По внѣшнимъ условіямъ такой человѣкъ никогда не будетъ въ нуждѣ, потому что люди, видя его желаніе работать, какъ въ силѣ воды, къ которой придѣлываютъ мельницу, всегда постараются сдѣлать его работу наиболѣе производительной, обезпечатъ его матеріальное существованіе, чего они не дѣлаютъ для людей, стремящихся къ собственности. А обезпеченіе матеріальныхъ условій и есть все то, что нужно человѣку.

По внутреннимъ условіямъ такой человѣкъ будетъ всегда счастливѣе того, кто ищетъ собственности, потому что второй никогда не получитъ того, къ чему онъ стремится, первый же всегда, по мѣрѣ своихъ силъ: слабый, старый, умирающій, по пословицѣ, съ качедыкомъ въ рукахъ, получитъ полное удовлетвореніе и любовь и сочувствіе людей.

Такъ вотъ что будетъ изъ того, что нѣсколько чудаковъ-сумасшедшихъ будутъ пахать, шить сапоги и т. п., вмѣсто того чтобы курить папиросы, играть въ винтъ и ѣздить повсюду, развозить свою скуку въ продолженіе свободныхъ у каждаго умственнаго работника 10-ти часовъ въ день!

Выйдетъ то, что эти сумасшедшіе покажутъ на дѣлѣ, что та воображаемая собственность, изъ-за которой страдаютъ, мучаются и мучаютъ другихъ людей, не нужна для счастья, стѣснительна и что это есть только суевѣріе; что собственность, истинная собственность, есть только своя голова, свои руки, свои ноги, и что для того, чтобы эксплуатировать дѣйствительно съ пользою и радостью эту истинную собственность, надо откинуть ложное представленіе о собственности внѣ своего тѣла, на которое мы тратимъ лучшія силы своей жизни. Выйдетъ то, что эти люди покажутъ, что только когда человѣкъ переста-

нетъ вѣрить въ воображаемую собственность, только тогда онъ обработаетъ свою настоящую собственность: свои способности, свое тѣло, такъ что онѣ дадутъ ему плодъ сторицею и счастье, о которомъ мы не имѣемъ понятія, и будетъ такимъ полезнымъ, сильнымъ, добрымъ человѣкомъ, котораго куда ни брось, онъ вездѣ упадетъ на ноги, вездѣ всѣмъ всегда будетъ братъ, будетъ всѣмъ понятенъ и нуженъ и дорогъ. И люди, глядя на одного, на десятокъ сумасшедшихъ этихъ, поймутъ, чтò они всѣ должны сдѣлать, чтобы развязать тотъ страшный узелъ, въ который ихъ затянуло суевѣріе собственности, чтобы избавиться отъ несчастнаго положенія, отъ котораго они всѣ въ одинъ голосъ стонутъ теперь, не зная изъ него выхода.

Но что же сдѣлаетъ одинъ человѣкъ въ толпѣ, несогласной съ нимъ?

Нѣтъ разсужденія, которое бы очевиднѣе этого показывало неправду тѣхъ, которые употребляютъ его.

Бурлаки тянутъ барку противъ теченія. Неужели найдется такой глупый бурлакъ, который откажется влечь въ свою лямку, потому что онъ одинъ не въ силахъ тянуть барку противъ теченія.

Тотъ, кто признаетъ за собою, кромѣ своихъ правъ животной жизни: ѣсть и спать, какую-нибудь человѣческую обязанность, знаетъ очень хорошо, въ чемъ эта человѣческая обязанность, точно такъ же какъ знаетъ это бурлакъ, на котораго надѣта лямка. Бурлакъ очень хорошо знаетъ, что ему надо только влечь въ лямку и идти по данному хозяиномъ направленію. Онъ будетъ искать того, что ему дѣлать и какъ, только тогда, когда онъ сброситъ съ себя лямку. И чтò съ бурлаками и со всѣми людьми, дѣлающими общую работу, то и въ дѣлѣ всего человѣчества: каждому надо только не снимать лямку, а влечь въ нее по данному хозяиномъ и обратнымъ теченіемъ направленію. И на то и данъ разумъ одинъ всѣмъ людямъ, чтобы направленіе это было всегда одно.

И направленіе это дано такъ очевидно, несомнѣнно и во всей жизни окружающихъ насъ людей, и въ совѣсти каждаго человѣка, и во всемъ выраженіи мудрости людей, что только тотъ, кто не хочетъ работать, можетъ говорить, что онъ не видитъ его.

Такъ что же выйдетъ изъ этого?

То, что одинъ-два человѣка потянутъ; на нихъ глядя, присоединится третій, и такъ будутъ присоединяться лучшіе люди до тѣхъ поръ, пока не двинется дѣло и не пойдетъ, какъ буд-

то само подталкивая и вызывая къ тому же и тѣхъ, которые и не понимаютъ, *что* и *зачѣмъ* дѣлается.

Сперва къ числу людей, сознательно работающихъ для исполненія закона Бога, присоединятся люди, полусознательно, полуна-вѣру признающіе то же; потомъ къ нимъ присоединится еще большее число людей, только на-вѣру передовымъ людямъ признающіе то же, и, наконецъ, большинство людей признаютъ это, и тогда совершится то, что люди перестанутъ губить себя и найдутъ счастье. Это будетъ тогда (что будетъ очень скоро), когда люди нашего круга, а за ними и все огромное большинство рабочихъ, не будутъ считать, что стыдно вывозить и чистить нужники, а не стыдно наполнять ихъ для того, чтобы люди-братья вывозили ихъ; не будутъ считать, что стыдно идти въ личныхъ сапогахъ въ гости, а не стыдно идти къ калошахъ мимо людей, у которыхъ нѣтъ никакой обуви; что стыдно не знать по-французски или послѣдней новости, а не стыдно ѣсть хлѣбъ и не знать, какъ его ставятъ; что стыдно не имѣть крахмальной рубашки и чистаго платья, а не стыдно ходить въ чистомъ платьѣ, выказывая тѣмъ свою праздность; что стыдно имѣть грязныя руки, а не стыдно не имѣть рукъ съ мозолями.

Все это будетъ тогда, когда этого будетъ требовать общественное мнѣніе. А общественное мнѣніе будетъ требовать этого тогда, когда уничтожатся въ представленіи людей тѣ соблазны, которые скрывали отъ нихъ истину. На моей памяти совершились большія перемѣны въ этомъ смыслѣ. И перемѣны эти совершились только потому, что перемѣнилось общественное мнѣніе. На моей памяти совершилось то, что было стыдно богатымъ людямъ выѣхать не на четвернѣ съ двумя лакеями, что было стыдно не имѣть лакея или горничной для того, чтобы одѣвать, умывать, обувать, держать горшокъ и т. п.; и теперь вдругъ стало стыдно не одѣваться, не обуваться самому и ѣздить съ лакеями. Всѣ эти перемѣны сдѣлало общественное мнѣніе.

Развѣ не ясны тѣ перемѣны, которыя теперь готовятся въ общественномъ мнѣніи? Стоило 25 лѣтъ тому назадъ уничтожиться соблазну, оправдывающему крѣпостное право, и измѣнилось общественное мнѣніе о томъ, что̀ похвально и что̀ стыдно, и измѣнилась жизнь. Стоитъ уничтожиться соблазну, оправдывающему денежную власть надъ людьми, и измѣнится общественное мнѣніе о томъ, что̀ похвально и что̀ стыдно, и измѣнится жизнь.

А уничтоженіе соблазна оправданія денежной власти и измѣненіе общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи уже быстро совершается. Соблазнъ этотъ уже просвѣчиваетъ и чуть-чуть

закрываетъ истину. Стоитъ только пристально вглядѣться, чтобы видѣть ясно то измѣненіе общественнаго мнѣнія, которое не только должно совершиться, но которое уже совершилось и только не сознано, не названо словомъ. Стоитъ маломальски образованному человѣку нашего времени вдуматься въ то, что вытекаетъ изъ тѣхъ воззрѣній на міръ, которыя онъ исповѣдуетъ, чтобы убѣдиться, что та оцѣнка хорошаго и дурного, похвальнаго и стыднаго, которою онъ по инерціи руководится въ жизни, прямо противорѣчитъ всему его міросозерцанію.

Стоитъ человѣку нашего времени, только на минуту отрѣшившись отъ своей, идущей по инерціи, жизни, взглянуть на нее со стороны и подвергнуть той самой оцѣнкѣ, которая вытекаетъ изъ всего его міросозерцанія, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ опредѣленіемъ всей его жизни, которая вытекаетъ изъ его міросозерцанія.

Возьмемъ для примѣра молодого человѣка (въ молодыхъ людяхъ сильнѣе энергія жизни и туманнѣе самосознаніе). Возьмемъ для примѣра молодого человѣка богатыхъ классовъ какого бы то ни было направленія. Всякій хорошій юноша считаетъ, что стыдно не помочь старику, ребенку, женщинѣ; считаютъ, что въ общемъ дѣлѣ стыдно подвергать опасности жизнь или здоровье другого человѣка, а самому избѣгать ея. Всякій считаетъ, что стыдно и дико дѣлать то, что, какъ разсказывалъ Скайлеръ, дѣлаютъ киргизы во время бури: высылаютъ бабъ и старухъ держать подъ бурей углы кибитки, а сами продолжаютъ сидѣть за кумысомъ въ кибиткѣ; всякій считаетъ, что стыдно слабаго человѣка заставлять дѣлать на себя работу, считаютъ, что еще стыднѣе во время опасности на горящемъ кораблѣ, напримѣръ, самому сильному, расталкивая слабыхъ и оставляя ихъ въ опасности, первому лѣзть въ спасающую лодку и т. п. Они все это считаютъ стыднымъ и ни за что этого не сдѣлаютъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ; но въ обыденной жизни точно такіе же поступки и гораздо худшіе закрыты отъ нихъ соблазнами, и они не переставая дѣлаютъ ихъ.

Стоитъ имъ только вдуматься, чтобы увидать и ужаснуться.

Молодой человѣкъ носитъ чистыя рубашки каждый день. Кто моетъ ихъ на рѣкѣ? Женщина, въ какомъ бы она ни была положеніи, очень часто старая, годящаяся въ бабки и въ матери молодому человѣку, иногда больная. Какъ назоветъ самъ этотъ молодой человѣкъ того, кто для прихоти смѣнить рубашку, которая и такъ чиста, посылаетъ стирать эту рубашку женщину, годящуюся ему въ матери?

Молодой человѣкъ заводитъ лошадей для щегольства, и ихъ выѣзжаетъ съ опасностью жизни человѣкъ, годящійся ему въ отцы или дѣды, а самъ молодой человѣкъ садится на лошадь только тогда, когда опасность миновалась. Какъ назоветъ этотъ молодой человѣкъ того, кто, устраняясь самъ, ставитъ другого въ опасное положеніе и пользуется этимъ рискомъ для своего удовольствія?

А вѣдь вся жизнь богатыхъ классовъ составляется изъ ряда такихъ поступковъ. Непосильные труды стариковъ, дѣтей, женщинъ и дѣла, съ опасностью жизни совершаемые другими не для того, чтобы мы могли работать, а для нашей прихоти, наполняютъ всю нашу жизнь. Рыбакъ тонетъ, ловя намъ рыбу, прачки студятся и мрутъ, кузнецы слѣпнутъ, фабричные болѣютъ и портятся машинами, лѣсорубы раздавливаются деревьями, рабочіе убиваются съ крышъ, швеи чахнутъ. Всѣ настоящія дѣла совершаются съ тратою и опасностью жизни. Скрыть это и не видать этого нельзя. Одно спасеніе въ этомъ положеніи, одинъ выходъ изъ него—тотъ, чтобы, по своему же міросозерцанію, человѣку нашего времени не назвать себя подлецомъ и трусомъ, взваливающимъ на другихъ трудъ и опасность жизни,—это то, чтобы брать отъ людей только необходимое для жизни и самому нести настоящій трудъ съ тратою и опасностью жизни.

Придетъ время очень скоро, и оно приходитъ уже, когда стыдно и гадко будетъ обѣдать не только обѣдъ въ пять блюдъ, подаваемый лакеями, но обѣдать обѣдъ, который сварили не сами хозяева; стыдно будетъ ѣхать не только на рысакахъ, но на извозчикѣ, когда ноги есть; надѣвать въ будни платья, обувь, перчатки, въ которыхъ нельзя работать; стыдно будетъ играть на фортепіано, стоющихъ 1200 руб. или хоть 50 руб., когда на меня другіе, чужіе работаютъ; кормить собакъ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, когда есть люди, у которыхъ нѣтъ молока и хлѣба; и жечь лампы и свѣчи, при которыхъ не работаютъ, топить печи, въ которыхъ не варятъ пищи, когда есть люди, у которыхъ нѣтъ освѣщенія и отопленія. И къ такому взгляду на жизнь мы неизбѣжно и быстро идемъ. Мы стоимъ уже на рубежѣ этой новой жизни, и установленіе этого новаго взгляда на жизнь есть дѣло общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе, утверждающее такой взглядъ на жизнь, быстро вырабатывается.

Женщины дѣлаютъ общественное мнѣніе и женщины особенно сильны въ наше время.

XL.

Какъ сказано въ Библіи, мужчинѣ данъ законъ труда, женщинѣ—законъ рожденія дѣтей; хотя мы, по нашей наукѣ, nous avons changé tout ça, но законъ мужчины, какъ и женщины, остается неизмѣннымъ, какъ печень на своемъ мѣстѣ, и отступленіе отъ него казнится все такъ же неизбѣжною смертью.

Разница только въ томъ, что для мужчины отступленіе отъ закона казнится смертью въ такомъ близкомъ будущемъ, что оно можетъ быть названо настоящимъ; для женщины отступленіе отъ закона казнится въ болѣе далекомъ будущемъ. Отступленіе общее всѣхъ мужчинъ отъ закона уничтожаетъ людей тотчасъ же, отступленіе всѣхъ женщинъ уничтожаетъ людей слѣдующаго поколѣнія, но отступленіе же нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ не уничтожаетъ рода человѣческаго, а лишаетъ только отступившихъ разумной природы человѣка.

Отступленіе мужчинъ отъ закона началось давно въ тѣхъ классахъ, которые могли насиловать другихъ, и, все распространяясь, продолжалось до нашего времени и въ наше время дошло до безумія, до идеала, состоящаго въ отступленіи отъ закона, до идеала, выраженнаго княземъ Блохинымъ и раздѣляемаго Ренаномъ и всѣмъ образованнымъ міромъ: будутъ работать машины, а люди будутъ наслаждающіеся комки нервовъ. Отступленіе отъ закона женщинъ почти не было. Оно выражалось только въ проституціи и въ частныхъ преступленіяхъ убиванія плода. Женщины круга людей богатыхъ исполняли свой законъ, тогда какъ мужчины не исполняли своего закона, и потому женщины стали сильнѣе и продолжаютъ властвовать и должны властвовать надъ людьми, отступившими отъ закона и потому потерявшими разумъ.

Говорятъ, обыкновенно, что женщина (парижская женщина, преимущественно бездѣтная) такъ стала обворожительна, пользуясь всѣми средствами цивилизаціи, что она этимъ своимъ обаяніемъ овладѣла мужчиной. Это не только не справедливо, но какъ разъ наоборотъ. Овладѣла мужчиной не бездѣтная женщина, а мать, та, которая исполняла свой законъ, тогда какъ мужчина не исполнялъ своего.

Та же женщина, которая искусственно дѣлается бездѣтною и плѣняетъ мужчину своими плечами и локонами, это не властвующая надъ мужчиной женщина, а развращенная мужчиной, опустившаяся до него, до развращеннаго мужчины, женщина, сама такъ же, какъ и онъ, отступающая отъ закона и теряющая, какъ и онъ, всякій разумный смыслъ жизни.

Изъ этой ошибки вытекаетъ и та удивительная глупость, которая называется правами женщинъ.

Формула этихъ правъ женщинъ такая: «А! ты, мужчина», говоритъ женщина, «отступилъ отъ своего закона настоящаго труда, а хочешь, чтобы мы несли тяжесть нашего настоящаго труда. Нѣтъ, если такъ, то мы такъ же, какъ и ты, сумѣемъ дѣлать то подобіе труда, которое ты дѣлаешь въ банкахъ, министерствахъ, университетахъ, академіяхъ, студіяхъ, и мы хотимъ такъ же, какъ и ты, подъ видомъ раздѣленія труда, пользоваться трудами другихъ и жить, удовлетворяя одной похоти».

Онѣ говорятъ это и на дѣлѣ показываютъ, что онѣ никакъ не хуже, даже лучше мужчинъ умѣютъ дѣлать это подобіе труда.

Такъ называемый женскій вопросъ возникъ и могъ возникнуть только среди мужчинъ, отступившихъ отъ закона настоящаго труда.

Стоитъ только вернуться къ нему, и вопроса этого быть не можетъ.

Женщина, имѣя свой особенный, несомнѣнный, неизбѣжный трудъ, никогда не можетъ требовать еще лишняго, фальшиваго труда мужчинъ богатыхъ классовъ. Ни одна жена истинно рабочаго человѣка не потребуетъ права участія въ его трудѣ: въ рудникахъ, на пашнѣ. Она могла потребовать участія только въ мнимомъ трудѣ мужчинъ богатаго класса.

Женщина нашего круга была сильнѣе мужчины и сильнѣе еще теперь не своимъ обаяніемъ, не своею ловкостью дѣлать то же фарисейское подобіе труда, какъ и мужчина, а тѣмъ, что она не выступала изъ-подъ закона, что она несла тотъ настоящій, съ опасностью жизни, съ напряженіемъ до послѣднихъ предѣловъ, настоящій трудъ, отъ котораго уволилъ себя мужчина богатыхъ классовъ.

Но на моей же памяти началось отступленіе женщины отъ закона, т.-е. паденіе ея, и на моей памяти оно совершается все дальше и дальше.

Женщина, потерявъ законъ, повѣрила, что ея сила въ обаяніи прелести или въ ловкости фарисейскаго подобія умственнаго труда.

А тому и другому мѣшаютъ дѣти. И вотъ, съ помощью науки (наука на все гадкое всегда готова) на моей памяти сдѣлалось то, что среди богатыхъ классовъ явялись десятки способовъ уничтоженія плода и обычной принадлежностью туалета сдѣлались орудія для уничтоженія дѣторожденія; и вотъ женщины-матери изъ богатыхъ классовъ, державшія въ своихъ

рукахъ власть, выпускаютъ ее для того, чтобы не уступить уличнымъ дѣвкамъ и сравняться съ ними.

Зло уже далеко распространилось и съ каждымъ днемъ распространяется дальше и дальше, и скоро оно захватитъ всѣхъ женщинъ богатыхъ классовъ, и тогда онѣ сравняются съ мужчинами и вмѣстѣ съ ними потеряютъ разумный смыслъ жизни. И тогда для этого сословія уже нѣтъ возврата. Но еще есть время.

Все-таки еще больше женщинъ исполняетъ свой законъ, чѣмъ мужчинъ, и потому есть еще въ числѣ ихъ разумныя существа, и потому еще въ рукахъ нѣкоторыхъ женщинъ нашего круга есть возможность на спасеніе.

Ахъ! если бы эти женщины поняли свое значеніе, свою силу и употребили бы ее на дѣло спасенія своихъ мужей, братьевъ и дѣтей—на спасеніе всѣхъ людей!

Жены-матери богатыхъ классовъ! спасеніе людей нашего міра отъ тѣхъ золъ, которыми онъ страдаетъ, въ вашихъ рукахъ!! Не тѣ женщины, которыя заняты своими таліями, турнюрами, прическами и плѣнительностью для мужчинъ и противъ своей воли, по недоглядкѣ, съ отчаяніемъ рожаютъ дѣтей и отдаютъ ихъ кормилицамъ, и не тѣ тоже, которыя ходятъ на разные курсы и говорятъ о психомоторныхъ центрахъ и диференціаціи и тоже стараются избавиться отъ рожденія дѣтей съ тѣмъ, чтобы не препятствовать своему одурѣнію, которое онѣ называютъ развитіемъ, — а тѣ женщины и матери, которыя, имѣя возможность избавиться отъ рожденія дѣтей, прямо, сознательно подчиняются этому вѣчному, неизмѣнному закону, зная, что тягость и трудъ этого подчиненія есть назначеніе ихъ жизни. Вотъ эти-то женщины и матери нашихъ богатыхъ классовъ—тѣ, въ рукахъ которыхъ больше, чѣмъ въ чьихъ-нибудь другихъ, лежитъ спасеніе людей нашего міра отъ удручающихъ ихъ бѣдствій. Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющіяся закону Бога, вы однѣ знаете въ нашемъ несчастномъ, изуродованномъ, потерявшемъ образъ человѣческій кругу,—вы однѣ знаете весь настоящій смыслъ жизни по закону Бога. И вы однѣ своимъ примѣромъ можете показать людямъ то счастіе жизни въ подчиненіи волѣ Бога, котораго они лишаютъ себя. Вы однѣ знаете тѣ восторги и радости, захватывающіе все существо ваше, и то блаженство, которое предназначено человѣку, не отступающему отъ закона Бога. Вы знаете счастіе любви къ мужу, счастіе не кончающееся, не обрывающееся, какъ всѣ другія, а составляющее начало новаго счастія любви къ ребенку. Вы однѣ, когда вы просты и покорны волѣ Бога, знаете не тотъ шуточный, парадный трудъ въ мундирахъ и въ освѣщенныхъ залахъ, который мужчины

вашего круга называютъ трудомъ, а знаете тотъ истинный, Богомъ положенный людямъ трудъ и знаете истинныя награды за него, знаете то блаженство, которое онъ даетъ.

Вы знаете это, когда послѣ радостей любви вы съ волненіемъ, страхомъ и надеждой ждете того мучительнаго состоянія беременности, которое сдѣлаетъ васъ больными на 9 мѣсяцевъ, приведетъ васъ на край смерти и къ невыносимымъ страданіямъ и болямъ; вы знаете условія истиннаго труда, когда вы съ радостью ждете приближенія и усиленія самыхъ страшныхъ мученій, послѣ которыхъ наступаетъ вамъ однѣмъ извѣстное блаженство.

Вы знаете это тогда, когда тотчасъ же послѣ этихъ мукъ, безъ отдыха, безъ перерыва, вы беретесь за другой рядъ трудовъ и страданій — кормленія, при которомъ вы сразу отказываетесь и покоряете своему долгу, своему чувству самую сильную человѣческую потребность сна (которая, по пословицѣ, милѣй отца и матери), и мѣсяцы, годы не спите подъ рядъ ни одной ночи, а иногда и часто не спите напролетъ цѣлыя ночи и съ затекшими руками одиноко ходите, качаете разрывающаго ваше сердце больного ребенка.

И когда вы дѣлаете все это, никѣмъ не одобряемыя, никѣмъ не видимыя, ни отъ кого не ожидающія за это похвалы или награды, когда вы дѣлаете это не какъ подвигъ, а какъ работникъ евангельской притчи, пришедшій съ поля, считая, что вы сдѣлали только то, что должно, тогда вы знаете, *что* фальшивый, парадный трудъ для людей и *что* настоящій для исполненія воли Бога, указанія котораго вы чувствуете въ своемъ сердцѣ.

Вы знаете, что если вы настоящая мать, что мало того, что никто не видѣлъ вашего труда, не хвалилъ васъ за него, а только находилъ, что это такъ и нужно, но что и тѣ, для кого вы трудились, не только не благодарятъ, но часто мучаютъ, укоряютъ васъ, — и съ слѣдующимъ ребенкомъ вы дѣлаете то же: опять страдаете, опять несете невидимый, страшный трудъ и опять не ждете ни отъ кого награды и чувствуете все то же удовлетвореніе. Вотъ въ вашихъ рукахъ, если вы такая, должна быть власть надъ людьми, и въ вашихъ рукахъ спасеніе. Съ каждымъ днемъ число ваше уменьшается: однѣ занимаются своимъ обаяніемъ на мужчинъ, дѣлаются уличными; другія заняты конкуренціей съ мужчинами въ ихъ фальшивыхъ, шуточныхъ дѣлахъ; третьи, еще не измѣнивъ своему призванію, уже въ сознаніи отрекаются отъ него: совершаютъ всѣ подвиги женщины-матери, но нечаянно, съ ро-

потомъ, съ завистью къ свободнымъ, не рожающимъ женщинамъ, и лишаютъ себя единственной награды за нихъ — внутренняго сознанія исполненія воли Бога—и, вмѣсто удовлетворенія, страдаютъ тѣмъ, что составляетъ ихъ счастіе.

Мы такъ запутаны нашей ложной жизнью, мы, мужчины нашего круга, такъ всѣ поголовно потеряли смыслъ жизни, что между нами уже нѣтъ различенія. Взваливъ всю тяжесть, всю опасность жизни на шею другихъ, мы не умѣемъ назвать себя настоящимъ именемъ, подобающимъ людямъ, заставляющимъ другихъ погибать вмѣсто себя для добыванія жизни: подлецы и трусы.

Но между женщинами еще есть различеніе. Есть женщины—человѣческія существа, женщины, представляющія высшее проявленіе человѣка, и женщины—б..... И различеніе это будутъ дѣлать послѣдующія поколѣнія, и мы не можемъ не дѣлать.

Всякая женщина, какъ бы она ни одѣвалась, какъ бы ни называла себя, какъ бы она ни была утонченна, если она, не воздерживаясь отъ половыхъ сношеній, воздерживается отъ дѣторожденія, — б.....

И какая бы ни была женщина падшая,—ежели она отдается сознательно рожденію дѣтей, дѣлаетъ лучшее, высшее дѣло жизни, исполняя волю Бога, и не имѣетъ никого выше себя.

Если вы такія, то вы не скажете ни послѣ двухъ, ни послѣ двадцати дѣтей, что довольно рожать, какъ не скажетъ 50-лѣтній работникъ, что довольно работать, когда онъ еще ѣстъ и спитъ и мускулы его просятъ дѣла; если вы такія, вы не свалите съ себя заботы кормленія и ухаживанія за дѣтьми на чужую мать, какъ не дастъ работникъ другому человѣку кончать его начатую и почти конченную работу, потому что въ эту работу вы кладете свою жизнь, и потому тѣмъ полнѣе и счастливѣе ваша жизнь, чѣмъ больше этой работы.

А когда вы такая,—и такія еще есть, къ счастію людей,—то тотъ же законъ исполненія воли Бога, которымъ вы руководитесь въ своей жизни, вы приложите и къ жизни вашего мужа, и вашихъ дѣтей, и близкихъ вамъ.

Если вы такая и знаете по себѣ, что только самоотверженный, невидимый, безнаградный трудъ съ опасностью жизни и до послѣднихъ предѣловъ напряженія для жизни другихъ есть то призваніе человѣка, которое даетъ ему удовлетвореніе и силу, то эти же требованія вы будете заявлять и къ другимъ, къ этому же труду поощрять мужа, по этому труду мѣрить и оцѣнивать достоинства людей и къ этому же труду будете готовить своихъ дѣтей.

Только та женщина-мать, которая смотритъ на свое рожденіе дѣтей, какъ на непріятную случайность, а на свои удовольствія любви, удобства жизни, образованія, общественности— какъ на смыслъ жизни, будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они имѣли какъ можно больше удовольствій и какъ можно больше пользовались ими, будетъ сладко кормить, наряжать, искусственно веселить ихъ, будетъ учить ихъ не тому, что сдѣлало ихъ способными къ самоотверженному съ опасностью жизни и до послѣднихъ предѣловъ напряженія мужскому и женскому труду, а тому, что бы избавило ихъ отъ этого труда,— всему тому, что даетъ дипломы и возможность не трудиться. Только такая женщина, потерявшая смыслъ своей жизни, будетъ сочувствовать тому обманному, фальшивому мужскому труду, при которомъ мужъ ея, освободивъ себя отъ обязанности человѣка, имѣетъ возможность пользоваться вмѣстѣ съ нею трудами другихъ. Только такая женщина будетъ выбирать такого же мужа своей дочери, оцѣнивать людей не тѣмъ, что̀ они сами такое, а тѣмъ, что съ ними связано: положеніемъ, деньгами, умѣніемъ пользоваться чужими трудами.

Настоящая же мать, зная на дѣлѣ волю Бога, къ исполненію ея будетъ готовить и дѣтей своихъ. Для такихъ матерей видѣть своего перекормленнаго, изнѣженнаго, разряженнаго ребенка будетъ страданіемъ, потому что все это, она знаетъ, затруднитъ для него извѣданное матерью исполненіе воли Бога.

Такая мать будетъ учить не тому, что̀ дастъ сыну или дочери возможность освободить себя отъ труда, а тому, что̀ поможетъ ему нести трудъ жизни. Ей не нужно будетъ спрашивать, чему учить, къ чему готовить дѣтей: она знаетъ, въ чемъ призваніе людей, и потому знаетъ, чему надо учить и къ чему готовить дѣтей. Такая женщина не будетъ не только поощрять мужа къ обманному, фальшивому труду, имѣющему только цѣлью пользованіе трудомъ другихъ, но съ отвращеніемъ и ужасомъ будетъ относиться къ такой дѣятельности, служащей двойнымъ соблазномъ для дѣтей. Такая женщина не будетъ выбирать мужа дочери по бѣлизнѣ его рукъ и утонченности манеръ, а, твердо зная, что̀ трудъ и что̀ обманъ, будетъ всегда и вездѣ, начиная съ своего мужа, уважать и цѣнить въ мужчинахъ и требовать отъ нихъ настоящій трудъ съ тратою и опасностью жизни и презирать тотъ фальшивый, парадный трудъ, который имѣетъ цѣлью избавленіе себя отъ истиннаго труда.

И пусть не говорятъ тѣ женщины, которыя, отрекаясь отъ призванія женщины, хотятъ пользоваться правами его, что та-

кой взглядъ на жизнь невозможенъ для матери, что мать слишкомъ тѣсно связана любовью къ дѣтямъ, чтобъ отказать дѣтямъ въ ихъ лакомствахъ, утѣхахъ, нарядахъ, чтобъ не бояться за необезпеченныхъ дѣтей, если мужъ не будетъ имѣть состоянія или обезпеченнаго положенія, и чтобы не бояться за судьбу выходящихъ замужъ дочерей и за сыновей, не получившихъ образованія.

Все это неправда, самая яркая неправда!

Истинная мать никогда не скажетъ этого. Вы не можете удержаться отъ желанія дать конфетъ, игрушекъ и свести въ циркъ?

Но вѣдь вы не даете волчьихъ ягодъ, не пускаете одного въ лодкѣ, не водите въ café chantant? Отчего же вы тамъ можете удержаться, а здѣсь нѣтъ?

Оттого, что вы говорите неправду.

Вы говорите, что вы такъ любите дѣтей, что боитесь за ихъ жизнь, боитесь голоду, холоду и потому дорожите обезпеченностью, которую вамъ дастъ признаваемое вами неправильнымъ положеніе мужа.

Вы такъ боитесь тѣхъ будущихъ случайностей, бѣдствій для вашихъ дѣтей, очень далекихъ и сомнительныхъ, и потому поощряете мужа въ томъ, справедливость чего не признаете; но что̀ вы теперь дѣлаете, чтобы въ настоящихъ условіяхъ вашей жизни обезпечить вашихъ дѣтей отъ несчастныхъ случайностей теперешной жизни?

Много ли вы времени проводите изъ дня съ вашими дѣтьми? Хорошо, если 0,1 дня!

Остальное время они въ рукахъ чужихъ, наемныхъ, часто съ улицы взятыхъ людей или въ заведеніяхъ, предоставленныя опасностямъ физической и нравственной заразы.

Дѣти ваши ѣдятъ, питаются. Кто изъ чего готовитъ обѣдъ? Большею частью вы и не знаете. Нравственныя понятія кѣмъ внушаются имъ? Вы тоже не знаете. Такъ не говорите о томъ, что вы терпите зло для блага дѣтей, — это неправда. Вы дѣлаете зло, потому что вы его любите.

Настоящая мать, та, которая въ рожденіи и воспитаніи дѣтей видитъ свое самоотверженное призваніе жизни и исполненіе воли Бога, не скажетъ этого.

Она не скажетъ потому, что она знаетъ, что дѣло ея не въ томъ, чтобы сдѣлать изъ своихъ дѣтей то, что ей или царствующему направленію вздумается, она знаетъ, что дѣти, т.-е. слѣдующія поколѣнія, есть самое великое и святое, что̀ дано людямъ видѣть въ дѣйствительности, и служеніе всѣмъ своимъ существомъ этой святынѣ есть ея жизнь.

Она знаетъ сама, находясь безпрестанно между жизнью и смертью и выхаживая чуть брезжущую жизнь, что жизнь и смерть не ея дѣло, ея дѣло — служеніе жизни, и потому она не будетъ искать далекихъ путей этого служенія, а только не будетъ уклоняться отъ близкихъ.

Такая мать сама родитъ, сама выкормитъ, сама будетъ прежде всего другого кормить, готовить пищу для дѣтей и шить, и мыть, и учить своихъ дѣтей, и спать, и говорить съ ними, потому что въ этомъ она полагаетъ свое дѣло жизни. Она знаетъ, что обезпеченіе всякой жизни — въ трудѣ и способности къ нему, и потому не будетъ искать для своихъ дѣтей внѣшнихъ обезпеченій въ деньгахъ своего мужа и дипломахъ дѣтей, а будетъ воспитывать въ нихъ ту самую способность самоотверженнаго исполненія воли Божіей, которую она въ себѣ знаетъ, способность несенія труда съ тратою и опасностью жизни. Такая мать не будетъ справляться у другихъ, что ей дѣлать, она все будетъ знать и ничего не будетъ бояться, и она всегда будетъ спокойна, потому что будетъ знать, что исполнила все, что призвана была сдѣлать.

Если могутъ быть сомнѣнія для мужчины и для бездѣтной женщины о томъ пути, на которомъ находится исполненіе воли Бога, для женщины - матери путь этотъ твердо и ясно опредѣленъ, и, если она покорно, въ простотѣ душевной, исполнила его, она становится на ту высшую точку совершенства, до которой можетъ достигнуть человѣческое существо, и становится для всѣхъ людей тѣмъ образцомъ полноты исполненія воли Бога, къ которой всегда стремятся всѣ люди.

Только мать можетъ передъ смертью спокойно сказать Тому, Кто послалъ ее въ этотъ міръ, и Тому, Кому она служила рожденіемъ и воспитаніемъ любимыхъ больше себя дѣтей, только она можетъ спокойно сказать, сослуживъ Ему положенную ей службу: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего». А это - то и есть то высшее совершенство, къ которому, какъ къ высшему благу, стремятся люди.

Вотъ такія-то, исполнившія свое призваніе, женщины властвуютъ надъ властвующими мужчинами и служатъ путеводною звѣздою людямъ; такія-то женщины устанавливаютъ общественное мнѣніе и готовятъ новыя поколѣнія людей; и потому въ рукахъ этихъ женщинъ высшая власть, власть спасенія людей отъ существующихъ и угрожающихъ золъ нашего времени.

Да, женщины-матери, въ вашихъ рукахъ, больше чѣмъ въ чьихъ-нибудь другихъ, спасеніе міра.

14 февраля 1886 г.

Выдержка изъ частнаго письма по поводу возраженій на статью „Женщинамъ“.

Призваніе всякаго человѣка, мужчины и женщины, въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ не безнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами въ исполненіи этого назначенія только въ средствахъ, которыми они его достигаютъ, т.-е. чѣмъ они служатъ людямъ.

Мужчина служитъ людямъ и физическою работой — пріобрѣтая средства пропитанія, и работой умственной—изученіемъ законовъ природы для побѣжденія ея, и работой общественной — учрежденіемъ формъ жизни, установленіемъ отношеній между людьми. Средства служенія людямъ для мужчины очень многообразны. Вся дѣятельность человѣчества, за исключеніемъ дѣторожденія и кормленія, составляетъ поприще его служенія людямъ. Женщина же, кромѣ своей возможности служенія людямъ всѣми тѣми же, какъ и мужчина, сторонами своего существованія, по строенію своему призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчины.

Служеніе человѣчеству само собой раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ исключительно онѣ способны къ нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно (т.-е. ошибочно) не помнить и стирать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ, — обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во всѣ вѣка и теперь существующая, и ни-

когда не перестанущая существовать, пока въ людяхъ былъ, есть и будетъ разумъ.

Всегда было и будетъ то, что мужчина, проводящій бо̀льшую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая бо̀льшую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ свое то, что предназначено имъ по ихъ природѣ.

Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и у̀же, но глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается не дурнымъ, не вреднымъ человѣкомъ, исполнивъ бо̀льшую часть своего призванія. Женщина же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнивъ одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго десяти изъ своихъ сотни обязанностей. Таково всегда было общее мнѣніе и таково оно всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла.

Мужчина для исполненія воли Бога долженъ служить Ему и въ области физическаго труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе. Для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать)—дѣти. Только черезъ дѣла свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина; только черезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина.

И потому любовь къ *своимъ* дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ которой совершенно напрасно бороться разсудочно, всегда будетъ и должна быть свойственна женщинѣ-матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, которую онъ дѣлаетъ въ то время, какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы—и невозможна работа. Пока я дѣлаю сапогъ, я его люблю больше всего. Если бы я не любилъ его, я бы не могъ и работать его. Испортятъ мнѣ его, я буду въ отчаяніи, но я люблю его такъ до тѣхъ поръ, пока работаю. Когда сработалъ, остается привязанность, предпочтеніе, слабое и незаконное.

То же и съ матерью. Мужчина призванъ служить людямъ черезъ многообразныя работы, и онъ любитъ эти работы, пока

ихъ дѣлаетъ. Женщина призвана служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, и она не можетъ не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она ихъ дѣлаетъ, до 3-хъ, 7, 10 лѣтъ.

По общему призванію—служить Богу и людямъ—мужчина и женщина совершенно равны, несмотря на различіе въ формѣ этого служенія. Равенство въ томъ, что одно служеніе столь же важно, какъ и другое, что одно немыслимо безъ другого, что одно обусловливаетъ другое и что для дѣйствительнаго служенія какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ одинаково необходимо знаніе истины, безъ котораго дѣятельность какъ мужчины, такъ и женщины становится не полезной, но вредной для человѣчества. Мужчина призванъ исполнять свой многообразный трудъ; но трудъ его тогда только полезенъ, и его работа—и физическая, и умственная, и общественная—тогда только плодотворна, когда они совершаются во имя истины и блага другихъ людей. Какъ бы усердно ни занимался мужчина увеличеніемъ своихъ удовольствій, празднымъ умствованіемъ и общественною дѣятельностью для своей пользы, трудъ его не будетъ плодотворенъ. Онъ будетъ плодотворенъ только тогда, когда будетъ направленъ къ тому, чтобы уменьшить страданія людей отъ нужды, отъ невѣжества и отъ ложнаго общественнаго устройства.

То же и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе, возращеніе дѣтей будутъ полезны человѣчеству только тогда, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества; когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя истины и для блага людей, т.-е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были наилучшими людьми и работниками для другихъ людей.

Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее призванію—родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ей міросозерцанію.

Для того же, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, мнѣ кажется, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и главное—сердца.

Ну, а тѣ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли замужъ, вдовы? Тѣ будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ. Но нельзя будетъ не жалѣть о томъ, что такое драгоцѣнное орудіе, какъ женщина, лишилось возможности исполнять ей одной свойственное великое назначеніе.

Тѣмъ болѣе что всякая женщина, отрожавшись, если у нея есть силы, успѣетъ заняться этою помощью мужчинѣ въ его трудѣ. Помощь женщины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна; но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и занятую мужскимъ трудомъ, всегда будетъ жалко. Видѣть такую женщину—все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья. Еще жалче: потому что земля эта могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить то, чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ,— человѣка. И только она одна можетъ это сдѣлать.

1886 г.

О ЖИЗНИ.

L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu'il sait qu'il meurt: et l'avantage que l'univers a sur lui, l'univers n'en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace et de la durée. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang und Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstande spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger Verknüpfung erkenne.

Kant, Krit. der pract. Vern. Beschluss.

«Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга».
(Еванг. Іоан. XII, 34).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Представимъ себѣ человѣка, котораго единственнымъ средствомъ къ жизни была бы мельница. Человѣкъ этотъ—сынъ и внукъ мельника и по преданію твердо знаетъ, какъ надо во всѣхъ частяхъ ея обращаться съ мельницей, чтобы она хорошо молола. Человѣкъ этотъ, не зная механики, прилаживалъ, какъ умѣлъ, всѣ части мельницы такъ, чтобы размолъ былъ спорый, хорошій, и человѣкъ жилъ и кормился.

Но случилось этому человѣку раздуматься надъ устройствомъ мельницы, услыхать кое-какіе неясные толки о механикѣ, и онъ сталъ наблюдать, что̀ отъ чего вертится.

И отъ порхлицы до жернова, отъ жернова до вала, отъ вала до колеса, отъ колеса до заставокъ, плотины и воды дошелъ до того, что ясно понялъ, что все дѣло въ плотинѣ и въ рѣкѣ. И человѣкъ такъ обрадовался этому открытію, что вмѣсто того, чтобы, попрежнему сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать ихъ, натягивать и ослаблять ремень, сталъ изучать рѣку. И мельница его совсѣмъ разладилась. Стали мельнику говорить, что онъ не то дѣлаетъ. Онъ спорилъ и продолжалъ разсуждать о рѣкѣ. И такъ много и долго работалъ надъ этимъ, такъ горячо и много спорилъ съ тѣми, которые показывали ему неправильность его пріема мысли, что подъ конецъ и самъ убѣдился въ томъ, что рѣка и есть самая мельница.

На всѣ доказательства неправильности его разсужденій такой мельникъ будетъ отвѣчать: никакая мельница не мелетъ безъ воды; слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо знать, какъ пускать воду, надо знать силу ея движенія и откуда она берется, слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо познать рѣку.

Логически мельникъ неопровержимъ въ своемъ разсужденіи. Единственное средство вывести его изъ его заблужденія состоитъ въ томъ, чтобы показать ему, что въ каждомъ разсужденіи не столько важно само разсужденіе, сколько занимаемое разсужденіемъ мѣсто, т.-е. что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чемъ прежде надо мыслить и о чемъ послѣ; показать ему, что разумная дѣятельность отличается отъ безумной только тѣмъ, что разумная дѣятельность распредѣляетъ свои разсужденія по порядку ихъ важности: какое разсужденіе должно быть 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 10-мъ и т. д. Безумная же дѣятельность состоитъ въ разсужденіяхъ безъ этого порядка. Нужно показать ему и то, что опредѣленіе этого порядка не случайно, а зависитъ отъ той цѣли, для которой и производятся разсужденія.

Цѣль всѣхъ разсужденій и устанавливаетъ порядокъ, въ которомъ должны располагаться отдѣльныя разсужденія для того, чтобы быть разумными.

И разсужденіе, не связанное съ общей цѣлью всѣхъ разсужденій, безумно, какъ бы оно ни было логично.

Цѣль мельника въ томъ, чтобы у него былъ хорошій размолъ и эта-то цѣль, если онъ не будетъ упускать ее изъ вида, опредѣлитъ для него несомнѣнный порядокъ и послѣдовательность его разсужденій о жерновахъ, о колесѣ, плотинѣ и о рѣкѣ.

Безъ этого же отношенія къ цѣли разсужденій разсужденія мельника, какъ бы они ни были красивы и логичны, сами въ себѣ будутъ неправильны и, главное, праздны; будутъ подобны разсужденіямъ Кифы Мокіевича, разсуждавшаго о томъ, какой толщины должна бы быть скорлупа слоноваго яйца, если бы слоны выводились изъ яицъ, какъ птицы.

И таковы, по моему мнѣнію, разсужденія нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочетъ изслѣдовать человѣкъ. Мельница нужна для того, чтобы она хороша молола, жизнь нужна только затѣмъ, чтобы она была хорошая. И эту цѣль изслѣдованія человѣкъ не можетъ покидать ни на одно мгновеніе безнаказанно. Если онъ покинетъ ее, то его разсужденія неизбѣжно потеряютъ свое мѣсто и сдѣлаются подобны разсужденіямъ Кифы Мокіевича о томъ, какой нуженъ порохъ, чтобы пробить скорлупу слоновыхъ яицъ.

Изслѣдуетъ человѣкъ жизнь только для того, чтобы она была лучше. Такъ и изслѣдовали жизнь люди, подвигающіе впередъ человѣчество на пути знанія. Но рядомъ съ этими истинными учителями и благодѣтелями человѣчества всегда были и теперь есть разсудители, покидающіе цѣль разсужденія и вмѣсто ея разбирающіе вопросъ о томъ, отчего происходитъ жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждаютъ, что отъ воды, другіе—что отъ устройства. Споръ разгорается, и предметъ разсужденія отодвигается все дальше и дальше и совершенно замѣняется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о спорѣ жидовина съ христіаниномъ. Разсказывается, какъ христіанинъ, отвѣчая на запутанныя тонкости жидовина, ударилъ его ладонью по плѣши такъ, что щелкнуло, и задалъ вопросъ: отчего щелкнуло: отъ ладони или отъ плѣши? И споръ о вѣрѣ замѣнился новымъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Что-то подобное съ древнѣйшихъ временъ рядомъ съ истиннымъ знаніемъ людей происходитъ и по отношенію къ вопросу о жизни.

Съ древнѣйшихъ временъ извѣстны разсужденія о томъ, отъ чего происходитъ жизнь: отъ невещественнаго начала или отъ различныхъ комбинацій матеріи? И разсужденія эти продолжаются до сихъ поръ, такъ что не предвидится имъ никакого конца, именно потому, что цѣль всѣхъ разсужденій оставлена и разсуждается о жизни независимо отъ ея цѣли, и подъ словомъ «жизнь» разумѣютъ уже не жизнь, а то, отъ чего она происходитъ, или то, что ей сопутствуетъ.

Теперь не только въ научныхъ книжкахъ, но и въ разговорахъ, говоря о жизни, говорятъ не о той, которую мы всѣ знаемъ,—о жизни, сознаваемой мною тѣми страданіями, которыхъ я боюсь и которыя ненавижу, и тѣми наслажденіями и радостями, которыхъ я желаю, а о чемъ-то такомъ, что, можетъ быть, возникло изъ игры случайности по нѣкоторымъ физическимъ законамъ, а можетъ быть, и оттого, что имѣетъ въ себѣ таинственную причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имѣющему въ себѣ главныхъ признаковъ жизни: сознанія страданій и наслажденій, стремленія къ благу.

«La vie est l'ensemble des fonctions, qui resistent à la mort. La vie est l'ensemble des phénomènes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé».

«Жизнь есть двойной процесъ разложенія и соединенія, общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывнаго. Жизнь есть извѣстное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, совершающихся послѣдовательно. Жизнь есть организмъ въ дѣйствіи. Жизнь есть особенная дѣятельность органическаго вещества. Жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ».

Не говоря о неточностяхъ, тавтологіяхъ, которыми наполнены всѣ эти опредѣленія, сущность ихъ всѣхъ одинакова, именно та, что опредѣляется не то, что̀ всѣ люди одинаково безспорно разумѣютъ подъ словомъ «жизнь», а какіе-то процессы, сопутствующіе жизни и другимъ явленіемъ.

Подъ большинство этихъ опредѣленій подходитъ дѣятельность возстанавливающагося кристалла; подъ нѣкоторыя подходитъ дѣятельность броженія, гніенія, и подъ всѣ подходитъ жизнь каждой отдѣльной клѣточки моего тѣла, для которыхъ нѣтъ ничего—ни хорошаго, ни дурного. Нѣкоторые процессы, происходящіе въ кристаллахъ, въ протоплазмѣ, въ ядрѣ протоплазмы, въ клѣточкахъ моего тѣла и другихъ тѣлъ, называютъ тѣмъ словомъ, которое во мнѣ неразрывно соединено съ сознаніемъ стремленія къ моему благу.

Разсужденіе о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни, какъ о жизни, все равно, что разсужденіе о рѣкѣ, какъ о мельницѣ. Разсужденія эти, можетъ быть, для чего-нибудь очень нужны. Но разсужденія эти не касаются того предмета, который они хотятъ обсуживать. И потому всѣ заключенія о жизни, выводимыя изъ такихъ разсужденій, не могутъ не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякій понимаетъ, что̀ оно значитъ. Но именно потому, что всѣ понимаютъ, что̀ оно значитъ, мы и обязаны употреблять его всегда въ

этомъ понятномъ всѣмъ значеніи. Вѣдь слово это понятно всѣмъ не потому, что оно очень точно опредѣлено другими словами и понятіями, а, напротивъ, потому что слово это означаетъ основное понятіе, изъ котораго выводятся многія, если не всѣ, другія понятія, и поэтому для того, чтобы дѣлать выводы изъ этого понятія, мы обязаны прежде всего принимать это понятіе въ его центральномъ, безспорномъ для всѣхъ значеніи. А это-то самое, мнѣ кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношенію къ понятію жизни. Случилось то, что основное понятіе жизни, взятое вначалѣ не въ его центральномъ значеніи, вслѣдствіе споровъ о немъ все болѣе и болѣе удаляясь отъ основного, всѣми признаваемаго центральнаго значенія, потеряло наконецъ свой основной смыслъ и получило другое несоотвѣтствующее ему значеніе. Сдѣлалось то, что самый центръ, изъ котораго описывали фигуры, оставленъ и перенесенъ въ новую точку.

Спорятъ о томъ, есть ли жизнь въ клѣточкѣ или въ протоплазмѣ или еще ниже, въ неорганической матеріи? Но прежде, чѣмъ спорить, надо спросить себя: имѣемъ ли мы право приписывать понятіе жизни клѣточкѣ?

Мы говоримъ, напримѣръ, что въ клѣточкѣ есть жизнь, что клѣточка есть живое существо. А между тѣмъ основное понятіе жизни человѣческой и понятіе той жизни, которая есть въ клѣточкѣ, суть два понятія, не только совершенно различныя, но и не соединимыя. Одно понятіе исключаетъ другое. Я открываю, что мое тѣло, все безъ остатка, состоитъ изъ клѣточекъ. Клѣточки эти, мнѣ говорятъ, имѣютъ то же свойство жизни, какъ и я, и суть такія же живыя существа, какъ и я; но себя я признаю живымъ только потому, что я сознаю себя со всѣми клѣточками, составляющими меня, однимъ нераздѣльнымъ живымъ существомъ. Весь же я безъ остатка, мнѣ говорятъ, составленъ изъ живыхъ клѣточекъ. Чему же я припишу свойства жизни: клѣточкамъ или себѣ? Если я допущу, что клѣточки имѣютъ жизнь, то я отъ понятія жизни долженъ отвлечь главный признакъ своей жизни—сознаніе себя единымъ живымъ существомъ; если же я допущу, что я имѣю жизнь, какъ отдѣльное существо, то очевидно, что клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ все мое тѣло и о сознаніи которыхъ я ничего не знаю, я никакъ не могу приписать того же свойства.

Или я живой, и во мнѣ есть неживыя частицы, называемыя клѣточками, или есть сонмище живыхъ клѣточекъ, а мое сознаніе жизни не есть жизнь, а только иллюзія.

Мы вѣдь не говоримъ, что въ клѣточкѣ есть что-то такое, что мы называемъ *брызнь*, а говоримъ, что есть жизнь. Мы

говоримъ «жизнь», потому что подъ этимъ словомъ разумѣемъ не какой-то X, а вполнѣ опредѣленную величину, которую мы знаемъ всѣ одинаково и знаемъ только изъ самихъ себя, какъ сознаніе себя съ своимъ тѣломъ, единымъ, нераздѣльнымъ съ собою,—и потому такое понятіе неотносимо къ тѣмъ клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ мое тѣло.

Какими бы изслѣдованіями и наблюденіями ни занимался человѣкъ, для выраженія своихъ наблюденій онъ обязанъ подъ каждымъ словомъ разумѣть то, что всѣми одинаково безспорно разумѣется, а не какое-либо такое понятіе, которое ему нужно, но никакъ не сходится съ основнымъ, всѣмъ извѣстнымъ понятіемъ. Если можно слово «жизнь» употреблять такъ, что оно обозначаетъ безразлично: и свойство всего предмета, и совсѣмъ другія свойства всѣхъ составныхъ частей его, какъ это дѣлается съ клѣточкой и животнымъ, состоящимъ изъ клѣточекъ, то можно также употреблять и другія слова,—можно, напримѣръ, говорить, что такъ какъ всѣ мысли изъ словъ, а слова изъ буквъ, а буквы изъ черточекъ, то рисованіе черточекъ есть то же, что изложеніе мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явленіе, напримѣръ, въ научномъ мірѣ—слышать и читать разсужденія о происхожденіи *жизни* изъ игры физическихъ, механическихъ силъ.

Да едва ли не большинство научныхъ людей держится этого... затрудняюсь, какъ сказать... мнѣнія — не мнѣнія, парадокса—не парадокса, а скорѣе шутки или загадки.

Утверждается, что жизнь происходитъ отъ игры физическихъ и механическихъ силъ,—тѣхъ физическихъ силъ, которыя мы назвали физическими и механическими только въ противоположность понятію жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое къ чуждымъ ему понятіямъ слово «жизнь», уклоняясь далѣе и далѣе отъ своего основного значенія, въ этомъ значеніи удалилось отъ своего центра до того, что жизнь предполагается уже тамъ, гдѣ, по нашему понятію, жизни и быть не можетъ. Утверждается подобное тому, что есть такой кругъ или шаръ, въ которомъ центръ внѣ его периферіи.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь, которую я не могу себѣ представить иначе, какъ стремленіемъ отъ зла къ благу, происходитъ въ той области, гдѣ я не могу видѣть ни блага, ни зла. Очевидно, что центръ понятія жизни перестановленъ совсѣмъ. Мало того, слѣдя за изслѣдованіями объ этомъ чемъ-то, называемомъ жизнью, я вижу даже, что изслѣдованія эти и не касаются по-

чти никакихъ извѣстныхъ мнѣ понятій. Я вижу цѣлый рядъ новыхъ понятій и словъ, имѣющихъ свое условное значеніе въ научномъ языкѣ, но не имѣющихъ ничего общаго съ существующими понятіями.

Извѣстное мнѣ понятіе жизни понимается не такъ, какъ всѣ понимаютъ его, и выводныя изъ него понятія тоже не сходятся съ обычными понятіями, а являются новыя, условныя понятія, получающія соотвѣтствующія выдуманныя названія.

Человѣческій языкъ вытѣсняется все болѣе и болѣе изъ научныхъ изслѣдованій, и вмѣсто слова, средства выраженія существующихъ предметовъ и понятій, воцаряется научный воляпюкъ, отличающійся отъ настоящаго воляпюка только тѣмъ, что настоящій воляпюкъ общими словами называетъ существующіе предметы и понятія, а научный — несуществующими словами называетъ и несуществующія понятія.

Единственное средство умственнаго общенія людей есть слово, и для того, чтобы общеніе это было возможно, нужно употреблять слова такъ, чтобы при каждомъ словѣ несомнѣнно вызывались у всѣхъ соотвѣтствующія и точныя понятія. Если же можно употреблять слова какъ попало и подъ словами разумѣть, что намъ вздумается, то лучше ужъ не говорить, а показывать все знаками.

Я согласенъ, что опредѣлять законы міра изъ однихъ выводовъ разума, безъ опыта и наблюденія, есть путь ложный и ненаучный, т.-е. не могущій дать истиннаго знанія; но если изучать явленія міра опытомъ и наблюденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствоваться въ этихъ опытахъ и наблюденіяхъ понятіями не основными, общими всѣмъ, а условными, и описывать результаты этихъ опытовъ словами, которымъ можно приписывать различное значеніе, то не будетъ ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесетъ величайшій вредъ, если ярлыки на банкахъ будутъ наклеиваться не по содержанію, а какъ удобнѣе аптекарю.

Но мнѣ скажутъ: наука и не ставитъ себѣ задачей изслѣдованія всей совокупности жизни (включая въ нее волю, желаніе блага и душевный міръ); она только дѣлаетъ отвлеченіе отъ понятія жизни тѣхъ явленій, которыя подлежатъ ея опытнымъ изслѣдованіямъ.

Вотъ это было бы прекрасно и законно. Но мы знаемъ, что это совсѣмъ не такъ въ представленіи людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятіе жизни въ его центральномъ значеніи, въ томъ, въ которомъ всѣ его понимаютъ, и потомъ было бы ясно опредѣлено, что наука, сдѣлавъ

отъ этого понятія отвлеченіе всѣхъ сторонъ его, кромѣ одной, подлежащей внѣшнему наблюденію, разсматриваетъ явленія съ одной этой стороны, для которой она имѣетъ свойственные ей методы изслѣдованія, тогда бы было прекрасно и было бы совсѣмъ другое дѣло: тогда и мѣсто, которое заняла бы наука, и результаты, къ которымъ бы мы приходили на основаніи науки, были бы совсѣмъ другіе. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы всѣ знаемъ. Развѣ мы не знаемъ, что большинство опытно-научныхъ изслѣдователей жизни вполнѣ увѣрены, что они изучаютъ не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономія, механика, физика, химія и всѣ другія науки вмѣстѣ и каждая порознь разрабатываютъ каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни къ какимъ результатамъ о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т.-е. неясности, неопредѣленности, нѣкоторыя науки эти пытались съ своей точки зрѣнія охватить всѣ явленія жизни и путались, сами выдумывая новыя понятія и слова. Такъ это было съ астрономіей, когда она была астрологіей, такъ было и съ химіей, когда она была алхиміей. То же происходитъ и теперь съ той опытной эволюціонной наукой, которая, разсматривая одну сторону или нѣкоторыя стороны жизни, заявляетъ притязанія на изученіе всей жизни.

Люди съ такимъ ложнымъ взглядомъ на свою науку никакъ не хотятъ признать того, что ихъ изслѣдованіямъ подлежатъ только нѣкоторыя стороны жизни, но утверждаютъ, что вся жизнь со всѣми ея явленіями будетъ изслѣдована ими путемъ внѣшняго опыта. «Если,—говорятъ они,—*психика* (они любятъ это неопредѣленное слово своего воляпюка) неизвѣстна еще намъ, то она будетъ намъ извѣстна». Изслѣдуя одну или нѣсколько сторонъ жизненныхъ явленій, мы узнаемъ всѣ стороны, т.-е., другими словами, что если очень долго и усердно смотрѣть на предметъ съ одной стороны, то мы увидимъ предметъ со всѣхъ сторонъ и даже изъ середины.

Какъ ни удивительно такое странное ученіе, объяснимое только фанатизмомъ суевѣрія, оно существуетъ, и, какъ всякое дикое фанатическое ученіе, производитъ свое гибельное вліяніе, направляя дѣятельность человѣческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнутъ добросовѣстно труженики, посвящающіе свою жизнь на изученіе почти ненужнаго, гибнутъ матеріальныя силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнутъ молодыя поколѣнія, направляемыя на самую праздную дѣятельность Кифъ Мокіевичей, возведенную на степень высшаго служенія человѣчеству.

Говорятъ обыкновенно: наука изучаетъ жизнь со всѣхъ сторонъ. Да въ томъ-то и дѣло, что у всякаго предмета столько же сторонъ, сколько радіусовъ въ шарѣ, т.-е. безъ числа, и что нельзя изучать со всѣхъ сторонъ, а надо знать, съ какой стороны важнѣе, нужнѣе и съ которой менѣе важно и менѣе нужно. Какъ нельзя подойти къ предмету сразу со всѣхъ сторонъ, такъ нельзя сразу и со всѣхъ сторонъ изучать явленія жизни. И волей-неволей устанавливается послѣдовательность. Вотъ въ ней-то и все дѣло. Послѣдовательность же эта дается только разумѣніемъ жизни.

Только правильное разумѣніе жизни даетъ должное значеніе и направленіе наукѣ вообще и каждой наукѣ въ особенности, распредѣляя ихъ по важности ихъ значенія относительно жизни. Если же разумѣніе жизни не таково, какимъ оно вложено во всѣхъ насъ, то и самая наука будетъ ложная.

Не то, что мы назовемъ наукой, опредѣлитъ жизнь, а наше понятіе о жизни опредѣлитъ то, что слѣдуетъ признать наукой. И потому, для того, чтобы наука была наукой, долженъ быть прежде рѣшенъ вопросъ о томъ, что̀ есть наука и что̀ не наука, а для этого должно быть уяснено понятіе о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы всѣ знаемъ основной догматъ вѣры этой ложной опытной науки.

Существуетъ матерія и ея энергія. Энергія движетъ, движеніе механическое переходитъ въ молекулярное, молекулярное выражается тепломъ, электричествомъ, нервной, мозговой дѣятельностью. И всѣ безъ исключенія явленія жизни объясняются отношеніями энергій. Все такъ красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Такъ что, если нѣтъ всего того, чего намъ такъ хочется и что такъ упрощаетъ всю нашу жизнь, то все это надо какъ-нибудь выдумать.

И вотъ вся моя дерзкая мысль: главная доля энергіи, страстности дѣятельности опытной науки зиждется на желаніи выдумать все то, что нужно для подтвержденія столь удобнаго представленія.

Во всей дѣятельности этой науки видишь не столько желаніе изслѣдовать явленія жизни, сколько одну, всегда присущую заботу доказать справедливость своего основного догмата. Что̀ потрачено силъ на попытки объясненій происхожденія органическаго изъ неорганическаго и психической дѣятельности изъ процессовъ организма? Не переходитъ органическое въ неорганическое: поищемъ на днѣ моря — найдемъ штуку, которую назовемъ ядромъ, монерой.

И тамъ нѣтъ; будемъ вѣрить, что найдется, — тѣмъ болѣе, что къ нашимъ услугамъ цѣлая безконечность вѣковъ, куда мы можемъ спихивать все, что должно бы быть по нашей вѣрѣ, но чего нѣтъ въ дѣйствительности.

То же и съ переходомъ изъ органической дѣятельности въ психическую. Нѣтъ еще? Но мы вѣримъ, что будетъ, и всѣ усилія ума употребляемъ на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о томъ, что̀ не касается жизни, именно о томъ, отъ чего происходитъ жизнь: анимизмъ ли это, витализмъ ли, или понятіе еще особой какой силы, скрыли отъ людей главный вопросъ жизни, — тотъ вопросъ, безъ котораго понятіе жизни теряетъ свой смыслъ, и привели понемногу людей науки, — тѣхъ, которые должны вести другихъ, — въ положеніе человѣка, который идетъ и даже очень торопится, но забылъ, куда именно.

Но, можетъ быть, я и умышленно стараюсь не видѣть тѣхъ огромныхъ результатовъ, которые даетъ наука въ теперешнемъ ея направленіи? Но вѣдь никакіе результаты не могутъ исправить ложнаго направленія. Допустимъ невозможное—то, что все, что желаетъ познать теперешняя наука о жизни, о чемъ утверждаетъ (хотя и сама не вѣря въ это), что все это будетъ открыто: допустимъ, что все открыто, все ясно какъ день. Ясно, какъ изъ неорганической матеріи зарождается черезъ приспособленіе органическое; ясно какъ физическія энергіи переходятъ въ чувства, волю, мысль, и все это извѣстно не только гимназистамъ, но и деревенскимъ школьникамъ.

Мнѣ извѣстно, что такія-то мысли и чувства происходятъ отъ такихъ-то движеній. Ну, и что жъ? Могу ли я или не могу руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли? Вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ мысли и чувства, остается не только нерѣшеннымъ, но даже незатронутымъ.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвѣчать на этотъ вопросъ. Рѣшеніе этого вопроса имъ кажется очень просто, какъ просто всегда кажется рѣшеніе труднаго вопроса тому человѣку, который не понимаетъ его. Рѣшеніе вопроса о томъ, какъ устроить жизнь, когда она въ нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорятъ: устроить такъ, чтобы люди могли удовлетворять своимъ потребностямъ; наука вырабатываетъ средства, во-первыхъ, для того, чтобы правильно распредѣлять удовлетвореніе потребностей, а во-вторыхъ, средства производить такъ много и легко, что всѣ потребности легко будутъ удовлетворены и люди тогда будутъ счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью и гдѣ предѣлы потребностей, то на это также просто отвѣчаютъ: наука — на то наука, чтобы распредѣлить потребности на физическія, умственныя, эстетическія, даже нравственныя, и ясно опредѣлить, какія потребности и въ какой мѣрѣ законны и какія и въ какой мѣрѣ незаконны.

Она со временемъ опредѣлитъ это. Если же спросить, чѣмъ руководствоваться въ опредѣленіи законности и незаконности потребностей, то на это смѣло отвѣчаютъ: изученіемъ потребностей. Но слово потребность имѣетъ только два значенія: или условія существованія, а условій существованія каждаго предмета безчисленное количество, и потому всѣ условія не могутъ быть изучены; или требованіе блага живымъ существомъ, познаваемое и опредѣляемое только сознаніемъ и потому еще менѣе могущее быть изученнымъ опытной наукой.

Есть такое учрежденіе, корпорація, собраніе, что ли, людей или умовъ, которое непогрѣшимо и называется наука. Она все это опредѣлитъ со временемъ.

Развѣ не очевидно, что все это рѣшеніе вопроса есть только перефразированное царство Мессіи, въ которомъ роль Мессіи играетъ наука, а что, для того, чтобы объясненіе такое объясняло что-нибудь, необходимо вѣрить въ догматы науки такъ же безконтрольно, какъ вѣрятъ евреи въ Мессію, что и дѣлаютъ правовѣрныя науки, — съ тою только разницей, что правовѣрному еврею, представляющему себѣ въ Мессіи посланника Божія, можно вѣрить въ то, что онъ все своею властью устроитъ отлично; для правовѣрнаго же науки по существу дѣла нельзя вѣрить въ то, чтобы посредствомъ внѣшняго изученія потребностей можно было рѣшить главный и единственный вопросъ о жизни.

I.

Основное противорѣчіе человѣческой жизни.

Живетъ всякій человѣкъ только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствуетъ человѣкъ желанія себѣ блага,—онъ и не чувствуетъ себя живущимъ. Человѣкъ не можетъ себѣ представить жизни безъ желанія себѣ блага. Жить для каждаго человѣка—все равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага—все равно, что жить.

Жизнь чувствуетъ человѣкъ только въ себѣ, въ своей личности, и потому сначала человѣку представляется, что благо, котораго онъ желаетъ, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живетъ, истинно живетъ только онъ одинъ. Жизнь другихъ существъ представляется ему совсѣмъ не такою, какая своя—она представляется ему только подобіемъ жизни; жизнь другихъ существъ человѣкъ только наблюдаетъ и только изъ наблюденій узнаетъ, что они живутъ. Про жизнь другихъ существъ человѣкъ знаетъ, когда хочетъ думать о нихъ, но про себя онъ *знаетъ*, ни на секунду не можетъ перестать *знать*, что онъ живетъ, и потому настоящею жизнью представляется каждому человѣку только своя жизнь. Жизнь другихъ существъ, окружающихъ его, представляется ему только однимъ изъ условій его существованія. Если онъ не желаетъ зла другимъ, то только потому, что видъ страданія другихъ нарушаетъ его благо. Если онъ желаетъ добра другимъ, то совсѣмъ не такъ, какъ себѣ, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому онъ желаетъ добра, а только для того, чтобы благо другихъ существъ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человѣку только благо въ той жизни, которую онъ чувствуетъ своею, т.-е. свое благо.

И вотъ, стремясь къ достиженію этого своего блага, человѣкъ замѣчаетъ, что благо это зависитъ отъ другихъ существъ. И, наблюдая и разсматривая эти другія существа, человѣкъ видитъ, что всѣ они—и люди и даже животныя—имѣютъ точно такое же представленіе о жизни, какъ и онъ. Каждое изъ этихъ

существъ точно такъ же, какъ и онъ, чувствуетъ только свою жизнь и свое благо, считаетъ только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всѣхъ другихъ существъ—только средствомъ для своего блага. Человѣкъ видитъ, что каждое изъ живыхъ существъ точно такъ же, какъ и онъ, должно быть готово, для своего маленькаго блага, лишить бо̀льшаго блага и даже жизни всѣ другія существа, а въ томъ числѣ и его, такъ разсуждающаго человѣка. И, понявъ это, человѣкъ невольно дѣлаетъ то соображеніе, что если это такъ, — а онъ знаетъ, что это несомнѣнно такъ, — то не одно и не десятокъ существъ, а всѣ безчисленныя существа міра, для достиженія каждое своей цѣли, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для котораго одного и существуетъ жизнь. И, понявъ это, человѣкъ видитъ, что его личное благо, въ которомъ одномъ онъ понимаетъ жизнь, не только не можетъ быть легко пріобрѣтено имъ, но навѣрное будетъ отнято отъ него.

Чѣмъ дальше человѣкъ живетъ, тѣмъ больше разсужденіе это подтверждается опытомъ, и человѣкъ видитъ, что жизнь міра, въ которой онъ участвуетъ, составленная изъ связанныхъ между собой личностей, желающихъ истребить и съѣсть одна другую, не только не можетъ быть для него благомъ, но будетъ, навѣрное, великимъ зломъ.

Но мало того: если даже человѣкъ и поставленъ въ такія выгодныя условія, что онъ можетъ успѣшно бороться съ другими личностями, не боясь за свою,—очень скоро и разумъ и опытъ показываютъ ему, что даже тѣ подобія блага, которыя онъ урываетъ изъ жизни въ видѣ наслажденій личности,—не блага, а какъ будто только образчики блага, данные ему только для того, чтобы онъ еще живѣе чувствовалъ страданія, всегда связанныя съ наслажденіями. Чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что наслажденій все становится меньше и меньше, а скуки, пресыщенія, трудовъ, страданій все больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабленіе силъ и болѣзни и глядя на болѣзни и старость, смерть другихъ людей, онъ замѣчаетъ еще и то, что и самое его существованіе, въ которомъ одномъ онъ чувствуетъ настоящую, полную жизнь, каждымъ часомъ, каждымъ движеніемъ приближается къ ослабленію, старости, смерти; что жизнь его, кромѣ того, что она подвержена тысячамъ случайностей уничтоженія отъ другихъ борющихся съ нимъ существъ и все увеличивающимся страданіямъ, по самому свойству своему есть только неперестающее приближеніе къ смерти, къ тому состоянію, въ которомъ вмѣстѣ съ жизнью личности навѣрное уничтожится всякая возможность

какого бы то ни было блага личности. Человѣкъ видитъ, что онъ, его личность—то, въ чемъ одномъ онъ чувствуетъ жизнь—только и дѣлаетъ, что борется съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя бороться,—со всѣмъ міромъ; что онъ ищетъ наслажденій, которыя даютъ только подобіе блага и всегда кончаются страданіями, и хочетъ удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человѣкъ видитъ, что онъ самъ, сама его личность,—то, для чего одного онъ желаетъ блага и жизни,—не можетъ имѣть ни блага, ни жизни. А то, что онъ желаетъ имѣть: благо и жизнь, имѣютъ только тѣ чуждыя ему существа, которыхъ онъ не чувствуетъ и не можетъ чувствовать и про существованіе которыхъ онъ знать и не можетъ, и не хочетъ.

То, что для него важнѣе всего и что одно нужно ему, что—ему кажется—одно живетъ по-настоящему, его личность, то гибнетъ, то будетъ кости, черви—не онъ; а то, что для него не нужно, не важно, что онъ не чувствуетъ живущимъ, весь тотъ міръ борющихся и смѣняющихся существъ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будетъ жить вѣчно. Такъ что та единственно чувствуемая человѣкомъ жизнь, для которой происходитъ вся его дѣятельность, оказывается чѣмъ-то обманчивымъ и невозможнымъ, а жизнь внѣ его, не любимая, не чувствуемая имъ, неизвѣстная ему и есть единая настоящая жизнь.

То, чего онъ не чувствуетъ, то только и имѣетъ тѣ свойства, которыя онъ одинъ желалъ бы имѣть. И это не то что такъ представляется человѣку въ дурныя минуты его унылаго настроенія,—это не представленіе, которое можно не имѣть, а это, напротивъ, такая очевидная, несомнѣнная истина, что если мысль эта сама хоть разъ придетъ человѣку или другіе хоть разъ растолкуютъ ему ее, то онъ никогда ужъ не отдѣлается отъ нея, ничѣмъ не выжжетъ ее изъ своего сознанія.

II.

Противорѣчіе жизни сознано человѣчествомъ съ древнѣйшихъ временъ. Просвѣтители человѣчества открывали людямъ опредѣленія жизни, разрѣшающія это внутреннее противорѣчіе, но фарисеи и книжники скрываютъ ихъ отъ людей.

Единственная представляющаяся человѣку сначала цѣль жизни есть благо его личности, но блага для личности не можетъ быть; если бы и было въ жизни нѣчто, похожее на благо, то жизнь, въ которой одной возможно благо, жизнь личности, ка-

ждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ неудержимо влечется къ страданіямъ, къ злу, къ смерти, къ уничтоженію.

И это такъ очевидно и такъ ясно, что всякій мыслящій человѣкъ, и молодой, и старый, и образованный, и необразованный, всякій видитъ это. Разсужденіе это такъ просто и естественно, что оно представляется всякому человѣку разумному и съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно человѣчеству.

«Жизнь человѣка, какъ личности, стремящейся только къ своему благу, среди безконечнаго числа такихъ же личностей, уничтожающихъ другъ друга и самихъ уничтожающихся, есть зло и безсмыслица, и жизнь истинная не можетъ быть такою». Съ древнѣйшихъ временъ сказалъ себѣ это человѣкъ, и это внутреннее противорѣчіе жизни человѣка съ необычайной силой и ясностью было выражено и индійскими, и китайскими, и египетскими, и греческими и еврейскими мудрецами; и съ древнѣйшихъ временъ разумъ человѣка былъ направленъ на познаніе такого блага человѣка, которое не уничтожалось бы борьбой существъ между собой, страданіями и смертью. Въ большемъ и большемъ уясненіи этого несомнѣннаго, ненарушимаго борьбою, страданіями и смертью блага человѣка и состоитъ все движеніе впередъ человѣчества съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его жизнь.

Съ самыхъ древнихъ временъ и у самыхъ различныхъ народовъ великіе учители человѣчества открывали людямъ все болѣе и болѣе ясныя опредѣленія жизни, разрѣшающія ея внутреннее противорѣчіе, и указывали имъ истинное благо и истинную жизнь, свойственныя людямъ. А такъ какъ положеніе въ мірѣ всѣхъ людей одинаково и потому одинаково для всякаго человѣка противорѣчіе его стремленія къ своему личному благу и сознанія невозможности его, то одинаковы, по существу, и всѣ опредѣленія истиннаго блага и потому истинной жизни, открытыя людямъ величайшими умами человѣчества.

«Жизнь—это распространеніе того свѣта, который для блага людей сошелъ въ нихъ съ неба», сказалъ Конфуцій за 600 лѣтъ до Р. X.

«Жизнь—это странствованіе и совершенствованіе душъ, достигающихъ все большаго и большаго блага», сказали брамины того же времени.

«Жизнь—это отреченіе отъ себя для достиженія блаженной нирваны», сказалъ Будда, современникъ Конфуція.

«Жизнь—это путь смиренія и униженія для достиженія блага», сказалъ Лаотзе, тоже современникъ Конфуція.

«Жизнь—это то, что вдунулъ Богъ въ ноздри человѣка, для того, чтобы онъ, исполняя Его законъ, получилъ благо», говоритъ еврейская мудрость.

«Жизнь—это подчиненіе разуму, дающее благо человѣку», сказали стоики.

«Жизнь—это любовь къ Богу и ближнему, дающая благо человѣку», сказалъ Христосъ, включая въ свое опредѣленіе всѣ предшествующія.

Таковы опредѣленія жизни, которыя за тысячи лѣтъ до насъ, указывая людямъ вмѣсто ложнаго и невозможнаго блага личности дѣйствительное, неуничтожимое благо, разрѣшаютъ противорѣчіе человѣческой жизни и даютъ ей разумный смыслъ. Можно не соглашаться съ этими опредѣленіями жизни, можно предполагать, что опредѣленія эти могутъ быть выражены точнѣе и яснѣе, но нельзя не видѣть того, что опредѣленія эти таковы, что признаніе ихъ, уничтожая противорѣчіе жизни и замѣняя стремленіе къ недостижимому благу личности другимъ стремленіемъ—къ неуничтожаемому страданіями и смертью благу, даетъ жизни разумный смыслъ. Нельзя не видѣть и того, что опредѣленія эти, будучи теоретически вѣрны, подтверждаются и опытомъ жизни, и что милліоны и милліоны людей, признававшіе и признающіе такія опредѣленія жизни, на дѣлѣ показывали и показываютъ возможность замѣны стремленія къ благу личности другимъ стремленіемъ къ благу такому, которое не нарушается страданіями и смертью.

Но кромѣ тѣхъ людей, которые понимали и понимаютъ опредѣленія жизни, открытыя людямъ великими просвѣтителями человѣчества, и живутъ ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые въ извѣстный періодъ жизни, а иногда во всю свою жизнь жили и живутъ одной животной жизнью, не только не понимая тѣхъ опредѣленій, которыя служатъ разрѣшеніемъ противорѣчія человѣческой жизни, но не видя даже и того противорѣчія ея, которое они разрѣшаютъ. И всегда были и теперь есть среди этихъ людей еще такіе люди, которые вслѣдствіе своего внѣшняго исключительнаго положенія считаютъ себя призванными руководить человѣчествомъ, и, сами не понимая смысла человѣческой жизни, учили и учатъ другихъ людей жизни, которой они не понимаютъ: тому, что жизнь человѣческая есть не что иное, какъ личное существованіе.

Такіе ложные учители существовали во всѣ времена и существуютъ и въ наше время. Одни исповѣдуютъ на словахъ уче-

нія тѣхъ просвѣтителей человѣчества, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, но, не понимая ихъ разумнаго смысла, обращаютъ эти ученія въ сверхъестественныя откровенія о прошедшей и будущей жизни людей и требуютъ только исполненія обрядовъ. Это—ученіе фарисеевъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. людей, учащихъ тому, что сама въ себѣ неразумная жизнь можетъ быть исправлена вѣрою въ другую жизнь, пріобрѣтаемую исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ.

Другіе, не признающіе возможности никакой другой жизни, кромѣ видимой, отрицаютъ всякія чудеса и все сверхъестественное и смѣло утверждаютъ, что жизнь человѣка есть не что иное, какъ его животное существованіе отъ рожденія и до смерти. Это — ученіе книжниковъ, — людей, учащихъ тому, что въ жизни человѣка, какъ животнаго, и нѣтъ ничего неразумнаго.

И тѣ и другіе лжеучители, несмотря на то, что ученія и тѣхъ и другихъ основаны на одномъ и томъ же грубомъ непониманіи основного противорѣчія человѣческой жизни, всегда враждовали и враждуютъ между собой. Оба ученія эти царствуютъ въ нашемъ мірѣ и, враждуя другъ съ другомъ, наполняютъ міръ своими спорами, этими самыми спорами скрывая отъ людей тѣ опредѣленія жизни, открывающія путь къ истинному благу людей, которыя уже за тысячи лѣтъ даны человѣчеству.

Фарисеи, не понимая того опредѣленія жизни, которое дано людямъ тѣми учителями, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, замѣняютъ его своими лжетолкованіями о будущей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются скрыть отъ людей опредѣленія жизни другихъ просвѣтителей человѣчества, выставляя ихъ передъ своими учениками въ самомъ ихъ грубомъ и жестокомъ извращеніи, полагая тѣмъ поддержать исключительный авторитетъ того ученія, на которомъ они основываютъ свои толкованія. Единство разумнаго смысла опредѣленія жизни другихъ просвѣтителей человѣчества не представляется имъ лучшимъ доказательствомъ истинности ихъ ученія, такъ какъ оно подрываетъ довѣріе къ тѣмъ неразумнымъ лжетолкованіямъ, которыми они замѣняютъ сущность ученія.

Книжники же, и не подозрѣвая въ фарисейскихъ ученіяхъ тѣхъ разумныхъ основъ, на которыхъ они возникли, прямо отрицаютъ всякія ученія о будущей жизни и смѣло утверждаютъ, что всѣ эти ученія не имѣютъ никакого основанія, а суть только остатки грубыхъ обычаевъ невѣжества, и что движеніе впередъ человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы не задавать себѣ никакихъ вопросовъ о жизни, выходящихъ за предѣлы животнаго существованія человѣка.

III.

Заблужденія книжниковъ.

И удивительное дѣло! То, что всѣ ученія великихъ умовъ человѣчества такъ поражали людей своимъ величіемъ, что грубые люди придавали имъ большей частью сверхъестественный характеръ и признавали основателей ихъ полубогами, — то самое, что служитъ главнымъ признакомъ значительности этихъ ученій, — это самое обстоятельство и служитъ для книжниковъ лучшимъ, какъ имъ кажется, доказательствомъ неправильности и отсталости этихъ ученій. То, что незначительныя ученія Аристотеля, Бэкона, Конта и другихъ оставались и остаются всегда достояніемъ малаго числа ихъ читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли вліять на массы и потому не подверглись суевѣрнымъ искаженіямъ и наростамъ, этотъ-то признакъ незначительности ихъ признается доказательствомъ ихъ истинности. Ученія же браминовъ, Будды, Зороастра, Лаотзе, Конфуція, Исаіи, Христа считаются суевѣріями и заблужденіями только потому, что эти ученія переворачивали жизнь милліоновъ.

То, что по этимъ суевѣріямъ жили и живутъ милліарды людей, потому что даже и въ искаженномъ видѣ они даютъ людямъ отвѣты на вопросы объ истинномъ благѣ жизни, то, что ученія эти не только раздѣляются, но служатъ основой мышленія лучшихъ людей всѣхъ вѣковъ, а что теоріи, признаваемыя книжниками, раздѣляются только ими самими, всегда оспариваются и не живутъ иногда и десятка лѣтъ и забываются такъ же быстро, какъ возникаютъ, — не смущаетъ ихъ нисколько.

Ни въ чемъ съ такою яркостью не выражается то ложное направленіе знанія, которому слѣдуетъ современное общество, какъ то мѣсто, которое занимаютъ въ этомъ обществѣ ученія тѣхъ великихъ учителей жизни, по которымъ жило и образовывалось и продолжаетъ жить и образовываться человѣчество. Въ календаряхъ значится, въ отдѣлѣ статистическихъ свѣдѣній, что вѣръ, исповѣдуемыхъ теперь обитателями земного шара, 1000. Въ числѣ этихъ вѣръ предполагаются буддизмъ, браманизмъ, конфуціанство, таосизмъ и христіанство. — Вѣръ 1000, и люди нашего времени совершенно искренно вѣрятъ въ это. Вѣръ 1000, всѣ онѣ вздоръ, — что же ихъ изучать? И люди нашего времени за стыдъ считаютъ, если они не знаютъ послѣднихъ изреченій мудрости Спенсера, Гельмгольца и другихъ, но о браминахъ, Буддѣ, Конфуціи, Менціи, Лаотзе, Эпиктетѣ, Исаіи иногда знаютъ имена, а иногда и того не знаютъ. Имъ и въ

голову не приходитъ, что вѣръ, исповѣдуемыхъ въ наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индійская и еврейско-христіанская (съ своимъ отросткомъ магометанства), и что книги этихъ вѣръ можно купить за 5 руб. и прочесть въ двѣ недѣли, и что въ этихъ книгахъ, по которымъ жило и теперь живетъ все человѣчество, за исключеніемъ 0,07 почти неизвѣстныхъ намъ, заключена вся мудрость человѣческая, все то, что сдѣлало человѣчество такимъ, какое оно есть.

Но мало того, что толпа не знаетъ этихъ ученій — ученые не знаютъ ихъ, если это не ихъ спеціальность; философы по профессіи не считаютъ нужнымъ заглядывать въ эти книги. Да и зачѣмъ изучать тѣхъ людей, которые разрѣшали сознаваемое разумнымъ человѣкомъ противорѣчіе его жизни и опредѣляли истинное благо и жизнь людей? Книжники, не понимая того противорѣчія, которое составляетъ начало разумной жизни, смѣло утверждаютъ, что такъ какъ они его не видятъ, то противорѣчія и нѣтъ никакого, и что жизнь человѣка есть только его животное существованіе.

Зрячіе понимаютъ и опредѣляютъ то, что видятъ передъ собой; слѣпой тыкаетъ передъ собою палкой и утверждаетъ, что и нѣтъ ничего, кромѣ того, что показываетъ ему ощупь палки.

IV.

Ученіе книжниковъ подъ понятіе всей жизни человѣка подставляетъ видимыя явленія его животнаго существованія и изъ нихъ дѣлаетъ выводы о цѣли его жизни.

«Жизнь—это то, что дѣлается въ живомъ существѣ со времени его рожденія и до смерти. Родится человѣкъ, собака, лошадь; у каждаго свое особенное тѣло; и вотъ живетъ это особенное его тѣло, а потомъ умретъ; тѣло разложится, пойдетъ въ другія существа, а того прежняго существа не будетъ. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышатъ легкія, тѣло не разлагается — значитъ живъ человѣкъ, собака, лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыханіе, стало разлагаться тѣло—значитъ умеръ, и нѣтъ жизни. Жизнь и есть то, что происходитъ въ тѣлѣ человѣка, такъ же какъ и животнаго, въ промежутокъ времени между рожденіемъ и смертью. Что можетъ быть яснѣе?»

Такъ смотрѣли и всегда смотрятъ на жизнь самые грубые, невѣжественные люди, едва выходящіе изъ животнаго состоянія. И вотъ въ наше время ученіе книжниковъ, называющее себя наукой, признаетъ это самое грубое первобытное представленіе о жизни единымъ истиннымъ. Пользуясь всѣми тѣми ору-

діями внѣшняго знанія, которыя пріобрѣло человѣчество, ложное ученіе это систематически хочетъ вести назадъ людей въ тотъ мракъ невѣжества, изъ котораго съ такимъ напряженіемъ и трудомъ оно выбивалось столько тысячъ лѣтъ.

Жизнь мы не можемъ опредѣлить въ своемъ сознаніи, говоритъ это ученіе. Мы заблуждаемся, разсматривая ее въ себѣ. То понятіе о благѣ, стремленіе къ которому въ нашемъ сознаніи составляетъ нашу жизнь, есть обманчивый призракъ, и жизнь нельзя понимать въ этомъ сознаніи. Чтобы понять жизнь, надо только наблюдать ея проявленія, какъ движеніе вещества. Только изъ этихъ наблюденій и выведенныхъ изъ нихъ законовъ мы найдемъ и законъ самой жизни, и законъ жизни человѣка [1]).

И вотъ ложное ученіе, подставивъ подъ понятіе всей жизни человѣка, извѣстной ему въ его сознаніи, видимую часть ея — животное существованіе,—начинаетъ изучать эти видимыя явленія сначала въ животномъ человѣкѣ, потомъ въ животныхъ вообще, потомъ въ растеніяхъ, потомъ въ веществѣ, постоянно утверждая при этомъ, что изучаются не нѣкоторыя проявленія жизни, а сама жизнь. Наблюденія такъ сложны, такъ многообразны, такъ запутаны, такъ много времени и усилія тратится на нихъ, что люди понемногу забываютъ о первоначальной ошибкѣ признанія части предмета за весь предметъ и подъ конецъ вполнѣ убѣждаются, что изученіе видимыхъ свойствъ вещества, растеній и животныхъ и есть изученіе самой жизни, той жизни, которая познается человѣкомъ только въ его сознаніи.

Совершается нѣчто подобное тому, что дѣлаетъ показывающій что-нибудь на тѣни и желающій поддержать то заблужденіе, въ которомъ находятся его зрители.

---

[1]) Наука настоящая, знающая свое мѣсто и потому свой предметъ, скромная и потому могущественная, никогда не говорила и не говоритъ этого.

Наука физики говоритъ о законахъ и отношеніяхъ силъ, не задаваясь вопросомъ о томъ, что̀ есть сила, и не пытаясь объяснить сущность силы. Наука химіи говоритъ объ отношеніяхъ вещества, не задаваясь вопросомъ о томъ, что̀ есть вещество, и не пытаясь опредѣлять его сущности. Наука біологіи говоритъ о формахъ жизни, не задаваясь вопросомъ о томъ, что̀ есть жизнь, и не пытаясь опредѣлять ея сущности. И сила, и вещество, и жизнь принимаются истинными науками не какъ предметы изученія, а какъ взятыя за аксіомы изъ другой области знанія точки опоры, на которыхъ строится зданіе каждой отдѣльной науки. Такъ смотритъ на предметъ истинная наука, и эта наука не можетъ имѣть вреднаго, обращающаго къ невѣжеству, вліянія на толпу. Но не такъ смотритъ на свой предметъ ложное мудрствованіе науки. «И вещество, и силу, и жизнь мы изучаемъ; а если мы изучаемъ ихъ, то мы можемъ и познать ихъ», говорятъ они, не соображая того, что они изучаютъ не вещество, не силу, не жизнь, а только отношенія и формы ихъ.

«Не смотрите никуда,—говоритъ показывающій,—кромѣ какъ на ту сторону, гдѣ появляются отраженія, и, главное, не глядите на самый предметъ: вѣдь предмета и нѣтъ, а есть только отраженіе его».

Это самое и дѣлаетъ потворствующая грубой толпѣ ложная наука книжниковъ нашего времени, разсматривая жизнь безъ главнаго опредѣленія ея, стремленія къ благу, открытаго только въ сознаніи человѣка [1]). Исходя прямо изъ опредѣленія жизни независимо отъ стремленія къ благу, ложная наука наблюдаетъ цѣли живыхъ существъ и, находя въ нихъ цѣли, чуждыя человѣку, навязываетъ ихъ ему.

Цѣлью живыхъ существъ представляется при этомъ внѣшнемъ наблюденіи сохраненіе своей личности, сохраненіе своего вида, воспроизведеніе себѣ подобныхъ и борьба за существованіе, и эта самая воображаемая цѣль жизни навязывается и человѣку.

Ложная наука, взявшая за исходную точку отсталое представленіе о жизни, при которомъ не видно то противорѣчіе жизни человѣческой, которое составляетъ главное ея свойство, — эта мнимая наука въ своихъ послѣднихъ выводахъ приходитъ къ тому, чего требуетъ грубое большинство человѣчества,— къ признанію возможности блага одной личной жизни, къ признанію для человѣка благомъ одного животнаго существованія.

Ложная наука идетъ дальше даже требованій грубой толпы, которымъ она хочетъ найти объясненіе, — она приходитъ къ утвержденію того, что съ перваго проблеска своего отвергаетъ разумное сознаніе человѣка, приходитъ къ выводамъ о томъ, что жизнь человѣка, какъ и всякаго животнаго, состоитъ въ борьбѣ за существованіе личности, рода и вида [2]).

V.

Лжеученія фарисеевъ и книжниковъ не даютъ ни объясненій смысла настоящей жизни, ни руководства въ ней; единственнымъ руководствомъ жизни является инерція жизни, не имѣющая разумнаго объясненія.

«Жизнь опредѣлять нечего: всякій ее знаетъ, вотъ и все, и давайте жить!» говорятъ въ своемъ заблужденіи люди, поддерживаемые ложными ученіями. И, не зная, что такое жизнь и ея

1) См. 1-е прибавленіе въ концѣ статьи: о ложномъ опредѣленіи жизни.
2) См. 2-е прибавленіе.

благо, имъ кажется, что они живутъ, какъ можетъ казаться человѣку, несомому по волнамъ безъ всякаго направленія, что онъ плыветъ туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенокъ въ нуждѣ или роскоши и получаетъ воспитаніе фарисейское или книжническое. Для ребенка, для юноши не существуетъ еще противорѣчія жизни и вопроса о ней, и потому ни объясненіе фарисеевъ, ни объясненіе книжниковъ не нужны ему и не могутъ руководить его жизнью. Онъ учится однимъ примѣромъ людей, живущихъ вокругъ него, а примѣръ этотъ, и фарисеевъ и книжниковъ, одинаковъ: и тѣ и другіе живутъ только для блага личной жизни и тому же поучаютъ и его.

Если родители его въ нуждѣ, онъ узнаетъ отъ нихъ, что цѣль жизни—пріобрѣтеніе побольше хлѣба и денегъ и какъ можно меньше работы для того, чтобы животной личности было какъ можно лучше. Если онъ родился въ роскоши, онъ узнаетъ, что цѣль жизни—богатство и почести, чтобы какъ можно пріятнѣе и веселѣе проводить время.

Всѣ знанія, которыя пріобрѣтаетъ бѣдный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояніе своей личности. Всѣ знанія науки и искусствъ, которыя пріобрѣтаетъ богатый, несмотря на всѣ высокія слова о значеніи науки и искусствъ, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести пріятно время. Чѣмъ дольше живетъ и тотъ и другой, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе всасывается въ нихъ царствующій взглядъ людей міра. Они вступаютъ въ бракъ, заводятся семьей, и жадность къ пріобрѣтенію благъ животной жизни усиливается оправданіемъ семьи: борьба съ другими ожесточается, и устанавливается (инерція) привычка жизни только для блага личности.

Если и западетъ тому или другому, бѣдному или богатому, сомнѣніе въ разумности такой жизни, если тому и другому представится вопросъ о томъ, зачѣмъ эта безцѣльная борьба за свое существованіе, которое будутъ продолжать мои дѣти, или зачѣмъ эта обманчивая погоня за наслажденіями, которыя кончаются страданіями для меня и для моихъ дѣтей, то нѣтъ почти никакого вѣроятія, чтобы онъ узналъ тѣ опредѣленія жизни, которыя давнымъ-давно даны были человѣчеству его великими учителями, находившимися за тысячи лѣтъ до него въ томъ же положеніи. Ученія фарисеевъ и книжниковъ такъ плотно заслоняютъ ихъ, что рѣдкому удается увидать ихъ.

Одни—фарисеи—на вопросъ о томъ: «зачѣмъ эта бѣдственная жизнь?» отвѣчаютъ: «жизнь бѣдственна и всегда была

и должна быть такою; благо жизни не въ ея настоящемъ, а въ ея прошедшемъ—до жизни, и будущемъ—послѣ жизни». И браминскіе, и буддійскіе, и таосійскіе, и еврейскіе, и христіанскіе фарисеи говорятъ всегда одно и то же. Жизнь настоящая—зло, и объясненіе этого зла въ прошедшемъ—въ появленіи міра и человѣка; исправленіе же существующаго зла—въ будущемъ, за гробомъ. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ для пріобрѣтенія блага, не въ этой, но въ будущей жизни, это—вѣрить въ то ученіе, которое мы преподаемъ вамъ,—исполнять обряды, которые мы предписываемъ.

И сомнѣвающійся, видя на жизни всѣхъ людей, живущихъ для личнаго блага, и на жизни самихъ фарисеевъ, живущихъ для того же, неправду этого обясненія, не углубляясь въ смыслъ ихъ отвѣта, прямо не вѣритъ имъ и обращается къ книжникамъ.

«Всѣ ученія о другой какой-то жизни, чѣмъ та, какую мы видимъ въ животной, есть плодъ невѣжества,—говорятъ книжники. — Всѣ твои сомнѣнія въ разумности твоей жизни суть праздныя мечтанія. Жизнь міровъ, земли, человѣка, животнаго, растенія имѣетъ свои законы, и мы изучаемъ ихъ, мы изслѣдуемъ происхожденіе міровъ и человѣка, животныхъ и растеній и всего вещества; мы изслѣдуемъ и то, что ожидаетъ міры, какъ остынетъ солнце, и т. п., и что было и будетъ съ человѣкомъ и со всякимъ животнымъ и растеніемъ. Мы можемъ показать и доказать, что все такъ было и будетъ, какъ мы говоримъ; наши изслѣдованія, кромѣ того, содѣйствуютъ улучшенію благосостоянія человѣка. О жизни же твоей, съ твоимъ стремленіемъ къ благу, мы ничего тебѣ сказать не можемъ кромѣ того, что ты и безъ насъ знаешь: живешь, такъ и живи, какъ получше».

И сомнѣвающійся, не получивъ на свой вопросъ никакого отвѣта ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, остается, какъ и былъ прежде, безъ всякаго руководства въ жизни, кромѣ побужденій своей личности.

Одни изъ сомнѣвающихся, по разсужденію Паскаля, сказавъ себѣ: «а что, какъ правда все то, чѣмъ пугаютъ фарисеи за неисполненіе ихъ предписаній?» исполняютъ въ свободное время всѣ предписанія фарисеевъ (потери не будетъ, а выгода можетъ быть большая), а другіе, соглашаясь съ книжниками, прямо отрицаютъ всякую другую жизнь и всякіе религіозные обряды и говорятъ себѣ: «не я одинъ, а всѣ такъ жили и живутъ,—что будетъ, то будетъ». И это различіе не даетъ ни тѣмъ, ни другимъ никакого преимущества; и тѣ и другіе остаются безъ всякаго объясненія смысла ихъ настоящей жизни.

А жить надо.

Жизнь человѣческая есть рядъ поступковъ отъ вставанья до постели; каждый день человѣкъ долженъ не переставая выбирать изъ сотни возможныхъ для него поступковъ тѣ, которые онъ сдѣлаетъ. Ни ученіе фарисеевъ, объясняющее тайны небесной жизни, ни ученіе книжниковъ, изслѣдующее происхожденіе міровъ и человѣка и дѣлающее заключеніе о будущей судьбѣ ихъ, не даютъ такого руководства поступковъ. А безъ руководства въ выборѣ своихъ поступковъ человѣкъ не можетъ жить. И вотъ тутъ-то человѣкъ волей-неволей подчиняется уже не разсужденію, а тому внѣшнему руководству жизни, которое всегда существовало и существуетъ въ каждомъ обществѣ людей.

Руководство это не имѣетъ никакого разумнаго объясненія, но оно-то и движетъ огромнымъ большинствомъ поступковъ всѣхъ людей. Руководство это есть привычка жизни обществъ людей тѣмъ сильнѣе властвующая надъ людьми, чѣмъ меньше у людей пониманія смысла своей жизни. Руководство это не можетъ быть опредѣленно выражено, потому что слагается оно изъ самыхъ разнообразныхъ, по времени и мѣсту, дѣлъ и поступковъ. Это—свѣчки на дощечкахъ родителей для китайцевъ; это—паломничество къ извѣстнымъ мѣстамъ магометанина, извѣстное количество молитвенныхъ словъ для индѣйца; это — вѣрность своему знамени и честь мундира для военнаго, дуэль для свѣтскаго человѣка, кровомщеніе для горца; это—извѣстныя кушанья въ извѣстные дни, извѣстнаго рода воспитаніе своихъ дѣтей; это—визиты, извѣстное убранство жилищъ, извѣстныя празднованія похоронъ, родинъ, свадебъ; это—безчисленное количество дѣлъ и поступковъ, наполняющихъ всю жизнь. Это — то, что называется приличіемъ, обычаемъ, а чаще всего долгомъ и даже священнымъ долгомъ.

И вотъ этому-то руководству, помимо объясненій жизни фарисеевъ и книжниковъ, и подчиняется большинство людей. Вездѣ вокругъ себя съ дѣтства человѣкъ видитъ людей, съ полною увѣренностью и внѣшнею торжественностью исполняющихъ эти дѣла, и, не имѣя никакого разумнаго объясненія своей жизни, человѣкъ не только начинаетъ дѣлать такія же дѣла, но этимъ дѣламъ старается приписать разумный смыслъ. Ему хочется вѣрить, что люди, дѣлающіе эти дѣла, имѣютъ объясненіе того, для чего и почему они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. И онъ начинаетъ убѣждать себя, что дѣла эти имѣютъ разумный смыслъ и что объясненіе ихъ смысла если и не вполнѣ извѣстно ему, то извѣстно другимъ людямъ. Но большинство другихъ людей, не имѣя также разумнаго объясненія жизни,

находятся совершенно въ томъ же положеніи, какъ и онъ. Они дѣлаютъ эти дѣла только потому, что имъ кажется, что другіе, имѣя объясненіе этихъ дѣлъ, требуютъ ихъ отъ нихъ. И такъ, невольно обманывая другъ друга, люди все больше и больше не только привыкаютъ дѣлать дѣла, не имѣющія разумнаго объясненія, но привыкаютъ приписывать этимъ дѣламъ какой-то таинственный, непонятный для нихъ самихъ смыслъ. И чѣмъ меньше они понимаютъ смыслъ исполняемыхъ ими дѣлъ, чѣмъ сомнительнѣе для нихъ самихъ эти дѣла, тѣмъ больше приписываютъ они имъ важности и тѣмъ съ большей торжественностью исполняютъ ихъ. И богатый и бѣдный исполняютъ то, что дѣлаютъ вокругъ нихъ другіе, и дѣла эти называютъ своимъ долгомъ, священнымъ долгомъ, успокаивая себя тѣмъ, что то, что дѣлается такъ давно, такимъ большимъ количествомъ людей и такъ высоко цѣнится ими, не можетъ не быть настоящимъ дѣломъ жизни. И до глубокой старости, до смерти доживаютъ люди, стараясь увѣрить себя, что если они сами не знаютъ, зачѣмъ они живутъ, то это знаютъ другіе—тѣ самые, которые точно такъ же мало знаютъ это, какъ и тѣ, которые на нихъ полагаются.

Приходятъ въ существованіе, родятся, вырастаютъ новые люди и, глядя на эту сутолоку существованія, называемую жизнью, въ которой принимаютъ участіе старые, сѣдые, почтенные, окружаемые уваженіемъ люди, увѣряются, что эта-то безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нѣтъ, и уходятъ, потолкавшись у дверей ея. Такъ не видавшій никогда собранія человѣкъ, увидавъ тѣснящуюся, шумящую, оживленную толпу у входа и рѣшивъ, что это и есть самое собраніе, потолкавшись у дверей, уходитъ домой съ помятыми боками и съ полной увѣренностью, что онъ былъ въ собраніи.

Прорѣзываемъ горы, облетаемъ міръ; электричество, микроскопы, телефоны, войны, парламентъ, филантропія, борьба партій, университеты, ученыя общества, музеи... это ли не жизнь?

Вся сложная, кипучая дѣятельность людей съ ихъ торговлею, войнами, путями сообщенія, наукой, искусствами есть большею частью только давка обезумѣвшей толпы у дверей жизни.

VI.

Раздвоеніе сознанія въ людяхъ нашего міра.

«Но истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ». И время это приходитъ. Сколько бы ни увѣ-

рялъ себя человѣкъ и сколько бы ни увѣряли его въ этомъ другіе, что жизнь можетъ быть благою и разумною только за гробомъ или что одна личная жизнь можетъ быть благою и разумною,— человѣкъ не можетъ вѣрить въ это. Человѣкъ имѣетъ въ глубинѣ души своей неизгладимое требованіе того, чтобы жизнь его была благомъ и имѣла разумный смыслъ, а жизнь, не имѣющая передъ собой никакой другой цѣли, кромѣ загробной жизни или невозможнаго блага личности, есть зло и безсмыслица.

Жить для будущей жизни? говоритъ себѣ человѣкъ. Но если та жизнь, тотъ единственный образчикъ жизни, который я знаю,—моя теперешняя жизнь—должна быть безсмысленной, то это не только не утверждаетъ меня въ возможности другой, разумной жизни, но, напротивъ, убѣждаетъ меня въ томъ, что жизнь по существу своему безсмысленна, что никакой другой, кромѣ безсмысленной жизни, и быть не можетъ.

Жить для себя? Но вѣдь моя жизнь личная есть зло и безсмыслица. Жить для своей семьи? Для своей общины? Отечества, человѣчества даже? Но если жизнь моей личности бѣдственна и безсмысленна, то такъ же безсмысленна и жизнь всякой другой человѣческой личности, и потому безконечное количество собранныхъ вмѣстѣ безсмысленныхъ и неразумныхъ личностей не составятъ и одной блаженной и разумной жизни. Жить, самому не зная зачѣмъ, дѣлая то, что дѣлаютъ другіе? Да вѣдь я знаю, что другіе, такъ же какъ и я, не знаютъ сами, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Приходитъ время, когда разумное сознаніе перерастаетъ ложныя ученія, и человѣкъ останавливается посреди жизни и требуетъ объясненія [1]).

Только рѣдкій человѣкъ, не имѣющій сношеній съ людьми другихъ образовъ жизни, и только человѣкъ, постоянно занятый напряженной борьбой съ природой для поддержанія своего тѣлеснаго существованія, можетъ вѣрить въ то, что исполненіе тѣхъ безсмысленныхъ дѣлъ, которыя онъ называетъ своимъ долгомъ, можетъ быть свойственнымъ ему долгомъ его жизни.

Наступаетъ время и наступило уже, когда обманъ, выдающій отрицаніе—на словахъ—этой жизни, для приготовленія себѣ будущей, и признаніе одного личнаго животнаго существованія за жизнь и такъ называемаго долга за дѣло жизни,—когда обманъ этотъ становится яснымъ для большинства людей, и только забитые нуждой и отупѣвшіе отъ похотливой жизни люди

[1]) См. 3-е прибавленіе въ концѣ статьи.

могутъ еще существовать, не чувствуя безсмысленности и бѣдственности своего существованія.

Чаще и чаще просыпаются люди къ разумному сознанію, оживаютъ въ гробахъ своихъ,—и основное противорѣчіе человѣческой жизни, несмотря на всѣ усилія людей скрыть его отъ себя, со страшной силой и ясностью становится передъ большинствомъ людей.

«Вся жизнь моя есть желаніе себѣ блага,—говоритъ себѣ человѣкъ пробудившійся,—разумъ же мой говоритъ мнѣ, что блага этого для меня быть не можетъ, и что бы я ни дѣлалъ, чего бы ни достигалъ, все кончится однимъ и тѣмъ же: страданіями и смертью, уничтоженіемъ. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумнаго смысла, а во мнѣ и во всемъ меня окружающемъ—зло, смерть, безсмыслица. Какъ быть? Какъ жить? Что дѣлать?»—И отвѣта нѣтъ.

Человѣкъ оглядывается вокругъ себя и ищетъ отвѣта на свой вопросъ и не находитъ его. Онъ найдетъ вокругъ себя ученія, которыя отвѣтятъ ему на вопросы, которыхъ онъ и не дѣлаетъ себѣ, но отвѣта на вопросъ, который онъ ставитъ себѣ, нѣтъ въ окружающемъ мірѣ. Есть одна суета людей, дѣлающихъ, сами не зная зачѣмъ, дѣла, которыя другіе дѣлаютъ, сами не зная зачѣмъ.

Всѣ живутъ, какъ будто и не сознавая бѣдственности своего положенія и безсмысленности своей дѣятельности. «Или *они* безумны, или *я*,—говоритъ себѣ проснувшійся человѣкъ.—Но всѣ не могутъ быть безумны, стало быть, безуменъ-то *я*. Но нѣтъ,—то разумное *я*, которое говоритъ мнѣ это, не можетъ быть безумно. Пускай оно будетъ одно противъ всего міра, но я не могу не вѣрить ему».

И человѣкъ сознаетъ себя однимъ во всемъ мірѣ съ тѣми страшными вопросами, которые разрываютъ его душу. А жить надо.

Одно *я*, его личность, велитъ ему жить.

А другое *я*, его разумъ, говоритъ: «жить нельзя».

Человѣкъ чувствуетъ, что онъ раздвоился. И это раздвоеніе мучительно раздираетъ душу его.

И причиною этого раздвоенія и страданія ему кажется его разумъ.

Разумъ, та высшая способность человѣка, необходимая для его жизни, которая даетъ ему, нагому, безпомощному человѣку, среди разрушающихъ его силъ природы и средства къ существованію, и средства къ наслажденію,—эта-то способность отравляетъ его жизнь.

Во всемъ окружающемъ мірѣ среди живыхъ существъ свойственныя этимъ существамъ способности нужны имъ, общи всѣмъ имъ и содѣйствуютъ ихъ благу. Растенія, насѣкомыя, животныя, подчиняясь своему закону, живутъ блаженной, радостной, спокойной жизнью. И вдругъ въ человѣкѣ это высшее свойство его природы производитъ въ немъ такое мучительное состояніе, что часто, — все чаще и чаще въ послѣднее время, — человѣкъ разрубаетъ Гордіевъ узелъ своей жизни, убиваетъ себя, только бы избавиться отъ доведеннаго въ наше время до послѣдней степени напряженія мучительнаго внутренняго противорѣчія, производимаго разумнымъ сознаніемъ.

VII.

Раздвоеніе сознанія происходитъ отъ смѣшенія жизни животнаго съ жизнью человѣческой.

Человѣку кажется, что пробудившееся въ немъ разумное сознаніе разрываетъ и останавливаетъ его жизнь только потому, что онъ признаетъ своею жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Воспитавшись и выросши въ ложныхъ ученіяхъ нашего міра, утвердившихъ его въ увѣренности, что жизнь его есть не что иное, какъ его личное существованіе, начавшееся съ его рожденіемъ, человѣку кажется, что онъ жилъ, когда былъ младенцемъ, ребенкомъ; потомъ ему кажется, что онъ не переставая жилъ, будучи юношей и возмужалымъ человѣкомъ. Онъ жилъ, какъ ему кажется, очень давно, и все время не переставая жилъ, и вотъ вдругъ дожилъ до того времени, когда ему стало несомнѣнно ясно, что жить такъ, какъ онъ жилъ прежде, нельзя и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ложное ученіе утвердило его въ мысли, что жизнь его есть періодъ времени отъ рожденія до смерти, и, глядя на видимую жизнь животныхъ, онъ смѣшалъ представленіе о видимой жизни съ своимъ сознаніемъ и совершенно увѣрился въ томъ, что эта видимая имъ жизнь и есть его жизнь.

Пробудившееся въ немъ разумное сознаніе, заявивъ такія требованія, которыя неудовлетворимы для жизни животной, указываетъ ему ошибочность его представленія о жизни; но въѣвшееся въ него ложное ученіе мѣшаетъ ему признать свою ошибку: онъ не можетъ отказаться отъ своего представленія о жизни, какъ животнаго существованія, и ему кажется, что жизнь его остановилась отъ пробужденія разумнаго сознанія. Но то,

что онъ называетъ своею жизнью, то, что ему кажется остановившимся, никогда и не существовало. То, что онъ называетъ своей жизнью, его существованіе отъ рожденія, никогда и не было его жизнью; представленіе его о томъ, что онъ жилъ все время отъ рожденія и до настоящей минуты, есть обманъ сознанія, подобный обману сознанія при сновидѣніяхъ: до пробужденія не было никакихъ сновидѣній, они всѣ сложились въ моментъ пробужденія. До пробужденія разумнаго сознанія не было никакой жизни, представленіе о прошедшей жизни сложилось при пробужденіи разумнаго сознанія.

Человѣкъ жилъ, какъ животное, во время ребячества и ничего не зналъ о жизни. Если бы человѣкъ прожилъ десять мѣсяцевъ, онъ бы ничего не зналъ ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни: такъ же мало зналъ бы о жизни, какъ и тогда, когда бы онъ умеръ въ утробѣ матери. И не только младенецъ, но и неразумный взрослый, и совершенный идіотъ не могутъ знать про то, что они живутъ и живутъ другія существа. И потому они и не имѣютъ человѣческой жизни.

Жизнь человѣческая начинается только съ проявленія разумнаго сознанія,—того самаго, которое открываетъ человѣку одновременно и свою жизнь, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, и жизнь другихъ личностей, и все, неизбѣжно вытекающее изъ отношеній этихъ личностей, страданія и смерть,—то самое, что производитъ въ немъ отрицаніе блага личной жизни и противорѣчіе, которое, ему кажется, останавливаетъ его жизнь.

Человѣкъ хочетъ опредѣлять свою жизнь временемъ, какъ онъ опредѣляетъ видимое имъ существованіе внѣ себя, и вдругъ въ немъ пробуждается жизнь, не совпадающая съ временемъ его плотскаго рожденія, и онъ не хочетъ вѣрить тому, что то, что не опредѣляется временемъ, можетъ быть жизнью. Но сколько бы ни искалъ человѣкъ во времени той точки, съ которой бы онъ могъ считать начало своей разумной жизни, онъ никогда не найдетъ ея [1]).

---

[1]) Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать разсужденіе о зарожденіи и развитіи жизни человѣческой и жизни вообще во времени. Людямъ, разсуждающимъ такъ, кажется, что они стоятъ на самой твердой почвѣ дѣйствительности, а между тѣмъ нѣтъ ничего фантастичнѣе разсужденій о развитіи жизни во времени. Разсужденія эти подобны тому, что̀ бы дѣлалъ человѣкъ, который, желая измѣрять линію, не откладывалъ бы мѣру отъ той одной извѣстной ему точки, на которой онъ стоитъ, а на безконечной линіи бралъ бы на различныхъ отъ себя неопредѣленныхъ разстояніяхъ воображаемыя точки и отъ нихъ бы измѣрялъ пространство до себя. Развѣ не то же самое дѣлаютъ люди, разсуждая о зарожденіи и развитіи жизни въ человѣкѣ? Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять на этой безконечной линіи, каковою

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ никогда не найдетъ этой точки, этого начала разумнаго сознанія. Ему представляется, что разумное сознаніе всегда было въ немъ. Если же онъ и находитъ нѣчто подобное началу этого сознанія, то онъ находитъ его уже никакъ не въ своемъ плотскомъ рожденіи, а въ области, не имѣющей ничего общаго съ этимъ плотскимъ рожденіемъ. Онъ сознаетъ свое разумное происхожденіе вовсе не такимъ, какимъ ему видится его плотское рожденіе. Спрашивая себя о происхожденіи своего разумнаго сознанія, человѣкъ никогда не представляетъ себѣ, чтобы онъ, какъ разумное существо, былъ сынъ своего отца, матери и внукъ своихъ дѣдовъ и бабокъ, родившихся въ такомъ-то году, а онъ сознаетъ себя всегда не то что сыномъ, но слитымъ въ одно съ сознаніемъ самыхъ чуждыхъ ему по времени и мѣсту разумныхъ существъ, жившихъ иногда за тысячи лѣтъ и на другомъ концѣ свѣта. Въ разумномъ сознаніи своемъ человѣкъ не видитъ даже никакого происхожденія себя, а сознаетъ свое внѣвременное и внѣпространственное сліяніе съ другими разумными сознаніями, такъ что они входятъ въ него и онъ въ нихъ. Это-то пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе и останавливаетъ какъ будто то подобіе жизни, которое заблудшіе люди считаютъ жизнью; заблудшимъ людямъ кажется, что жизнь ихъ останавливается именно тогда, когда она пробуждается.

VIII.

Раздвоенія и противорѣчія нѣтъ, оно является только при ложномъ ученіи.

Только ложное ученіе о человѣческой жизни, какъ о существованіи животнаго отъ рожденія до смерти, въ которомъ воспитываются и поддерживаются люди, производитъ то мучительное состояніе раздвоенія, въ которое вступаютъ люди при обнаруженіи въ нихъ ихъ разумнаго сознанія.

Человѣку, находящемуся въ этомъ заблужденіи, кажется, что жизнь раздваивается въ немъ.

представляется развитіе—изъ прошедшаго—жизни человѣка, ту произвольную точку, съ которой можно начать фантастическую исторію развитія этой жизни: въ рожденіи или зарожденіи ребенка, или его родителей, или еще дальше, въ первобытномъ животномъ и протоплазмѣ, въ первомъ оторвавшемся отъ солнца кускѣ? Вѣдь всѣ разсужденія эти будутъ самыя произвольныя фантазіи—измѣренія безъ мѣры.

Человѣкъ знаетъ, что жизнь его одна, а чувствуетъ ихъ двѣ. Человѣкъ, перекрутивъ два пальца и между ними катая шарикъ, знаетъ, что шарикъ одинъ, но чувствуетъ ихъ два. Нѣчто подобное происходитъ съ человѣкомъ, усвоившимъ ложное представленіе о жизни.

Разумъ человѣка ложно направленъ. Его научили признавать жизнью одно свое плотское личное существованіе, которое не можетъ быть жизнью.

Съ такимъ ложнымъ представленіемъ о воображаемой жизни онъ взглянулъ на жизнь и увидалъ ихъ двѣ—ту, которую онъ воображалъ себѣ, и ту, которая дѣйствительно есть.

Такому человѣку кажется, что отрицаніе разумнымъ сознаніемъ блага личнаго существованія и требованіе другого блага есть нѣчто болѣзненное и неестественное.

Но для человѣка, какъ разумнаго существа, отрицаніе возможности личнаго блага и жизни есть неизбѣжное послѣдствіе условій личной жизни и свойства разумнаго сознанія, соединеннаго съ нею. Отрицаніе блага и жизни личности есть для разумнаго существа такое же естественное свойство его жизни, какъ для птицы летать на крыльяхъ, а не бѣгать ногами. Если же оперившійся птенецъ бѣгаетъ ногами, то это не доказываетъ того, чтобы ему не свойственно было летать. Если мы внѣ себя видимъ людей съ непробудившимся сознаніемъ, полагающихъ свою жизнь въ благѣ личности, то это не доказываетъ того, чтобы человѣку было несвойственно жить разумною жизнью. Пробужденіе человѣка къ его истинной, свойственной ему жизни происходитъ въ нашемъ мірѣ съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ только оттого, что ложное ученіе міра старается убѣдить людей въ томъ, что призракъ жизни есть сама жизнь и что проявленіе истинной жизни есть нарушеніе ея.

Съ людьми въ нашемъ мірѣ, вступающими въ истинную жизнь, случается нѣчто подобное тому, что бы было съ дѣвушкой, отъ которой были бы скрыты свойства женщины. Почувствовавъ признаки половой зрѣлости, такая дѣвушка приняла бы то состояніе, которое призываетъ ее къ будущей семейной жизни, съ обязанностями и радостями матери, за болѣзненное и неестественное состояніе, которое привело бы ее въ отчаяніе.

Подобное же отчаяніе испытываютъ люди нашего міра при первыхъ признакахъ пробужденія къ истинной человѣческой жизни.

Человѣкъ, въ которомъ проснулось разумное сознаніе, но который вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ свою жизнь только какъ личную, находится въ томъ же мучительномъ состояніи, въ которомъ находилось бы животное, которое, признавъ своею жи-

знью движеніе вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видѣло бы свою жизнь въ подчиненіи себя законамъ вещества, которое совершается и безъ его усилія. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противорѣчіе и раздвоеніе. Подчиняя себя однимъ законамъ вещества, оно видѣло бы свою жизнь въ томъ, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы отъ него другого: кормленія себя, продолженія рода, — и тогда животному казалось бы, что оно испытываетъ раздвоеніе и противорѣчіе. «Жизнь,—думало бы оно,—въ томъ, чтобы подчиняться законамъ тяжести, т.-е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящимъ въ тѣлѣ химическимъ процессамъ, а вотъ я дѣлаю это, а еще надо двигаться, питаться, искать самца или самку».

Животное страдало бы и видѣло бы въ этомъ состояніи мучительное противорѣчіе и раздвоеніе. То же происходитъ и съ человѣкомъ, наученнымъ признавать низшій законъ своей жизни, животную личность, закономъ своей жизни. Высшій законъ жизни, законъ его разумнаго сознанія, требуетъ отъ него другого; вся же окружающая жизнь и ложныя ученія удерживаютъ его въ обманчивомъ сознаніи, и онъ чувствуетъ противорѣчіе и раздвоеніе.

Но какъ животному для того, чтобы перестать страдать, нужно признавать своимъ закономъ не низшій законъ вещества, а законъ своей личности, и, исполняя его, пользоваться законами вещества для удовлетворенія цѣлей своей личности, такъ точно и человѣку стоитъ признавать свою жизнь не въ низшемъ законѣ личности, а въ высшемъ законѣ, включающемъ первый законъ,—въ законѣ, открытомъ ему въ его разумномъ сознаніи,—и уничтожится противорѣчіе, и личность будетъ свободно подчиняться разумному сознанію и будетъ служить ему.

IX.

Рожденіе истинной жизни въ человѣкѣ.

Разсматривая во времени, наблюдая проявленіе жизни въ человѣческомъ существѣ, мы видимъ, что истинная жизнь всегда хранится въ человѣкѣ, какъ она хранится въ зернѣ, и наступаетъ время, когда жизнь эта обнаруживается. Обнаруженіе истинной жизни состоитъ въ томъ, что животная личность влечетъ человѣка къ своему благу, разумное же сознаніе показываетъ ему невозможность личнаго блага и указываетъ какое-то другое благо. Человѣкъ вглядывается въ это въ отдаленіи ука-

зываемое ему благо и не въ силахъ видѣть его; сначала не вѣритъ въ это благо и возвращается назадъ къ личному благу; но разумное сознаніе, которое указываетъ такъ неопредѣленно свое благо, такъ несомнѣнно и убѣдительно показываетъ невозможность личнаго блага, что человѣкъ опять отказывается отъ личнаго блага и опять вглядывается въ это новое, указываемое ему благо. Разумное благо не видно, но личное благо такъ несомнѣнно уничтожено, что продолжать личное существованіе невозможно; и въ человѣкѣ начинаетъ устанавливаться новое отношеніе его животнаго къ разумному сознанію. Человѣкъ начинаетъ рождаться къ истинной человѣческой жизни.

Происходитъ нѣчто подобное тому, что происходитъ въ вещественномъ мірѣ при всякомъ рожденіи. Плодъ родится не потому, что онъ хочетъ родиться, что ему лучше родиться и что онъ знаетъ, что хорошо родиться, а потому, что онъ созрѣлъ и ему нельзя продолжать прежнее существованіе; онъ долженъ отдаться новой жизни не столько потому, что новая жизнь зоветъ его, сколько потому, что уничтожена возможность прежняго существованія.

Разумное сознаніе, незамѣтно выростая въ его личности, дорастаетъ до того, что жизнь въ личности становится невозможною.

Происходитъ совершенно то же, что происходитъ при зарожденіи всего. То же уничтоженіе зерна, прежней формы жизни, и проявленіе новаго ростка; та же кажущаяся борьба прежней формы разлагающагося зерна и увеличеніе ростка,—и то же питаніе ростка на счетъ разлагающагося зерна. Различіе для насъ рожденія разумнаго сознанія отъ видимаго нами плотскаго зарожденія въ томъ, что, тогда какъ въ плотскомъ рожденіи мы видимъ во времени и пространствѣ, изъ чего и какъ, когда и что рождается изъ зародыша, знаемъ, что зерно есть плодъ, что изъ зерна при извѣстныхъ условіяхъ выйдетъ растеніе, что на немъ будетъ цвѣтъ и потомъ плодъ такой же, какъ зерно (въ глазахъ нашихъ совершается весь круговоротъ жизни).— роста разумнаго сознанія мы не видимъ во времени, не видимъ круговорота его. Не видимъ же мы роста разумнаго сознанія и круговорота его потому, что мы сами совершаемъ его: наша жизнь есть не что иное, какъ это рожденіе того невидимаго намъ существа, которое рождается въ насъ, и потому-то мы никакъ не можемъ видѣть его.

Мы не можемъ видѣть рожденія этого новаго существа, новаго отношенія разумнаго сознанія къ животному такъ же, какъ зерно не можетъ видѣть роста своего стебля. Когда разумное сознаніе выходитъ изъ своего скрытаго состоянія и обнаружи-

вается для насъ самихъ, намъ кажется, что мы испытываемъ противорѣчіе. Но противорѣчія нѣтъ никакого, какъ нѣтъ его въ прорастающемъ зернѣ. Въ прорастающемъ зернѣ мы видимъ только, что жизнь, бывшая прежде въ оболочкѣ зерна, теперь уже въросткѣ его. Точно такъ же и въ человѣкѣ съ проснувшимся разумнымъ сознаніемъ нѣтъ никакого противорѣчія, а есть только рожденіе новаго существа, новаго отношенія разумнаго сознанія къ животному.

Если человѣкъ существуетъ, не зная, что другія личности живутъ, не зная, что наслажденія не удовлетворяютъ его, что онъ умретъ,—онъ не знаетъ даже и того, что *онъ* живетъ, и въ немъ нѣтъ противорѣчія.

Если же человѣкъ увидалъ, что другія личности — такія же, какъ и онъ, что страданія угрожаютъ ему, что существованіе его есть медленная смерть; если его разумное сознаніе стало разлагать существованіе его личности, онъ уже не можетъ ставить свою жизнь въ этой разлагающейся личности, а неизбѣжно долженъ полагать ее въ той новой жизни, которая открывается ему. И опять нѣтъ противорѣчія, какъ нѣтъ противорѣчія въ зернѣ, пустившемъ уже ростокъ и потому разлагающемся.

X.

Разумъ есть тотъ сознаваемый человѣкомъ законъ, по которому должна совершаться его жизнь.

Истинная жизнь человѣка, проявляющаяся въ отношеніи его разумнаго сознанія къ его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицаніе блага животной личности. Отрицаніе же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознаніе.

Но что̀ же такое это разумное сознаніе? Евангеліе Іоанна начинается тѣмъ, что слово, Logos (логосъ — разумъ, мудрость, слово), есть начало, и что въ немъ все, и отъ него все; и что потому разумъ — то, что опредѣляетъ все остальное — ничѣмъ не можетъ быть опредѣляемъ.

Разумъ не можетъ быть опредѣляемъ, да намъ и не зачѣмъ опредѣлять его, потому что мы всѣ не только знаемъ его, но только разумъ одинъ и знаемъ. Общаясь другъ съ другомъ, мы впередъ увѣрены — больше, чѣмъ во всемъ другомъ—въ одинаковой обязательности для всѣхъ насъ общаго этого разума. Мы убѣждены, что разумъ и есть та единственная основа, которая соединяетъ всѣхъ насъ, живущихъ въ одно. Разумъ мы зна-

емъ вѣрнѣе и прежде всего, такъ что все, что мы знаемъ въ мірѣ, мы знаемъ только потому, что это познаваемое нами сходится съ законами этого разума, несомнѣнно извѣстными намъ. Мы знаемъ и намъ нельзя не знать разума. Нельзя потому, что разумъ, это — тотъ законъ, по которому должны жить неизбѣжно разумныя существа — люди. Разумъ для человѣка — тотъ законъ, по которому совершается его жизнь, — такой же законъ, какъ и тотъ законъ для животнаго, по которому оно питается и плодится, — какъ и тотъ законъ для растенія, по которому растетъ, цвѣтетъ трава, дерево, — какъ и тотъ законъ для небеснаго тѣла, по которому движутся земля и свѣтила. И законъ, который мы знаемъ въ себѣ, какъ законъ нашей жизни, есть тотъ же законъ, по которому совершаются и всѣ внѣшнія явленія міра, только съ тою разницею, что въ себѣ мы знаемъ этотъ законъ какъ то, что мы сами должны совершать, во внѣшнихъ же явленіяхъ — какъ то, что совершается по этому закону безъ нашего участія. Все, что мы знаемъ о мірѣ, есть только видимое нами, внѣ насъ совершающееся въ небесныхъ тѣлахъ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, во всемъ мірѣ подчиненіе разуму. Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ это подчиненіе закону разума; въ себѣ же мы знаемъ этотъ законъ какъ то, что сами должны совершать.

Обычное заблужденіе о жизни состоитъ въ томъ, что подчиненіе нашего животнаго тѣла своему закону, совершаемое не нами, но только видимое нами, принимается за жизнь человѣческую, тогда какъ этотъ законъ нашего животнаго тѣла, съ которымъ связано наше разумное сознаніе, исполняется въ нашемъ животномъ тѣлѣ такъ же безсознательно для насъ, какъ онъ исполняется въ деревѣ, въ кристаллѣ, въ небесномъ тѣлѣ. Но законъ нашей жизни — подчиненіе нашего животнаго тѣла разуму — есть тотъ законъ, который мы нигдѣ не видимъ, не можемъ видѣть, потому что онъ не совершился еще, но совершается нами въ нашей жизни. Въ исполненіи этого закона, въ подчиненіи своего животнаго закону разума, для достиженія блага, и состоитъ наша жизнь. Не понимая того, что благо и жизнь наша состоятъ въ подчиненіи своей животной личности закону разума, и принимая благо и существованіе своей животной личности за всю нашу жизнь, и отказываясь отъ предназначенной намъ работы жизни, мы лишаемъ себя истиннаго нашего блага и истинной нашей жизни и на мѣсто ея подставляемъ то видимое намъ существованіе нашей животной дѣятельности, которое совершается независимо отъ насъ и потому не можетъ быть нашей жизнью.

XI.

Ложное направленіе знанія.

Заблужденіе, что видимый нами, на нашей животной личности совершающійся законъ и есть законъ нашей жизни, есть старинное заблужденіе, въ которое всегда впадали и впадаютъ люди. Заблужденіе это, скрывая отъ людей главный предметъ ихъ познанія, подчиненіе животной личности разуму для достиженія блага жизни, ставитъ на мѣсто его изученіе существованія людей независимо отъ блага жизни.

Вмѣсто того, чтобы изучать тотъ законъ, которому, для достиженія своего блага, должна быть подчинена животная личность человѣка, и, только познавъ этотъ законъ, на основаніи его изучать всѣ остальныя явленія міра, ложное познаніе направляетъ свои усилія на изученіе только блага и существованія животной личности человѣка, безъ всякаго отношенія къ главному предмету знанія, — подчиненію этой животной личности человѣка закону разума для достиженія блага истинной жизни.

Ложное познаніе, не имѣя въ виду этого главнаго предмета знанія, направляетъ свои силы на изученіе животнаго существованія прошедшихъ и современныхъ людей и на изученіе условій существованія человѣка вообще, какъ животнаго. Ему представляется, что изъ этихъ изученій можетъ быть найдено и руководство для блага жизни человѣческой.

Ложное знаніе разсуждаетъ такъ: люди существуютъ и существовали до насъ; посмотримъ, какъ они существовали, какія происходили во времени и пространствѣ измѣненія въ ихъ существованіи, куда направляются эти измѣненія. Изъ этихъ историческихъ измѣненій ихъ существованія мы найдемъ законъ ихъ жизни.

Не имѣя въ виду главной цѣли знанія, — изученія того разумнаго закона, которому для его блага должна подчиняться личность человѣка, — такъ называемые ученые этого разряда самой цѣлью, которую они ставятъ для своего изученія, изрекаютъ приговоръ о тщетѣ своего изученія. Въ самомъ дѣлѣ: если существованіе людей измѣняется только вслѣдствіе общихъ законовъ ихъ животнаго существованія, то изученіе тѣхъ законовъ, которымъ оно и такъ подчиняется, совершенно безполезно и праздно. Знаютъ или не знаютъ люди о законѣ измѣненія ихъ существованія, законъ этотъ совершается точно такъ же, какъ совершается измѣненіе въ жизни кротовъ и бобровъ вслѣдствіе

тѣхъ условій, въ которыхъ они находятся. Если же для человѣка возможно знаніе того разумнаго закона, которому должна быть подчинена его жизнь, то очевидно, что познаніе этого закона разума онъ нигдѣ не можетъ почерпнуть, кромѣ какъ тамъ, гдѣ онъ и открытъ ему: въ своемъ разумномъ сознаніи. И потому, сколько бы ни изучали люди того, какъ *существовали* люди, какъ животныя, они никогда не узнаютъ о существованіи человѣка ничего такого, чего само собой не происходило бы въ людяхъ и безъ этого знанія; и никогда, сколько бы они ни изучали животнаго существованія человѣка, не узнаютъ они того закона, которому для блага его жизни должно быть подчинено это животное существованіе человѣка.

Это одинъ разрядъ праздныхъ людскихъ разсужденій о жизни, называемыхъ историческими и политическими науками.

Другой разрядъ особенно распространенныхъ въ наше время разсужденій, при которыхъ уже совершенно теряется изъ вида единственный предметъ познанія, такой: разсматривая человѣка какъ предметъ наблюденія, мы видимъ — говорятъ ученые, — что онъ такъ же питается, растетъ, плодится, старѣется и умираетъ, какъ и всякое животное; но нѣкоторыя явленія — психическія (такъ они называютъ ихъ) — мѣшаютъ точности наблюденій, представляютъ слишкомъ большую сложность, и потому, чтобы лучше понять человѣка, будемъ разсматривать его жизнь сперва въ болѣе простыхъ проявленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя мы видимъ въ лишенныхъ этой психической дѣятельности животныхъ и растеніяхъ. Для этого мы будемъ разсматривать жизнь животныхъ и растеній вообще. Разсматривая же животныхъ и растенія, мы видимъ, что во всѣхъ ихъ проявляются общіе всѣмъ имъ еще болѣе простые законы вещества. А такъ какъ законы животныхъ проще, чѣмъ законы жизни человѣка, а законы растеній еще проще, а законы вещества еще проще, то и изслѣдованія надо основывать на самомъ простомъ — на законахъ вещества. Мы видимъ, что то, что происходитъ въ растеніи и животномъ, то происходитъ точно такъ же и въ человѣкѣ,—говорятъ они,—а потому мы заключаемъ, что все то, что происходитъ въ человѣкѣ, и объяснится намъ изъ того, что происходитъ въ самомъ простомъ, видимомъ намъ и подлежащемъ нашимъ опытамъ мертвомъ веществѣ, — тѣмъ болѣе, что всѣ особенности дѣятельности человѣка находятся въ постоянной зависимости отъ силъ, дѣйствующихъ въ веществѣ. Всякое измѣненіе вещества, составляющаго тѣло человѣка, измѣняетъ и нарушаетъ всю его дѣятельность. А потому, — заключаютъ они,— законы вещества суть причины дѣятельности человѣка. Сооб-

раженіе же о томъ, что въ человѣкѣ есть нѣчто такое, чего мы не видимъ ни въ животныхъ, ни въ растеніяхъ, ни въ мертвомъ веществѣ, и что это-то нѣчто и есть единственный предметъ познанія, безъ котораго безполезно всякое другое, не смущаетъ ихъ.

Не приходитъ имъ въ голову, что если измѣненіе вещества въ тѣлѣ человѣка нарушаетъ его дѣятельность, то это доказываетъ только то, что измѣненіе вещества есть одна изъ причинъ, нарушающихъ дѣятельность человѣка, но никакъ не то, что движеніе вещества есть причина дѣятельности человѣка. Точно такъ же, какъ вредъ вынутія земли изъ-подъ корней растенія доказываетъ, что земля можетъ быть и не быть вездѣ, а не то, что растеніе есть только произведеніе земли. И они изучаютъ въ человѣкѣ то, что происходитъ и въ мертвомъ веществѣ, и въ растеніи, и въ животномъ, предполагая что уясненіе законовъ явленій, сопутствующихъ жизни человѣка, можетъ уяснить имъ самую жизнь человѣка.

Чтобы понять жизнь человѣка, т.-е. тотъ законъ, которому для блага человѣка должна быть подчинена его животная личность, люди разсматриваютъ: или историческое существованіе, но не жизнь человѣка, или не сознаваемое человѣкомъ, но только видимое ему подчиненіе и животнаго, и растенія, и вещества разнымъ законамъ, т.-е. дѣлаютъ то же, что бы дѣлали люди, изучающіе положеніе неизвѣстныхъ имъ предметовъ для того, чтобы найти ту неизвѣстную цѣль, которой имъ нужно слѣдовать.

Совершенно справедливо то, что знаніе видимаго намъ проявленія существованія людей въ исторіи можетъ быть поучительно для насъ; что точно такъ же можетъ быть поучительно для насъ и изученіе законовъ животной личности человѣка и другихъ животныхъ, и поучительно изученіе тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется само вещество. Изученіе всего этого важно для человѣка, показывая ему, какъ въ отраженіи, то, что необходимо совершается въ его жизни; но очевидно, что знаніе того, что уже совершается и видимо нами, какъ бы оно ни было полно, не можетъ дать намъ главнаго знанія, которое нужно намъ, — знанія того закона, которому должна для нашего блага быть подчинена наша животная личность. Знаніе совершающихся законовъ поучительно для насъ, но только тогда, когда мы признаемъ тотъ законъ разума, которому должна быть подчинена наша животная личность, а не тогда, когда этотъ законъ вовсе не признается.

Какъ бы хорошо дерево ни изучило (если бы оно могло изучать) всѣ тѣ химическія и физическія явленія, которыя про-

исходятъ въ немъ, оно изъ этихъ наблюденій и знаній никакъ не могло бы вывести для себя необходимости собирать соки и распредѣлять ихъ на ростъ ствола, листа, цвѣтка и плода.

Точно такъ же и человѣкъ: какъ бы онъ хорошо ни зналъ законъ, управляющій его животною личностью, и тѣ законы, которые управляютъ веществомъ, эти законы не дадутъ ему ни малѣйшаго указанія на то, какъ ему поступить съ тѣмъ кускомъ хлѣба, который у него въ рукахъ: отдать ли его женѣ, чужому, собакѣ или самому съѣсть его,—защищать этотъ кусокъ хлѣба или отдать тому, кто его проситъ. А жизнь человѣческая только и состоитъ въ рѣшеніи этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ.

Изученіе законовъ, управляющихъ существованіемъ животныхъ, растеній и вещества, не только полезно, но необходимо для уясненія закона жизни человѣка, но только тогда, когда изученіе это имѣетъ цѣлью главный предметъ познанія человѣческаго: уясненіе закона разума.

При предположеніи же о томъ, что жизнь человѣка есть только его животное существованіе, и что благо, указываемое разумнымъ сознаніемъ, невозможно, и что законъ разума есть только призракъ,—такое изученіе дѣлается не только празднымъ, но и губительнымъ, закрывая отъ человѣка его единственный предметъ познанія и поддерживая его въ томъ заблужденіи, что, изслѣдуя отраженіе предмета, онъ можетъ познать и предметъ. Такое изученіе подобно тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, внимательно изучая всѣ измѣненія и движенія тѣни живого существа, предполагая, что причина движенія живого существа заключается въ измѣненіяхъ и движеніяхъ его тѣни.

XII.

Причина ложнаго знанія есть ложная перспектива, въ которой представляются предметы.

«Истинное знаніе состоитъ въ томъ, чтобы знать, что мы знаемъ то, что знаемъ, и не знаемъ того, чего не знаемъ», сказалъ Конфуцій. Ложное же — въ томъ, чтобы думать, что мы знаемъ то, чего не знаемъ, и не знаемъ того, что знаемъ. И нельзя дать болѣе точнаго опредѣленія того ложнаго познанія, которое царствуетъ среди насъ. Ложнымъ знаніемъ нашего времени предполагается, что мы знаемъ то, чего мы не можемъ знать, и что мы не можемъ знать того, что одно только мы и знаемъ. Человѣку съ ложнымъ знаніемъ представляется, что онъ знаетъ

все то, что является ему въ пространствѣ и времени, и что онъ не знаетъ того, что извѣстно ему въ его разумномъ сознаніи.

Такому человѣку представляется, что благо вообще и его благо есть самый непознаваемый для него предметъ; почти столь же непознаваемымъ предметомъ представляется ему его разумъ, его разумное сознаніе; нѣсколько болѣе познаваемымъ предметомъ представляется ему онъ самъ, какъ животное; еще болѣе познаваемыми предметами представляются ему животныя и растенія, и наиболѣе познаваемымъ представляется ему мертвое, безконечно распространенное вещество.

Нѣчто подобное происходитъ съ зрѣніемъ человѣка. Человѣкъ всегда безсознательно направляетъ свое зрѣніе преимущественно на предметы наиболѣе отдаленные и потому кажущіеся ему самыми простыми по цвѣту и очертаніямъ: на небо, горизонтъ, далекія поля, лѣса. Предметы эти представляются, тѣмъ болѣе опредѣленными и простыми, чѣмъ болѣе они удалены, и наоборотъ: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ сложнѣе его очертанія и цвѣтъ.

Если бы человѣкъ не умѣлъ опредѣлять разстояніе предметовъ, не смотрѣлъ бы, располагая предметы въ перспективѣ, а признавалъ бы бо́льшую простоту и опредѣленность очертаній и цвѣта предмета большею степенью видимости, то самымъ простымъ и видимымъ для такого человѣка представлялось бы безконечное небо, потомъ уже менѣе видимыми предметами представлялись бы для него болѣе сложныя очертанія горизонта, потомъ еще менѣе видимымъ представлялись бы ему еще болѣе сложные по цвѣтамъ и очертаніямъ дома, деревья, потомъ еще менѣе видимымъ представлялась бы ему своя движущаяся передъ глазами рука, и самымъ невидимымъ представлялся бы ему свѣтъ.

Развѣ не то же самое и съ ложнымъ познаніемъ человѣка? То, что несомнѣнно извѣстно ему — его разумное сознаніе, — кажется ему непознаваемымъ, потому что оно не просто, а то, что̀ несомнѣнно непостижимо для него — безграничное и вѣчное вещество, — то и кажется ему самымъ познаваемымъ, потому что оно по отдаленію своему отъ него кажется ему просто.

Вѣдь это какъ разъ наоборотъ. Прежде всего и несомнѣннѣе всего всякій человѣкъ можетъ знать и знаетъ то благо, къ которому онъ стремится; потомъ, такъ же несомнѣнно, онъ знаетъ тотъ разумъ, который указываетъ ему это благо; потомъ уже онъ знаетъ свое животное, подчиненное этому разуму, и потомъ уже видитъ, но не знаетъ, всѣ другія явленія, представляющіяся ему въ пространствѣ и времени.

Только человѣку съ ложнымъ представленіемъ о жизни кажется, что онъ знаетъ предметы тѣмъ лучше, чѣмъ точнѣе они опредѣляются пространствомъ и временемъ; въ дѣйствительности же мы знаемъ вполнѣ только то, что̀ не опредѣляется ни пространствомъ ни временемъ, — благо и законъ разума. Внѣшніе же предметы мы знаемъ тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе въ познаніи участвуетъ наше сознаніе, вслѣдствіе чего предметъ опредѣляется только своимъ мѣстомъ въ пространствѣ и времени. И потому, чѣмъ исключительнѣе предметъ опредѣляется пространствомъ и временемъ, тѣмъ онъ менѣе познаваемъ для человѣка (понятенъ человѣку).

Истинное знаніе человѣка кончается познаніемъ своей личности, своего животнаго. Это свое животное, стремящееся къ благу и подчиненное закону разума, человѣкъ знаетъ совершенно особенно отъ знанія всего того, что̀ не есть его личность. Онъ дѣйствительно знаетъ себя въ этомъ животномъ и знаетъ себя не потому, что онъ есть нѣчто пространственное и временное (напротивъ: себя, какъ временное и пространственное проявленіе, онъ никогда познать не можетъ), а потому, что онъ есть нѣчто, долженствующее для своего блага быть подчиненнымъ закону разума. Онъ знаетъ себя въ этомъ животномъ, какъ нѣчто независимое отъ времени и пространства. Когда онъ спрашиваетъ себя о своемъ мѣстѣ во времени и пространствѣ, то ему прежде всего представляется, что онъ стоитъ посрединѣ безконечнаго въ обѣ стороны времени и что онъ центръ шара, поверхность котораго вездѣ и нигдѣ. И этого-то самого, внѣвременнаго и внѣпространственнаго, себя человѣкъ не знаетъ дѣйствительно, и на этомъ своемъ *я* кончается его дѣйствительное знаніе. Все, что находится внѣ этого своего *я*, человѣкъ не знаетъ, но можетъ только наблюдать и опредѣлять внѣшнимъ, условнымъ образомъ.

Отрѣшившись на время отъ знанія самого себя, какъ разумнаго центра, стремящагося къ благу, т.-е. внѣвременнаго и внѣпространственнаго существа, человѣкъ можетъ на время условно допустить, что онъ есть часть видимаго міра, проявляющаяся и въ пространствѣ и во времени. Разсматривая себя такъ въ пространствѣ и во времени, въ связи съ другими существами, человѣкъ соединяетъ свое истинное внутреннее знаніе самого себя съ внѣшнимъ наблюденіемъ себя и получаетъ о себѣ представленіе, какъ о человѣкѣ вообще, подобномъ всѣмъ другимъ людямъ; по этому условному знанію себя человѣкъ получаетъ и о другихъ людяхъ нѣкоторое внѣшнее представленіе, но не знаетъ ихъ.

Невозможность для человѣка истиннаго знанія людей происходитъ уже и оттого, что такихъ людей онъ видитъ не одного, а сотни, тысячи, и знаетъ, что есть и были, и будутъ такіе люди, которыхъ онъ никогда не видалъ и не увидитъ.

За людьми, еще дальше отъ себя, человѣкъ видитъ въ пространствѣ и времени животныхъ, отличающихся отъ людей и другъ отъ друга. Существа эти были бы совершенно непонятны для него, если бы онъ не имѣлъ знанія о человѣкѣ вообще; но, имѣя это знаніе и отвлекая отъ понятія человѣка его разумное сознаніе, онъ получаетъ и о животныхъ нѣкоторое представленіе; но представленіе это еще менѣе для него похоже на знаніе, чѣмъ его представленіе о людяхъ вообще. Животныхъ, самыхъ разнообразныхъ, онъ видитъ уже огромное количество, и чѣмъ больше ихъ количество, тѣмъ, очевидно, менѣе возможно для него познаніе ихъ.

Далѣе отъ себя онъ видитъ растенія, и еще увеличивается распространенность въ мірѣ этихъ явленій, и еще невозможнѣе для него знаніе ихъ.

Еще далѣе отъ себя, за животными и растеніями, въ пространствѣ и времени, человѣкъ видитъ неживыя тѣла и уже мало или совсѣмъ не различающіяся формы вещества. Вещество онъ понимаетъ уже меньше всего. Познаніе формъ вещества для него уже совсѣмъ безразлично, и онъ не только не знаетъ его, но онъ только воображаетъ себѣ его, — тѣмъ болѣе, что вещество уже представляется ему въ пространствѣ и времени безконечнымъ.

XIII.

Познаваемость предметовъ увеличивается не вслѣдствіе проявленія ихъ въ пространствѣ и времени, а вслѣдствіе единства закона, которому подчиняемся мы и тѣ предметы, которые мы изучаемъ.

Что можетъ быть понятнѣе словъ: собакѣ больно; теленокъ ласковъ — онъ меня любитъ; птица радуется, лошадь боится, добрый человѣкъ, злое животное? И всѣ эти самыя важныя и понятныя слова не опредѣляются пространствомъ и временемъ; напротивъ, чѣмъ непонятнѣе намъ законъ, которому подчиняется явленіе, тѣмъ точнѣе опредѣляется явленіе временемъ и пространствомъ. Кто скажетъ, что понимаетъ тотъ законъ тяготѣнія, по которому происходитъ движеніе земли, луны и солнца? А затменіе солнца самымъ точнымъ образомъ опредѣлено пространствомъ и временемъ.

Вполнѣ знаемъ мы только нашу жизнь, наше стремленіе къ благу и разумъ, указывающій намъ это благо. Слѣдующее по достовѣрности знаніе есть знаніе нашей животной личности, стремящейся къ благу и подчиненной закону разума. Въ знаніи нашей животной личности уже являются пространственныя и временныя условія, видимыя, осязаемыя, наблюдаемыя, но недоступныя нашему пониманію. Слѣдующее за этимъ по достовѣрности знаніе есть знаніе такихъ же животныхъ личностей, какъ и мы, въ которыхъ мы узнаемъ общее съ нами стремленіе къ благу и общее съ нами разумное сознаніе. Насколько жизнь этихъ личностей сближается съ законами нашей жизни, стремленія къ благу и подчиненія закону разума, настолько мы знаемъ ихъ; насколько она проявляется въ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, настолько мы не знаемъ ихъ. Итакъ, знаемъ мы больше всего людей. Слѣдующее по достовѣрности знаніе есть наше знаніе животныхъ, въ которыхъ мы видимъ личность, подобно нашей стремящуюся къ благу, но уже чуть узнаемъ подобіе нашего разумнаго сознанія, и съ которыми мы уже не можемъ общаться этимъ разумнымъ сознаніемъ. Вслѣдъ за животными мы видимъ растенія, въ которыхъ мы уже съ трудомъ узнаемъ подобную намъ личность, стремящуюся къ благу. Существа эти и представляются намъ преимущественно временными и пространственными явленіями и потому еще менѣе доступны нашему знанію.

Мы знаемъ ихъ только потому, что въ нихъ видимъ личность. подобную нашей животной личности, которая такъ же, какъ и наша, стремится къ благу и подчиняетъ проявляющемуся въ ней закону разума вещество, въ условіяхъ пространства и времени.

Еще менѣе доступны нашему знанію предметы безличные, вещественные; въ нихъ мы уже не находимъ подобія нашей личности, не видимъ вовсе стремленія къ благу, а видимъ одни временныя и пространственныя проявленія законовъ разума, которымъ они подчиняются.

Истинность нашего знанія не зависитъ отъ наблюдаемости предметовъ въ пространствѣ и времени, а напротивъ: чѣмъ наблюдаемѣе проявленіе предмета въ пространствѣ и времени, тѣмъ менѣе оно понятно для насъ.

Наше знаніе о мірѣ вытекаетъ изъ сознанія нашего стремленія къ благу и необходимости для достиженія этого блага подчиненія нашего животнаго разуму. Если мы знаемъ жизнь животнаго, то только потому, что мы и въ животномъ видимъ стремленіе къ благу и необходимость подчиненія закону разума, который въ немъ представляется закономъ организма.

Если мы знаемъ вещество, то мы знаемъ его только потому, что, несмотря на то, что благо его намъ непонятно, мы все-таки видимъ въ немъ то же явленіе, какъ и въ себѣ,—необходимость подчиненія закону разума, управляющаго имъ.

Познаніе чего бы то ни было для насъ есть перенесеніе на другіе предметы нашего знанія о томъ, что жизнь есть стремленіе къ благу, достигаемое подчиненіемъ закону разума.

Не себя мы можемъ познавать изъ законовъ, управляющихъ животными, но животныхъ мы познаемъ только изъ того закона, который знаемъ въ себѣ. И тѣмъ менѣе можемъ познавать себя изъ законовъ своей жизни, перенесенныхъ на явленія вещества.

Все, что знаетъ человѣкъ о внѣшнемъ мірѣ, онъ знаетъ только потому, что знаетъ себя и въ себѣ находитъ три различныя отношенія къ міру: одно — отношеніе своего разумнаго сознанія, другое — отношеніе своего животнаго и третье — отношеніе вещества, входящаго въ тѣло его животнаго. Онъ знаетъ въ себѣ эти три различныя отношенія, и потому все, что онъ видитъ въ мірѣ, располагается передъ нимъ всегда въ перспективѣ трехъ отдѣльныхъ другъ отъ друга плановъ: 1) разумныя существа, 2) животныя и растенія и 3) неживое вещество.

Человѣкъ всегда видитъ эти три разряда предметовъ въ мірѣ потому, что онъ самъ въ себѣ заключаетъ эти три предмета познанія. Онъ знаетъ себя: 1) какъ разумное сознаніе, подчиняющее животное; 2) какъ животное, подчиненное разумному сознанію, и 3) какъ вещество, подчиненное животному.

Не изъ познанія законовъ вещества, какъ это думаютъ, мы можемъ познавать законъ организмовъ, и не изъ познанія закона организмовъ мы можемъ познавать себя, какъ разумное сознаніе, но наоборотъ. Прежде всего мы можемъ и намъ нужно познать самихъ себя, т.-е. тотъ законъ разума, которому для нашего блага должна быть подчинена наша личность, и тогда только намъ можно и нужно познать и законъ своей животной личности и подобныхъ ей личностей и, еще въ большемъ отдаленіи отъ себя, законы вещества.

Нужно намъ знать, и мы знаемъ только себя. Міръ животныхъ — для насъ уже отраженіе того, что мы знаемъ въ себѣ. Міръ вещественный уже есть какъ бы отраженіе отъ отраженія.

Намъ кажутся особенно ясными законы вещества потому только, что они для насъ однообразны; однообразны же они для насъ потому, что особенно далеки отъ сознаваемаго нами закона нашей жизни.

Законы организмовъ кажутся намъ проще закона нашей жизни тоже отъ своего удаленія отъ насъ. Но и въ нихъ мы только на-

блюдаемъ законы, а не знаемъ ихъ, какъ мы знаемъ законъ нашего разумнаго сознанія, который долженъ быть нами исполняемъ.

Ни то, ни другое существованіе мы не знаемъ, а только видимъ, наблюдаемъ внѣ себя. Только законъ нашего разумнаго сознанія мы знаемъ несомнѣнно, потому что онъ нуженъ для нашего блага, потому что мы живемъ этимъ сознаніемъ; не видимъ же его потому, что не имѣемъ той высшей точки, съ которой могли бы наблюдать его.

Только если бы были существа высшія, подчиняющія наше разумное сознаніе такъ же, какъ наше разумное сознаніе подчиняетъ себѣ нашу животную личность и какъ животная личность (организмъ) подчиняетъ себѣ вещество, эти высшія существа могли бы видѣть нашу разумную жизнь такъ, какъ мы видимъ свое животное существованіе и существованіе вещества.

Жизнь человѣческая представляется неразрывно связанной съ двумя видами существованія, которые она включаетъ въ себя: существованіе животныхъ и растеній (организмовъ) и существованіе вещества.

Жизнь свою истинную человѣкъ дѣлаетъ самъ, самъ проживаетъ ее; но въ тѣхъ двухъ видахъ существованія, связанныхъ съ его жизнью, человѣкъ не можетъ принимать участія. Тѣло и вещество, его составляющее, существуютъ сами собой.

Эти виды существованія представляются человѣку какъ бы предшествовавшими, прожитыми жизнями, включенными въ его жизнь, какъ бы воспоминаніями о прежнихъ жизняхъ.

Въ истинной жизни человѣка эти два вида существованія представляютъ для него орудіе и матеріалъ его работы, но не самую работу его.

Человѣку полезно изучать и матеріалъ и орудіе своей работы. Чѣмъ лучше онъ познаетъ ихъ, тѣмъ лучше онъ будетъ въ состояніи работать. Изученіе этихъ включенныхъ въ его жизнь видовъ существованія — своего животнаго и вещества, составляющаго животное, — показываетъ человѣку, какъ бы въ отраженіи, общій законъ всего существующаго — подчиненіе закону разума — и тѣмъ утверждаетъ его въ необходимости подчиненія своего животнаго своему закону; но не можетъ и не долженъ человѣкъ смѣшивать матеріалъ и орудіе своей работы съ самой своей работой.

Сколько бы ни изучалъ человѣкъ жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую имъ въ себѣ и другихъ, жизнь, совершающуюся безъ его усилій, — жизнь эта всегда останется для него тайной: онъ никогда изъ этихъ наблюденій не пойметъ эту несо-

знаваемую имъ жизнь и наблюденіями надъ этой таинственной, всегда скрывающейся отъ него въ безконечность пространства и времени жизнью никакъ не освѣтитъ свою истинную жизнь, открытую ему въ его сознаніи и состоящую въ подчиненіи его совершенно особенной отъ всѣхъ и самой извѣстной ему животной личности совершенно особенному и самому извѣстному ему закону разума, для достиженія своего совершенно особеннаго и самаго извѣстнаго ему блага.

XIV.

Истинная жизнь человѣческая не есть то, что происходитъ въ пространствѣ и времени.

Жизнь человѣкъ знаетъ въ себѣ, какъ стремленіе къ благу, достижимому подчиненіемъ своей животной личности закону разума.

Иной жизни человѣческой онъ не знаетъ и знать не можетъ. Вѣдь животное человѣкъ признаетъ только тогда живымъ, когда вещество, составляющее его, подчинено не только своимъ законамъ, но и высшему закону организма.

Есть въ извѣстномъ совокупленіи вещества подчиненіе высшему закону организма,—мы признаемъ въ этомъ совокупленіи вещества жизни; нѣтъ, не начиналось или кончилось это подчиненіе,—и нѣтъ уже того, что̀ отдѣляетъ это вещество отъ всего остальнаго вещества, въ которомъ дѣйствуютъ одни законы механическіе, химическіе, физическіе, и мы не признаемъ въ немъ жизни животнаго.

Точно такъ же и подобныхъ намъ людей, и самихъ себя мы тогда только признаемъ живыми, когда наша животная личность, кромѣ подчиненія своему закону организма, подчинена еще высшему закону разумнаго сознанія.

Какъ скоро нѣтъ этого подчиненія личности закону разума, какъ скоро въ человѣкѣ дѣйствуетъ одинъ законъ личности, подчиняющій себѣ вещество, составляющее его, мы не знаемъ и не видимъ человѣческой жизни ни въ другихъ, ни въ себѣ, какъ не видимъ жизни животной въ веществѣ, подчиняющемся только своимъ законамъ.

Какъ бы ни были сильны и быстры движенія человѣка въ бреду, въ сумасшествіи или въ агоніи, въ пьянствѣ, въ порывѣ страсти даже, мы не признаемъ человѣка живымъ, не относимся къ нему, какъ къ живому человѣку, и признаемъ въ немъ только возможность жизни. Но какъ бы слабъ и неподвиженъ ни

былъ человѣкъ,—если мы видимъ, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаемъ его живымъ и такъ и относимся къ нему.

Жизнь человѣческую мы не можемъ понимать иначе, какъ подчиненіе животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространствѣ, но опредѣляется не временными и пространственными условіями, а только степенью подчиненія животной личности разума. Опредѣлять жизнь временными и пространственными условіями — это все равно, что опредѣлять высоту предмета его длиной и шириной.

Движеніе въ высоту предмета, движущагося вмѣстѣ съ тѣмъ и въ плоскости, будетъ точнымъ подобіемъ отношенія истинной жизни человѣческой къ жизни животной личности, или жизни истинной къ жизни временной и пространственной. Движеніе предмета кверху не зависитъ и не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться отъ его движенія въ плоскости. То же и съ опредѣленіемъ жизни человѣческой. Жизнь истинная проявляется всегда въ личности, но не зависитъ, не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться отъ такого или другого существованія личности.

Временныя и пространственныя условія, въ которыхъ находится животная личность человѣка, не могутъ вліять на жизнь истинную, состоящую въ подчиненіи животной личности разумному сознанію.

Внѣ власти человѣка, желающаго жить, уничтожить, остановить пространственное и временное движеніе своего существованія; но истинная жизнь его есть достиженіе блага подчиненіемъ разуму, независимо отъ этихъ видимыхъ пространственныхъ и временныхъ движеній. Въ этомъ-то большемъ и большемъ движеніи блага черезъ подчиненіе разуму только и состоитъ то, что составляетъ жизнь человѣческую. Нѣтъ этого увеличенія въ подчиненіи,—и жизнь человѣческая идетъ по двумъ видимымъ направленіямъ пространства и времени и есть одно существованіе. Есть это движеніе въ высоту, это большее и большее подчиненіе разуму,—и между двумя силами и одной устанавливается отношеніе и совершается большее или меньшее движеніе по равнодѣйствующей, поднимающей существованіе человѣка въ область жизни.

Силы пространственныя и временныя—силы опредѣленныя, конечныя, несовмѣстимыя съ понятіемъ жизни; сила же стремленія къ благу черезъ подчиненіе разуму есть сила, поднимающая въ высоту,—сама сила жизни, для которой нѣтъ ни временныхъ, ни пространственныхъ предѣловъ.

Человѣку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается, но эти задержки и колебанія суть только обманъ сознанія (подобный обману внѣшнихъ чувствъ). Задержекъ и колебаній истинной жизни нѣтъ и не можетъ быть: онѣ только намъ кажутся при ложномъ взглядѣ на жизнь.

Человѣкъ начинаетъ жить истинной жизнью, т.-е. поднимается на нѣкоторую высоту надъ жизнью животной и съ этой высоты видитъ призрачность своего животнаго существованія, неизбѣжно кончающагося смертью, видитъ что существованіе его въ плоскости обрывается со всѣхъ сторонъ пропастями и, не признавая, что этотъ подъемъ въ высоту и есть сама жизнь, ужасается передъ тѣмъ, что̀ онъ увидалъ съ высоты. Вмѣсто того, чтобы, признавъ силу, поднимающую его въ высоту, своей жизнью, идти по открывшемуся ему направленію, онъ ужасается передъ тѣмъ, что открылось ему съ высоты, и нарочно спускается внизъ, ложится какъ можно ниже, чтобы не видать обрывовъ, открывающихся ему. Но сила разумнаго сознанія опять поднимаетъ его, опять онъ видитъ, опять ужасается и, чтобы не видѣть, опять припадаетъ къ землѣ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ наконецъ, что для того, чтобы спастись отъ ужаса передъ увлекающимъ его движеніемъ погибельной жизни, ему надо понять, что его движеніе въ плоскости—его пространственное и временное существованіе—не есть его жизнь, а что жизнь его только въ движеніи въ высоту, что только въ подчиненіи его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающія его надъ бездной, что если бы не было этихъ крыльевъ, онъ никогда и не поднимался бы въ высоту и не видалъ бы бездны. Ему надо повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ его.

Только отъ этого недостатка вѣры и происходятъ тѣ кажущіяся странными сначала явленія колебанія истинной жизни, остановки ея и раздвоенія сознанія.

Только человѣку, понимающему свою жизнь въ животномъ существованіи, опредѣляемомъ пространствомъ и временемъ, кажется, что разумное сознаніе проявлялось временами въ животномъ существованіи. И, глядя такъ на проявленіе въ себѣ разумнаго сознанія, человѣкъ спрашиваетъ себя, когда и при какихъ условіяхъ проявлялось въ немъ его разумное сознаніе? Но сколько бы ни изслѣдовалъ человѣкъ свое прошедшее, онъ никогда не найдетъ этихъ временъ проявленія разумнаго сознанія: ему всегда представляется, что его или никогда не было, или оно всегда было. Если ему кажется, что были промежутки

разумнаго сознанія, то только потому, что жизнь разумнаго сознанія онъ не признаетъ жизнью. Понимая свою жизнь только какъ животное существованіе, опредѣляемое пространственными и временными условіями, человѣкъ и пробужденіе и дѣятельность разумнаго сознанія хочетъ измѣрять тою же мѣркой: онъ спрашиваетъ себя: когда, сколько времени, въ какихъ условіяхъ я находился въ обладаніи разумнымъ сознаніемъ? Но промежутки между пробужденіями разумной жизни существуютъ только для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ жизнь животной личности. Для человѣка же, понимающаго свою жизнь въ томъ, въ чемъ она и есть,—въ дѣятельности разумнаго сознанія, не можетъ быть этихъ промежутковъ.

Разумная жизнь есть. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 50.000 лѣтъ безразличны для нея, потому что для нея нѣтъ времени. Жизнь человѣка истинная,—та, изъ которой онъ составляетъ себѣ понятіе о всякой другой жизни,—есть стремленіе къ благу, достигаемому подчиненіемъ своей личности закону разума. Ни разумъ, ни степень подчиненія ему не опредѣляются ни пространствомъ, ни временемъ. Истинная жизнь человѣческая происходитъ внѣ пространства и времени.

XV.

Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни человѣческой.

Жизнь есть стремленіе къ благу. Стремленіе къ благу есть жизнь. Такъ понимали, понимаютъ и всегда будутъ понимать жизнь всѣ люди. И потому жизнь человѣка есть стремленіе къ человѣческому благу, а стремленіе къ человѣческому благу есть жизнь человѣческая. Толпа, люди не мыслящіе понимаютъ благо человѣка въ благѣ его животной личности.

Ложная наука, исключая понятіе блага изъ опредѣленія жизни, понимаетъ жизнь въ животномъ существованіи и потому благо жизни видитъ только въ животномъ благѣ и сходится съ заблужденіемъ толпы.

Въ томъ и другомъ случаѣ заблужденіе происходитъ отъ смѣшенія личности, индивидуальности, какъ называетъ наука, съ разумнымъ сознаніемъ. Разумное сознаніе включаетъ въ себя личности. Личность же не включаетъ въ себя разумное сознаніе. Личность есть свойство животнаго и человѣка, какъ животнаго. Разумное сознаніе есть свойство одного человѣка.

Животное можетъ жить только для своего тѣла—ничто не мѣшаетъ ему жить такъ; оно удовлетворяетъ своей личности и

безсознательно служитъ своему роду и не знаетъ того, что оно есть личность; но разумный человѣкъ не можетъ жить только для своего тѣла. Онъ не можетъ жить такъ, потому что онъ знаетъ, что онъ—личность, а потому знаетъ, что и другія существа—такія же личности, какъ и онъ, знаетъ все то, что должно происходить отъ отношеній этихъ личностей.

Если бы человѣкъ стремился только къ благу своей личности, любилъ только себя, свою личность, то онъ не зналъ бы, что другія существа любятъ также себя, какъ не знаютъ этого животныя; но если человѣкъ знаетъ, что онъ—личность, стремящаяся къ тому же, къ чему стремятся и всѣ окружающія его личности, онъ не можетъ уже стремиться къ тому благу, которое видно, какъ зло, его разумному сознанію, и жизнь его не можетъ уже быть въ стремленіи къ благу личности. Человѣку только кажется иногда, что его стремленіе къ благу имѣетъ предметомъ удовлетвореніе требованій животной личности. Обманъ этотъ происходитъ вслѣдствіе того, что человѣкъ принимаетъ то, что онъ видитъ происходящимъ въ своемъ животномъ, за цѣль дѣятельности своего разумнаго сознанія. Происходитъ нѣчто подобное тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, руководясь въ бдящемъ состояніи тѣмъ, что онъ видитъ во снѣ.

И тогда-то, если этотъ обманъ поддерживается ложными ученіями, и происходитъ въ человѣкѣ смѣшеніе личности съ разумнымъ сознаніемъ.

Но разумное сознаніе всегда показываетъ человѣку, что удовлетвореніе требованій его животной личности не можетъ быть его благомъ, а потому и его жизнью, и неудержимо влечетъ его къ тому благу и потому къ той жизни, которая свойственна ему и не умѣщается въ его животной личности.

Обыкновенно думаютъ и говорятъ, что отреченіе отъ блага личности есть подвигъ, достоинство человѣка. Отреченіе отъ блага личности—не достоинство, не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человѣка. Въ то же время, какъ человѣкъ сознаетъ себя личностью, отдѣленной отъ всего міра, онъ познаетъ и другія личности отдѣленными отъ всего міра, и ихъ связь между собой, и призрачность блага своей личности, и одну дѣйствительность блага только такого, которое могло бы удовлетворять его разумное сознаніе.

Для животнаго дѣятельность, не имѣющая своей цѣлью благо личности, а прямо противоположная этому благу, есть отрицаніе жизни, но для человѣка это какъ разъ наоборотъ. Дѣятельность человѣка, направленная на достиженіе только блага личности, есть полное отрицаніе жизни человѣческой.

Для животнаго, не имѣющаго разумнаго сознанія, показывающаго ему бѣдственность и конечность его существованія, благо личности и вытекающее изъ него продолженіе рода личности есть высшая цѣль жизни. Для человѣка же личность есть только та ступень существованія, съ которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее съ благомъ его личности.

Сознаніе личности для человѣка—не жизнь, но тотъ предѣлъ, съ котораго начинается его жизнь, состоящая все въ большемъ и большемъ достиженіи свойственнаго ему блага, независимаго отъ блага животной личности.

По ходячему представленію о жизни, жизнь человѣческая есть кусокъ времени отъ рожденія и до смерти его животнаго. Но это не есть жизнь человѣческая, это только существованіе человѣка какъ животной личности. Жизнь же человѣческая есть нѣчто, только проявляющееся въ животномъ существованіи, точно такъ же, какъ жизнь органическая есть нѣчто, только проявляющееся въ существованіи вещества.

Человѣку прежде всего представляются видимыя цѣли его личности цѣлями его жизни. Цѣли эти видимыя и потому кажутся понятными.

Цѣли же, указываемыя ему его разумнымъ сознаніемъ, кажутся непонятными, потому что онѣ невидимы. И человѣку сначала страшно отказаться отъ видимаго и отдаться невидимому.

Человѣку, извращенному ложными ученіями міра, требованія животнаго, которыя исполняются сами собой и видимы и на себѣ и на другихъ, кажутся просты и ясны, новыя же невидимыя требованія разумнаго сознанія представляются противоположными; удовлетвореніе ихъ, которое не дѣлается само собой, а которое надо совершать самому, кажется чѣмъ-то сложнымъ и неяснымъ. Страшно и жутко отречься отъ видимаго представленія о жизни и отдаться невидимому сознанію ея, какъ страшно и жутко было бы ребенку рожаться, если бы онъ могъ чувствовать свое рожденіе—но дѣлать нечего, когда очевидно, что видимое представленіе влечетъ къ смерти, а невидимое сознаніе одно даетъ жизнь.

XVI.

Животная личность есть орудіе жизни.

Никакія разсужденія вѣдь не могутъ скрыть отъ человѣка той очевидной, несомнѣнной истины, что личное существованіе его есть нѣчто непрестанно погибающее, стремящееся къ смерти, и что потому въ его животной личности не можетъ быть жизни.

Не можетъ не видѣть человѣкъ, что существованіе его личности отъ рожденія и дѣтства до старости и смерти есть не что иное, какъ постоянная трата и умаленіе этой животной личности, кончающееся неизбѣжною смертью; и потому сознаніе своей жизни въ личности, включающей въ себя желаніе увеличенія и неистребимости личности, не можетъ не быть неперестающимъ противорѣчіемъ и страданіе не можетъ не быть зломъ, тогда какъ единственный смыслъ его жизни есть стремленіе къ благу.

Въ чемъ бы ни состояло истинное благо человѣка, для него неизбѣжно отреченіе его отъ блага животной личности.

Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни человѣческой. Если онъ не совершается свободно, выражаясь въ подчиненіи разумному сознанію, то онъ совершается въ каждомъ человѣкѣ насильно при плотской смерти его животнаго, когда онъ отъ тяжести страданій желаетъ одного: избавиться отъ мучительнаго сознанія погибающей личности и перейти въ другой видъ существованія.

Вступленіе въ жизнь и жизнь человѣка подобна тому, что совершается съ лошадью, которую хозяинъ выводитъ изъ конюшни и впрягаетъ. Лошади, выходящей изъ конюшни и увидавшей свѣтъ и почуявшей свободу, кажется, что въ этой-то свободѣ—и жизнь; но ее впрягаютъ и трогаютъ. Она чуетъ за собой тяжесть и, если она думаетъ, что жизнь ея въ томъ, чтобы бѣгать на свободѣ, она начинаетъ биться, падаетъ, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода; или она пойдетъ и повезетъ, и увидитъ, что тяжесть не велика и ѣзда не мука, а радость, или отобьется отъ рукъ, и тогда хозяинъ сведетъ ее на рушильное колесо, привяжетъ арканомъ къ стѣнѣ, колесо завертится подъ ней, и она будетъ ходить въ темнотѣ на одномъ мѣстѣ, страдая, но ея силы не пропадутъ даромъ: она сдѣлаетъ свою невольную работу, и законъ исполнится и на пей. Разница будетъ только въ томъ, что первая будетъ работать радостно, а вторая—невольно и мучительно.

«Но для чего же эта личность, отъ блага которой, я, человѣкъ, долженъ отречься, чтобы получить жизнь?» говорятъ люди, признающіе свое животное существованіе жизнью. Для чего дано человѣку это сознаніе личности, противящейся проявленію истинной его жизни?

На вопросъ этотъ можно отвѣтить подобнымъ же вопросомъ, который могло бы сдѣлать животное, стремящееся къ своимъ цѣлямъ сохраненія своей жизни и рода.

«Зачѣмъ,—спросило бы оно,—это вещество и его законы—механическіе, физическіе, химическіе и другіе, съ которыми я

должно бороться, чтобы достигнуть своихъ цѣлей? Если мое призваніе, — сказало бы животное, — есть существованіе жизни животнаго, то зачѣмъ всѣ эти преграды, которыя я должно одолѣвать?»

Намъ ясно, что вся матерія и ея законы, съ которыми борется животное и которое оно подчиняетъ себѣ для существованія личности животнаго, суть не преграды, а средства для достиженія имъ своихъ цѣлей. Только переработкой матеріи и посредствомъ ея законовъ животное и живетъ. Точно то же и въ жизни человѣка. Животная личность, въ которой застаетъ себя человѣкъ и которую онъ призванъ подчинять своему разумному сознанію, есть не преграда, но средство, которымъ онъ достигаетъ цѣли своего блага: животная личность для человѣка есть то орудіе, которымъ онъ работаетъ. Животная личность для человѣка—это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія.

«И кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее. И кто потеряетъ жизнь свою ради меня, тотъ обрѣтетъ ее». Въ этихъ словахъ сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и не переставая погибаетъ, а что, только отрекаясь отъ того, что погибнетъ и должно погибнуть, отъ нашей животной личности, мы получаемъ нашу истинную жизнь, которая не погибаетъ и не можетъ погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаемъ считать жизнью то, что не было и не могло быть для насъ жизнью,— наше животное существованіе. Сказано то, что тотъ, кто будетъ беречь лопату, которая есть у него для приготовленія себѣ пищи, поддерживающей жизнь, тотъ, сберегши лопату, потеряетъ пищу и жизнь.

XVII.

Рожденіе духомъ.

«Должно вамъ родиться снова», сказалъ Христосъ. Не то, чтобы человѣку кто-нибудь велѣлъ родиться, но человѣкъ неизбѣжно приведенъ къ этому. Чтобы имѣть жизнь, ему нужно вновь родиться въ этомъ существованіи—разумнымъ сознаніемъ.

Человѣку дано разумное сознаніе съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ жизнь въ томъ благѣ, которое открывается ему его разумнымъ сознаніемъ. Тотъ, кто въ этомъ благѣ положилъ жизнь, тотъ имѣетъ жизнь; тотъ же, кто не полагаетъ въ немъ жизни,

а полагаетъ ее въ благѣ животной личности, тотъ этимъ самымъ лишаетъ себя жизни. Въ этомъ состоитъ опредѣленіе жизни, данное Христомъ.

Люди, признающіе жизнью свое стремленіе къ благу личности, слышатъ эти слова и не то, что не признаютъ, а не понимаютъ, не могутъ понимать ихъ. Имъ кажутся эти слова или ничего не значащими, или значащими очень мало, означающими нѣкоторое напущенное на себя сентиментальное и мистическое—такъ они любятъ называть—настроеніе. Они не могутъ понимать значенія этихъ словъ, выражающихъ объясненіе недоступнаго имъ состоянія, какъ не могло бы сухое, непроросшее сѣмя понимать состоянія сѣмени отсырѣвшаго и уже наклюнувшагося. Для сухихъ зеренъ то солнце, которое въ лучахъ своихъ свѣтитъ на рождающееся къ жизни сѣмя, есть только незначащая случайность—нѣсколько большее тепло и свѣтъ, но для наклюнувшагося сѣмени оно есть причина рожденія къ жизни. Точно такъ же для людей, не доившихъ еще до внутренняго противорѣчія животной личности и разумнаго сознанія, свѣтъ солнца-разума есть только незначащая случайность, сентиментальныя, мистическія слова. Солнце приводитъ къ жизни только тѣхъ, въ комъ зародилась уже жизнь.

О томъ же, какъ зарождается она, почему, когда, гдѣ, не только въ человѣкѣ, но и въ животномъ, и растеніи, никто никогда не узналъ. О зарожденіи ея въ человѣкѣ Христосъ сказалъ, что никто этого не знаетъ и не можетъ знать.

И въ самомъ дѣлѣ: что же можетъ знать человѣкъ о томъ, какъ зарождается въ немъ жизнь? Жизнь есть свѣтъ человѣковъ, жизнь есть жизнь, — начало всего; какъ же можетъ знать человѣкъ о томъ, какъ она зарождается? Зарождается и погибаетъ для человѣка то, что не живетъ, то, что проявляется въ пространствѣ и времени. Жизнь же истинная *есть*, и потому она для человѣка не можетъ ни зарождаться, ни погибать.

XVIII.

Чего требуетъ разумное сознаніе.

Да, разумное сознаніе несомнѣнно, неопровержимо говоритъ человѣку, что при томъ устройствѣ міра, которое онъ видитъ изъ своей личности, ему, его личности, блага быть не можетъ. Жизнь его есть желаніе блага себѣ, именно себѣ, и онъ видитъ, что благо это невозможно. Но странное дѣло: несмотря на то, что онъ видитъ несомнѣнно, что благо это невозможно ему, онъ

все-таки живетъ однимъ желаніемъ этого невозможнаго блага,— блага только себѣ.

Человѣкъ съ проснувшимся (только проснувшимся), но не подчинившимъ еще себѣ животную личность разумнымъ сознаніемъ, если онъ не убиваетъ себя, то живетъ только для того, чтобы осуществить это невозможное благо: живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы всѣ люди и даже всѣ существа жили и дѣйствовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслажденіе, для него не было страданій и не было смерти.

Удивительное дѣло: несмотря на то, что и опытъ свой, и наблюденіе жизни всѣхъ окружающихъ, и разумъ несомнѣнно показываютъ каждому человѣку недостижимость этого, показываютъ ему, что невозможно заставить другія живыя существа перестать любить самихъ себя, а любить только его, — несмотря на это, жизнь каждаго человѣка только въ томъ, чтобы богатствомъ, властью, почестями, славой, лестью, обманомъ, какъ-нибудь, но заставить другія существа жить не для себя, а для него одного, заставить всѣ существа любить не самихъ себя, а его одного.

Люди дѣлали и дѣлаютъ все, что могутъ, для этой цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ, что они дѣлаютъ невозможное. «Жизнь моя есть стремленіе къ благу, — говоритъ себѣ человѣкъ. — Благо возможно для меня только, когда всѣ будутъ любить меня больше, чѣмъ самихъ себя, а всѣ существа любятъ только себя,— стало быть, все, что я дѣлаю для того, чтобы ихъ заставить любить меня, безполезно. Безполезно, а другого ничего я дѣлать не могу».

Проходятъ вѣка: люди узнаютъ разстояніе отъ свѣтилъ, опредѣляютъ ихъ вѣсъ, узнаютъ составъ солнца и звѣздъ, а вопросъ о томъ, какъ согласить требованія личнаго блага съ жизнью міра, исключающаго возможность этого блага, остается для большинства людей такимъ же нерѣшеннымъ вопросомъ, какимъ онъ былъ для людей за 5000 лѣтъ назадъ.

Разумное сознаніе говоритъ каждому человѣку: да, ты можешь имѣть благо, но только, если всѣ будутъ любить тебя больше себя. И то же разумное сознаніе показываетъ человѣку, что этого быть не можетъ, потому что они всѣ любятъ только себя. И потому единственное благо, которое открывается человѣку разумнымъ сознаніемъ, имъ же опять и закрывается.

Проходятъ вѣка, и загадка о благѣ жизни человѣка остается для большинства людей тою же неразрѣшимою загадкой. А между тѣмъ загадка разгадана уже давнымъ-давно. И всѣмъ тѣмъ,

которые узнаютъ разгадку, всегда удивительнымъ кажется, какъ они сами не разгадали ея, — кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: такъ просто и само собою напрашивается разрѣшеніе загадки, казавшейся столь трудной среди ложныхъ ученій нашего міра.

Ты хочешь, чтобы всѣ жили для тебя, чтобы всѣ любили тебя больше себя? Есть только одно положеніе, при которомъ желаніе твое можетъ быть исполнено. Это такое положеніе, при которомъ всѣ существа жили бы для блага другихъ и любили бы другихъ больше себя. Тогда только ты и всѣ существа любимы бы были всѣми, и ты въ числѣ ихъ получилъ бы то самое благо, котораго ты желаешь. Если же благо возможно тебѣ только тогда, когда всѣ существа любили бы другихъ болѣе себя, то и ты, живое существо, долженъ любить другія существа болѣе себя.

Только при этомъ условіи возможны благо и жизнь человѣка, и только при этомъ условіи уничтожается и то, что отравляло жизнь человѣка, — уничтожается борьба существъ, мучительность страданій и страхъ смерти.

Въ самомъ дѣлѣ, что составляло невозможность блага личнаго существованія? Во-первыхъ, борьба ищущихъ личнаго блага существъ между собой. Во-вторыхъ, обманъ наслажденія, приводящій къ тратѣ жизни, къ пресыщенію, къ страданіямъ, и, въ-третьихъ, смерть. Но стоитъ допустить мысленно, что человѣкъ можетъ замѣнить стремленіе къ благу своей личности стремленіемъ къ благу другихъ существъ, чтобы уничтожилась невозможность блага и благо представлялось бы достижимымъ человѣку. Глядя на міръ изъ своего представленія о жизни, какъ стремленія къ личному благу, человѣкъ видѣлъ въ мірѣ неразумную борьбу существъ, губящихъ другъ друга. Но стоитъ человѣку признать свою жизнь въ стремленіи къ благу другихъ, чтобы увидать въ мірѣ совсѣмъ другое: увидать рядомъ съ случайными явленіями борьбы существъ постоянное взаимное служеніе другъ другу этихъ существъ, — служеніе, безъ котораго немыслимо существованіе міра.

Стоитъ допустить это, и вся прежняя безумная дѣятельность, направленная на недостижимое благо личности, замѣняется другою дѣятельностью, согласной съ закономъ міра и направленной къ достиженію наибольшаго возможнаго блага своего и всего міра.

Другая причина бѣдственности личной жизни и невозможности блага для человѣка была обманчивость наслажденій личности, тратящихъ жизнь, приводящихъ къ пресыщенію и страданіямъ. Стоитъ человѣку признать свою жизнь въ стремленіи къ

благу другихъ, и уничтожается обманчивая жажда наслажденій; праздная же и мучительная дѣятельность, направленная на наполненіе бездонной бочки животной личности, замѣняется согласной съ законами разума дѣятельностью поддержанія жизни другихъ существъ, необходимою для его блага, и мучительность личнаго страданія, уничтожающаго дѣятельность жизни, замѣняется чувствомъ состраданія къ другимъ, вызывающимъ несомнѣнно плодотворную и самую радостную дѣятельность.

Третья причина бѣдственности личной жизни была страхъ смерти. Стоитъ человѣку признать свою жизнь не въ благѣ своей животной личности, а въ благѣ другихъ существъ, и пугало смерти навсегда исчезаетъ изъ глазъ его.

Вѣдь страхъ смерти происходитъ только отъ страха потерять благо жизни съ ея плотской смертью. Если же бы человѣкъ могъ полагать свое благо въ благѣ другихъ существъ, т.-е. любилъ бы ихъ больше себя, то смерть не представлялась бы ему тѣмъ прекращеніемъ блага и жизни, какимъ она представляется человѣку, живущему только для себя. Смерть для человѣка, живущаго для другихъ, не могла бы представляться ему уничтоженіемъ блага и жизни, потому что благо и жизнь другихъ существъ не только не уничтожаются жизнью человѣка, служащаго имъ, но очень часто увеличиваются и усиливаются жертвою его жизни.

XIX.

Подтвержденіе требованій разумнаго сознанія.

«Но это не жизнь, — отвѣчаетъ возмущенное заблудшее человѣческое сознаніе. — Это отреченіе отъ жизни, самоубійство». — Ничего этого не знаю, — отвѣчаетъ разумное сознаніе,— знаю, что такова жизнь человѣка, и другой нѣтъ и быть не можетъ. Знаю болѣе того, — знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо и для человѣка и для всего міра. Знаю, что при прежнемъ взглядѣ на міръ жизнь моя и всего существующаго была зломъ и безсмыслицей; при этомъ же взглядѣ она является осуществленіемъ того закона разума, который вложенъ въ человѣка. Знаю, что наибольшее, до безконечности могущее быть увеличиваемо благо жизни каждаго существа можетъ быть достигнуто только этимъ закономъ служенія каждаго всѣмъ и потому всѣхъ каждому.

«Но если это и можетъ быть закономъ мыслимымъ, это не есть законъ дѣйствительности, — отвѣчаетъ возмущенное заблудшее сознаніе человѣка. — Теперь другіе не любятъ меня больше себя,

и потому и я не могу любить ихъ больше себя и для нихъ лишаться наслажденій и подвергаться страданіямъ. Мнѣ дѣла нѣтъ до закона разума; я себѣ хочу наслажденій и себѣ хочу избавленія отъ страданій. Но теперь существуетъ борьба существъ между собою, и если я одинъ не буду бороться, другіе задавятъ меня. Мнѣ все равно, какимъ путемъ мысленно достигается наибольшее благополучіе всѣхъ,—мнѣ нужно теперь наибольшее мое дѣйствительное благо», говоритъ ложное сознаніе.

— Ничего не знаю про это, — отвѣчаетъ разумное сознаніе.— Знаю только, что то, что̀ ты называешь своими наслажденіями, только тогда будетъ благомъ для тебя, когда ты не самъ будешь брать, а другіе будутъ давать ихъ тебѣ, и только тогда твои наслажденія будутъ дѣлаться излишествомъ и страданіями, какими они дѣлаются теперь, когда ты самъ для себя будешь ухватывать ихъ. Только тогда ты избавишься и отъ дѣйствительныхъ страданій, когда другіе будутъ тебя избавлять отъ нихъ, а не ты самъ, — какъ теперь, когда изъ страха воображаемыхъ страданій ты лишаешь себя самой жизни.

Знаю, что жизнь личности, жизнь такая, при котороой необходимо, чтобы всѣ любили меня одного и я любилъ бы только себя, и при которой я могъ бы получить какъ можно больше наслажденій и избавиться отъ страданій и смертри, есть величайшее и неперестающее страданіе. Чѣмъ больше я буду любить себя и бороться съ другими, тѣмъ больше будутъ ненавидѣть меня и тѣмъ злѣе бороться со мной; чѣмъ больше я буду ограждаться отъ страданій, тѣмъ они будутъ мучительнѣе; чѣмъ больше я буду ограждаться отъ смерти, тѣмъ она будетъ страшнѣе.

Знаю, что что̀ бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ не получитъ блага до тѣхъ поръ, пока не будетъ жить сообразно закону своей жизни. Законъ же его жизни не есть борьба, а, напротивъ, взаимное служеніе существъ другъ другу.

«Но я знаю жизнь только въ своей личности. Мнѣ невозможно полагать свою жизнь въ благѣ другихъ существъ».

— Ничего не знаю этого, — говоритъ разумное сознаніе.— Знаю только то, что моя жизнь и жизнь міра, представлявшіяся мнѣ прежде злой безсмыслицей, представляются мнѣ теперь однимъ разумнымъ цѣлымъ, живущимъ и стремящимся къ одному и тому же благу чрезъ подчиненіе одному и тому же закону разума, который я знаю въ себѣ.

«А мнѣ невозможно это!» говоритъ заблудшее сознаніе. И вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ человѣка, который не дѣлалъ бы этого самаго невозможнаго, въ этомъ самомъ невозможномъ не полагалъ бы лучшаго блага своей жизни.

«Невозможно полагать свое благо въ благѣ другихъ существъ», — а между тѣмъ нѣтъ человѣка, который бы не зналъ состоянія, при которомъ благо существъ внѣ его становилось его благомъ. «Невозможно полагать благо въ трудахъ и страданіи для другого», а стоитъ человѣку отдаться этому чувству сострадания, и наслажденія личности теряютъ для него смыслъ, и сила жизни его переходитъ въ труды и страданія для блага другихъ; и страданія и труды становятся для него благомъ. «Невозможно жертвовать своею жизнью для блага другихъ», — а стоитъ человѣку познать это чувство, и смерть не только не видна и не страшна ему, но представляется высшимъ доступнымъ ему благомъ.

Разумный человѣкъ не можетъ не видѣть, что если допустить мысленно возможность замѣны стремленія къ своему благу стремленіемъ къ благу другихъ существъ, то жизнь его, вмѣсто прежняго неразумія ея и бѣдственности, становится разумною и благою. Онъ не можетъ не видѣть и того, что, при допущеніи такого же пониманія жизни и въ другихъ людяхъ и существахъ, жизнь всего міра, вмѣсто прежде представлявшихся безумія и жестокости, становится тѣмъ высшимъ разумнымъ благомъ, котораго только можетъ желать человѣкъ, — вмѣсто прежней безсмысленности и безцѣльности получаетъ для него разумный смыслъ: цѣлью жизни міра представляется такому человѣку безконечное просвѣтлѣніе и единеніе существъ міра, къ которому идетъ жизнь и въ которомъ сначала люди, а потомъ и всѣ существа, болѣе и болѣе подчиняясь закону разума, будутъ понимать то, что̀ дано понимать теперь одному человѣку, что благо жизни достигается не стремленіемъ каждаго существа къ своему личному благу, а стремленіемъ, согласно съ закономъ разума, каждаго существа къ благу всѣхъ другихъ.

Но мало того: допустивъ только возможность замѣны стремленія къ своему благу стремленіемъ къ благу другихъ существъ, человѣкъ не можетъ не видѣть и того, что это-то самое постепенное, большее и большее отреченіе его личности и перенесеніе цѣли дѣятельности изъ себя въ другія существа и есть все движеніе впередъ человѣчества и тѣхъ живыхъ существъ, которыя ближе къ человѣку. Человѣкъ не можетъ не видѣть въ исторіи, что движеніе общей жизни не въ усиленіи и увеличеніи борьбы существъ между собою, а, напротивъ, въ уменьшеніи несогласія и въ ослабленіи борьбы; что движеніе жизни только въ томъ, что міръ, изъ вражды и несогласія, черезъ подчиненіе разуму, приходитъ все болѣе къ согласію и единству. Допустивъ это, человѣкъ не можетъ не видѣть, что

люди, поѣдавшіе другъ друга, перестаютъ поѣдать; убивавшіе плѣнныхъ и своихъ дѣтей перестаютъ ихъ убивать; что военные, гордившіеся убійствомъ, перестаютъ этимъ гордиться; учреждавшіе рабство уничтожаютъ его; что люди, убивавшіе животныхъ, начинаютъ приручать ихъ и меньше убивать; начинаютъ питаться, вмѣсто тѣла животныхъ, ихъ яйцами и молокомъ; начинаютъ и въ мірѣ растеній уменьшать ихъ уничтоженіе. Человѣкъ видитъ, что лучшіе люди человѣчества осуждаютъ поиски за наслажденіями, призываютъ людей къ воздержности, а самые лучшіе люди, восхваляемые потомствомъ, показываютъ примѣры жертвы своимъ существованіемъ для блага другихъ. Человѣкъ видитъ, что то самое, что онъ допустилъ только по требованіямъ разума, то самое и совершается дѣйствительно въ мірѣ и подтверждается прошедшею жизнью человѣчества.

Но мало и этого: еще сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ разумъ и исторія, это самое, совсѣмъ изъ другого какъ будто источника, показываетъ человѣку стремленіе его сердца, влекущее его, какъ къ непосредственному благу, къ той самой дѣятельности, которую указываетъ ему его разумъ и которая въ сердцѣ его выражается любовью.

XX.

Требованіе личности кажется несовмѣстнымъ съ требованіемъ разумнаго сознанія.

И разумъ, и разсужденіе, и исторія, и внутренее чувство,— все, казалось бы, убѣждаетъ человѣка въ справедливости такого пониманія жизни; но человѣку, воспитанному въ ученіи міра, все-таки кажется, что удовлетвореніе требованій его разумнаго сознанія и его чувства не можетъ быть закономъ его жизни.

«Не бороться съ другими за свое личное благо, не искать наслажденій, не предотвращать страданія и не бояться смерти! Да это невозможно, да это отреченіе отъ всей жизни! И какъ же я отрекусь отъ личности, когда я чувствую требованія моей личности и разумомъ познаю законность этихъ требованій?» говорятъ съ полною увѣренностью образованные люди нашего міра.

И замѣчательное явленіе; люди рабочіе, простые, мало упражнявшіе свой разсудокъ, почти никогда не отстаиваютъ требованій личности и всегда чувствуютъ въ себѣ требованія, противоположныя требованіямъ личности; но полное отрицаніе требованій разумнаго сознанія и, главное, опроверженіе законности

этихъ требованій и отстаиваніе правъ личности встрѣчается только между людьми богатыми, утонченными, съ развитымъ разсудкомъ.

Человѣкъ развитой, изнѣженный, праздный всегда будетъ доказывать, что личность имѣетъ свои неотъемлемыя права. Человѣкъ же голодающій не будетъ доказывать, что человѣку нужно ѣсть, — онъ знаетъ, что всѣ это знаютъ и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: онъ только будетъ ѣсть.

Происходитъ это отъ того, что человѣкъ простой, такъ называемый необразованный, всю жизнь свою работавшій тѣломъ, не извратилъ свой разумъ и удержалъ его во всей чистотѣ и силѣ.

Человѣкъ же, всю свою жизнь мыслившій не только о ничтожныхъ, пустячныхъ предметахъ, но и о такихъ предметахъ, о которыхъ несвойственно думать человѣку, извратилъ свой разумъ: разумъ не свободенъ у него. Разумъ занятъ несвойственнымъ ему дѣломъ — обдумываніемъ своихъ потребностей личности, развитіемъ, увеличеніемъ ихъ и придумываніемъ средствъ ихъ удовлетворенія.

«Но я чувствую требованія моей личности, и потому эти требованія и законны», говорятъ такъ называемые образованные люди, воспитанные мірскимъ ученіемъ.

И нельзя имъ не чувствовать требованій своей личности. Вся жизнь этихъ людей направлена на мнимое увеличеніе блага личности. Благо же личности представляется имъ въ удовлетвореніи потребностей. Потребностями же личности они называютъ всѣ тѣ условія существованія личности, на которыя они направили свой разумъ. Потребности же сознанныя, — такія, на которыя направленъ разумъ, — всегда, вслѣдствіе этого сознанія, разрастаются до безконечныхъ предѣловъ. Удовлетвореніе же этихъ разросшихся потребностей заслоняетъ отъ нихъ требованія ихъ истинной жизни.

Такъ называемая наука объ обществѣ въ основу своихъ изслѣдованій ставитъ ученіе о потребностяхъ человѣка, забывая то неудобное для этого ученія обстоятельство, что потребностей у всякаго человѣка или нѣтъ никакихъ, какъ ихъ нѣтъ у человѣка, убивающаго себя или морящаго голодомъ, или, буквально, ихъ безчисленное количество.

Потребностей существованія животнаго человѣка, столько, сколько сторонъ этого существованія, а сторонъ столько же, сколько радіусовъ въ шарѣ. Потребности пищи, питья, дыханія, упражненія всѣхъ мускуловъ и нервовъ; потребности труда, отдыха, удовольствія, семейной жизни; потребности науки, ис-

кусства, религіи, разнообразія ихъ. Потребности, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, ребенка, юноши, мужа, старца, дѣвушки, женщины, старухи; потребности китайца, парижанина, русскаго, лапландца; потребности, соотвѣтствующія привычкамъ породъ, болѣзнямъ...

Можно перечислять до конца дней, не перечисливъ всего, въ чемъ могутъ состоять потребности личнаго существованія человѣка. Потребностями могутъ быть всѣ условія существованія, а условій существованія безчисленное множество.

Потребностями называютъ однако только тѣ условія, которыя сознаны. Но сознанныя условія, какъ только они сознаны, теряютъ свое настоящее значеніе и получаютъ все то преувеличенное значеніе, которое даетъ имъ направленный на нихъ разумъ, и заслоняютъ собою истинную жизнь.

То, что̀ называютъ потребностями, т.-е. условія животнаго существованія человѣка, можно сравнить съ безчисленными, способными раздуваться шариками, изъ которыхъ бы было составлено какое-нибудь тѣло. Всѣ шарики равны одни съ другими и имѣютъ себѣ мѣсто и не стѣснены, пока они не раздуваются, — и всѣ потребности равны и имѣютъ мѣсто и не ощущаются болѣзненно, пока онѣ не сознаны. Но стоитъ начать раздувать шарикъ, и онъ можетъ быть раздутъ такъ, что займетъ больше мѣста, чѣмъ всѣ остальные, стѣснитъ другіе и самъ будетъ стѣсненъ. То же и съ потребностями: стоитъ направить на одну изъ нихъ разумное сознаніе, и эта сознанная потребность занимаетъ всю жизнь и заставляетъ страдать все существо человѣка.

XXI.

Требуется не отреченіе отъ личности, а подчиненіе ея разумному сознанію.

Да, утвержденіе о томъ, что человѣкъ не чувствуетъ требованій своего разумнаго сознанія, а чувствуетъ однѣ потребности личности, есть не что иное, какъ утвержденіе того, что наши животныя похоти, на усиленіе которыхъ мы употребили весь нашъ разумъ, владѣютъ нами и скрыли отъ насъ нашу истинную человѣческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороковъ задавила ростки истинной жизни.

Да какъ же и не быть этому въ нашемъ мірѣ, когда прямо признавалось и признается тѣми, которые считаются учителями другихъ, что высшее совершенство отдѣльнаго человѣка есть всестороннее развитіе утонченныхъ потребностей его личности,

что благо массъ въ томъ, чтобы у нихъ было много потребностей и онѣ могли бы удовлетворять ихъ, что благо людей состоитъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей.

Какъ же могутъ люди, воспитанные въ такомъ ученіи, не утверждать того, что требованій разумнаго сознанія они не чувствуютъ, а чувствуютъ однѣ потребности личности? Да какъ же имъ и чувствовать требованія разума, когда весь разумъ ихъ безъ остатка ушелъ на усиленіе ихъ похотей, и какъ имъ отречься отъ требованій своихъ похотей, когда эти похоти поглотили всю ихъ жизнь?

«Отреченіе отъ личности невозможно», говорятъ обыкновенно эти люди, нарочно стараясь извратить вопросъ и вмѣсто понятія подчиненія личности закону разума подставляя понятіе отреченія отъ нея.

«Это противоестественно, — говорятъ они, — и потому невозможно». Да никто и не говоритъ объ отреченіи отъ личности. Личность для разумнаго человѣка есть то же, что дыханіе, кровообращеніе для животной личности. Какъ животной личности отречься отъ кровообращенія? Про это и говорить нельзя. Такъ же нельзя говорить разумному человѣку и объ отреченіи отъ личности. Личность для разумнаго человѣка есть такое же необходимое условіе его жизни, какъ и кровообращеніе — условіе существованія его животной личности.

Личность, какъ животная личность, и не можетъ заявлять и не заявляетъ никакихъ требованій. Требованія эти заявляетъ ложно направленный разумъ — разумъ, направленный не на руководство жизнью, не на освѣщеніе ея, а на раздутіе похотей личности.

Требованія животной личности всегда удовлетворимы. Не можетъ человѣкъ говорить, что я буду ѣсть или во что одѣнусь. Всѣ эти потребности обезпечены человѣку такъ же, какъ птицѣ и цвѣтку, если онъ живетъ разумною жизнью. И въ дѣйствительности, кто думающій человѣкъ, можетъ вѣрить, чтобы онъ могъ уменьшить бѣдственность своего существованія обезпеченіемъ своей личности?

Бѣдственность существованія человѣка происходитъ не отъ того, что онъ — личность, а отъ того, что онъ признаетъ существованіе своей личности жизнью и благомъ. Только тогда являются противорѣчіе, раздвоеніе и страданіе человѣка.

Страданія человѣка начинаются только тогда, когда онъ употребляетъ силу своего разума на усиленіе и увеличеніе до безконечныхъ предѣловъ разрастающихся требованій личности для того, чтобы скрыть отъ себя требованія разума.

Отрекаться нельзя и не нужно отрекаться отъ личности, какъ и отъ всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ существуетъ человѣкъ; но можно и должно не признавать эти условія самою жизнью. Можно и должно пользоваться данными условіями жизни, но нельзя и не должно смотрѣть на эти условія, какъ на цѣль жизни. Не отречься отъ личности, а отречься отъ блага личности и перестать признавать личность жизнью — вотъ что должно сдѣлать человѣку для того, чтобы возвратиться къ единству, и для того, чтобы то благо, стремленіе къ которому составляетъ его жизнь, было доступно ему.

Съ древнѣйшихъ временъ ученіе о томъ, что признаніе своей жизни въ личности есть уничтоженіе жизни и что отреченіе отъ блага личности есть единственный путь достиженія жизни, было проповѣдуемо великими учителями человѣчества.

«Да, но это что же? Это буддизмъ!—говорятъ на это обыкновенно люди нашего времени.—Это нирвана, это стояніе на столбу!»

И когда они сказали это, людямъ нашего времени кажется, что они самымъ успѣшнымъ образомъ опровергли то, что всѣ очень хорошо знаютъ и чего скрыть ни отъ кого нельзя: что жизнь личная бѣдственна и не имѣетъ никакого смысла.

«Это буддизмъ, нирвана», говорятъ они, и имъ кажется, что этими словами они опровергли все то, что признавалось и признается милліардами людей и что каждый изъ насъ въ глубинѣ души знаетъ очень хорошо,—именно, что жизнь для цѣлей личности губительна и безсмысленна и что если есть какой-нибудь выходъ изъ этой губительности и безсмысленности, то выходъ этотъ несомнѣнно ведетъ черезъ отреченіе отъ блага личности.

То, что такъ понимала и понимаетъ жизнь бо̀льшая половина человѣчества, — то, что величайшіе умы понимали жизнь такъ же, — то, что никакъ нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущаетъ ихъ. Они такъ увѣрены въ томъ, что всѣ вопросы жизни если не разрѣшаются самымъ удовлетворительнымъ образомъ, то устраняются телефонами, оперетками, бактеріологіей, электрическимъ свѣтомъ, робуритомъ и т. п., что мысль объ отреченіи отъ блага жизни личной представляется имъ только отголоскомъ древняго невѣжества.

А между тѣмъ несчастные не подозрѣваютъ того, что самый грубый индіецъ, стоящій годы на одной ногѣ во имя только отреченія отъ блага личности для нирваны, — безъ всякаго сравненія болѣе живой человѣкъ, чѣмъ они, озвѣрѣвшіе люди нашего современнаго европейскаго общества, летающіе по всему міру по желѣзнымъ дорогамъ и при электрическомъ свѣтѣ показываю-

щ'е всему свѣту свое скотское состоянiе. Индiецъ этотъ понялъ то, что въ жизни личности и жизни разумной есть противорѣчiе, и разрѣшаетъ его, какъ умѣетъ; люди же нашего образованнаго мiра не только не поняли этого противорѣчiя, но даже и не вѣрятъ тому, что оно есть. Положенiе о томъ, что жизнь человѣческая не есть существованiе личности человѣка, добытое тысячелѣтнимъ духовнымъ трудомъ всего человѣчества,—положенiе это для человѣка (не животнаго) стало въ нравственномъ мiрѣ не только такой же, но гораздо болѣе несомнѣнной и несокрушимой истиной, чѣмъ вращенiе земли и законы тяготѣнiя. Всякiй мыслящiй человѣкъ, ученый, невѣжда, старикъ, ребенокъ понимаютъ и знаютъ это; скрыто это только отъ самыхъ дикихъ людей въ Африкѣ и въ Австралiи и отъ одичавшихъ обезпеченныхъ людей въ европейскихъ городахъ и столицахъ. Истина эта стала достоянiемъ человѣчества, и если человѣчество не возвращается назадъ въ своихъ побочныхъ знанiяхъ механики, алгебры, астрономiи, тѣмъ болѣе въ основномъ и главномъ знанiи опредѣленiя своей жизни оно не можетъ идти назадъ. Забыть и стереть съ сознанiя человѣчества то, что оно вынесло изъ своей жизни многихъ тысячелѣтiй, — уясненiе тщеты, безсмысленности и бѣдственности личной жизни, — невозможно. Попытки возстановленiя допотопнаго дикаго взгляда на жизнь, какъ на личное существованiе, которыми занята такъ называемая наука нашего европейскаго мiра, только очевиднѣе показываютъ ростъ разумнаго сознанiя человѣчества, показываютъ до очевидности, какъ выросло уже человѣчество изъ своего дѣтскаго платья. И философскiя теорiи самоуничтоженiя, и практика разрастающихся въ страшной пропорцiи самоубiйствъ показываютъ невозможность возвращенiя человѣчества къ пережитой ступени сознанiя.

Жизнь, какъ личное существованiе, отжита человѣчествомъ; и вернуться къ ней нельзя; и забыть то, что личное существованiе человѣка не имѣетъ смысла, невозможно. Что бы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, какъ бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицанiе возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякаго разумнаго человѣка нашего времени.

«А все-таки вертится!» Дѣло не въ томъ, чтобы опровергать положенiе Галилея и Коперника и придумывать новые Птоломеевы круги, ихъ уже нельзя придумать,—а дѣло въ томъ, чтобы идти дальше, дѣлать дальнѣйшiе выводы изъ того положенiя, которое вошло уже въ общее сознанiе человѣчества. То же и съ положенiемъ о невозможности блага личности, высказаннымъ и браминами, и Буддой, и Лаотзе, и Соломономъ, и стои-

ками, и всѣми истинными мыслителями человѣчества. Не скрывать отъ себя надо это положеніе и не обходить его всѣми способами, а смѣло и явно признать его и дѣлать изъ него дальнѣйшіе выводы.

XXII.

Чувство любви есть проявленіе дѣятельности личности, подчиненной разумному сознанію.

Жить для цѣлей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что всѣ пути заказаны ему; всѣ цѣли, къ которымъ влечется животная личность человѣка,—всѣ явно недостижимы. Разумное сознаніе указываетъ другія цѣли, и цѣли эти не только достижимы, но даютъ полное удовлетвореніе разумному сознанію человѣка; сначала, однако, подъ вліяніемъ ложнаго ученія міра, человѣку представляется, что цѣли эти противоположны его личности.

Какъ ни старается человѣкъ, воспитанный въ нашемъ мірѣ, съ развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя въ своемъ разумномъ *я*, онъ не чувствуетъ въ этомъ *я* стремленія къ жизни, которое онъ чувствуетъ въ своей животной личности. Разумное *я* какъ будто созерцаетъ жизнь, но не живетъ само и не имѣетъ влеченія къ жизни. Разумное *я* не чувствуетъ стремленія къ жизни, а животное *я* должно страдать,—и потому остается одно—избавиться отъ жизни.

Такъ недобросовѣстно разрѣшаютъ вопросъ отрицательные философы нашего времени (Шопенгауэръ, Гартманъ), отрицающіе жизнь и все-таки остающіеся въ ней, вмѣсто того, чтобы воспользоваться возможностью выйти изъ нея. И такъ добросовѣстно разрѣшаютъ этотъ вопросъ самоубійцы, выходя изъ жизни, не представляющей для нихъ ничего, кромѣ зла. Самоубійство представляется имъ единственнымъ выходомъ изъ неразумія человѣческой жизни нашего времени.

Разсужденіе пессимистической философіи и самыхъ обыкновенныхъ самоубійцъ такое: есть животное *я*, въ которомъ есть влеченіе къ жизни. Это *я* съ своимъ влеченіемъ не можетъ быть удовлетворено; есть другое *я*, разумное, въ которомъ нѣтъ никакого влеченія къ жизни, которое только критически созерцаетъ всю ложную жизнерадостность и страстность животнаго *я* и отрицаетъ ее всю.

Отдайся я первому, — я вижу, что живу безумно и иду къ бѣдствіямъ, все глубже и глубже погружаясь въ нихъ. Отдайся *я* второму, разумному *я*,—во мнѣ не остается влеченія къ

жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мнѣ хочется жить,—для счастья личности,—нелѣпо и невозможно. Для разумнаго же сознанія и можно бы жить, да не зачѣмъ и не хочется. Служить тому началу, отъ котораго я исшелъ,—Богу,—зачѣмъ? У Бога, если онъ есть, и безъ меня найдутся служители. А мнѣ зачѣмъ? Смотрѣть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, — можно уйти, убить себя. Такъ я и дѣлаю.

Вотъ то противорѣчивое представленіе жизни, до котораго дожило человѣчество еще до Соломона, до Будды и къ которому хотятъ возвратить его ложные учители нашего времени.

Требованія личности доведены до крайнихъ предѣловъ неразумія. Проснувшійся разумъ отрицаетъ ихъ. Но требованія личности такъ разрослись, такъ загромоздили сознаніе человѣка, что ему кажется, что разумъ отрицаетъ всю жизнь. Ему кажется то, что если откинуть изъ своего сознанія жизни все то, что отрицаетъ его разумъ, то ничего не останется. Онъ не видитъ уже того, что остается. Остатокъ, тотъ остатокъ, въ которомъ есть жизнь, ему кажется ничѣмъ.

Но свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не можетъ объять его.

Ученіе истины знаетъ эту дилемму — или безумное существованіе, или отреченіе отъ него — и разрѣшаетъ ее.

Ученіе, которое всегда и называлось ученіемъ о благѣ, ученіе истины, указало людямъ, что вмѣсто того обманчиваго блага, котораго они ищутъ для животной личности, они не то что могутъ получить когда-то, гдѣ-то, но всегда имѣютъ, сейчасъ, здѣсь неотъемлемое отъ нихъ, дѣйствительное благо, всегда доступное имъ.

Благо это не есть нѣчто, только выведенное изъ разсужденія, не есть что-то такое, что надо отыскивать гдѣ-то, не есть благо, обѣщанное гдѣ-то и когда-то, а есть то самое знакомое человѣку благо, къ которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человѣческая.

Всѣ люди съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ знаютъ, что, кромѣ блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только независимо отъ удовлетворенія похотей животной личности, но, напротивъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отреченіе отъ блага животной личности.

Чувство это, разрѣшающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человѣку, знаютъ всѣ люди. Чувство это есть *любовь*.

Жизнь есть дѣятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разумъ есть тотъ законъ, которому для своего

блага должна быть подчинена животная личность человѣка. Любовь есть единственная разумная дѣятельность человѣка.

Животная личность влечется къ благу; разумъ указываетъ человѣку обманчивость личнаго блага и оставляетъ одинъ путь. Дѣятельность на этомъ пути есть любовь.

Животная личность человѣка требуетъ блага, разумное сознаніе показываетъ человѣку бѣдственность всѣхъ борющихся между собою существъ, показываетъ ему, что блага для его животной личности быть не можетъ, показываетъ ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при которомъ не было бы ни борьбы съ другими существами, ни прекращенія блага, пресыщенія имъ, не было бы предвидѣнія и ужаса смерти.

И вотъ, какъ ключъ, сдѣланный только къ этому замку, человѣкъ въ душѣ своей находитъ чувство, которое даетъ ему то самое благо, на которое, какъ на единственно возможное, указываетъ ему разумъ. И чувство это не только разрѣшаетъ прежнее противорѣчіе жизни, но какъ бы въ этомъ противорѣчіи и находитъ возможность своего проявленія.

Животныя личности для своихъ цѣлей хотятъ воспользоваться личностью человѣка. А чувство любви влечетъ его къ тому, чтобы отдать свое существованіе на пользу другихъ существъ.

Животная личность страдаетъ. И эти-то страданія и облегченіе ихъ и составляютъ главный предметъ дѣятельности любви. Животная личность, стремясь къ благу, стремится каждымъ дыханіемъ къ величайшему злу — къ смерти, предвидѣніе которой нарушало всякое благо личности. А чувство любви не только уничтожаетъ этотъ страхъ, но влечетъ человѣка къ послѣдней жертвѣ своего плотскаго существованія для блага другихъ.

XXIII.

Проявленіе чувства любви невозможно для людей, не понимающихъ смысла своей жизни.

Всякій человѣкъ знаетъ, что въ чувствѣ любви есть что-то особенное, способное разрѣшать всѣ противорѣчія жизни и давать человѣку то полное благо, въ стремленіи къ которому состоитъ его жизнь.

«Но вѣдь это чувство, которое приходитъ только изрѣдка, продолжается недолго и послѣдствіемъ его бываютъ еще худшія страданія», говорятъ люди, не разумѣющіе жизни.

Людямъ этимъ любовь представляется не тѣмъ единственнымъ законнымъ проявленіямъ жизни, какимъ она представляется для

разумнаго сознанія, а только одною изъ тысячей разныхъ случайностей, бывающихъ въ жизни,—представляется однимъ изъ тѣхъ тысячей разнообразныхъ настроеній, въ которыхъ бываетъ человѣкъ во время своего существованія: бываетъ, что человѣкъ щеголяетъ, бываетъ, что увлеченъ наукою или искусствомъ, бываетъ, что увлеченъ службой, честолюбіемъ, пріобрѣтеніемъ, бываетъ, что онъ любитъ кого-нибудь. Настроеніе любви представляется людямъ, не разумѣющимъ жизни, не сущностью жизни человѣческой, но случайнымъ настроеніемъ — такимъ же независимымъ отъ его воли, какъ и всѣ другія, которымъ подвергается человѣкъ во время своей жизни. Даже можно часто прочесть и услыхать сужденія о томъ, что любовь есть нѣкоторое неправильное, нарушающее правильное теченіе жизни, мучительное настроеніе. Нѣчто подобное тому, что должно казаться совѣ, когда восходитъ солнце.

Чувствуется, правда, и этими людьми то, что въ состояніи любви есть что-то особенное, болѣе важное, чѣмъ во всѣхъ другихъ настроеніяхъ. Но, не понимая жизни, люди эти не могутъ и понимать любви, и состояніе любви представляется имъ такимъ же бѣдственнымъ и такимъ же обманчивымъ, какъ и всѣ другія состоянія.

Любить?.. но кого же?
На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно...

Слова эти точно выражаютъ смутное сознаніе людей, что въ любви — спасеніе отъ бѣдствій жизни и единственное нѣчто, похожее на истинное благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе въ томъ, что для людей, не понимающихъ жизни, любовь не можетъ быть якоремъ спасенія. Любить некого, и всякая любовь проходитъ. И потому любовь могла бы быть благомъ только тогда, когда было бы кого любить и былъ бы тотъ, кого можно любить вѣчно. А такъ какъ этого нѣтъ, то и нѣтъ спасенія въ любви, и любовь — такой же обманъ и такое же страданіе, какъ и все остальное.

И такъ, и не иначе, какъ такъ, могутъ понимать любовь люди, учащіе и сами научаемые тому, что жизнь есть не что иное, какъ животное существованіе.

Для такихъ людей любовь даже не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое мы всѣ невольно соединяемъ съ словомъ любовь. Она не есть дѣятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. Любовь очень часто въ представленіи людей, признающихъ жизнь въ животной личности, — то самое чувство,

вслѣдствіе котораго для блага своего ребенка одна мать отнимаетъ у другого голоднаго ребенка молоко его матери и страдаетъ отъ безпокойства за успѣхъ кормленія; то чувство, по которому отецъ, мучая себя, отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у голодающихъ людей, чтобы обезпечить своихъ дѣтей; это—то чувство, по которому любящій женщину страдаетъ отъ этой любви и заставляетъ ее страдать, соблазняя ее, или изъ ревности губитъ себя и ее; то чувство, по которому бываетъ даже, что человѣкъ изъ любви насильничаетъ женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносятъ вредъ другимъ, чтобы отстоять своихъ; это то чувство, по которому человѣкъ мучаетъ самъ себя надъ любимымъ занятіемъ и этимъ же занятіемъ причиняетъ горе и страданія окружающимъ его людямъ; это то чувство, по которому люди не могутъ стерпѣть оскорбленія любимому отечеству и устилаютъ поля убитыми и ранеными своими и чужими.

Но мало и этого. Дѣятельность любви для людей, признающихъ жизнь въ благѣ животной личности, представляетъ такія затрудненія, что проявленія ея становятся не только мучительными, но часто и невозможными. «Надо не разсуждать о любви,— говорятъ обыкновенно люди, не понимающіе жизни, — а предаваться тому непосредственному чувству предпочтенія, пристрастія къ людямъ, которое испытываешь, и это-то и есть настоящая любовь».

Они правы, что нельзя разсуждать о любви, что всякое разсужденіе о любви уничтожаетъ любовь. Но дѣло въ томъ, что не разсуждать о любви могутъ только тѣ люди, которые уже употребили свой разумъ на пониманіе жизни и отреклись отъ блага личной жизни; тѣ же люди, которые не поняли жизни и существуютъ для блага животной личности, не могутъ не разсуждать. Имъ необходимо разсуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они называютъ любовью. Всякое проявленіе этого чувства невозможно для нихъ безъ разсужденія, безъ разрѣшенія неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, люди предпочитаютъ своего ребенка, своихъ друзей, свою жену, своихъ дѣтей, свое отечество всякимъ другимъ дѣтямъ, женамъ, друзьямъ, отечествамъ и называютъ это чувство любовью.

Любить вообще значитъ дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь. И вотъ я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т.-е. желаю блага своему ребенку, женѣ, отечеству больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, женамъ и отечествамъ. Никогда не бываетъ и не можетъ

быть, чтобы я любилъ только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякій человѣкъ любитъ вмѣстѣ и ребенка, и жену, и дѣтей, и отечество, и людей вообще. Между тѣмъ условія блага, котораго онъ по своей любви желаетъ различнымъ любимымъ существамъ, такъ связаны между собой, что всякая любовная дѣятельность человѣка для одного изъ любимыхъ существъ не только мѣшаетъ его дѣятельности для другихъ, но бываетъ въ ущербъ другимъ.

И вотъ являются вопросы: во имя какой любви и какъ дѣйствовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью? Кого любить больше и кому дѣлать больше добра: женѣ или дѣтямъ, женѣ и дѣтямъ или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству, не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ и друзьямъ? Какъ, наконецъ, рѣшать вопросы о томъ, насколько можно мнѣ жертвовать и моей личностью, нужной для служенія другимъ? Насколько мнѣ можно заботиться о себѣ для того, чтобы я могъ, любя другихъ, служить имъ? Всѣ эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытавшихся дать себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое они называютъ любовью; но они не только не просты, они совершенно неразрѣшимы.

И не даромъ законникъ поставилъ Христу этотъ самый вопросъ: кто ближній? Отвѣчать на эти вопросы кажется очень легко только людямъ, забывающимъ настоящія условія жизни человѣческой.

Только если бы люди были боги, какъ мы воображаемъ ихъ, только тогда они могли бы любить однихъ избранныхъ людей; тогда бы только и предпочтеніе однихъ другимъ могло быть истинною любовью. Но люди не боги, а находятся въ тѣхъ условіяхъ существованія, при которыхъ всѣ живыя существа всегда живутъ одни другими, пожирая одни другихъ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ; и человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ знать и видѣть это. Онъ долженъ знать, что всякое плотское благо получается однимъ существомъ только въ ущербъ другому.

Сколько бы ни увѣряли людей суевѣрія религіозныя и научныя о такомъ будущемъ золотомъ вѣкѣ, въ которомъ всего всѣмъ будетъ довольно, разумный человѣкъ видитъ и знаетъ, что законъ его временнаго и пространственнаго существованія есть борьба всѣхъ противъ каждаго, каждаго противъ каждаго и противъ всѣхъ.

Въ той давкѣ и борьбѣ животныхъ интересовъ, которыя составляютъ жизнь міра, человѣку невозможно любить избран-

ныхъ, какъ это воображаютъ люди, не понимающіе жизни. Человѣкъ, если онъ любитъ хотя и избранныхъ, онъ никогда не любитъ только одного. Всякій человѣкъ любитъ и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всѣхъ людей,—и любовь не есть только слово (какъ всѣ согласны въ этомъ), но есть дѣятельность, направленная на благо другихъ. Дѣятельность же эта не происходитъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ, такъ что сначала заявляются человѣку требованія его самой сильной любви, потомъ менѣе сильной и т. д. Требованія любви заявляются безпрестанно всѣ вмѣстѣ, безъ всякаго порядка. Сейчасъ пришелъ голодный старикъ, котораго я немножко люблю, и проситъ ѣды, которую я берегу на ужинъ много любимымъ дѣтямъ; какъ мнѣ взвѣсить требованія сейчасной менѣе сильной любви съ будущими требованіями болѣе сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены законникомъ Христу: кто ближній? Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить, кому нужно служить и въ какой мѣрѣ: людямъ или отечеству? отечеству или своимъ пріятелямъ? своимъ пріятелямъ или своей женѣ? своей женѣ или своему отцу? своему отцу или своимъ дѣтямъ? своимъ дѣтямъ или самому себѣ? (чтобы быть въ состояніи служить другимъ, когда это понадобится).

Вѣдь все это требованія любви, и всѣ они переплетены между собой такъ, что удовлетвореніе требованіямъ однихъ лишаетъ человѣка возможности удовлетворять другихъ. Если же я допущу, что озябшаго ребенка можно не одѣть, потому что моимъ дѣтямъ когда-нибудь понадобится то платье, котораго у меня просятъ, то я могу не отдаваться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей.

Точно то же и по отношенію къ любви, къ отечеству, избраннымъ занятіямъ и ко всѣмъ людямъ. Если человѣкъ можетъ отказывать требованіямъ самой малой любви настоящаго во имя требованія самой большой любви будущаго, то развѣ не ясно, что такой человѣкъ, если бы онъ всѣми силами и желалъ этого, никогда не будетъ въ состояніи взвѣсить, насколько онъ можетъ отказывать требованіямъ настоящаго во имя будущаго, и потому, не будучи въ силахъ рѣшить этого вопроса, всегда выберетъ то проявленіе любви, которое будетъ пріятно для него, т.-е. будетъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности. Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ требованій настоящей, самой малой любви во имя другого, будущаго проявленія большей любви, то онъ обманываетъ или себя, или другихъ и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви.

Происходитъ то же, что при представленіи о жизни людей, не имѣющихъ жизни. Если бы люди были животныя и не имѣли бы разума, они бы и существовали какъ животныя, не разсуждали бы о жизни; и животное существованіе ихъ было бы законное и счастливое. То же и съ любовью: если бы люди были животныя безъ разума, то они любили бы тѣхъ, кого любятъ: своихъ волчатъ, свое стадо, и не знали бы, что они любятъ своихъ волчатъ и свое стадо, и не знали бы того, что другіе волки любятъ своихъ волчатъ и другія стада—своихъ товарищей по стаду, и любовь ихъ была бы та любовь и та жизнь, которая возможна на той степени сознанія, на которой они находятся.

Но люди — разумныя существа и не могутъ не видѣть, что другія существа имѣютъ такую же любовь къ своимъ и что потому эти чувства любви должны придти въ столкновеніе и произвести нѣчто не благое, а совершенно противное понятію любви.

Если же люди употребляютъ свой разумъ на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, неблагое чувство, которое они называютъ любовью, придавая этому чувству уродливые размѣры, то это чувство становится не только не добрымъ, но дѣлаетъ изъ человѣка — давно извѣстная истина — самое злое и ужасное животное. Происходитъ то, что сказано въ Евангеліи: «Если свѣтъ, который въ тебѣ — тьма, то какова же тьма?» Если бы въ человѣкѣ не было ничего кромѣ любви къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходитъ отъ того ложнаго чувства, которое они, восхваляя его, называютъ любовью и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животнаго похожа на жизнь человѣка.

То, чтó люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью, это только извѣстныя предпочтенія однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену или ребенка, или друга, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга увеличиваетъ благо его личной жизни.

Предпочтенія эти относятся къ любви такъ же, какъ существованіе относится къ жизни. И какъ людьми, не понимающими жизни, жизнью называется существованіе, такъ этими же людьми любовью называется предпочтеніе однихъ условій личнаго существованія другимъ

Чувства эти — предпочтенія къ извѣстнымъ существамъ, какъ, напримѣръ, къ своимъ дѣтямъ, или даже къ извѣстнымъ занятіямъ, напримѣръ, къ наукѣ, къ искусствамъ—мы называемъ тоже любовью; но такія чувства предпочтенія, безконечно разнообразныя, составляютъ всю сложность видимой, осязаемой животной жизни людей и не могутъ быть называемы любовью, потому что они не имѣютъ главнаго признака любви — дѣятельности, имѣющей и цѣлью и послѣдствіемъ благо.

Страстность проявленія этихъ предпочтеній только показываетъ энергію животной личности. Страстность предпочтенія однихъ людей другимъ, называемая невѣрно любовью, есть только дичокъ, на которомъ можетъ быть привита истинная любовь и дать плоды ея. Но какъ дичокъ не есть яблоня и не даетъ плодовъ или даетъ плоды горькіе вмѣсто сладкихъ, такъ и пристрастіе не е́сть любовь и не дѣлаетъ добра людямъ или производитъ еще большее зло. И потому приноситъ величайшее зло міру и такъ восхваляемая любовь къ женщинѣ, къ дѣтямъ, къ друзьямъ, не говоря уже о любви къ наукѣ, къ искусству, къ отечеству, которая есть не что иное, какъ предпочтеніе на время извѣстныхъ условій животной жизни другимъ

XXIV.

Истинная любовь есть послѣдствіе отреченія отъ блага личности.

Любовь истинная становится возможной только при отреченіи отъ блага животной личности.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага его животной личности. Только тогда всѣ соки его жизни переходятъ въ одинъ облагороженный черенокъ истинной любви, разрастающійся уже всѣми силами ствола дичка животной личности. Ученіе Христа и есть прививка этой любви, какъ онъ и самъ сказалъ это. Онъ сказалъ, что онъ, его любовь, есть та одна лоза, которая можетъ приносить плодъ, и что всякая вѣтвь, не приносящая плода, отсѣкается.

Только тотъ, кто не только понялъ, но жизнью познал то, что «сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради меня сбережетъ ее», — только кто понялъ, что любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную, — только тотъ познаетъ истинную любовь.

«И кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, недостоинъ меня. Кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня. Если вы любите любящихъ васъ, то это не любовь; а вы любите враговъ, любите ненавидящихъ васъ».

Не вслѣдствіе любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности, сознанія невозможности ея блага, и потому вслѣдствіе отреченія отъ жизни личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей.

Любовь есть предпочтеніе другихъ существъ себѣ — своей животной личности.

Забвеніе ближайшихъ интересовъ личности для достиженія отдаленныхъ цѣлей той же личности, какъ это бываетъ при такъ называемой любви, не выросшей на самоотреченіи есть только предпочтеніе однихъ существъ другимъ для своего личнаго блага. Истинная любовь, прежде чѣмъ сдѣлаться дѣятельнымъ чувствомъ, должна быть извѣстнымъ состояніемъ. Начало любви, корень ея, не есть порывъ чувства, затемняющій разумъ, какъ это обыкновенно воображаютъ, но есть самое разумное, свѣтлое и потому спокойное и радостное состояніе, свойственное дѣтямъ и разумнымъ людямъ.

Состояніе это есть состояніе благоговѣнія ко всѣмъ людямъ, которое присуще дѣтямъ, но которое во взросломъ человѣкѣ возникаетъ только при отреченіи и усиливается только по мѣрѣ отреченія отъ блага личности. Какъ часто приходится слышать слова: «мнѣ вѣдь все равно, мнѣ ничего не нужно», и вмѣстѣ съ этими словами видѣть нелюбовное отношеніе къ людямъ. Но пусть попробуетъ всякій человѣкъ хоть разъ, въ минуту недоброжелательности къ людямъ, искренно, отъ души сказать себѣ: «мнѣ все равно, мнѣ ничего не нужно», и только, хоть на время, ничего не желать для себя, и всякій человѣкъ этимъ простымъ внутреннимъ опытомъ познаетъ, какъ тотчасъ же, по мѣрѣ искренности его отреченія, падетъ всякое недоброжелательство, и какимъ потокомъ хлынетъ изъ его сердца запертое до тѣхъ поръ благоволеніе ко всѣмъ людямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, любовь есть предпочтеніе другихъ существъ себѣ, — вѣдь мы всѣ такъ понимаемъ и иначе не можемъ понимать любовь. Величина любви есть величина дроби, которой числитель — мои пристрастія, симпатія къ другимъ — не въ моей власти; знаменатель же—моя любовь къ себѣ — можетъ быть увеличенъ и уменьшенъ мною до безконечности, по мѣрѣ того

значенія, которое я придамъ своей животной личности. Сужденія же нашего міра о любви, о степеняхъ ея—это сужденія о величинѣ дробей по однимъ числителямъ, безъ соображенія о ихъ знаменателяхъ.

Истинная любовь всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Только на этомъ общемъ благоволеніи можетъ вырасти истинная любовь къ извѣстнымъ людямъ — своимъ или чужимъ. И только такая любовь даетъ истинное благо жизни и разрѣшаетъ кажущееся противорѣчіе животнаго и разумнаго сознанія.

Любовь, не имѣющая въ основѣ своей отреченія отъ личности и — вслѣдствіе его — благоволенія ко всѣмъ людямъ, есть только жизнь животная и подвержена тѣмъ же и еще бóльшимъ бѣдствіямъ и еще большему неразумію, чѣмъ жизнь безъ этой мнимой любви. Чувство пристрастія, называемое любовью, не только не устраняетъ борьбы существованія, не освобождаетъ личность отъ погони за наслажденіями и не спасаетъ отъ смерти, но только больше еще затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, усиливаетъ жадность къ наслажденіямъ для себя и для другого и увеличиваетъ ужасъ передъ смертью за себя и за другого.

Человѣкъ, который жизнь свою полагаетъ въ существованіи животной личности, не можетъ любить, потому что любовь должна представляться ему дѣятельностью, прямо противоположною его жизни. Жизнь такого человѣка только въ благѣ животнаго существованія, а любовь прежде всего требуетъ жертвы этого блага. Если бы даже человѣкъ, не понимающій жизни, и захотѣлъ искренно отдаться дѣятельности любви, онъ не будетъ въ состояніи этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока онъ не пойметъ жизни и не измѣнитъ все свое отношеніе къ ней. Человѣкъ, положившій свою жизнь въ благѣ животной личности, всю жизнь свою увеличиваетъ средства своего животнаго блага, пріобрѣтая богатства и сохраняя ихъ, заставляетъ другихъ служить его животному благу и распредѣляетъ эти блага между тѣми лицами, которыя были болѣе нужны для блага его личности. Какъ же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не имъ самимъ, а другими людьми? И еще труднѣе ему выбрать, кому изъ предпочитаемыхъ имъ людей передать накопленныя имъ блага и кому служить.

Чтобы быть въ состояніи отдавать свою жизнь, ему надо прежде отдать тотъ излишекъ, который онъ беретъ у другихъ для блага своей жизни, и потомъ еще сдѣлать невозможное: рѣшить, кому изъ людей служить своею жизнью? Прежде, чѣмъ

онъ будетъ въ состояніи любить, т.-е., жертвуя собою, дѣлать благо, ему надо перестать ненавидѣть, т.-е. дѣлать зло, и перестать предпочитать однихъ людей другимъ для блага своей личности.

Только для человѣка, не признающаго блага въ жизни личной и потому не заботящагося объ этомъ ложномъ благѣ и черезъ это освободившаго въ себѣ свойственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ, возможна дѣятельность любви, всегда удовлетворяющая его и другихъ. Благо жизни такого человѣка— въ любви, какъ благо растенія — въ свѣтѣ, и потому, какъ ничѣмъ незакрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ, въ какую сторону ему расти и хорошъ ли свѣтъ, не подождать ли ему другого, лучшаго, а беретъ тотъ единый свѣтъ, который есть въ мірѣ, и тянется къ нему, такъ и отрекшійся отъ блага личности человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, что ему отдать изъ отнятаго отъ другихъ людей и какимъ любимымъ существамъ, и нѣтъ ли какой еще лучшей любви, чѣмъ та, которая заявляетъ требованія, а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, которая доступна ему и есть передъ нимъ. Только такая любовь даетъ полное удовлетвореніе разумной природѣ человѣка.

XXV.

Любовь есть единая и полная дѣятельность истинной жизни.

И нѣтъ иной любви, какъ той, чтобы положить душу свою за други своя. Любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, отдаетъ ему свою жизнь, — только это мы признаемъ всѣ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ. Мать, кормящая ребенка, прямо отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу дѣтямъ, которыя безъ этого не были бы живы. И это—любовь. Такъ же точно отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу другому всякій работникъ, для блага другихъ изнашивающій свое тѣло въ работѣ и приближающій себя къ смерти. И такая любовь возможна только для того человѣка, у котораго между возможностью жертвы собою и тѣми существами, которыхъ онъ любитъ, не стоитъ никакой преграды для жертвы. Мать, отдавшая кормилицѣ своего ребенка, не можетъ его любить; человѣкъ, пріобрѣтающій и сохраняющій свои деньги, не можетъ любить.

«Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза... Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. И вотъ почему узнаемъ, что мы отъ истины и успокаиваемъ сердца наши... Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновеніе въ день суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся несовершенъ въ любви».

Только такая любовь даетъ истинную жизнь людямъ.

«Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь».

Вторая же, подобная ей: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя», сказалъ Христу законникъ. И на это Іисусъ сказалъ: «правильно ты отвѣчалъ, такъ поступай», т.-е. люби Бога и ближняго, «и *будешь жить*».

Любовь истинная есть самая жизнь.

«Мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ», говоритъ ученикъ Христа. «Не любящій брата пребываетъ въ смерти».

Живъ только тотъ, кто любитъ.

Любовь по ученію Христа есть сама жизнь, но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и безконечная. И мы всѣ знаемъ это. Любовь не есть выводъ разума, не есть послѣдствіе извѣстной дѣятельности; а это есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ и которую мы всѣ знаемъ въ себѣ съ самыхъ первыхъ воспоминаній дѣтства до тѣхъ поръ, пока ложныя ученія міра не засорили ее въ нашей душѣ и не лишили насъ возможности испытывать ее.

Любовь — это не есть пристрастіе къ тому, что̀ увеличиваетъ временное благо личности человѣка, какъ любовь къ избраннымъ лицамъ или предметамъ, а то стремленіе къ благу того, что̀ внѣ человѣка, которое остается въ человѣкѣ послѣ отреченія отъ блага животной личности.

Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго, и чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь, того блаженнаго чувства

умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного — чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, въ которой жизнь человѣка.

Любовь эта, въ которой только и есть жизнь, проявляется въ душѣ человѣка, какъ чуть замѣтный, нѣжный ростокъ среди похожихъ на нее грубыхъ ростковъ сорныхъ травъ, различныхъ похотей человѣка, которыя мы называемъ любовью. Сначала людямъ и самому человѣку кажется, что этотъ ростокъ — тотъ, изъ котораго должно вырастать то дерево, въ которомъ будутъ укрываться птицы, — и всѣ другіе ростки—все одно и то же. Люди даже предпочитаютъ сначала ростки сорныхъ травъ, которые растутъ быстрѣе, и единственный ростокъ жизни глохнетъ и замираетъ. Но еще хуже то, что еще чаще бываетъ: люди слышали, что въ числѣ этихъ ростковъ есть одинъ настоящій, жизненный, называемый любовью, и они вмѣсто него, топча его, начинаютъ воспитывать другой ростокъ сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватываютъ самый ростокъ и кричатъ: «вотъ онъ, мы нашли его, мы теперь знаемъ его, возрастимъ его, любовь, любовь! высшее чувство, вотъ оно!» И люди начинаютъ пересаживать его, исправлять его и захватываютъ, заминаютъ его такъ, что ростокъ умираетъ, не расцвѣтши, и тѣ же или другіе люди говорятъ: все это вздоръ, пустяки, сентиментальность. Ростокъ любви, при появленіи своемъ нѣжный, не терпящій прикосновенія, могуществен только при своемъ разростѣ. Все, что будутъ дѣлать надъ нимъ люди, только хуже для него. Ему нужно одного,—того, чтобы ничто не скрывало отъ него солнца разума, которое одно возращаетъ его.

XXVI.

Страданія людей, направленныя на невозможное улучшеніе своего существованія, лишаютъ ихъ возможности единой истинной жизни.

Только познаніе и призрачности и обманчивости животнаго существованія и освобожденіе въ себѣ единственной истинной жизни любви даетъ человѣку благо. И что же дѣлаютъ люди для достиженія этого блага? Люди, существованіе которыхъ

состоитъ въ медленномъ уничтоженіи личности и приближеніи къ неизбѣжной смерти этой личности и которые не могутъ не знать этого, все время своего существованія всячески стараются,—только тѣмъ и заняты,—чтобы утверждать эту гибнущую личность, удовлетворять ея похотямъ и тѣмъ лишать себя возможности единственнаго блага жизни — любви.

Дѣятельность людей, не понимающихъ жизни, во все время ихъ существованія направлена на борьбу за свое существованіе, на пріобрѣтеніе наслажденій, избавленіе себя отъ страданій, удаленіе отъ себя неизбѣжной смерти.

Но увеличеніе наслажденій увеличиваетъ напряженность борьбы, чувствительность къ страданіямъ и приближаетъ смерть. Чтобы скрыть отъ себя приближеніе смерти—одно средство: еще увеличивать наслажденія. Но увеличеніе наслажденій доходитъ до своего предѣла, наслажденія не могутъ быть увеличены, переходятъ въ страданія и остается одна чувствительность къ страданіямъ и ужасъ все ближе и ближе среди однихъ страданій надвигающейся смерти. И является ложный кругъ: одно—причина другого и одно усиливаетъ другое. Главный ужасъ жизни людей, не понимающихъ жизни, въ томъ, что то, что ими считается наслажденіями (всѣ наслажденія богатой жизни), будучи такими, что они не могутъ быть равномѣрно распредѣлены между всѣми людьми, должны быть отнимаемы у другихъ, должны быть пріобрѣтаемы насиліемъ, зломъ, уничтожающимъ возможность того благоволенія къ людямъ, изъ котораго выростаетъ любовь. Такъ что наслажденія всегда прямо противоположны любви, и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ противоположнѣе. Такъ что чѣмъ сильнѣе, напряженнѣе дѣятельность для достиженія наслажденій, тѣмъ невозможнѣе становится единственно доступное человѣку благо—любовь.

Жизнь понимается не такъ, какъ она сознается разумнымъ сознаніемъ — какъ невидимое, но несомнѣнное подчиненіе въ каждое мгновеніе настоящаго своего животнаго закона разума, освобождающее свойственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ и вытекающую изъ нея дѣятельность любви, а только какъ плотское существованіе въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени, въ опредѣленныхъ и устраиваемыхъ нами, исключающихъ возможность благоволенія ко всѣмъ людямъ условіяхъ.

Людямъ мірского ученія, направившимъ свой разумъ на устройство извѣстныхъ условій существованія, кажется, что увеличеніе блага жизни происходитъ отъ лучшаго внѣшняго устройства своего существованія. Лучшее же внѣшнее устрой-

ство ихъ существованія зависитъ отъ большаго насилія надъ людьми, прямо противоположнаго любви. Такъ что, чѣмъ лучше ихъ устройство, тѣмъ меньше у нихъ остается возможности любви, возможности жизни.

Употребивъ свой разумъ не на то, чтобы понять одинаково для всѣхъ людей равное нолю благо животнаго существованія, люди этотъ ноль признали величиною, которая можетъ уменьшаться и увеличиваться, и на мнимое это увеличеніе, умноженіе ноля употребляютъ весь остающійся у нихъ безъ приложенія разумъ.

Люди не видятъ того, что ничто, ноль, на что бы онъ ни былъ помноженъ, остается тѣмъ же, равнымъ всякому другому, нолемъ; не видятъ, что существованіе животной личности всякаго человѣка одинаково бѣдственно и не можетъ быть никакими внѣшними условіями сдѣлано счастливымъ. Люди не хотятъ видѣть того, что ни одно существованіе, какъ плотское существованіе, не можетъ быть счастливѣе другого, что это такой же законъ, какъ тотъ, по которому на поверхности озера нигдѣ нельзя поднять воду выше даннаго общаго уровня. Люди, извратившіе свой разумъ, не видятъ этого и употребляютъ свой извращенный разумъ на это невозможное дѣло, и въ этомъ невозможномъ подниманіи воды въ разныхъ мѣстахъ на поверхности озера — въ родѣ того, что дѣлаютъ купающіяся дѣти, называя это «варить пиво» — проходитъ все ихъ существованіе.

Имъ кажется, что существованія людей бываютъ болѣе и менѣе хорошія, счастливыя; существованіе бѣднаго работника или больного человѣка, говорятъ они, дурное, несчастливое; существованіе богача или здороваго человѣка хорошее, счастливое; и они всѣ силы разума своего напрягаютъ на то, чтобы избѣжать дурного, несчастливаго, бѣднаго и болѣзненнаго существованія и устроить себѣ хорошее, богатое и здоровое, счастливое.

Вырабатываются поколѣніями пріемы устройства и поддержанія этихъ разныхъ, самыхъ счастливыхъ жизней, и программы этихъ воображаемыхъ лучшихъ, какъ они называютъ свое животное существованіе, жизней передаются по наслѣдству. Люди одни передъ другими стараются какъ можно лучше поддержать ту счастливую *жизнь*, которую они наслѣдовали отъ устройства родителей, или сдѣлать себѣ новую еще болѣе счастливую *жизнь*. Людямъ кажется, что, поддерживая свое унаслѣдованное устройство существованія или устраивая себѣ новое, лучшее по ихъ представленію, они что-то дѣлаютъ.

И, поддерживая другъ друга въ этомъ обманѣ, люди часто до того искренно убѣждаются въ томъ, что въ этомъ безумномъ

толченіи воды, безсмысленность котораго очевидна для нихъ самихъ, и состоитъ жизнь, — такъ убѣждаются въ этомъ, что съ презрѣніемъ отворачиваются отъ призыва къ настоящей жизни, который они не переставая слышатъ и въ ученіи истины и въ примѣрахъ жизни живыхъ людей, и въ своемъ заглохшемъ сердцѣ, въ которомъ никогда не заглушается до конца голосъ разума и любви.

Совершается удивительное дѣло. Люди, огромное количество людей, имѣющихъ возможность разумной и любовной жизни, находятся въ положеніи тѣхъ барановъ, которыхъ вытаскиваютъ изъ горящаго дома, а они, вообразивъ, что ихъ хотятъ бросить въ огонь, всѣ силы свои употребляютъ на борьбу съ тѣми, которые хотятъ спасти ихъ.

Изъ страха передъ смертью люди не хотятъ выходить изъ нея, изъ страха передъ страданіями люди мучаютъ себя и лишаютъ себя единственно возможныхъ для нихъ блага и жизни.

XXVII.

Страхъ смерти есть только сознаніе неразрѣшеннаго противорѣчія жизни.

«Нѣтъ смерти», говоритъ людямъ голосъ истины. «Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ меня не умретъ вовѣкъ. Вѣришь ли сему?»

Нѣтъ смерти, говорили всѣ великіе учители міра, и то же говорятъ и жизнью своею свидѣтельствуютъ милліоны людей, понявшихъ смыслъ жизни. И то же чувствуетъ въ своей душѣ въ минуту проясненія сознанія и каждый живой человѣкъ. Но люди, не понимающіе жизни, не могутъ не бояться смерти. Они видятъ ее и вѣрятъ въ нее.

«Какъ нѣтъ смерти? — съ негодованіемъ, съ злобой кричатъ эти люди. — Это софизмъ! Смерть передъ нами; косила милліоны и насъ скоситъ. И сколько ни говорите, что ея нѣтъ, она все-таки останется. Вотъ она!»

И они видятъ то, про что они говорятъ, какъ видитъ душевнобольной человѣкъ то привидѣніе, которое ужасаетъ его. Онъ не можетъ ощупать это привидѣніе, оно никогда еще не прикасалось къ нему; про намѣреніе его онъ ничего не знаетъ, но онъ такъ боится и страдаетъ отъ этого воображаемаго привидѣнія, что лишается возможности жизни. Вѣдь то же и со смертью. Человѣкъ не знаетъ своей смерти и никогда не можетъ познать

ея, она никогда еще не прикасалась къ нему, про намѣреніе ея онъ ничего не знаетъ. Такъ чего же онъ боится?

«Она никогда еще не схватывала меня, но она схватитъ, я знаю навѣрное — схватитъ и уничтожитъ меня. И это ужасно!» говорятъ люди, не понимающіе жизни.

Если бы люди съ ложнымъ представленіемъ о жизни могли разсуждать спокойно и мыслили бы правильно на основаніи того представленія, которое они имѣютъ о жизни, они бы должны были придти къ заключенію, что въ томъ, что въ плотскомъ существованіи моемъ произойдетъ та перемѣна, которая, я вижу, не переставая происходитъ во всѣхъ существахъ и которую я называю смертью, нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни страшнаго.

Я умру. Что жъ тутъ страшнаго? Вѣдь сколько разныхъ перемѣнъ происходило и происходитъ въ моемъ плотскомъ существованіи, и я не боялся ихъ. Отчего же я боюсь этой перемѣны, которая еще не наступала и въ которой не только нѣтъ ничего противнаго моему разуму и опыту, но которая такъ понятна, знакома и естественна для меня, что въ продолженіе моей жизни я постоянно дѣлалъ и дѣлаю соображенія, въ которыхъ смерть и животныхъ и людей принималась мною, какъ необходимое и часто пріятное мнѣ условіе жизни. Что же страшно?

Вѣдь есть только два строго логическіе взгляда на жизнь: одинъ ложный — тотъ, при котроомъ жизнь понимается, какъ тѣ видимыя явленія, которыя происходятъ въ моемъ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти, а другой истинный — тотъ, при которомъ жизнь понимается, какъ то невидимое сознаніе ея, которое я ношу въ себѣ. Одинъ взглядъ ложный, другой истинный, но оба логичны, и люди могутъ имѣть тотъ или другой, но ни при томъ, ни при другомъ невозможенъ страхъ смерти.

Первый ложный взглядъ, понимающій жизнь, какъ видимыя явленія въ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти, столь же древенъ, какъ и міръ. Это не есть, какъ думаютъ многіе, взглядъ на жизнь, выработанный матеріалистической наукой и философіей нашего времени; наука и философія нашего времени довели только это воззрѣніе до послѣднихъ его предѣловъ, при которыхъ очевиднѣе, чѣмъ прежде, стало несоотвѣтствіе этого взгляда основнымъ требованіямъ природы человѣческой; но это давнишній, первобытный взглядъ людей, стоящихъ на низшей ступени развитія: онъ выраженъ и у китайцевъ, и у буддистовъ, и у евреевъ, и въ книгѣ Іова, и въ изреченіи: «земля еси и въ землю пойдеши».

Взглядъ этотъ въ своемъ теперешнемъ выраженіи такой: жизнь — это случайная игра силъ въ веществѣ, проявляющаяся въ пространствѣ и времени. То же, что мы называемъ своимъ

сознаніемъ, не есть жизнь, а нѣкоторый обманъ чувствъ, при которомъ кажется, что жизнь — въ этомъ сознаніи. Сознаніе есть искра, вспыхивающая на веществѣ при извѣстномъ его состояніи. Искра эта вспыхиваетъ, разгорается, опять тухнетъ и подъ конецъ совсѣмъ потухаетъ. Искра эта, т.-е. сознаніе, испытываемое веществомъ въ продолженіе опредѣленнаго времени между двухъ временныхъ безконечностей, есть ничто. И несмотря на то, что сознаніе видитъ само себя и весь безконечный міръ, и судитъ само себя и весь безконечный міръ, и видитъ всю игру случайностей этого міра, и, *главное*, въ противоположность чего-то не случайнаго, называетъ эту игру случайною, сознаніе это само по себѣ есть только произведеніе мертваго вещества, призракъ, возникающій и исчезающій безъ всякаго остатка и смысла. Все есть произведеніе вещества, безконечно измѣняющагося: и то, что называютъ жизнью, есть только извѣстное состояніе мертваго вещества.

Таковъ одинъ взглядъ на жизнь. Взглядъ этотъ совершенно логиченъ. По этому взгляду разумное сознаніе человѣка есть только случайность, сопутствующая извѣстному состоянію вещества; и потому то, что мы въ своемъ сознаніи называемъ жизнью, есть призракъ. Существуетъ только мертвое. То, что мы называемъ жизнью, есть игра смерти. При такомъ взглядѣ на жизнь смерть не только не должна быть страшна, но должна быть страшна жизнь — какъ нѣчто неестественное и неразумное, какъ это и есть у буддистовъ и новыхъ пессимистовъ — Шопенгауэра и Гартмана.

Другой же взглядъ на жизнь такой. Жизнь есть только то, что я сознаю въ себѣ. Сознаю же я всегда свою жизнь не такъ, что я былъ или буду (такъ я разсуждаю о своей жизни), а сознаю свою жизнь такъ, что я есмь — никогда нигдѣ не начинаюсь, никогда нигдѣ и не кончаюсь. Съ сознаніемъ моей жизни не соединимо понятіе времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространствѣ, но это только проявленіе ея. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною внѣ времени и пространства. Такъ что при этомъ взглядѣ выходитъ наоборотъ: не сознаніе жизни есть призракъ, а все пространственное и временное — призрачно. И потому временное и пространственное прекращеніе тѣлеснаго существованія при этомъ взглядѣ не имѣетъ ничего дѣйствительнаго и не можетъ не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И смерть при этомъ взглядѣ не существуетъ.

Ни при томъ, ни при другомъ взглядѣ на жизнь страха смерти не могло бы быть, если бы люди строго держались того или другого.

Ни какъ животное, ни какъ разумное существо, человѣкъ не можетъ бояться смерти: животное, не имѣя сознанія жизни, не видитъ смерти, а разумное существо, имѣя сознаніе жизни, не можетъ видѣть въ смерти животной ничего иного, какъ естественнаго и никогда не прекращающагося движенія вещества. Если же человѣкъ боится, то боится не смерти, которой онъ не знаетъ, а жизни, которую одну знаетъ и животное и разумное существо его. То чувство, которое выражается въ людяхъ страхомъ смерти, есть только сознаніе внутренняго противорѣчія жизни; точно такъ же, какъ страхъ привидѣній есть только сознаніе болѣзненнаго душевнаго состоянія.

«Я перестану быть—умру, умретъ все то, въ чемъ я полагаю свою жизнь», говоритъ человѣку одинъ голосъ; «я есмь,—говоритъ другой голосъ,—и не могу и не долженъ умереть. Я не долженъ умереть, и я умираю».

Не въ смерти, а въ этомъ противорѣчіи причина того ужаса, который охватываетъ человѣка при мысли о плотской смерти: страхъ смерти не въ томъ, что человѣкъ боится прекращенія существованія своего животнаго, но въ томъ, что ему представляется, что умираетъ то, что не можетъ и не должно умереть. Мысль о будущей смерти есть только перенесеніе въ будущее совершающейся смерти въ настоящемъ. Являющееся привидѣніе будущей плотской смерти не есть пробужденіе мысли о смерти, но, напротивъ, пробужденіе мысли о жизни, которую долженъ имѣть и не имѣетъ человѣкъ. Это — чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать человѣкъ, пробудившійся къ жизни въ гробу, подъ землею. Есть жизнь, а я въ смерти, и вотъ она, смерть! Представляется, что то, что есть и должно быть, то уничтожается. И умъ человѣческій шалѣетъ, ужасается. Лучшее доказательство того, что страхъ смерти есть не страхъ смерти, а ложной жизни, есть то, что часто люди убиваютъ себя отъ страха смерти.

Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы съ нею не кончилась ихъ жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показываетъ имъ необходимость истинной жизни, которой они не имѣютъ. И отъ этого-то такъ не любятъ люди, не понимающіе жизни, вспоминать о смерти. Вспоминать о смерти для нихъ все равно, что признаваться въ томъ, что они живутъ не такъ, какъ того требуетъ отъ нихъ разумное сознаніе.

Люди, боящіеся смерти, боятся ея оттого, что она представляется имъ пустотою и мракомъ; но пустоту и мракъ они видятъ потому, что не видятъ жизни.

XXVIII.

Плотская смерть уничтожаетъ пространственное тѣло и временное сознаніе, но не можетъ уничтожать того, что составляетъ основу жизни: особенное отношеніе къ міру каждаго существа.

Но и люди, не видящіе жизни, если бы они только подходили ближе къ тѣмъ привидѣніямъ, которыя пугаютъ ихъ, и ощупывали бы ихъ, увидали бы, что и для нихъ привидѣніе — только привидѣніе, а не дѣйствительность.

Страхъ смерти всегда происходитъ въ людяхъ оттого, что они страшатся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, которое — они чувствуютъ — составляетъ ихъ жизнь. Я умру, тѣло разложится, и уничтожится мое *я*. *Я* же это мое есть то, что жило въ моемъ тѣлѣ столько-то лѣтъ.

Люди дорожатъ этимъ своимъ *я;* и, полагая, что это *я* совпадаетъ съ ихъ плотской жизнью, дѣлаютъ заключеніе о томъ, что оно должно уничтожиться съ уничтоженіемъ ихъ плотской жизни.

Заключеніе это самое обычное, и рѣдко кому приходитъ въ голову усомниться въ немъ, а между тѣмъ заключеніе это совершенно произвольно. Люди — и тѣ, которые считаютъ себя матеріалистами, и тѣ, которые считаютъ себя спиритуалистами—такъ привыкли къ представленію о томъ, что ихъ *я* есть то ихъ сознаніе своего тѣла, которое жило столько-то лѣтъ, что имъ и не приходитъ въ голову провѣрить справедливость такого утвержденія.

Я жилъ 59 лѣтъ и во все это время я сознавалъ себя собою въ своемъ тѣлѣ, и это-то сознаніе себя собою, мнѣ кажется, и была моя жизнь. Но вѣдь это только кажется мнѣ. Я жилъ ни 59 лѣтъ, ни 59.000 лѣтъ, ни 59 секундъ. Ни мое тѣло, ни время его существованія нисколько не опредѣляютъ жизни моего *я*. Если я въ каждую минуту жизни спрошу себя въ своемъ сознаніи: что я такое? — я отвѣчу: нѣчто думающее и чувствующее, т.-е. относящееся къ міру своимъ совершенно особеннымъ образомъ. Только это я сознаю своимъ *я* и больше ничего. О томъ, когда и гдѣ я родился, когда и гдѣ я началъ такъ чувствовать и думать, какъ я теперь думаю и чувствую, я рѣшительно ничего не знаю. Мое сознаніе говоритъ мнѣ только: я есмь; я есмь съ тѣмъ моимъ отношеніемъ къ міру, въ которомъ я нахожусь теперь. О своемъ рожденіи, о своемъ дѣтствѣ, о многихъ періодахъ юности, о среднихъ годахъ, объ очень недавнемъ времени я часто ничего не помню. Если же я и помню кое-что или мнѣ напоминаютъ кое-что изъ моего про-

шедшаго, то я помню и вспоминаю это почти такъ же, какъ то, что мнѣ разсказываютъ про другихъ. Такъ на какомъ же основаніи я утверждаю, что во все время моего существованія я былъ все *одинъ я?* Тѣла вѣдь моего одного никакого не было и нѣтъ: тѣло мое все было и есть безпрестанно текущее вещество черезъ что-то невещественное и невидимое, признающее это протекающее черезъ него тѣло своимъ. Тѣло мое все десятки разъ перемѣнилось; ничего не осталось стараго, и мышцы, и внутренности, и кости, и мозгъ — все перемѣнилось.

Тѣло мое одно только потому, что есть что-то невещественное, которое признаетъ все это перемѣняющееся тѣло однимъ и своимъ. Невещественное это есть то, что мы называемъ сознаніемъ: оно одно держитъ все тѣло вмѣстѣ и признаетъ его однимъ и своимъ. Безъ этого сознанія себя отдѣльнымъ отъ всего остального я бы ничего не зналъ ни о своей, ни о всякой другой жизни. И потому при первомъ разсужденіи кажется, что основа всего — сознаніе — должно быть постоянное. Но и это несправедливо: и сознаніе непостоянно. Въ продолженіе всей жизни и теперь повторяется явленіе сна, которое кажется намъ очень простымъ потому, что мы всѣ спимъ каждый день, но которое рѣшительно непостижимо, если признавать то, чего нельзя не признавать, — что во время сна иногда совершенно прекращается сознаніе.

Каждыя сутки, во время полнаго сна, сознаніе обрывается совершенно и потомъ опять возобновляется. А между тѣмъ это-то сознаніе есть единственная основа, держащая все тѣло вмѣстѣ и признающая его своимъ. Казалось бы, что при прекращеніи сознанія должно бы и распадаться тѣло, и терять свою отдѣльность; но этого не бываетъ ни въ естественномъ, ни въ искусственномъ снѣ.

Но мало того, что сознаніе, держащее все тѣло вмѣстѣ, періодически обрывается и тѣло не распадается, — сознаніе это, кромѣ того, еще и измѣняется такъ же, какъ и тѣло. Какъ нѣтъ ничего общаго въ веществѣ моего тѣла, какимъ оно было десять лѣтъ назадъ, и теперешнемъ, какъ не было одного тѣла, такъ и не было во мнѣ одного сознанія. Мое сознаніе трехлѣтнимъ ребенкомъ и теперешнее сознаніе такъ же различны, какъ и вещество моего тѣла теперь и 30 лѣтъ тому назадъ. Сознанія нѣтъ одного, а есть рядъ послѣдовательныхъ сознаній, которыя можно дробить до безконечности.

Такъ что и то сознаніе, которое держитъ все тѣло вмѣстѣ и признаетъ его своимъ, не есть что-нибудь одно, а есть нѣчто прерывающееся и перемѣняющееся. Сознанія, одного сознанія самого себя, какъ мы обыкновенно представляемъ себѣ, нѣтъ

въ человѣкѣ, такъ же какъ нѣтъ одного тѣла. Нѣтъ въ человѣкѣ ни одного и того же тѣла, ни одного того, что отдѣляетъ это тѣло отъ всего другого,—нѣтъ сознанія постоянно одного, во всю жизнь одного человѣка, а есть только рядъ послѣдовательныхъ сознаній, чѣмъ-то связанныхъ между собой, — и человѣкъ все-таки чувствуетъ себя собою.

Тѣло наше не есть одно; и то, что признаетъ это перемѣняющееся тѣло однимъ и нашимъ, не сплошное во времени, а есть только рядъ перемѣняющихся сознаній, и мы уже очень много разъ теряли и свое тѣло и эти сознанія; теряемъ тѣло постоянно и сознаніе теряемъ всякій день, когда засыпаемъ, и всякій день и часъ чувствуемъ въ себѣ измѣненія этого сознанія и нисколько не боимся этого. Стало быть, если есть какое-нибудь такое наше *я*, которое мы боимся потерять при смерти, то это *я* должно быть не въ томъ тѣлѣ, которое мы называемъ своимъ, и не въ томъ сознаніи, которое мы называемъ своимъ въ извѣстное время, а въ чемъ-либо другомъ, соединяющемъ весь рядъ послѣдовательныхъ сознаній въ одно.

Что же такое это нѣчто, связывающее въ одно всѣ послѣдовательныя во времени сознанія? Что такое это то самое коренное и особенное мое *я*, не слагающееся изъ существованія моего тѣла и ряда происходящихъ въ немъ сознаній, но то основное *я*, на которое, какъ на стержень, нанизываются одно за другимъ различныя послѣдовательныя во времени сознанія? Вопросъ кажется очень глубокимъ и премудрымъ, а между тѣмъ нѣтъ того ребенка, который не зналъ бы на него отвѣта и не высказывалъ бы этого отвѣта 20 разъ на день. «А я люблю это, а не люблю этого». Слова эти очень просты, а между тѣмъ въ нихъ-то и разрѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ то особенное *я*, которое связываетъ въ одно всѣ сознанія. Это то *я*, которое любитъ это, а не любитъ этого. Почему одинъ любитъ это, а не любитъ этого, этого никто не знаетъ, а между прочимъ это самое и есть то, что составляетъ основу жизни каждаго человѣка, это-то и есть то, что связываетъ въ одно всѣ различныя по времени состоянія сознанія каждаго отдѣльнаго человѣка. Внѣшній міръ дѣйствуетъ на всѣхъ людей одинаково, но впечатлѣнія людей, поставленныхъ даже въ совершенно тождественныя условія, до безконечности разнообразны и по числу получаемыхъ и могущихъ быть дробимыми до безконечности впечатлѣній, и по силѣ ихъ. Изъ впечатлѣній этихъ слагается рядъ послѣдовательныхъ сознаній каждаго человѣка. Связываются же всѣ эти послѣдовательныя сознанія только потому, почему и въ настоящемъ одни впечатлѣнія дѣйствуютъ, а другія не

дѣйствують на его сознаніе. Дѣйствують же или не дѣйствуютъ на человѣка извѣстныя впечатлѣнія только потому, что онъ больше или меньше любитъ это, а не любитъ этого.

Только вслѣдствіе этой большей или меньшей степени любви и складывается въ человѣкѣ извѣстный рядъ такихъ, а не иныхъ сознаній. Такъ что только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое и есть то особенное и основное *я* человѣка, въ которомъ собираются въ одно всѣ разбросанныя, прерывающіяся сознанія. Свойство же это, хотя и развивается и въ нашей жизни, вносится нами уже готовое въ эту жизнь изъ какого-то невидимаго и непознаваемаго нами прошедшаго.

Это особенное свойство человѣка въ большей или меньшей степени любить одно и не любить другое, обыкновенно называютъ характеромъ. И подъ словомъ этимъ часто разумѣется особенность свойствъ каждаго отдѣльнаго человѣка, образующаяся вслѣдствіе извѣстныхъ условій мѣста и времени. Но это несправедливо. Основное свойство человѣка болѣе или менѣе любить одно и не любить другое не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій, но, напротивъ, пространственныя и временныя условія дѣйствуютъ или не дѣйствуютъ на человѣка только потому, что человѣкъ, входя въ міръ, уже имѣетъ весьма опредѣленное свойство любить одно и не любить другое. Только отъ этого и происходитъ то, что люди, рожденные и воспитанные въ совершенно одинаковыхъ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, представляютъ часто самую рѣзкую противоположность своего внутренняго *я*.

То, что соединяетъ въ одно всѣ разрозненныя сознанія, соединяющіяся, въ свою очередь, въ одно наше тѣло, есть нѣчто весьма опредѣленное, хотя и независимое отъ пространственныхъ и временныхъ условій, и вносится нами въ міръ изъ области внѣпространственной и внѣвременной; это-то *нѣчто*, состоящее въ моемъ извѣстномъ, исключительномъ отношеніи къ міру, и есть мое настоящее и дѣйствительное *я*. Себя я разумѣю, какъ это основное свойство; и другихъ людей, если я знаю ихъ, то знаю только, какъ особенныя какія-то отношенія къ міру. Входя въ серьезное душевное общеніе съ людьми, вѣдь никто изъ насъ не руководствуется ихъ внѣшними признаками, а каждый изъ насъ старается проникнуть въ ихъ сущность, т.-е. познать, каково ихъ отношеніе къ міру, что̀ и въ какой степени они любятъ и не любятъ.

Каждое отдѣльное животное: лошадь, собаку, корову, если я знаю ихъ и имѣю съ ними серьезное душевное общеніе, я знаю не по внѣшнимъ признакамъ, а по тому особенному отно-

шенію къ міру, въ которомъ стоитъ каждое изъ нихъ, — по тому, что каждое изъ нихъ, и въ какой степени, любитъ и не любитъ. Если я знаю особыя различныя породы животныхъ, то, строго говоря, я знаю ихъ не столько по внѣшнимъ признакамъ, сколько по тому, что каждая изъ нихъ — левъ, рыба, паукъ — представляютъ общее особенное отношеніе къ міру. Всѣ львы вообще любятъ одно, и всѣ рыбы — другое, и всѣ пауки — третье; только потому, что они любятъ разное, они и раздѣляются въ моемъ представленіи, какъ различныя живыя существа.

То же, что я еще не различаю въ каждомъ изъ этихъ существъ его особеннаго отношенія къ міру, не доказываетъ того, чтобы его не было, а только то, что то особенное отношеніе къ міру, которое составляетъ жизнь одного отдѣльнаго паука, удалено отъ того отношенія къ міру, въ которомъ нахожусь я, и что потому я еще не понялъ его, какъ понялъ Сильвіо Пеллико своего отдѣльнаго паука.

Основа всего того, что я знаю о себѣ и о всемъ мірѣ, есть то особенное отношеніе къ міру, въ которомъ я нахожусь и вслѣдствіе котораго я вижу другія существа, находящіяся въ своемъ особенномъ отношеніи къ міру. Мое же особенное отношеніе къ міру установилось не въ этой жизни и началось не съ моимъ тѣломъ и не съ рядомъ послѣдовательныхъ во времени сознаній.

И потому можетъ уничтожиться мое тѣло, связанное въ одно моимъ временнымъ сознаніемъ, можетъ уничтожиться и самое мое временное сознаніе, но не можетъ уничтожиться то мое особенное отношеніе къ міру, составляющее мое особенное *я*, изъ котораго создалось для меня все, что есть. Оно не можетъ уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не зналъ ряда своихъ послѣдовательныхъ сознаній, не зналъ бы своего тѣла, не зналъ бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтоженіе тѣла и сознанія не можетъ служить признакомъ уничтоженія моего особеннаго отношенія къ міру, которое началось и возникло не въ этой жизни.

XXIX.

Страхъ смерти происходитъ оттого, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную, часть ея.

Мы боимся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, соединяющее и тѣло и рядъ сознаній, проявлявшихся во времени, въ одно, а между тѣмъ это-то мое особенное *я* началось

не съ моимъ рожденіемъ, и потому прекращеніе извѣстнаго временнаго сознанія не можетъ уничтожить того, что соединяетъ въ одно всѣ временныя сознанія.

Плотская смерть дѣйствительно уничтожаетъ то, что держитъ тѣло вмѣстѣ, — сознаніе временной жизни. Но вѣдь это случается съ нами безпрестанно и каждый день, когда мы засыпаемъ. Вопросъ въ томъ, уничтожаетъ ли плотская смерть то, что соединяетъ всѣ послѣдовательныя сознанія въ одно, т.-е. мое особенное отношеніе къ міру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношеніе къ міру, соединяющее въ одно всѣ послѣдовательныя сознанія, родилось съ моимъ плотскимъ существованіемъ, а потому и умретъ съ нимъ. А этого-то и нѣтъ.

Разсуждая на основаніи воего сознанія, я вижу, что соединявшее всѣ мои сознанія въ одно—извѣстная воспріимчивость къ одному и холодность къ другому, вслѣдствіе чего одно остается, другое исчезаетъ во мнѣ, — степень моей любви къ добру и ненависти ко злу, — что это мое особенное отношеніе къ міру, составляющее именно меня, особенно меня, не есть произведеніе какой-либо внѣшней причины, а есть основная причина всѣхъ остальныхъ явленій моей жизни.

Разсуждая же на основаніи наблюденія, сначала мнѣ представляется, что причины особенности моего *я* находятся въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на меня и на нихъ; но, разсуждая по этому пути дальше, я не могу не видѣть, что если особенное мое *я* лежитъ въ особенности моихъ родителей и условій, вліявшихъ на нихъ, то оно лежитъ и въ особенности всѣхъ моихъ предковъ и въ условіяхъ ихъ существованія — до безконечности, т.-е. внѣ времени и внѣ пространства, — такъ что мое особенное *я* произошло внѣ пространства и внѣ времени, т.-е. то самое, что я и сознаю.

Въ этой и только въ этой внѣвременной и внѣпространственной основѣ моего особеннаго отношенія къ міру, соединяющей всѣ памятныя мнѣ сознанія и сознанія, предшествующія памятной мнѣ жизни (какъ это говоритъ Платонъ и какъ мы всѣ это въ себѣ чувствуемъ), — въ ней-то, въ этой основѣ, въ особенномъ моемъ отношеніи къ міру и есть то особенное *я*, за которое мы боимся, что оно уничтожится съ плотской смертью.

Но вѣдь стоитъ только понять, что то, что связываетъ всѣ сознанія въ одно, что то, что и есть особенное *я* человѣка, находится внѣ времени, всегда было и есть и что то, что можетъ прерываться, есть только рядъ сознаній извѣстнаго времени, — чтобы было ясно, что уничтоженіе послѣдняго по времени сознанія,

при плотской смерти, такъ же мало можетъ уничтожить истинное человѣческое *я*, какъ и ежедневное засыпаніе. Вѣдь ни одинъ человѣкъ не боится засыпать, хотя въ засыпаніи происходитъ совершенно то же, что при смерти, именно: прекращается сознаніе во времени. Человѣкъ не боится того, что засыпаетъ — хотя уничтоженіе сознанія совершенно такое же, какъ и при смерти, — не потому, что онъ разсудилъ, что онъ засыпалъ и просыпался и потому опять проснется (разсужденіе это невѣрно: онъ могъ тысячу разъ просыпаться и въ тысячу первый не проснуться), — никто никогда не дѣлаетъ этого разсужденія, и разсужденіе это не могло бы успокоить его, — но человѣкъ знаетъ, что его истинное *я* живетъ внѣ времени и что потому проявляющееся для него во времени прекращеніе его сознанія не можетъ нарушить его жизни.

Если бы человѣкъ засыпалъ, какъ въ сказкахъ, на тысячи лѣтъ, онъ засыпалъ бы такъ же спокойно, какъ и на два часа. Для сознанія не временной, но истинной жизни милліонъ лѣтъ перерыва во времени и восемь часовъ — все равно, потому что времени для такой жизни нѣтъ.

Уничтожится тѣло — уничтожится сознаніе нынѣшняго дня.

Но вѣдь къ измѣненію своего тѣла и замѣнѣ однихъ временныхъ сознаній другими человѣку пора бы привыкнуть. Вѣдь эти перемѣны начались съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ человѣкъ, и происходили не переставая. Человѣкъ не боится перемѣнъ въ своемъ тѣлѣ и не только не ужасается, но очень часто только и желаетъ ускоренія этихъ перемѣнъ, желаетъ вырасти, возмужать, вылѣчиться. Человѣкъ былъ краснымъ кускомъ мяса, и сознаніе его все состояло въ требованіяхъ желудка; теперь онъ бородатый, разумный мужчина, или женщина, любящая взрослыхъ, дѣтей. Вѣдь ничего нѣтъ похожаго ни въ тѣлѣ, ни въ сознаніи, и человѣкъ не ужасался тѣхъ перемѣнъ, которыя привели его къ теперешнему состоянію, а только привѣтствовалъ ихъ. Что же страшнаго въ предстоящей перемѣнѣ? Уничтоженіе? Да вѣдь то, на чемъ происходятъ всѣ эти перемѣны,— особенное отношеніе къ міру, — то, въ чемъ состоитъ сознаніе истинной жизни, началось не съ рожденія тѣла, а внѣ тѣла и внѣ времени. Такъ какъ же можетъ какое бы то ни было временное и пространственное измѣненіе уничтожить то, что внѣ его? Человѣкъ уставится глазами въ маленькую, крошечную частичку своей жизни, не хочетъ видѣть всей ея и дрожитъ объ томъ, чтобъ не пропалъ изъ глазъ этотъ крошечный излюбленный имъ кусочекъ. Это напоминаетъ анекдотъ о томъ сумасшедшемъ, который вообразилъ себѣ, что онъ стеклянный и, когда

его уронили, сказалъ: дзинь! и тотчасъ же умеръ. Чтобы имѣть жизнь, человѣку надо брать ее всю, а не маленькую часть ея, проявляющуюся въ пространствѣ и времени. Тому, кто возьметъ всю жизнь, тому прибавится, а тому, кто возьметъ часть ея, у того отнимется и то, что у него есть.

XXX.

Жизнь есть отношеніе къ міру. Движеніе жизни есть установленіе новаго, высшаго отношенія, и потому смерть есть вступленіе въ новое отношеніе.

Жизнь мы не можемъ понимать иначе, какъ извѣстное отношеніе къ міру: такъ мы понимаемъ жизнь въ себѣ и такъ же мы ее понимаемъ и въ другихъ существахъ.

Но въ себѣ мы понимаемъ жизнь не только какъ разъ существующее отношеніе къ міру, но и какъ установленіе новаго отношенія къ міру черезъ большее и большее подчиненіе животной личности разуму, и проявленіе большей степени любви. То неизбѣжное уничтоженіе плотскаго существованія, которое мы на себѣ видимъ, показываетъ намъ, что отношеніе, въ которомъ мы находимся къ міру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установленіе этого новаго отношенія, т.-е. движеніе жизни, и уничтожаетъ представленіе смерти. Смерть представляется только тому человѣку, который, не признавъ свою жизнь въ установленіи разумнаго отношенія къ міру и проявленіи его въ большей и большей любви, остался при томъ отношеніи, т.-е. съ тою степенью любви къ одному и нелюбви къ другому, съ которыми онъ вступилъ въ существованіе.

Жизнь есть неперестающее движеніе, а оставаясь въ томъ же отношеніи къ міру, оставаясь на той степени любви, съ которой онъ вступилъ въ жизнь, онъ чувствуетъ остановку ея, и ему представляется смерть.

Смерть и видна и страшна только такому человѣку. Все существованіе такого человѣка есть одна неперестающая смерть. Смерть видна и страшна ему не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, при всѣхъ проявленіяхъ уменьшенія животной жизни, начиная отъ младенчества и до старости: потому что движеніе существованія отъ дѣтства до возмужалости только кажется временнымъ увеличеніемъ силъ, въ сущности же есть такое же огрубѣніе членовъ, уменьшеніе гибкости, жизненности, не прекращающееся отъ рожденія и до смерти. Такой человѣкъ

видитъ передъ собой смерть постоянно, и ничто не можетъ спасти его отъ нея. Съ каждымъ днемъ, часомъ положеніе такого человѣка дѣлается хуже и хуже, и ничто не можетъ улучшить его. Свое особенное отношеніе къ міру, любовь къ одному и нелюбовь къ другому, такому человѣку представляется только однимъ изъ условій его существованія; и единственное дѣло жизни — установленіе новаго отношенія къ міру, увеличеніе любви—представляется ему дѣломъ ненужнымъ. Вся жизнь его проходитъ въ невозможномъ: избавиться отъ неизбѣжнаго уменьшенія жизни, огрубѣнія, ослаблѣнія ея, устарѣнія и смерти.

Но не то для человѣка, понимающаго жизнь. Такой человѣкъ знаетъ, что онъ внесъ въ свою теперешнюю жизнь свое особенное отношеніе къ міру, свою любовь къ одному и нелюбовь къ другому изъ скрытаго для него прошедшаго. Онъ знаетъ, что эта-то его любовь къ одному и нелюбовь къ другому, внесенная имъ въ это его существованіе, есть самая сущность его жизни; что это не есть случайное свойство его жизни, но что это одно имѣетъ движеніе жизни, — и онъ въ одномъ этомъ движеніи, въ увеличеніи любви, полагаетъ свою жизнь.

Глядя на свое прошедшее въ этой жизни, онъ видитъ, по памятному ему ряду своихъ сознаній, что отношеніе его къ міру измѣнялось, подчиненіе закону разума увеличивалось, и увеличивалась, не переставая, сила и область любви, давая ему все большее и большее благо независимо, а иногда прямо обратно пропорціонально умаленію существованія личности.

Такой человѣкъ, принявъ свою жизнь изъ невидимаго ему прошедшаго, сознавая постоянное непрерываемое возрастаніе ея, не только спокойно, но и радостно переноситъ ее и въ невидимое будущее.

Говорятъ: болѣзнь, старость, дряхлость, впаденіе въ дѣтство есть уничтоженіе сознанія и жизни человѣка. Для какого человѣка? Я представляю себѣ, по преданію, Іоанна Богослова, впавшаго отъ старости въ дѣтство. Онъ, по преданію, говорилъ только: братья, любите другъ друга! Чуть двигающійся столѣтній старичокъ, съ слезящимися глазами, шамкаетъ только одни и одни три слова: любите другъ друга! Въ такомъ человѣкѣ существованіе животное чуть брезжится, — оно все съѣдено новымъ отношеніемъ къ міру, новымъ живымъ существомъ, не умѣщающимся уже въ существованіи плотскаго человѣка.

Для человѣка, понимающаго жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно есть, говорить объ умаленіи своей жизни при болѣзняхъ и старости и сокрушаться объ этомъ — все равно,

что человѣку, подходящему къ свѣту, сокрушаться объ уменьшеніи своей тѣни по мѣрѣ приближенія къ свѣту. Вѣрить же въ уничтоженіе своей жизни, потому что уничтожается тѣло, все равно, что вѣрить въ то, что уничтоженіе тѣни предмета, послѣ вступленія предмета въ сплошной свѣтъ, есть вѣрный признакъ уничтоженія самаго предмета. Дѣлать такія заключенія могъ бы только тотъ человѣкъ, который такъ долго смотрѣлъ только на тѣнь, что подъ конецъ вообразилъ себѣ, что тѣнь и есть самый предметъ.

Для человѣка же, знающаго себя не по отраженію въ пространственномъ и временномъ существованіи, а по своему возросшему любовному отношенію къ міру, уничтоженіе тѣни пространственныхъ и временныхъ условій есть только признакъ большей степени свѣта. Человѣку, понимающему свою жизнь, какъ извѣстное особенное отношеніе къ міру, съ которымъ онъ вступилъ въ существованіе и которое росло въ его жизни увеличеніемъ любви, вѣрить въ свое уничтоженіе — все равно, что человѣку, знающему внѣшніе видимые законы міра, вѣрить въ то, что его нашла мать подъ капустнымъ листомъ и что тѣло его вдругъ куда-то улетитъ, такъ что ничего не останется.

XXXI.

Жизнь умершихъ людей не прекращается въ этомъ мірѣ.

Но еще болѣе—не скажу съ другой стороны, но по самому существу жизни, какъ мы сознаемъ ее — становится яснымъ суевѣріе смерти. Мой другъ, братъ, жилъ такъ же, какъ и я, и теперь пересталъ жить такъ, какъ я. Жизнь его была его сознаніе и происходила въ условіяхъ его тѣлеснаго существованія; значитъ, нѣтъ мѣста и времени для проявленія его сознанія, и его нѣтъ для меня. Братъ мой былъ, я былъ въ общеніи съ нимъ, а теперь его нѣтъ, и я никогда не узнаю, гдѣ онъ.

«Между нимъ и нами прерваны всѣ связи. Его нѣтъ для насъ, и насъ такъ же не будетъ для тѣхъ, кто останется. Что же это, какъ не смерть?» Такъ говорятъ люди, не понимающіе жизни.

Люди эти видятъ въ прекращеніи внѣшняго общенія самое несомнѣнное доказательство дѣйствительной смерти. А между тѣмъ ни на чемъ яснѣе и очевиднѣе, чѣмъ на прекращеніи плотскаго существованія близкихъ людей, не разсѣивается призрачность представленія о смерти. Братъ мой умеръ, что же сдѣлалось? Сдѣлалось то, что доступное моему наблюденію въ пространствѣ

и времени проявленіе его отношенія къ міру исчезло изъ моихъ глазъ и ничего не осталось.

«Ничего не осталось»,—такъ бы сказала куколка, коконъ, не выпустившій еще бабочку, увидавъ, что лежавшій съ нимъ рядомъ коконъ остался пустой. Но коконъ могъ бы сказать такъ, если бы онъ могъ думать и говорить, потому что, потерявъ своего сосѣда, онъ бы уже дѣйствительно ничѣмъ не чувствовалъ его. Не то съ человѣкомъ. Мой братъ умеръ, коконъ его, правда, остался пустой, я не вижу его въ той формѣ, въ которой я до этого видѣлъ его, но исчезновеніе его изъ моихъ глазъ не уничтожило моего отношенія къ нему. У меня осталось, какъ мы говоримъ, воспоминаніе о немъ.

Осталось воспоминаніе,—не воспоминаніе его рукъ, лица, глазъ, а воспоминаніе его духовнаго образа.

Что такое это воспоминаніе, такое простое и, какъ кажется, понятное слово? Исчезаютъ формы кристалловъ, животныхъ—воспоминанія не бываетъ между кристаллами и животными. У меня же есть воспоминаніе моего друга и брата. И воспоминаніе это тѣмъ живѣе, чѣмъ согласнѣе была жизнь моего друга и брата съ закономъ разума, чѣмъ больше она проявлялась въ любви. Воспоминаніе это не есть только представленіе, но воспоминаніе это есть что-то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ точно такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земного существованія. Это воспоминаніе есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и дѣйствовала на меня и на другихъ при его плотскомъ существованіи, точно такъ же, какъ она на меня дѣйствуетъ и послѣ его смерти. Это воспоминаніе требуетъ отъ меня послѣ его смерти теперь того же самаго, чего оно требовало отъ меня при его жизни. Мало того, воспоминаніе это становится для меня болѣе обязательнымъ послѣ его смерти, чѣмъ оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня.

Сила его жизни послѣ его плотской смерти дѣйствуетъ такъ же или сильнѣе, чѣмъ до смерти, и дѣйствуетъ, какъ все истинно живое. На какомъ же основаніи, чувствуя на себѣ эту силу жизни точно такою же, какою она была при плотскомъ существованіи моего брата, т.-е. какъ его отношеніе къ міру, уяснявшее мнѣ мое отношеніе къ міру, я могу утверждать, что мой умершій братъ не имѣетъ болѣе жизни? Я могу сказать, что онъ вышелъ изъ того низшаго отношенія къ міру, въ кото-

ромъ онъ былъ, какъ животное, и въ которомъ я еще нахожусь,—вотъ и все; могу сказать, что я не вижу того центра новаго отношенія къ міру, въ которомъ онъ теперь; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себѣ ея силу. Я смотрѣлъ въ отражающую поверхность на то, какъ держалъ меня человѣкъ; отражающая поверхность потускнѣла. Я не вижу больше, какъ онъ меня держитъ, но чувствую всѣмъ существомъ, что онъ все точно такъ же держитъ меня и слѣдовательно существуетъ.

Но мало того: эта невидимая мнѣ жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но она входитъ въ меня. Его особенное живое *я*, его отношеніе къ міру, становится моимъ отношеніемъ къ міру. Онъ какъ бы въ установленіи отношенія къ міру поднимаетъ меня на ту ступень, на которую онъ поднялся, и мнѣ, моему особенному живому *я*, становится яснѣе та слѣдующая ступень, на которую онъ уже вступилъ, скрывшись изъ моихъ глазъ, но увлекая меня за собою. Такъ я сознаю для себя жизнь уснувшаго плотской смертью брата и потому не могу въ ней сомнѣваться; но и наблюдая дѣйствія этой исчезнувшей изъ моихъ глазъ жизни на міръ, я еще несомнѣннѣе убѣждаюсь въ дѣйствительности этой исчезнувшей изъ моихъ глазъ жизни. Человѣкъ умеръ, но его отношеніе къ міру продолжаетъ дѣйствовать на людей даже не такъ, какъ при жизни. а въ огромное число разъ сильнѣе, и дѣйствіе это по мѣрѣ разумности и любовности увеличивается и растетъ, какъ все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывовъ.

Христосъ умеръ очень давно, и плотское существованіе его было короткое, и мы не имѣемъ яснаго представленія о его плотской личности, но сила его разумно-любовной жизни, его отношеніе къ міру — не чье иное — дѣйствуетъ до сихъ поръ на милліоны людей, принимающихъ въ себя это его отношеніе къ міру и живущихъ имъ. Что же это дѣйствуетъ? Что это такое, бывшее прежде связаннымъ съ плотскимъ существованіемъ Христа, составляющее продолженіе и разрастаніе той же его жизни? Мы говоримъ, что это не жизнь Христа, а послѣдствія ея. И, сказавъ такія, не имѣющія никакого значенія слова, намъ кажется, что мы сказали нѣчто болѣе ясное и опредѣленное, чѣмъ то, что сила эта есть самъ живой Христосъ. — Вѣдь точно такъ могли бы сказать муравьи, копавшіеся около желудя, который проросъ и сталъ дубомъ; желудь проросъ и сталъ дубомъ и раздираетъ почву своими корнями, роняетъ сучья, новые желуди. заслоняетъ свѣтъ, дождь, измѣняетъ все, что жило вокругъ него. «Это не жизнь желудя, — скажутъ муравьи, — а послѣд-

ствія его жизни, которая кончилась тогда, когда мы сволокли этотъ желудь и сбросили его въ ямку».

Мой братъ умеръ вчера или тысяча лѣтъ тому назадъ, и та самая сила его жизни, которая дѣйствовала при его плотскомъ существованіи, продолжаетъ дѣйствовать во мнѣ и въ сотняхъ, тысячахъ, милліонахъ людей еще сильнѣе, несмотря на то, что видимый мнѣ центръ этой силы его временнаго плотскаго существованія исчезъ изъ моихъ глазъ. Что же это значитъ? Я видѣлъ свѣтъ отъ горѣвшей передо мной травы. Трава эта потухла, но свѣтъ только усилился: я не вижу причины этого свѣта, не знаю, что̀ горитъ, но могу заключить, что тотъ же огонь, который сжегъ эту траву, жжетъ теперь дальній лѣсъ или что-то такое, чего я не могу видѣть. Но свѣтъ этотъ таковъ, что я не только вижу его теперь, но онъ одинъ руководитъ мною и даетъ мнѣ жизнь. Я живу этимъ свѣтомъ. Какъ же мнѣ отрицать его? Я могу думать, что сила этой жизни имѣетъ теперь другой центръ, невидимый мнѣ. Но отрицать его я не могу, потому что ощущаю ее, движимъ и живу ею. Каковъ этотъ центръ, какова эта жизнь сама въ себѣ, я не могу знать, — могу гадать, если люблю гаданіе и не боюсь запутаться. Но если я ищу разумнаго пониманія жизни, то удовольствуюсь яснымъ, несомнѣннымъ и не захочу портить ясное и несомнѣнное присоединеніемъ къ нему темныхъ и произвольныхъ гаданій. Довольно мнѣ знать, что если все то, чѣмъ я живу, сложилось изъ жизни жившихъ прежде меня и давно умершихъ людей и что поэтому всякій человѣкъ, исполнявшій законъ жизни, подчинившій свою животную личность разуму и проявившій силу любви, жилъ и живетъ послѣ исчезновенія своего плотскаго существованія въ другихъ людяхъ, — чтобы нелѣпое и ужасное суевѣріе смерти уже никогда болѣе не мучило меня.

На людяхъ, оставляющихъ послѣ себя силу, продолжающую дѣйствовать, мы можемъ наблюдать и то, почему эти люди, подчинивъ свою личность разуму и отдавшись жизни любви, никогда не могли сомнѣваться и не сомнѣвались въ невозможности уничтоженія жизни.

Въ жизни такихъ людей мы можемъ найти основу ихъ вѣры въ непрекращаемость жизни, и потомъ, вникнувъ и въ свою жизнь, найти и въ себѣ эти основы. Христосъ говорилъ, что онъ будетъ жить послѣ исчезновенія призрака жизни. Онъ говорилъ это потому, что онъ уже тогда, во время своего плотскаго существованія, вступилъ въ ту истинную жизнь, которая не можетъ прекращаться. Онъ жилъ уже во время своего плотскаго существованія въ лучахъ свѣта отъ того другого центра

жизни, въ которомъ онъ шелъ, и видѣлъ при своей жизни, какъ лучи этого свѣта уже освѣщали людей вокругъ него. То же видитъ и каждый человѣкъ, отрекающійся отъ личности и живущій разумной, любовной жизнью.

Какой бы тѣсный ни былъ кругъ дѣятельности человѣка,— Христосъ онъ, Сократъ, добрый, безвѣстный, самоотверженный, старикъ, юноша, женщина, — если онъ живетъ, отрекаясь отъ личности для блага другихъ, онъ здѣсь, въ этой жизни, уже вступаетъ въ то новое отношеніе къ міру, для котораго нѣтъ смерти и установленіе котораго есть для всѣхъ людей дѣло этой жизни.

Человѣкъ, положивши свою жизнь въ подчиненіе закону разума и въ проявленіе любви, видитъ ужъ въ этой жизни, съ одной стороны, лучи свѣта того новаго центра жизни, къ которому онъ идетъ, съ другой — то дѣйствіе, которое свѣтъ этотъ, проходящій черезъ него, производитъ на окружающихъ. И это даетъ ему несомнѣнную вѣру въ неумаляемость, неумираемость и въ вѣчное усиленіе жизни. Вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя убѣдить въ безсмертіи. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна. Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто сдѣлалъ свою работу жизни, установилъ въ этой жизни то новое отношеніе къ міру, которое уже не умѣщается въ немъ.

XXXII.

Суевѣріе смерти происходитъ отъ того, что человѣкъ смѣшиваетъ свои различныя отношенія къ міру.

Да, если взглянуть на жизнь въ ея истинномъ значеніи, то становится труднымъ понять даже, на чемъ держится странное суевѣріе смерти.

Такъ, когда разглядишь то, что въ темнотѣ напугало тебя, какъ привидѣніе, никакъ не можешь опять возстановить того призрачнаго страха.

Боязнь потери того, что одно есть, происходитъ только отъ того, что жизнь представляется человѣку не только въ одномъ извѣстномъ ему, но невидимомъ, особенномъ отношеніи его разумнаго сознанія къ міру, но и въ двухъ неизвѣстныхъ ему, но видимыхъ ему отношеніяхъ: его животнаго сознанія и тѣла къ міру. Все существующее представляется человѣку: 1) отношеніемъ его разумнаго сознанія къ міру, 2) отношеніемъ

его животнаго сознанія къ міру и 3) отношеніемъ вещества его тѣла къ міру. Не понимая того, что отношеніе его разумнаго сознанія къ міру есть единственная его жизнь, человѣкъ представляетъ себѣ свою жизнь еще и въ видимомъ отношеніи животнаго сознанія и вещества къ міру, и боится потерять свое особенное отношеніе разумнаго сознанія къ міру, когда въ его личности нарушается прежнее отношеніе его животнаго и вещества, его составляющаго, къ міру.

Такому человѣку кажется, что онъ происходитъ изъ движенія вещества, переходящаго на ступень личнаго животнаго сознанія. Ему кажется, что это животное сознаніе переходитъ въ разумное и что потомъ это разумное сознаніе ослабѣваетъ, переходитъ опять назадъ въ животное, и подъ конецъ животное ослабѣваетъ и переходитъ въ мертвое вещество, изъ котораго оно взялось. Отношеніе же его разумнаго сознанія къ міру представляется ему при этомъ взглядѣ чѣмъ-то случайнымъ, ненужнымъ и гибнущимъ. При этомъ взглядѣ оказывается то, что отношеніе его животнаго сознанія къ міру не можетъ уничтожиться, — животное продолжаетъ себя въ своей породѣ; отношеніе вещества къ міру уже никакъ не можетъ уничтожиться и вѣчно; а самое драгоцѣнное — разумное сознаніе его — не только не вѣчно, но есть только проблескъ чего-то ненужнаго, излишняго.

И человѣкъ чувствуетъ, что этого не можетъ быть. И въ этомъ — страхъ смерти. Чтобы спастись отъ этого страха, одни люди хотятъ увѣрить себя въ томъ, что животное сознаніе и есть ихъ разумное сознаніе и что неумираемость животнаго человѣка, т.-е. его породы, потомства, удовлетворяетъ тому требованію неумираемости разумнаго сознанія, которое они носятъ въ себѣ. Другіе хотятъ увѣрить себя, что жизнь, никогда прежде не существовавшая, вдругъ появившись въ плотскомъ видѣ и исчезнувъ въ немъ, опять воскреснетъ во плоти и будетъ жить. Но вѣрить ни въ то, ни въ другое невозможно для людей, не признающихъ жизнь въ отношеніи разумнаго сознанія къ міру. Для нихъ очевидно, что продолженіе рода человѣческаго не удовлетворяетъ неперестающему заявлять себя требованію вѣчности своего особеннаго *я*; а понятіе вновь начинающейся жизни заключаетъ въ себѣ понятіе прекращенія жизни, и если жизни не было прежде, не было всегда, то ея не можетъ быть и послѣ.

Для тѣхъ и другихъ земная жизнь есть волна. Изъ мертваго вещества выдѣляется личность, изъ личности — разумное сознаніе — вершина волны; поднявшись на вершину, волна, разумное сознаніе и личность спускаются туда, откуда онѣ вышли, и

уничтожаются. Жизнь человѣческая для тѣхъ и другихъ есть жизнь видимая. Человѣкъ выросъ, созрѣлъ, умеръ, и послѣ смерти ничего для него уже быть не можетъ, — то, что послѣ него и отъ него остались: или потомство, или даже его дѣла,— не можетъ удовлетворять его. Онъ жалѣетъ *себя*, боится прекращенія *своей* жизни. Въ то же, что эта его жизнь, которая началась здѣсь на землѣ въ его тѣлѣ и здѣсь же кончилась, что эта жизнь его самого опять воскреснетъ, онъ не можетъ вѣрить. Человѣкъ знаетъ, что если его не было прежде и онъ появился изъ ничего и умеръ, то его, особеннаго *его*, никогда больше не будетъ и быть не можетъ. Человѣкъ познаетъ то, что онъ не умретъ, только тогда, когда онъ познаетъ то, что онъ никогда не рожался и всегда былъ, есть и будетъ. Человѣкъ повѣритъ въ свое безсмертіе только тогда, когда онъ пойметъ, что его жизнь не есть волна, а есть то вѣчное движеніе, которое въ этой жизни проявляется только волною.

Представляется, что я умру и кончится моя жизнь, и эта мысль мучаетъ и пугаетъ, потому что жалко себя. Да что умретъ? Чего мнѣ жалко? Что я такое съ самой обыкновенной точки зрѣнія? Я прежде всего плоть. Ну что же? за это я боюсь, этого мнѣ жалко? Оказывается, что нѣтъ: тѣло, вещество не можетъ пропасть никогда, нигдѣ, ни одна частичка. Стало быть, эта часть меня обезпечена, за эту часть бояться нечего. Все будетъ цѣло. Но нѣтъ, говорятъ, не этого жалко. Жалко меня, Льва Николаевича, Ивана Семеныча... Да вѣдь всякій ужъ не тотъ, какимъ онъ былъ 20 лѣтъ тому назадъ, и всякій день онъ ужъ другой. Какого же мнѣ жалко? Нѣтъ, говорятъ, не то, не этого жалко. Жалко сознанія меня, моего *я*.

Да вѣдь это твое сознаніе не было всегда одно, а были разныя: было иное годъ тому назадъ, еще болѣе иное десять лѣтъ назадъ и совсѣмъ иное еще прежде; сколько ты помнишь, оно все шло измѣняясь. Что же тебѣ такъ понравилось твое теперешнее сознаніе, что тебѣ такъ жалко потерять его? Если бы оно было у тебя всегда одно, тогда бы понятно было, а то оно все только и дѣлало, что измѣнялось. Начала его ты не видишь и не можешь найти, и вдругъ ты хочешь, чтобы ему не было конца, чтобы то сознаніе, которое теперь въ тебѣ, оставалось бы навсегда. Ты съ тѣхъ поръ, какъ помнишь себя, все шелъ. Ты пришелъ въ эту жизнь, самъ не зная какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ *я*, которое ты есть, потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и вдругъ не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, идти дальше, потому что не видишь того, что тамъ. Но вѣдь ты

не видалъ тоже и того мѣста, изъ котораго ты пришелъ, а вѣдь пришелъ же ты; ты вошелъ во входныя ворота и не хочешь выходить въ выходныя.

Вся жизнь твоя была шествіе черезъ плотское существованіе: ты шелъ, торопился идти и вдругъ тебѣ жалко стало того, что совершается то самое, что ты не переставая дѣлалъ. Тебѣ страшна большая перемѣна положенія твоего при плотской смерти; но вѣдь такая большая перемѣна совершилась съ тобой при твоемъ рожденіи, и изъ этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротивъ, вышло такое хорошее, что ты и разстаться съ нимъ не хочешь.

Что можетъ пугать тебя? Ты говоришь, что тебѣ жалко того тебя, съ теперешними чувствами, мыслями, съ тѣмъ взглядомъ на міръ, съ теперешнимъ твоимъ отношеніемъ къ міру.

Ты боишься потерять свое отношеніе къ міру. Какое же это отношеніе? Въ чемъ оно?

Если оно въ томъ, что ты такъ ѣшь, пьешь, плодишься, строишь жилища, одѣваешься, такъ или иначе относишься къ другимъ людямъ и животнымъ, то вѣдь все это есть отношеніе всякаго человѣка, какъ разсуждающаго животнаго, къ жизни, и это отношеніе пропасть никакъ не можетъ; такихъ было, и есть, и будетъ милліоны, и порода ихъ сохранится навѣрное такъ же несомнѣнно, какъ каждая частица матеріи. Сохраненіе породы съ такой силой вложено во всѣхъ животныхъ и потому такъ прочно, что бояться за него нечего. Если ты животное, то тебѣ бояться нечего, если же ты вещество, то ты еще болѣе обезпеченъ въ своей вѣчности.

Если же ты боишься потерять то, что не есть животное, то ты боишься потерять свое особенное разумное отношеніе къ міру, — то, съ которымъ ты вступилъ въ это существованіе. Но вѣдь ты знаешь, что оно возникло не съ твоимъ рожденіемъ: оно существуетъ независимо отъ твоего родившагося животнаго и потому не можетъ зависѣть и отъ смерти его.

XXXIII.

Жизнь видимая есть часть безконечнаго движенія жизни.

Мнѣ жизнь моя земная и жизнь всѣхъ другихъ людей представлется такъ:

Я и всякій живущій человѣкъ — мы застаемъ себя въ этомъ мірѣ съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ отношеніемъ къ міру, съ извѣстной степенью любви. Намъ кажется сначала, что съ этого

отношенія нашего къ міру и начинается наша жизнь, но наблюденія надъ собой и надъ другими людьми показываютъ намъ, что это отношеніе къ міру, степень любви каждаго изъ насъ, не начались съ этой жизнью, а внесены нами въ жизнь изъ скрытаго отъ насъ нашимъ плотскимъ рожденіемъ прошедшаго; кромѣ того, мы видимъ, что все теченіе нашей жизни здѣсь есть не что иное, какъ непрестающее увеличеніе, усиленіе нашей любви, которое никогда не прекращается, но только скрывается отъ нашихъ глазъ плотской смертью.

Видимая жизнь наша представляется мнѣ отрѣзкомъ конуса, вершина и основаніе котораго скрываются отъ моего умственнаго взора. Самая узкая часть конуса есть то мое отношеніе къ міру, съ которымъ я впервые сознаю себя; самая широкая часть есть то высшее отношеніе къ жизни, до котораго я достигъ теперь. Начало этого конуса — вершина его — скрыто отъ меня во времени моимъ рожденіемъ; продолженіе конуса скрыто отъ меня будущимъ, одинаково невѣдомымъ и въ моемъ плотскомъ существованіи, и въ моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни основанія его, но по той части его, въ которой проходитъ моя видимая, памятная мнѣ жизнь, я несомнѣнно узнаю его свойства. Сначала мнѣ кажется, что этотъ отрѣзокъ конуса и есть вся моя жизнь, но по мѣрѣ движенія моей истинной жизни, съ одной стороны, я вижу, что то, что составляетъ основу моей жизни, находится позади ея, за предѣлами ея: по мѣрѣ жизни я живѣе и яснѣе чувствую мою связь съ невидимымъ мнѣ прошедшимъ; съ другой стороны, я вижу, какъ эта же основа опирается на невидимое мнѣ будущее, я яснѣе и живѣе чувствую свою связь съ будущимъ и заключаю о томъ, что видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни, съ обоихъ концовъ ея — до рожденія и послѣ смерти — несомнѣнно существующей, но скрывающейся отъ моего теперешняго познанія. И потому прекращеніе видимости жизни послѣ плотской смерти такъ же, какъ невидимость ея до рожденія, не лишаетъ меня несомнѣннаго знанія ея существованія до рожденія и послѣ смерти. Я вхожу въ жизнь съ извѣстными готовыми свойствами любви къ міру внѣ меня; плотское мое существованіе — короткое или длинное — проходитъ въ увеличеніи этой любви, внесенной мною въ жизнь, и потому я заключаю несомнѣнно, что я жилъ до своего рожденія и буду жить какъ послѣ того момента настоящаго, въ которомъ я, разсуждая, нахожусь теперь, такъ и послѣ всякаго другого момента времени до или послѣ моей плотской смерти. Глядя внѣ себя на плотскія начала и концы существованія другихъ лю-

дей (даже существъ вообще), я вижу, что одна жизнь какъ будто длиннѣе, другая короче; одна прежде появляется и дольше продолжаетъ быть мнѣ видима, другая позже проявляется и очень скоро опять скрывается отъ меня; но во всѣхъ я вижу проявленіе одного и того же закона всякой истинной жизни— увеличеніе любви, какъ бы расширеніе лучей жизни. Раньше или позже опускается завѣса, скрывающая отъ меня временное теченіе жизни людей, — жизнь всѣхъ людей все та же одна жизнь и все такъ же, какъ и всякая жизнь, не имѣетъ ни начала, ни конца. И то, что человѣкъ дольше или меньше жилъ въ видимыхъ мною условіяхъ этого существованія, не можетъ представлять никакого различія въ его истинной жизни. То, что одинъ человѣкъ дольше проходилъ черезъ открытое мнѣ поле зрѣнія или другой быстро прошелъ черезъ него, никакъ не можетъ заставить меня приписать больше дѣйствительной жизни первому и меньше второму. Я несомнѣнно знаю, что, если я видѣлъ проходящимъ мимо моего окна человѣка, скоро ли, или медленно, — все равно, я несомнѣнно знаю, что этотъ человѣкъ былъ и до того времени, когда я увидалъ его, и будетъ продолжать быть, и скрывшись изъ моихъ глазъ.

Но зачѣмъ же одни проходятъ быстро, а другіе медленно? Зачѣмъ старикъ, засохшій, закостенѣвшій нравственно, неспособный, по нашему взгляду, исполнять законъ жизни — увеличеніе любви, живетъ, а дитя, юноша, дѣвушка, человѣкъ во всей силѣ душевной работы умираетъ, — выходитъ изъ условій этой плотской жизни, въ которой, по нашему представленію, онъ только начиналъ устанавливать въ себѣ правильное отношеніе къ жизни?

Еще понятны смерти Паскаля, Гоголя; но Шенье, Лермонтовъ и тысяча другихъ людей съ только что, какъ намъ кажется, начавшейся внутренней работой, которая такъ хорошо, намъ кажется, могла быть додѣлана здѣсь?

Но вѣдь это намъ кажется только. Никто изъ насъ ничего не знаетъ про тѣ основы жизни, которыя внесены другими въ міръ, и про то движеніе жизни, которое совершилось въ немъ, про тѣ препятствія для движенія жизни, которыя есть въ этомъ существѣ, и главное—про тѣ другія условія жизни, возможныя, но невидимыя намъ, въ которыя въ другомъ существованіи можетъ быть поставлена жизнь этого человѣка.

Намъ кажется, глядя на работу кузнеца, что подкова совсѣмъ готова—стоитъ только раза два ударить, а онъ сламываетъ ее и бросаетъ въ огонь, зная, что она не проварена.

Совершается или нѣтъ въ человѣкѣ работа истинной жизни, мы не можемъ знать. Мы знаемъ это только про себя. Намъ кажется, что человѣкъ умираетъ, когда этого ему не нужно, а этого не можетъ быть. Умираетъ человѣкъ только тогда, когда это необходимо для эго блага, точно такъ же, какъ растетъ, мужаетъ человѣкъ только тогда, когда ему это нужно для его блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы подъ жизнью разумѣемъ жизнь, а не подобіе ея, если истинная жизнь есть основа всего, то не можетъ основа зависѣть отъ того, что она производитъ: не можетъ причина происходить изъ слѣдствія — не можетъ теченіе истинной жизни нарушаться измѣненіемъ проявленія ея. Не можетъ прекращаться начатое и неоконченное движеніе жизни человѣка въ этомъ мірѣ оттого, что у него сдѣлается нарывъ, или залетитъ бактерія, или въ него выстрѣлятъ изъ пистолета.

Человѣкъ умираетъ только оттого, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни не можетъ уже увеличиться, а не оттого, что у него болятъ легкія, или у него ракъ, или въ него выстрѣлили или бросили бомбу. Намъ обыкновенно представляется, что жить плотской жизнью естественно, и неестественно погибать отъ огня, воды, холода, молніи, болѣзней, пистолета, бомбы; но стоитъ подумать серьезно, глядя со стороны на жизнь людей, чтобы увидать, что напротивъ: жить человѣку плотской жизнью среди этихъ гибельнихъ условій, среди всѣхъ, вездѣ распространенныхъ и большею частью убійственныхъ, безчисленныхъ бактерій совершенно неестественно. Естественно ему гибнуть. И потому жизнь плотская среди этихъ гибельныхъ условій есть, напротивъ, нѣчто самое неестественное въ смыслѣ матеріальномъ. Если мы живемъ, то это присходитъ вовсе не оттого, что мы бережемъ себя, а оттого, что въ насъ совершается дѣло жизни, подчиняющее себѣ всѣ эти условія. Мы живы не потому, что бережемъ себя, а потому, что дѣлаемъ дѣло жизни. Кончается дѣло жизни, и ничто уже не можетъ остановить неперестающую гибель человѣческой животной жизни,— гибель эта совершается, и одна изъ ближайшихъ, всегда окружающихъ человѣка, причинъ плотской смерти представляется намъ исключительной причиной ея.

Жизнь наша истинная есть, ее мы одну знаемъ, изъ нея одной знаемъ жизнь животную, и потому, если ужъ подобіе ея подлежитъ неизмѣннымъ законамъ, то какъ же она-то — то, что производитъ это подобіе,—не будетъ подлежать законамъ?

Но насъ смущаетъ то, что мы не видимъ причинъ и дѣйствій нашей истинной жизни такъ, какъ видимъ причины и дѣйствія во внѣшнихъ явленіяхъ: не знаемъ, почему одинъ вступаетъ въ

жизнь съ такими свойствами своего *я*, а другой съ другими, почему жизнь одного обрывается, а другого продолжается. Мы спрашиваемъ себя: какія были до моего существованія причины того, что я родился тѣмъ, что я есмь, и что̀ будетъ послѣ моей смерти оттого, что я буду такъ или иначе жить? И мы жалѣемъ о томъ, что не получаемъ отвѣтовъ на эти вопросы.

Но жалѣть о томъ, что я не могу познать теперь того, что именно было до моей жизни и что будетъ послѣ моей смерти,— это все равно, что жалѣть о томъ, что я не могу видѣть того, что за предѣлами моего зрѣнія. Вѣдь если бы я видѣлъ то, что за предѣлами моего зрѣнія, я бы не видѣлъ того, что въ его предѣлахъ. А мнѣ вѣдь, для блага моего животнаго, мнѣ нужнѣе всего видѣть то, что вокругъ меня.

Вѣдь то же и съ разумомъ, посредствомъ котораго я познаю. Если бы я могъ видѣть то, что за предѣлами моего разума, я бы не видалъ того, что въ предѣлахъ его. А для блага моей истинной жизни мнѣ нужнѣе всего знать то, чему я долженъ подчинить *здѣсь* и *теперь* свою животную личность для того, чтобы достигнуть блага жизни.

И разумъ открываетъ мнѣ это, открываетъ мнѣ въ этой жизни тотъ единый путь, на которомъ я не вижу прекращенія своего блага.

Онъ показываетъ несомнѣнно, что жизнь эта началась не съ рожденіемъ, а была и есть всегда, — показываетъ, что благо этой жизни растетъ, увеличивается здѣсь, доходя до тѣхъ предѣловъ, которые уже не могутъ содержать его, и только тогда уходитъ изъ тѣхъ условій, которыя задерживаютъ его увеличеніе, переходя въ другое существованіе.

Разумъ ставитъ человѣка на тотъ единственный путь жизни, который, какъ конусообразный расширяющійся тоннель среди со всѣхъ сторонъ замыкающихъ его стѣнъ, открываетъ ему вдали несомнѣнную неконечность жизни и ея блага.

XXXIV.

Необъяснимость страданій земного существованія убѣдительнѣе всего доказываетъ человѣку то, что жизнь его не есть жизнь личности, начавшаяся рожденіемъ и кончающаяся смертью.

Но если бы человѣкъ и могъ не бояться смерти и не думать о ней, однихъ страданій ужасныхъ, безцѣльныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ и никогда не отвратимыхъ страданій, которымъ

онъ подвергается, было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни.

Я занятъ добрымъ, несомнѣнно полезнымъ для другихъ дѣломъ, и вдругъ меня схватываетъ болѣзнь, обрываетъ мое дѣло и томитъ и мучаетъ меня безъ всякаго толка и смысла. Перержавѣлъ винтъ въ рельсахъ и нужно, чтобы въ тотъ самый день, когда онъ выскочитъ, въ этомъ поѣздѣ, въ этомъ вагонѣ ѣхала добрая женщина-мать, и нужно, чтобы раздавило на ея глазахъ ея дѣтей. Проваливается отъ землетрясенія именно то мѣсто, на которомъ стоитъ Лиссабонъ или Вѣрный, и зарываются живыми въ землю и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ ничѣмъ невиноватые люди. Какой это имѣетъ смыслъ? Зачѣмъ, за что эти тысячи другихъ безсмысленныхъ, ужасныхъ случайностей страданій, поражающихъ людей?

Объясненія разсудочныя ничего не объясняютъ. Разсудочныя объясненія всѣхъ такихъ явленій всегда минуютъ самую сущность вопроса и только еще убѣдительнѣе показываютъ неразрѣшимость его. Я заболѣлъ оттого, что залетѣли туда-то такіе-то микробы; или дѣти на глазахъ матери раздавлены поѣздомъ потому, что сырость такъ-то дѣйствуетъ на желѣзо; или Вѣрный провалился оттого, что существуютъ такіе-то геологическіе законы. Но вѣдь вопросъ въ томъ, почему именно такіе-то люди подверглись именно такимъ-то ужаснымъ страданіямъ, и какъ мнѣ избавиться отъ этихъ случайностей страданія?

На это нѣтъ отвѣта. Разсужденіе, напротивъ, очевидно показываетъ мнѣ, что закона, по которому одинъ человѣкъ подвергается, а другой не подвергается этимъ случайностямъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого, что подобныхъ случайностей безчисленное количество и что потому, что бы я ни дѣлалъ, моя жизнь всякую секунду подвержена всѣмъ безчисленнымъ случайностямъ самаго ужаснаго страданія.

Вѣдь если бы люди дѣлали только тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ ихъ міросозерцанія, — люди, понимающіе свою жизнь, какъ личное существованіе, ни минуты не оставались бы жить. Вѣдь ни одинъ работникъ не сталъ бы жить у хозяина, который, нанимая работника, выговаривалъ бы себѣ право всякій разъ, какъ это ему вздумается, жарить этого работника живымъ на медленномъ огнѣ, или съ живого сдирать кожу, или вытягивать жилы и вообще дѣлать всѣ тѣ ужасы, которые онъ на глазахъ нанимающагося безъ всякаго объясненія и причины продѣлываетъ надъ своими работниками. Если бы люди дѣйствительно вполнѣ понимали жизнь такъ, какъ они говорятъ, что ее понимаютъ, ни одинъ, отъ одного страха всѣхъ

тѣхъ мучительныхъ и ничѣмъ не объяснимыхъ страданій, которыя онъ видитъ вокругъ себя и которымъ онъ можетъ подпасть всякую секунду, не остался бы жить на свѣтѣ.

А люди, несмотря на то, что всѣ знаютъ разныя легкія средства убить себя, уйти изъ этой жизни, исполненной такими жестокими и безсмысленными страданіями, люди живутъ, жалуются, плачутся на страданія и продолжаютъ жить.

Сказать, что это происходитъ отъ того, что наслажденій въ этой жизни больше, чѣмъ страданій, нельзя, потому что, вопервыхъ, не только простое разсужденіе, но философское изслѣдованіе жизни явно показываетъ, что вся земная жизнь есть рядъ страданій, далеко не выкупаемыхъ наслажденіями; вовторыхъ, мы всѣ знаемъ и по себѣ, и по другимъ, что люди въ такихъ положеніяхъ, которыя не представляютъ ничего иного, какъ рядъ усиливающихся страданій безъ возможности облегченія до самой смерти, все-таки не убиваютъ себя и держатся жизни.

Объясненіе этого страннаго противорѣчія только одно: люди всѣ въ глубинѣ души знаютъ, что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага ихъ жизни, и только потому продолжаютъ жить, предвидя ихъ или подвергаясь имъ. Возмущаются же они противъ страданій потому, что при ложномъ взглядѣ на жизнь, требующемъ блага только для своей личности, нарушеніе этого блага, не ведущее къ очевидному благу, должно представляться чѣмъ-то непонятнымъ и потому возмутительнымъ.

И люди ужасаются передъ страданіями, удивляются имъ, какъ чему-то совершенно неожиданному и непонятному. А между тѣмъ всякій человѣкъ возращенъ страданіями, вся жизнь его есть рядъ страданій, испытываемыхъ имъ и налагаемыхъ имъ на другія существа, и, казалось, пора бы ему привыкнуть къ страданіямъ, не ужасаться передъ ними и не спрашивать себя, зачѣмъ и за что страданія. Всякій человѣкъ, если только подумаетъ, увидитъ, что всѣ его наслажденія покупаются страданіями другихъ существъ, что всѣ его страданія необходимы для его же наслажденія, что безъ страданій нѣтъ наслажденія, что страданія и наслажденія суть два противоположныя состоянія, вызываемыя одно другимъ и необходимыя одно для другого. Такъ что же значатъ вопросы: зачѣмъ, за что страданія, — которые задаетъ себѣ разумный человѣкъ? Почему человѣкъ, знающій, что страданіе связано съ наслажденіемъ, спрашиваетъ себя: зачѣмъ, за что страданіе? — а не спрашиваетъ себя: зачѣмъ, за что наслажденія?

Вся жизнь животнаго и человѣка, какъ животнаго, есть непрерывная цѣпь страданій. Вся дѣятельность животнаго и человѣка, какъ животнаго, вызывается только страданіемъ. Страданіе есть болѣзненное ощущеніе, вызывающее дѣятельность, устраняющую это болѣзненное ощущеніе и вызывающую состояніе наслажденія. И жизнь животнаго и человѣка, какъ животнаго, не только не нарушается страданіемъ, но совершается только благодаря страданію. Страданія, слѣдовательно, суть то, что движетъ жизнь, и потому есть то, что и должно быть; такъ о чемъ же человѣкъ спрашиваетъ, когда онъ спрашиваетъ: зачѣмъ и за что страданіе?

Животное не спрашиваетъ этого.

Когда окунь вслѣдствіе голода мучаетъ плотву, паукъ мучаетъ муху, волкъ овцу, они знаютъ, что дѣлаютъ то, что должно быть; и потому, когда и окунь, и паукъ, и волкъ подпадаютъ такимъ же мученіямъ отъ сильнѣйшихъ ихъ, они, убѣгая, отбиваясь, вырываясь, знаютъ, что дѣлаютъ все то, что должно быть, и потому въ нихъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ ними и случается то самое, что должно быть. Но человѣкъ, занятый только залѣчиваніемъ своихъ ногъ, когда ему ихъ оторвали на полѣ сраженія, на которомъ онъ отрывалъ ноги другимъ; или занятый только тѣмъ, чтобы провести наилучшимъ образомъ свое время, сидя въ одиночной тюрьмѣ, послѣ того какъ онъ самъ прямо или косвенно засадилъ туда людей; или человѣкъ, только заботящійся о томъ, чтобы отбиться и убѣжать отъ волковъ, разрывающихъ его, послѣ того какъ онъ самъ зарѣзалъ тысячи животныхъ существъ и съѣлъ, — человѣкъ не можетъ находить, что все это, случающееся съ нимъ, есть то самое, что должно быть. Онъ не можетъ признавать случающагося съ нимъ тѣмъ, что должно быть, потому что, подвергшись этимъ страданіямъ, онъ не дѣлалъ всего того, что онъ долженъ былъ дѣлать. Не сдѣлавъ же всего того, что онъ долженъ былъ сдѣлать, ему кажется, что съ нимъ и случается то, чего не должно быть.

Но что же, кромѣ того, чтобы убѣгать и отбиваться отъ волковъ, долженъ дѣлать человѣкъ, разрываемый ими? — То, что свойственно дѣлать человѣку, какъ разумному существу: сознавать тотъ грѣхъ, который произвелъ страданіе, каяться въ немъ и познавать истину.

Животное страдаетъ только въ настоящемъ, и потому дѣятельность, вызываемая страданіемъ животнаго, направленная на самого себя въ настоящемъ, вполнѣ удовлетворяетъ его. Человѣкъ же страдаетъ не въ одномъ настоящемъ, но страдаетъ

и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, и потому дѣятельность, вызываемая страданіями человѣка, если она направлена только на настоящее животнаго человѣка, не можетъ удовлетворить его. Только дѣятельность, направленная и на причину, и на послѣдствія страданія, и на прошедшее, и на будущее, удовлетворяетъ страдающаго человѣка.

Животное заперто — и рвется изъ своей клѣтки, или у него сломана нога — и оно лижетъ больное мѣсто, или пожирается другимъ — и отбивается отъ него. Законъ его жизни нарушенъ извнѣ, и оно направляетъ свою дѣятельность на возстановленіе его, и совершается то, что должно быть. Но человѣкъ—я самъ или близкій мнѣ — сидитъ въ тюрьмѣ, или я самъ или близкій мнѣ лишился въ сраженіи ноги, или меня терзаютъ волки: дѣятельность, направленная на побѣгъ изъ тюрьмы, на лѣченіе ноги, на отбиваніе отъ волковъ, не удовлетворитъ меня, потому что заключеніе въ тюрьмѣ, боль ноги и терзаніе волковъ составляютъ только крошечную часть моего страданія. Я вижу причины моего страданія въ прошедшемъ, въ заблужденіяхъ моихъ и другихъ людей, и если моя дѣятельность не направлена на причину страданія—на заблужденіе, и я не стараюсь освободиться отъ него, я не дѣлаю того, что должно быть, и потому-то страданіе и представляется мнѣ тѣмъ, чего не должно быть, и оно не только въ дѣйствительности, но и въ воображеніи возрастаетъ до ужасныхъ, исключающихъ возможность жизни, размѣровъ.

Причина страданія для животнаго есть нарушеніе закона жизни животной; нарушеніе это проявляется сознаніемъ боли, и дѣятельность, вызванная нарушеніемъ закона, направлена на устраненіе боли; для разумнаго сознанія причина страданія есть нарушеніе закона жизни разумнаго сознанія; нарушеніе это проявляется сознаніемъ заблужденія, грѣха, и дѣятельность, вызванная нарушеніемъ закона, направлена на устраненіе заблужденія, грѣха. И какъ страданіе животнаго вызываетъ дѣятельность, направленную на боль, и дѣятельность эта освобождаетъ страданіе отъ его мучительности, такъ и страданія разумнаго существа вызываютъ дѣятельность, направленную на заблужденіе, и дѣятельность эта освобождаетъ страданіе отъ его мучительности.

Вопросы: зачѣмъ? и за что? возникающіе въ душѣ человѣка при испытываніи или воображеніи страданія, показываютъ только то, что человѣкъ не позналъ той дѣятельности, которая должна быть вызвана въ немъ страданіемъ и которая освобождаетъ страданіе отъ его мучительности. И дѣйствительно, для чело-

вѣка, признающаго свою жизнь въ животномъ существованіи, не можетъ быть этой освобождающей страданіе дѣятельности, и тѣмъ меньше, чѣмъ уже онъ понимаетъ свою жизнь.

Когда человѣкъ, признающій жизнью личное существованіе, находитъ причины своего личнаго страданія въ своемъ личномъ заблужденіи, — понимаетъ, что онъ заболѣлъ оттого, что съѣлъ вредное, или что его прибили оттого, что онъ самъ пошелъ драться, или что онъ голоденъ оттого, что не хотѣлъ работать, — онъ узнаетъ, что страдаетъ *за то*, что сдѣлалъ то, что не должно, *и затѣмъ*, чтобы впередъ не дѣлать этого, и, направляя свою дѣятельность на уничтоженіе заблужденія, не возмущается противъ страданія, и легко и часто радостно несетъ его. Но когда такого человѣка постигаетъ страданіе, выходящее за предѣлы видимой ему связи страданія и заблужденія, — какъ, когда онъ страдаетъ отъ причинъ, бывшихъ всегда внѣ его личной дѣятельности, или когда послѣдствія его страданій не могутъ быть ни на что нужны ни его, ни чьей другой личности, — ему кажется, что его постигаетъ то, чего не должно быть, и онъ спрашиваетъ себя: зачѣмъ? за что? и, не находя предмета, на который бы онъ могъ направить свою дѣятельность, возмущается противъ страданія, и страданіе его дѣлается ужаснымъ мученіемъ. Большинство же страданій человѣка всегда именно такія, причины или слѣдствія которыхъ— иногда же и то и другое — скрываются отъ него въ пространствѣ и времени: болѣзни наслѣдственныя, несчастныя случайности, неурожаи, крушенія, пожары, землетрясенія и т. п., кончающіеся смертью.

Объясненія о томъ, что это нужно для того, чтобы преподать урокъ будущимъ людямъ, какъ не надо предаваться тѣмъ страстямъ, которыя отражаются болѣзнями на потомствѣ, или о томъ, что надо лучше устроить поѣзда или осторожнѣе обращаться съ огнемъ, — всѣ эти объясненія не даютъ мнѣ никакого отвѣта. Я не могу признать значенія своей жизни въ иллюстраціи недосмотровъ другихъ людей; жизнь моя есть моя жизнь, съ моимъ стремленіемъ къ благу, а не иллюстрація для другихъ жизней. И объясненія эти годятся только для разговоровъ и не облегчаютъ того ужаса передъ безсмысленностью угрожающихъ мнѣ страданій, которыя исключаютъ возможность жизни.

Но если бы даже и можно было понять кое-какъ то, что, своими заблужденіями заставляя страдать другихъ людей, я своими страданіями несу заблужденія другихъ; если можно понять тоже очень отдаленно то, что всякое страданіе есть указаніе

на заблужденіе, которое должно быть исправлено людьми въ этой жизни, — остается огромный рядъ страданій, уже ничѣмъ не объяснимыхъ. Человѣка въ лѣсу одного разрываютъ волки, человѣкъ потонулъ, замерзъ или сгорѣлъ или просто одиноко заболѣлъ и умеръ, и никто никогда не узнаетъ о томъ, какъ онъ страдалъ, и тысячи подобныхъ случаевъ. Кому это принесетъ какую бы то ни было пользу?

Для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ животное существованіе, нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, потому что для такого человѣка связь между страданіемъ и заблужденіемъ только въ видимыхъ ему явленіяхъ, а связь эта въ предсмертныхъ страданіяхъ уже совершенно теряется отъ его умственнаго взора.

Для человѣка два выбора: или, не признавая связи между испытываемыми страданіями и своею жизнью, продолжать нести большинство своихъ страданій, какъ мученія, не имѣющія никакого смысла; или признать то, что мои заблужденія и поступки, совершонные вслѣдствіе ихъ, — мои грѣхи, какіе бы они ни были, — причина моихъ страданій, какія бы они ни были; и что мои страданія суть избавленіе и искупленіе отъ грѣховъ моихъ и другихъ людей, какихъ бы то ни было.

Возможны только эти два отношенія къ страданію: одно то, что страданіе есть то, чего не должно быть, потому что я не вижу его внѣшняго значенія; и другое то, что оно то самое, что должно быть, потому что я знаю его внутреннее значеніе для моей истинной жизни. Первое вытекаетъ изъ признанія благомъ блага моей отдѣльной личной жизни. Другое вытекаетъ изъ признанія благомъ блага всей моей жизни прошедшаго и будущаго въ неразрывной связи съ благомъ другихъ людей и существъ. При первомъ взглядѣ страданія не имѣютъ никакого объясненія и не вызываютъ никакой другой дѣятельности, кромѣ постоянно растущаго и ничѣмъ неразрѣшимаго отчаянія и озлобленія; при второмъ — страданія вызываютъ ту самую дѣятельность, которая и составляетъ движеніе истинной жизни, — сознаніе грѣха, освобожденіе отъ заблужденій и подчиненіе закону разума.

Если не разумъ человѣка, то мучительность страданія волей-неволей заставляютъ его признать то, что жизнь его не умѣщается въ его личности, что личность его есть только видимая часть всей его жизни, что внѣшняя, видимая имъ изъ его личности связь причины и дѣйствія, не совпадаетъ съ той внутренней связью причины и дѣйствія, которая всегда извѣстна человѣку изъ его разумнаго сознанія.

Связь заблужденія и страданія, видимая для животнаго только въ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, всегда ясна для человѣка внѣ этихъ условій въ его сознаніи. Страданіе, какое бы то ни было, человѣкъ сознаетъ всегда какъ послѣдствіе своего грѣха, какого бы то ни было, и покаяніе въ своемъ грѣхѣ — какъ избавленіе отъ страданія и достиженіе блага.

Вся жизнь человѣка съ первыхъ дней дѣтства вѣдь состоитъ только въ этомъ: въ сознаніи черезъ страданіе грѣха и въ освобожденіи себя отъ заблужденій. Я знаю, что пришелъ въ эту жизнь съ извѣстнымъ знаніемъ истины, что чѣмъ больше было во мнѣ заблужденій, тѣмъ больше было страданій моихъ и другихъ людей; чѣмъ больше я освобождался отъ заблужденій, тѣмъ меньше было страданій моихъ и другихъ людей и тѣмъ большаго я достигалъ блага. И потому я знаю, что чѣмъ больше то знаніе истины, которое я уношу изъ этого міра и которое мнѣ даетъ мое, хотя бы послѣднее предсмертное страданіе, тѣмъ большаго я достигаю блага.

Мученія страданія испытываетъ только тотъ, кто, отдѣливъ себя отъ жизни міра, не видя тѣхъ своихъ грѣховъ, которыми онъ вносилъ страданія въ міръ, считаетъ себя не виноватымъ и потому возмущается противъ тѣхъ страданій, которыя онъ несетъ за грѣхи міра.

И удивительное дѣло: то самое, что ясно для разума, мысленно, — то самое подтверждается въ единой истинной дѣятельности жизни, въ любви. Разумъ говоритъ, что человѣкъ, признающій связь своихъ грѣховъ и страданій съ грѣхомъ и страданіями міра, освобождается отъ мучительности страданія; любовь на дѣлѣ подтверждаетъ это.

Половина жизни каждаго человѣка проходитъ въ страданіяхъ, которыхъ онъ не только не признаетъ мучительными и не замѣчаетъ, но считаетъ своимъ благомъ, только потому, что они несутся, какъ послѣдствія заблужденій и средство облегченія страданій любимыхъ людей. Такъ что чѣмъ меньше любви, тѣмъ больше человѣкъ подверженъ мучительности страданій, чѣмъ больше любви, тѣмъ меньше мучительности страданія; жизнь же вполнѣ разумная, вся дѣятельность которой проявляется только въ любви, исключаетъ возможность всякаго страданія. Мучительность страданія — это только та боль, которую испытываютъ люди при попыткахъ разрыванія той цѣпи любви къ предкамъ, къ потомкамъ, къ современникамъ, которая соединяетъ жизнь человѣческую съ жизнью міра.

XXXV.

Страданія тѣлесныя составляютъ необходимое условіе жизни и блага людей.

«Но все-таки больно, тѣлесно больно. Зачѣмъ эта боль?» спрашиваютъ люди.

«А затѣмъ, что это намъ не только нужно, но что намъ нельзя бы жить безъ того, чтобы намъ не бывало больно», отвѣтилъ бы намъ тотъ, кто сдѣлалъ то, что намъ больно, и сдѣлалъ такъ мало больно, какъ только было можно, а благо отъ этого «больно» сдѣлалъ такъ велико, какъ только было можно.

Вѣдь кто не знаетъ, что самое первое ощущеніе нами боли есть первое и главное средство и сохраненія нашего тѣла, и продолженія нашей животной жизни, — что если бы этого не было, то мы всѣ дѣтьми сожгли бы для забавы и изрѣзали бы все свое тѣло. Боль тѣлесная оберегаетъ животную личность. И пока боль служитъ обереганіемъ личности, какъ это происходитъ въ ребенкѣ, боль эта не можетъ быть тою ужасающею мукой, какою мы знаемъ боль въ тѣ времена, когда мы находимся въ полной силѣ разумнаго сознанія и противимся боли, признавая ее тѣмъ, чего не должно быть. Боль въ животномъ и въ ребенкѣ есть очень опредѣленная и небольшая величина, никогда не доходящая до той мучительности, до которой она доходитъ въ существѣ, одаренномъ разумнымъ сознаніемъ. Въ ребенкѣ мы видимъ, что онъ плачетъ отъ укуса блохи иногда такъ же жалостно, какъ отъ боли, разрушающей внутренніе органы. И боль неразумнаго существа не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ воспоминаніи. Пусть каждый постарается вспомнить свои дѣтскія страданія боли, и онъ увидитъ, что у него о нихъ не только нѣтъ воспоминанія, но что онъ даже и не въ силахъ, возстановить ихъ въ своемъ воображеніи. Впечатлѣніе наше при видѣ страданій дѣтей и животныхъ есть больше наше, чѣмъ ихъ страданіе. Внѣшнее выраженіе страданій неразумныхъ существъ неизмѣримо больше самаго страданія и потому въ неизмѣримо большей степени вызываютъ наше состраданіе, какъ это можно замѣтить при болѣзняхъ мозга, горячкахъ, тифахъ и всякихъ агоніяхъ.

Въ тѣ времена, когда не проснулось еще разумное сознаніе и боль служитъ только огражденіемъ личности, она не мучительна; въ тѣ же времена, когда въ человѣкѣ есть возможность разумнаго сознанія, она есть средство подчиненія животной

личности разуму и по мѣрѣ пробужденія этого сознанія становится все менѣе и менѣе мучительной.

Въ сущности, только находясь въ полномъ обладаніи разумнаго сознанія, мы можемъ и говорить о страданіяхъ, потому что только съ этого состоянія и начинается жизнь и тѣ состоянія ея, которыя мы называемъ страданіями. Въ этомъ же состояніи ощущеніе боли можетъ растягиваться до самыхъ большихъ и суживаться до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, безъ изученія физіологіи, того, что чувствительность имѣетъ предѣлы, что при усиленіи боли до извѣстнаго предѣла или прекращается чувствительность — обморокъ, отупѣніе, жаръ — или наступаетъ смерть. Увеличеніе боли, стало быть, очень точно опредѣленная величина, не могущая выйти изъ своихъ предѣловъ. Ощущеніе же боли можетъ увеличиваться отъ нашего отношенія къ ней до безконечности и точно такъ же можетъ уменьшаться до безконечнаго малаго.

Мы всѣ знаемъ, какъ можетъ человѣкъ, покоряясь боли, признавая боль тѣмъ, что должно быть, свести ее до нечувствительности, до испытанія даже радости въ перенесеніи ея. Не говоря уже о мученикахъ, о Гуссѣ, пѣвшемъ на кострѣ, простые люди только изъ желанія выказать свое мужество переносятъ безъ крика и дерганія считающіяся самыми мучительными операціи. Предѣлъ увеличенія боли есть, предѣла же уменьшенія ея ощущенія нѣтъ.

Мученія боли дѣйствительно ужасны для людей, положившихъ свою жизнь въ плотскомъ существованіи. Да какъ же имъ и не быть ужасными, когда сила разума, данная человѣку для уничтоженія мучительности страданій, направлена только на то, чтобы увеличивать ее?

Какъ у Платона есть миѳъ о томъ, что Богъ опредѣлилъ сперва людямъ срокъ жизни 70 лѣтъ, но потомъ, увидавъ, что людямъ хуже отъ этого, перемѣнилъ на то, что̀ есть теперь, т.-е. сдѣлалъ такъ, что люди не знаютъ часа своей смерти, — такъ точно вѣрно опредѣлялъ бы разумность того, что есть миѳъ о томъ, что люди сначала были сотворены безъ ощущенія боли, но что потомъ для ихъ блага сдѣлано то, что теперь есть.

Если бы боги сотворили людей безъ ощущенія боли, очень скоро люди бы стали просить о ней; женщины безъ родовыхъ болей рожали бы дѣтей въ такихъ условіяхъ, при которыхъ рѣдкіе бы оставались живыми; дѣти и молодежь перепортили бы себѣ всѣ тѣла, а взрослые люди никогда не знали бы ни заблужденій другихъ, прежде жившихъ и теперь живущихъ людей, ни, главное, своихъ заблужденій,— не знали бы, что имъ

надо дѣлать въ этой жизни, не имѣли бы разумной цѣли дѣятельности, никогда не могли бы примириться съ мыслью о предстоящей плотской смерти и не имѣли бы любви.

Для человѣка, понимающаго жизнь какъ подчиненіе своей личности закону разума, боль не только не есть зло, но есть необходимое условіе какъ его животной, такъ и разумной жизни. Не будь боли, животная личность не имѣла бы указанія отступленій отъ своего закона; не испытывай страданій разумное сознаніе, человѣкъ не позналъ бы истины, не зналъ бы своего закона.

Но вы говорите, скажутъ на это, про страданія свои личныя, но какъ же отрицать страданія другихъ? Видъ этихъ страданій — вотъ самое мучительное страданіе, не совсѣмъ искренно скажутъ люди.

Страданіе другихъ? Но страданія другихъ, — то, что вы называете страданіями, — не прекращались и не прекращаются. Весь міръ людей и животныхъ страдаетъ и не переставалъ страдать. Неужели мы только сегодня узнали про это? Раны, увѣчья, голодъ, холодъ, болѣзни, всякія несчастныя случайности и, главное, роды, безъ чего никто изъ насъ не явился на свѣтъ,— вѣдь все это необходимыя условія существованія. Вѣдь это — то самое, уменьшеніе чего, помощь чему и составляетъ содержаніе разумной жизни людей, — то самое, на что направлена истинная дѣятельность жизни. Пониманіе страданій личностей и причинъ заблужденій людскихъ и дѣятельность для уменьшенія ихъ вѣдь есть все дѣло жизни человѣческой. Вѣдь затѣмъ-то я и человѣкъ — личность, чтобы я понималъ страданія другихъ личностей, и затѣмъ-то я — разумное сознаніе, чтобы въ страданіи каждой отдѣльной личности я видѣлъ общую причину страданія — заблужденія — и могъ уничтожить ее въ себѣ и другихъ. Какъ же можетъ матеріалъ его работы быть страданіемъ для работника? Все равно, какъ пахарь бы сказалъ, что непаханная земля — его страданіе. Непаханная земля можетъ быть страданіемъ только для того, кто хотѣлъ бы видѣть пашню вспаханною, но не считаетъ своимъ дѣломъ жизни пахать ее.

Дѣятельность, направленная на непосредственное любовное служеніе страдающимъ и на уничтоженіе общихъ причинъ страданія — заблужденій, и есть та единственная радостная работа, которая предстоитъ человѣку и даетъ ему то неотъемлемое благо, въ которомъ состоитъ его жизнь.

Страданіе для человѣка есть только одно, и оно-то и есть то страданіе, которое заставляетъ человѣка волей-неволей отдаваться той жизни, въ которой для него есть только одно благо.

Страданіе это есть сознаніе противорѣчія между грѣховностью своей и всего міра и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не кѣмъ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра. Утолить это страданіе нельзя ни тѣмъ, чтобы, участвуя въ грѣхѣ міра, не видать своего грѣха, ни еще менѣе тѣмъ, чтобы перестать вѣрить не только въ возможность, но въ обязанность не кого-нибудь другого, но мою — осуществить всю истину въ моей жизни и жизни міра. Первое только увеличиваетъ мои страданія, второе лишаетъ меня силы жизни. Утоляетъ это страданіе только сознаніе и дѣятельность истинной жизни, уничтожающія несоразмѣрность личной жизни съ цѣлью, сознаваемой человѣкомъ. Волей-неволей человѣкъ долженъ признать, что жизнь его не ограничивается его личностью отъ рожденія и до смерти и что цѣль, сознаваемая имъ, есть цѣль достижимая и что въ стремленіи къ ней — въ сознаніи большей и большей своей грѣховности и въ большемъ и большемъ осуществленіи всей истины въ своей жизни и въ жизни міра и состоитъ и состояло, и всегда будетъ состоять дѣло его жизни, неотдѣлимой отъ жизни всего міра.

Если не разумное сознаніе, то страданіе, вытекающее изъ заблужденія о смыслѣ своей жизни, волей-неволей загоняетъ человѣка на единственный истинный путь жизни, на которомъ нѣтъ препятствій, нѣтъ зла, а есть одно, ничѣмъ не нарушаемое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возрастающее благо.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу, и то, къ чему онъ стремится, то и дано ему.

Зло въ видѣ смерти и страданій видно человѣку только, когда онъ законъ своего плотскаго животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни.

Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія, какъ пугалы, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти и нѣтъ страданія.

«Пріидите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня: ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко» (отъ Матѳ. гл. XI, 28—30).

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ.

Прибавленіе 1-е.

Обыкновенно говорятъ: мы изучаемъ жизнь не по сознанію своей жизни, а вообще внѣ себя. Но вѣдь это все равно, что сказать: мы разсматриваемъ предметы не глазами, но вообще внѣ себя.

Предметы мы видимъ внѣ себя потому, что мы видимъ ихъ въ своихъ глазахъ, и жизнь мы знаемъ внѣ себя потому только, что мы ее знаемъ въ себѣ. И видимъ предметы мы только такъ, какъ мы ихъ видимъ въ своихъ глазахъ, и опредѣляемъ мы жизнь внѣ себя только такъ, какъ мы ее знаемъ въ себѣ. Знаемъ же мы жизнь въ себѣ, какъ стремленіе къ благу. И потому безъ опредѣленія жизни, какъ стремленія къ благу, нельзя не только наблюдать, но и видѣть жизнь.

Первый и главный актъ нашего познанія живыхъ существъ— тотъ, что мы много разныхъ предметовъ включаемъ въ понятіе одного живого существа, и это живое существо исключаемъ изъ всего другого. И то и другое мы дѣлаемъ только на основаніи всѣми нами одинаково сознаваемаго опредѣленія жизни, какъ стремленія къ благу себя, какъ отдѣльнаго отъ всего міра существа.

Мы узнаемъ, что человѣкъ на лошади — не множество существъ и не одно существо, не потому, что мы наблюдаемъ всѣ части, составляющія человѣка и лошадь, а потому, что ни въ головѣ, ни въ ногахъ, ни въ другихъ частяхъ человѣка и лошади мы не видимъ такого отдѣльнаго стремленія къ благу, которое мы знаемъ въ себѣ. И узнаемъ, что человѣкъ на лошади не одно, а два существа, потому что узнаемъ въ нихъ два отдѣльныя стремленія къ благу, тогда какъ въ себѣ мы знаемъ только одно.

Только по этому мы узнаемъ, что есть жизнь въ соединеніи всадника и лошади, и что есть жизнь въ табунѣ лошадей, что есть жизнь въ птицахъ, въ насѣкомыхъ, въ деревьяхъ, въ травѣ. Если же бы мы не знали, что лошадь желаетъ себѣ своего и человѣкъ своего блага, что того желаетъ каждая отдѣльная лошадь въ табунѣ, что того блага себѣ желаетъ каждая птица, козявка, дерево, трава, мы не видѣли бы отдѣльности существъ, а не видя отдѣльности, никогда не могли бы понять ничего живого: и полкъ кавалеристовъ, и стадо, и птицы, и насѣкомыя, и растенія,—все бы было какъ волны на морѣ, и весь міръ сливался бы для насъ въ одно безразличное движеніе, въ которомъ мы никакъ не могли бы найти жизнь.

Если я знаю, что лошадь, и собака, и клещъ, сидящій на ней, — живыя существа, и могу наблюдать ихъ, то только потому, что у лошади, и собаки, и клеща есть свои отдѣльныя цѣли — цѣли, для каждаго, своего блага. Знаю же я это потому, что таковымъ, стремящимся къ благу, знаю себя.

Въ этомъ стремленіи къ благу и состоитъ основа всякаго познанія о жизни. Безъ признанія того, что стремленіе къ благу, которое чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, есть жизнь и признакъ всякой жизни, невозможно никакое изученіе жизни, невозможно никакое наблюденіе надъ жизнью. И потому наблюденіе начинается тогда, когда уже извѣстна жизнь, и никакое наблюденіе надъ проявленіями жизни не можетъ (какъ это предполагаетъ ложная наука) опредѣлить самую жизнь.

Люди не признаютъ опредѣленія жизни въ стремленіи къ благу, которое они находятъ въ своемъ сознаніи, а признаютъ возможность знанія этого стремленія въ клещѣ, и на основаніи этого предполагаемаго, ни на чемъ не основаннаго знанія того блага, къ которому стремится клещъ, дѣлаютъ наблюденія и выводы даже о самой сущности жизни.

Всякое мое понятіе о внѣшней жизни основано на сознаніи моего стремленія къ благу. И потому, только познавъ, въ чемъ мое благо и моя жизнь, я буду въ состояніи познать и то, что есть благо и жизнь другихъ существъ. Благо же и жизнь другихъ существъ, не познавъ свою, я никакъ не могу знать.

Наблюденія надъ другими существами, стремящимися къ своимъ, неизвѣстнымъ мнѣ, цѣлямъ, составляющимъ подобіе того блага, стремленіе къ которому я знаю въ себѣ, не только не могутъ ничего уяснить мнѣ, но навѣрное могутъ скрыть отъ меня мое истинное познаніе жизни.

Вѣдь изучать жизнь въ другихъ существахъ, не имѣя опредѣленія своей жизни, это все равно, что описывать окружность, не имѣя центра ея. Только установивъ одну непоколебимую точку какъ центръ, можно описывать окружность. Но какія бы фигуры мы ни рисовали, безъ центра не будетъ окружности.

Прибавленіе 2-е.

Ложная наука, изучая явленія, сопутствующія жизни, и предполагая изучать самую жизнь, этимъ предположеніемъ извращаетъ понятія жизни; и потому, чѣмъ дольше она изучаетъ явленіе того, что она называетъ жизнью, тѣмъ больше она удаляется отъ понятія жизни, которое она хочетъ изучать.

Сначала изучаются животныя млекопитающія, потомъ другія, позвоночныя, рыбы, растенія, кораллы, клѣточки, микроскопическіе организмы, и дѣло доходитъ до того, что теряется различіе между живыми и неживыми, между предѣлами организма и не-организма, между предѣлами одного организма и другого. Доходитъ до того, что самымъ важнымъ предметомъ изслѣдованія и наблюденія представляется то, что уже не можетъ быть наблюдаемо. Тайна жизни и объясненіе всего представляется въ запятыхъ, живчикахъ, не видныхъ уже, а скорѣе предполагаемыхъ, нынче открываемыхъ, а завтра забываемыхъ. Объясненіе всего предполагается въ тѣхъ существахъ, которыя содержатся въ микроскопическихъ существахъ, и тѣхъ, которыя еще и въ этихъ... содержатся, и т. д. до безконечности, какъ будто безконечная дѣлимость малаго не есть безконечность такая же, какъ и безконечность великаго. Тайна откроется тогда, когда будетъ изслѣдована вся безконечность малаго до конца, т.-е. никогда. И люди не видятъ того, что представленіе о томъ, что вопросъ получаетъ разрѣшеніе въ безконечно маломъ, есть несомнѣнное доказательство того, что вопросъ поставленъ неправильно. И эта послѣдняя стадія безумія—та, которая явно показываетъ совершенную утрату смысла изслѣдованія,—эта-то стадія и считается торжествомъ науки; послѣдняя степень слѣпоты представляется высшей степенью зрячести. Люди зашли въ тупикъ и тѣмъ явно обличили передъ собою ложь того пути, по которому они шли; и тутъ-то нѣтъ предѣловъ ихъ восторгамъ. Еще немного усилить микроскопы, и мы поймемъ переходъ изъ неорганическаго въ органическое и органическаго въ психическое, и вся тайна жизни откроется намъ.

Люди, изучая тѣни вмѣсто предметовъ, забыли совсѣмъ про тотъ предметъ, тѣнь котораго они изучали, и, все дальше и дальше углубляясь въ тѣнь, пришли къ полному мраку и радуются тому, что тѣнь сплошная.

Значеніе жизни открыто въ сознаніи человѣка, какъ стремленіе къ благу. Уясненіе этого блага, болѣе и болѣе точное опредѣленіе его, составляетъ главную цѣль и работу жизни всего человѣчества, и вотъ вслѣдствіе того, что работа эта трудна, т.-е. не игрушка, а работа, люди рѣшаютъ, что опредѣленіе этого блага и не можетъ быть найдено тамъ, гдѣ оно положено, т.-е. въ разумномъ сознаніи человѣка, и что поэтому надо искать его вездѣ, — только не тамъ, гдѣ оно указано.

Это въ родѣ того, что бы дѣлалъ человѣкъ, которому дали на запискѣ точное указаніе того, что ему нужно, и который, не умѣя прочесть ее, бросилъ бы эту записку и спрашивалъ бы у

всѣхъ встрѣчныхъ, не знаютъ ли они того, что ему нужно. Опредѣленіе жизни, которое неизгладимыми буквами, въ его стремленіи къ благу, начертано въ душѣ человѣка, люди ищутъ вездѣ, только не въ самомъ сознаніи человѣка. Это тѣмъ болѣе странно, что все человѣчество, въ лицѣ мудрѣйшихъ представителей своихъ, начиная съ греческаго изреченія, гласившаго «познай самого себя», говорило и продолжаетъ говорить совершенно обратное. Всѣ ученія религіозныя суть не что иное, какъ опредѣленія жизни, какъ стремленія къ дѣйствительному, необманному благу, доступному человѣку.

Прибавленіе 3-е.

Все яснѣе и яснѣе слышится человѣку голосъ разума; человѣкъ чаще и чаще прислушивается къ этому голосу, и приходитъ время и пришло уже, когда голосъ этотъ сталъ сильнѣе, чѣмъ голосъ, призывающій къ личному благу и къ обманному долгу. Съ одной стороны, становится все болѣе и болѣе яснымъ, что жизнь личности съ ея приманками не можетъ дать блага, съ другой стороны, то, что уплата всякаго долга, предписываемаго людьми, есть только обманъ, лишающій человѣка возможности уплаты по единственному долгу человѣка тому разумному и благому началу, отъ котораго онъ исходитъ. Тотъ давнишній обманъ, требующій вѣры въ то, что не имѣетъ разумнаго объясненія уже износился, и нельзя возвратиться къ нему.

Прежде говорили: не разсуждай, а вѣрь тому долгу, что мы предписываемъ. Разумъ обманетъ тебя. Вѣра только откроетъ тебѣ истинное благо жизни. И человѣкъ старался вѣрить и вѣрилъ; но сношенія съ людьми показали ему, что другіе люди вѣрятъ въ совершенно другое и утверждаютъ, что это другое даетъ большее благо человѣку. Стало неизбѣжно рѣшить вопросъ о томъ, какая — изъ многихъ — вѣра вѣрнѣе; а рѣшать это можетъ только разумъ.

Человѣкъ и всегда познаетъ все черезъ разумъ, а не черезъ вѣру. Можно было обманывать, утверждая, что онъ познаетъ черезъ вѣру, а не черезъ разумъ; но какъ только человѣкъ знаетъ двѣ вѣры и видитъ людей, исповѣдующихъ чужую вѣру такъ же, какъ онъ свою, такъ онъ поставленъ въ неизбѣжную необходимость рѣшить дѣло разумомъ. Буддистъ, познавши магометанство, если онъ останется буддистомъ, останется буддистомъ уже не по вѣрѣ, а по разуму. Какъ скоро ему предстала другая вѣра и вопросъ о томъ, откинуть ли свою или предлагае-

мую, — вопросъ рѣшается неизбѣжно разумомъ. И если онъ, узнавъ магометанство, остался буддистомъ, прежняя слѣпая вѣра въ Будду уже неизбѣжно зиждется на разумныхъ основаніяхъ.

Попытки въ наше время влить въ человѣка духовное содержаніе черезъ вѣру помимо разума — это все равно, что попытки питать человѣка помимо рта.

Общеніе людей показало имъ ту, общую имъ всѣмъ, основу познанія, и люди уже не могутъ вернуться къ прежнимъ заблужденіямъ; и наступаетъ время и наступило уже, когда мертвые услышать гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ.

Заглушить этотъ голосъ нельзя, потому что голосъ этотъ не чей-нибудь одинъ голосъ, а голосъ всего разумнаго сознанія человѣчества, который высказывается и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ лучшихъ людяхъ человѣчества, и теперь уже въ большинствѣ людей.

1887 г.

О РУЧНОМЪ ТРУДѢ.

(Письмо къ французу.)

Дорогой братъ... Вы спрашиваете меня, почему ручной трудъ представляется намъ однимъ изъ неизбѣжныхъ условій истиннаго счастія? Нужно ли добровольно лишать себя умственной дѣятельности въ области науки и искусства, которыя кажутся вамъ несовмѣстимыми съ ручнымъ трудомъ? На эти вопросы я, какъ умѣлъ, отвѣтилъ въ книгѣ, озаглавленной: «Такъ что же намъ дѣлать?».

Я никогда не смотрѣлъ на ручной трудъ какъ на основной принципъ, а какъ на самое простое и естественное приложеніе нравственныхъ основъ, на приложеніе, которое прежде всего представляется всякому искреннему человѣку. Въ нашемъ развращенномъ обществѣ (въ обществѣ, называемомъ цивилизованнымъ) приходится прежде всего говорить о ручномъ трудѣ потому лишь, что главный недостатокъ нашего общества былъ и есть до настоящаго времени—стремленіе освободиться отъ ручного труда и пользоваться безъ взаимнаго обмѣна трудомъ бѣдныхъ классовъ, невѣжественныхъ и неимущихъ, находящихся въ рабствѣ, подобномъ рабству древняго міра.

Первый признакъ искренности людей нашего класса, исповѣдующихъ христіанскіе принципы, философскіе или гуманитарные, есть стараніе избавиться насколько возможно отъ этой несправедливости. Простѣйшее и всегда находящееся подъ руками средство достичь этого есть ручной трудъ, который начинается уходомъ за самимъ собою.

Я никогда не повѣрю искренности философскихъ и нравственныхъ принциповъ человѣка, который заставляетъ служанку выносить за собой.

Самое простое и короткое правило нравственности состоитъ въ томъ, чтобы заставлять служить себѣ другихъ какъ можно меньше и служить другимъ какъ можно больше. Какъ можно

меньше требовать отъ другихъ и какъ можно больше давать другимъ.

Это правило, дающее нашему существованію разумный смыслъ и благо, какъ его послѣдствіе, разрѣшаетъ въ то же время всѣ затрудненія, равно какъ и то, которое вамъ представляется. Это правило указываетъ мѣсто, которое должны занимать умственная дѣятельность, наука, искусство. Слѣдуя этому правилу, я счастливъ и доволенъ только тогда, когда въ моей дѣятельности несомнѣнно увѣренъ, что она полезна другимъ. Удовлетвореніе тѣхъ, для кого я дѣйствую, есть уже избытокъ, превышеніе счастія, на которое я не разсчитываю и которое не можетъ влiять на выборъ моихъ поступковъ.

Моя твердая увѣренность, что то, что я дѣлаю, не безполезно и не вредно, но есть добро для другихъ,—эта увѣренность есть главное условіе моего счастія. И это-то именно и заставляетъ нравственнаго и искренняго человѣка невольно предпочитать научной и артистической работѣ ручной трудъ.

Для пользованія моимъ писательскимъ трудомъ нужна работа печатниковъ; для исполненія моей симфоніи я нуждаюсь въ работѣ музыкантовъ; для производства опытовъ мнѣ нужна работа тѣхъ, кто дѣлаетъ приборы и инструменты для нашихъ кабинетовъ; для картины, которую я пишу, я нуждаюсь въ людяхъ, приготовляющихъ краски и холстъ; а между тѣмъ работы, которыя я произвожу, могутъ быть полезны для людей, но могутъ также быть (какъ въ большинствѣ случаевъ и бываетъ) совершенно безполезными и даже вредными. Какъ же я могу заниматься такими дѣлами, польза которыхъ весьма сомнительна и для занятія которыми я долженъ еще заставлять работать другихъ, когда предо мной, вокругъ меня безчисленное множество вещей, которыя всѣ несомнѣнно полезны для другихъ и для производства которыхъ я не нуждаюсь ни въ комъ, напримѣръ: снести ношу тому, кто утомленъ ею, вспахать поле за его больного хозяина, перевязать рану и т. д.; и не говоря объ этихъ тысячахъ вещей, окружающихъ насъ, для производства которыхъ не нужна посторонняя помощь, которыя даютъ немедленное удовлетвореніе тѣмъ, для кого вы ихъ производите,—кромѣ нихъ есть еще множество другихъ дѣлъ, напримѣръ: посадить дерево, выходить теленка, вычистить колодецъ, и все это дѣла несомнѣнно полезныя, и нельзя человѣку искреннему не предпочесть ихъ занятіямъ, требующимъ труда другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнительнымъ по своей полезности.

Призваніе пророка, учителя есть призваніе высокое и благородное. Но мы знаемъ, что такое священники, которые считаютъ себя единственными учителями, потому что у нихъ есть возможность заставить считать себя таковыми. Но не тотъ пророкъ, кто получаетъ воспитаніе и образованіе пророка, но тотъ, у кого есть внутренняя увѣренность въ томъ, что онъ есть, долженъ быть и не можетъ не быть такимъ.

Эта увѣренность встрѣчается рѣдко и можетъ быть доказана только жертвами, которыя человѣкъ приноситъ своему призванію.

То же самое и для истинной науки и для истиннаго искусства. Скрипачъ Лулли съ опасностью для своей шкуры бѣжитъ изъ кухни на чердакъ, чтобы играть на скрипкѣ,—и этой жертвой онъ доказываетъ истинность своего призванія.

Но для ученика консерваторіи, студента, единственная обязанность которыхъ изучать преподаваемое имъ, доказать истинность своего призванія невозможно. Они только пользуются положеніемъ, которое имъ представляется выгоднымъ. Ручной трудъ есть долгъ и счастіе для всѣхъ; дѣятельность ума и воображенія есть дѣятельность исключительная; она становится долгомъ и счастіемъ только для тѣхъ, которые къ ней призваны. Призваніе можно распознать и доказать только жертвой, которую приноситъ ученый или художникъ своему покою и благосостоянію, чтобы отдаться своему призванію. Человѣкъ, который продолжаетъ выполнять свои обязанности поддержанія своей жизни трудомъ своихъ рукъ и, несмотря на это, отнимаетъ часы отъ своего отдыха и сна, чтобы творить въ области ума и воображенія, доказываетъ тѣмъ свое призваніе и произведетъ въ своей области нужное людямъ. Тотъ же, кто отдѣлывается отъ обще-человѣческой нравственной обязанности и подъ предлогомъ особаго влеченія къ наукѣ и искусству устраиваетъ себѣ жизнь дармоѣда, такой человѣкъ произведетъ только ложную науку и ложное искусство.

Плоды истинной науки и истиннаго искусства суть плоды жертвы, а не плоды извѣстныхъ матеріальныхъ преимуществъ.

Но что же будетъ тогда съ наукой и съ искусствомъ? Какъ часто я слышу этотъ вопросъ отъ людей, вовсе не интересующихся ни наукой, ни искусствомъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое наука и искусство. Казалось бы, что этимъ людямъ ближе всего къ сердцу благо человѣчества, которое, по ихъ убѣжденію, не можетъ быть достигнуто ничѣмъ инымъ, какъ только развитіемъ того, что они называютъ наукой и искусствомъ.

Но что за странное дѣло то, что люди защищаютъ пользу полезнаго? Неужели могутъ быть такіе безумные люди, которые отрицали бы полезность того, что полезно? И неужели есть еще болѣе смѣшные люди, которые считаютъ своею обязанностью отстаивать полезность полезнаго?

Есть рабочіе ремесленники, есть рабочіе земледѣльцы. Никто никогда не рѣшался отрицать ихъ полезность. И никогда работникъ не станетъ доказывать полезность своего труда. Онъ производитъ, и его продуктъ необходимъ и есть добро для другихъ. Имъ пользуются, и никто не сомнѣвается въ его полезности. И тѣмъ болѣе никто ея не доказываетъ. Работники науки и искусства въ такомъ же положеніи. Почему же находятся люди, которые силятся доказать ихъ полезность? Причина та, что истинные труженики науки и искусства не обезпечиваютъ себѣ никакихъ правъ: они даютъ произведенія своихъ трудовъ, эти произведенія полезны, и они не нуждаются въ правахъ и ихъ утвержденіи.

Но огромное большинство тѣхъ, кто считаетъ себя учеными и художниками, очень хорошо знаютъ, что то, что они производятъ, не стоитъ того, что они потребляютъ. И они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, какъ жрецы всѣхъ временъ и народовъ, чтобы доказать, что ихъ дѣятельность необходима для блага человѣчества.

Истинная наука и искусство всегда существовали и будутъ всегда существовать, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности, и невозможно и безполезно отрицать или защищать ихъ.

Ложное положеніе, которое занимаютъ въ нашемъ обществѣ наука и искусство, доказываетъ только, что люди, называющіеся цивилизованными, съ учеными и художниками во главѣ, составляютъ касту со всѣми пороками, присущими всякой кастѣ. Они низводятъ съ высоты и умаляютъ тотъ принципъ, во имя котораго каста образуется. Вмѣсто истинной религіи проповѣдуютъ ложную, вмѣсто истинной науки производятъ ложную. То же и для искусства. Они ложатся тяжелымъ бременемъ на народъ и сверхъ того лишаютъ его свѣта, тщетно стараясь показать, что они его распространяютъ. И что хуже всего, дѣла ихъ всегда противорѣчатъ тѣмъ принципамъ, которые они исповѣдуютъ.

Не считая тѣхъ, которые поддерживаютъ несостоятельный принципъ науки для науки и искусства для искусства, всѣ они принуждены доказывать, что наука и искусство необходимы, потому что служатъ благу человѣчества.

Но въ чемъ же состоитъ это благо? По какимъ признакамъ можно отличить благо отъ зла? Приверженцы науки и искусства обходятъ этотъ вопросъ. Они полагаютъ даже, что опредѣленіе блага невозможно и стоитъ внѣ науки и внѣ искусства. Благо вообще, говорятъ они, добро, красота не могутъ быть опредѣлены.

Но они лгутъ.

Во всѣ времена человѣчество только и дѣлало въ своемъ движеніи впередъ, что опредѣляло добро и красоту. Добро и красота опредѣлены тысячи лѣтъ назадъ. Но это опредѣленіе для нихъ, жрецовъ, неподходящее, оно раскрываетъ имъ пустоту и даже противную добру и красотѣ зловредность того, что они называютъ наукой и искусствомъ. Брамины, буддійскіе и китайскіе мудрецы, евреи, египтяне, греческіе стоики опредѣляли благо самымъ точнымъ образомъ. Все, что вноситъ единеніе между людьми, есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ,—зло и уродство. Всѣ люди знаютъ это опредѣленіе. Оно запечатлѣно въ нашемъ сердцѣ.

Благо и красота для человѣчества есть то, что соединяетъ людей. Итакъ, если приверженцы науки и искусства дѣйствительно имѣютъ въ виду благо человѣчества, они должны двигать впередъ только тѣ науки и тѣ искусства, которыя ведутъ къ этой цѣли. А если бы это было такъ, не было бы тогда наукъ ни юридическихъ, ни военныхъ, ни политико - экономическихъ, ни финансовыхъ, цѣль которыхъ есть благо только нѣкоторыхъ обществъ и гибель другихъ. Если бы благо было дѣйствительно цѣлью наукъ и искусствъ, никогда изысканія положительныхъ наукъ, не имѣющія часто никакого отношенія къ истинному благу человѣчества, не получили бы такой ничѣмъ необъяснимой важности. То же можно сказать и о произведеніяхъ искусства, годныхъ только для возбужденія развратныхъ стариковъ и препровожденія времени праздныхъ людей.

Человѣческая мудрость вовсе не заключается въ количествѣ знаній. Есть безчисленное множество вещей, которыхъ мы не можемъ знать. Не въ томъ мудрость, чтобы знать какъ можно больше. Мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи того порядка, въ которомъ полезно знать вещи; мудрость состоитъ въ знаніи того, какія изъ знаній болѣе и какія менѣе важны. Изъ всѣхъ же знаній, нужныхъ человѣку, самое главное есть знаніе того, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра. И изъ всѣхъ искусствъ самое важное то, которое учитъ избѣгать зла и производить благо съ наименьшимъ усиліемъ.

И вотъ случилось то, что между всѣми искусствами и науками, которыя претендуютъ на служеніе благу человѣчества, первыя по важности—наука и искусство—не только не существуютъ на дѣлѣ, но даже исключены изъ списка наукъ и искусствъ.

То, что въ нашемъ обществѣ называютъ наукой и искусствомъ, есть только огромный мыльный пузырь, суевѣріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ только освобождаемся отъ суевѣрія церкви.

Чтобы ясно видѣть путь, по которому намъ идти, нужно вернуться къ началу, нужно поднять капюшонъ, который согрѣваетъ голову, но мѣшаетъ смотрѣть впередъ. Соблазнъ великъ.

Если мы не поставлены въ это положеніе рожденіемъ, мы трудомъ или хитростью добираемся до верхнихъ ступеней общественной лѣстницы, до привилегированнаго общественнаго положенія жрецовъ цивилизаціи; и, какъ жрецамъ браминамъ или католикамъ, намъ нужно много искренности и много любви къ правдѣ и добру, чтобы подвергнуть сомнѣнію тѣ принципы, которые обусловливаютъ такое выгодное положеніе.

Но для человѣка серьезнаго, который, какъ вы, ставитъ себѣ вопросъ жизни, нѣтъ выбора; чтобы ему начать ясно видѣть, нужно, чтобы онъ освободился отъ суевѣрія, несмотря на то, что оно ему выгодно.

Это условіе — sine qua non.

Безполезно спорить съ человѣкомъ, который хоть что-нибудь принимаетъ за вѣру. Если поле мысли не совершенно свободно, можно долго спорить, долго разсуждать и не подвинуться ни на іоту въ познаніи истины: всякое разумное сужденіе разобьется о признанныя впередъ и основанныя на одной вѣрѣ положенія.

Есть вѣра религіозная и есть вѣра въ прогрессъ цивилизаціи. Онѣ совершенно подобны. Католикъ говоритъ себѣ: я могу разсуждать, но въ предѣлахъ священнаго писанія и преданія, которыя владѣютъ истиной въ ея полнотѣ и неизмѣнности.

Вѣрующій въ цивилизацію говоритъ: мое разсужденіе останавливается передъ двумя основами цивилизаціи: наукой и искусствомъ.

Наша наука, говоритъ онъ, есть совокупность истиннаго знанія человѣка; если она теперь еще не владѣетъ полной истиной, то въ будущемъ она овладѣетъ ею. Наше искусство вмѣстѣ съ искусствомъ классическимъ есть единое истинное искусство.

Религіозныя суевѣрія говорятъ: внѣ человѣка существуетъ «вещь въ себѣ», какъ говорятъ нѣмцы, это—церковь. Люди на-

шего общества говорятъ: внѣ человѣка существуетъ «въ себѣ» цивилизація.

Намъ легко видѣть нелогичности въ религіозныхъ суевѣріяхъ, потому что мы ихъ не раздѣляемъ. Но религіозно-вѣрующій, напримѣръ, католикъ вполнѣ убѣжденъ, что нѣтъ другой истины, кромѣ его. И ему кажется даже, что истинность его истины доказывается разсужденіемъ.

И точно такъ же, когда мы сами опутаны ложнымъ вѣрованіемъ въ нашу цивилизацію, намъ почти невозможно видѣть нелогичность нашихъ разсужденій, которыя всѣ направлены къ тому, чтобы доказать, что изъ всѣхъ временъ и народовъ есть только наше время, только нѣсколько милліоновъ людей, населяющихъ полуостровъ, называемый Европой, которые владѣютъ истинной цивилизаціей, состоящей изъ истинной науки и истиннаго искусства.

Чтобы познать истинный смыслъ жизни, который такъ простъ, не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній; нужно имѣть только одно отрицательное качество, нужно не имѣть предразсудковъ. Нужно придти въ состояніе ребенка или Декарта, нужно сказать себѣ: я ничего не знаю, ничему не вѣрю и не хочу ничего болѣе, какъ познать истинный смыслъ жизни, той жизни, которую я долженъ прожить. И отвѣтъ данъ съ древнѣйшихъ временъ, и отвѣтъ этотъ ясенъ и простъ.

Мое внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что я хочу блага, счастія для себя, для одного себя. Разумъ говоритъ мнѣ: всѣ люди, всѣ существа хотятъ того же. Всѣ существа, которыя какъ я, ищутъ своего личнаго счастія, очевидно, раздавятъ меня. И потому я не могу найти того счастія, въ стремленіи къ которому состоитъ моя жизнь. Стремленіе къ счастію есть моя жизнь, а разумъ показываетъ мнѣ, что это стремленіе тщетно и что потому я не могу жить.

Простое разсужденіе показываетъ мнѣ, что при томъ міровомъ порядкѣ, когда всѣ существа стремятся только къ своему личному благу, я, существо стремящееся къ тому же, не могу получить этого блага. И я не могу жить. Но, несмотря на такое ясное разсужденіе, мы живемъ и ищемъ счастія и блага. Мы говоримъ себѣ: я могъ бы только въ томъ случаѣ достичь блага, быть счастливымъ, если бы всѣ остальныя существа любили меня больше, чѣмъ они любятъ себя. Это невозможно. Но, несмотря на это, мы всѣ живемъ, и вся наша дѣятельность, всѣ наши стремленія къ богатству, къ семьѣ, къ славѣ, къ власти,—все это только попытка заставить другихъ любить меня больше, чѣмъ они любятъ себя.

Богатство, слава, власть даютъ намъ подобіе такого состоянія, и мы почти довольны, мы минутами забываемъ, что это только иллюзія, а не дѣйствительность. Всѣ существа любятъ себя болѣе, чѣмъ насъ,—и счастіе невозможно.

Есть люди (и число ихъ возрастаетъ со дня на день), которые не могутъ разрѣшить этого затрудненія и убиваютъ себя, говоря, что жизнь—пустая и глупая шутка.

А между тѣмъ рѣшеніе задачи болѣе чѣмъ просто и представляется само собой.

Я могу быть счастливымъ только при такомъ міровомъ порядкѣ, при которомъ всѣ существа любили бы другихъ болѣе, чѣмъ самихъ себя. Весь міръ былъ бы счастливъ, если бы существа любили не самихъ себя, а себѣ подобныхъ.

Я—существо, человѣкъ, и разумъ даетъ мнѣ законъ всеобщаго блага. И я долженъ слѣдовать этому закону моего разума, я долженъ любить другихъ больше самого себя.

И стоитѣ только человѣку разсудить такъ, чтобы жизнь вдругъ представилась ему подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ прежде.

Существа уничтожаютъ другъ друга, но въ то же время существа любятъ и помогаютъ другъ другу. Жизнь поддерживается не страстью разрушенія, а чувствомъ взаимности, которое на языкѣ нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видѣть развитіе жизни міра, я вижу въ немъ проявленіе только этого принципа взаимной помощи. Всѣ исторіи есть не что иное, какъ все болѣе и болѣе ясное обнаруженіе этого единственнаго принципа взаимнаго согласія всѣхъ существъ.

Разсужденіе подтверждается и опытомъ историческимъ и опытомъ личнымъ. Но помимо разсужденія человѣкъ находитъ самое убѣдительное доказательство справедливости этого разсужденія въ своемъ внутреннемъ, непосредственномъ чувствѣ. Величайшее благо, которое только знаетъ человѣкъ, состояніе полнѣйшей свободы и счастія, есть состояніе самоотверженія и любви. Разумъ открываетъ человѣку единственный возможный путь къ счастію, и чувство устремляетъ человѣка по этому пути.

Если мысли, которыя я стараюсь вамъ передать, кажутся вамъ неясными, не судите ихъ слишкомъ строго. Я надѣюсь, что вы когда-нибудь прочтете ихъ изложенными болѣе ясно и просто.

Я хотѣлъ только дать вамъ понятіе о моихъ взглядахъ на жизнь.

1885 г.

О БОНДАРЕВѢ.

(Для словаря Венгерова.)

Имя Бондарева уже извѣстно публикѣ по предисловію Л. Н. Толстого въ его сочиненіяхъ. Существеннымъ дополненіемъ къ нему является нижеслѣдующая замѣтка.

Какъ бы странно и дико показалось утонченно образованнымъ римлянамъ половины I столѣтія, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что неясныя, запутанныя, часто непонятныя письма странствующаго еврея къ своимъ друзьямъ и ученикамъ будутъ въ сто, въ тысячу, въ сотню тысячъ разъ больше читаться, больше распространены и больше вліять на людей, чѣмъ всѣ любимыя утонченными людьми поэмы, оды, элегіи и элегантныя посланія сочинителей того времени. А между тѣмъ это случилось. Точно такъ же странно и дико должно показаться людямъ теперешнее мое утвержденіе, что сочиненіе Бондарева, надъ наивностью котораго мы снисходительно улыбаемся съ высоты своего умственнаго величія, переживетъ всѣ тѣ сочиненія, которыя описаны въ этомъ лексиконѣ, и произведетъ большее вліяніе на людей, чѣмъ всѣ они, взятыя вмѣстѣ. А между тѣмъ я увѣренъ, что это такъ будетъ. А увѣренъ я въ этомъ потому, что какъ ложныхъ и никуда неведущихъ и потому ненужныхъ путей безчисленное количество, а истинный, ведущій къ цѣли и потому нужный путь только одинъ, такъ и мыслей ложныхъ, ни на что не нужныхъ, безчисленное количество, а истинная, нужная мысль, или скорѣе истинный и нужный ходъ мысли только одинъ, и этотъ одинъ истинный и нужный ходъ мысли въ наше время излагаетъ Бондаревъ въ своемъ сочиненіи съ такой необыкновенной силой, ясностью, убѣжденіемъ, съ которой еще никто не излагалъ его. И потому все кажущееся столь важнымъ и нужнымъ теперь безслѣдно исчезнетъ и забудется, а то, что говоритъ Бондаревъ и къ чему призываетъ людей, не забудется, потому что люди

самой жизнью будутъ все больше и больше приводиться къ тому, что онъ говоритъ.

Открытіе всякихъ научныхъ отвлеченныхъ и научныхъ прикладныхъ, и философскихъ, и нравственныхъ, и экономическихъ истинъ всегда совершается такъ, что люди ходятъ все болѣе и болѣе суживающимися кругами около этихъ истинъ, все приближаясь и приближаясь къ нимъ и иногда только слегка захватывая ихъ, до тѣхъ поръ, пока смѣлый, свободный и одаренный человѣкъ не укажетъ самой середины этой истины и не поставитъ ее на ту высоту, съ которой она видна всѣмъ. И это самое сдѣлалъ Бондаревъ по отношенію нравственно-экономической истины, которая подлежала открытію и уясненію нашего времени. Многіе говорили и говорятъ то же самое. Одни считаютъ физическій трудъ необходимымъ для здоровья, другіе—для правильнаго экономическаго устройства, третьи—для нормальнаго развитія всестороннихъ свойствъ человѣка, четвертые считаютъ его необходимымъ условіемъ для нравственнаго совершенства человѣка. Такъ, напр., одинъ изъ величайшихъ писателей Англіи и нашего времени, почти столь же не оцѣненный культурной толпой нашего времени, какъ и нашъ Бондаревъ, несмотря на то, что Рёскинъ,—образованнѣйшій и утонченнѣйшій человѣкъ своего времени, т.-е. стоящій на противоположной отъ Бондарева полосѣ,—Рёскинъ этотъ говоритъ въ своей Fors clavigera, письмо 67: «It is phisically impossible that the true religions or pure morality should exist among any classes of a nation who do not work with their hands for their bread», т.-е. что физически невозможно, чтобы существовало истинное религіознеое познаніе или чистая нравственность между сословіемъ народа, которое не зарабатываетъ себѣ хлѣба своими руками. Многіе ходятъ около этой истины и выговариваютъ ее съ разными оговорками, какъ это дѣлаетъ Рёскинъ, но никто не дѣлаетъ того, что дѣлаетъ Бондаревъ, признавая хлѣбный трудъ основнымъ религіознымъ закономъ жизни. И онъ дѣлаетъ это не потому, какъ это намъ пріятно думать, что онъ невѣжественный и глупый мужикъ, не знающій всего того, что мы знаемъ, а потому, что онъ геніальный человѣкъ, знающій то, что истина только тогда истина, когда она выражена не съ урѣзками и оговорками и прикрытіями, а тогда, когда она выражена вполнѣ. Какъ истина о томъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, выраженная такъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ бываетъ иногда приблизительно равна двумъ прямымъ, теряетъ всякій смыслъ и значеніе, такъ и истина о томъ, что человѣкъ долженъ работать своими руками, выраженная въ видѣ совѣта,

желательности, утвержденія о томъ, что это можетъ быть полезно съ нѣкоторыхъ сторонъ и т. п., теряетъ весь свой смыслъ и свое значеніе. Смыслъ и значеніе эта истина получаетъ только тогда, когда она выражена какъ непреложный законъ, отступленіе отъ котораго ведетъ за собой неизбѣжное бѣдствіе и страданія и исполненіе котораго требуется отъ насъ Богомъ или разумомъ, какъ выразилъ это Бондаревъ. Бондаревъ не требуетъ того, чтобы всякій непремѣнно надѣлъ лапти и пошелъ ходить за сохою, хотя онъ и говоритъ, что это было бы желательно и освободило бы погрязшихъ въ роскоши людей отъ мучающихъ ихъ заблужденій (и дѣйствительно, кромѣ хорошаго ничего не вышло бы и отъ точнаго исполненія даже и этого требованія), но Бондаревъ говоритъ, что всякій человѣкъ долженъ считать обязанность физическаго труда, прямого участія въ тѣхъ трудахъ, плодами которыхъ онъ пользуется, своей первой, главной, несомнѣнной и священной обязанностью и что въ такомъ сознаніи этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себѣ представить, какимъ образомъ честный и думающій человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ.

1890 г.

О ПРОЕКТѢ ГЕНРИ ДЖОРДЖА.

(Изъ письма къ Бондареву.)

Проектъ Генри Джорджа состоитъ въ томъ, чтобы всю землю, какая только есть и кто бы ни владѣлъ ею, оцѣнить по ея доходности,—не по тому доходу, какой получаетъ владѣлецъ за то, что онъ сработалъ за землѣ, а потому, насколько земля сама по себѣ выгодна и доходнѣе другихъ земель,—и доходъ этотъ съ земли брать съ тѣхъ, кто ею владѣетъ, въ общую пользу.

При такой оцѣнкѣ земли примѣрно было бы то, что съ удобной полевой земли у насъ въ Россіи пришлось бы платить отъ 3-хъ до 10-ти рублей за десятину, за огородную при селеніяхъ и заливные луга еще дороже. На бойкихъ же мѣстахъ и у пристаней судоходныхъ рѣкъ, въ городахъ подъ заведеніями, фабриками, въ мѣстахъ, гдѣ есть руды: нефть, золото и такъ далѣе, плата за землю была бы по нѣскольку тысячъ рублей за сажень въ годъ.

Оцѣнивъ такъ всю землю, деньги эти, принадлежащія всему народу, Генри Джорджъ предлагаетъ употребить на общія нужды всего народа, на то самое, на что теперь собираются съ народа всякія подати и пошлины.

Выгода такого устройства была бы та, что люди, теперь владѣющіе большими землями, отказались бы отъ нихъ, потому что не въ силахъ были бы платить за нихъ. Люди же, желающіе сами работать на землѣ, сейчасъ же разобрали бы эти земли.

Такъ что первая выгода отъ такого устройства была бы та, что земля сейчасъ же попала бы въ руки тѣхъ, кто самъ работаетъ на ней, а не была бы въ рукахъ большихъ владѣльцевъ.

Вторая выгода была бы въ томъ, что рабочій народъ пересталъ бы закабаляться въ работники на заводы, фабрики и въ прислугу въ городахъ, и тѣ, которые теперь живутъ въ городахъ, стали бы возвращаться въ деревни.

Въ-третьихъ, выгода была бы въ томъ, что всѣ нужныя вещи для жизни: спички, чай, сахаръ, керосинъ, желѣзо, сукно, ситцы, всякія машины, а также и ненужныя вещи: вино, табакъ, все было бы вдвое, а то втрое дешевле противъ теперешняго, и выгодой этой пользовались бы не только земледѣльцы, но и всѣ люди, получая свою долю съ дохода земли, хотя и не работая на ней.

Такъ что, если бы установился такой порядокъ, уничтожились бы двѣ великія неправды, отъ которыхъ страдаетъ теперь народъ.

Первая — та, что люди лишены своего природнаго, прирожденнаго права на землю, а вторая—та, что подати собираются не съ общаго достоянія людей, съ земли, а съ личнаго труда человѣка. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ больше отъ него отбираютъ.

Главная же выгода была бы та, что при такомъ устройствѣ избавились бы люди неработающіе отъ грѣха пользованія чужими трудами, въ которомъ они часто и не виноваты, такъ какъ съ дѣтства воспитаны въ праздности и не умѣютъ работать, и отъ еще большаго грѣха всякой лжи и изворотовъ для оправданія себя въ этомъ грѣхѣ, и избавились бы люди рабочіе отъ соблазна и грѣха зависти, осужденія и озлобленія противъ неработающихъ людей, и уничтожилась бы главная причина грѣха раздѣленія людей.

И сдѣлать это по проекту Джорджа можно безъ шума, вражды, обиды и разоренія людей. Стоитъ только понемногу переводить подати и пошлины съ произведеній труда на землю, и понемногу будутъ бросать землю тѣ, кто не работаетъ на ней, а будутъ пріобрѣтать ее тѣ, кто умѣетъ работать на ней и любитъ это дѣло. А будетъ вся земля въ рукахъ настоящихъ земледѣльцевъ — и уменьшится праздная жизнь по городамъ и станутъ всѣ жить и богаче и праведнѣе.

Въ этомъ проектъ Генри Джорджа.

1890 г.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

(Отрывокъ изъ черновой статьи, начатой для журнала „Дѣтская Помощь".)

Я излагалъ въ этой послѣдней статьѣ («Что же намъ дѣлать?») подробно тѣ опыты, черезъ которые я прошелъ, вслѣдствіе моей попытки благотворительности во время переписи, и тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ. Статья эта не могла быть напечатана. Попытаюсь еще разъ вкратцѣ изложить теперь нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей, особенно тѣхъ, которыя относятся собственно къ благотворительности.

Выводы, къ которымъ я пришелъ относительно благотворительности, слѣдующіе:

Я убѣдился, что нельзя быть благотворителемъ, не ведя вполнѣ добрую жизнь, и тѣмъ болѣе нельзя, ведя дурную жизнь, пользуясь условіями этой дурной жизни, для украшенія этой своей дурной жизни дѣлать экскурсіи въ область благотворительности. Я убѣдился, что благотворительность тогда только можетъ удовлетворить и себѣ, и требованіямъ другихъ, когда она будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ доброй жизни; что требованія этой доброй жизни очень далеки отъ тѣхъ условій, въ которыхъ я живу. Я убѣдился, что возможность благотворить людямъ есть вѣнецъ и высшая награда доброй жизни и что для достиженія этой цѣли есть длинная лѣстница, на первую ступень которой я даже и не думалъ вступать. Благотворить людямъ можно только такъ, чтобы не только другіе, но и сами бы не знали, что дѣлаешь добро, — такъ, чтобы правая рука не знала, что̀ дѣлаетъ лѣвая; только такъ, какъ сказано въ ученіи двѣнадцати апостоловъ: чтобы милостыня твоя по̀томъ выходила изъ твоихъ рукъ, такъ, чтобы ты и не зналъ, кому ты даешь. Благотворить можно только тогда, когда вся жизнь твоя есть служеніе благу. Благотворительность не можетъ быть цѣлью,— благотворительность есть неизбѣжное послѣдствіе и плодъ доброй жизни. А какой же можетъ быть плодъ на сухомъ деревѣ, у кото-

раго нѣтъ ни живыхъ корней, ни живой коры, ни сучьевъ, ни почекъ, ни листьевъ, ни цвѣту? Можно привѣсить плоды, какъ яблоки и апельсины на ленточкахъ къ рождественской елкѣ, но елка не станетъ отъ этого живою и не будетъ родить апельсиновъ и яблокъ. Прежде, чѣмъ думать о плодахъ, нужно укоренить дерево, привить и возрастить его. А чтобы укоренить, привить и возрастить дерево добра, обо многомъ надо подумать и надъ многимъ надо потрудиться, прежде чѣмъ радоваться на плоды добра, которые мы будемъ давать другимъ. Можно раздавать чужіе плоды, навѣшенные на сухое дерево, но тутъ нѣтъ ничего похожаго даже на добро. Надо многое и многое сдѣлать прежде.

1886 г.

ЧЬИ МЫ?

(Неоконченная статья.)

Чьи мы: Боговы или дьяволовы? Въ кого вѣруемъ: въ Бога или дьявола? Кому служимъ: Богу или дьяволу? Или нѣтъ ни Бога, ни дьявола, ни добраго, ни злого, потому что не дано намъ знать, что̀ доброе, что̀ злое? И хотѣли бы мы сказать такъ, да нельзя намъ, бѣднымъ. Не знай ты, что̀ доброе, что̀ злое, тебѣ бы и жить нельзя. На каждый день, на каждый часъ надо выбирать: пойти или не пойти, взять или отдать, убить или простить. Посмотри на день твой и вспомни, какъ прожилъ, и на каждое дѣло твое, и ты увидишь, что ты дѣлалъ потому, что зналъ, что то хорошо, а то дурно.

Въ Библіи сказано, что Адамъ въ раю до вкушенія плода не зналъ, что̀ добро, что̀ зло. Тогда онъ могъ сказать, что не знаетъ, что̀ добро, что̀ зло. А намъ это и вообразить нельзя. Только скотовъ мы видимъ такихъ: живутъ, не зная, что̀ добро, что̀ зло. А гдѣ есть люди, есть и законъ. Посмотрю на одного человѣка — каждый знаетъ, что̀ хорошо, что̀ дурно, и по тому ведетъ свою жизнь. Посмотрю на людей вкупѣ — законъ еще яснѣе: онъ написанъ, и всѣ либо признаютъ его, либо не признаютъ, зная другой законъ лучше его.

Гдѣ же, какой тотъ законъ, подъ которымъ мы живемъ? Не говори, что это законъ того, что̀ моему тѣлу хорошо: ѣсть, пить, совокупляться, блюсти своихъ дѣтенышей. Это не законъ, а нужды плоти, тѣ самыя, на которыя нуженъ законъ, тѣ нужды плоти, какія есть и въ скотѣ. У скотовъ нѣтъ закона, похоти у всѣхъ — однѣ. Всѣ хотятъ того же. Чтобы не было того, что люди хотятъ: ѣсть одно, спать съ однимъ, и перебьютъ другъ друга, и ни тотъ, ни другой не поѣстъ и не поспитъ, — надо имъ дѣлиться, надо поставить законъ. А чтобы имъ подѣлить, надо ограничить похоть, и въ сердцѣ людей рождается законъ о томъ, какъ ограничить похоть. И что̀ ни похоть, то законъ; потому что законъ не что иное, какъ смиреніе, покореніе похоти

для другого. И такихъ законовъ много въ сердцѣ каждаго человѣка. У скота нѣтъ закона, и нѣтъ нужды въ немъ. Худо ли, хорошо ли, но человѣку безъ закона нельзя быть: законъ написанъ въ немъ самомъ. И никогда не былъ человѣкъ безъ закона. Когда былъ одинъ Адамъ (былъ ли онъ или не былъ, все равно), если былъ одинъ человѣкъ, ему можно было жить безъ закона. У него одного были похоти и онѣ никому не мѣшали, но какъ стало два, три человѣка, такъ похоти ихъ столкнулись. Я хочу съѣсть это яблоко. И я тоже. Одинъ камнемъ убилъ другого, является третій, который не оставитъ этого дѣла такъ. Въ его душѣ скажется, хорошо или дурно сдѣлалъ одинъ. Одинъ волкъ загрызетъ другого; третій ничего не скажетъ, не подумаетъ, а станетъ вмѣстѣ съ убійцей ѣсть убитаго. А человѣкъ скажетъ и подумаетъ: хорошо то или дурно. Найдя въ сердце законъ, не говори, что нѣтъ закона. Законъ написанъ въ твоемъ сердцѣ. Если бы ты жилъ одинъ день съ людьми и дѣлалъ бы дѣла, ты бы нашелъ законъ. И теперь нѣтъ такого дѣла людского, на которое у тебя въ душѣ не было бы суда по закону твоему, и своего дѣла, на которое ты бы не зналъ закона.

Если ты говоришь: нѣтъ закона, то ты говоришь, что такъ много стало законовъ, такъ безтолковы эти законы. Есть и такіе — и много ихъ — что̀ одинъ законъ велитъ, то другой воспрещаетъ. А кромѣ того, есть еще уставы, не покоряющіе, а устанавливающіе, какъ удовлетворять похоти. И ихъ называютъ законами; такъ что живутъ въ этомъ морѣ законовъ и уставовъ люди, какъ попало, не слѣдуютъ никакому закону, смѣшиваютъ уставы съ законами и живутъ ни по какому, а по похоти. Если ты это говоришь, то это правда. Правда, что множество законовъ и уставовъ, что не видать ни одного настоящаго закона и можно жить безъ закона. Это — правда, объ этомъ самомъ я и хочу говорить, къ этому-то и спрашиваю: чьи мы — Боговы или дьяволовы?

Живемъ ли мы по закону или по похоти—не забывай, что законъ есть; и не законъ, а тьмы законовъ есть, и мы слѣдуемъ тысячамъ изъ нихъ, и безъ нихъ никогда не жилъ и не можетъ жить человѣкъ; и такъ много стало законовъ, и такъ мы запутались въ нихъ, что мы можемъ жить по похоти — и такъ и живали многіе — избирали тѣ законы, какіе съ руки, и замѣняли тѣ, какіе не съ руки, другими законами. А законамъ нельзя не быть. Два человѣка проживутъ три дня, и то будутъ у нихъ законы, а милліоны милліоновъ жили 5.000 лѣтъ, по Библіи, и по наукѣ— милліоны лѣтъ и не нашли законовъ? Это пустое, и говорить этого не надобно.

Я сижу теперь въ моемъ домѣ, дѣти учатся, играютъ, жена работаетъ, я пишу. Все это дѣлается только потому, что есть законы, признанные всѣми. Въ домъ мой никто чужой не приходитъ жить, потому что онъ мой, и по 10-й заповѣди никто не долженъ желать чужого. Дѣти учатся тому, что̀ я велѣлъ, по 5-й заповѣди; жена моя спокойна отъ покушеній по 7-й; я работаю, что̀ умѣю, по 4-й. Я назвалъ заповѣди Моисея, но могъ назвать тысячи законовъ государственныхъ и обычаевъ, наполовину подтверждающихъ то же. Но сейчасъ же я найду, если хочу, и законы и обычаи такіе, которые отмѣняютъ эти законы. Я скажу: зачѣмъ у тебя домъ? Христосъ, показавшій намъ примѣръ жизни, не имѣлъ, гдѣ главы преклонить. Зачѣмъ у тебя домъ, когда есть бѣдные безъ пристанища? Зачѣмъ у тебя домъ, когда сказано: не заботьтесь? Я скажу: зачѣмъ заботишься о дѣтяхъ? Ни одинъ волосъ не спадетъ безъ воли Отца небеснаго. Зачѣмъ учишь ихъ, когда блаженны нищіе духомъ? Просто скажу: зачѣмъ учишь ихъ языческой мудрости, когда ты христіанинъ. Скажу: зачѣмъ учишь ихъ для тщеславія, если лучше работать землю; зачѣмъ у тебя жена, когда благо лучше не жениться; зачѣмъ ты имѣешь жену, когда сказано: кто не оставитъ жену... нѣсть Меня достоинъ? Зачѣмъ ты работаешь, пишешь это — противъ смиренія и противъ непопеченія о мірскомъ? Такъ что, если бы я бросилъ домъ, жену, дѣтей, работу, я тоже дѣлалъ бы по закону Божію, и нашелъ бы и законы государственные и обычаи себѣ въ поддержку. Бросить жену, дѣтей и пойти въ монастырь или бросить жену, дѣтей, развестись, жениться на другой и распутничать — и для всего я нашелъ бы подтвержденіе въ законахъ и Божескихъ и человѣческихъ: такъ что, что̀ хочешь, то и дѣлаешь — на все можно подвести законы.

Вотъ въ какомъ мы положеніи и вотъ что̀ не хорошо. Не то, что нѣтъ законовъ, а то, что ихъ слишкомъ много, и мы больно умны стали. И вотъ къ чему я спрашиваю себя: Боговы ли мы или дьяволовы?

Но опять ты спросишь: что такое Боговы или дьяволовы? Ты скажешь: пора оставить эти старыя слова; много уже толковали про эти басни, про Бога, про дьявола, много и зла надѣлали, и крови пролили изъ-за этихъ басенъ. Теперь уже время пришло, когда умны стали, перестали вѣрить въ эти побасенки — Бога и дьявола. И если хочешь говорить, то говори такъ, чтобы тебя можно было понимать, а словъ важныхъ и безсмысленныхъ не говори. Что̀ такое Богъ, что̀ такое дьяволъ? Никто никогда не видалъ ни того, ни другого и даже представить себѣ не можетъ. Есть люди, и люди же выдумали и Бога и дьявола; и выдумали

и бросили уже давно выдумку эту, какъ ненужную. Хочешь говорить, такъ говори про людей.

Про людей-то я и хочу говорить и потому говорю и про Бога, и про дьявола — тотъ и другой сидятъ въ нихъ и нераздѣльны съ ними. Говорю такъ, называю Бога и дьявола потому, что иначе нельзя сказать того, что я хочу сказать.

Ты говоришь: нельзя понять, что Богъ сидѣлъ, сидѣлъ гдѣ-то вѣчность и вдругъ вздумалъ: «дай сотворю міръ», — и сталъ творить въ семь дней, проговоривъ: хорошо. Правда, нельзя понять намъ съ тобою, когда мы ничего не спрашиваемъ и намъ вдругъ говорятъ все это. Но скажи, можно ли понять то, чтобы все, чтò есть, было и не имѣло начала? Нельзя; и ты говоришь, что всему есть начало, и даже, восходя отъ начала къ началу, ты дошелъ далеко, и по соображеніямъ и догадкамъ дошелъ до начала не за 7.000 лѣтъ, а гораздо дальше. И тамъ ты видишь не только образованіе земли и живого на ней, но образованіе солнца и еще дальше. Но какъ ни далеко ты зашелъ, ты признаешь, что начало началъ такъ же далеко и недоступно. Но ты все-таки ищешь начала началъ, на него обращенъ твой взоръ, отъ него — ты говоришь — возникло все. Ну вотъ, это самое, не часть, а начало началъ, это самое я и называю Богомъ. Стало быть, когда я говорю «Богъ», ты не можешь не понимать меня и осуждать меня. Мы оба Его не знаемъ, потому оба одинаково вѣримъ, и никто не можетъ требовать отъ насъ пониманія Бога такого, какимъ Онъ въ книгѣ Бытія. Намъ бы надо отказаться отъ того, чѣмъ мы понимаемъ, отъ нашего ума, чтобы понимать Его такимъ. Точно такъ же, какъ никто не можетъ требовать отъ Моисея, чтобы онъ понималъ небеса, солнце, луну и звѣзды больше земли. Но отвѣтъ Моисея на вопросъ, откуда мы взялись, тотъ же самый, какой далъ и ты: отъ начала началъ, отъ Бога.

Но — скажешь ты — это начало началъ все еще далеко не то, чтò разумѣютъ подъ словомъ Богъ. Подъ словомъ этимъ разумѣютъ существо, заботящееся о людяхъ. Говорятъ, что Онъ пальцемъ написалъ законъ, ходилъ въ купинѣ, прислалъ сына и т. д. Этого всего нѣтъ въ разумномъ понятіи начала.

И я согласенъ на такія слова: въ началѣ началъ нѣтъ такого Бога. Но какъ непонятенъ тебѣ Богъ живой, жалѣющій, любящій и гнѣвающійся на людей, такъ же непонятно для ума человѣческаго, чтò такое онъ самъ, чтò такое его жизнь. Скажи мнѣ, чтò такое жизнь, и я скажу, чтò такое Богъ живой. Ты говоришь: жизнь есть сознаніе ложное, но всегда присущее человѣку, своей свободы и удовлетвореніе своихъ потребностей и выборъ между ними. Но откуда взялась эта жизнь? Ты гово-

ришь, она развивалась изъ низшихъ организмовъ. Но низшіе организмы несли уже въ себѣ сознаніе это, и откуда взялись низшіе? Ты говоришь: отъ безконечнаго начала. Я называю то же самое Богомъ. Я говорю: сознаніе моей жизни, сознаніе свободы есть Богъ.

Но и это не весь Богъ. Онъ только творецъ и живой. Но кромѣ того, что я есть, что я живъ, стремлюсь къ удовлетворенію своихъ потребностей, сознаю свободу выбора, я имѣю еще разумъ, руководящій меня въ этомъ выборѣ. Откуда разумъ. Разумъ этотъ ищетъ начала, разумъ этотъ борется съ самимъ человѣкомъ, покоряетъ его самого, его похоть, ставитъ ему законы; а законы не что иное, какъ борьба, одолѣніе похоти. Скажи мнѣ, откуда этотъ разумъ человѣка, уставляющій законы, противные плоти?

Ты говоришь: законы эти отъ человѣка. Но разумъ человѣка откуда? Отъ развитія живого? А живое отъ неживого? Но и въ неживомъ были эти зародыши. Въ оторвавшихся частяхъ вертящагося солнца уже были зародыши разума. А въ солнцѣ и въ тѣхъ звѣздахъ, отъ которыхъ оторвалось солнце? Если есть разумъ и онъ произошелъ отъ развитія, то начало его также скрывается въ безконечности. Вотъ это-то начало началъ разума и есть тоже Богъ. И какъ у тебя, такъ и у меня всѣ тѣ же понятія начала существующаго — тѣ, что начало жизни и разума сливаются въ одно. Ты указываешь только на ходъ твоей мысли, а я называю все Богомъ. Но называю потому, что мнѣ нужно какъ-нибудь назвать то, на что̀ ты только указываешь и что̀ раздробляется у тебя на три пути мысли.

Къ чему же дьяволъ? спросишь ты. Человѣкъ — плоть, имѣетъ жизнь и разумъ и развивается. Вотъ и все. Но здѣсь я долженъ остановить тебя. Хорошо говорить, что веревка развивается, зародышъ развивается въ яйцѣ, но недобросовѣстно прилагать это слово къ человѣку и человѣчеству. Ты если человѣкъ, ты живешь. А потому не продолжай говорить о развитіи, а прямо посмотри на себя и укажи, что̀ ты дѣлаешь, имѣя жизнь и разумъ? Если ты это сдѣлаешь, то ты отвѣтишь, что ты ищешь разумнаго выбора между всѣми требованіями твоего тѣла; только въ этомъ вся наша жизнь. Когда есть выборъ (жизнь человѣка не бываетъ безъ этого сознанія), человѣкъ ищетъ наилучшаго, наисогласнѣйшаго съ разумомъ и его законами (съ законами Бога). Вотъ это-то самое, что̀ несогласно съ законами разума, я называю дьявольскимъ...

1886 г.

О ВѢРАХЪ.

(Черновой набросокъ вступленія къ предполагавшемуся изложенію главныхъ религіозныхъ ученій.)

Въ календаряхъ на 1886 годъ о томъ, сколько на свѣтѣ вѣръ, написано въ однихъ — 1000 вѣръ или исповѣданій, въ другихъ — 2000. Если возьмешь книги ученыхъ, тѣхъ, которые пишутъ о вѣрахъ, то тоже прочтешь въ этихъ книгахъ описанія 1000 вѣръ, и каждая вѣра одна чуднѣе другой. Если послушаешь, что говорятъ люди, то услышишь тоже, что вѣръ на свѣтѣ тысячи, всѣхъ ихъ не пересчитаешь и всѣ разныя.

Послушаешь, что говорятъ люди, и подивишься. Одни говорятъ, и такихъ больше всего, всѣ 999 вѣръ ложныя, одна моя, — та, въ которой я родился, — истинная; другіе говорятъ: всѣ 1000 вѣръ разныя, значитъ всѣ вѣры одни пустяки и ни одной нѣту истинной. Неужели это такъ надо и того хотѣлъ Богъ, когда сотворялъ людей, или что такъ и должно жить людямъ? Неужели такъ и надо, чтобы люди всѣ разбрелись на 1000 вѣръ и каждая вѣра по-своему учила бы людей, какъ имъ самимъ себя понимать, чтò считать добрымъ, чтò дурнымъ и чего себѣ ждать послѣ смерти? И чтобы каждая вѣра осуждала и ненавидѣла одна другую? Неужели такъ надо и неужели такъ есть? Правда, что въ календаряхъ такъ написано и въ ученыхъ книжкахъ тоже и что люди такъ говорятъ. Да правда ли написана въ книжкахъ и правду ли говорятъ люди? Часто бываетъ, что дьяволъ говоритъ черезъ людей, заставляетъ говорить ихъ то, чтò ему нужно. Часто люди сами обманываютъ себя. Запутаются люди, да и говорятъ, что они въ этомъ не виноваты, а такъ это Богомъ устроено. Не то же ли и въ дѣлахъ вѣры? Во всѣхъ вѣрахъ учатъ тому, что есть Богъ, и Богъ любитъ и жалѣетъ людей. Какъ же это такъ: Богъ любитъ и жалѣетъ людей, а поставилъ ихъ въ такой запутанный міръ, гдѣ 1000 вѣръ и всякая себя выхваляетъ и другихъ осуждаетъ? Человѣку нужно спастись, угодить Богу, а Богъ взялъ да нарочно засадилъ его въ такое болото, что и вылѣзть

нельзя. Родился человѣкъ въ индѣйской, въ магометанской, въ христіанской, въ еврейской вѣрѣ, только возросъ сталъ о своей душѣ думать и со всѣхъ сторонъ видитъ 999 вѣръ, всѣ такъ же, какъ и его вѣра, увѣряютъ, что его вѣра истинная, а остальныя всѣ обманныя. Какъ ему быть? Какъ ему выпутаться изъ этой бѣды? Остается одно — сказать себѣ, что всѣ вѣры выдумки, всѣ ложныя, и жить какъ придется. Если Богъ точно поставилъ человѣка въ такое положеніе, то Онъ не только не любитъ его и не Отецъ ему, но Онъ первый врагъ ему. Дьяволъ бы лучше не выдумалъ, какъ навѣрно погубить человѣка.

Или вѣра и точно есть одинъ обманъ, и чѣмъ человѣкъ скорѣе отброситъ этотъ обманъ, тѣмъ ему будетъ лучше? Такъ многіе и думаютъ теперь, и отъ этого гибнутъ души человѣческія. [Но думаютъ они такъ только потому, что не всѣ такъ думаютъ. Думаетъ такъ одинъ на 100, и пока ихъ такъ мало, имъ можно такъ думать. Если же бы всѣ стали такъ думать, то сейчасъ бы люди перерѣзали, перегрызли другъ друга, потому что безъ вѣры человѣкъ — животное. Живутъ люди, бо̀льшая часть, только потому, что въ нихъ есть вѣра. За ними-то, за большею частью, и можно жить невѣрующимъ. А всѣмъ жить невѣрующими, нельзя, потому что только вѣра соединяетъ людей. Стало быть нужна вѣра.] А нужна вѣра, — зачѣмъ же она не одна? Зачѣмъ развелось ихъ тысяча? Такъ говорилъ себѣ и я, пока не искалъ Бога; а когда сталъ искать, то тотчасъ сказалъ себѣ, что вѣра есть и у всѣхъ одна. И чѣмъ больше я узнавалъ другія вѣры, тѣмъ яснѣе мнѣ становилось, что все, что̀ пишутъ въ календаряхъ и ученыхъ книгахъ, и все, что̀ говорятъ о тысячахъ вѣръ,—все это одинъ обманъ. Богъ никогда не путалъ людей разными вѣрами, и вѣръ не только нѣту тысячи, но нѣту и двухъ разныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, есть и была всегда одна вѣра. И вѣра эта — все одна и та же, записана и во всѣхъ разныхъ книгахъ вѣръ всѣхъ народовъ, и все одна и та же записана въ сердцѣ каждаго человѣка. Какъ и сказалъ Моисей, чтобы израиль не искалъ вѣры ни за горой, ни за моремъ, ни на небѣ, ни на землѣ, а только въ своемъ сердцѣ. То же, что̀ говорятъ о 1000 вѣрахъ, есть только обманъ и недоуміе. Обманъ состоитъ въ томъ, что суевѣрія называютъ вѣрами и потому насчитываютъ ихъ тысячи; а недоуміе въ томъ, что ту же вѣру, когда она иначе высказана, называютъ другою вѣрою. Есть разныя ученія вѣръ, но вѣра одна: вѣра въ то, что̀ есть человѣкъ, для чего онъ живетъ, какъ ему жить надо и чего ждать послѣ смерти. Называть разныя ученія вѣръ разными вѣрами — все равно, какъ если бы человѣкъ, узнавъ другой языкъ, считалъ

бы, что люди, говорящіе на другомъ языкѣ, говорятъ совсѣмъ другое, чѣмъ люди на его языкѣ. Сказать, что ученія вѣръ различны потому, что онѣ иначе высказаны, все равно, что сказать, что смыслъ словъ различный, если слова сказаны на другомъ языкѣ. А этого нельзя сказать, потому что, если я вижу, что индѣецъ, китаецъ живетъ по-божьи, дружелюбно, воздержанно и смиренно по своему ученію вѣры и такъ же точно живетъ христіанинъ по своему ученію вѣры, то я долженъ сказать, что вѣра одна, только высказана иначе, такъ же какъ я скажу про смыслъ словъ, сказанныхъ по-русски и по-французски. Если я вижу, что одинъ французъ сказалъ другому слово по-французски и тотъ далъ ему долото, и вижу, что русскій сказалъ русскому, и тотъ далъ ему долото, то я вижу, что слова хоть и другія, а смыслъ ихъ одинъ. То же и съ вѣрами. Если откинуть обманъ, то ясно, что вѣра всегда была и будетъ одна, какъ положеніе одно и то же человѣка, родившагося, чтобы умереть, и живущаго среди такихъ же людей, какъ онъ, съ ихъ страстями, похотями и любовью къ добру и истинѣ. [Обманъ и недоуміе о томъ, что есть тысячи вѣръ и что онѣ всѣ различны, еще подобны тому обману и недоумію, которое высказывали бы люди о томъ, что есть тысячи разныхъ земель и небесъ. Люди неученые, не думавшіе и не читавшіе того, что̀ думали другіе люди о томъ, что̀ такое та земля, на которой мы живемъ, и то небо, которое надъ нами, каждый по-своему воображаетъ себѣ міръ и небо. Одинъ скажетъ: земля стоитъ на трехъ китахъ, другой — на столбахъ, третій — на водѣ. То же по-своему каждый скажетъ про небо. Одинъ скажетъ, что оно твердое и одно, другой скажетъ, что небесъ 7, третій скажетъ, что ихъ 500. И такъ каждый будетъ говорить свои суевѣрія, и такихъ суевѣрій можетъ быть тысячи. Это тѣ вѣры, которыя насчитываютъ въ календаряхъ. Но кромѣ этихъ побасенокъ о томъ, какъ сотворены земля и небо, есть еще ученія настоящія о томъ, какова земля и каково небо, и отчего по небу ходятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, и какъ они ходятъ, и когда и отчего бываютъ затменія. Такихъ настоящихъ ученій астрономіи немного. Съ тѣхъ поръ, какъ живутъ люди, такихъ ученій о землѣ и небѣ можно насчитать пять или шесть. Было и есть такое ученіе у китайцевъ, было такое другое ученіе у халдеевъ, было третье — у египтянъ, четвертое — у грековъ, пятое — теперь у насъ въ Европѣ. Всѣ эти ученія нельзя смѣшивать съ суевѣріями о землѣ и небѣ, потому что по этимъ ученіямъ вычисляли и предсказывали вѣрно затменія и луны и солнца. И всѣ эти ученія, хотя и различны нѣсколько между собой, всѣ схо-

дились въ одномъ и всѣ въ одно время предсказывали небесныя явленія.]

Такъ что суевѣрій тысяча, и ученій не одно, но вѣра одна во всѣхъ ученіяхъ. Несправедливо то, что вѣръ различныхъ очень много, тысяча и больше; суевѣрій тысяча, а не вѣръ; ученій же вѣръ не только не тысячи, а нѣтъ и десяти, и всѣ они приводятся къ одной и той же вѣрѣ, только иначе высказываемой, точно такъ же какъ будетъ все то же, на какомъ бы языкѣ ни говорилъ одинъ человѣкъ другому. Ученій вѣръ, которымъ слѣдуетъ большое количество людей, шесть теперь на землѣ: 1) ученіе китайское — Конфуція, 2) Лаотзе, 3) ученіе браминскихъ пророковъ, 4) Будды, 5) еврейское и 6) христіанское. Магометанское ученіе не особенное отъ этихъ, оно выходитъ изъ еврейскаго и христіанскаго. Въ каждомъ ученіи есть книги основныя. Въ китайскомъ — книги Конфуція (или имъ собранныя) и книга Лаотзе. Въ индѣйскомъ — книга Веды (ученіе браминскихъ пророковъ) и Трипитака — ученіе Будды. Въ европейскомъ — Ветхій завѣтъ и Евангеліе. Коранъ Магомета будетъ уже 7-ой, но не основной книгой, потому что онъ основанъ на Библіи и Евангеліи. Вотъ всѣ ученія вѣръ, какія есть въ мірѣ (если не считать тѣхъ, которыя были и ужъ которыхъ нѣтъ больше или которыя исповѣдуются только маленькою частицею людей, какъ ученія персовъ—Зороастра, и другихъ—египтянъ), и такъ по этимъ ученіямъ и раздѣляются теперь всѣ люди, живущіе на землѣ.

На землѣ жителей считаютъ теперь около 1500 милліоновъ; изъ этихъ 1500 милліоновъ 500 милліоновъ конфуціанъ, 100 милліоновъ таосистовъ (отъ Лаотзе), 300 милліоновъ христіанъ, 170 милліоновъ магометанъ, 160 милліоновъ браминовъ, 270 милліоновъ буддистовъ, и остальные — непринадлежащіе къ этимъ вѣрамъ.

Въ чемъ же эти три главныя вѣры?

Восточныя, основанныя на ученіи браминскомъ и превне-китайскомъ 800 л. до Р. Х.	*Будда* *Лаотзе* *Конфуцій*	Все соединяетъ послѣ 500 лѣтъ *Христосъ.*
Западныя, основанныя на ученіи египетскомъ и персовъ.	*Еврейскіе пророки* *Зенонъ* *Сократъ*	

Но на Востокѣ браминизмъ и ушедшіе въ греческое изувѣрство буддизмъ и таосизмъ (отъ Лаотзе) продолжаютъ жить и удаляются отъ Христа. Конфуціанство, безъ жрецовъ, остается чистымъ и близкимъ, какъ бы неразвившимся христіанствомъ.

То же на Западѣ. Еврейство уходитъ въ жреческое изувѣрство, стоики же, Зенонъ, Сократъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, остаются безъ жречества, чистыми и близкими къ христіанству, какъ зародыши его — молодое, невызрѣвшее христіанство. Христіанство соединяетъ, разъясняетъ, опредѣляетъ все прежнее. Но послѣ Христа не является никого, никакого пророка, опредѣляющаго, уясняющаго его. Все, что̀ является въ этомъ смыслѣ,— все извращенія и приложенія христіанства, какъ: церковность, св. духъ и магометанство. Такъ что всѣ существующія теперь ученія, всѣ, — насколько они истинны, — находятся въ христіанствѣ.

Всѣ ученія слѣдующія: 1) браминизмъ, опредѣленный Буддой, вылившійся въ буддизмъ; 2) буддизмъ, вылившійся въ христіанство; 3) таосизмъ (Лаотзе), точно такъ же заключенный въ немъ; 4) конфуціанство, составляющее невыразившееся христіанство; 5) еврейство, прямо выразившееся въ христіанствѣ; 6) церковное христіанство, имѣющее свои корни въ немъ и вышедшее изъ него своею ложью; 7) магометанство точно такъ же и 8) стоицизмъ и философія, составляющіе неполное христіанство.

За исключеніемъ менѣе одной сотой человѣчества, исповѣдующей чуждыя намъ религіи и неизвѣстной намъ (почему и нельзя говорить о ней), все человѣчество подойдетъ къ этимъ дѣленіямъ и все человѣчество окажется исповѣдующимъ и всегда исповѣдывавшимъ одну и ту же истину, — ту истину, которая въ послѣднемъ своемъ видѣ выражена намъ Христомъ. Между 600 и 500 годами до Рождества Христова былъ періодъ, въ которомъ все человѣчество ступило вездѣ на новую одну ступень сознанія. Вѣроятно, и до этого человѣчество проходило разныя ступени, но онѣ неизвѣстны намъ (кое-гдѣ что-то видно) и потому о нихъ мы не можемъ говорить; предшествующая же христіанству ступень ясна для насъ, и о ней мы можемъ и должны говорить. Смыслъ общій открывшагося сознанія былъ то, что признаніе жизни личною есть заблужденіе, что смыслъ жизни другой, по 1) Буддѣ, смыслъ жизни въ отреченіи отъ нея, по 2) Лаотзе, смыслъ ея въ прекращеніи желаній, по 3) Конфуцію, — въ служеніи государству, по 4) пророкамъ, — въ приготовленіи царства

Божьяго, по 5) Сократу, — въ пренебреженіи къ тѣлу и служеніи духу.

Вотъ эти 5 ученій я постараюсь изложить по самому существу ихъ: первое — ученіе буддійское, второе ученіе Лаотзе, третье — ученіе Конфуція, четвертое—ученіе пророковъ, пятое — ученіе стоиковъ.

Излагать ложныя ученія, первое—браминовъ, второе—ложнаго христіанства и третье — магометанства, считаю излишнимъ. Изученіе истины покажетъ ложное.

30 іюля 1886 г.

КЪ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

(Черновой набросокъ начала неоконченной статьи противъ пьянства).

Ѣхалъ я разъ на перемѣнныхъ лошадяхъ по Симбирской губерніи, и пришлось перемѣнять лошадей въ большомъ селѣ. Дѣло было осенью. Съ самаго въѣзда въ улицу стали попадаться нарядные и пьяные мужики и бабы. Которые шли, ругались, бормотали, падали, цѣпляясь другъ за друга, которые у воротъ что-то кричали, ругались. На насъ или ругались, или звали насъ пить.

Мы подъѣхали ко двору ямщика. Никого не было. Подошла баба пьяная и что-то пробормотала, потомъ подошли, сцѣпившись, мужики, одинъ изъ нихъ хозяинъ, ямщикъ. Я спросилъ о лошадяхъ. Понялъ ли онъ, нѣтъ ли, но онъ полѣзъ къ повозкѣ, чуть не упалъ подъ лошадь, ямщикъ мой отпрягалъ и оттолкнулъ его. Онъ сталъ ругаться, закричалъ, что не дастъ лошадей; вылѣзла баба его, стала тащить его. Гости его тоже кричали что-то, ругались, ничего нельзя было разобрать. Я думалъ, что такъ и останусь и не добуду лошадей, но мой ямщикъ отпрягъ и сказалъ, что онъ устроитъ, и ушелъ. Я попробовалъ было примирить, объяснить: ничего никто не могъ понять; я отошелъ подъ навѣсъ и ждалъ. Наконецъ пришелъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, румяный, тоже выпилъ уже, какъ онъ мнѣ послѣ сказалъ, но онъ одинъ изъ всей этой толпы не былъ пьянъ. Онъ тотчасъ пошелъ за лошадьми и, не обращая вниманія на крики пьяныхъ, сталъ запрягать. Отецъ его мѣшалъ ему, онъ отводилъ его, вырывая изъ его пьяныхъ рукъ вожжи и постромки, и, не обращая ни на кого вниманія, запрягъ и выѣхалъ. Онъ одинъ оставался человѣкомъ среди этихъ людей, дошедшихъ до скотскаго состоянія.

Я разсказываю не затѣмъ, чтобы описать безобразія пьянства взрослыхъ и старыхъ людей, — этихъ безобразій мы всѣ видали довольно во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, — и штатскихъ и военныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и мужиковъ и господъ.

Далеко ходить некуда, чтобы увидать такіе же ужасы, открытые между бѣдными и болѣе скрытые между богатыми. Сколько знаешь богатыхъ, занимающихъ важныя должности, стоящихъ во главѣ другихъ людей, сановниковъ, которыхъ какъ мертвыя тѣла везутъ домой. Сколько знаешь обѣдовъ въ ознаменованіе самыхъ высокихъ чувствъ уваженія, благодарности за полезную, возвышенную дѣятельность, которые кончаются тѣмъ, что полезнаго дѣятеля и его чествователей рветъ, и ихъ, обливая водой, кладутъ на стульяхъ.

Да и что говорить, когда праздникъ храма просвѣщенія въ русской столицѣ самыми образованными людьми, учителями высшей мудрости, празднуется тѣмъ, что и учителя и ученики напиваются и валяются по лѣстницамъ, какъ свиньи.

О самихъ безобразіяхъ говорить нечего, всѣ ихъ знаютъ какъ безобразія, но какъ будто считаютъ, что безъ этого никакъ невозможно. Почему никакъ невозможно, чтобы человѣкъ не превращалъ себя искусственнымъ образомъ въ свинью? Откуда взялось это и откуда берется?

Мальчикъ, который везъ меня изъ пьянаго села, уже выпилъ, но не захмелѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что ему поднесли и нельзя не выпить, но что ему непріятно было пить, но нельзя не выпить.

Мы всѣ знаемъ, что на праздникахъ, на свадьбахъ у крестьянъ поятъ дѣтей. У господъ дѣлаютъ то же самое на именинахъ, на Новый годъ, на свадьбахъ. И всѣ смѣются, когда видятъ, что ребенокъ захмелѣлъ.

Учитель сельской школы съ 60-ю дѣтьми отъ 10 до 15 лѣтъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ эти дѣти уже бывали пьяны. Большіе поили ихъ...

1886 г.

ПРАЗДНИКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ 12-го ЯНВАРЯ.

«Что можетъ быть ужаснѣе деревенскихъ праздниковъ!» Ни въ чемъ съ такою очевидностью не выражаются вся дикость и безобразіе народной жизни, какъ на деревенскихъ праздникахъ. Живутъ люди буднями, умѣренно питаются здоровою пищей, усердно работаютъ, дружелюбно общаются. Такъ продолжается недѣли, иногда мѣсяцы, и вдругъ добрая жизнь эта нарушается безъ всякой видимой причины. Въ одинъ опредѣленный день всѣ одновременно перестаютъ работать и съ средины дня начинаютъ ѣсть необычныя вкусныя кушанья, начинаютъ пить заготовленныя пиво и водку. Всѣ пьютъ; старые заставляютъ пить молодыхъ и даже дѣтей. Всѣ поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, обнимаются, кричатъ, поютъ пѣсни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; всѣ говорятъ, никто не слушаетъ; начинаются крики, ссоры, иногда драки. Къ вечеру одни спотыкаются, падаютъ и засыпаютъ гдѣ попало, другихъ уводятъ тѣ, которые еще въ силахъ, а третьи валяются и корчатся, наполняя воздухъ алкогольными зловоніями.

На другой день всѣ эти люди просыпаются больными и, понемногу оправившись, опять до слѣдующаго такого дня принимаются за работу.

Что это такое? отчего это? А это праздникъ. Храмовой праздникъ. Въ одномъ мѣстѣ Знаменіе, въ другомъ Введеніе, въ третьемъ Казанская. Что значитъ Знаменіе и Казанская, никто не знаетъ. Знаютъ одно, что престолъ — и надо гулять. И ждутъ этого гулянья, и послѣ тяжелой трудовой жизни рады дорваться до него.

Да, это одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій дикости рабочаго народа. Вино и гулянье составляютъ для него такой соблазнъ, предъ которымъ онъ не можетъ устоять. Приходитъ праздникъ, и почти каждый изъ нихъ готовъ одурманивать себя до потери образа человѣческаго.

Да, дикій народъ. Но вотъ приходитъ 12-е января, и въ газетахъ печатается слѣдующее объявленіе: «Товарищескій обѣдъ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго московскаго университета въ день его основанія, 12-го января, имѣетъ быть въ 5 час. дня въ ресторанѣ Большой Московской гостиницы, съ главнаго подъѣзда. Билеты на обѣдъ по 6 руб. можно получать» (слѣдуетъ перечисленіе мѣстъ, гдѣ можно получать билеты).

Но это обѣдъ не одинъ, такихъ обѣдовъ будетъ еще десятки, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи. 12-ое января есть праздникъ старѣйшаго русскаго университета, есть праздникъ русскаго просвѣщенія. Цвѣтъ просвѣщенія празднуетъ свой праздникъ.

Казалось бы, что люди, стоящіе на двухъ крайнихъ предѣлахъ просвѣщенія, дикіе мужики и образованнѣйшіе люди Россіи: мужики, празднующіе Введеніе или Казанскую, и образованные люди, празднующіе праздникъ именно просвѣщенія, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно. А между тѣмъ оказывается, что праздникъ самыхъ просвѣщенныхъ людей не отличается ничѣмъ, кромѣ внѣшней формы, отъ праздника самыхъ дикихъ людей. Мужики придираются къ Знаменію или Казанской безъ всякаго отношенія къ значенію праздника, чтобы ѣсть и пить; просвѣщенные придираются къ дню св. Татьяны, чтобы наѣсться, напиться безъ всякаго отношенія къ св. Татьянѣ. Мужики ѣдятъ студень и лапшу, просвѣщенные — омары, сыры, потажи, филеи и т. п.; мужики пьютъ водку и пиво, просвѣщенные — напитки разныхъ сортовъ: и вина, водки, ликеры, сухія, и крѣпкія и слабыя, и горькія и сладкія, и бѣлыя и красныя, и шампанскія. Угощеніе мужиковъ обходится отъ 20 коп. до 1 руб.; угощеніе просвѣщенныхъ обходится отъ 6 до 20 рублей съ человѣка. Мужики говорятъ о своей любви къ кумовьямъ и поютъ русскія пѣсни; просвѣщенные говорятъ о томъ, что они любятъ alma mater, и заплетающимися языками поютъ безсмысленныя латинскія пѣсни. Мужики падаютъ въ грязь, а просвѣщенные — на бархатные диваны. Мужиковъ разносятъ и растаскиваютъ по мѣстамъ жены и сыновья, а просвѣщенныхъ — посмѣивающіеся трезвые лакеи.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! Ужасно то, что люди, стоящіе, по своему мнѣнію, на высшей ступени человѣческаго образованія, не умѣютъ ничѣмъ инымъ ознаменовать праздникъ просвѣщенія, какъ только тѣмъ, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду ѣсть, пить, курить и кричать всякую безсмыслицу; ужасно то, что старые люди, руководители моло-

дыхъ людей, содѣйствуютъ отравленію ихъ алкоголемъ,—такому отравленію, которое, подобно отравленію ртутью, никогда не проходитъ совершенно и оставляетъ слѣды на всю жизнь (сотни и сотни молодыхъ людей въ первый разъ мертвецки напивались и навѣки испортились и развратились на этомъ праздникѣ просвѣщенія, поощряемые своими учителями); но ужаснѣе всего то, что люди, дѣлающіе все это, до такой степени затуманили себя самомнѣніемъ, что уже не могутъ различать хорошее отъ дурного, нравственное отъ безнравственнаго. Эти люди такъ увѣрили себя въ томъ, что то состояніе, въ которомъ они находятся, есть состояніе просвѣщенія и образованія и что просвѣщеніе и образованіе даютъ право на потворство всѣмъ своимъ слабостямъ, — такъ увѣрили себя въ этомъ, что не могутъ уже видѣть бревна въ своемъ глазу. Люди эти, предаваясь тому, что нельзя иначе назвать какъ безобразное пьянство, среди этого безобразія радуются на самихъ себя и соболѣзнуютъ о непросвѣщенномъ народѣ.

Всякая мать страдаетъ не говорю уже при видѣ пьянаго сына, но при одной мысли о такой возможности; всякій хозяинъ обѣгаетъ пьянаго работника; всякому неиспорченному человѣку стыдно за себя, что онъ былъ пьянъ. Всѣ знаютъ, что пьянство дурно. Но вотъ пьянствуютъ образованные, просвѣщенные люди, и они вполнѣ увѣрены, что тутъ не только нѣтъ ничего стыднаго и дурного, но что это очень мило, и съ удовольствіемъ и смѣхомъ пересказываютъ забавные эпизоды своего прошедшаго пьянства. Дошло дѣло до того, что безобразнѣйшая оргія, въ которой спаиваются юноши стариками, оргія, ежегодно повторяющаяся во имя образованія и просвѣщенія, никого не оскорбляетъ и никому не мѣшаетъ и во время пьянства и послѣ пьянства радоваться на свои возвышенныя чувства и мысли, смѣло судить и цѣнить нравственность другихъ людей и въ особенности грубаго и невѣжественнаго народа.

Мужикъ всякій считаетъ себя виноватымъ, если онъ пьянъ, и проситъ у всѣхъ прощенія за свое пьянство. Несмотря на временное паденіе, въ немъ живо сознаніе хорошаго и дурного. Въ нашемъ обществѣ оно начинаетъ утрачиваться.

Ну, хорошо, вы привыкли это дѣлать и не можете отстать; ну, что же, продолжайте, если ужъ никакъ не можете удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля, и всѣхъ мѣсяцевъ это стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своимъ порочнымъ наклонностямъ потихоньку, а не такъ, какъ вы теперь дѣлаете, — торжественно, путая и развращая молодежь и такъ называемую вами же вашу младшую

братію. Не путайте молодежь ученіемъ о томъ, что есть какая-то другая гражданская нравственность, не состоящая въ воздержаніи, и какая-то другая гражданская безнравственность, не состоящая въ невоздержаніи. Всѣ знаютъ, и вы знаете, что прежде всякихъ другихъ гражданскихъ добродѣтелей нужно воздержаніе отъ пороковъ, что всякое невоздержаніе дурно, въ особенности же невоздержаніе въ винѣ—самое опасное, потому что убиваетъ совѣсть. Всѣ знаютъ это, и потому, прежде чѣмъ говорить о какихъ-нибудь возвышенныхъ чувствахъ и предметахъ, надо освободить себя отъ низкаго и дикаго порока пьянства, а не въ пьяномъ видѣ говорить о высокихъ чувствахъ. Такъ и не обманывайте себя и людей, главное—не обманывайте юношей; юноши чуютъ, что, участвуя въ поддерживаемомъ вами дикомъ обычаѣ, они дѣлаютъ не то и теряютъ что-то очень дорогое и невозвратимое.

И вы знаете это, знаете, что нѣтъ ничего лучше и важнѣе чистоты тѣлесной и духовной, которая теряется при пьянствѣ; вы знаете, что вся ваша риторика, съ вашей вѣчной alma mater, васъ самихъ не трогаетъ даже и вполпьяна и что вамъ нечего дать юношамъ взамѣнъ той ихъ невинности и чистоты, которыя они теряютъ, участвуя въ вашихъ безобразныхъ оргіяхъ. Такъ не развращайте ихъ и не путайте ихъ, а знайте, что какъ было Ною, какъ есть всякому мужику, такъ точно есть и будетъ всякому — стыдно не только напиться такъ, чтобы кричать, качать, становиться на столы и дѣлать всякія глупости, но стыдно даже и безъ всякой надобности, въ ознаменованіе праздника просвѣщенія, ѣсть вкусное и отуманивать себя алкоголемъ. Не развращайте юношей, не развращайте примѣромъ и окружающую васъ прислугу. Вѣдь сотни и сотни людей, которые служатъ вамъ, разносятъ вамъ вина и кушанья, развозятъ васъ по домамъ, — вѣдь все это люди, и люди живые, для которыхъ такъ же, какъ и для всѣхъ насъ, стоятъ самые важные вопросы жизни: что хорошо, что дурно? чьему примѣру слѣдовать? Вѣдь хорошо еще, что всѣ эти лакеи, извозчики, швейцары, русскіе деревенскіе люди, не считаютъ васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами себя считаете и желали бы, чтобы другіе считали васъ, — представителями просвѣщенія. Вѣдь если бы это было, они, глядя на васъ, разочаровались бы во всякомъ просвѣщеніи и презирали бы его; но и теперь, хотя и не считая васъ представителями просвѣщенія, они видятъ въ васъ все-таки ученыхъ господъ, которые все знаютъ и которымъ поэтому можно и должно подражать. И чему они, несчастные, научаются отъ васъ? можно задать себѣ этотъ вопросъ.

Что сильнѣе: то ли просвѣщеніе, которое распространяется въ народѣ чтеніемъ публичныхъ лекцій и музеями, или та дикость, которая поддерживается и распространяется въ народѣ зрѣлищами такихъ празднествъ, какъ празднество 12-го января, празднуемое самыми просвѣщенными людьми Россіи? Я думаю, что если бы прекратились всѣ лекціи и музеи и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились бы такія празднества и обѣды, а кухарки, горничныя, извозчики и дворники передавали бы въ разговорахъ другъ другу, что всѣ просвѣщенные люди, которымъ они служатъ, никогда не празднуютъ праздниковъ объяденіемъ и пьянствомъ, а умѣютъ веселиться и бесѣдовать безъ вина, то просвѣщеніе ничего не потеряло бы. Пора понять, что просвѣщеніе распространяется не однѣми туманными и другими картинами, не однимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, но заразительнымъ примѣромъ всей жизни людей, и что просвѣщеніе, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда только затемнѣніемъ и развращеніемъ.

1889 г.

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ.

Вино губитъ тѣлесное здоровье людей, губитъ умственныя способности, губитъ благосостоянiе семей и, что всего ужаснѣе, губитъ душу людей и ихъ потомство, и, несмотря на это, съ каждымъ годомъ все больше и больше распространяется употребленiе спиртныхъ напитковъ и происходящее отъ него пьянство.

Заразная болѣзнь захватываетъ все больше и больше людей: пьютъ уже женщины, дѣвушки, дѣти. И взрослые не только не мѣшаютъ этому отравленiю, но, сами пьяные, поощряютъ ихъ. И богатымъ и бѣднымъ представляется, что веселымъ нельзя иначе быть какъ пьянымъ или полупьянымъ; представляется, что при всякомъ важномъ случаѣ жизни: похоронахъ, свадьбѣ, крестинахъ, разлукѣ, свиданiи, самое лучшее средство показать свое горе или радость состоитъ въ томъ, чтобы одурманиться и, лишившись человѣческаго образа, уподобиться животному.

И что удивительнѣе всего, это — то, что люди гибнутъ отъ пьянства и губятъ другихъ, сами не зная, зачѣмъ они это дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый спроситъ себя, для чего люди пьютъ, онъ никакъ не найдетъ никакого отвѣта.

Сказать, что вино вкусно, нельзя, потому что каждый знаетъ, что вино и пиво, если они не подслащены, кажутся непрiятными для тѣхъ, кто ихъ пьетъ первый разъ. Къ вину прiучаются, какъ къ другому яду — табаку, понемногу, и нравится вино только послѣ того, какъ человѣкъ привыкнетъ къ тому опьянѣнiю, которое оно производитъ.

Сказать, что вино полезно для здоровья, тоже никакъ нельзя теперь, когда многiе доктора, занимаясь этимъ дѣломъ, признали, что ни водка, ни вино, ни пиво не могутъ быть здоровы, потому что питательности въ нихъ нѣтъ, а есть только ядъ, который вреденъ.

Сказать, что вино прибавляетъ силы, тоже нельзя, потому что не разъ и не два, а сотни разъ было замѣчено, что артель пьющая, во столько же людей, какъ и артель непьющая, сработаетъ много меньше. И на сотняхъ и тысячахъ людей можно замѣтить, что люди, пьющіе одну воду, сильнѣе и здоровѣе тѣхъ, которые пьютъ вино.

Говорятъ тоже, что вино грѣетъ, но и это неправда, и всякій знаетъ, что выпившій человѣкъ согрѣвается только накоротко, а послѣ скорѣе застынетъ, чѣмъ непьющій.

Сказать, что если выпить на похоронахъ, на крестинахъ, на свадьбахъ, при свиданіяхъ, при разлукахъ, при покупкѣ, продажѣ, то лучше обдумаешь то дѣло, для котораго собрались, — тоже никакъ нельзя, потому что при всѣхъ такихъ случаяхъ нужно не одурѣть отъ вина, а съ свѣжей головой обсудить дѣло.

Чѣмъ важнѣе случай, то трезвѣе, а не пьянѣе надо быть.

Нельзя сказать и того, чтобы вредно было бросить вино и тому, кто привыкъ къ нему, потому что мы каждый день видимъ, какъ пьющіе люди попадаютъ въ острогъ и живутъ тамъ безъ вина и только здоровѣютъ.

Нельзя сказать и того, чтобы отъ вина и больше веселья было. Правда, что отъ вина накоротко люди какъ будто и согрѣваются и развеселяются, но и то и другое не надолго. И какъ согрѣется человѣкъ отъ вина и еще пуще озябнетъ, такъ и развеселится отъ вина человѣкъ и еще пуще дѣлается скученъ. Только стоитъ зайти въ трактиръ да посидѣть, посмотрѣть на драку, крикъ, слезы, чтобы понять то, что не веселитъ вино человѣка.

Нельзя сказать и того, чтобы не вредно было пьянство. Про вредъ его тѣлу и душѣ всякій знаетъ.

И что же? И не вкусно вино, и не питаетъ, и не крѣпитъ, и не грѣетъ, и не помогаетъ въ дѣлахъ, и вредно тѣлу и душѣ — и все-таки столько людей его пьютъ, и что дальше, то больше. Зачѣмъ же люди пьютъ и губятъ себя и другихъ людей? «Всѣ пьютъ и угощаютъ, нельзя же и мнѣ не пить и не угощать», отвѣчаютъ на это многіе, и, живя среди пьяныхъ, эти люди точно воображаютъ, что всѣ кругомъ пьютъ и угощаютъ. Но вѣдь это неправда. Если человѣкъ воръ, то онъ и будетъ водиться съ ворами, и будетъ ему казаться, что всѣ воры. Но стоитъ ему бросить воровство, и станетъ онъ водиться съ честными людьми и увидитъ, что не всѣ воры. То же и съ пьянствомъ. Не всѣ пьютъ и угощаютъ. Если бы всѣ пили и угощали, то жизнь сдѣлалась бы адомъ, но этого не можетъ быть, потому

что среди заблудшихъ людей всегда были и теперь есть много разумныхъ; и всегда были и теперь есть много и много милліоновъ людей непьющихъ и понимающихъ, что пить или не пить — дѣло не шуточное. Если сцѣпились рука съ рукой люди пьющіе и наступаютъ на другихъ людей и хотятъ споить весь міръ, то пора и людямъ разумнымъ понять, что и имъ надо схватиться рука съ рукой и бороться со зломъ, чтобы и ихъ дѣтей не споили заблудшіе люди.

Пора опомниться!

1889 г.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ЛЮДЯМЪ-БРАТЬЯМЪ.

(Начало неоконченной статьи.)

Нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, какъ и что сказать.

Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходѣ и всякую минуту можетъ оборваться. А если могу я чѣмъ послужить людямъ, если могу чѣмъ загладить всѣ мои грѣхи, всю мою праздную, похотливую жизнь, то только тѣмъ, чтобы сказать людямъ-братьямъ то, что мнѣ дано понять яснѣе другихъ людей, то, что вотъ уже десять лѣтъ мучаетъ меня и раздираетъ мнѣ сердце.

Не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ ясно и понятно, что жизнь людская идетъ не такъ, какъ она должна идти, что люди мучаютъ себя и другихъ.

Всякій человѣкъ знаетъ, что для его блага, для блага всѣхъ людей нужно любить ближняго не меньше себя и, если не можешь дѣлать ему того, что себѣ хочешь, не дѣлать ему, чего себѣ не хочешь; и ученіе вѣры всѣхъ народовъ, и разумъ, и совѣсть говорятъ то же всякому человѣку. Смерть плотская, которая стоитъ передъ каждымъ изъ насъ, напоминаетъ намъ, что не дано намъ вкушать плода ни отъ какого изъ дѣлъ нашихъ, что смерть всякую минуту можетъ оборвать нашу жизнь и что потому одно, что мы можемъ дѣлать и что можетъ дать намъ радость и спокойствіе, это — то, чтобы всякую минуту, всегда дѣлать то, что велитъ намъ нашъ разумъ и наша совѣсть (если мы не вѣримъ откровенію), и — откровеніе Христа (если мы вѣримъ ему). То-есть, если ужъ мы не можемъ дѣлать ближнему того, что намъ хочется для себя, себѣ, — не дѣлать ему по крайней мѣрѣ того, чего мы себѣ не хотимъ. И какъ давно, и какъ всѣмъ одинаково извѣстно это, и несмотря на то не дѣлаютъ люди другимъ, чего себѣ желаютъ, а убиваютъ, грабятъ, обворовываютъ, мучаютъ другъ друга люди, и вмѣсто того, чтобы жить въ радости, спокойствіи и любви, живутъ въ мученіяхъ, горести,

страхѣ и злобѣ. И вездѣ одно и то же: люди страдаютъ, мучаются, стараясь не видѣть своей безумной жизни, стараются забыться, заглушить свои страданія и не могутъ, и съ каждымъ годомъ все больше и больше людей сходятъ съ ума и убиваютъ себя, не будучи въ силахъ переносить жизнь, противную всему существу человѣческому.

Но можетъ быть, такова и должна быть жизнь людей, — такъ, какъ живутъ теперь люди съ своими императорами, королями и правительствами, съ своими палатами, парламентами, съ своими милліонами солдатъ, ружей и пушекъ, всякую минуту готовые наброситься другъ на друга? Можетъ быть, такъ и должны жить люди съ своими фабриками и заводами ненужныхъ или вредныхъ вещей, на которыхъ, работая 10, 12, 15 часовъ въ сутки, гибнутъ милліоны людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, превращенныхъ въ машины? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы все больше и больше пустѣли деревни, и наполнялись людьми города съ ихъ трактирами, барделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобъ все меньше и меньше становилось честныхъ браковъ, а все больше и больше проститутокъ и женщинъ, въ утробѣ убивающихъ плодъ, и мужчинъ, разжигающихся похотью къ мужчинамъ? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы сотни и сотни тысячъ людей сидѣли по тюрьмамъ, въ общихъ или одиночныхъ камерахъ, губя свои души? Можетъ быть, такъ и надо, чтобы та вѣра Христа, которая учитъ смиренію, перенесенію обидъ, дѣланію ближнему того, чего себѣ хочешь, любви къ нему, любви къ врагамъ, совокупленію всѣхъ воедино, — можетъ быть, такъ и нужно, чтобы вѣра Христа, учащая этому, передавалась людямъ учителями разныхъ сотенъ враждующихъ между собою сектъ въ видѣ ученія нелѣпыхъ и безнравственныхъ басенъ о сотвореніи міра и человѣка, о наказаніи и искупленіи его Христомъ, объ установленіи такихъ или такихъ таинствъ и обрядовъ? Можетъ быть, что все это такъ нужно и свойственно людямъ, какъ свойственно муравьямъ жить въ муравейникахъ, пчеламъ въ ульяхъ, и тѣмъ и другимъ воевать и работать для исполненія своей жизни? Можетъ быть, это самое нужно людямъ, таковъ ихъ законъ и, можетъ быть, требованія разума и совѣсти другой, любовной и блаженной жизни, — можетъ быть, эти требованія есть мечта и обманъ, и не надо и нельзя думать о томъ, что люди могутъ жить иначе?

Такъ и говорятъ нѣкоторые.

Но сердце человѣческое не вѣритъ этому. Какъ всегда, оно громко вопіяло противъ ложной жизни, призывало людей къ

той жизни, которую требуютъ откровеніе разума и совѣсть, такъ еще сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, оно вопіетъ въ наше время.

Прошли вѣка, тысячелѣтія, — вѣчность времени, и насъ не было. И вдругъ мы живемъ, радуемся, думаемъ, любимъ. — Мы живемъ, и срокъ этой жизни нашей по Давиду 70 крошечныхъ лѣтъ, пройдутъ они, и мы исчезнемъ, и этотъ 70-лѣтній предѣлъ закроетъ опять вѣчность времени, и насъ не будетъ такими, какими мы теперь, ужъ никогда. И вотъ намъ дано прожить эти въ лучшемъ случаѣ 70 лѣтъ, а то, можетъ быть, только дни, часы даже, прожить ихъ въ тоскѣ и злобѣ или въ радости и любви, прожить ихъ съ сознаніемъ того, что все то, что мы дѣлаемъ, не то и не такъ, или съ сознаніемъ того, что все то, что мы сдѣлали, хотя и несовершенно и слабо, но то именно, что должно было сдѣлать въ этой жизни.

«Одумайтесь, одумайтесь, одумайтесь», кричалъ еще Іоаннъ Креститель; «одумайтесь», провозглашалъ Христосъ; «одумайтесь», провозглашаетъ голосъ Бога, голосъ совѣсти и разума. Прежде всего остановимся каждый въ своей работѣ или своей забавѣ, остановимся и подумаемъ о томъ, что мы дѣлаемъ. Дѣлаемъ ли то, что должно, или такъ даромъ, ни за что проживаемъ ту жизнь, которая среди двухъ вѣчностей смерти дана намъ?

Знаю я, что со всѣхъ сторонъ на тебя налегаютъ люди и не даютъ тебѣ минуты покоя и что тебѣ, какъ лошади на колесѣ, кажется, что никакъ нельзя остановиться, хотя и колесо, движущееся надъ тобой, разогнано самимъ тобою; знаю я, что сотни голосовъ закричатъ на тебя, какъ только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься:

«Некогда думать и разсуждать, надо дѣлать», закричитъ одинъ голосъ.

«Не слѣдуетъ разсуждать о себѣ и своихъ желаніяхъ, когда дѣло, которому ты служишь, есть дѣло общее, дѣло семьи, дѣло торговли, искусства, науки, государства. Ты долженъ служить общему», закричитъ другой голосъ.

«Все это ужъ пробовано обдумывать, и никто ничего не обдумалъ; живи, вотъ и все», закричитъ третій голосъ.

«Думай или не думай, все будетъ одно: поживешь недолго и умрешь; а потому живи въ свое удовольствіе. Не думай. Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чѣмъ не-жизнь, и убьешь себя. Живи какъ попало, но не думай», закричитъ четвертый голосъ.

Какъ въ сказкѣ разсказываютъ, что когда уже въ виду искателя клада было то, что онъ искалъ, тысяча страшныхъ и соблазнительныхъ голосовъ закричали вокругъ него, чтобы помѣшать ему взять то, что дало бы ему счастье, такъ и голоса слугъ міра сбиваютъ искателя истины, когда онъ уже въ виду ея.

Не слушай этихъ голосовъ и въ отвѣтъ на все, что они могутъ сказать тебѣ, скажи себѣ одно: «Позади своей жизни я вижу безконечность времени, въ которомъ меня не было. Впереди меня такая же безконечная тьма, въ которую вотъ-вотъ придетъ смерть и погрузитъ меня. Теперь я въ жизни и могу—знаю, что могу—могу закрыть глаза и, не видя ничего, попасть въ самую злую и мучительную жизнь, и могу не только открыть глаза, смотрѣть, но могу видѣть, оглядывать все вокругъ себя и избирать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мнѣ ни говорили голоса и какъ бы ни тянули меня соблазны, какъ бы ни тянуло меня уже начатое мною и какъ бы ни поощряла меня текущая вокругъ меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокругъ себя и одумаюсь».

И стоитъ человѣку сказать себѣ это, какъ онъ увидитъ, что не онъ одинъ одумывается, а что и прежде его, и при немъ много и много людей такъ же, какъ онъ, одумывались и избирали тотъ лучшій путь жизни, который одинъ даетъ благо, и указывали его.

25 мая 1889 г.

БОГУ ИЛИ МАММОНѢ.

«Никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ» (Лк. XVI, 13).

«Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ» (Мѳ. XII, 30).

Огромныя пространства лучшихъ земель, на которыхъ могли бы кормиться милліоны бѣдствующихъ теперь семей, заняты табакомъ, виноградомъ, ячменемъ, хмелемъ и, главное, рожью и картофелемъ, употребляемыми на приготовленіе пьяныхъ напитковъ: вина, пива и, главное, водки.

Милліоны рабочихъ, которые могли бы дѣлать полезныя для людей вещи, заняты приготовленіемъ этихъ предметовъ. Въ Англіи высчитано, что одна десятая всѣхъ рабочихъ занята приготовленіемъ водки и пива.

Какія же послѣдствія отъ приготовленія и употребленія табака, вина, водки, пива?

Есть старинный разсказъ про инока, который будто бы поспорилъ съ дьяволомъ, что онъ не впуститъ его въ свою келью; если же впуститъ, то исполнитъ то дѣло, которое предпишетъ ему дьяволъ. Разсказывается, что будто бы дьяволъ принялъ видъ раненаго ворона съ повисшимъ кровавымъ крыломъ и жалобно прыгалъ у двери кельи инока. Инокъ пожалѣлъ ворона и взялъ его въ свою келью. И тогда дьяволъ, войдя въ келью, предложилъ иноку на выборъ три преступленія: убійство, прелюбодѣяніе или опьянѣніе. Монахъ выбралъ опьянѣніе, думая, что, напившись, онъ сдѣлаетъ вредъ только самому себѣ. Но когда онъ выпилъ, то, потерявъ разумъ, пошелъ въ село и тамъ, поддавшись соблазну жены, совершилъ прелюбодѣяніе, а потомъ и убійство, защищаясь отъ вернувшагося и набросившагося на него мужа.

Такъ описываются послѣдствія пьянства въ старинной повѣсти, и таковы и въ дѣйствительности послѣдствія употребленія пьяныхъ напитковъ. Рѣдкій воръ, убійца совершаетъ свое дѣло трезвымъ. По записямъ въ судахъ видно, что девять десятыхъ преступленій совершаются въ пьяномъ состояніи. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, что большинство преступленій вызываются виномъ, можетъ служить то, что въ нѣкоторыхъ штатахъ [1]) Америки, гдѣ совсѣмъ запрещено вино, ввозъ и продажа всякихъ пьяныхъ напитковъ, преступленія почти прекратились: нѣтъ ни воровства, ни грабежей, ни убійствъ, и тюрьмы стоятъ пустыя.

Таково одно послѣдствіе употребленія пьяныхъ напитковъ.

Другое послѣдствіе—вредное вліяніе, производимое пьяными напитками на здоровье людей. Кромѣ того, что отъ употребленія пьяныхъ напитковъ происходятъ особенныя, свойственныя только пьющимъ, мучительныя болѣзни, отъ которыхъ умираетъ много людей, замѣчено, что люди пьющіе, заболѣвъ обыкновенными болѣзнями, труднѣе выздоравливаютъ, такъ что при страхованіи жизни страховыя общества всегда больше даютъ за жизнь тѣхъ, которые не употребляютъ, чѣмъ за тѣхъ, которые употребляютъ пьяные напитки.

Таково другое послѣдствіе употребленія пьяныхъ напитковъ.

Третье и самое ужасное послѣдствіе пьяныхъ напитковъ—то, что вино затемняетъ разумъ и совѣсть людей: люди отъ употребленія вина становятся грубѣе, глупѣе и злѣе.

Какая же польза отъ употребленія пьяныхъ напитковъ?

Никакой.

Защитники водки, вина, пива увѣряли прежде, что эти напитки прибавляютъ здоровья, силы, согрѣваютъ и веселятъ. Но теперь уже неоспоримо доказано, что это неправда. Пьяные напитки не прибавляютъ здоровья, потому что они содержатъ въ себѣ сильный ядъ — алкоголь, а употребленіе яда не можетъ не быть вредно.

То, что вино не придаетъ силы человѣку, доказано уже много разъ и тѣмъ, что, сравнивая за мѣсяцы и годы работу одинаково хорошаго мастера пьющаго и непьющаго, всегда оказывалось, что непьющій сработаетъ и больше и лучше, чѣмъ пьющій, и тѣмъ, что въ тѣхъ командахъ солдатъ, которые въ походахъ получали водку, всегда бываетъ больше слабыхъ и отсталыхъ, чѣмъ въ тѣхъ, въ которыхъ не выдавалась водка.

[1]) Областяхъ.

Точно такъ же показано и то, что вино не грѣетъ и что тепло послѣ выпитаго вина держится недолго, и что человѣкъ послѣ короткаго согрѣванья еще больше остываетъ, такъ что продолжительный холодъ переносится пьющимъ всегда гораздо труднѣе, чѣмъ непьющимъ. Замерзающіе каждый годъ люди замерзаютъ большею частью только оттого, что согрѣваются виномъ.

То же, что веселье, которое происходитъ отъ вина, не есть настоящее и не радостное веселье, не нужно и доказывать. Всякій знаетъ, каково это пьяное веселье. Стоитъ только посмотрѣть въ городахъ на то, что дѣлается въ праздники въ трактирахъ, и въ деревняхъ—на то, что дѣлается тамъ на праздникахъ, крестинахъ и свадьбахъ. Пьяное веселье это всегда кончается ругательствами, драками, поврежденіями членовъ, всякаго рода преступленіями и униженіемъ человѣческаго достоинства.

Вино не придаетъ ни здоровья, ни силъ, ни тепла, ни веселья, а приноситъ людямъ только большой вредъ. И потому, казалось бы, слѣдовало всякому разумному и доброму человѣку не только самому не употреблять пьяные напитки и не угощать ими, но и всѣми силами стараться уничтожить обычай употребленія этого безполезнаго и вреднаго яда.

Но, къ несчастью, происходитъ совсѣмъ не то. Люди такъ дорожатъ старинными привычками и обычаями, съ такимъ трудомъ отвыкаютъ отъ нихъ, что есть въ наше время очень много хорошихъ добрыхъ и разумныхъ людей, которые не только не оставляютъ употребленія и угощенія другихъ пьяными напитками, но еще и защищаютъ, какъ умѣютъ, это употребленіе. «Не укоризненно вино,—говорятъ они,—а укоризненно пьянство». Царь Давидъ сказалъ: «Вино веселитъ сердце человѣка». «Если бы не пить, то не было бы правительству самаго главнаго дохода. Нельзя же встрѣтить праздникъ, справить крестины, свадьбу безъ вина. Нельзя не выпить при покупкѣ, продажѣ, при встрѣчѣ дорогого гостя». «При нашей работѣ и нуждѣ нельзя не выпить», говоритъ бѣдный рабочій человѣкъ. «Если мы пьемъ только при случаѣ и съ умомъ, то мы этимъ никому вреда не дѣлаемъ», говорятъ достаточные люди. «Руси веселіе есть—пити», сказалъ еще князь Владиміръ. «Мы своимъ выпиваніемъ никому вреда не дѣлаемъ, кромѣ себя. А если дѣлаемъ вредъ себѣ, то это дѣло наше; мы никого не хотимъ учить и никѣмъ не хотимъ быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», говорятъ легкомысленные люди.

Такъ говорятъ пьющіе разнаго состоянія и возраста люди, стараясь оправдать себя. Но оправданія эти, годившіяся еще

нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, теперь уже не годятся. Хорошо было говорить это тогда, когда всѣ думали, что употребленіе пьяныхъ напитковъ есть безвредное удовольствіе, что пьяные напитки придаютъ здоровья и силы человѣку; когда не знали еще, что вино содержитъ въ себѣ ядъ, всегда вредный для здоровья людей; когда люди и не знали еще про тѣ страшныя послѣдствія пьянства, которыя теперь у всѣхъ передъ глазами.

Можно было говорить это тогда, когда еще не было тѣхъ сотенъ и тысячъ людей, преждевременно умирающихъ въ жестокихъ страданіяхъ только оттого, что они пріучились пить пьяные напитки и не могутъ уже удержаться отъ употребленія ихъ. Хорошо было говорить, что вино есть безвредное удовольствіе, когда мы еще не видѣли тѣхъ сотенъ и тысячъ голодныхъ, замученныхъ женъ и дѣтей, страдающихъ только оттого, что мужья и отцы ихъ пріучились къ вину. Хорошо было говорить это, пока мы не видали еще тѣхъ сотенъ и тысячъ преступниковъ, наполняющихъ тюрьмы, ссылки и каторги, и распутно погибшихъ женщинъ, впавшихъ въ это положеніе только благодаря вину. Хорошо было говорить это, пока мы не знали, что сотни тысячъ людей, которые могли бы прожить свою жизнь на радость себѣ и людямъ, погубили свои силы и свой умъ и свою душу только потому, что существуютъ пьяные напитки и они соблазнились ими.

И потому нельзя уже въ наше время говорить, что питье или непитье вина есть дѣло частное, что мы не считаемъ для себя вреднымъ умѣренное употребленіе вина и не хотимъ никого учить и сами не хотимъ быть никѣмъ поучаемы, что не нами началось, не нами и кончится. Этого уже нельзя говорить теперь: употребленіе вина или воздержаніе отъ него въ наше время не частное дѣло, а дѣло общее.

Теперь всѣ люди—все равно, хотятъ ли они или не хотятъ этого—раздѣлены на два лагеря: одни борются противъ употребленія безполезнаго яда, пьяныхъ напитковъ, и словомъ и дѣломъ, не употребляя вина и не угощая имъ; другіе поддерживаютъ и словомъ и сильнѣе всего примѣромъ употребленіе этого яда; и борьба эта идетъ теперь во всѣхъ государствахъ и вотъ уже лѣтъ двадцать съ особенной силой въ Россіи.

«И когда не знали, то не было на васъ и грѣха», говорилъ Христосъ. Теперь же мы знаемъ, что дѣлаемъ и кому служимъ, употребляя вино и угощая имъ, и потому, если мы, зная грѣхъ употребленія вина, продолжаемъ пить или угощать имъ, то у насъ уже нѣтъ никакого оправданія.

И пусть не говорятъ, что нельзя не пить и не угощать при извѣстныхъ случаяхъ,—на праздникахъ, свадьбахъ и тому подобныхъ случаяхъ,—что такъ дѣлаютъ всѣ, что такъ дѣлали наши отцы и дѣды, и потому нельзя намъ однимъ выдѣляться изъ всѣхъ. Это—неправда: наши дѣды и отцы оставляли тѣ злые и вредные обычаи, зло которыхъ стало для нихъ явно; такъ и мы обязаны оставлять то зло, которое стало явнымъ въ наше время. А то, что вино стало ужаснымъ зломъ въ наше время, въ этомъ не можетъ уже быть сомнѣнія. Какъ же,зная, что употребленіе пьяныхъ напитковъ есть зло, губящее сотни тысячъ людей я буду угощать этимъ зломъ друзей, собравшихся ко мнѣ на праздникъ, крестины или свадьбу?

Не всегда все было такъ, какъ теперь, а все измѣнялось отъ худшаго къ лучшему, и измѣнялось не само собой, а людьми, исполнявшими то, чего отъ нихъ требовали ихъ разумъ и совѣсть. И теперь нашъ разумъ и наша совѣсть самымъ настоятельнымъ образомъ требуютъ отъ насъ того, чтобы мы перестали пить вино и угощать имъ.

Обыкновенно считаютъ достойными осужденія, презрѣнными людьми тѣхъ пьяницъ, которые по кабакамъ и трактирамъ напиваются до потери разсудка и такъ уже пристрастились къ вину, что не могутъ удержаться и пропиваютъ все, что имѣютъ. Тѣ же люди, которые покупаютъ на домъ вино, пьютъ ежедневно и умѣренно и угощаютъ виномъ своихъ гостей въ тѣхъ случаяхъ, когда это принято, — такіе люди считаются людьми хорошими и почтенными и не дѣлающими ничего дурного. А между тѣмъ эти-то люди болѣе пьяницъ достойны осужденія.

Пьяницы стали пьяницами только оттого, что не-пьяницы, не дѣлая себѣ вреда, научили ихъ пить вино, соблазнили ихъ своимъ примѣромъ. Пьяницы никогда не стали бы пьяницами, если бы не видали почтенныхъ, уважаемыхъ всѣми людей, пьющихъ вино и угощающихъ имъ. Молодой человѣкъ, никогда не пившій вина, узнаетъ вкусъ и дѣйствіе вина на праздникѣ, на свадьбѣ у этихъ почтенныхъ людей, не пьяницъ, а пьющихъ и угощающихъ при извѣстныхъ случаяхъ.

И потому тотъ, кто пьетъ вино, какъ бы онъ умѣренно ни пилъ его, въ какихъ бы особенныхъ, всѣми принятыхъ случаяхъ ни угощалъ имъ, дѣлаетъ великій грѣхъ. Онъ соблазняетъ тѣхъ, кого не велѣно соблазнять, про которыхъ сказано: «горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ».

Говорятъ: не нами началось, не нами и кончится. Нѣтъ, нами и кончится, если только мы поймемъ, что для каждаго изъ насъ питье или непитье вина не есть дѣло безразличное,

что каждой бутылкой купленной, каждой рюмкой выпитаго вина мы служимъ тому страшному дьявольскому дѣлу, отъ котораго гибнутъ лучшія силы человѣческія; а, напротивъ, воздержаніемъ отъ вина для самихъ себя и прекращеніемъ безумнаго обычая употребленія вина на праздникахъ, свадьбахъ, крестинахъ мы дѣлаемъ дѣло огромной важности,—дѣло нашей души, дѣло Божье. Только бы мы поняли это, то нами и кончится пьянство.

И потому, кто бы ты ни былъ, читатель: юноша ли, еще только готовящійся къ жизни, или взрослый человѣкъ, уже учреждающій жизнь, хозяинъ-мужчина, или женщина-хозяйка, или старѣющій человѣкъ, когда уже близко время отчета о совершонныхъ тобою дѣлахъ, богатый ли ты или бѣдный, знатный или неизвѣстный,—кто бы ты ни былъ, тебѣ уже нельзя оставаться посрединѣ между двумя лагерями, ты неизбѣжно долженъ избрать одно изъ двухъ: противодѣйствовать пьянству или содѣйствовать ему,—служить Богу или маммонѣ.

Если ты молодой человѣкъ, еще никогда не пившій, еще не отравленный ядомъ вина,—дорожи своей неиспорченностью и свободой отъ соблазна. Если ты вкусишь соблазна, тебѣ уже труднѣе будетъ побороть его. И не вѣрь, чтобы вино увеличило твое веселье. Въ твои годы свойственно веселье истинное, хорошее веселье, и вино только изъ истиннаго, невиннаго веселья сдѣлаетъ твое веселье пьянымъ, безумнымъ и порочнымъ. Главное же — берегись вина, потому что въ твои годы тебѣ труднѣе всего воздержаться отъ другихъ соблазновъ; вино же ослабляетъ въ тебѣ самую нужную въ твоемъ возрастѣ силу разума, противодѣйствующую саблазнамъ. Выпивши, ты сдѣлаешь то, чего и не подумалъ бы сдѣлать трезвый. Зачѣмъ же тебѣ подвергать себя такой страшной опасности?

Если же ты взрослый человѣкъ, уже сдѣлавшій себѣ привычку изъ употребленія пьяныхъ напитковъ или начинающій привыкать къ нимъ,—поскорѣе, пока еще есть время, отвыкай отъ этой ужасной привычки, а то не успѣешь оглянуться, какъ она уже овладѣетъ тобой, и ты можешь сдѣлаться такимъ же, какъ тѣ безвозвратно погибшіе пьяницы, которые погибли отъ вина. Всѣ они начинали такъ же, какъ и ты. Если же бы ты и сумѣлъ удержаться во всю жизнь свою на умѣренномъ употребленіи пьяныхъ напитковъ и самъ не сдѣлался бы пьяницей, то, продолжая пить вино и угощать имъ, ты сдѣлаешь, можетъ быть, пьяницей своего младшаго брата, свою жену, дѣтей, которые не будутъ имѣть, какъ ты, силы остановиться на умѣренномъ употребленіи вина. Главное же—пойми то, что

на тебѣ, какъ на человѣкѣ, находящемся въ самомъ сильномъ возрастѣ жизни, на хозяинѣ или хозяйкѣ дома, руководителѣ жизни, лежитъ обязанность руководить жизнью твоихъ семейныхъ. И потому, если ты знаешь, что вино не приноситъ никакой пользы, производитъ великое зло людямъ, то не только ты не обязанъ рабски повторять то, что дѣлали отцы и дѣды,— употреблять вино, покупать его и угощать имъ,— а, напротивъ, обязанъ отмѣнить этотъ обычай и замѣнить его другимъ.

И не бойся, чтобы отмѣна обычая пить вино на праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ очень оскорбила и возмутила людей. Во многихъ мѣстахъ уже начинаютъ дѣлать это, замѣняя угощеніе виномъ угощеніями вкусной ѣдой и непьяными напитками; и люди только въ первое время, и то самые глупые, удивляются, но скоро привыкаютъ и одобряютъ.

Если же ты старый человѣкъ, въ томъ возрастѣ, когда тебѣ не нынче-завтра придется давать отчетъ Богу о томъ, какъ ты служилъ Ему, и ты, вмѣсто того, чтобы отвращать молодыхъ, неопытныхъ людей отъ вина, страшное зло котораго ты не могъ не видѣть въ продолженіе твоей жизни, соблазняешь ближнихъ своимъ примѣромъ, напиваясь виномъ или угощая имъ, — ты совершаешь великій грѣхъ.

Горе міру отъ соблазновъ! Соблазны должны войти въ міръ, но горе тому, черезъ кого они ходятъ.

Только бы мы поняли то, что въ дѣлѣ потребленія вина нѣтъ теперь средины, и хотимъ мы или не хотимъ этого, мы должны выбрать одно изъ двухъ: служить Богу или маммонѣ.

«Кто не со Мною, тотъ противъ Меня: и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ» (Мѳ. XII, 30).

1889 г.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

I.

Что такое употребленіе одурманивающихъ веществъ: водки, вина, пива, гашиша, опіума, табака и другихъ менѣе распространенныхъ: эѳира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и такъ быстро распространилось и распространяется между всякаго рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значитъ то, что вездѣ, гдѣ только не водка, вино, пиво, тамъ опіумъ или гашишъ, мухоморъ и другіе, и табакъ вездѣ? Зачѣмъ людямъ нужно одурманиваться!

Спросите у человѣка, зачѣмъ онъ началъ пить вино и пьетъ. Онъ отвѣтитъ вамъ: «такъ пріятно, всѣ пьютъ», да еще прибавитъ: «для веселья». Нѣкоторые же, тѣ, которые ни разу не дали себѣ труда подумать о томъ, хорошо или дурно то, что они пьютъ вино, прибавятъ еще то, что вино здорово, даетъ силы, т.-е. скажутъ то, несправедливость чего давнымъ-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачѣмъ онъ началъ курить табакъ и куритъ теперь, и онъ отвѣтитъ то же: «такъ, отъ скуки, всѣ курятъ».

Такъ же, вѣроятно, отвѣтятъ и потребители опіума, гашиша, морфина, мухомора.

«Такъ, отъ скуки, для веселья, всѣ это дѣлаютъ». Но вѣдь это хорошо *такъ*, *отъ скуки*, *для веселья*, оттого, что *всѣ это дѣлаютъ*, вертѣть пальцами, свистѣть, пѣть пѣсни, играть на дудкѣ и т. п., т.-е. дѣлать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природныхъ богатствъ, ни затрачивать большихъ рабочихъ силъ, дѣлать то, что не приноситъ очевиднаго зла ни себѣ, ни другимъ. Но вѣдь для производства табака, вина, гашиша, опіума часто среди населеній, нуждающихся въ землѣ, занимаются милліоны и милліоны лучшихъ земель посѣвами ржи, картофеля, конопли, мака, лозъ, табака, и милліоны рабочихъ—

въ Англіи $^{1}/_{8}$ всего населенія — заняты цѣлыя жизни производствомъ этихъ одурманивающихъ веществъ. Кромѣ того, употребленіе этихъ веществъ очевидно вредно, производитъ страшныя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признаваемыя бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ всѣхъ войнъ и заразныхъ болѣзней вмѣстѣ. И люди знаютъ это; такъ что не можетъ быть, чтобъ это дѣлалось *такъ*, *отъ скуки*, *для веселья*, оттого только, что *всѣ это дѣлаютъ*.

Тутъ должно быть что-нибудь другое. Безпрестанно и повсюду встрѣчаешь людей, любящихъ своихъ дѣтей, готовыхъ принести всякаго рода жертвы для ихъ блага и вмѣстѣ съ тѣмъ проживающихъ на водкѣ, винѣ, пивѣ или прокуривающихъ на опіумѣ или гашишѣ и даже на табакѣ то, что или совсѣмъ прокормило бы бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ избавило бы ихъ отъ лишеній. Очевидно, что если человѣкъ, поставленный въ условія необходимости выбора между лишеніями и страданіями своей семьи, которую онъ любитъ, и воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ, все-таки избираетъ первое, то побуждаетъ его къ этому что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, что *всѣ это дѣлаютъ* и что это пріятно. Очевидно, что дѣлается это не *такъ*, *отъ скуки*, *для веселья*, а что есть тутъ какая-то болѣе важная причина.

Причина эта, насколько я умѣлъ понять ее изъ чтенія объ этомъ предметѣ и наблюденій надъ другими людьми и въ особенности надъ самимъ собой, когда я пилъ вино и курилъ табакъ, — причина эта, по моимъ наблюденіямъ, слѣдующая.

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно—слѣпое, чувственное и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность, животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее существо это можно сравнить со стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ — на противоположный Sud и прикрытою по своему протяженію пластинкой, невидной до тѣхъ поръ, пока то, что несетъ на себѣ стрѣлку, двигается по ея направленію, и выступающей и становящейся видною, какъ скоро то, что несетъ стрѣлку, отклоняется отъ указанмаго ею направленія.

Точно такъ же зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ—противоположнымъ—на зло и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соотвѣтствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животною дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ее въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманія къ тому, что онъ освѣщаетъ; для второго — для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти, внутренній состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ—отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ—засореніемъ самаго органа вниманія. Для людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполнѣ достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполнѣ отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣ-

шаетъ жить: и люди, чтобы имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемненія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ нѣтъ силъ. Развлеченія, которыя бы отвлекали отъ сознанія этого разлада, недостаточны или они пріѣлись, и вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, несмотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, на время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ, черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же какъ человѣкъ, умышленно засорившій глазъ, скрылъ бы отъ себя то, что онъ хотѣлъ бы видѣть.

II.

Не во вкусѣ, не въ удовольствіи, не въ развлеченіи, не въ весельи лежитъ причина всемірнаго распространенія гашиша, опіума, вина, табака, а только въ потребности скрыть отъ себя указанія совѣсти.

Иду я разъ по улицѣ и, проходя мимо разговаривающихъ извозчиковъ, слышу, одинъ говоритъ другому: «извѣстное дѣло—тверезому совѣстно!»

Трезвому совѣстно то, что не совѣстно пьяному. Этими словами высказана существенная, основная причина, по которой люди прибѣгаютъ къ одурманивающимъ веществамъ. Люди прибѣгаютъ къ нимъ или для того, чтобы не было совѣстно послѣ того, какъ сдѣланъ поступокъ, противный совѣсти, или для того, чтобы впередъ привести себя въ состояніе, въ которомъ можно сдѣлать поступокъ, противный совѣсти, но къ которому влечетъ человѣка его животная природа.

Трезвому совѣстно ѣхать къ непотребнымъ женщинамъ, совѣстно украсть, совѣстно убить. Пьяному ничего этого не совѣстно, и потому, если человѣкъ хочетъ сдѣлать поступокъ, который совѣсть воспрещаетъ ему, онъ одурманивается.

Помню поразившее меня показаніе судившагося повара, убившаго мою родственницу, старую барыню, у которой онъ служилъ. Онъ разсказывалъ, что когда онъ услалъ свою любовницу горничную и наступило время дѣйствовать, онъ пошелъ было съ ножомъ къ спальнѣ, но почувствовалъ, что трезвый не можетъ совершить задуманнаго дѣла... «Трезвому совѣстно». Онъ вернулся, выпилъ два стакана припасенной впередъ водки и только тогда почувствовалъ себя готовымъ—и сдѣлалъ.

Девять десятыхъ преступленій совершаются такъ: «для смѣлости выпить!».

Половина паденій женщинъ происходитъ подъ вліяніемъ вина. Почти всѣ посѣщенія непотребныхъ домовъ совершаются въ пьяномъ видѣ. Люди знаютъ это свойство вина заглушать голосъ совѣсти и сознательно употребляютъ его для этой цѣли.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совѣсть,—зная, какъ дѣйствуетъ вино, они, желая заставить другихъ людей сдѣлать поступокъ, противный ихъ совѣсти, нарочно одурманиваютъ ихъ, организуютъ одурманиваніе людей, чтобы лишить ихъ совѣсти. На войнѣ солдатъ напаиваютъ пьяными всегда, когда приходится драться въ рукопашную. Всѣ французскіе солдаты на севастопольскихъ штурмахъ бывали напоены пьяными.

Всѣмъ извѣстны люди, спившіеся съ круга вслѣдствіе преступленій, мучившихъ ихъ совѣсть. Всѣ могутъ замѣтить, что безнравственно живущіе люди болѣе другихъ склонны къ одурманивающимъ веществамъ. Разбойничьи, воровскія шайки, проститутки—не живутъ безъ вина.

Всѣ знаютъ и признаютъ, что употребленіе одурманивающихъ веществъ бываетъ послѣдствіемъ укоровъ совѣсти, что при извѣстныхъ безнравственныхъ профессіяхъ одурманивающія вещества употребляются для заглушенія совѣсти. Всѣ также думаютъ и признаютъ, что употребленіе одуряющихъ веществъ заглушаетъ совѣсть, что человѣкъ пьяный способенъ на поступки, о которыхъ онъ трезвый не рѣшился бы и подумать. Всѣ съ этимъ согласны, но—странное дѣло!—когда слѣдствіемъ употребленія одурманивающихъ веществъ не являются такіе поступки, какъ воровство, убійство, насиліе и т. п.; когда одурманивающія вещества принимаются не вслѣдъ за какими-нибудь страшными преступленіями, а людьми профессій, которыя не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу въ большомъ количествѣ, но постоянно въ умѣренномъ, то почему-то предполагается, что одурманивающія вещества уже не дѣйствуютъ на совѣсть, заглушая ее.

Такъ предполагается, что выпиваніе русскимъ достаточнымъ человѣкомъ ежедневно передъ каждой ѣдой по рюмкѣ водки и за ѣдой по стакану вина, французомъ—своей полынной настойки, англичаниномъ—своего портвейна и портера, нѣмцемъ—своего пива, а зажиточнымъ китайцемъ выкуриваніе своей умѣренной порціи опіума и куреніе при этомъ табаку дѣлается только для удовольствія и нисколько не вліяетъ на совѣсть людей.

Предполагается, что если послѣ этого обычнаго одурманиванія не совершено преступленіе, воровство, убійство, а извѣстные поступки, глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой и не вызваны одурманиваніемъ. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовнаго преступленія, то имъ и нѣтъ причинъ заглушать свою совѣсть, и что та жизнь, которую ведутъ люди, предающіеся постоянному одурманиванію себя, есть жизнь вполнѣ хорошая и была бы точно такой же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребленіе одурманивающихъ веществъ нисколько не затемняетъ ихъ совѣсти.

Несмотря на то, что каждый по опыту знаетъ, что отъ употребленія вина и табаку настроеніе измѣняется и перестаетъ быть совѣстно то, что безъ возбужденія было бы совѣстно; что послѣ каждаго, хотя бы и мелкаго, укора совѣсти такъ и тянетъ къ какому-нибудь дурману, и что подъ вліяніемъ одурманивающихъ веществъ трудно обдумать свою жизнь и свое положеніе, и что постоянное и равномѣрное употребленіе одуряющихъ веществъ производитъ то же физіологическое дѣйствіе, какъ и одновременное неумѣренное,—людямъ, умѣренно пьющимъ и курящимъ, кажется, что они употребляютъ одурманивающія вещества совсѣмъ не для заглушенія своей совѣсти, а только для вкуса и удовольствія.

Но стоитъ только серьезно и безпристрастно, не выгораживая себя, подумать объ этомъ, чтобы понять, что, во-первыхъ, если употребленіе одурманивающихъ веществъ сразу въ большихъ размѣрахъ заглушаетъ совѣсть человѣка, то постоянное употребленіе этихъ веществъ должно производить то же дѣйствіе, такъ какъ одурманивающія вещества дѣйствуютъ физіологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потомъ притупляя дѣятельность мозга, будутъ ли они приняты въ большихъ или малыхъ пріемахъ; во-вторыхъ, что если одурманивающія вещества имѣютъ свойство заглушать совѣсть, то они имѣютъ его всегда—и тогда, когда подъ вліяніемъ ихъ совершается убійство, воровство, насиліе и когда подъ вліяніемъ ихъ говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы безъ нихъ; и, въ-третьихъ, что если потребленіе одурманивающихъ веществъ нужно, для того чтобы заглушить ихъ совѣсть, ворамъ, разбойникамъ, проституткамъ, то оно точно такъ же нужно людямъ, занимающимся профессіями, осуждаемыми ихъ совѣстью, хотя бы профессіи эти признавались законными и почетными другими людьми.

Однимъ словомъ, нельзя не понять того, что употребленіе одурманивающихъ веществъ въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, періодически или постоянно, въ высшемъ или низшемъ кругу вызывается одною и тою же причиной—потребностью заглушенія голоса совѣсти, для того, чтобы не видать разлада жизни съ требованіями сознанія.

III.

Въ этомъ одномъ причина распространенія всѣхъ одуряющихъ веществъ и между другими табака, едва ли не самаго распространеннаго и самаго вреднаго.

Предполагается, что табакъ веселитъ, уясняетъ мысли, привлекаетъ къ себѣ только какъ всякая привычка, ни въ какомъ случаѣ не производя того дѣйствія заглушенія совѣсти, которое признается за виномъ. Но стоитъ только повнимательнѣе вглядѣться въ условія, при которыхъ проявляется особенная потребность въ куреніи, для того, чтобы убѣдиться, что одурманеніе табакомъ, точно такъ же, какъ и виномъ, дѣйствуетъ на совѣсть и что люди сознательно прибѣгаютъ къ этому одурманенію особенно тогда, когда оно нужно имъ для этой цѣли. Если бы табакъ только уяснялъ мысли и веселилъ, не было бы этой страстной потребности въ немъ и потребности именно въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорѣе безъ хлѣба, чѣмъ безъ табаку, и, дѣйствительно, часто не предпочитали бы куреніе пищѣ.

Тотъ поваръ, который зарѣзалъ свою барыню, разсказываетъ, что когда онъ, войдя въ спальню, рѣзанулъ ее ножомъ по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потокомъ, то онъ заробѣлъ. «Я не могъ дорѣзать,—говорилъ онъ,—и вышелъ изъ спальни въ гостиную, сѣлъ тамъ и выкурилъ папироску». Только одурманившись табакомъ, онъ почувствовалъ себя въ силахъ вернуться въ спальню, дорѣзать старуху и разобраться въ ея вещахъ.

Очевидно, потребность курить въ эту минуту была вызвана въ немъ не желаніемъ уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мѣшавшее ему додѣлать задуманное дѣло.

Такую опредѣленную потребность къ одурманиванію себя табакомъ въ извѣстныя, самыя затруднительныя минуты можетъ замѣтить въ себѣ всякій курящій. Вспоминаю за время своего куренія, когда я чувствовалъ особенную потребность въ табакѣ. Всегда это было въ такія минуты, когда мнѣ именно хотѣлось

не помнить то, что я помнилъ, хотѣлось забыть, не думать. Сижу я одинъ, ничего не дѣлаю, знаю, что мнѣ надо начать работу, и не хочется, — я закуриваю и продолжаю сидѣть. Я обѣщалъ кому-либо быть у него въ 5 часовъ и засидѣлся въ другомъ мѣстѣ; я вспоминаю, что я опоздалъ, но мнѣ не хочется помнить это,—и я курю. Я раздраженъ и говорю человѣку непріятное и знаю, что дѣлаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мнѣ хочется дать ходъ своему раздраженію,—я курю и продолжаю раздражаться. Я играю въ карты и проигрываю больше того, чѣмъ то, чѣмъ я хотѣлъ ограничиться,— я курю. Я поставилъ себя въ неловкое положеніе, я дурно поступилъ, ошибся, и мнѣ надо сознать свое положеніе, чтобы выйти изъ него, но не хочется сознаться,—я обвиняю другихъ и курю. Я пишу и не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумалъ,—я курю. Я спорю и вижу, что мы съ противникомъ не понимаемъ и не можемъ понять другъ друга, но хочется высказать свои мысли,— я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака отъ другихъ одуряющихъ веществъ, кромѣ легкости одурманиванія себя имъ и его кажущейся безвредности, заключается еще и въ его, такъ сказать, портативности, возможности прилагать его къ мелкимъ отдѣльнымъ случаямъ. Не говоря уже о томъ, что употребленіе опіума, вина, гашиша сопряжено съ нѣкоторыми приспособленіями, которыя не всегда можно имѣть, табакъ же и бумагу всегда можно имѣть съ собой, и о томъ, что курильщикъ опіума, алкоголикъ возбуждаетъ ужасъ, человѣкъ же, курящій табакъ, не представляетъ ничего отталкивающаго,—преимущество табака передъ другими дурманами то, что дурманъ опіума, гашиша, вина распространяется на всѣ впечатлѣнія и дѣйствія, получаемыя и производимыя въ извѣстный, довольно продолжительный періодъ времени, дурманъ же табака можетъ быть направленъ на каждый отдѣльный случай. Хочешь сдѣлать то, чего не слѣдуетъ,— выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сдѣлать то, что не надо было, и опять свѣжъ и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сдѣлалъ то, чего не слѣдовало, — опять папироска, и непріятное сознаніе дурного или неловкаго поступка уничтожено, и можешь заняться другимъ и забыть.

Но не говоря о тѣхъ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ всякій курящій прибѣгаетъ къ куренію, не какъ къ удовлетворенію привычки и препровожденію времени, а какъ къ средству заглушенія совѣсти для поступковъ, которые имѣютъ быть сдѣ-

ланы или уже сдѣланы, развѣ не очевидна та строго опредѣленная зависимость между образомъ жизни людей и ихъ пристрастіемъ къ куренію?

Когда начинаютъ курить мальчики? Почти всегда тогда же, когда они теряютъ дѣтскую невинность. Отчего люди курящіе могутъ переставать курить, какъ скоро становятся въ болѣе нравственныя условія жизни, и опять начинаютъ курить, какъ только попадаютъ въ развращенную среду? Почему игроки почти всѣ курятъ? Почему изъ женщинъ меньше курятъ женщины, ведущія правильный образъ жизни? Почему проститутки и сумасшедшіе *всѣ* курятъ? Привычка привычкой, но очевидно, что куреніе находится въ опредѣленной зависимости отъ потребности заглушенія совѣсти и что она достигаетъ этой своей цѣли.

Наблюденіе о томъ, до какой степени куреніе заглушаетъ голосъ совѣсти, можно сдѣлать надъ всякимъ почти курильщикомъ. Всякій курильщикъ, предаваясь своей страсти, забываетъ или пренебрегаетъ самыми первыми требованіями общежитія, котораго онъ требуетъ отъ другихъ и которое онъ соблюдаетъ во всѣхъ другихъ случаяхъ до тѣхъ поръ, пока совѣсть его не заглушена табакомъ. Всякій человѣкъ нашего средняго воспитанія признаетъ непозволительнымъ, неблаговоспитаннымъ, негуманнымъ для своего удовольствія нарушать спокойствіе и удобство, а тѣмъ болѣе здоровье, другихъ людей. Никто не позволитъ себѣ намочить комнату, въ которой сидятъ люди, шумѣть, кричать, напустить холоднаго, жаркаго или вонючаго воздуха, совершать поступки, мѣшающіе и вредящіе другимъ. Но изъ 1000 курильщиковъ ни одинъ не постѣснится тѣмъ, чтобы напустить нездороваго дыма въ комнатѣ, гдѣ дышатъ воздухомъ некурящія женщины, дѣти. Если закуривающіе и спрашиваютъ обыкновенно у присутствующихъ: «вамъ не пріятно?» то всѣ знаютъ, что принято отвѣчать: «сдѣлайте одолженіе» (несмотря на то, что некурящему не можетъ быть пріятно дышать зараженнымъ воздухомъ и находить вонючіе окурки въ стаканахъ, чашкахъ, тарелкахъ, на подсвѣчникахъ или даже въ пепельницахъ). Но если бы даже некурящіе взрослые и переносили табакъ, то дѣтямъ-то, у которыхъ никто не спрашиваетъ, никакъ не можетъ быть это пріятно и полезно. А между тѣмъ люди честные, гуманные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ курятъ при дѣтяхъ, за обѣдомъ, въ маленькихъ комнатахъ, заражая воздухъ табачнымъ дымомъ, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго укора совѣсти.

Обыкновенно говорятъ, и я говорилъ, что куреніе содѣйствуетъ умственной работѣ. И несомнѣнно, что это такъ, если смо-

трѣть только на количество умственной работы. Человѣку, курящему и потому перестающему строго оцѣнивать и взвѣшивать свои мысли, кажется, что у него вдругъ сдѣлалось много мыслей. Но это совсѣмъ не то, что у него сдѣлалось много мыслей, а только то, что онъ потерялъ контроль надъ своими мыслями.

Когда человѣкъ работаетъ, онъ всегда сознаетъ въ себѣ два существа: одного — работающаго, другого—оцѣнивающаго работу. Чѣмъ строже оцѣнка, тѣмъ медленнѣе и лучше работа, и наоборотъ. Если же оцѣнивающій будетъ находиться подъ вліяніемъ дурмана, то работы будетъ больше, но качество ея будетъ ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мнѣ не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорятъ обыкновенно, говорилъ и я. Что же это значитъ? А то, что тебѣ или нечего писать, или то, что то, что ты сейчасъ хочешь уже написать, еще не созрѣло въ твоемъ сознаніи, а только смутно начинаетъ представляться тебѣ, и оцѣнивающій живущій въ тебѣ критикъ, не одурманенный табакомъ, говоритъ тебѣ это. Если бы ты не курилъ, ты или оставилъ бы начатое и подождалъ времени, когда то, о чемъ ты думаешь, уяснилось бы тебѣ, или постарался бы вдуматься въ то, что смутно представляется тебѣ, обдумалъ бы представляющіяся возраженія и напрягъ бы все свое вниманіе на уясненіе себѣ своей мысли. Но ты закуриваешь, сидящій въ тебѣ критикъ одурманивается, и задержка въ твоей работѣ устраняется: то, что тебѣ трезвому отъ табаку казалось ничтожнымъ, представляется опять значительнымъ; то, что казалось неяснымъ, уже не представляется такимъ; представлявшіяся тебѣ возраженія скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV.

«Но неужели такое малое, крошечное измѣненіе, какъ легкій хмель, производимый умѣреннымъ употребленіемъ вина и табаку, можетъ производить какія-либо значительныя послѣдствія? Понятно, что если человѣкъ накуривается опіума, гашиша, напивается вина такъ, что падаетъ и теряетъ разсудокъ, то послѣдствія такого одурманенія могутъ быть очень важны; но то, что человѣкъ находится подъ самымъ легкимъ дѣйствіемъ хмеля или табаку, никакъ не можетъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій», говорятъ обыкновенно. Людямъ кажется, что маленькій дурманъ, маленькое затменіе сознанія не можетъ производить важнаго вліянія. Но думать такъ — все равно, что думать то, что часамъ можетъ быть вредно то, чтобы ударить ихъ

о камень, но что если положить соринку въ середину ихъ хода, то это не можетъ повредить имъ.

Вѣдь главная работа, двигающая всею жизнью людской, происходитъ не въ движеніи рукъ, ногъ, спинъ человѣческихъ, а въ сознаніи. Для того, чтобы человѣкъ совершилъ что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось извѣстное измѣненіе въ его сознаніи. И это-то измѣненіе опредѣляетъ всѣ послѣдующія дѣйствія человѣка. Измѣненія же эти всегда бываютъ крошечныя, почти незамѣтныя.

Брюлловъ поправилъ ученику этюдъ. Ученикъ, взглянувъ на измѣнившійся этюдъ, сказалъ: «Вотъ чуть-чуть тронули этюдъ, а совсѣмъ сталъ другой». Брюлловъ отвѣтилъ: «Искусство только тамъ и начинается, гдѣ начинается *чуть-чуть*».

Изреченіе это поразительно вѣрно и не по отношенію къ одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается тамъ, гдѣ начинается чуть-чуть, тамъ, гдѣ происходятъ кажущіяся намъ чуть-чуточными безконечно малыя измѣненія. Истинная жизнь происходитъ не тамъ, гдѣ совершаются большія внѣшнія измѣненія, гдѣ передвигаются, сталкиваются, дерутся, убиваютъ другъ друга люди, а она происходитъ только тамъ, гдѣ совершаются чуть-чуточныя диференціальныя измѣненія.

Истинная жизнь Раскольникова совершалась не тогда, когда онъ убивалъ старуху или сестру ея. Убивая самоё старуху и въ особенности сестру ея, онъ не жилъ истинною жизнью, а дѣйствовалъ какъ машина, дѣлалъ то, чего не могъ не дѣлать; выпускалъ тотъ зарядъ, который давно уже былъ заложенъ въ немъ. Одна старуха убита, другая передъ нимъ тутъ же, топоръ у него въ рукѣ.

Истинная жизнь Раскольникова происходила не въ то время, когда онъ встрѣтилъ сестру старухи, а въ то время, когда онъ не убивалъ еще и одной старухи, не былъ въ чужой квартирѣ съ цѣлью убійства, не имѣлъ въ рукахъ топора, не имѣлъ въ пальто петли, на которую вѣшалъ его, — въ то время, когда онъ даже и не думалъ о старухѣ, а, лежа у себя на диванѣ, разсуждалъ вовсе не о старухѣ и даже не о томъ, можно ли или нельзя по волѣ одного человѣка стереть съ лица земли ненужнаго и вреднаго другого человѣка, а разсуждалъ о томъ, слѣдуетъ ли ему жить или не жить въ Петербургѣ, слѣдуетъ ли или нѣтъ брать деньги у матери, и еще о другихъ, совсѣмъ не касающихся старухи вопросахъ. И вотъ тогда-то, въ этой совершенно независимой отъ дѣятельности животной области, рѣшались вопросы о томъ, убьетъ ли онъ или не убьетъ ста-

руху. Вопросы эти рѣшались не тогда, когда онъ, убивъ одну старуху, стоялъ съ топоромъ передъ другой, а тогда, когда онъ не дѣйствовалъ, а только мыслилъ, когда работало одно его сознаніе и въ сознаніи этомъ происходили чуть-чуточныя измѣненія. И вотъ тогда-то бываетъ особенно важна для правильнаго рѣшенія возникающаго вопроса наибольшая ясность мысли, и вотъ тогда-то одинъ стаканъ пива, одна выкуренная папироска могутъ помѣшать рѣшенію вопроса, отдалить это рѣшеніе, могутъ заглушить голосъ совѣсти, содѣйствовать рѣшенію вопроса въ пользу низшей животной природы, какъ это и было съ Раскольниковымъ.

Измѣненія чуть-чуточныя, а отъ нихъ-то самыя громадныя, ужасныя послѣдствія. Отъ того, что сдѣлается, когда человѣкъ рѣшился и началъ дѣйствовать, можетъ измѣниться много матеріальнаго, могутъ погибнуть дома, богатства, тѣла людей, но ничего не можетъ сдѣлаться больше того, чѣмъ то, что залегло въ сознаніе человѣка. Предѣлы того, что можетъ произойти, даны сознаніемъ.

Но отъ чуть-чуточныхъ измѣненій, которыя совершаются въ области сознанія, могутъ произойти самыя невообразимыя по своей значительности послѣдствія, для которыхъ нѣтъ предѣловъ.

Пусть не думаютъ, что то, что я говорю, имѣетъ что-нибудь общее съ вопросами о свободѣ воли или детерминизмѣ. Разговоры объ этихъ предметахъ излишни для моей цѣли, да и для чего бы то ни было. Не рѣшая вопроса о томъ, можетъ или не можетъ человѣкъ поступать такъ, какъ онъ хочетъ (вопроса, по-моему, неправильно поставленнаго), я говорю только о томъ, что такъ какъ человѣческая дѣятельность опредѣляется чуть-чуточными измѣненіями въ сознаніи, то (все равно — признавая или не признавая такъ называемую свободу воли) надо быть особенно внимательнымъ къ тому состоянію, въ которомъ проявляются эти чуть-чуточныя измѣненія, какъ надо быть особенно внимательнымъ къ состоянію вѣсовъ, посредствомъ которыхъ мы взвѣшиваемъ предметы. Надо, насколько это отъ насъ зависитъ, стараться поставить себя и другихъ въ такія условія, при которыхъ не нарушались бы ясность и тонкость мысли, необходимыя для правильной работы сознанія, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознанія потребленіемъ одуряющихъ веществъ.

Человѣкъ вѣдь есть и духовное и животное существо. Человѣка можно двигать, вліяя на его духовное существо, и можно двигать, вліяя на его животное существо. Такъ же, какъ часы

можно двигать за стрѣлки и за главное колесо. И какъ въ часахъ удобнѣе руководить движеніемъ черезъ внутренній механизмъ, такъ и человѣкомъ — собой или другимъ — удобнѣе руководить черезъ сознаніе. И какъ въ часахъ пуще всего надо блюсти то, чѣмъ удобнѣе двигать серединный механизмъ, такъ и въ человѣкѣ пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознанія, которымъ удобнѣе всего двигать человѣкомъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно, и всѣ люди знаютъ это. Но является потребность обманывать себя. Людямъ не столько хочется, чтобы сознаніе работало правильно, сколько того, чтобы имъ казалось, что правильно то, что они дѣлаютъ, и они сознательно употребляютъ такія вещества, которыя нарушаютъ правильную работу сознанія.

V.

Пьютъ и курятъ не такъ, не отъ скуки, не для веселья, не потому, что пріятно, а для того, чтобы заглушить въ себѣ совѣсть. И если это такъ, то какъ ужасны должны быть послѣдствія! Въ самомъ дѣлѣ, подумать, какова была бы та постройка, которую строили бы люди не съ прямымъ правиломъ, по которому они выравнивали бы стѣны, не съ прямоугольнымъ угольникомъ, которымъ бы они опредѣляли углы, а съ мягкимъ правиломъ, которое сгибалось бы по всѣмъ неровностямъ стѣны, и съ угольникомъ, складывающимся и приходящимся къ каждому — и острому и тупому — углу.

А вѣдь, благодаря одурманиванію себя, это самое дѣлается въ жизни. Жизнь не приходится по совѣсти, совѣсть сгибается по жизни.

Это дѣлается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, это же дѣлается и въ жизни всего человѣчества, слагающагося изъ жизни отдѣльныхъ лицъ.

Для того, чтобы понять все значеніе такого отуманенія своего сознанія, пускай всякій человѣкъ вспомнитъ хорошенько свое душевное состояніе въ каждый періодъ своей жизни. Каждый человѣкъ найдетъ, что въ каждый періодъ его жизни передъ нимъ стояли извѣстные нравственные вопросы, которые надо было ему разрѣшить и отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло все благо его жизни. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно большое напряженіе вниманія. Это напряженіе вниманія составляетъ трудъ. Въ каждомъ его трудѣ, особенно въ началѣ его, есть періодъ, когда трудъ кажется тяжелымъ, мучительнымъ, и слабость человѣческая подсказываетъ желаніе оставить его.

Физическій трудъ представляется мучительнымъ въ началѣ его; еще болѣе мучительнымъ представляется трудъ умственный. Какъ говоритъ Лессингъ, люди имѣютъ свойство переставать думать тогда, когда думанье начинаетъ представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинаетъ быть плодотворнымъ. Человѣкъ чувствуетъ, что рѣшеніе стоящихъ передъ нимъ вопросовъ. требуетъ напряженнаго, часто мучительнаго труда, и хочется отвильнуть отъ этого. Если бы у него не было внутреннихъ средствъ одурманенія, онъ не могъ бы изгнать изъ своего сознанія стоящихъ передъ нимъ вопросовъ и волей-неволей былъ бы приведенъ къ необходимости рѣшенія ихъ. Но вотъ человѣкъ узнаетъ средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляетъ его. Какъ только предстоящіе къ рѣшенію вопросы начинаютъ мучить его, человѣкъ прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ и спасается отъ безпокойства, вызываемаго тревожащими вопросами. Сознаніе перестаетъ требовать разрѣшенія ихъ, и неразрѣшенные вопросы остаются неразрѣшенными до слѣдующаго просвѣтлѣнія. Но при слѣдующемъ просвѣтлѣніи повторяется то же, и человѣкъ мѣсяцами, годами, иногда всю жизнь продолжаетъ стоять передъ тѣми же нравственными вопросами, ни на шагъ не подвигаясь къ разрѣшенію ихъ. А между тѣмъ въ разрѣшеніи нравственныхъ вопросовъ и состоитъ все движеніе жизни.

Совершается нѣчто подобное тому, что дѣлалъ бы человѣкъ, которому черезъ взмученную воду надо было увидать дно, для того чтобы достать драгоцѣнную жемчужину, и который бы, не желая войти въ воду, сознательно взбалтывалъ воду, какъ скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоитъ человѣкъ, одурманивающійся неподвижно на томъ же, разъ усвоенномъ, неясномъ, противорѣчивомъ міросозерцаніи, упираясь при всякомъ наступающемъ періодѣ просвѣтлѣнія все въ ту же стѣну, въ которую онъ упирался 10—20 лѣтъ тому назадъ и которую нечѣмъ пробить, потому что онъ сознательно притупляетъ то острее мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякій вспомнитъ себя за тотъ періодъ, во время котораго онъ пьетъ и куритъ, и пускай провѣритъ то же самое на другихъ, и всякій увидитъ одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманенію, отъ людей, свободныхъ отъ него: чѣмъ больше одурманивается человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нравственно неподвиженъ.

VI.

Ужасны для отдѣльныхъ лицъ, какъ описываютъ ихъ намъ, послѣдствія потребленія опіума и гашиша; ужасны знакомыя намъ послѣдствія потребленія алкоголя на отъявленныхъ пьяницахъ; но безъ сравненія ужаснѣе послѣдствія для всего общества того, считающагося безвреднымъ, умѣреннаго употребленія водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а въ особенности такъ называемые образованные классы нашего міра. Эти послѣдствія должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая дѣятельность общества — дѣятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная — производится большею частью людьми, находящимися въ ненормальномъ состояніи, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человѣкъ, который, какъ большинство людей нашихъ достаточныхъ классовъ, употребляетъ алкогольные напитки при всякомъ принятіи пищи, находится на другой день, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работаетъ, въ совершенно нормальномъ и трезвомъ состояніи. Но это совершенно несправедливо. Человѣкъ, выпившій наканунѣ бутылку вина, стаканъ водки или двѣ кружки пива, находится въ обычномъ состояніи похмелья или угнетенія, слѣдующаго за возбужденіемъ, и потому въ умственно подавленномъ состояніи, которое усиливается еще куреніемъ. Для того, чтобы человѣкъ, курящій и пьющій постоянно и умѣренно, привелъ мозгъ въ нормальное состояніе, ему нужно пробыть по крайней мѣрѣ недѣлю или болѣе безъ употребленія вина и куренія [1]). Этого же почти никогда не бываетъ.

---

[1]) Но отчего же люди непьющіе и некурящіе находятся часто на умственномъ и нравственномъ уровнѣ несравненно низшемъ противъ людей пьющихъ и курящихъ? И почему люди пьющіе и курящіе часто проявляютъ самыя высокія и умственныя и душевныя качества?

Отвѣтъ на это, во-первыхъ, тотъ, что мы не знаемъ той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющіе и курящіе, если бы они не пили и не курили. Изъ того же, что люди духовно сильные, подвергаясь принижающему дѣйствію одурманивающихъ веществъ, все-таки произвели великія вещи, мы можемъ заключить только то, что они произвели бы еще большія, если бы они не одурманивались. Очень вѣроятно, какъ мнѣ говорилъ одинъ мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны такимъ страннымъ и дурнымъ языкомъ, если бы онъ не курилъ такъ много. Во-вторыхъ же, надо не забывать того, что что чѣмъ ниже умственно и нравственно человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ разладъ между сознаніемъ и жизнью и потому тѣмъ меньше онъ испытываетъ потребность одурманенія, и что потому такъ часто и бываетъ то, что самыя чуткія натуры, тѣ, которыя болѣзненно чувствуютъ разладъ жизни и совѣсти, предаются наркотикамъ и погибаютъ отъ нихъ.

Такъ что большая часть всего того, что творится въ нашемъ мірѣ и людьми, управляющими другими и поучающими другихъ, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не въ трезвомъ состояніи.

И пусть не принимаютъ это за шутку или за преувеличеніе: безобразіе и, главное, безсмысленность нашей жизни происходятъ преимущественно отъ постояннаго состоянія опьянѣнія, въ которое приводитъ себя большинство людей. Развѣ возможно бы было, чтобы люди непьяные спокойно дѣлали все то, что дѣлается въ нашемъ мірѣ, — отъ Эйфелевой башни до общей воинской повинности? Безъ всякой какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работаютъ, вычисляютъ, составляютъ планы; милліоны рабочихъ дней, пудовъ желѣза тратятся на постройку башни; и милліоны людей считаютъ своимъ долгомъ взлѣзть на эту башню, побыть на ней и слѣзть назадъ; и постройка и посѣщеніе этой башни не вызываютъ въ людяхъ никакого другого сужденія объ этомъ, какъ желаніе и намѣреніе еще въ другихъ мѣстахъ построить еще болѣе высокія башни. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Или другое: всѣ европейскіе народы вотъ уже десятки лѣтъ заняты тѣмъ, чтобы придумывать наилучшія средства убійства людей и обучать убійству всѣхъ молодыхъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Всѣ знаютъ, что нападеній варваровъ никакихъ быть не можетъ, что приготовленія къ убійству направлены христіанскими цивилизованными народами другъ на друга; всѣ знаютъ, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безмуно—и всѣ готовятся къ взаимному убійству: одни — придумывая политическія комбинаціи о томъ, кто съ кѣмъ въ союзѣ и кого будетъ убивать, другіе—начальствуя надъ приготовляющимися къ убійству, и третьи—подчиняясь противъ воли, противъ совѣсти, противъ разума этимъ приготовленіямъ къ убійству. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющіеся люди могутъ дѣлать эти дѣла и жить въ томъ ужасающемъ противорѣчіи жизни и совѣсти, въ которомъ не только въ этомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ люди нашего міра.

Никогда, мнѣ кажется, люди не жили въ такомъ очевидномъ противорѣчіи между требованіями совѣсти и поступками.

Человѣчество нашего времени точно зацѣпилось за что-то. Точно есть какая-то внѣшняя причина, мѣшающая встать ему въ то положеніе, которое ему свойственно по его сознанію. И причина эта—если не одна, то главная—это то физическое со-

стоянiе одурѣнiя, въ которое виномъ и табакомъ приводитъ себя огромное большинство людей нашего мiра.

Освобожденiе отъ этого страшнаго зла будетъ эпохой въ жизни человѣчества, и эпоха эта настаетъ, кажется. Зло сознано. Измѣненiе въ сознанiи по отношенiю къ употребленiю одуряющихъ веществъ уже совершилось, люди поняли страшный вредъ ихъ и начинаютъ указывать его, и это незамѣтное измѣненiе въ сознанiи неизбѣжно повлечетъ за собой освобожденiе людей отъ употребленiя одуряющихъ веществъ. Освобожденiе же людей отъ употребленiя одуряющихъ веществъ откроетъ имъ глаза на требованiя ихъ сознанiя, и они станутъ проводить свою жизнь въ согласiи съ совѣстью.

И кажется, что это уже начинается. И, какъ всегда, начинается съ высшихъ классовъ, тогда, когда уже заражены всѣ низшiе.

1890 г.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ.

I.

Если человѣкъ дѣлаетъ дѣло не для показу, а съ желаніемъ совершить его, то онъ неизбѣжно дѣйствуетъ въ одной, опредѣленной сущностью дѣла, послѣдовательности. Если человѣкъ дѣлаетъ послѣ то, что по сущности дѣла должно быть сдѣлано прежде, или вовсе пропускаетъ то, что необходимо сдѣлать для того, чтобы можно было продолжать дѣло, то онъ, навѣрное, дѣлаетъ дѣло не серьезно, а только притворяется. Правило это неизмѣнно остается вѣрнымъ какъ въ матеріальныхъ, такъ и не въ матеріальныхъ дѣлахъ. Какъ нельзя серьезно желать печь хлѣбы, не замѣсивъ прежде муку и не вытопивъ потомъ и не выметя печи и т. д., такъ точно нельзя серьезно желать вести добрую жизнь, не соблюдая извѣстной послѣдовательности въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для того качествъ.

Правило это въ дѣлахъ доброй жизни особенно важно, потому что въ матеріальномъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, въ печеніи хлѣба, можно узнать, серьезно ли человѣкъ занимается дѣломъ или только притворяется, по результатамъ его дѣятельности; въ веденіи же доброй жизни повѣрка эта невозможна. Если люди, не мѣся муки, не топя печи, какъ на театрѣ дѣлаютъ только видъ, что они пекутъ хлѣбъ, то по послѣдствіямъ — отсутствію хлѣба—очевидно для каждаго, что они только притворялись; но если человѣкъ дѣлаетъ видъ, что онъ ведетъ добрую жизнь, мы не имѣемъ такихъ прямыхъ указаній, по которымъ мы бы могли узнать, серьезно ли онъ стремится къ веденію доброй жизни или только притворяется, потому что послѣдствія доброй жизни не только не всегда ощутительны и очевидны для окружающихъ, но очень часто представляются имъ вредными; уваженіе же и признаніе полезности и пріятности для современниковъ дѣятельности человѣка ничего не доказываютъ въ пользу дѣйствительности его доброй жизни.

И потому для распознаванія дѣйствительности доброй жизни отъ видимости ея особенно дорогъ этотъ признакъ, состоящій въ правильной послѣдовательности пріобрѣтенія нужныхъ для доброй жизни качествъ. Дорогъ этотъ признакъ преимущественно не для того, чтобы распознавать истинность стремленій къ доброй жизни въ другихъ, но для распознаванія ея въ самомъ себѣ, такъ какъ мы въ этомъ отношеніи склонны обманывать самихъ себя еще болѣе, чѣмъ другихъ.

Правильная послѣдовательность пріобрѣтенія добрыхъ качествъ есть необходимое условіе движенія къ доброй жизни, и потому всегда всѣми учителями человѣчества предписывалась людямъ извѣстная неизмѣнная послѣдовательность пріобрѣтенія добрыхъ качествъ.

Во всѣхъ нравственныхъ ученіяхъ устанавливается та лѣстница, которая, какъ говоритъ китайская мудрость, стоитъ отъ земли до неба и на которую восхожденіе не можетъ происходить иначе, какъ съ низшей ступени. Какъ въ ученіяхъ браминовъ, буддистовъ, конфуціанцевъ, такъ и въ ученіи мудрецовъ Греціи устанавливаются ступени добродѣтелей, и высшая не можетъ быть достигнута безъ того, чтобы не была усвоена низшая. Всѣ нравственные учители человѣчества, какъ религіозные, такъ и не религіозные, признавали необходимость опредѣленной послѣдовательности въ пріобрѣтеніи добродѣтелей, нужныхъ для доброй жизни; необходимость эта вытекаетъ и изъ самой сущности дѣла, и потому казалось бы, должна бы быть признаваема всѣми людьми.

Но удивительное дѣло! Сознаніе необходимой послѣдовательности качествъ и дѣйствій, существенныхъ для доброй жизни, какъ будто утрачивается все болѣе и болѣе и остается только въ средѣ аскетической, монашествующей. Въ средѣ же свѣтскихъ людей предполагается и признается возможность пріобрѣтенія высшихъ свойствъ доброй жизни не только при отсутствіи низшихъ добрыхъ качествъ, обусловливающихъ высшія, но и при самомъ широкомъ развитіи пороковъ; вслѣдствіе чего и представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ добрая жизнь, доходитъ въ наше время въ средѣ большинства свѣтскихъ людей до величайшей путаницы. Утрачено представленіе о томъ, что есть добрая жизнь.

II.

Произошло это, какъ я думаю, слѣдующимъ образомъ. Христіанство, замѣняя язычество, выставило болѣе высокія, чѣмъ языческія, нравственныя требованія и, какъ и не могло быть иначе,

выставляя свои требованія, установило, какъ и въ языческой нравственности, одну необходимую послѣдовательность пріобрѣтенія добродѣтелей или ступеней для достиженія доброй жизни.

Добродѣтели Платона, начинаясь воздержаніемъ, черезъ мужество и мудрость достигали справедливости; христіанскія добродѣтели, начинаясь самоотреченіемъ, черезъ преданность волѣ Божіей достигаютъ любви.

Люди, серьезно принявшіе христіанство и стремившіеся усвоить для себя добрую христіанскую жизнь, такъ и понимали христіанство и всегда начинали добрую жизнь отреченіемъ отъ своихъ похотей, включающимъ въ себя языческое воздержаніе.

Христіанское ученіе потому только и замѣнило языческое, что оно иное и выше языческаго. Но христіанское ученіе, какъ и языческое, ведетъ людей къ истинѣ и добру; а такъ какъ истина и добро всегда однѣ, то и путь къ нимъ долженъ быть одинъ, и первые шаги на этомъ пути неизбѣжно должны быть одни и тѣ же какъ для христіанина, такъ и для язычника.

Различіе христіанскаго отъ языческаго ученія добра въ томъ, что языческое ученіе есть ученіе конечнаго, христіанское же— безконечнаго совершенства. Платонъ, напримѣръ, ставилъ образцомъ совершенства справедливость; Христосъ же ставитъ образцомъ безконечное совершенство любви. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный». Въ этомъ различіе. Отъ этого и различное отношеніе языческаго и христіанскаго ученія къ различнымъ ступенямъ добродѣтелей. Достиженіе высшей добродѣтели по языческому ученію возможно, и всякая ступень достиженія имѣетъ свое относительное значеніе: чѣмъ выше ступень, тѣмъ больше достоинства, такъ что люди съ языческой точки зрѣнія раздѣляются на добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ, на болѣе или менѣе добродѣтельныхъ. По христіанскому же ученію, выставившему идеалъ безконечнаго совершенства, дѣленія этого не можетъ быть. Не можетъ быть и ступеней высшихъ и низшихъ. По христіанскому ученію, указавшему безконечность совершенства, всѣ ступени равны между собой по отношенію къ безконечному идеалу. Различіе достоинства въ язычествѣ состоитъ въ той ступени, которая достигнута человѣкомъ; въ христіанствѣ достоинство состоитъ только въ процессѣ достиженія, въ большей или меньшей скорости движенія. Съ языческой точки зрѣнія человѣкъ, обладающій добродѣтелью благоразумія, стоитъ въ нравственномъ значеніи выше человѣка, не обладающаго этой добродѣтелью; человѣкъ, обладающій сверхъ благоразумія

и мужествомъ, стоитъ еще выше; человѣкъ, обладающій и благоразуміемъ, и мужествомъ, и сверхъ того справедливостью, стоитъ еще выше; христіанинъ же не можетъ считаться ни одинъ ни выше, ни ниже другого въ нравственномъ значеніи; христіанинъ только тѣмъ болѣе христіанинъ, чѣмъ быстрѣе онъ движется къ безконечному совершенству, независимо отъ той ступени, на которой онъ въ данную минуту находится. Такъ что неподвижная праведность фарисея ниже движенія кающагося разбойника на крестѣ.

Но въ томъ, что движеніе къ добродѣтели, къ совершенству не можетъ совершаться помимо низшихъ степеней добродѣтели, какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ, — въ этомъ не можетъ быть различія.

Христіанинъ, какъ и язычникъ, не можетъ не начать работу совершенствованія съ самаго начала, т.-е. съ того же, съ чего начинаетъ ее язычникъ, именно съ воздержанія, какъ не можетъ тотъ, кто хочетъ войти на лѣстницу, не начать съ первой ступени. Разница только въ томъ, что для язычника воздержаніе само по себѣ представляется добродѣтелью, для христіанина же воздержаніе есть только часть самоотреченія, составляющаго необходимое условіе стремленія къ совершенству. И потому истинное христіанство въ своемъ проявленіи не могло отвергнуть добродѣтели, которыя указывало и язычество.

Но не всѣ люди понимали христіанство, какъ стремленіе къ совершенству Отца Небеснаго; христіанство, ложно понятое, уничтожало искренность и серьезность отношенія людей къ нравственному его ученію.

Если человѣкъ вѣритъ, что можетъ спастись помимо исполненія нравственнаго ученія христіанства, то ему естественно думать, что усилія его быть добрымъ излишни. И потому человѣкъ, вѣрующій въ то, что есть средства спасенія помимо личныхъ усилій къ достиженію совершенства [1]), не можетъ стремиться къ этому съ тою энергіею и серьезностью, съ которою стремится человѣкъ, не знающій никакихъ другихъ средствъ, кромѣ личныхъ усилій. А не стремясь къ этому съ полною серьезностью, зная другія средства, кромѣ личныхъ усилій, человѣкъ неизбѣжно будетъ пренебрегать и тѣмъ однимъ неизмѣннымъ порядкомъ, въ которомъ могутъ быть пріобрѣтаемы добрыя качества, нужныя для доброй жизни. Это самое и случилось съ большинствомъ людей, внѣшнимъ образомъ исповѣдующихъ христіанство.

---

[1]) Какъ, напримѣръ, индульгенціи у католиковъ.

III.

Ученіе о томъ, что личныя усилія не нужны для достиженія человѣкомъ духовнаго совершенства, а что есть для этого другія средства, является причиной ослабленія стремленія къ доброй жизни и отступленія отъ необходимой для доброй жизни послѣдовательности.

Огромная масса людей, которая внѣшнимъ только образомъ приняла христіанство, воспользовалась замѣной язычества христіанствомъ для того, чтобы, освободившись отъ требованій языческихъ добродѣтелей, какъ бы ненужныхъ уже для христіанина, освободить себя отъ всякой необходимости борьбы съ своей животной природой.

То же самое сдѣлали и люди, переставшіе вѣрить во внѣшнее только христіанство. Они точно такъ же, какъ и тѣ вѣрующіе, выставляя вмѣсто внѣшняго христіанства какое - нибудь принятое большинствомъ мнимое доброе дѣло, въ родѣ служенія наукѣ, искусству, человѣчеству, во имя этого мнимаго добраго дѣла освобождаютъ себя отъ послѣдовательности пріобрѣтенія качествъ, нужныхъ для доброй жизни, и довольствуются тѣмъ, что притворяются, какъ на театрѣ, что живутъ доброю жизнью.

Такіе люди, отставшіе отъ язычества и не приставшіе къ христіанству въ его истинномъ значеніи, стали проповѣдывать любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія и справедливость безъ воздержанія, т. - е. проповѣдывать высшія добродѣтели безъ достиженія низшихъ, т.-е. не самыя добродѣтели, а только подобіе ихъ.

Одни проповѣдуютъ любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія, другіе — гуманность, служеніе людямъ, человѣчеству безъ воздержанія.

И такъ какъ проповѣдь эта поощряетъ животную природу человѣка подъ видомъ введенія его въ высшія нравственныя сферы, освобождая его отъ самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, давнымъ-давно высказанныхъ язычниками и не только не отвергнутыхъ, но усиленныхъ истиннымъ христіанствомъ, то она охотно была принята какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими.

На-дняхъ только вышла энциклика папы о соціализмѣ. Тамъ послѣ опроверженія мнѣнія соціалистовъ о незаконности собственности сказано прямо, что «никто, несомнѣнно, не обязанъ помогать ближнему, давая изъ того, что ему или семьѣ его нужно, ни даже уменьшить что-либо изъ того, чего требуютъ отъ

него приличія. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не долженъ жить противно обычаямъ» (это мѣсто изъ святого Өомы). «Но послѣ того, какъ отдано должное нуждѣ и внѣшнимъ приличіямъ, — говоритъ далѣе энциклика, — обязанность каждаго — отдавать излишекъ бѣднымъ».

Такъ проповѣдуетъ глава одной изъ самыхъ распространенныхъ теперь церквей. И рядомъ съ этой проповѣдью эгоизма, предписывающей отдавать ближнему то, что вамъ не нужно, проповѣдуется любовь, постоянно съ паөосомъ приводятся знаменитыя слова Павла изъ 13 главы 1-го Посланія къ коринөянамъ о любви.

Несмотря на то, что все ученіе Евангелія переполнено требованіями самоотреченія, указаніями на то, что самоотреченіе есть первое условіе христіанскаго совершенства, несмотря на такія ясныя изреченія, какъ: «кто не возьметъ креста своего... кто не отречется отъ отца, матери... кто не погубитъ жизнь свою...», люди увѣряютъ себя и другихъ, что возможно любить людей, не отрекаясь не только отъ того, къ чему привыкъ, но и отъ того, что самъ считаешь для себя приличнымъ.

Такъ говорятъ ложные христіане, и точь въ точь такъ же думаютъ и говорятъ, и пишутъ, и поступаютъ люди, отвергающіе не только внѣшнее, но и истинное христіанское ученіе, люди свободно мыслящіе. Люди эти увѣряютъ себя и другихъ, что, вовсе не уменьшая своихъ потребностей, не побѣждая своихъ похотей, можно служить людямъ и человѣчеству, т.-е. вести добрую жизнь.

Люди отбросили языческую послѣдовательность добродѣтелей и, не усвоивъ христіанскаго ученія въ его истинномъ значеніи, не приняли и христіанской послѣдовательности и остались безъ всякаго руководства.

IV.

Въ старину, когда не было христіанскаго ученія, у всѣхъ учителей жизни, начиная съ Сократа, первою добродѣтелью въ жизни было воздержаніе,—и было понятно, что всякая добродѣтель должна начинаться съ него и проходить черезъ него. Было ясно, что человѣкъ, не владѣющій собой, развившій въ себѣ огромное количество похотей и подчиняющійся всѣмъ имъ, не могъ вести добрую жизнь. Было ясно, что прежде чѣмъ человѣкъ могъ думать не только о великодушіи, о любви, но о безкорыстіи, справедливости, онъ долженъ былъ научиться владѣть собою. По нашимъ же взглядамъ этого ничего не нужно.

Мы вполнѣ увѣрены, что человѣкъ, развившій свои похоти до той высшей степени, въ которой онѣ развиты въ нашемъ мірѣ, человѣкъ, не могущій жить безъ удовлетворенія сотни получившихъ надъ нимъ власть ненужныхъ привычекъ можетъ вести вполнѣ нравственную, добрую жизнь.

Въ наше время и въ нашемъ мірѣ стремленіе къ ограниченію своихъ похотей считается не только не первымъ, но даже и не послѣднимъ, а совершенно ненужнымъ для веденія доброй жизни дѣломъ.

По царствующему самому распространенному современному ученію о жизни увеличеніе потребностей считается, напротивъ, желательнымъ качествомъ, признакомъ развитія, цивилизаціи, культуры и совершенствованія. Люди такъ называемые образованные считаютъ, что привычки комфорта, т.-е. изнѣженности, суть привычки не только не вредныя, но хорошія, показывающія извѣстную нравственную высоту человѣка, почти что добродѣтель.

Чѣмъ больше потребностей, чѣмъ утонченнѣе эти потребности, тѣмъ считается это лучше.

Никто такъ ясно не подтверждаетъ этого, какъ описательная поэзія и въ особенности романы прошедшаго и нашего вѣка.

Какъ изображаются герои и героини, представляющіе идеалы добродѣтелей?

Въ большинствѣ случаевъ мужчины, долженствующіе представить нѣчто возвышенное и благородное, начиная съ Чайльдъ-Гарольда и до послѣднихъ героевъ Фелье, Троллопа, Мопассана, суть не что иное, какъ развратные тунеядцы, ни на что, ни для кого ненужные; героини же — это такъ или иначе, болѣе или менѣе доставляющія наслажденіе мужчинамъ любовницы, точно такъ же праздныя и преданныя роскоши.

Я не говорю о встрѣчающемся изрѣдка въ литературѣ изображеніи дѣйствительно воздержныхъ и трудящихся лицъ, — я говорю о типѣ обычномъ, представляющемъ идеалъ для массы, о томъ лицѣ, похожемъ на которое старается быть большинство мужчинъ и женщинъ. Помню, когда я писалъ романы, то тогда для меня необъяснимое затрудненіе, въ которомъ я находился и съ которымъ боролся, — и съ которымъ теперь, я знаю, борются всѣ романисты, имѣющіе хоть самое смутное сознаніе того, что составляетъ дѣйствительную нравственную красоту, заключалось въ томъ, чтобы изобразить типъ свѣтскаго человѣка идеально хорошій, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который бы былъ вѣренъ дѣйствительности.

V.

Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что дѣйствительно люди нашего времени не только не признаютъ того, что языческое воздержаніе или христіанское самоотреченіе суть свойства желательныя и бодрыя, но считаютъ увеличеніе потребностей чѣмъ-то хорошимъ и возвышеннымъ, служитъ то, какъ въ огромномъ большинствѣ воспитываются дѣти нашего міра. Ихъ не только не пріучаютъ къ воздержанію, какъ это было у язычниковъ, и къ самоотреченію, какъ это должно быть у христіанъ, но сознательно прививаютъ имъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши.

Мнѣ давно хотѣлось написать такую сказку: женщина, оскорбленная другой, желая отмстить ей, похищаетъ ребенка своего врага, идетъ къ колдуну, прося его научить, чѣмъ она злѣе всего можетъ отмстить своему врагу на единственномъ похищенномъ дѣтищѣ. Колдунъ научаетъ похитительницу отнести ребенка въ мѣсто, которое онъ указываетъ, и утверждаетъ, что месть будетъ самая ужасная. Злая женщина дѣлаетъ это, но слѣдитъ за ребенкомъ и къ удивленію своему видитъ, что ребенокъ взятъ и усыновленъ бездѣтнымъ богачомъ. Она идетъ къ колдуну и упрекаетъ его, но колдунъ велитъ ждать. Ребенокъ растетъ въ роскоши и изнѣженности. Злая женщина въ недоумѣніи, но колдунъ велитъ ждать. И дѣйствительно, наступаетъ время, когда злая женщина удовлетворена и даже жалѣетъ свою жертву. Ребенокъ вырастаетъ въ изнѣженности и распущенности и, благодаря своему доброму характеру, разоряется. И тутъ начинается рядъ физическихъ страданій, нищеты и униженій, къ которымъ онъ особенно чувствителенъ и съ которыми не умѣетъ бороться. Стремленіе къ нравственной жизни — и безсиліе изнѣженной, пріученной къ роскоши и праздности плоти. Тщетная борьба, паденіе все ниже и ниже, пьянство, чтобъ забыться, преступленіе или сумасшествіе, или самоубійство.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя безъ ужаса видѣть воспитаніе нѣкоторыхъ дѣтей въ нашемъ мірѣ. Только злѣйшій врагъ могъ бы такъ старательно прививать ребенку тѣ слабости и пороки, которые прививаются ему родителями, въ особенности матерями. Ужасъ беретъ, глядя на это и еще болѣе на послѣдствія этого, если умѣть видѣть то, что дѣлается въ душахъ лучшихъ изъ этихъ старательно самими родителями погубляемыхъ дѣтей.

Привиты привычки изнѣженности, привиты тогда, когда еще молодое существо не понимаетъ ихъ нравственнаго значенія. Уничтожена не только привычка воздержанія и самообладанія,

но, обратно тому, что дѣлалось при воспитаніи въ Спартѣ и въ древнемъ мірѣ, совершенно атрофирована эта способность. Не только не пріученъ человѣкъ къ труду, ко всѣмъ условіямъ всякаго плодотворнаго труда, сосредоточеннаго вниманія, напряженія, выдержки, увлеченія дѣломъ, умѣнія исправить испорченное, привычки усталости, радости совершенія, но пріученъ къ праздности и пренебреженію всякимъ произведеніемъ труда, пріученъ къ тому, чтобы портить, бросать и вновь за деньги пріобрѣтать все, что вздумается, не думая даже никогда о томъ, какъ что дѣлается. Человѣкъ лишенъ способности къ пріобрѣтенію первой по порядку добродѣтели, необходимой для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ, — благоразумія, и пущенъ въ міръ, въ которомъ проповѣдуются и какъ будто цѣнятся высокія добродѣтели справедливости, служенія людямъ, любви. Хорошо, если молодой человѣкъ — натура нравственно слабая, не чуткая, не чующая разницы между показной доброй жизнью и настоящей и которая можетъ удовлетворяться царствующимъ въ жизни зломъ. Если такъ, то все устраивается какъ будто хорошо, и съ непроснувшимся нравственнымъ чувствомъ такой человѣкъ иногда спокойно доживаетъ до гроба. Но не всегда это такъ бываетъ, въ особенности въ послѣднее время, когда сознаніе безнравственности такой жизни носится въ воздухѣ и невольно западаетъ въ сердце. Часто, и все чаще и чаще, бываетъ такъ, что требованія настоящей, непоказной нравственности пробуждаются, и тогда начинаются внутренняя мучительнѣйшая борьба и страданія, рѣдко кончающіяся побѣдой нравственнаго чувства. Человѣкъ чувствуетъ, что жизнь его дурна, что ему надо измѣнить ее всю съ самаго начала, и онъ пытается это сдѣлать; но тутъ люди, прошедшіе ту же борьбу и не выдержавшіе ея, со всѣхъ сторонъ нападаютъ на пытающагося измѣнить свою жизнь и стараются всѣми средствами внушить ему, что этого вовсе и не нужно, что воздержаніе и самоотреченіе не нужны для того, чтобы быть добрымъ, что можно, предаваясь объяденію, наряжанію, физической праздности, даже блуду, быть вполнѣ хорошимъ, полезнымъ человѣкомъ. И борьба большею частью кончается плачевно. Либо измученный своею слабостью человѣкъ подчиняется этому общему голосу и подавляетъ въ себѣ голосъ совѣсти, кривитъ свой умъ, чтобы оправдать себя, и продолжаетъ вести ту же развратную жизнь, увѣряя себя въ томъ, что онъ выкупаетъ ее вѣрой во внѣшнее христіанство или служеніемъ наукѣ, искусству; либо борется, страдаетъ и сходитъ съ ума или застрѣливается. Рѣдко бываетъ то, чтобы среди всѣхъ соблазновъ, окружающихъ его, человѣкъ нашего

міра понялъ то, что есть и было тысячелѣтія тому назадъ азбучной истиной для всѣхъ разумныхъ людей, именно то, что для достиженія доброй жизни надо прежде всего перестать жить дурной жизнью и что для достиженія какихъ-либо высшихъ добродѣтелей надо прежде всего пріобрѣсть добродѣтель воздержанія или самообладанія, какъ опредѣляли ее язычники, или добродѣтель самоотреченія, какъ опредѣляетъ ее христіанство,— и сталъ бы понемногу усиліями надъ собою достигать ея.

VI.

Я только что читалъ письма нашего высокообразованнаго передового человѣка сороковыхъ годовъ, изгнанника Огарева, къ другому еще болѣе высокообразованному и даровитому человѣку — Герцену. Въ письмахъ этихъ Огаревъ высказываетъ свои задушевныя мысли, выставляетъ свои высшія стремленія, и нельзя не видѣть, что онъ, какъ это и свойственно молодому человѣку, отчасти рисуется передъ своимъ другомъ. Онъ говоритъ о самосовершенствованіи, о святой дружбѣ, любви, о служеніи наукѣ, человѣчеству и т. д. И тутъ же спокойнымъ тономъ онъ пишетъ, что часто раздражаетъ пріятеля, съ которымъ живетъ, тѣмъ, что, какъ онъ пишетъ: «возвращаюсь (домой) въ нетрезвомъ видѣ или пропадаю долгіе часы съ погибшимъ, но милымъ созданіемъ»... Очевидно, замѣчательно сердечный, даровитый, образованный человѣкъ не могъ даже представить себѣ, чтобы было что-нибудь хоть сколько-нибудь предосудительнаго въ томъ, чтобы онъ, женатый человѣкъ, ожидая родовъ жены (въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ, что жена его родила), возвращался домой пьяный, пропадая у распутныхъ женщинъ. Ему въ голову не приходило, что пока онъ не началъ бороться и хоть сколько-нибудь не поборолъ своего поползновенія къ пьянству и блуду, ему о дружбѣ, любви, а главное — о служеніи чему бы то ни было и думать нельзя. А онъ не только не боролся съ этими пороками, но, очевидно, считалъ ихъ чѣмъ-то очень милымъ, нисколько не мѣшающимъ стремленію къ совершенствованію, а потому не только не скрывалъ ихъ отъ своего друга, передъ которымъ онъ хочетъ выставиться въ лучшемъ свѣтѣ, но прямо выставлялъ ихъ.

Такъ это было полстолѣтія тому назадъ. Я засталъ еще этихъ людей. Я зналъ самого Огарева и Герцена, и людей того склада, и людей, воспитанныхъ въ тѣхъ же преданіяхъ. Во всѣхъ этихъ людяхъ было поразительное отсутствіе послѣдовательности въ дѣлахъ жизни. Въ нихъ были искреннее горячее желаніе добра

и полнѣйшая распущенность личной похоти, которая, казалось имъ, не можетъ мѣшать доброй жизни и произведенію ими добрыхъ и даже великихъ дѣлъ. Они сажали немѣшанные хлѣбы въ нетопленную печь и вѣрили, что хлѣбы испекутся. Когда же, подъ старость, они стали замѣчать, что хлѣбы не пекутся, т.-е. что никакого добра отъ ихъ жизни не совершается, они видѣли въ этомъ особенный трагизмъ.

Трагизмъ такой жизни дѣйствительно ужасенъ. И трагизмъ этотъ, каковъ онъ былъ въ тѣ времена для Герцена, Огарева и другихъ, таковъ онъ и теперь для многихъ и многихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей нашего времени, удержавшихъ тѣ же взгляды. Человѣкъ стремится жить доброю жизнью, но та необходимая послѣдовательность, которая нужна для этого, потеряна въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ. Какъ 50 лѣтъ тому назадъ Огаревъ и Герценъ, такъ и большинство теперешнихъ людей убѣждены, что вести изнѣженную жизнь, ѣсть сладко, жирно, наслаждаться, всячески удовлетворять своей похоти не мѣшаетъ доброй жизни. Но, очевидно, добрая жизнь не выходитъ у нихъ, и они предаются пессимизму и говорятъ: «таково трагическое положеніе человѣка».

VII.

Заблужденіе въ томъ, что люди, предаваясь своимъ похотямъ, считая эту похотливую жизнь хорошею, могутъ при этомъ вести добрую, полезную, справедливую, любовную жизнь, такъ удивительно, что люди послѣдующихъ поколѣній, я думаю, прямо не будутъ понимать, что именно разумѣли люди нашего времени подъ словами «добрая жизнь», когда они говорили, что обжоры, изнѣженные, похотливые вели добрую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только на время отрѣшиться отъ привычнаго взгляда на нашу жизнь и посмотрѣть на нее не говорю съ точки зрѣнія христіанской, но съ точки зрѣнія языческой, съ точки зрѣнія самыхъ низшихъ требованій справедливости, чтобы убѣдиться, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой доброй жизни.

Всякому человѣку въ нашемъ мірѣ, для того чтобы не скажу начать добрую жизнь, но только начать хоть немного подвигаться къ ней, надо прежде всего перестать вести злую жизнь, надо начать разрушать тѣ условія злой жизни, въ которой онъ находится.

Какъ часто слышишь, какъ оправданіе того, что мы не измѣняемъ нашей дурной жизни, разсужденіе о томъ, что посту-

покъ, идущій въ разрѣзъ съ обычной жизнью, былъ бы ненатуральнымъ, былъ бы смѣшнымъ или желаніемъ высказаться и былъ бы оттого недобрымъ поступкомъ. Разсужденіе это какъ будто сдѣлано для того, чтобы люди никогда не измѣнили своей дурной жизни. Вѣдь если бы вся жизнь наша была хорошею, справедливою, доброю, то вѣдь только тогда всякій поступокъ, согласный съ общею жизнью, былъ бы добрый. Если же жизнь наполовину хорошая, наполовину дурная, то для всякаго поступка, несогласнаго съ общей жизнью, столько же вѣроятія быть хорошимъ, сколько и дурнымъ. Если же жизнь вся дурная, неправильная, то человѣку, живущему этой жизнью, нельзя сдѣлать ни одного добраго поступка, не нарушивъ привычнаго теченія жизни. Можно сдѣлать дурной поступокъ, не нарушивъ обычнаго теченія жизни, но нельзя сдѣлать хорошаго.

Человѣку, живущему нашей жизнью, нельзя вести добрую жизнь, прежде чѣмъ онъ не выйдетъ изъ тѣхъ условій зла, въ которыхъ онъ находится; нельзя начать дѣлать доброе, не переставъ дѣлать злое. Невозможно роскошно живущему человѣку вести добрую жизнь. Всѣ его попытки добрыхъ дѣлъ будутъ тщетны, пока онъ не измѣнитъ своей жизни, не сдѣлаетъ то первое по порядку дѣло, которое ему предстоитъ сдѣлать. Добрая жизнь, какъ по языческому міровоззрѣнію, такъ тѣмъ болѣе по христіанскому, измѣряется однимъ и не можетъ измѣряться не чѣмъ инымъ, какъ только отношеніемъ въ математическомъ смыслѣ любви къ себѣ въ любви къ другимъ. Чѣмъ меньше любви къ себѣ и вытекающей изъ нея заботы о себѣ, трудовъ и требованій отъ другихъ для себя, и чѣмъ больше любви къ другимъ и вытекающей изъ нея заботы о другихъ, трудовъ своихъ для другихъ, тѣмъ добрѣе жизнь.

Такъ понимали и понимаютъ добрую жизнь всѣ мудрецы міра и всѣ истинные христіане и точно такъ же понимаютъ ее всѣ самые простые люди. Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже.

Если передвинуть точку опоры рычага отъ длиннаго конца къ короткому, то этимъ не только не увеличится длинное плечо, но укоротится еще и короткое. Такъ что, если человѣкъ, имѣя одну данную способность любви, увеличилъ любовь и заботу о себѣ, то этимъ онъ уменьшилъ возможность любви и заботы о другихъ не только на то количество любви, которое онъ перенесъ на себя, но во много разъ больше. Вмѣсто того, чтобы кормить другихъ, человѣкъ, съѣлъ лишнее, и этимъ не только умень-

шилъ возможность отдать это лишнее, но еще себя лишилъ вслѣдствіе объяденія возможности заботиться о другихъ.

Для того, чтобы точно, не на словахъ быть въ состояніи любить другихъ, надо не любить себя — тоже не на словахъ, а на дѣлѣ. Обыкновенно же бываетъ такъ: другихъ мы думаемъ что любимъ, увѣряемъ въ этомъ себя и другихъ, но любимъ только на словахъ, себя же любимъ на дѣлѣ. Другихъ мы забудемъ покормить и уложить спать, себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить другихъ на дѣлѣ, надо выучиться не любить себя на дѣлѣ, выучиться забывать покормить себя и уложить себя спать, такъ же какъ мы забываемъ это сдѣлать относительно другихъ.

Мы говоримъ «добрый человѣкъ» и «ведетъ добрую жизнь» про человѣка изнѣженнаго, привыкшаго къ роскошной жизни. Но человѣкъ такой — мужчина или женщина — можетъ имѣть самыя любезныя черты характера, кротости, благодушія, но не можетъ вести добрую жизнь, какъ не можетъ быть острымъ и рѣзать самой хорошей работы и стали ножъ, если онъ не наточенъ. Быть добрымъ и вести добрую жизнь значитъ давать другимъ больше, чѣмъ берешь отъ нихъ. Человѣкъ же изнѣженный и привыкшій къ роскошной жизни не можетъ этого дѣлать, во-первыхъ, потому, что ему самому всегда много нужно (и нужно не по эгоизму его, а потому, что онъ привыкъ и для него составляетъ страданіе лишиться того, къ чему онъ привыкъ), а во-вторыхъ, потому, что, потребляя все то, что онъ получаетъ отъ другихъ, онъ этимъ самымъ потребленіемъ ослабляетъ себя, лишаетъ себя возможности работать и потому служить другимъ. Человѣкъ изнѣженный, мягко, долго спящій, жирно, сладко и много ѣдящій и пьющій, соотвѣтственно тепло или прохладно одѣтый, не пріучившій себя къ напряженію работы, можетъ сдѣлать только очень мало.

Мы такъ привыкли лгать сами себѣ и ко лжи другихъ, такъ выгодно намъ не видѣть лжи другихъ, чтобы они не увидали нашей, что мы нисколько не удивляемся и не сомнѣваемся въ справедливости утвержденія добродѣтели, иногда даже святости людей, живущихъ вполнѣ распущенной жизнью. Человѣкъ, мужчина или женщина, спитъ на постели съ пружинами, двумя матрацами и двумя чистыми глажеными простынями, наволочками на пуховыхъ подушкахъ. У кровати его коврикъ, чтобы ему не холодно было ступить на полъ, несмотря на то, что тутъ же стоятъ туфли. Тутъ же еще необходимыя принадлежности, такъ что ему не надо выходить. Окна завѣшены шторами, такъ что свѣтъ не можетъ разбудить его, и онъ спитъ, до какого ему

поспится часа. Кромѣ того, приняты мѣры, чтобы зимой было тепло, а лѣтомъ прохладно, чтобы его не тревожили шумъ и мухи, и другія насѣкомыя. Онъ спитъ, а вода горячая и холодная для умыванія, иногда для ванны или для бритья уже готова. Готовится и чай или кофе, возбудительные напитки, которые выпиваются тотчасъ же послѣ вставанія. Сапоги, башмаки, калоши, нѣсколько паръ, которые онъ запачкалъ вчера, уже чистятся такъ, что они блестятъ, какъ стекло, и на нихъ нѣтъ ни пылинки. Такъ же чистятся разныя, заношенныя предшествующимъ днемъ, одежды, соотвѣтствующія не только зимѣ и лѣту, но веснѣ, осени, дождливой, сырой, жаркой погодѣ. Приготовляется вымытое, накрахмаленное, разутюженное чистое бѣлье съ пуговками, запонками, петельками, которыя всѣ осматриваются приставленными къ тому людьми. Если человѣкъ дѣятеленъ, онъ встаетъ рано, т.-е. въ 7 часовъ, т.-е. все-таки часа два-три послѣ тѣхъ, которые все это готовятъ для него. Кромѣ приготовленія одеждъ для дня и покрывала для ночи, есть еще одежда и обувь для времени одѣванья: халаты, туфли. И вотъ человѣкъ идетъ умываться, чиститься, чесаться, для чего употребляетъ нѣсколько сортовъ щетокъ, мылъ и большое количество воды и мыла. (Многіе англичане, и женщины особенно, гордятся почему-то тѣмъ, что они могутъ очень много вымылить мыла и вылить на себя воды.) Потомъ человѣкъ одѣвается, причесывается передъ особымъ отъ тѣхъ, которыя висятъ почти во всѣхъ комнатахъ, зеркаломъ, беретъ необходимыя ему вещи, какъ-то: большею частью очки или пенснэ, лорнетъ, потомъ раскладываетъ по карманамъ: платокъ чистый, чтобы сморкаться, часы на цѣпочкѣ, несмотря на то, что вездѣ, гдѣ онъ будетъ, почти въ каждой комнатѣ есть часы; беретъ деньги разныхъ сортовъ, мелкія (часто въ особой для того машинкѣ, избавляющей отъ труда найти то, что нужно) и бумажки, карточки, на которыхъ напечатано его имя, избавляющія отъ труда сказать или написать, книжку бѣлую, карандашъ. Для женщины одѣванье еще много сложнѣе: корсетъ, прическа, длинные волосы, украшенія, тесемочки, ластики, ленточки, завязочки, шпильки, булавки, брошки.

Но вотъ все кончено, начинается день обыкновенно ѣдой, пьется приготовленный кофе или чай съ большимъ количествомъ сахара, ѣдятъ булки; хлѣбъ перваго сорта пшеничной муки съ большимъ количествомъ масла, иногда свиного мяса. Мужчины большею частью при этомъ курятъ папиросы или сигары и затѣмъ читаютъ газету свѣжую, только что принесенную. Потомъ хожденіе изъ дома на службу или по дѣламъ, или ѣзда

въ экипажахъ, нарочно существующихъ для перевозки этихъ людей. Потомъ завтракъ изъ убитыхъ животныхъ, птицъ, рыбъ, потомъ обѣдъ такой же, — при большей скромности изъ трехъ блюдъ,—сладкое блюдо, кофе, потомъ игра—карты, и игра—музыка, или театръ, чтеніе или бесѣда въ мягкихъ пружинныхъ креслахъ при усиленномъ или смягченномъ свѣтѣ свѣчи, газа, электричества, опять чай, опять ѣда, ужинъ и опять въ постель, приготовленную, взбитую, съ чистымъ бѣльемъ и съ очищенной посудой.

Таковъ день человѣка скромной жизни, про котораго, если онъ мягкаго характера и не имѣетъ исключительно непріятныхъ для другихъ привычекъ, говорятъ, что это человѣкъ, ведущій добрую жизнь.

Но добрая жизнь есть жизнь того человѣка, который дѣлаетъ добро людямъ; какъ же можетъ дѣлать добро людямъ человѣкъ, живущій такъ и привыкшій жить такъ? Вѣдь прежде, чѣмъ дѣлать добро, онъ долженъ перестать дѣлать зло людямъ. А сочтите все то зло, которое онъ, часто самъ не зная этого, дѣлаетъ людямъ, и вы увидите, что ему далеко до добра людямъ, и много-много ему надо совершить подвиговъ для того, чтобы искупить дѣлаемое имъ зло, а что подвиговъ - то онъ, разслабленный своей похотливой жизнью, никакихъ производить и не можетъ. Вѣдь спать онъ могъ бы и здоровѣй и физически и нравственно, лежа на полу на плащѣ, какъ спалъ Маркъ Аврелій, и потому всѣ труды и работы матрацевъ и пружинъ, и пуховыхъ подушекъ, и ежедневной работы прачки, женщины, слабаго существа, со своими женскими слабостями — и родами и кормленіемъ дѣтей, полоскающей его, сильнаго мужчины, бѣлье, — всѣ эти труды могли бы не быть. Онъ могъ бы лечь раньше и встать раньше, и труды гардинъ и освѣщенія вечеромъ могли бы тоже не быть. Могъ бы онъ спать въ той же рубахѣ, въ которой ходилъ днемъ, могъ бы ступать босыми ногами на полъ и выйти на дворъ, могъ бы умыться водой у колодца, — однимъ словомъ, могъ бы жить такъ, какъ живутъ всѣ тѣ, которые работаютъ все это на него, и потому всѣхъ этихъ трудовъ на него могло бы не быть. Могло бы не быть и всѣхъ тѣхъ трудовъ для его одеждъ, для его утонченной пищи, для его увеселеній.

Такъ какъ же такому человѣку дѣлать добро людямъ и вести добрую жизнь, не измѣнивъ свою изнѣженную, роскошную жизнь. И потому не можетъ нравственный человѣкъ, не говорю христіанинъ, но только исповѣдующій гуманность или хоть только справедливость, не можетъ не желать измѣнить своей

жизни и не перестать пользоваться предметами роскоши, изготовляемыми иногда съ вредомъ для другихъ людей.

Если человѣкъ точно жалѣетъ людей, работающихъ табакъ, то первое, что онъ невольно сдѣлаетъ, это то, что онъ перестанетъ курить, потому что, продолжая курить и покупая табакъ, онъ этимъ поощряетъ производство табаку, губящее здоровье людей.

Но люди нашего времени разсуждаютъ не такъ. Они придумываютъ самыя разнообразныя и хитрыя разсужденія, но только не то, которое естественно представляется всякому простому человѣку. По ихъ разсужденіямъ, воздерживаться отъ предметовъ роскоши совсѣмъ не нужно. Можно соболѣзновать положенію рабочихъ, говорить рѣчи и писать книги въ ихъ пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать пользоваться тѣми трудами, которые мы считаемъ для нихъ губительными.

По однимъ разсужденіямъ выходитъ, что пользоваться губительными трудами другихъ людей можно потому, что если я не буду пользоваться, то будетъ пользоваться другой. Въ родѣ того разсужденія, что надо выпить вредное мнѣ вино, потому что оно куплено, и если не я, то другіе выпьютъ его.

По другимъ выходитъ, что пользованіе для роскоши трудами рабочихъ даже очень полезно для нихъ, такъ какъ этимъ мы даемъ имъ деньги, т.-е. возможность существованія, точно какъ будто нельзя давать имъ возможность существованія не чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, чтобы заставлять ихъ работать вредныя для нихъ и излишнія для насъ вещи.

Все это происходитъ оттого, что люди вообразили себѣ, что можно вести добрую жизнь, не усвоивъ по порядку первое свойство, нужное для доброй жизни.

И первое свойство это есть воздержаніе.

VIII.

Доброй жизни не было бы и не можетъ быть безъ воздержанія. Помимо воздержанія немыслима никакая добрая жизнь. Всякое достиженіе доброй жизни должно начаться черезъ него.

Есть лѣстница добродѣтелей, и надо начинать съ первой ступени, чтобы взойти на послѣдующія; и первую добродѣтель, которую долженъ усвоить человѣкъ, если онъ хочетъ усвоить послѣдующія, есть то, что древніе называли благоразуміемъ или самообладаніемъ.

Если въ христіанскомъ ученіи воздержаніе включено въ понятіе самоотреченія, то тѣмъ не менѣе послѣдовательность остается та же самая, и пріобрѣтеніе никакихъ христіанскихъ

добродѣтелей невозможно безъ воздержанія — не потому, что кто-либо это выдумалъ, а потому, что таково существо дѣла.

Воздержаніе есть первая ступень всякой доброй жизни.

Но и воздержаніе достигается не вдругъ, а тоже постепенно.

Воздержаніе есть освобожденіе человѣка отъ похотей, есть покореніе ихъ благоразумію. Но похотей у человѣка много различныхъ, и для того, чтобы борьба съ ними была успѣшна, человѣкъ долженъ начинать съ основныхъ, — такихъ, на которыхъ выростаютъ другія, болѣе сложныя, а не съ сложныхъ, выросшихъ на основныхъ. Есть похоти сложныя, какъ похоть украшенія тѣла, игръ, увеселеній, болтовни, любопытства и много другихъ, и есть похоти основныя: обжорства, праздности, плотской любви. Въ борьбѣ съ похотями нельзя начинать съ конца, съ борьбы съ похотями сложными; надо начинать съ основныхъ, и то въ одномъ опредѣленномъ порядкѣ. И порядокъ этотъ опредѣленъ и сущностью дѣла, и преданіемъ мудрости человѣческой.

Объѣдающійся человѣкъ не въ состояніи бороться съ лѣнью, а объѣдающійся и праздный человѣкъ никогда не будетъ въ силахъ бороться съ половой похотью. И потому по всѣмъ ученіямъ стремленіе къ воздержанію начиналось съ борьбы съ похотью обжорства, начиналось постомъ. Въ нашемъ же мірѣ, гдѣ до такой степени потеряно, и такъ давно потеряно, всякое серьезное отношеніе къ пріобрѣтенію доброй жизни, что самая первая добродѣтель — воздержаніе, безъ которой другія невозможны, считается излишней, — потеряна и та постепенность, которая нужна для пріобрѣтенія этой первой добродѣтели, и о постѣ многими забыто и рѣшено, что постъ есть глупое суевѣріе и что постъ совсѣмъ не нуженъ

А между тѣмъ такъ же, какъ первое условіе доброй жизни есть воздержаніе, такъ и первое условіе воздержной жизни есть постъ.

Можно желать быть добрымъ, мечтать о добрѣ, не постясь; но въ дѣйствительности быть добрымъ безъ поста такъ же невозможно, какъ идти, не вставши на ноги.

Постъ есть необходимое условіе доброй жизни. Обжорство же всегда было и есть первый признакъ обратнаго—недоброй жизни, и, къ сожалѣнію, этотъ признакъ относится въ высшей степени къ жизни большинства людей нашего времени.

Взгляните на лица и сложенія людей нашего круга и времени. — на многихъ изъ этихъ лицъ съ висящими подбородками и щеками, ожирѣвшими членами и развитыми животами лежитъ неизгладимый отпечатокъ развратной жизни. Да это и не можетъ быть иначе. Присмотритесь къ нашей жизни, къ тому,

чѣмъ движимо большинство людей нашего міра; спросите себя: какой главный интересъ этого большинства? И какъ ни странно это можетъ показаться намъ, привыкшимъ скрывать наши настоящіе интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интересъ жизни большинства людей нашего времени — это удовлетвореніе вкуса, удовольствіе ѣды, жранье. Начиная съ бѣднѣйшихъ до богатѣйшихъ сословій общества, обжорство я думаю, есть главная цѣль, есть главное удовольствіе нашей жизни. Бѣдный, рабочій народъ составляетъ исключеніе только въ той мѣрѣ, въ которой нужда мѣшаетъ ему предаваться этой страсти. Какъ только у него есть время и средства къ тому, онъ, подражая высшимъ классамъ, пріобрѣтаетъ самое вкусное и сладкое, и ѣстъ и пьетъ, сколько можетъ. Чѣмъ больше онъ съѣстъ, тѣмъ больше онъ не только считаетъ себя счастливымъ, но сильнымъ и здоровымъ. И въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ его образованные люди, которые именно такъ и смотрятъ на пищу. Образованные классы представляютъ себѣ счастье и здоровье (въ чемъ увѣряютъ ихъ доктора, утверждая, что самая дорогая пища, мясо,—самая здоровая) во вкусной, питательной, легко переваримой пищѣ, хотя и стараются скрыть это.

Посмотрите на жизнь этихъ людей, послушайте ихъ разговоры. Какіе все возвышенные предметы какъ будто занимаютъ ихъ: и философія, и наука, и искусство, и поэзія, и распредѣленіе богатствъ, и благосостояніе народа, и воспитаніе юношества; но все это для огромнаго большинства—ложь, все это ихъ занимаетъ между дѣломъ, между настоящимъ дѣломъ, между завтракомъ и обѣдомъ, пока желудокъ полонъ и нельзя ѣсть еще. Интересъ одинъ живой, настоящій, интересъ большинства, и мужчинъ и женщинъ, это — ѣда, особенно послѣ первой молодости. Какъ поѣсть, что поѣсть, когда, гдѣ?

Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно освященіе, открытіе чего бы то ни было не обходились безъ ѣды.

Посмотрите на путешествующихъ людей. На нихъ это особенно видно. «Музей, библіотеки, парламентъ—какъ интересно! А гдѣ мы будемъ обѣдать? Кто лучше кормитъ?» Да взгляните только на людей, какъ они сходятся къ обѣду, разодѣтые, раздушенные, къ украшенному цвѣтами столу, какъ радостно потираютъ руки и улыбаются.

Если бы заглянуть въ души, — чего ждетъ большинство людей? Аппетита къ завтраку, къ обѣду. Въ чемъ наказаніе самое жестокое съ дѣтства? Посадить на хлѣбъ и воду. Кто получаетъ изъ мастеровыхъ наибольшее жалованье? Повара. Въ чемъ главный интересъ хозяйки дома? Къ чему въ боль-

шинствѣ случаевъ склоняется разговоръ между хозяекъ средняго круга? И если разговоръ людей высшаго круга не склоняется къ этому, то это не потому, что они болѣе образованы и заняты высшими интересами, а только потому, что у нихъ есть экономка или дворецкій, которые заняты этимъ и обезпечиваютъ ихъ обѣды. Но попробуйте лишить ихъ этого удобства, и вы увидите, въ чемъ ихъ забота. Все сводится къ вопросамъ о ѣдѣ, о цѣнѣ тетеревовъ, о наилучшихъ средствахъ варить кофе, печь сладкіе пирожки и т. д. Собираются люди вмѣстѣ, по какому бы случаю они ни собирались: для крестинъ, похоронъ, свадьбы, освященія церкви, проводовъ, встрѣчи, празднованія памятнаго дня, смерти, рожденія великаго ученаго, мыслителя, учителя нравственности, собираются люди, занятые будто бы самыми возвышенными интересами. Такъ они говорятъ; но они притворяются: всѣ они знаютъ, что будетъ ѣда, хорошая, вкусная ѣда и питье, и это главное собрало ихъ вмѣстѣ. За нѣсколько дней уже для этой самой цѣли били и рѣзали животныхъ, тащили корзины продуктовъ изъ гастрономическихъ магазиновъ, и повара, помощники ихъ, поваренки, буфетные мужики, особенно одѣтые, въ чистыхъ крахмальныхъ фартукахъ, колпакахъ, «работали». Работали получающіе 500 и больше рублей въ мѣсяцъ распорядители, отдавая приказанія. Рубили, мѣсили, мыли, укладывали, украшали повара. Еще съ такимъ же торжествомъ и важностью работалъ такой же начальникъ сервировки, считая, обдумывая, прикидывая взглядомъ, какъ художникъ. Работалъ садовникъ для цвѣтовъ. Судомойки... Работаетъ армія людей, поглощаются произведенія тысячъ рабочихъ дней, и все для того, чтобы людямъ, собравшись, поговорить о памятномъ великомъ учителѣ науки, нравственности, или вспомнить умершаго друга, или напутствовать молодыхъ супруговъ, вступающихъ въ новую жизнь.

Въ низшемъ и среднемъ быту ясно видно, что праздникъ, похороны, свадьба — это жранье. Такъ тамъ и понимаютъ это дѣло. Жранье такъ заступаетъ мѣсто самаго мотива соединенія, что по-гречески и по-французски свадьба и пиръ однозначащи. Но въ высшемъ кругу, среди утонченныхъ людей, употребляется большое искусство для того, чтобы скрыть это и дѣлать видъ, что ѣда есть дѣло второстепенное, что это такъ только приличіе. Они и удобно могутъ представлять это, потому что большею частью въ настоящемъ смыслѣ слова пресыщены — никогда не голодны.

Они притворяются, что обѣдъ, ѣда имъ не нужны, даже въ тягость; но это ложь. Попробуйте вмѣсто ожидаемыхъ ими утонченныхъ блюдъ дать имъ, не говорю хлѣба съ водой, но

каши и лапши, и посмотрите, какую бурю это вызоветъ, и какъ окажется то, что дѣйствительно есть, именно то, что въ собраніи этихъ людей главный интересъ не тотъ, который они выставляютъ, а интересъ ѣды.

Посмотрите на то, чѣмъ торгуютъ люди, пройдите по городу и посмотрите, что продается: наряды и предметы для объяденія.

Въ сущности это такъ и должно быть и не можетъ быть иначе. Не думать о ѣдѣ, держать эту свою похоть въ предѣлахъ можно только тогда, когда человѣкъ покоряется необходимости ѣсть; но когда человѣкъ, только покоряясь необходимости, т.-е. полнотѣ желудка, перестаетъ ѣсть, тогда это не можетъ быть иначе. Если человѣкъ полюбилъ удовольствіе ѣды, позволилъ себѣ любить это удовольствіе, находитъ, что это удовольствіе хорошо (какъ это находитъ все огромное большинство людей нашего міра и образованные, хотя они и притворяются въ обратномъ), тогда нѣтъ предѣловъ его увеличенію, нѣтъ предѣловъ, дальше которыхъ оно бы не могло разрастись. Удовлетвореніе потребности имѣетъ предѣлы, но удовольствіе не имѣетъ ихъ. Для удовлетворенія потребности необходимо и достаточно ѣсть хлѣбъ, кашу или рисъ; для увеличенія удовольствія нѣтъ конца приправамъ и приспособленіямъ.

Хлѣбъ есть необходимая и достаточная пища (доказательство этому—милліоны людей сильныхъ, легкихъ, здоровыхъ, много работающихъ на одномъ хлѣбѣ). Но лучше хлѣбъ ѣсть съ приправой. Хорошо мочить хлѣбъ въ водѣ, наварной отъ мяса. Еще лучше положить въ эту воду овощи, и еще лучше разные овощи. Хорошо съѣсть и мясо. Но мясо лучше съѣсть не вываренное, а только зажаренное. А еще лучше съ масломъ, слегка зажаренное, и съ кровью, извѣстныя части. А къ этому еще овощи и горчицу. И запить это виномъ, лучше всего краснымъ. Ѣсть уже не хочется, но можно съѣсть еще рыбы, если приправить ее соусомъ и запить виномъ бѣлымъ. Казалось бы, больше нельзя ни жирнаго, ни вкуснаго. Но сладкое еще можно съѣсть: лѣтомъ мороженое, зимой компотъ, варенье и т. п. И вотъ обѣдъ, скромный обѣдъ. Удовольствіе этого обѣда можно еще много-много увеличить. И увеличиваютъ, и увеличенію этому нѣтъ предѣловъ: и возбуждающія аппетитъ закуски, и пирожныя, и десерты, и разныя соединенія вкусныхъ вещей, и цвѣты, и украшенія, и музыка за обѣдомъ.

И удивительная вещь, — люди, каждый день объѣдающіеся такими обѣдами, передъ которыми ничто Валтасаровъ пиръ, вызвавшій чудесную угрозу, наивно увѣрены, что они при этомъ могутъ вести нравственную жизнь.

IX.

Постъ есть необходимое условіе доброй жизни; но и въ постѣ, какъ и въ воздержаніи, является вопросъ: съ чего начинать постъ, какъ поститься, — какъ часто ѣсть, что ѣсть, чего не ѣсть? И какъ нельзя заняться серьезно никакимъ дѣломъ, не усвоивъ нужной въ немъ послѣдовательности, такъ и нельзя поститься, не зная, съ чего начать постъ, съ чего начать воздержаніе въ пищѣ.

Постъ. Да еще въ постѣ разборка, какъ и съ чего поститься. Мысль эта кажется смѣшной, дикой большинству людей.

Помню, какъ, съ гордостью за свою оригинальность, нападавшій на аскетизмъ монашества евангеликъ говорилъ мнѣ: мое христіанство не съ постомъ и лишеніями, а на бифстексахъ. Христіанство и добродѣтель вообще съ бифстексомъ!

Въ нашу жизнь въѣлось столько дикихъ, безнравственныхъ вещей, особенно въ ту низшую область перваго шага къ доброй жизни, — отношенія къ пищѣ, на которое мало кто обращалъ вниманія, — что намъ трудно даже понять дерзость и безуміе утвержденія въ наше время христіанства или добродѣтели съ бифстексомъ.

Вѣдь мы не ужасаемся передъ этимъ утвержденіемъ только потому, что надъ нами случилось то необычное дѣло, что мы смотримъ и не видимъ, слушаемъ и не слышимъ. Нѣтъ зловонія, къ которому бы человѣкъ не принюхался, нѣтъ звуковъ, къ которымъ бы не прислушался, безобразія, къ которому бы не приглядѣлся, такъ что уже не замѣчаетъ того, что поразительно для непривыкшаго человѣка. Точно то же и въ области нравственной. Христіанство и нравственность съ бифстексомъ!

На-дняхъ я былъ на бойнѣ въ нашемъ городѣ Тулѣ. Бойня у насъ построена по новому, усовершенствованному способу, какъ она устроена въ большихъ городахъ, такъ чтобы убиваемыя животныя мучились какъ можно меньше. Это было въ пятницу, за два дня до Троицы. Скотины было много.

Еще прежде, давно, читая прекрасную книгу «Этика пищи», мнѣ захотѣлось побывать на бойнѣ, съ тѣмъ чтобы самому глазами увидѣть сущность того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о вегетаріанствѣ. Но все совѣстно было, какъ всегда бываетъ совѣстно идти смотрѣть на страданія, которыя навѣрное будутъ, но которыхъ ты предотвратить не можешь, и я все откладывалъ.

Но недавно я встрѣтился на дорогѣ съ мясникомъ, который ходилъ домой и теперь возвращался въ Тулу. Онъ еще неис

кусный мясникъ, а его обязанность — колоть кинжаломъ. Я спросилъ его, не жалко ли ему убивать скотину? И какъ всегда отвѣчаютъ, онъ отвѣтилъ: «Чего же жалѣть? Вѣдь надо же». Но когда я сказалъ ему, что питаніе мясомъ не необходимо, то онъ согласился, и тогда согласился, что и жалко. «Что же дѣлать, кормиться надо, — сказалъ онъ. — Прежде *боялся* убивать. Отецъ — тотъ въ жизнь курицы не зарѣзалъ». Большинство русскихъ людей не могутъ убивать, жалѣютъ, выражая это чувство словомъ *бояться*. Онъ тоже боялся, но пересталъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что самая большая работа бываетъ по пятницамъ и продолжается до вечера.

Недавно я также разговорился съ солдатомъ-мясникомъ, и опять точно такъ же онъ былъ удивленъ моимъ утвержденіемъ о томъ, что жалко убивать, и, какъ всегда, сказалъ, что это положено; но потомъ согласился: «Особенно, когда смирная, ручная скотина. Идетъ, сердешная, вѣритъ тебѣ. Живо жалко».

Мы шли разъ изъ Москвы, и по дорогѣ насъ подвезли ломовые извозчики, ѣхавшіе изъ Серпухова въ рощу къ купцу за дровами. Былъ Чистый четвергъ. Я ѣхалъ на передней телѣгѣ съ извозчикомъ, сильнымъ, краснымъ, грубымъ, очевидно сильно пьющимъ мужикомъ. Въѣзжая въ одну деревню, мы увидали, что изъ крайняго двора тащили откормленную голую розовую свинью бить. Она визжала отчаяннымъ голосомъ, похожимъ на человѣческій крикъ. Какъ разъ въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, свинью стали рѣзать. Одинъ изъ людей полоснулъ ее по горлу ножомъ. Она завизжала еще громче и пронзительнѣй, вырвалась и побѣжала прочь, обливаясь кровью. Я близорукъ и не видѣлъ всего подробно, я видѣлъ только розовое, какъ человѣческое, тѣло свиньи и слышалъ отчаянный визгъ; но извозчикъ видѣлъ всѣ подробности и, не отрывая глазъ, смотрѣлъ туда. Свинью поймали, повалили и стали дорѣзывать. Когда визгъ ея затихъ, извозчикъ тяжело вздохнулъ. «Ужели жъ за это отвѣчать не будутъ?» проговорилъ онъ.

Такъ сильно въ людяхъ отвращеніе ко всякому убійству, но примѣромъ, поощреніемъ жадности людей, утвержденіемъ о томъ, что это разрѣшено Богомъ, и главное — привычкой, людей доводятъ до полной утраты этого естественнаго чувства.

Въ пятницу я пошелъ на бойню и, встрѣтивъ знакомаго мнѣ кроткаго, добраго человѣка, пригласилъ его съ собой.

— Да, я слышалъ, что тутъ хорошее устройство, и хотѣлъ посмотрѣть; но если тамъ бьютъ, я не войду.

— Отчего же? Я именно это-то и хочу видѣть! Если ѣсть мясо, то вѣдь надо бить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

Замѣчательно при этомъ, что этотъ человѣкъ — охотникъ и самъ убиваетъ птицъ и звѣрей.

Мы пришли. У подъѣзда уже сталъ чувствителенъ тяжелый, отвратительный, гнилой запахъ столярнаго клея или краски на клею. Чѣмъ дальше подходили мы, тѣмъ сильнѣе былъ этотъ запахъ. Строеніе — красное, кирпичное, очень большое, со сводами и высокими трубами. Мы вошли въ ворота. Направо былъ большой, въ $1^1/_4$ десятины, огороженный дворъ—это площадка, на которую два дня въ недѣлю пригоняютъ продажную скотину, — и на краю этого пространства домикъ дворника; налѣво были, какъ они называютъ, каморы, т.-е. комнаты съ круглыми воротами, съ асфальтовымъ вогнутымъ поломъ и съ приспособленіемъ для подвѣшиванія и перемѣщенія тушъ. У стѣны домика, направо, на лавочкѣ сидѣло человѣкъ шесть мясниковъ въ фартукахъ, залитыхъ кровью, съ засученными, забрызганными рукавами на мускулистыхъ рукахъ. Они съ полчаса какъ кончили работу, такъ что въ этотъ день мы могли видѣть только пустыя каморы. Несмотря на открытыя съ двухъ сторонъ ворота, въ каморѣ былъ тяжелый запахъ теплой крови, полъ былъ весь коричневый, глянцевитый, и въ углубленіяхъ пола стояла сгущающаяся черная кровь.

Одинъ изъ мясниковъ разсказывалъ намъ, какъ бьютъ, и показалъ, то мѣсто, гдѣ это производится. Я не совсѣмъ понялъ его и составилъ себѣ ложное, но очень страшное представленіе о томъ, какъ бьютъ, и думалъ, какъ это часто бываетъ, что дѣйствительность произведетъ на меня меньшее впечатлѣніе, чѣмъ воображаемое. Но въ этомъ я ошибся.

Въ слѣдующій разъ я пришелъ на бойню вó-время. Это было въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ. Былъ жаркій іюньскій день. Запахъ клея, крови былъ еще сильнѣе и замѣтнѣе утромъ, чѣмъ въ первое мое посѣщеніе. Работа была въ самомъ разгарѣ. Вся пыльная площадка была полна скота, и скотъ былъ загнанъ во всѣ загоны около каморъ.

У подъѣзда на улицѣ стояли телѣги съ привязанными къ грядкамъ и оглоблямъ быками, телками, коровами. Полки, запряженные хорошими лошадьми, съ наваленными живыми, болтающими свѣсившимися головами, телятами подъѣзжали и разгружались; и такіе же полки съ торчащими и качающимися ногами тушъ быковъ, съ ихъ головами, ярко-красными легкими и бурыми печенками отъѣзжали отъ бойни. У забора стояли верховыя лошади гуртовщиковъ. Сами гуртовщики-торговцы въ своихъ длинныхъ сюртукахъ, съ плетями и кнутами въ рукахъ

ходили по двору, или замѣчая мазками дегтя скотину одного хозяина, или торгуясь или руководя переводомъ воловъ и быковъ съ площади въ тѣ загоны, изъ которыхъ скотина поступала въ самыя каморы. Люди эти, очевидно, были всѣ поглощены денежными оборотами, расчетами, и мысль о томъ, что хорошо или нехорошо убивать этихъ животныхъ, была отъ нихъ такъ же далека, какъ мысль о томъ, каковъ химическій составъ той крови, которой былъ залитъ полъ каморы.

Мясниковъ никого не видно было на дворѣ, всѣ были въ каморахъ, работая. Въ этотъ день было убито около ста штукъ быковъ. Я вошелъ въ камору и остановился у двери. Остановился я и потому, что въ каморѣ было тѣсно отъ передвигаемыхъ тушъ, и потому, что кровь текла внизу и капала сверху, и всѣ мясники, находившіеся тутъ, были измазаны ею, и, войдя въ середину, я непремѣнно измазался бы кровью. Одну подвѣшенную тушу снимали, другую переводили къ двери, третья — убитый волъ — лежала бѣлыми ногами кверху, и мясникъ сильнымъ кулакомъ подпарывалъ растянутую шкуру.

Изъ противоположной двери той, у которой я стоялъ, въ это же время вводили большого краснаго сытаго вола. Двое тянули его. И не успѣли они ввести его, какъ я увидалъ, что одинъ мясникъ занесъ кинжалъ надъ его шеей и ударилъ. Волъ, какъ будто ему сразу подбили всѣ четыре ноги, грохнулся на брюхо, тотчасъ же перевалился на одинъ бокъ и забился ногами и всѣмъ задомъ. Тотчасъ же одинъ мясникъ навалился на передъ быка съ противоположной стороны его бьющихся ногъ, ухватилъ его за рога, пригнулъ ему голову къ землѣ, и другой мясникъ ножомъ разрѣзалъ ему горло, и изъ-подъ головы хлынула черно-красная кровь, подъ потокъ которой измазанный мальчикъ подставилъ жестяной тазъ. Все время, пока это дѣлали, волъ не переставая дергался головой, какъ бы стараясь подняться, и бился всѣми четырьмя ногами въ воздухѣ. Тазъ быстро наполнялся, но волъ былъ живъ и, тяжело нося животомъ, бился задними и передними ногами, такъ что мясники сторонились его. Когда одинъ тазъ наполнился, мальчикъ понесъ его на головѣ въ альбуминный заводъ, другой—подставилъ другой тазъ, и этотъ сталъ наполняться. Но волъ все такъ же носилъ животомъ и дергался задними ногами. Когда кровь перестала течь, мясникъ поднялъ голову вола и сталъ снимать съ нея шкуру. Волъ продолжалъ биться. Голова оголилась и стала красная съ бѣлыми прожилками и принимала то положеніе, которое ей давали мясники; съ обѣихъ сторонъ ея висѣла шкура. Волъ не переставалъ биться. Потомъ другой мясникъ ухватилъ быка за ногу, надломилъ ее и

отрѣзалъ. Въ животѣ и остальныхъ ногахъ еще пробѣгали содроганія. Отрѣзали и остальныя ноги и бросили ихъ туда, куда кидали ноги воловъ одного хозяина. Потомъ потащили тушу къ лебедкѣ и тамъ распяли ее, и тамъ движеній уже не было.

Такъ я смотрѣлъ изъ двери на второго, третьяго, четвертаго вола. Со всѣми было то же: такъ же снятая голова съ закушеннымъ языкомъ и бьющимся задомъ. Разница была только въ томъ, что не всегда сразу попадалъ боецъ въ мѣсто, въ то мѣсто, отъ котораго волъ падалъ. Бывало то, что мясникъ промахивался, и волъ вскидывался, ревѣлъ и, обливаясь кровью, рвался изъ рукъ. Но тогда его притягивали подъ брусъ, ударяли другой разъ, и онъ падалъ.

Я зашелъ потомъ со стороны той двери, въ которую вводили. Тутъ я видѣлъ то же, только ближе и потому яснѣе. Я увидалъ тутъ главное то, чего я не видалъ изъ первой двери: чѣмъ заставляли входить воловъ въ эту дверь. Всякій разъ, какъ брали вола изъ загона и тянули его спереди на веревкѣ, привязанной за рога, волъ, чуя кровь, упирался, иногда ревѣлъ и пятился. Силою втащить двумъ людямъ его нельзя бы было, и потому всякій разъ одинъ изъ мясниковъ заходилъ сзади, бралъ вола за хвостъ и винтилъ хвостъ, ломая рѣпицу, такъ что хрящи трещали, и волъ подвигался.

Кончили воловъ одного хозяина, повели скотину другого. Первая скотина изъ этой партіи другого хозяина былъ не волъ, а быкъ. Породистый, красивый, черный съ бѣлыми отмѣтинами и ногами, — молодое, мускулистое, энергическое животное. Его потянули; онъ опустилъ голову книзу и уперся рѣшительно. Но шедшій сзади мясникъ, какъ машинистъ берется за ручку свистка, взялся за хвостъ, перекрутилъ его, хрящи хрустнули, и быкъ рванулся впередъ, сбивая тащившихъ за веревку людей, и опять уперся, косясь чернымъ, залившимся въ бѣлкѣ кровью глазомъ. Но опять хвостъ затрещалъ, и быкъ рванулся и уже былъ тамъ, гдѣ и нужно было. Боецъ подошелъ, прицѣлился и ударилъ. Ударъ не попалъ въ мѣсто. Быкъ подпрыгнулъ, замоталъ головой, заревѣлъ и, весь въ крови, вырвался и бросился назадъ. Весь народъ въ дверяхъ шарахнулся. Но привычные мясники съ молодцеватостью, выработанной опасностью, живо ухватили веревку, опять хвостъ, и опять быкъ очутился въ каморѣ, гдѣ его притянули головой подъ брусъ, изъ-подъ котораго онъ уже не вырвался. Боецъ примѣрился живо въ то мѣстечко, гдѣ расходятся звѣздой волосы, и, несмотря на кровь, нашелъ его, ударилъ, и прекрасная, полная жизни скотина

рухнулась и забилась головой, ногами, пока ей выпускали кровь и свѣжевали голову.

— Вишь, проклятый чортъ, и упалъ-то не куда надо! — ворчалъ мясникъ, разрѣзая ему кожу головы.

Черезъ пять минутъ торчала уже красная, вмѣсто черной, голова безъ кожи, съ стеклянно-остановившимися глазами, такимъ красивымъ цвѣтомъ блестѣвшими за пять минутъ тому назадъ. Потомъ я пошелъ въ то отдѣленіе, гдѣ рѣжутъ мелкій скотъ. Очень большая камора, длинная, съ асфальтовымъ поломъ и со столами со спинками, на которыхъ рѣжутъ овецъ и телятъ. Здѣсь уже кончилась работа; въ длинной каморѣ, пропитанной запахомъ крови, было только два мясника. Одинъ надувалъ въ ногу уже убитаго барана и похлопывалъ его ладонью по раздутому животу; другой, молодой малый въ забрызганномъ кровью фартукѣ, курилъ папироску загнутую. Больше никого не было въ мрачной, длинной, пропитанной тяжелымъ запахомъ каморѣ. Вслѣдъ за мной пришелъ по виду отставной солдатъ и принесъ связаннаго по ногамъ чернаго, съ отмѣтиной на шеѣ молодого нынѣшняго баранчика и положилъ на одинъ изъ столовъ, точно на постель. Солдатъ, очевидно знакомый, поздоровался, завелъ рѣчь о томъ, когда отпускаетъ хозяинъ. Малый съ папироской подошелъ съ ножомъ, поправилъ его на краю стола и отвѣчалъ, что по праздникамъ. Живой баранъ такъ же тихо лежалъ, какъ и мертвый, надутый, только быстро помахивалъ коротенькимъ хвостикомъ и чаще, чѣмъ обыкновенно, носилъ боками. Солдатъ слегка, безъ усилія, придержалъ его подымающуюся голову; малый, продолжая разговоръ, взялъ лѣвой рукой за голову барана и рѣзанулъ его по горлу. Баранъ затрепыхался, и хвостикъ напружился и пересталъ махаться. Малый, дожидаясь, пока вытечетъ кровь, сталъ раскуривать потухшую папироску. Полилась кровь, и баранъ сталъ дергаться. Разговоръ продолжался безъ малѣйшаго перерыва. А тѣ куры, цыплята, которые каждый день въ тысячахъ кухонь, съ срѣзанными головами, обливаясь кровью, комично, страшно прыгаютъ, вскидывая крыльями!

И смотришь, нѣжная, утонченная барыня будетъ пожирать трупы этихъ животныхъ съ полной увѣренностью въ своей правотѣ, утверждая два взаимно-исключающія другъ друга положенія.

Первое, что она, въ чемъ увѣряетъ ее ея докторъ, такъ деликатна, что не можетъ переносить одной растительной пищи, а что для ея слабаго организма ей необходима пища мясная, и второе, что она такъ чувствительна, что не можетъ не только сама причинять страданія животнымъ, но переносить и вида ихъ.

А между тѣмъ слаба-то она эта бѣдная барыня, только именно потому, что ее пріучили питаться несвойственной человѣку пищей; не причинять же страданій животнымъ она не можетъ потому, что пожираетъ ихъ.

X.

Нельзя притворяться, что мы не знаемъ этого. Мы не страусы и не можемъ вѣрить тому, что если мы не будемъ смотрѣть, то не будетъ того, чего мы не хотимъ видѣть. Тѣмъ болѣе этого нельзя, когда мы не хотимъ видѣть того самаго, что мы хотимъ ѣсть. И главное, если бы это было необходимо. Но, положимъ, не необходимо, но на что-нибудь нужно? — Ни на что [1]). Только на то, чтобы воспитывать звѣрскія чувства, разводить похоть, блудъ, пьянство. Что и подтверждается постоянно тѣмъ, что молодые, добрые, неиспорченные люди, особенно женщины и дѣвушки, чувствуютъ, не зная, какъ одно вытекаетъ изъ другого, что добродѣтель не совмѣстима съ бифстексомъ, и какъ только пожелаютъ быть добрыми, — бросаютъ мясную пищу.

Что же я хочу сказать? То, что людямъ для того, чтобы быть нравственными, надо перестать ѣсть мясо? Совсѣмъ нѣтъ.

Я хотѣлъ сказать только то, что для доброй жизни необходимъ извѣстный порядокъ добрыхъ поступковъ; что если стремленіе къ доброй жизни серьезно въ человѣкѣ, то оно неизбѣжно приметъ одинъ извѣстный порядокъ, и что въ этомъ порядкѣ первою добродѣтелью, надъ которой будетъ работать человѣкъ, будетъ воздержаніе, самообладаніе. Стремясь же къ воздержанію, человѣкъ неизбѣжно будетъ слѣдовать тоже одному извѣстному порядку, и въ этомъ порядкѣ первымъ предметомъ будетъ воздержаніе въ пищѣ, будетъ постъ. Постясь же, если онъ серьезно и искренно ищетъ доброй жизни, — первое, отъ чего будетъ воздерживаться человѣкъ, будетъ всегда употребленіе животной пищи, потому что, не говоря о возбужденіи страстей, производимомъ этой пищей, употребленіе ея прямо безнравственно, такъ какъ требуетъ противнаго нравственному чувству поступка — убійства — и вызывается только жадностью, желаніемъ лакомства.

---

[1]) Тѣ, которые сомнѣваются въ этомъ, пусть прочтутъ тѣ многочисленныя, составленныя учеными и врачами, книги объ этомъ предметѣ, въ которыхъ доказывается, что мясо не нужно для питанія человѣка. И пусть не слушаютъ тѣхъ старозавѣтныхъ врачей, которые отстаиваютъ необходимость питанія мясомъ только потому, что это признавали очень долго ихъ предшественники и они сами,—отстаиваютъ съ упорствомъ, съ недоброжелательностью, какъ отстаиваютъ всегда все старое, отживающее.

Почему именно воздержаніе отъ животной пищи будетъ первымъ дѣломъ поста и нравственной жизни, превосходно сказано, и не однимъ человѣкомъ, а всѣмъ человѣчествомъ въ лицѣ наилучшихъ представителей его въ продолженіе всей сознательной жизни человѣчества.

Но почему, если незаконность, т.-е. безнравственность, животной пищи такъ давно извѣстна человѣчеству, люди до сихъ поръ не пришли къ сознанію этого закона? спросятъ люди, которымъ свойственно руководиться не столько своимъ разумомъ, сколько общимъ мнѣніемъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что все нравственное движеніе человѣчества, составляющее основу всякаго движенія, совершается всегда медленно; но что признакъ настоящаго движенія, не случайнаго, есть его безостановочность и постоянное его ускореніе.

И таково движеніе вегетаріанства. Движеніе это выражено и во всѣхъ мысляхъ тѣхъ писателей, которые приведены въ книгѣ «Этика пищи», и въ самой жизни человѣчества, все больше и больше переходящаго безсознательно отъ мясоеденія къ растительной пищѣ, и сознательно—въ проявившемся съ особенной силой и принимающемъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры движеніи вегетаріанства. Движеніе это идетъ послѣднія 10 лѣтъ все убыстряясь и убыстряясь: все больше и больше съ каждымъ годомъ является книгъ и журналовъ, издающихся по этому предмету; все больше и больше встрѣчается людей, отказывающихся отъ мясной пищи; и за границею съ каждымъ годомъ, особенно въ Германіи, Англіи и Америкѣ, увеличивается число вегетаріанскихъ гостиницъ и трактировъ.

Движеніе это должно быть особенно радостно для людей, живущихъ стремленіемъ къ осуществленію царства Божія на землѣ, не потому, что само вегетаріанство есть важный шагъ къ этому царству (всѣ истинные шаги и важны и не важны), а потому, что оно служитъ признакомъ того, что стремленіе къ нравственному совершенствованію человѣка серьезно и искренно, такъ какъ оно приняло свойственный ему одинъ неизмѣнный порядокъ, начинающійся съ первой ступени.

Нельзя не радоваться этому такъ же, какъ не могли бы не радоваться люди, стремившіеся войти на верхъ дома и прежде безпорядочно и тщетно лѣзшіе съ разныхъ сторонъ прямо на стѣны, когда бы они стали сходиться наконецъ къ первой ступени лѣстницы и всѣ бы тѣснились у нея, зная, что хода наверхъ не можетъ быть помимо этой первой ступени лѣстницы.

1891 г.

Примѣчанія къ XIII тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Главную часть этого тома составляетъ капитальное произведеніе Л. Н-ча, названное имъ: *Такъ что же намъ дѣлать?* Вслѣдствіе цензурныхъ условій, а также и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, сочиненіе это претерпѣло цѣлый рядъ измѣненій и искаженій, и нужно знать исторію написанія его, чтобы быть въ состояніи возстановить дѣйствительный текстъ его. Л. Н-чъ писалъ его въ нѣсколько пріемовъ. Первая часть его была написана въ 1884 году и должна была появиться въ первой книжкѣ «Русской Мысли» 1885 года. Л. Н-чъ написалъ тогда и закончилъ 15 главъ. Предполагая продолжать это сочиненіе, онъ кончаетъ его въ «Русской Мысли» такими словами: «Такъ что же дѣлать? На этотъ вопросъ, если кому-нибудь нуженъ еще отвѣтъ на него, я отвѣчу подробно, если Богъ позволитъ». Эти 15 главъ были конфискованы, вырѣзаны изъ книжки «Русской Мысли» и уничтожены. Это, конечно, не остановило Л. Н-ча и онъ продолжалъ писать дальше. Вскорѣ имъ были написаны 16, 17, 18, 19 и 20 главы. Первыя 15 главъ, печатавшіяся и конфискованныя въ «Русской Мысли», и написанныя послѣ Л. Н-чемъ 16 — 20 главы стали распространяться въ многочисленныхъ рукописяхъ, гектографіяхъ и литографіяхъ, какъ отдѣльныя произведенія Л. Н-ча Толстого. При чемъ сначала онѣ распространялись съ даннымъ авторомъ всему сочиненію заглавіемъ: «Такъ что же намъ дѣлать?», а потомъ, по предложенію В. Г. Черткова и съ согласія автора, этой первой части было дано заглавіе «Какова моя жизнь», такъ какъ въ этой части заключалась только критика жизни того класса людей, къ которому принадлежалъ авторъ, а отвѣта на поставленный вопросъ не давалось. Съ этимъ заглавіемъ эта первая часть была издана по-русски Элпидинымъ въ Женевѣ. Такъ какъ Л. Н-чъ сталъ продолжать это сочиненіе и довелъ его до конца, то, конечно, заключительныя слова его къ XV главѣ, въ которыхъ Л. Н-чъ обѣщаетъ продолжить статью и подробно отвѣтить на поставленный

имъ вопросъ «что же дѣлать?» должны были быть исключены, такъ какъ обѣщаніе было имъ исполнено. Въ концѣ 16 главы Л. Н-чъ приходитъ къ заключенію, что главной причиной несостоятельности его благотворительной помощи были деньги; въ слѣдующей 17-й главѣ онъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ. Изложенные имъ взгляды на деньги въ этой главѣ показались ему настолько значительными, что онъ углубился въ изслѣдованіе этого вопроса и посвятилъ ему 5 главъ, которыми и замѣнилъ прежнюю 17-ю главу. Къ 16-й главѣ было прибавлено заключеніе, представляющее переходъ къ новымъ главамъ о деньгахъ», такого содержанія: «И я почувствовалъ, что въ деньгахъ, именно въ самыхъ деньгахъ, въ обладаніи ими есть что-то гадкое и безнравственное, что самыя деньги, и то, что я имѣю ихъ, есть одна изъ самыхъ главныхъ причинъ тѣхъ золъ, которыя я видѣлъ передъ собой; и я спросилъ себя: что такое деньги?» Такимъ образомъ прежняя 17-я глава можетъ быть разсматриваема какъ сокращенный варіантъ 5-ти главъ о деньгахъ 17, 18, 19, 20 и 21. Мы даемъ его въ приложеніи. Къ сожалѣнію, во многихъ довольно полныхъ изданіяхъ статьи «Такъ что же намъ дѣлать?» этихъ исправленій не было сдѣлано, и въ полномъ и точномъ видѣ статья эта появляется въ первый разъ и печатается нами по рукописи изъ архива Г. А. Русанова, находящагося въ Толстовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Никакихъ существенныхъ дополненій эта рукопись не представляетъ, но въ ней сдѣланы вышеуказанныя исправленія, которыми все это сочиненіе изъ нѣсколькихъ самостоятельно распространявшихся частей объединяется въ одно цѣлое.

Л. Н-чъ продолжалъ писать и, дойдя до конца 38-й главы, намѣревался закончить свое сочиненіе. Но потомъ еще написалъ 39 и 40 главу. На этотъ временный перерывъ указываетъ дата 28-го октября 1885 года, поставленная Л. Н-мъ послѣ 38-й главы и сохранившаяся въ рукописи Русанова, а также начальныя строки 39-й главы: «Я кончилъ, сказалъ все то, что касалось меня, но не могу удержаться отъ желанія сказать еще то, что касается всѣхъ, повѣрить тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, общими соображеніями». Послѣ 40-й главы въ изданіи «Свободнаго Слова» стоитъ дата окончанія всего сочиненія, именно: 14 февраля 1886 года. И мы заимствуемъ ее изъ вышеназваннаго изданія. Такимъ критическимъ путемъ мы надѣемся дать читателямъ наиболѣе полный и наиболѣе вѣрный варіантъ этого замѣчательнаго сочиненія Л. Н-ча, еще далеко недостаточно оцѣненнаго.

Вслѣдствіе запрещенія цензурою этого сочиненія — съ одной стороны и возраставшаго въ обществѣ интереса ко Л. Н-чу — съ другой стороны, нѣкоторые редакторы журналовъ, какъ, напр.,

Л. Е. Оболенскій, ред. «Русск. Богатства» и П. А. Гайдебуровъ, ред. «Недѣли», пытались изъ запрещеннаго сочиненія выбрать отрывки, которые можно бы было напечатать въ ихъ органахъ. Такимъ образомъ появились статьи «Жизнь въ городѣ», «Жизнь въ деревнѣ», «О наукѣ и наукѣ», и т. д., вышедшія за подписью Л. Н-ча, съ его смиреннаго согласія, дающія весьма слабое и одностороннее понятіе о всемъ объемѣ и содержаніи этого сочиненія. Къ сожалѣнію, многіе русскіе критики, не давшіе себѣ труда прочесть это сочиненіе въ рукописи, писали свои критическія статьи по этимъ отрывкамъ и приходили къ совершенно превратнымъ заключеніямъ, опровергая то, что Толстой и не говорилъ, а иногда ломились въ открытую дверь, стараясь доказать то, что у него прекрасно доказано. Все это произвело большую путаницу въ умахъ читателей, и мы надѣемся что это новое изданіе съ этими даваемыми нами разъясненіями разсѣетъ всѣ эти недоразумѣнія.

Помѣщаемая послѣ «Такъ что же намъ дѣлать?», статья «О женщинахъ» представляетъ отвѣтъ Л. Н-ча на критическую статью о послѣдней 40-й главѣ, написанную редакторомъ «Русск. Богат.» Л. Е. Оболенскимъ и отчасти помѣщенную въ его журналѣ, отчасти сообщенную имъ Л. Н-чу въ частномъ письмѣ.

Большое сочиненіе «О жизни» провѣрено и напечатано по тому варіанту, которое было прокорректировано самимъ Л. Н-мъ и проф. Гротомъ и издано самимъ Л. Н-мъ, но уничтожено цензурой. Экземпляръ такого изданія сохранился въ архивѣ кн. М. Л. Оболенской и теперь находится въ Толстовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Началомъ этого сочиненія послужило письмо Л. Н-ча къ А. Д., которое мы здѣсь въ приложеніи и даемъ. Кромѣ того, въ приложеніи даются два первоначальные варіанта этого сочиненія, читанные Л. Н-мъ на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества.

Приложенія къ XIII тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

I.

Къ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“.

ВАРІАНТЪ ГЛАВЫ XVII—«О ДЕНЬГАХЪ».

Въ заблужденіе о томъ, что я могу помогать другимъ, меня ввело именно то, что я воображалъ себѣ, что мои деньги — такія же деньги, какъ и Семеновы. Но это была неправда.

Существуетъ общее мнѣніе, что деньги представляютъ богатство; богатство же есть произведеніе труда, и потому деньги представляютъ трудъ. Мнѣніе же это такъ же справедливо, какъ и то, что всякое государственное устройство есть послѣдствіе договора (contrat social). Всѣ любятъ вѣрить въ то, что деньги есть только средство обмѣна труда. Я надѣлалъ сапогъ, ты напахалъ хлѣба, онъ выкормилъ овецъ; вотъ, чтобы намъ удобнѣе мѣняться, мы заводимъ деньги, представляющія соотвѣтствующую долю труда, и посредствомъ ихъ промѣниваемъ подметки на баранью грудинку и десять фунтовъ муки. Мы посредствомъ денегъ обмѣниваемся своими произведеніями, и деньги каждаго изъ насъ представляютъ нашъ трудъ. Это совершенно вѣрно, но вѣрно только до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ, гдѣ происходитъ этотъ обмѣнъ, не появилось насиліе одного человѣка надъ другимъ, не только насиліе надъ чужимъ трудомъ, какъ это бываетъ при войнахъ и рабствѣ, но даже не употребляется насилія для защиты произведеній своего труда отъ другихъ. Это будетъ справедливо только въ обществѣ, члены котораго вполнѣ исполняютъ христіанскій законъ, — въ обществѣ, гдѣ просящему даютъ и гдѣ у взявшаго не просятъ назадъ. Но какъ только въ обществѣ употребляется какое бы то ни было насиліе, такъ тотчасъ значеніе денегъ для владѣльца ихъ уже теряетъ значеніе представителя труда, а получаетъ значеніе права, основаннаго не на трудѣ, но на насиліи.

Какъ только есть война и одинъ человѣкъ отнялъ что-нибудь у другого, такъ уже деньги не могутъ быть всегда представителями труда; деньги, которыя получилъ воинъ за проданную имъ военную добычу и начальникъ воиновъ, никакъ не произведеніе ихъ труда и имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ деньги, полученныя за работу сапогъ. Какъ только есть рабовладѣльцы и рабы, какъ это было всегда во всемъ мірѣ, точно такъ же нельзя сказать, чтобы деньги представляли трудъ. Бабы наткали полотна, продали и получили деньги; крѣпостные наткали для барина, а баринъ продалъ ихъ и получилъ деньги. И тѣ и другія деньги одинаковы; но однѣ — произведеніе труда, другія — произведеніе насилія. Точно такъ же если мнѣ подарилъ чужой или мой отецъ деньги, и онъ, давая ихъ мнѣ, зналъ, и я знаю, и всѣ знаютъ, что отнять этихъ денегъ у меня никто не можетъ, что если кто-нибудь вздумалъ бы отнять ихъ у меня или даже не отдать въ тотъ срокъ, въ который обѣщалъ, то за меня вступится власть и силой заставитъ отдать мнѣ эти деньги, — то опять очевидно, что деньги эти никакъ не могутъ быть названы представителями труда наравнѣ съ деньгами, полученными Семеномъ за рѣзку дровъ. Такъ что въ такомъ обществѣ, въ которомъ есть хоть какое-нибудь завладѣвающее чужими деньгами или хоть ограждающее отъ другихъ владѣніе деньгами насиліе, тамъ уже деньги не могутъ быть всегда представителями труда. Онѣ въ такомъ обществѣ — иногда представители труда, иногда — насилія.

Такъ это было бы, когда явилось бы хоть одно насиліе одного человѣка надъ другимъ среди совершенно свободныхъ отношеній; но теперь, когда для скопленныхъ денегъ прошли столѣтія самыхъ разнообразныхъ насилій; когда насилія эти, измѣняя только формы, не прекращаются; когда, что всѣми признано, сами деньги въ своемъ скопленіи образуютъ насиліе; когда деньги, какъ произведенія прямого труда, составляютъ только малую часть денегъ, образовавшихся изъ всякаго рода насилій, — теперь говорить, что деньги представляютъ трудъ того, кто ими владѣетъ, есть очевидное заблужденіе или сознательная ложь. Можно сказать, что это должно бы такъ быть, можно сказать, что это желательно, но никакъ не то, что это такъ есть.

Деньги представляютъ трудъ. Да. Деньги представляютъ трудъ, но чей? Въ нашемъ обществѣ деньги только въ самыхъ, самыхъ рѣдкихъ случаяхъ — представители труда владѣльца денегъ, но почти всегда— представители труда другихъ людей, прошедшаго или будущаго труда людей. Онѣ—представители установленнаго насиліемъ обязательства на трудъ другихъ людей.

Деньги въ самомъ точномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простомъ ихъ опредѣленіи суть условные знаки, дающіе право или, правильнѣе, возмож-

ность пользоваться трудомъ другихъ людей. Въ идеальномъ своемъ значеніи деньги должны бы давать это право или возможность только тогда, когда онѣ сами служатъ представителями труда, и таковыми бы могли быть деньги въ обществѣ, въ которомъ не было бы никакого насилія. Но какъ скоро въ обществѣ есть насиліе, т.-е. возможность пользоваться чужимъ трудомъ безъ своего труда, то эта возможность пользоваться чужимъ трудомъ, безъ опредѣленія лица, надъ которымъ совершается насиліе, выражается тоже деньгами.

Помѣщикъ обложилъ своихъ крѣпостныхъ натуральными повинностями, извѣстнымъ числомъ полотенъ, хлѣба, скотины или соотвѣтствующимъ количествомъ денегъ. Одинъ дворъ доставилъ скотину, но за полотно выплатилъ деньги. Помѣщикъ беретъ деньги въ извѣстномъ количествѣ только потому, что знаетъ, что на эти деньги ему сработаютъ столько же полотна (большей частью онъ возьметъ немного больше, чтобы быть увѣреннымъ, что всегда ему сработаютъ за это столько же), и деньги эти для помѣщика, очевидно, представляютъ обязательство на трудъ другихъ людей.

Крестьянинъ даетъ деньги, какъ обязательство на неизвѣстно кого, но на такихъ людей, которыхъ много и которые возьмутся за эти деньги вырабатывать столько-то полотенъ. Люди же, которые возьмутся выработать полотна, возьмутся потому, что они не успѣли выкормить барановъ и за барановъ имъ нужно заплатить деньги; мужикъ же, который возьметъ деньги за барановъ, возьметъ ихъ потому, что ему надо заплатить за хлѣбъ, который не родился въ этотъ годъ. Это самое происходитъ и въ государствѣ, и во всемъ мірѣ.

Человѣкъ продаетъ произведеніе своего труда прежняго, настоящаго или будущаго, иногда свою пищу, большею частью не потому, что деньги составляютъ для него удобства обмѣна, — онъ обмѣнялся бы и безъ денегъ, — но потому, что съ него насиліемъ требуются деньги, какъ обязательство на его же трудъ.

Когда египетскій царь требовалъ работы отъ своихъ рабовъ, то рабы отдавали ее всю, но отдавали только прошедшую и настоящую, но не могли отдавать будущей. Но при распространеніи денежныхъ знаковъ и вытекающаго изъ нихъ кредита стало возможно отдавать за деньги и будущую работу. Деньги, при существованіи насилія въ обществѣ, представляютъ только возможность новой формы рабства безличнаго, замѣняющаго личное рабство. Рабовладѣлецъ имѣетъ право на работу Петра, Ивана, Сидора. Владѣлецъ же денегъ, тамъ, гдѣ деньги требуются со всѣхъ, имѣетъ право на работу всѣхъ тѣхъ людей безъ имени, которые нуждаются въ деньгахъ. Деньги устраняютъ всю ту тяжелую сторону рабства, при которой владѣлецъ знаетъ свое право на Ивана, устраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и всякія человѣческія отношенія между владѣльцемъ и рабомъ, которыя смягчали тяжесть личнаго рабства.

Я не говорю о томъ, что такое положеніе, можетъ быть, нужно для развитія человѣчества, для прогресса и т. п., я не оспариваю этого. Я только старался уяснить себѣ понятіе денегъ и той общей ошибки, въ которую впалъ, принимая деньги за представителей труда. Я убѣдился на опытѣ, что деньги не есть представители труда, а въ большей части случаевъ представители насилія или особенно сложныхъ уловокъ, основанныхъ на насиліи.

Деньги въ наше время утратили уже совершенно это желательное для нихъ значеніе быть представителями своего труда; такое значеніе онѣ имѣютъ какъ исключеніе, какъ общее же правило онѣ стали правомъ или возможностью пользоваться трудомъ другихъ.

Распространеніе денегъ, кредита и всякихъ денежныхъ знаковъ все больше и больше подтверждаетъ это значеніе денегъ. Деньги— это возможность или право пользоваться трудами другихъ. Деньги есть новая форма рабства, отличающаяся отъ старой формы рабства только безличностью, освобожденіемъ отъ всякихъ человѣческихъ отношеній къ рабу.

Деньги — деньги, цѣнность, всегда равная самой себѣ и считающаяся всегда вполнѣ правильною и законною и пользованіе которою считается не безнравственнымъ, какъ считалось пользованіе правомъ рабства.

Въ моей молодости завелась въ клубахъ игра въ лото. Всѣ бросились играть въ нее, и, какъ говорили, многіе разорились, сдѣлали несчастіе семьи, проигрывали чужія, казенныя деньги и стрѣлялись, и игру запретили, и она запрещена до сихъ поръ.

Я, помню, видалъ старыхъ, не сентиментальныхъ игроковъ, которые говорили мнѣ, что игра эта была особенно пріятна тѣмъ, что не видишь, кого обыгрываешь, какъ это бываетъ въ другихъ играхъ; лакей приноситъ даже не деньги, а марки, каждый проигралъ маленькую ставку, и его огорченіе не видно... То же и съ рулеткой, которая запрещена вездѣ не даромъ.

То же и съ деньгами. У меня волшебный, неразмѣнный рубль; я отрѣзаю купоны и устранился отъ всѣхъ дѣлъ міра. Кому я врежу? Я — самый безобидный и добрый человѣкъ. Но это только игра въ лото или рулетку, гдѣ я не вижу того, кто стрѣляется отъ проигрыша, доставляя мнѣ тѣ купончики, которые я аккуратно подъ прямымъ угломъ отрѣзаю отъ билетовъ.

Я ничего не дѣлалъ, не дѣлаю и не буду дѣлать, кромѣ отрѣзыванія купончиковъ, и твердо вѣрю, что деньги есть представители труда. Вѣдь это удивительно! И говорятъ про сумасшедшихъ! Да какой же пунктъ помѣшательства можетъ быть ужаснѣе этого?

Умный, ученый, во всѣхъ другихъ случаяхъ разсудительный человѣкъ живетъ безумно и успокаиваетъ себя тѣмъ, что онъ не договариваетъ одного, что необходимо нужно сказать, чтобъ былъ смыслъ въ его разсужденій, и считаетъ себя правымъ. Купончики — представители труда! Труда! Да, но чьего? Очевидно, не того, кто ими владѣетъ, а того, кто работаетъ.

Деньги — то же, что рабство, та же его цѣль и тѣ же послѣдствія. Цѣль его — освобожденіе себя отъ первороднаго закона, какъ вѣрно называетъ его одинъ глубокомысленный писатель изъ народа, отъ естественнаго закона жизни, какъ называемъ его мы, отъ закона труда личнаго для удовлетворенія своихъ потребностей. И послѣдствія рабства для владѣльца: зарожденіе, изобрѣтеніе новыхъ и новыхъ до безконечности потребностей, никогда не утолимыхъ, изнѣженное убожество, развратъ, а для рабовъ — угнетеніе человѣка, низведеніе его на степень животнаго.

Деньги — это новая страшная форма рабства и такъ же, какъ и старая форма рабства личнаго, развращающая и раба и рабовладѣльца, но только гораздо худшая, потому что она освобождаетъ раба и рабовладѣльца отъ ихъ личныхъ человѣческихъ отношеній.

1886 г.

II.

Къ статьѣ „О жизни".

1) Письмо Л. Н. къ А. Д.

о жизни и смерти то, о чемъ я такъ много напряженно думалъ это последнее время и о чемъ вы, я вижу, и думали и думаете.

Человѣку, вамъ, мнѣ представляется въ извѣстный періодъ его жизни удивительное и ужасающее сначала внутреннее противорѣчіе его личной жизни и разума. «Я, только я, все для меня, внѣ меня все мертво, — интересенъ, важенъ, дорогъ для себя только я, и я не вѣрю въ свое уничтоженіе, хочу жить вѣчно, не могу себѣ представить жизни безъ себя», и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ужасный разумъ, соединенный въ одно съ моимъ *я*, говоритъ мнѣ ясно, несомнѣнно: во-первыхъ, что я не одинъ, а что такихъ *я*, съ заявленіемъ такихъ же требованій исключительности, безчисленное количество, что мнѣ неизбѣжна борьба съ этими *я* и погибель въ этой борьбѣ; во-вторыхъ, что стремленія моего *я* не согласны, а прямо противоположны общей жизни, соприкасающейся со мной; въ-третьихъ, то, что отъ меня, отъ столь драгоцѣннаго мнѣ *я*, хотящаго жить вѣчно, только и существующаго по моему чувству, въ лучшемъ случаѣ останется удобреніе для будущихъ чужихъ жизней, а то не останется ничего. Это противорѣчіе, кажущееся страшнымъ, когда оно вполнѣ сознается, лежитъ между тѣмъ въ душѣ каждаго человѣка, ребенка даже, составляетъ необходимое условіе жизни человѣка, какъ разумнаго существа. Противорѣчіе это ужасно, если перестать жить, дѣйствовать и смотрѣть на него. Но это-то противорѣчіе и вырастаетъ изъ жизни, и сопутствуетъ жизни, и видоизмѣняется вмѣстѣ съ жизнью. Противорѣчіе это для человѣка не можетъ быть разрѣшено словами, такъ какъ оно есть основа жизни человѣка, а разрѣшается для человѣка только жизнью, дѣятельностью жизни, *освобождающей* человѣка отъ этого противорѣчія.

Жить нужно, иначе противорѣчіе разорветъ жизнь, какъ разорветъ неработающій паровикъ. И дѣйствительно всѣ люди живутъ

30*

и жизнью освобождаются отъ этого противорѣчія, когда оно зарождается. Когда оно зарождается, потому что противорѣчія нѣтъ въ зародышѣ, въ ребенкѣ, въ идіотѣ? Разумъ, производящій противорѣчіе, зарождается на тѣхъ же существахъ, живущихъ и взрожденныхъ личной жизнью. Природа, Богъ, производитъ наибольшіе результаты при наименьшемъ усиліи. Разумъ не является новой силой, а рождается на той же силѣ жизни, составляетъ цвѣтъ ея. Энергія жизни, проникнутая разумомъ, производитъ новую работу жизни тѣми же орудіями. Разумъ расцвѣлъ, противорѣчіе проявилось, а жить нужно, т.-е. жизнь требуетъ дѣятельности, какъ падающее колесо подъ ногами лошади. Жить надо съ разумомъ, производящимъ противорѣчіе, и является борьба жить старой личной жизнью, которою жилъ смолоду, и не слышать голоса разума, не видѣть противорѣчія, или отдаться разуму и на пути его искать разрѣшенія.

Мы всѣ находимся въ этомъ положеніи и всегда находились въ немъ. Въ то время даже дѣтства и юности, когда мы, не глядя на это противорѣчіе, росли и развивались для себя, только для себя, мы этимъ самымъ развитіемъ растили въ себѣ неизбѣжный разумъ, который, выросши, уничтожаетъ нашу личную жизнь. Никуда не уйдешь отъ этого положенія. Приходитъ время и противорѣчіе становится передъ человѣкомъ во всей силѣ: хочу жить для себя и хочу быть разумнымъ, а жить для себя неразумно. Мы называемъ это противорѣчіемъ, когда оно въ первый разъ представляется намъ и такъ оно чувствуется нами. Но противорѣчіе ли это? Можетъ ли быть противорѣчіемъ для человѣка то, что есть общій законъ его жизни? Вѣдь если такъ, то и для сгнивающаго зерна есть противорѣчіе — то, что оно сгниваетъ, пуская ростокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ противорѣчіе для меня, когда я лежу и мнѣ больно, и я хочу двигаться и радоваться, или даже не больной, хочу ѣсть, наслаждаться? Въ томъ, что хочу наслаждаться, а разумъ показываетъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ жизни — противорѣчія нѣтъ, а есть уясненіе жизни, если я повѣрю этому. Противорѣчіе только тогда, когда я не вѣрю разуму и наперекоръ ему говорю безъ всякаго основанія, что въ личной жизни, наслажденіи, есть жизнь. Противорѣчіе было бы тогда, когда разумъ бы сказалъ, что въ наслажденіи нѣтъ жизни вообще; но онъ не говоритъ этого, а говоритъ, что въ личномъ наслажденіи нѣтъ жизни, но что есть разумная жизнь. Противорѣчіе только тогда, когда я не хочу слушать голоса разума. Разумъ показываетъ необходимость перенести сознаніе жизни изъ личной жизни во что-то другое, онъ показываетъ ненужность, безсмысленность личной жизни, обѣщая новую жизнь, какъ прорастаетъ зерно, распирающее косточки вишни. Противорѣчіе только тогда, когда мы ухватились за эту внѣшнюю фор-

му жизни, которая имѣла значеніе въ свое время, но отжила. Если мы не слушаемъ требованій разума, то мы не хотимъ или не можемъ идти дальше по пути, открываемому разумомъ. Когда оболочка зерна, тогда когда зерно разбило ее, хочетъ утверждать свою жизнь, то, что мы называемъ противорѣчіемъ, есть только муки рожденія къ новой жизни. Стоитъ только не противиться неизбѣжному уничтоженію личной жизни разумнымъ сознаніемъ и отдаться этому разумному сознанію — и откроется новая жизнь, какъ для рожденнаго. Но рожденный не знаетъ того, чѣмъ онъ страдаетъ, рожденный узнаетъ свою свободу. Только рожденный разумно познаетъ то, отъ чего онъ спасся своимъ рожденіемъ, и познаетъ благо рожденія. И рожденіе это такъ же неизбѣжно, какъ плотское рожденіе для человѣка, дожившаго до періода яснаго внутренняго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ тотъ вопросъ, который представляется человѣку, дожившему до періода явнаго противорѣчія: 1) я живу для своего наслажденія. Все живетъ для того же. Всякое мое наслажденіе нарушаетъ наслажденіе другихъ. Я долженъ вѣчно бороться, и, если даже успѣшно буду вѣчно бороться, я не могу не бояться, что всѣ эти борющіяся за свое наслажденіе существа не задавятъ меня. И страданія и страхъ. Глупо. 2) смыслъ жизни для меня — мое счастье; міръ же живетъ весь вокругъ меня чѣмъ-то другимъ, и весь міръ для меня — безсмыслица, и 3) самое ужасное, включающее въ себя все, весь смыслъ моей жизни,—моя жизнь, и каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ я уничтожаю эту жизнь и иду къ гибели всего. Я все это ясно вижу, не могу не видѣть; разумъ, составляющій часть моего *я*, не переставая, указываетъ мнѣ это. Что мнѣ дѣлать? Жить попрежнему, какъ я жилъ въ дѣтствѣ, нельзя, нельзя жить косточкой—она лопнула, выросло зерно—разумъ, уничтожающій смыслъ каждаго шага жизни. Попробовать спрятать этотъ свѣтъ, забывать то, что показываетъ разумъ, — не легчаетъ. Спрятанный разумъ проявляется въ видѣ совѣсти, отравляющей всякій шагъ жизни. Хочешь не хочешь, человѣкъ долженъ сдѣлать одно: похоронить свою личную жизнь, поблагодаривъ ее за все, что она дала, — она дала, вырастила разумъ,—и перенести—не перенести: это невѣрное выраженіе, потому что включаетъ понятіе произвола, а тутъ нѣтъ произвола,—не перенести, а отдаться той одной жизни, которая остается послѣ уничтоженія личной жизни. Это страшно, непривычно, чудно сначала, но дѣлать нечего. Нельзя не отдаться ей, потому что она одна зоветъ къ себѣ, она принимаетъ въ себя, какъ принимаетъ въ себя сосудъ падающее тѣло. Нельзя не отдаться ей, потому что она одна разрѣшаетъ всѣ противорѣчія личной жизни. Личная жизнь—борьба, жизнь разумная есть единеніе. Личная жизнь есть несогласіе, противленіе жизни міра; жизнь

разумная вся въ согласіи съ жизнью міра. Жизнь личная уничтожается смертью. Для жизни разумной нѣтъ смерти. Нѣтъ смерти потому, что человѣкъ переноситъ свою жизнь въ служеніе вѣчному закону міра, и потому цѣль его жизни становится не жизнь, но служеніе. Онъ умираетъ плотски на служеніи и не знаетъ смерти.

Но это невозможно, скажутъ тѣ, которые не могутъ отрѣшиться отъ личной жизни. Напротивъ, невозможно обратное, невозможно не жить внѣ себя. И всѣ люди живутъ такъ. Только эта и есть ихъ дѣятельная жизнь: семья, имущество, отечество и тому подобное. Прививокъ разума, выросшій на дичкѣ жизни, есть единственный двигатель жизни. Онъ поглощаетъ все, и всякая дѣятельность жизни облекается въ разумную, безсмертную жизнь.

1887 г.

---

2) Понятіе жизни.

(ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РЕФЕРАТА Л. Н. ТОЛСТОГО).

Допустимъ невозможное, допустимъ, что все, что желаетъ познать современная наука о жизни, что все это открыто, все ясно, какъ день; что мы поняли, наконецъ, какъ изъ неорганической матеріи зарождается органическое, какъ силы, движенія переходятъ въ чувство, волю, мысль.

«Ну и что жъ? Могу ли или не могу я руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли? Вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и въ другихъ мысли и чувства, остается не только неразрѣшеннымъ, но даже незатронутымъ».

«Вопросъ же этотъ и есть единственный вопросъ центральнаго понятія жизни».

«Вопросъ, неотдѣлимый отъ понятія жизни, не есть вопросъ о томъ, откуда взялась жизнь, а о томъ, какъ надо жить, и, только начавъ съ этого вопроса, можно придти и къ какому-нибудь рѣшенію о томъ, что есть жизнь».

Отвѣтъ на вопросъ: какъ надо жить? разрѣшается, повидимому, просто. Какъ жить?—Въ свое удовольствіе, быть здоровымъ, богатымъ... Но такъ ли это, въ этомъ ли смыслъ жизни?..

Понятіе о жизни представляется человѣку сначала простымъ и яснымъ. Жизнь въ немъ, въ его тѣлѣ, но гдѣ именно — опредѣлить труднѣй; «по мѣсту ея жительства найти ее нельзя». Тогда человѣкъ ищетъ ее во времени. «Жизнь моя, говоритъ, это то, что я

жилъ 30, 40, 60 лѣтъ. Но опять, какъ станешь искать ее во времени, такъ сейчасъ видишь, что и тутъ дѣло не просто. Я живу 58 лѣтъ; такъ это значится по метрическому свидѣтельству. Но я знаю что изъ этихъ 58 лѣтъ я 20 лѣтъ спалъ: что жъ, я жилъ или не жилъ? Потомъ въ утробѣ матери, у кормилицы былъ, — опять жилъ я или не жилъ? Потомъ изъ остальныхъ большую половину ходя спалъ, — тоже не знаю, жилъ или не жилъ? Немножко жилъ, немножко не жилъ. Такъ что и во времени выходитъ то же: вездѣ она и нигдѣ. Только невольно приходитъ вопросъ: откуда же взялась эта жизнь, которую я нигдѣ не найду? Тутъ ужъ я узнаю. И опять сначала такъ просто кажется: оттого, что меня зачала мать отъ родителя. Но сейчасъ же вопросъ: отъ чего родители и ихъ родители, и дальше, и дальше, и до Адама, и Бога Творца или до новой миѳологіи комочковъ протоплазмы, монеръ, отрывающихся кусочковъ солнца, которое есть тоже кусочекъ, оторвавшійся отъ оторвавшагося кусочка, т.-е. до безсмыслицы? Оказывается, что то, что показалось такъ легко, не только трудно, но и невозможно. Оказывается, что я искалъ что-то другое, а не жизнь, не свою жизнь. Искать, оказывается, надо, если уже искать ее, не въ пространствѣ, не во времени, не какъ слѣдствіе и причину, а какъ что-то такое, что я въ себѣ знаю совсѣмъ независимо отъ пространства, времени и причины. Стало быть, изучать себя?»

Какъ же я знаю жизнь? «Знаю я прежде всего, что живу я; и живу, желая себѣ хорошаго... Все то, что живетъ внѣ меня, важно для меня только настолько, насколько способствуетъ тому, чтобы мнѣ было хорошо... Но вмѣстѣ съ такимъ знаніемъ моей жизни связано во мнѣ еще знаніе о томъ, что, кромѣ меня, живетъ вокругъ меня цѣлый міръ живыхъ существъ, что всѣ эти существа живутъ для своихъ, чуждыхъ мнѣ, цѣлей... и для достиженія своихъ цѣлей всякую минуту готовы уничтожить меня. Мало того, я знаю еще и то, что мнѣ предстоитъ очень скорое, неизбѣжное уничтоженіе... Любимая мною жизнь оказывается чѣмъ-то ничтожнымъ, мгновенно преходящимъ страдальческимъ, а жизнь внѣ меня, нелюбимая, почти неизвѣстная мнѣ, есть настоящая, вѣчная, радостная жизнь. То, что для меня важнѣе всего, и то, что живетъ, какъ мнѣ кажется, то погибнетъ, то будетъ кости, черви, не я; а то, что для меня не важно, то, жизнь чего я не чувствую, что мнѣ только представляется, то останется и будетъ жить вѣчно».

И такой взглядъ — не продуктъ унылаго настроенія, а очевидная истина, которую нельзя не видѣть. Въ человѣкѣ какъ будто два *я*. Одно *я* говоритъ: «одинъ я живу по-настоящему, все остальное только кажется, что живетъ, и потому весь смыслъ міра въ томъ, чтобы мнѣ было хорошо». Другое *я* говоритъ: «весь міръ не

для тебя, а для твоихъ цѣлей, и знать тебя не хочетъ». И жить становится страшно.

Одно *я* говоритъ: «я хочу жить, жить вѣчно». Другое *я* говоритъ: «ты непремѣнно и очень скоро умрешь и умрутъ всѣ тѣ, которыхъ ты любишь, и ты и они каждымъ движеніемъ уничтожаютъ свою жизнь и идутъ къ страданіямъ, къ смерти, къ тому самому, что ты ненавидишь и чего боишься больше всего. Это хуже всего»...

Измѣнить этого состоянія никакъ нельзя, ибо нельзя не мыслить. Человѣкъ, сознавъ себя, какъ личность, этимъ самымъ познаетъ другія личности и законъ ихъ борьбы и смертности.

Для того, чтобы спастись отъ этого состоянія мучительнаго раздвоенія, человѣкъ прежде всего обращается назадъ. Онъ говоритъ себѣ: «вѣдь жилъ я прежде, во время моего дѣтства и юности? Должно быть, то и была настоящая жизнь. Вѣдь живутъ же люди, животныя, растенія, живутъ и радуются, — это-то и есть настоящая жизнь».

«Такъ говорятъ себѣ люди, пугающіеся наступающаго внутренняго раздвоенія и борьбы и, поддерживая себя видомъ огромнаго количества людей, для которыхъ не начиналась еще эта борьба стараются увѣрить себя, что то, что по времени и мѣсту соединено съ жизнью, то и есть жизнь»...

Но какъ только началъ сознательно жить человѣкъ, такъ разумное сознаніе, не переставая, говоритъ ему одно и то же: «жить той жизнью, какою ты ее чувствуешь и видишь въ твоемъ прошедшемъ, какъ живутъ животныя, какъ живетъ много людей, какъ жило то, изъ чего ты сталъ тѣмъ, что ты теперь, нельзя больше... Если ты и пытаешься жить попрежнему, то ты не будешь уже въ состояніи смотрѣть на міръ попрежнему, какъ на средство для твоего блага, ты не можешь закрыть глаза на угрожающую тебѣ борьбу, на жестокость всего міра, на неизбѣжную смерть, которая очень скоро прекратитъ твою жизнь»...

Измѣнить этого нельзя, и остается одно, что и дѣлаетъ всегда человѣкъ, начиная жить, — переносить свои цѣли внѣ себя и стремиться къ нимъ. Жизнь въ ребенкѣ начинается тѣмъ, что онъ занимается не собой, переноситъ свои цѣли въ игрушки, въ товарищей и т. д. Юношей онъ ставитъ ихъ во мнѣніи другихъ людей, въ семьѣ; зрѣлымъ человѣкомъ—въ имуществѣ, въ отечествѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Но какъ бы далеко внѣ себя онъ ни ставилъ свои цѣли по мѣрѣ усиленія его разумнаго сознанія, ни одна цѣль не удовлетворяетъ его. Онъ, наконецъ, убѣждается, что никакое благо его, связанное съ личностью, не разрѣшаетъ противорѣчія. «Разрѣшаетъ его только полное отреченіе отъ личности».

«Обыкновенно говорятъ, что отреченіе отъ личности есть нѣкоторое достоинство, подвигъ человѣка. Отреченіе человѣка отъ личности не есть подвигъ, а необходимость, и стоитъ въ соотвѣтствіи съ познаніемъ тщеты своей личности и одной дѣйствительности жизни общей, безконечной»...

«Жизнь наша съ тѣхъ поръ, какъ мы сознаемъ ее, есть движеніе между двумя предѣлами. Одинъ предѣлъ есть совершенное безучастіе къ жизни безконечнаго міра, дѣятельность, направленная только къ удовлетворенію потребностей своей личности. Другой предѣлъ — это полное отреченіе отъ своей личности, наибольшее вниманіе къ жизни безконечнаго міра и согласіе съ нимъ, перенесеніе желанія блага со своей личности на безконечный міръ и на существа внѣ насъ».

«Чѣмъ ближе къ первому предѣлу, тѣмъ меньше жизни и блага; чѣмъ ближе ко второму предѣлу, тѣмъ больше жизни и блага. И потому всякій человѣкъ всегда движется отъ одного предѣла къ другому, т.-е. живетъ. Эти-то движенія и есть сама жизнь... Жизнь есть творимое мною подчиненіе моей личности закону разума».

Но что такое этотъ разумъ, «требованія котораго переносятъ дѣятельность человѣка внѣ себя, въ состояніе, сознаваемое нами, какъ радостное состояніе любви?»

Разумъ — это тотъ законъ, по которому должны жить неизбѣжно разумныя существа... «Это тотъ же законъ, какъ и законъ жизни всего организма, съ тою только разницею, что мы видимъ совершающимся разумный законъ въ жизни животнаго и растенія. Законъ же разума, которому мы подчинены, какъ дерево своему закону, мы не видимъ, но исполняемъ... Въ исполненіи его—наша работа, какъ въ набираніи соковъ—работа дерева».

Итакъ, жизнь есть то, что не есть наша жизнь. Въ этомъ лежитъ корень заблужденія. Вмѣсто того, чтобы изучать ту жизнь, которую мы сознаемъ въ себѣ, мы наблюдаемъ то, что не имѣетъ главнаго свойства нашей жизни—разумнаго сознанія, — мы наблюдаемъ наше тѣло, дѣлаемъ то, что бы дѣлалъ человѣкъ, изучающій предметъ по его тѣни или отраженію... Мы желаемъ опредѣлить законъ своей жизни, единственно извѣстный намъ по отраженію этой жизни. Очевидно, что такое разсужденіе должно привести къ совершенно превратному понятію о жизни и къ извращенію самой жизни... Изученіе въ человѣкѣ того, что происходитъ въ животномъ и клѣточкѣ и мертвомъ веществѣ, не только не уясняетъ, но удаляетъ всякую возможность пониманія того, что есть человѣкъ. Изученіе тѣхъ общихъ законовъ, физіологическихъ, біологическихъ, химическихъ и другихъ, которымъ подчинено тѣло человѣка, наравнѣ съ другими существами, не безынтересно и не совсѣмъ безполезно, но очевидно,

что такое изученіе въ лучшемъ случаѣ ничего не можетъ дать для изученія понятій о человѣческой жизни и въ худшемъ случаѣ — совершенное извращеніе сознанія...

Если мы узнали (воображая, что открыли что-то новое) законъ сохраненія силъ и матеріи и законъ непрерывности организмовъ, то мы знаемъ гораздо прежде основной законъ непрерывности разумнаго сознанія, которымъ мы живемъ, соединяясь въ немъ и языкомъ, и понятіями, и сужденіями со всѣми разумными существами, жившими до насъ и имѣющими жить послѣ насъ... мы знаемъ, что наша разумная дѣятельность не умираетъ, а живетъ, вступая въ цѣль вѣчнаго разумнаго сознанія, какъ скоро она правильно управляетъ организмомъ животнымъ, съ которымъ она связана.

«Изъ заблужденія въ томъ, что мы откидываемъ единственно нужное намъ для нашего блага и принимаемся за изученіе видимаго намъ, но совершенно ненужнаго для насъ, вытекаютъ всѣ несчастія людей. Только отъ этого заблужденія происходятъ невѣжество, несчастія и страшное, нелѣпое суевѣріе смерти».

«Для человѣка, полагающаго свое благо и свою жизнь въ подчиненіи законамъ разума, не можетъ быть несчастія и смерти. Страданія и смерть организма мы знаемъ и видимъ, но страданія и смерти разумнаго сознанія само разумное сознаніе не можетъ знать. Понятіе страданія и смерти не соединено съ нимъ, поэтому-то оно и есть самая жизнь. Смерть видна человѣку только, когда онъ перестаетъ жить разумно, когда онъ отраженіе своей жизни принимаетъ за свою жизнь. Только когда онъ спускается на степень животнаго, тогда только онъ видитъ смерть. Она, какъ пугало, со всѣхъ сторонъ ухаетъ на него и загоняетъ на одну открытую ему дорогу жизни... Человѣкъ, видящій смерть, есть человѣкъ больной, нарушившій законъ своей жизни, не живущій жизнью разумной. Онъ то же, что животное, нарушившее свой законъ жизни, больное, не дышащее, не питающееся, не испражняющееся. Оно страшно страдаетъ. Такъ же страдаетъ и человѣкъ, переставшій жить разумно и потому увидѣвшій смерть. Для человѣка, живущаго разумно, нѣтъ страданія, нѣтъ смерти».

1887 г.

3) О жизни и смерти.

Источникъ того страннаго заблужденія, что жизнь можетъ кончаться, лежитъ прежде всего въ томъ, что мы за жизнь свою признаемъ то, что мы ощущаемъ и видимъ, а не то, что сознаемъ, тогда какъ мы знаемъ жизнь только потому, что въ себѣ сознаемъ ее своимъ разумомъ. Забывъ про тотъ источникъ жизни, который лежитъ въ насъ самихъ, мы, глядя на видимыя намъ явленія уничтоженія плотскаго существованія другихъ людей, дѣлаемъ заключеніе объ уничтоженіи своей жизни вмѣстѣ съ ея плотскимъ существованіемъ. Несмотря на то, что мы не можемъ себѣ представить уничтоженія своей жизни и что уничтоженіе своей жизни всегда было и останется для каждаго человѣка равнозначаще уничтоженію жизни всего міра, мы говоримъ: люди умираютъ и я умру. Мы всѣ сознаемъ жизнь не иначе какъ такъ, что она никогда и не должна имѣть конца. Мысль о концѣ приходитъ намъ только потому, что мы переносимъ свое вниманіе съ жизни на то, что сопутствуетъ ей, на видимое, осязаемое, наблюдаемое, какъ внѣшнее, на существованіе тѣла.

Но и наблюдая существованіе тѣла въ связи съ тѣмъ, что мы сознаемъ жизнью, мы не можемъ не видѣть того, что это существованіе тѣла не совпадаетъ съ жизнью.

Жизнь свою мы знаемъ только въ сознательномъ состояніи, существованіе же своего тѣла мы можемъ наблюдать и въ его безсознательномъ состояніи: мы, наблюдая, видимъ, что мы существуемъ и въ то время, въ которое разумное сознаніе наше не существовало; такъ, мы не помнимъ длинныхъ промежутковъ нашего существованія, когда мы ходили, спали и не думали ни о чемъ, не боролись ни съ чѣмъ, той трети нашей жизни, когда мы дѣйствительно спали, не помнимъ, и когда мы играли въ игрушки и были у груди; также не помнимъ тѣ времена, когда мы были въ утробѣ матери и когда были въ сѣмени отца и дѣда и т. д. Все это была та призрачная жизнь, которая и послѣ нашей истинной жизни — мы предполагаемъ — будетъ такъ же продолжаться въ мірѣ тѣлесномъ, когда мы будемъ медленно или быстро умирать; будетъ продолжаться, и когда мы будемъ въ гробу, и когда сгніемъ, и будетъ изъ насъ земля, черви или газы, растенія, животныя и опять прахъ и опять тѣ же превращенія.

Жизнь, жизнь наша истинная, очевидно, не совпадаетъ съ существованіемъ тѣла; не рождается даже изъ этого существованія, какъ это сначала кажется, потому, что отъ плоти можетъ родиться только плоть, и плоть наша, кажется, существутъ все-

гда и вездѣ, независимо отъ нашей жизни. Жизнь наша тоже не можетъ быть мгновенно вспыхнувшей искрой, тотчасъ же потухающей, потому что если бы это была искра, то какъ же эта искра могла бы видѣть самоё себя и весь міръ. Если это случайная искра, то какъ же она можетъ видѣть всю эту игру случайности и, главное, во имя чего дѣйствительнаго, не случайнаго, но могла бы понять и назвать эту игру случайною. Что можетъ видѣть и понять плоть, рожденная отъ плоти?

Жизнь наша истинная не рождается отъ жизни плоти. Напротивъ, жизнь истинная показываетъ намъ существованіе плоти, окружающей эту жизнь. То, что намъ представляется жизнью плотской, есть только тотъ кругъ, который освѣтился жизнью истинной. Но мы не можемъ смѣшивать существованіе плотское съ жизнью потому, что плотское существованіе представляется намъ всегда во времени и всегда плотскимъ и неразумнымъ. Жизнь же наша всегда внѣ времени только въ настоящемъ, въ томъ безконечно маломъ моментѣ, который одинъ всегда внѣ времени и всегда требуетъ разумности; во-вторыхъ, потому, что плотское существованіе есть то, что мы видимъ и наблюдаемъ, жизнь же истинная есть то, что мы сознаемъ, и, въ-третьихъ, потому, что существованіе плотское не совпадаетъ съ жизнью истинной: тамъ, гдѣ есть существованіе плотское, какъ во снѣ, нѣтъ жизни истинной, и тамъ, гдѣ часто только начинается жизнь истинная, какъ въ актѣ жертвы своего животнаго существованія, тамъ, гдѣ умаляется, а иногда кончается существованіе плотское, тамъ и во всей силѣ проявляется жизнь истинная, такъ что наибольшее проявленіе жизни истинной въ обратномъ отношеніи къ плотскому существованію.

Такъ невозможною, ничѣмъ не оправданною представляется своя смерть человѣку, понимающему жизнь не какъ плотское существованіе. Но еще виднѣе представляется эта невозможность при наблюденіи смерти людей.

Мой другъ, братъ жилъ такъ же, какъ и я, теперь пересталъ жить такъ же, какъ и я, значитъ его жизнь кончилась, и значитъ такъ же должна кончиться моя жизнь. Жизнь его была его сознаніе жизни, которое и происходило въ условіяхъ его тѣлеснаго существованія; теперь нѣтъ для него тѣлеснаго существованія, значитъ онъ не живетъ. И какъ онъ умеръ, такъ и я умру.— Торопятся дѣлать такое заключеніе подъ вліяніемъ страха смерти. Но стоитъ внимательно, безъ предвзятаго мнѣнія и страха, обдумать условія смерти близкаго человѣка для того, чтобы еще очевиднѣе разсѣялось суевѣріе смерти. Братъ мой умеръ. Что же сдѣлалось? Сдѣлалось то, что форма сознанія, въ которой жилъ

братъ исчезла изъ моихъ глазъ и ничего не осталось, кромѣ воспоминанія. А я говорю, мой братъ умеръ, исчезло и его сознаніе, такъ же исчезну и я. Разсужденіе это неправильно уже потому, что я предполагаю уничтоженіе сознанія. А сознаніе не могло исчезнуть потому, что оно одно дѣйствительно было. Но допустимъ, что братъ мой умеръ и исчезло все. Исчезло все, но что-то осталось. Осталось воспоминаніе. Что такое это воспоминаніе, такое простое и, какъ кажется, понятное слово? Исчезли формы кристалловъ, животныхъ — воспоминаніе не можетъ быть между кристаллами и животными. У меня же есть воспоминаніе моего друга и брата. И воспоминаніе это тѣмъ живѣе, чѣмъ болѣе этотъ другъ и братъ жилъ разумнымъ сознаніемъ. Воспоминаніе это не есть только представленіе, — воспоминаніе это есть какъ бы сила, оно дѣйствуетъ на меня точно такъ же, какъ дѣйствовалъ на меня мой братъ при своей жизни; оно требуетъ отъ меня то, чего требовало отъ меня при его жизни его разумное сознаніе. Мало того, воспоминаніе становится для меня болѣе обязательнымъ послѣ его смерти, чѣмъ оно было при жизни. Сила, бывшая въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же и, по мѣрѣ разумности моего умершаго друга, во сто, тысячу, милліонъ разъ увеличилась и дѣйствуетъ. И дѣйствуетъ какъ? Не какъ мертвое, призрачное, а какъ живое, гораздо болѣе живое, чѣмъ какимъ оно было прежде. Оно растетъ точно такъ же, какъ все живое. Какимъ же образомъ, чувствуя на себѣ эту живую, разумную силу, которая по моему же понятію не можетъ не быть сознательной,—какимъ же образомъ я могу утверждать, что мой умершій братъ лишился сознанія. Я могу сказать, что онъ вышелъ изъ того личнаго сознанія, въ которомъ я нахожусь,—вотъ и все; могу сказать, что я не вижу того центра сознаній, въ которомъ онъ теперь; не знаю даже того, какъ онъ сознаетъ, но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себѣ его разумную сознательную силу. Я смотрѣлъ въ отражающую поверхность на то, какъ держалъ меня человѣкъ; отражающая поверхность потускнѣла. Я не вижу больше, какъ онъ меня держитъ; но онъ все точно такъ же держитъ меня. Христосъ умеръ 1800 лѣтъ тому назадъ и плотское существованіе его было короткое, но сила его жизни дѣйствуетъ до сихъ поръ; она измѣнила весь міръ и измѣняетъ его и не только людей, животныхъ и природу.

Что же это дѣйствуетъ? Что это такое, бывшее прежде связаннымъ съ плотскимъ существованіемъ Христа, составляющее продолженіе и разрастаніе той же силы? Мы говоримъ, что это не жизнь, а послѣдствія ея, какъ скажутъ муравьи, копавшіе

около желудя, который проросъ и сталъ дубомъ, отѣняетъ ихъ, раздираетъ почву корнями, роняетъ сучья, листья, желуди, заслоняетъ свѣтъ, дождь, измѣняетъ все, что жило вокругъ него. «Это не жизнь дуба, — скажутъ муравьи, — а послѣдствія его жизни, которая кончилась тогда, когда мы сволокли этотъ желудь и бросили его въ ямку. Мы не знаемъ этой жизни, не видимъ ея, но силу ея дѣйствія видимъ, ощущаемъ ее и не перестаемъ видѣть и ощущать. Какова эта жизнь сама въ себѣ, мы можемъ гадать, если любимъ гаданье и не боимся запутаться; но если мы ищемъ разумной жизни, то для насъ довольно яснаго, несомнѣннаго, и мы не захотимъ портить ясное и несомнѣнное присоединеніемъ къ нему нашихъ гаданій о скрытыхъ отъ насъ вещахъ. Довольно намъ знать, что Христосъ и всякій человѣкъ, исполнявшій законъ жизни, отрекшійся отъ личности для жизни разумной, благой жилъ и живетъ послѣ исчезновенія своего плотскаго существованія. Это мы видимъ, наблюдая жизнь другихъ и ощущая и подчиняясь ихъ силѣ жизни и послѣ исчезновенія ихъ плотскаго существованія.

Та самая сила разумнаго сознанія, которая дѣйствовала на меня при его плотскомъ существованіи, продолжаетъ дѣйствовать еще сильнѣе, несмотря на то, что видимый мнѣ центръ этой силы его плотскаго существованія исчезъ. Что же это значитъ? Я могу думать только то, что сила эта имѣетъ теперь другой центръ, невидимый мнѣ. Я видѣлъ свѣтъ отъ горѣвшей передо мной травы. Трава эта потухла, но свѣтъ только усилился. Я не вижу причины этого свѣта, не знаю, чтò горитъ, но могу заключить, что тотъ же огонь, который сжегъ эту траву, жжетъ теперь дальній лѣсъ, котораго я не вижу, но свѣтъ котораго теперь ослѣпляетъ меня.

На людяхъ, оставляющихъ послѣ себя силу, продолжающую дѣйствовать, мы можемъ наблюдать и то, какъ эти люди, отрекшіеся отъ личности, никогда не могли и не сомнѣвались въ невозможности уничтоженія жизни. Христосъ говорилъ: я живу и вы жить будете. Вникнувъ въ жизнь такихъ людей, мы можемъ найти и основу ихъ вѣры въ непрекращаемость жизни и потомъ уже, вникнувъ въ свою жизнь, найти и въ себѣ эти основы. Христосъ говорилъ, что онъ будетъ жить послѣ исчезновенія призрака жизни, что онъ воскреснетъ. Онъ говорилъ это потому, что онъ уже тогда, во время своего плотскаго существованія, видѣлъ ту истинную жизнь, къ которой онъ шелъ; онъ зналъ въ себѣ уже при своемъ плотскомъ существованіи ту силу, которою онъ будетъ дѣйствовать на людей послѣ прекращенія своего плотскаго существованія. Эта сила, переворачивающая 1800

лѣтъ міръ и улучшающая его, уже тогда начинала дѣйствовать на фарисеевъ, учениковъ, на грековъ. Онъ видѣлъ уже во время своего плотскаго существованія лучи свѣта отъ той жизни, къ которой онъ шелъ.

То же видитъ и каждый человѣкъ, отрекающійся отъ личности и живущій разумной, благой жизнью. Какой бы тѣсный ни былъ кругъ дѣятельности человѣка—Христосъ онъ, Сократъ, добрый, безвѣстный, самоотверженный старичокъ, юноша, старушка, если онъ жилъ, отрекаясь отъ личности для блага другихъ, онъ здѣсь, въ этой жизни уже видитъ дѣйствіе той силы жизни, къ которой онъ идетъ,—онъ видитъ въ этой жизни лучи свѣта той жизни, и эти лучи, это дѣйствіе, видимое здѣсь, не только болѣе всего другого, но это одно дастъ силу, несомнѣнную вѣру въ неумаляемость, неумираемость и въ вѣчное усиленіе жизни.—Вѣру въ безсмертіе нельзя отъ кого-нибудь принять, нельзя себя убѣдить въ безсмертіи; чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо его сдѣлать своею жизнью. Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто уже вступаетъ въ нее своею этой жизнью. Зерно, если бы оно было сознательно, не могло бы повѣрить въ свое безсмертіе до тѣхъ поръ, пока оно не наклюнулось. Только тогда, когда оно въ себѣ будетъ уже чувствовать начало жизни въ этомъ бѣломъ безформенномъ росткѣ, тогда, и не имѣя ни малѣйшаго представленія о зеленомъ стеблѣ, о листьяхъ, о цвѣтѣ, о плодѣ, оно все-таки вѣрило бы въ безсмертіе.

Такъ мы привыкли къ суевѣрію нашей смерти, что когда, взглянувъ на жизнь въ ея истинномъ значеніи, откинешь это суевѣріе, то становится труднымъ понять даже, на чемъ зиждется это суевѣріе.

Какъ, когда разглядишь то, что въ темнотѣ напугало тебя какъ привидѣніе, никакъ не можешь опять возстановить того призрачнаго страха.

Представляется, что я умру и кончится моя жизнь, и эта мысль мучаетъ и пугаетъ, потому что жалко себя. Да что умретъ? Чего мнѣ жалко? Что я такое съ самой обыкновенной точки зрѣнія? Я прежде всего — плоть. Ну, что же, за это я боюсь, этого мнѣ жалко? Оказывается, что нѣтъ; тѣло — матерія—не можетъ пропасть никогда, нигдѣ, ни одна частичка. Стало быть, эта часть мною обезпечена, за эту часть бояться нечего. Все будетъ цѣло. Но нѣтъ, говорятъ, не этого жалко. Жалко меня, Льва Николаевича, Ивана Семеновича... Да вѣдь всякій ужъ не тотъ, какимъ онъ былъ 20 лѣтъ тому назадъ, и всякій день онъ уже другой. Какого же мнѣ жалко? Нѣтъ, говорятъ, не то. А жалко

типа, характера. Да чего же жалѣть типовъ? Точно такихъ же много въ моей семьѣ даже, если я женатый человѣкъ, эти типы еще болѣе интересные и красивые, разрослись и будутъ еще разрастаться. Но нѣтъ, говорятъ, не этого жалко. Жалко сознаніе меня, моего я. Но вѣдь сознаніе, мое разумное сознаніе, если оно было и привело меня къ отреченію отъ своей личности и къ жизни благой и разумной, было вѣдь не украшеніе моей личности, а была разумная, благая дѣятельность, выходившая изъ моей личности; а если она была таковою, то она уже живетъ и я долженъ видѣть ея дѣйствіе, могу радоваться при своемъ плотскомъ существованіи на ея проявленія и, видя ея дѣйствія, не могу вѣрить въ уничтоженіе ни ея, ни источника ея.

Мало того, если я только дорожу этимъ сознаніемъ, какъ дѣйствующей силой, я не могу не видѣть, что дѣйствію этой силы не только не содѣйствуетъ, но препятствуетъ моя личность. Такъ что, если есть въ моей жизни проявленіе разумной дѣятельности, то моя личность, мое присутствіе въ плотскомъ существованіи, во многомъ умаляетъ эту дѣятельность. Во имя чего же мнѣ жалѣть уничтоженія моего плотскаго существованія?

Вѣдь вся моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ я могу прослѣдить ее, состояла въ томъ, что я скидывалъ съ себя пережитыя оболочки. Я прежде, какъ мнѣ видится, былъ чѣмъ-то тѣлеснымъ, безсознательнымъ; потомъ это тѣлесное стало личность. Если это тѣлесное прежде подчинялось однимъ законамъ матеріи, оно какъ-то сбросило съ себя эти узы, отдѣлилось отъ нихъ и стало подчиняться однимъ законамъ животной личности. Потомъ изъ животной моей личности стало выдѣляться мое разумное сознаніе, и я узналъ себя живымъ, сбросилъ съ себя узы личности и выдѣлился изъ нихъ; и теперь какъ будто жалѣю о томъ, отъ чего я избавился, и хочу опять вернуться въ то, изъ чего я вышелъ выхожденіе изъ чего составляло мою жизнь. Вся моя жизнь, какъ она мнѣ видится, состояла въ томъ, что я изъ чего-то сложнаго, цѣльнаго понемногу выдѣлялъ то, изъ чего состояло это цѣльное. То я былъ одно, матерія, потомъ, отбросивъ законы животнаго, сталъ разумнымъ сознаніемъ. Теперь же я хочу, чтобы въ будущей жизни я опять соединилъ все то, что я въ этой жизни раздѣлялъ. Будущая жизнь, говорятъ, должна быть и тѣлесная и личная. Да вѣдь вся моя жизнь была не что иное, какъ движеніе отъ низшаго закона животной личности къ разумному сознанію, уничтожающему личность. Какъ же я пойду назадъ и, какъ цыпленокъ, войду назадъ въ скорлупу, изъ которой вышелъ? Вѣра въ личную, тѣлесную жизнь будущаго вѣка все равно, что если бы вишня, упавшая съ дерева, начавъ вянуть, задала себѣ вопросъ о

будущей жизни, сказала бы себѣ, что гдѣ-то, когда-то она, она самая, должна опять сдѣлаться тою же свѣжею, сочною вишней, и продолжала бы это утверждать и тогда, когда сопрѣла бы ея оболочка и послужила бы удобреніемъ другихъ растеній и пищей насѣкомыхъ, и косточка ея уже на-двое треснула и два сѣмени показались въ расщепѣ.

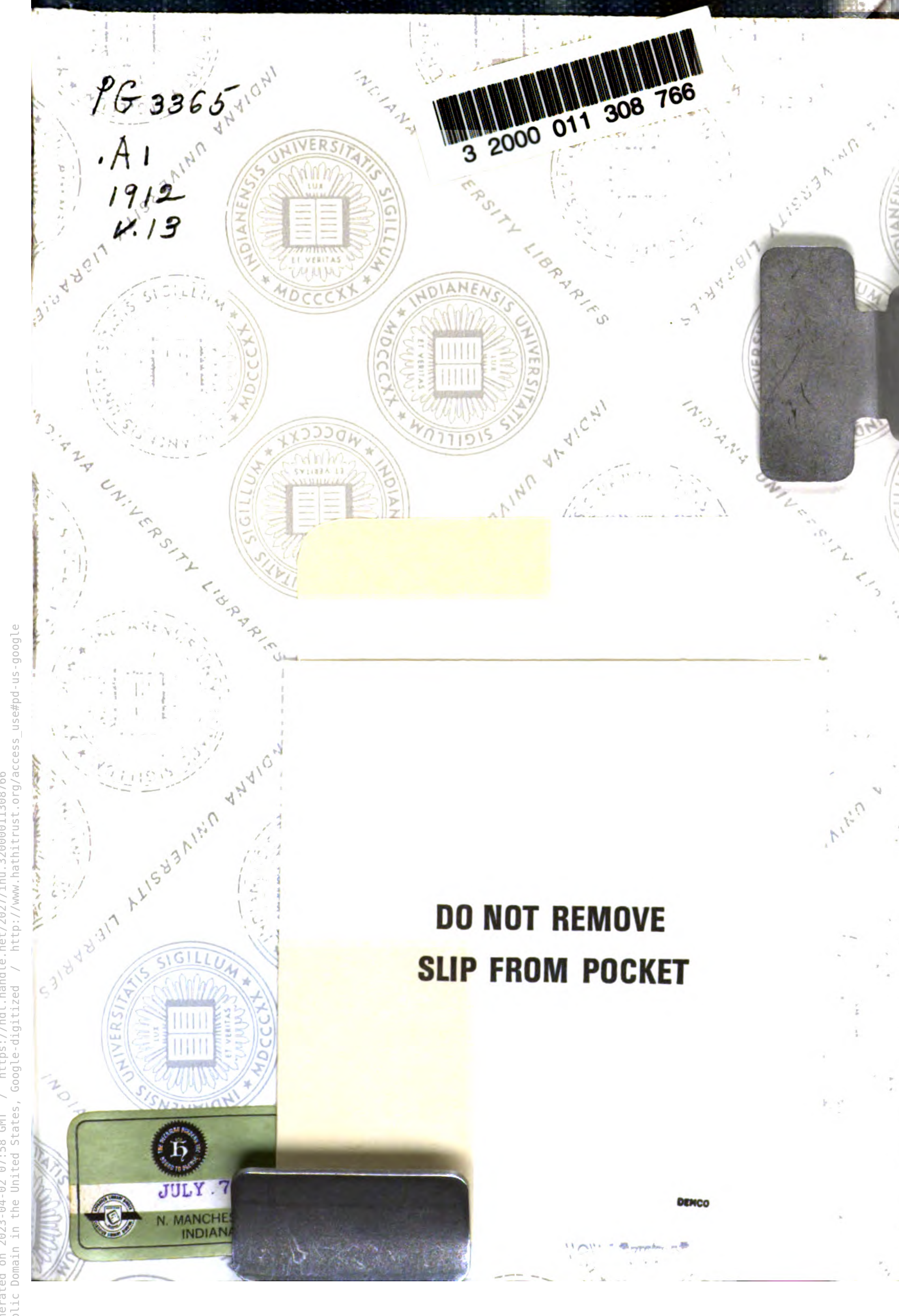
Вишня, которая упала, никогда больше не будетъ, потому что не зачѣмъ ей быть и не зачѣмъ самой вишнѣ желать этого. Ей кажется обиднымъ потерять себя только потому, что она не поняла еще себя и положила свою жизнь въ томъ, что не есть и не было жизнью. Жизнь не есть та или другая форма. Жизнь есть вѣчное движеніе отъ беззаконія къ закону, отъ неразумія къ разуму, отъ зла къ благу. И эту-то жизнь, какъ источникъ воды живой, не изсякающей и идущей въ жизнь вѣчную, мы носимъ въ себѣ. Такъ какъ же мы можемъ бояться за жизнь, жалѣть жизнь и искать жизни.

1887 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи 80-хъ и 90-хъ годовъ.

PG 3365
.A1
1912
v.13
3 2000 011 308 766
DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET
DEMCO
JULY 7
N. MANCHES
INDIANA